

UNIVERSITY OF WISCONSIN - MADISON
LIBRARY

Digitized by Google

ИСТОРІЯ ВОЙНЫ

И ВЛАДЫЧЕСТВА РУССКИХЪ

НА

КАВКАЗѢ.

Н. ДУБРОВИНА.

ТОМЪ I.

ОЧЕРКЪ КАВКАЗА И НАРОДОВЪ ЕГО НАСЕЛЯЮЩИХЪ.

КНИГА I.

КАВКАЗЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ ДЕПАРТАМЕНТА УДѢЛОВЪ, ЛИТЕЙНЫЙ ПРОСПЕКТЪ, Д. № 39.
1871

ИСТОРІЯ ВОЙНЫ

И

ВЛАДЫЧЕСТВА РУССКИХЪ

НА

КАВКАЗѢ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧЕРКЕСЫ (АДИГЕ).

НОГАЙЦЫ.

ОСЕТИНЫ (ИРОНЫ).

ЧЕЧЕНЦЫ (НАХЧЕ).

ДАГЕСТАНСКІЕ ГОРЦЫ.

КУМЫКИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Изложеніе военныхъ дѣйствій, двухъ или нѣсколькихъ воюющихъ народовъ, можетъ быть понятно только тогда, когда извѣстны современныя имъ матеріальныя и нравственныя средства, которыми могли располагать оба противника. Эти средства заключаются, главнѣйшимъ образомъ, въ административномъ устройствѣ самихъ государствъ или отдѣльныхъ обществъ и въ характерѣ ихъ населенія.

Изученіе этого характера и администраціи правительствъ должно предшествовать изученію военныхъ дѣйствій. Въ европейскихъ государствахъ администрація и правительства основаны на прочныхъ, близкихъ и почти одинаковыхъ началахъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ каждому. Среди же племенъ азіятскихъ, а въ особенности тѣхъ, которыя стоятъ на низкой степени развитія и даже находятся, можно сказать, въ патріархальномъ и первобытномъ устройствѣ, такое изученіе администраціи обществъ и народнаго характера становится необходимымъ для каждаго отдѣльнаго племени.

Это послѣднее должно быть съ особымъ вниманіемъ примѣнено и по отношенію къ Кавказу, гдѣ вполнѣ приложима русская поговорка: „что городъ—то норовъ; что страна—то обычай“.

Только ознакомившись съ бытомъ туземнаго населенія, можно

указать здѣсь на причины, вызвавшія какое либо распоряженіе, то или другое историческое событіе. Только при такомъ знаніи можно критически отнестись къ фактамъ, сдѣлавшимся достояніемъ исторіи. При изложеніи исторіи кавказской войны, болѣе чѣмъ гдѣ нибудь, необходимо изученіе народнаго быта, потому что, какъ увидимъ въ послѣдствіи, отсутствіе такихъ свѣдѣній между административными дѣятелями вело ко многимъ ошибкамъ, имѣвшимъ неблагопріятныя и серьезныя послѣдствія.

Тотъ, кто сталъ бы отрицать необходимость изученія народнаго характера, пусть объяснитъ, почему, напримѣръ, черкесы одинъ лѣсъ отстаивали отчаянно, дрались съ необыкновенною храбростью, и, если приходилось, ложились поголовно подъ русскими штыками, а другой не защищали вовсе? Почему тѣ же черкесы очень рѣдко защищали аулъ, тогда какъ жители Дагестана, напротивъ, оборонялись въ своемъ селеніи слишкомъ упорно?

Объясненіе этого явленія можно найти только въ особенностяхъ быта обоихъ народовъ.

Большая часть территоріи, населенной черкескимъ племенемъ, отличается плодородіемъ, обиліемъ лѣса и воды. Поэтому, если жена, дѣти и имущество были отправлены въ горы или въ безопасное мѣсто, то черкесъ легко кидалъ свою деревянную саклю и кусокъ обработанной имъ земли и, безъ сожалѣнія о нихъ, отправлялся далѣе въ горы и въ менѣе доступныя мѣста. При умѣренности въ пищѣ и питьѣ и при способности переносить всѣ роды лишеній, черкесъ зналъ, что и на новомъ мѣстѣ найдетъ такой же хлѣбородный кусокъ земли для посѣва кукурузы, его питающей; найдетъ въ изобиліи лѣсъ для постройки сакли и будетъ имѣть такую же чистую воду и пастбище для быковъ. А для него болѣе ничего и не нужно. Черкесъ защищался въ аулѣ только въ томъ случаѣ, когда находились въ опасности его жена, дѣти и имущество. Тогда онъ дрался съ отчаяніемъ и скорѣе самъ погибалъ, нежели уступалъ что-либо врагу.

Совсѣмъ въ другомъ видѣ представляется бытъ дагестанскаго горца.

Мѣсто, занимаемое жителями Дагестана, состоитъ, по большей части, изъ голыхъ, безлѣсныхъ и утесистыхъ скалъ, песчанаго или гранитнаго свойства; страна отличается недостаткомъ воды и хорошихъ плодородныхъ земель. За неимѣніемъ лѣса, горецъ строилъ свою хижину изъ камня; постройка ея стоила ему много труда, и потому онъ защищалъ свой аулъ отъ раззоренія. Покидая его, онъ зналъ, что не скоро найдетъ землю удобную для посѣва проса или кукурузы, необходимыхъ для его прокормленія; не найдетъ пастбищъ и корма для своего скота, потому что повсюду видны однѣ безплодныя скалы; наконецъ, зналъ и то, что для постройки сакли ему необходимо положить много труда и времени, и оттого, только по необходимости, рѣшался на переселеніе.

Эти особенности быта, съ одной стороны, вызывали и особенный характеръ военныхъ дѣйствій. Тотъ образъ войны, который былъ удобопримѣнимъ на правомъ флангѣ кавказской линіи и въ Чечнѣ, не могъ считаться хорошимъ въ Дагестанѣ или на лезгинской линіи.

Съ другой стороны, изученіе народнаго характера важно и для администратора, чтобы, крутымъ поворотомъ, не нарушить прежнихъ привычекъ народа: подобныя обстоятельства часто, въ особенности на Кавказѣ, служили причиною не только волненій, но и вооруженныхъ возстаній.

Изъ многихъ подобныхъ случаевъ можно указать на происшествіе, до сихъ поръ памятное многимъ на Кавказѣ.

Одинъ изъ кабардинскихъ князей женился на дочери другаго князя, съ обязательствомъ уплатить часть калыма (плата за невѣсту) по окончаніи ярмарки, на которой онъ разсчитывалъ продать табунъ лошадей. По прошествіи этого срока, зять все-таки не могъ внести остальной части калыма, и потому тесть, по народному обычаю, потребовалъ возвращенія дочери. Отдать жену, которую любилъ и отъ которой имѣлъ уже сына, молодой князь

не соглашался. Завязалось дѣло. Отвѣтчика вызвали въ Кисловодскъ, въ домъ пристава, куда князь и пріѣхалъ, окруженный, по обыкновенію, значительною свитою, всегда и всюду сопровождающею своего господина. Дѣло должно было рѣшаться по кабардинскому адату, и такъ какъ судьи не были еще собраны, а князь намѣревался возвратиться домой, то приставъ и приказалъ арестовать его.

Отвѣтчикъ и его свита садились уже на лошадей, когда отъ нихъ потребовали оружіе. Въ понятіи кабардинца, и вообще всѣхъ горцевъ, отнятіе оружія равносильно отнятію чести или жизни, и потому горецъ, по преимуществу гордый, дорожа своею честью, никогда не проститъ обиды, нанесенной покушеніемъ обезоружить его. Князь, при другихъ условіяхъ, исполнилъ бы приказаніе начальства безпрекословно, съ полною готовностію, но, при такой формѣ требованія, вышло иначе. Первый изъ посланныхъ, осмѣлившійся взять за поводья княжескую лошадь и потребовать отъ него оружіе, упалъ къ ея ногамъ съ раскроеннымъ черепомъ. Прислуга и свита князя выхватила винтовки и, разчищая ими дорогу, кинулась на улицу, но, будучи окружена войсками, укрылась въ первомъ попавшемся домѣ, въ кисловодскомъ благородномъ собраніи. Занявъ на хорахъ собранія крѣпкую позицію, кабардинцы навели свои винтовки прямо на двери, и едва только показались въ нихъ солдаты, какъ съ хоровъ посыпались выстрѣлы. Послѣдніе пошли на приступъ и, послѣ отчаяннаго сопротивленія кабардинцевъ, князь былъ убитъ, а подлѣ него легли всѣ вѣрные его спутники и слуги, заплатившіе жизнію за нарушеніе коренныхъ понятій о чести и долгѣ, сложившихся вѣками среди населенія ихъ родины.

Кого обвинить въ этой кровавой сценѣ: кабардинцевъ или кого другаго? Въ изложеніи быта черкескаго народа читатель увидитъ тѣ особенности, которыя обусловливали обязанности и отношенія различныхъ лицъ къ своему князю (1), и конечно не обвинитъ

(1) См. стр. 192—201.

ни самого князя, ни его слугъ, рѣшившихся скорѣе умереть, чѣмъ нарушить законъ, завѣщанный имъ ихъ отцами и предками.

Случай этотъ указываетъ на необходимость изученія народнаго характера и особенностей, существующихъ въ жизни каждаго племени, словомъ, на необходимость этнографическаго описанія, долженствующаго предшествовать изложенію военныхъ дѣйствій и историческаго хода распространенія русскаго владычества въ краѣ.

Описаніе это тѣмъ болѣе необходимо, что Кавказъ, если можно такъ выразиться, во многомъ изслѣдованъ учеными, но мало извѣстенъ публикѣ. Чтобы убѣдиться въ справедливости сказаннаго, стоитъ только прочесть нѣсколько рецензій о Кавказѣ въ нашихъ столичныхъ журналахъ, и тогда само собою обнаружится, что и рецензенты, бравшіе на себя обязанность разбирать подобныя сочиненія, были очень и очень мало знакомы съ страною, о которой судили и рядили. Для примѣра приведу русскій переводъ сочиненія Гакстгаузена „Закавказскій край". Сочиненіе это переполнено самыми грубыми техническими ошибками, въ смыслѣ географическихъ свѣдѣній и названій, а между тѣмъ рецензентъ (Современникъ 1857 г. т. 66), рекомендуя книгу, не видѣлъ ея недостатковъ и не нашелъ сказать ничего болѣе какъ то, что „отдѣльныя слова часто ставятся переводчикомъ не въ томъ значеніи, въ какомъ онѣ приняты въ общеупотребительномъ литературномъ языкѣ".

Еще не такъ давно, въ первой четверти настоящаго столѣтія, многія сочиненія и даже офиціальныя донесенія страдали неопредѣленностію сообщаемыхъ свѣдѣній.

Изъ многихъ статей и книгъ того времени можно вывести заключеніе, что было только два народа, съ которымъ мы дрались, напримѣръ, на кавказской линіи: это **горцы** и **черкесы**. На правомъ флангѣ мы вели войну съ черкесами и горцами, а на лѣвомъ флангѣ, или въ Дагестанѣ, съ горцами и черкесами, и лишь иногда, для разнообразія, какой нибудь авторъ пуститъ новое названіе, напримѣръ: черкесъ назоветъ черкасами—и только!

Все это тѣмъ болѣе странно, что ни одинъ уголокъ нашего отечества не имѣетъ столь обширной литературы, по всѣмъ отраслямъ знаній, какую имѣетъ Кавказъ, но за то все это разбросано отдѣльными статьями, по различнымъ газетамъ и журналамъ, и не представляетъ ничего цѣлаго.

Еслибы я могъ указать на какое-либо сочиненіе, хотя и не вполнѣ удовлетворяющее цѣли, но, по крайней мѣрѣ, нѣсколько знакомящее съ общимъ положеніемъ края, съ его особенностями и характеромъ народовъ его населяющихъ, то, конечно, не преминулъ бы воспользоваться этимъ, и сложилъ бы съ себя работу мнѣ не принадлежащую. Къ сожалѣнію, ни одно изъ такихъ сочиненій мнѣ неизвѣстно, и я, по необходимости, долженъ былъ взяться за побочный трудъ, не подходящій къ прямой цѣли моихъ занятій.

Передавая его на судъ лицъ, желающихъ до нѣкоторой степени ознакомиться съ краемъ, я хочу сказать нѣсколько словъ о томъ взглядѣ, который положенъ въ основаніе при его составленіи.

Описаніе историческихъ событій можетъ считаться вѣрнымъ только тогда, когда они изложены такъ, какъ происходили на самомъ дѣлѣ. Войскамъ и администраціи рѣшительно нѣтъ необходимости въ знаніи, кто былъ родоначальникомъ ихъ противника, и которое, по счету, поколѣніе живетъ на мѣстѣ столкновенія; но войскамъ необходимо знать, храбръ ли его противникъ или трусъ, а администраціи—каковы его силы, и въ чемъ заключается источникъ значенія или могущества непріятеля. Ей необходимо знать характеръ и бытъ того народа, съ которымъ она приходитъ въ столкновеніе, и среди котораго проявляется ея власть и значеніе. Войска и администрація поступаютъ, въ этомъ случаѣ, по тѣмъ общимъ законамъ, которые обусловливаютъ каждаго человѣка въ его частной жизни. Люди незнакомые, но, по обстоятельствамъ, вступающіе въ сношеніе между собою, прежде всего стараются изучить характеръ новаго знакомаго, его привычки, вѣрность въ исполненіи даннаго слова, и за тѣмъ, уже достаточно познакомившись, даже можно ска-

зать сблизившись, узнають родословную другъ друга. То же самое происходитъ и въ жизни народовъ, сталкивающихся и мало или вовсе незнакомыхъ между собою. Отсюда происходитъ то, что изложенiе народнаго быта, составляющее необходимое вступленiе къ описанiю хода историческихъ событiй, не требуетъ тѣхъ свѣдѣнiй, которыя необходимы при изложенiи полной этнографiи народа. Въ этомъ случаѣ нѣтъ никакой надобности забираться въ глубокую древность, искать происхожденiя того или другаго народа, времени поселенiя его на мѣстахъ, нынѣ ими занимаемыхъ, а совершенно достаточно ознакомиться съ характеромъ племенъ въ томъ положенiи, въ которомъ застали ихъ русскiя войска, впервые появившiяся на Кавказѣ.

Полагаю, нѣтъ надобности говорить при этомъ, что, для подобнаго изслѣдованiя, гораздо важнѣе прошлая жизнь племенъ, чѣмъ настоящая, та жизнь, которая была современна эпохѣ веденiя войны. Отъ этого въ очеркъ вошли и тѣ обычаи, изъ которыхъ, быть можетъ, въ настоящее время нѣкоторыя и не существуютъ; словомъ, очеркъ относится исключительно къ прошедшему времени. Съ другой стороны, та же самая конечная цѣль — описанiе военныхъ дѣйствiй — дозволила мнѣ не касаться этнографiи тѣхъ немногочисленныхъ племенъ, которыя живутъ разбросанно среди господствующаго населенiя. Не имѣя влiянiя на ходъ военныхъ дѣйствiй, такiя племена терялись или, такъ сказать, стушевывались за главнымъ населенiемъ, за другою народностiю. Къ числу такихъ племенъ принадлежатъ: малкарцы, или балкарцы, горскiе евреи, туркмены, курды удины, iезиды, персiяне и проч.

Желанiе быть по возможности краткимъ и остаться вѣрнымъ своей цѣли лишило меня возможности воспользоваться многими интересными подробностями, относящимися до быта описываемыхъ народовъ и ограничиться указанiемъ на тѣ источники, въ которыхъ каждый можетъ найти эти свѣдѣнiя сгрупированными въ одно цѣлое и составившими третью книгу этого тома.

Въ заключеніе я долженъ сказать, что въ издаваемомъ нынѣ первомъ томѣ, заключающемъ въ себѣ: „Очеркъ Кавказа и народовъ его населяющихъ“, все достоинство труда принадлежитъ, по праву, тѣмъ авторамъ, изслѣдованія которыхъ послужили мнѣ источникомъ для составленія настоящаго очерка, и имена которыхъ находятся въ третьей книгѣ этого тома. Не прибавляя отъ себя ничего новаго, я свелъ только въ одно цѣлое свѣдѣнія, разбросанныя по различнымъ архивамъ, журналамъ, газетамъ и отдѣльнымъ сочиненіямъ. Въ этомъ только и заключается вся моя заслуга. О недостаткахъ очерка я не говорю — ихъ много.

I.

Орографическій очеркъ Кавказа. — Раздѣленіе Кавказскаго перешейка на три части. — Очеркъ Предкавказья, Кавказа, главнаго хребта и сѣвернаго его склона. — Орографія Дагестана.

Простившись съ рѣкою Дономъ у Аксайской станицы, Земли Войска Донскаго, путешественникъ, почти до самаго Ставрополя, видитъ передъ собою одну широкою и безлюдную степь. На разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ, необозримая равнина только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пересѣкается небольшими рѣчками, которыя, въ дѣйствительности, не болѣе какъ ручьи, и притомъ съ стоячею, мутною и гнилою водою. Повсюду окружная мѣстность гладка и такъ ровна, что не на чемъ остановиться глазу. Отлогія и неглубокія балки (овраги), встрѣчающіяся на пути, извѣстны на перечетъ.

Негусто и населеніе этой мѣстности; выѣзжая изъ одной почтовой станціи, и до слѣдующей, рѣдко встрѣтишь одну-двѣ станицы, да и тѣ видны издали, за десятки верстъ.

Отъ границъ Ставропольской губерніи, т. е. перевалившись за черту Земли Войска Донскаго, начинается такъ называемый *Кавказскій край*.

Подъ именемъ Кавказскаго края извѣстенъ весь широкій перешеекъ, находящійся между морями Чернымъ и Каспійскимъ и ограниченный съ сѣвера землею войска Донскаго и Астраханскою губерніею, а съ юга границею Россіи съ Турціею и Персіею. Перешеекъ этотъ, соединяя Европу съ Азіею и владѣя двумя морями его омывающими, можетъ со временемъ служить торговымъ мѣстомъ свиданія народовъ двухъ частей свѣта, потому что одно море служитъ лучшею дорогою въ Европу, другое въ Азію.

Природа сама раздѣлила Кавказъ на три характеристичныя и отдѣльныя части: на *Предкавказье*, составляющее продолженіе равнинъ южной Россіи и простирающееся до самаго подножья горъ; на *Кавказъ*, или самый хребетъ, съ его многочисленными отрогами, хребетъ, пролегающій отъ Тамани до Баку, на разстояніи около тысячи верстъ, и наконецъ на *Закавказье*, или про-

странство, лежащее по южную сторону главнаго хребта, до самой границы нашей съ Персіею и Турціею.

Сѣверная половина Кавказскаго перешейка, или то, что мы назвали *Предкавказьемъ*, есть обширная равнина степной полосы южной Россіи, изрѣдка пересѣкаемая возвышенностями, не превышающими горъ средней Россіи. Равнина эта, въ свою очередь, раздѣляется на двѣ различныя части: одна, начинающаяся съ сѣверныхъ границъ края, отъ Земли Войска Донскаго и Астраханской губерніи и на югѣ касающаяся рѣкъ Кубани и Терека, тянется по ихъ теченію вплоть до морей Чернаго и Каспійскаго. Другая часть равнины пролегаетъ по подножію хребта горъ также отъ берега одного моря до другаго. Эта послѣдняя изрѣзана невысокими горными отрогами, идущими то паралельно главному хребту, то по теченію рѣкъ Лабы, Малки, Терека и Сунжи.

Первая часть *Предкавказья* есть степь въ полномъ значеніи этого слова, степь широкая, безлѣсная, безводная, изрѣдка только пересѣкаемая небольшими возвышеніями и балками (оврагами). Незначительныя рощи въ окрестностяхъ Ставрополя, да по обоимъ берегамъ рѣки Кумы, составляютъ единственную лѣсную растительность. Рѣчки и вообще вода рѣдкость въ этой мѣстности. Пять или шесть рѣчекъ, принадлежащихъ къ басейнамъ Маныча и Кумы, текущей въ Каспійское море—вотъ почти и вся водная система этого пространства.

Всѣ рѣки, составляющія систему Маныча, текутъ преимущественно по голой степи, отличаются недостаткомъ воды, большею частію дурнымъ ея качествомъ и иссякаютъ вмѣстѣ съ этою рѣкою.

Самая рѣка Манычъ представляетъ собою не болѣе какъ русло, пролегающее по степи между паралельно идущими буграми и издали похожее на широкую торную дорогу. Сухое лѣтомъ ложе Маныча состоитъ изъ непрерывнаго ряда овраговъ, рытвинъ, плесовъ, озеръ, соляныхъ болотъ (хаковъ) и солончаковъ, служащихъ проводникомъ для стока весеннихъ водъ.

Проложивъ себѣ этотъ путь, весеннія воды стекаютъ въ русло Маныча на самое непродолжительное время, послѣ чего рѣка высыхаетъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ образуемыхъ ею соленыхъ озеръ, сохраняющихъ воду въ теченіе цѣлаго лѣта.

Мѣстность, по которой пролегаетъ русло Маныча, нѣсколько западнѣе впаденія въ него рѣки Калауса имѣетъ наибольшее возвышеніе, и потому отсюда весеннія воды стекаютъ на двѣ стороны: на востокъ къ Каспійскому морю, образуя *восточный Манычъ* и на западъ къ Дону, образуя *западный Манычъ*, впадающій въ эту рѣку у Манычской станицы. Самымъ восточнымъ предѣломъ весеннихъ разливовъ водъ Маныча составляютъ озера Майли-Хоры, Кеке-Усуна и Састы, изъ коихъ послѣднее состоитъ изъ нѣсколькихъ озеръ и озеринокъ. Всѣ эти озера служатъ скопомъ водъ, идущихъ весною по восточному Манычу. Наполнивъ Састинскія озера, вода разливается по степи

и идетъ протоками въ озера Майли-Хору, Кеке-Усунъ и котловину Торцъ-Хакъ, гдѣ собственно и оканчивается теченіе восточнаго Маныча.

Западный Манычъ образуетъ также нѣсколько озеръ, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательно Соляное озеро Маныча, или Манычскій лиманъ, имѣющій до 70-ти верстъ длины и до 6-ти верстъ ширины. Лиманъ этотъ служитъ источникомъ добыванія соли для Ставропольской губерніи и Земли Войска Донскаго.

Почва степи, по которой протекаютъ оба Маныча, содержитъ въ себѣ соль въ большемъ или меньшемъ количествѣ. «Весеннія воды, насытившись солью въ степяхъ, стекаютъ въ Манычскую низменность и, испаряясь въ ней, мѣстами до-суха, оставляютъ послѣ себя то горько-соленыя озера, то солончаки, и вообще почву, чрезвычайно проникнутую солью. Почвенная вода, вслѣдствіе этого, также дѣлается всюду соленою и кормовыя травы могутъ рости только на буграхъ и возвышенностяхъ».

Изъ притоковъ Маныча, съ лѣвой стороны, наиболѣе замѣчательны: *Калаусъ*, получающій свое начало въ Воровсколѣсскихъ высотахъ и протекающій около 240-ка верстъ; *Большой Егорлыкъ*, вытекающій изъ Темнолѣсскихъ высотъ и протекающій до 280-ти верстъ, и наконецъ *Средній* или *Вонючій Егорлыкъ*, текущій между пологими берегами чрезвычайно медленно. Воды всѣхъ этихъ рѣкъ очень дурнаго качества, всегда мутны, отличаются дурнымъ запахомъ и содержатъ въ себѣ примѣси различныхъ веществъ, дѣлающихъ ихъ негодными къ употребленію въ пищу и питье.

Самая значительная рѣка степнаго пространства есть, безспорно, *Кума*. Вытекая съ сѣверной покатости Главнаго хребта горъ, рѣка эта въ верхнихъ и среднихъ своихъ частяхъ принимаетъ, съ обѣихъ сторонъ, много притоковъ, которые, во время полноводья, довольно значительны. Въ это время она дѣлается быстрою, глубокою и затопляетъ всю низменную долину.

Въ Куму впадаетъ съ правой стороны: рѣчки *Волчья* и *Дарья*, имѣющія хорошую воду во всякое время, *Залка* и *Большой Киркилы*, въ верхнихъ частяхъ котораго вода хороша, а далѣе дѣлается непріятнаго вкуса. Наиболѣе значительный изъ притоковъ Кумы рѣка *Подкумокъ*, съ его притоками, протекающій по долинѣ, которая выше Пятигорска открыта, ниже покрыта мелкимъ кустарникомъ, а при устьѣ довольно крупнымъ лѣсомъ. При мелководіи вода въ Подкумкѣ чиста и прозрачна, а при таяніи снѣговъ и полноводіи мутна. Съ лѣвой стороны въ Куму впадаетъ: *Тамлыкъ*, *Кумскія Барсуклы*, *Горькая* и *Буйвола*, всѣ они незначительны, пересыхаютъ лѣтомъ, и тогда жители довольствуются цвѣтущею, гнилою водою, сохраняемою въ запруженныхъ съ весны балкахъ.

Проѣзжая черезъ станицы или селенія, поселенныя возлѣ подобныхъ рѣчекъ, меня часто поражалъ смрадъ и запахъ отъ постоянно гніющей воды. Свѣжему человѣку нѣтъ возможности близко подойти къ такому басейну, а между тѣмъ жители многихъ селеній, неимѣющіе у себя колодцевъ, употребляютъ подобную воду въ пищу и питье. Красивый и здоровый видъ ту-

земнаго населенія свидѣтельствуетъ, впрочемъ, что вода эта, повидимому, не производитъ дурныхъ послѣдствій въ гигіеническомъ отношеніи.

Такой недостатокъ хорошей, прѣсной воды дѣлаетъ многія мѣста этой степи положительно необитаемыми. Даже и кочевые калмыки приходятъ сюда только позднею осенью, когда могутъ довольствоваться дождевою водою изъ лужъ, называемыхъ ими *цандыками*, или, съ наступленіемъ зимы, пользоваться снѣгомъ, изъ котораго и добываютъ воду. Лучшія мѣста, лучшія поселенія групируются около Кумы — единственной порядочной рѣчки этого степнаго пространства. По обоимъ берегамъ ея растутъ небольшіе лѣса, здѣсь поселено много станицъ, видны воздѣланныя поля, хорошія пастбища, но и эта рѣчка, неимѣющая много притоковъ, осушаемая знойнымъ солнцемъ, постепенно истощаясь, теряется въ болотахъ и пескахъ, не достигая моря. Два или три ряда мелкихъ озеръ, прудовъ и лужъ, соединяющихся едва замѣтными мочевинами, поросшими камышемъ и занесенными песками, обозначаютъ дальнѣйшее теченіе рѣки.

Недостатокъ лѣса и воды дѣлаетъ дожди въ степи весьма рѣдкими и порождаетъ засуху. Температура лѣтомъ переходитъ часто за 30° и изсушаетъ траву до такой степени, что, при поднявшемся вѣтрѣ, она превращается въ огромное облако пыли, разносимой па далекое разстояніе. Въ жаркіе іюльскіе дни прикавказскія степи утомительны и однообразны; всюду видны желтыя выгорѣвшія поля, которыя рѣдко поитъ едва журчащая по камнямъ струйка воды, и пустынныя станицы, въ которыхъ часто нѣтъ ни деревца, ни зелени: горячій песокъ подъ ногами, сверху чистое, безоблачное и голубое небо, съ боковъ грязныя стѣны избъ, да бурая солома на крышахъ, таковъ общій видъ станицы. Грустно смотрѣть на подобныя поселенія, въ которыхъ проживаютъ тысячи людей. Жара и жажда томитъ все живущее, а пить нечего, кромѣ соленой и гнилой воды. На всемъ окружающемъ лежитъ отпечатокъ утомленія, лѣни, и только неизмѣнный степной житель—вѣтерокъ просторно гуляетъ по всѣмъ направленіямъ, но и тотъ, какъ будто, боится забѣжать въ балки или проѣзды между увалами: тамъ духота нестерпимая.

Въ степи пусто, но просторно, тихо и ясно. На вѣткѣ бѣднаго кустарника, близъ дороги качается жаворонокъ; дорога бѣжитъ и теряется въ синевѣ дали, а тамъ, за нѣсколько десятковъ верстъ, виднѣется среди поля одинокая избушка съ плетневымъ заборомъ и навѣсомъ для лошадей: это почтовая станція, открытая для всевозможныхъ вѣтровъ, непогоды и зимнихъ мятелей.

Зимою, морозы достигаютъ здѣсь до 20°; вьюги и мятели свободно гуляютъ по степи и санный путь держится иногда въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, съ декабря до начала марта.

Таковъ общій видъ степи, у сѣверныхъ границъ которой кочуютъ калмыки, съ своими стадами и табунами тощихъ лошадей, и гдѣ живутъ линейные казаки, крестьяне государственныхъ имуществъ, и осѣдлые ногайцы;

дальше на юговостокъ, ближе къ Каспійскому морю, обитаютъ полукочевые карапапахцы.

Подвигаясь далѣе на югъ, степной характеръ мало по малу исчезаетъ. Сначала, вдали, обрисовывается нѣсколько зеленыхъ стрѣльчатыхъ тополей, мѣстность дѣлается болѣе волнистою, тамъ и самъ выдвигаются коническія верхушки холмовъ, дающія почувствовать, что степи скоро кончатся и впереди предстоитъ гористый Кавказъ.

Эта часть Ставропольской губерніи представляетъ возвышенную и открытую степную плоскость, перерѣзанную балками или оврагами. Къ берегамъ рѣкъ, орошающихъ эту мѣстность, возвышенности оканчиваются иногда обрывами или весьма крутыми скатами. Горные хребты здѣсь образуютъ уже нѣсколько значительныхъ высотъ, возвышающихся надъ всею мѣстностью и служащихъ какъ бы узлами всѣхъ возвышенностей, проходящихъ по Ставропольской губерніи. Къ числу такихъ возвышенностей принадлежатъ Воровсколѣсскія, Круглолѣсскія и Темнолѣсскія высоты.

Съ окрестностей Георгіевска и Пятигорска мѣстность становится еще живѣе; видны невысокія горныя цѣпи, небольшіе лѣса и рощи; ручьи и рѣчки встрѣчаются нерѣдко и, разнообразя мѣстность, способствуютъ улучшенію климата; дожди, перепадая чаще, дѣлаютъ почву болѣе влажною и плодородною; пшеница родится здѣсь превосходно. Народонаселеніе этой мѣстности гуще и въ немъ замѣтно болѣе движенія и жизни. Многолюдныя станицы, Екатериноградская, Александровская и другія группируются по военно-грузинской дорогѣ, а въ сосѣдствѣ съ ними разсѣяны ногайскіе аулы, раскинутые верстъ на триста въ окрестностяхъ Ставрополя.

Эта вторая полоса равнины, имѣющая слишкомъ 800-тъ верстъ длины, мѣстами довольно узка, такъ что ширина ея часто не превосходитъ 30-ти или 40-ка верстъ. Въ средней своей части она представляетъ мѣстность болѣе или менѣе возвышенную и волнистую, а въ приморскихъ частяхъ низменную и совершенно плоскую.

На этомъ пространствѣ, начиная отъ берега Чернаго моря, пролегаютъ обширныя равнины Кубанская и Закубанская; далѣе, отъ р. Малки и до такъ называемаго Качкалыковскаго хребта — начинающагося у Сунженскаго ущелья — тянутся равнины: Кабардинская, Владикавказская и Чеченская. Послѣднія три, примыкая къ подножію горъ, ограничены: Кабардинская рѣкою Малкою и рѣкою Терекомъ; Владикавказская Карадагскимъ хребтомъ, западною частію Сунженскаго и верхнимъ теченіемъ рѣки Сунжи, и, наконецъ, Чеченская, рѣкою Сунжею и Качкалыковскимъ хребтомъ. Чеченская равнина чрезвычайно богата лѣсомъ, который въ Кабардинской и Владикавказской сохранился не въ такой степени и преимущественно по берегамъ рѣкъ.

Плодородная почва, роскошныя травы и теплый климатъ составляютъ от-

личительную принадлежность и характеристику равнинъ, прилегающихъ къ подножію горъ.

Непосредственно къ Чеченской равнинѣ прилегаетъ безлѣсная Кумыкская плоскость, заключенная между Терекомъ и Сулакомъ и ограниченная съ востока и юга Качкалыковскимъ хребтомъ и послѣдними покатостями сѣвернаго склона горъ. Плоскость эта не имѣетъ никакой покатости къ Каспійскому морю, такъ что орошающія ея рѣки, *Аксай*, *Ямань-су*, *Ярыкъ-су* и *Акташъ*, не достигаютъ моря, а, разливаясь по равнинѣ, образуютъ болотистую пустыню.

Переходъ отъ степной полосы къ равнинной слишкомъ рѣзокъ и поразителенъ: тамъ безлѣсье и безводіе, здѣсь неизмѣримый паркъ, обнесенный, какъ оградою, съ юга Кавказскимъ хребтомъ, съ сѣвера значительными рѣками, съ востока и запада двумя морями. Здѣсь развертывается Кавказъ во всемъ своемъ величіи—прихотливый, поэтичный и суровый. Теплый воздухъ освѣжается множествомъ источниковъ, рѣкъ и ручьевъ сбѣгающихъ съ горъ, которые, съ ихъ снѣговыми вершинами, составляютъ задній фонъ грандіозной и величественной картины.

Пользуясь теплымъ климатомъ, полоса эта обильна лѣсомъ, наполненнымъ фруктовыми деревьями, между которыми не рѣдкость чернословъ, персики абрикосы, шелковица, прекрасныя груши, баргамоты и виноградникъ.

Близость снѣговыхъ горъ отчасти причиною того, что на нѣкоторыхъ высокихъ плоскостяхъ этой полосы бываетъ довольно суровая зима и морозы доходятъ до 20°. Плодородная почва, обильныя и частыя дожди даютъ иногда неслыханные урожаи, а простая трава мѣстами достигаетъ человѣческаго роста. Не смотря на столь щедрую природу, она мало обработана и весьма мало населена. Линейные казаки, поселенные по близости горъ, долгое время владѣли землею, не считая десятинъ, и въ прежнее время горцамъ, выселявшимся въ наши границы, отдѣляли землю не десятинами, а цѣлыми пространствами, отъ одного какого нибудь урочища до другаго. Въ настоящее время земли эти поступаютъ въ надѣлъ и раздаются правительствомъ частнымъ лицамъ.

Населеніе этой полосы чрезвычайно разнообразно: по Тереку, Сунжѣ, Малкѣ, Кубани и Лабѣ поселены линейные казаки.

Восточнѣе или лѣвѣе Владикавказа живутъ чеченцы, рядомъ съ ними и немного сѣвернѣе, подлѣ Моздока, назрановцы, кисты и ингуши, принадлежащіе къ тому же чеченскому племени; противъ Кизляра и южнѣе его кумыки, разселившіеся до самаго Каспійскаго моря.

Противъ Владикавказа и немного западнѣе его поселились осетины; правѣе ихъ—ногайцы, а за ними, вплоть до Чернаго моря, черкесы и абазинцы, занявшіе оба склона Кавказскихъ горъ, какъ сѣверный, такъ и южный.

Кавказскій Водораздѣльный хребетъ, съ его отрогами, составляетъ громадный естественный рубежъ, раздѣляющій діагонально весь перешеекъ на двѣ неравныя части: на *сѣверную*, или большую (до 4,640 кв. миль), и *южную*, или мень-

ную (до 3,360 кв. миль) (¹). Имѣя наибольшее поднятіе въ срединѣ, Главный или Водораздѣльный хребетъ горъ постепенно понижается къ обоимъ морямъ: на сѣверо-западъ къ полуострову Таманскому, и на юго востокъ къ полуострову Апшеронскому.

Въ окрестностяхъ г. Шемахи хребетъ какъ будто останавливается и, сразу понизившись, разбѣгается въ разныя стороны нѣсколькими вѣтвями, сливающимися съ морскимъ прибрежьемъ.

Поразительно-художественный видъ представляетъ съ полей Кабарды Кавказскій хребетъ, выдвинувшійся громадною стѣною отъ одного моря до другаго. Вѣчно снѣжныя вершины его ярко рисуются на небѣ и блестятъ солнечнымъ свѣтомъ, прихотливо играющимъ во впадинахъ, по выпуклостямъ и переходящимъ то въ нѣжно голубой, то въ туманно-синій и бѣлый.

Прекрасны и поэтичны эти горы, но только издали. Стоитъ подойти къ нимъ ближе, подняться до снѣговой линіи, какъ восторгъ переходитъ въ удивленіе и, пораженный величіемъ и суровостію окружающей природы, человѣкъ чувствуетъ свое ничтожество. По мѣрѣ поднятія горизонтъ ограничивается вершинами утесовъ часто печальнаго, сѣраго цвѣта, безъ признака растительности. По нимъ ходятъ облака, лижутъ ихъ ребра; то скрываютъ, то раскрываютъ ихъ вершины, останавливаются на скалахъ, переплываютъ съ одной на другую, или, опустившись внизъ, покрываютъ туманомъ дорогу и проливаютъ дождь, то мелкій и продолжительный, то сильнымъ потокомъ низвергающійся на землю.

Поднимаясь еще выше, встрѣчаешь снѣгъ современный Ною. Вокругъ видъ дикій, мрачный и грозный: вѣтеръ свищетъ и своими порывами вздымаетъ снѣжную пыль; морозъ сковываетъ члены и спираетъ дыханіе. Здѣсь безсильно солнце и свѣтитъ—то оно издали, изъ за вершины какой нибудь снѣговой горы; природа здѣсь какъ будто умерла, окостенѣла отъ мороза, подъ снѣгами и льдомъ. Кругомъ безплодіе: ни куста, ни травки, словомъ, отсутствіе всякой жизни. Въ горахъ, весьма часто на значительномъ разстояніи, не слышно ни малѣйшаго звука, кромѣ воя вѣтра и изрѣдка паденія обвала, глухо раздающагося въ пропасти.

Начинаясь на берегу Чернаго моря, у крѣпости Анапы, горы идутъ въ юговосточномъ направленіи и изъ общаго пространства Кавказскаго края, составляющаго около 8,000 квадратныхъ миль, они занимаютъ до 3,857 миль; остальное пространство остается на долю равнинъ и плоскихъ возвышенностей.

Покрываемое горами пространство составляетъ около 2,600 квадратныхъ миль и они занимаютъ въ длину, по среднему юго-восточному направленію, около тысячи верстъ, а въ ширину, по сѣверо-восточному направленію, до 200 верстъ.

На первый взглядъ горный хребетъ расположенъ въ пять почти пра-

(¹) Цифры эти приведены по вычисленію Г. Н. Салацкаго, изслѣдованіемъ котораго я преимущественно пользовался при описаніи орографіи Кавказа.

вильныхъ и симетричныхъ рядовъ, которыми, какъ исполинскими стѣнами, сѣверная часть Кавказскаго перешейка отдѣляется отъ Закавказья.

Сѣверная или передняя къ намъ гряда состоитъ изъ низшихъ горъ, покрытыхъ густымъ лѣсомъ, и, по своему темному очертанію, называющихся *Черными* горами. За этою грядою, и почти паралельно ей, идутъ высшія горы, болѣе крутыя и обрывистыя, съ весьма малою растительностію, а въ срединѣ пролегаетъ Водораздѣльный, или Главный хребетъ Кавказскихъ горъ.

По южную сторону Главнаго хребта опять тянутся точно такія же горы, почти голыя, крутыя и обрывистыя, а наконецъ за ними линія лѣсистыхъ низшихъ горъ, отъ подножія которыхъ начинается *Закавказскій край*.— Только по обоимъ своимъ концамъ, приближаясь къ берегамъ двухъ морей, горы нарушаютъ правильность своего расположенія. Въ безпорядкѣ, сплошными массами, или образуя родъ узловъ, напираютъ они на морскія берега.

При болѣе внимательномъ разсматриваніи горной системы, общій характеръ расположенія горъ видоизмѣняется въ подробностяхъ.

Подъ именемъ Главнаго хребта извѣстенъ тотъ громадный, хотя и не самый высокій кряжъ, который, начинаясь отъ береговъ Чернаго моря, у Анапы, и не прерываясь нигдѣ ни поперечными равнинами, ни долинами, ни ущельями, идетъ почти до самаго Каспійскаго моря, гдѣ оканчивается горою *Ильхи-дагъ*, находящеюся недалеко отъ впаденія въ море рѣчки *Сумгаитъ-чая* (1).

Образуя собою настоящую водораздѣльную линію, Главный хребетъ, носящій вслѣдствіе того названіе *водораздѣльнаго*, имѣетъ почти прямолинейное направленіе, и только между горами *Улукулъ* и *Борбало* онъ представляетъ ломаную линію, образующую нѣсколько острыхъ угловъ.

Постепенно возвышаясь отъ Анапы, Главный хребетъ до горы *Оштенъ* представляетъ характеръ второстепенныхъ горъ. На протяженіи же между горами *Оштенъ* и *Адай-хохъ*, онъ возносится, большею частію своихъ вершинъ, за границу вѣчныхъ снѣговъ и, почти въ такомъ положеніи, достигаетъ до горы *Баба-дагъ*, за которою начинаетъ понижаться и наконецъ сливается съ низменными берегами Каспійскаго моря. На протяженіи между горою *Сонгути-хохомъ*, находящейся нѣсколько западнѣе *Адай-хоха*, и горою *Баба-дагомъ*, средняя абсолютная высота главнаго хребта достигаетъ до 11,240 футовъ, т. е. такой высоты, которая на 257 футовъ выше нижняго предѣла вѣчныхъ снѣговъ. Впрочемъ на всемъ этомъ пространствѣ возвышеніе главнаго хребта не одинаково; наибольшее приходится на западную и въ особенности на восточную оконечности, а средняя часть (между Гуданью и Хииривомъ) на 640 футовъ ниже снѣговой линіи. Къ высочайшимъ вершинамъ на этомъ пространствѣ принадлежатъ горы: *Базаръ-дюзъ*, въ 14,722 фута; *Тхфанъ-дагъ*, въ 13,764 фута; *Зильча-хохъ*, въ 12,645 футъ; *Салаватъ-дагъ*, въ

(1) См. прилагаемую при семъ карту Кавказскаго края.

фута и *Барболо Большой*, въ 10,807 футъ абсолютной высоты. ...высокіе перевалы черезъ Главный хребетъ находятся между *Бегюлемъ ...-дагомъ*, изъ которыхъ опредѣлена высота только одного, но на...ію тропы, пролегающей изъ деревни Куткашинъ въ деревню Хиналугъ; ...ь этотъ достигаетъ до 11,068 футъ. Затѣмъ слѣдуетъ *Кадласанскій* ...ь (10,770 футъ), между Ляхвою и Терекомъ, и самый низкій, *Бу...кій* (7,746), между Гудомакарскою Арагвою и Терекомъ. Немного ...ослѣдняго подымается перевалъ черезъ *Крестовую гору* (7,957 ф.), ...рой пролегаетъ военно-грузинская дорога.

...и на половинѣ длины Главнаго хребта, у горы *Сонгути-хохъ*, отдѣ...отъ него громадный боковой хребетъ, который, сохраняя по большей ...направленіе паралельное Водораздѣльному хребту, простирается почти ...го Каспійскаго моря.

...сѣкаемый поперечными ущельями Ардона, Терека, Ассы, Аргуна, Ту... Алазани, Ори-Цхали и Аварскаго Койсу, хребетъ этотъ имѣетъ на...іе сначала востоко-юго-восточное, потомъ юго-восточное и, наконецъ, ...восточное. Покрытый, отъ своего начала до горы *Диклосъ-мта*, вѣч...снѣгами и ледниками, онъ подпимается среднимъ числомъ до 14,420 ...бсолютной высоты, и, такимъ образомъ, на 1,756 футъ превы...самыя высокія части Главнаго, или Водораздѣльнаго хребта. Высочай...ошина этого хребта есть конусообразная и голая гора *Казбекъ*, ко...остигаетъ до высоты 16,546 футъ. За Казбекомъ, по высотѣ, слѣ...ники: *Гимарай-хохъ*, въ 15,673 фута; *Адай-хохъ*, въ 15,244 фута ...*лосъ-дагъ*, въ 14,781 футъ абсолютной высоты.

...га, покрывающіе вершину Казбека, служатъ запасомъ для образованія ...въ, изъ которыхъ самый замѣчательный, по своей длинѣ и гибель...обваламъ, Девдоракскій ледникъ. Спускаясь по крутой долинѣ рѣки ... впадающей нѣсколько выше Дарьяльскаго ущелья въ долину Терека, ..., во время обвала, заваливаетъ эту послѣднюю долину льдомъ и кам... высоту отъ 300 до 500 футъ. Остановленныя въ своемъ тече...и Кабахи и Терекъ затопляютъ тогда долины, до тѣхъ поръ, пока ...ибутъ льда и, съ необычайной быстротой, не ринутся по своему ...у ложу.

...хребта, главный и боковой, связываются между собой семью попе... перемычками, образующими столько же обширныхъ котловинъ: *Нар...* (Ардонскую), *Терскую*, *Ассинскую* и лѣсистую *Аргунскую*, по ...ъ протекаютъ рѣки того же имени, составляющія басейнъ рѣки ...

...нская котловина отдѣляется отъ *Тушинской* и такъ называемаго ...а поперечнымъ хребтомъ, связывающимъ горный узелъ *Барбало* съ ...ю боковаго хребта, *Тебулосъ-дагомъ*. Тушинская лѣсистая котловина, ...ая р. Тушинскою Алазанью и многочисленными ея притоками, нача...

наетъ собою рядъ дагестанскихъ котловинъ.—Непосредственно за Тушинскою слѣдуетъ *Андойская* котловина и самая обширная и обильная лѣсомъ *Анкратльская*, омываемая водами, образующими Аварское-Койсу. Воды послѣднихъ трехъ котловинъ, посредствомъ Андійскаго и Аварскаго-Койсу, сливаются въ Сулакъ. Поперечная гряда, соединяющая горы *Анхималъ* и *Саридахъ*, отдѣляетъ Анкратльскую котловину отъ продольной и безлѣсной долины *Самура*, выходящей на равнину, располагающуюся вдоль берега Каспійскаго моря, между Дербентомъ и устьемъ рѣки *Сумгаитъ-чая*.

На большей части протяженія Самурской долины и до оконечности главнаго хребта сѣверный склонъ его пересѣкается передовою цѣпью, прорванною множествомъ поперечныхъ долинъ. Нѣкоторыя вершины этой цѣпи находятся за снѣжною линіею: такъ, напримѣръ, гора *Шахъ-дагъ* имѣетъ 13,951 футъ, *Шалбузъ-дагъ*—13,679 футъ и *Кызылъ-кая* — 12,247 футъ абсолютной высоты.

Сѣверную половину Кавказскаго перешейка наполняетъ сѣверный склонъ Кавказскаго хребта, состоящій изъ двухъ полуэлипсоидальныхъ массъ, которыя, глубокимъ ущельемъ Терека, раздѣляются на двѣ неравныя части: на *западную*, имѣющую до 580 верстъ въ длину (считая по главному гребню) и до 100 верстъ въ ширину, и на *восточную*, около 420 верстъ въ длину и 140 верстъ въ ширину. Наименьшая ширина сѣвернаго склона, или его поперечникъ, находится при живописномъ Терекскомъ ущельѣ, извѣстномъ подъ именемъ *Дарьяльскаго*, и можетъ быть опредѣленъ «разстояніемъ отъ Владикавказа до перевала Гудъ-горы, позади Коби, составляющимъ, по прямому направленію, до 60 верстъ». Оба полуэлипсоида имѣютъ довольно плоскіе склоны и, только при приближеніи другъ къ другу, пріобрѣтаютъ альпійскій характеръ съ крутыми обрывами.

Основаніемъ западной полуэлипсоидальной выпуклости сѣвернаго склона Кавказскихъ горъ служитъ плоско-выпуклый сводъ, образующій значительный контрфорсъ, наполняющій собою пространство между Малкою и истоками Кубани. На этомъ сводѣ, служащемъ порбымъ началомъ раздѣла водъ Чернаго и Каспійскаго морей, ближе къ главному хребту, на высотѣ около 11,000 футъ, находится основаніе высочайшей конусообразной горы *Эльбрусъ*, оканчивающейся двумя снѣжными вершинами: западною въ 18,571 футъ и восточною въ 18,453 фута. Съ высоты 11,200 футъ Эльбрусъ покрытъ уже вѣчнымъ снѣгомъ, изъ-подъ котораго выглядываютъ темныя его скалы, какъ небольшія пятна. По своему орографическому строенію, гора эта способствуетъ образованію многихъ ледниковъ, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны ледники, находящіеся въ верхнихъ долинахъ рѣкъ: Малки, Кубани, и въ особенности Баксана.

Къ западу отъ горы *Сонгути-хохъ*, сѣверный склонъ Кавказа состоитъ изъ контрфорсовъ, примыкающихъ къ главному хребту подъ прямыми углами и, на нѣкоторомъ отъ него разстояніи, поднимающихся крутыми утесами,

а потомъ понижающихся болѣе или менѣе отлогими скатами, которыми они и прилегають къ главному гребню. Уступы эти образують передовую цѣпь, которая, сохраняя до нѣкоторой степени паралельное направленіе, сопровождаетъ главный и боковой (на всемъ его протяженіи отъ Сонгути-хоха до Диклосъ-мты) хребты, и, «въ дальнѣйшемъ своемъ протяженіи на востокъ, пересѣкаетъ оконечности юго-восточныхъ дагестанскихъ цѣпей и образуетъ часть Сулако-Терскаго водораздѣла».

Цѣпь этихъ горъ, извѣстная подъ именемъ *Черныхъ*, прорвана многочисленными притоками Кубани и Терека; нѣкоторыя изъ ея вершинъ подымаются выше снѣговой линіи.

Отличительное свойство Черныхъ горъ состоитъ въ томъ, что южные ихъ скаты часто совершенно отвѣсны, тогда какъ сѣверные, на оборотъ, весьма отлоги. Оттого всѣ рѣки, пересѣкающія этотъ кряжъ, образують великолѣпныя ущелья, въ родѣ корридоровъ, съ отвѣсными и постепенно понижающимися на сѣверъ стѣнками. Къ числу такихъ живописныхъ ущелій можно отнести: Ахметовское, на рѣкѣ Большой Лабѣ, и Даховское, на Бѣлой. По выходѣ изъ тѣснинъ Черныхъ горъ, всѣ рѣки болѣе или менѣе расширяются и вступаютъ въ долины.

Постепенное пониженіе Черныхъ горъ къ сѣверу и, наконецъ, слiяніе ихъ съ низменными равнинами, прилегающими къ рѣкамъ Кубани, Малкѣ, Тереку и Сунжѣ, послужило основаніемъ къ образованію большихъ возвышенныхъ долинъ, изъ которыхъ нѣкоторыя чрезвычайно плодородны. На скатахъ этихъ горъ находятся богатыя и тучныя пастбища, и вотъ причина, почему скаты эти были наиболѣе населены горцами, которые, пользуясь закрытою лѣсистою мѣстностью, могли дѣлать безнаказанно набѣги на земли своихъ сосѣдей.

Къ Чернымъ горамъ, близъ прорыва черезъ нихъ рѣки Уруха, примыкаетъ невысокій кряжъ, простирающійся до крѣпости Грозной, гдѣ онъ образуетъ возвышенный лѣвый берегъ рѣки Сунжи. Прорвавшись черезъ этотъ хребетъ, рѣка Терекъ раздѣляетъ его на двѣ части: западную, имѣющую сѣверо-восточное направленіе и извѣстную подъ именемъ *Карадагскаго* (Псехешъ) хребта, и восточную, пролегающую сначала между Терекомъ и Сунжею, а потомъ вдоль лѣваго берега послѣдней, отчего и самый хребетъ называется *Сунженскимъ*.

Сѣвернѣе Сунженскаго хребта, въ среднемъ разстояніи верстъ около 17, и паралельно ему, между станицею Пришибскою, на Терекѣ, и Умаханъ-Юртовскою, на Сунжѣ, пролегаетъ такъ называемый *Терскій* хребетъ, наибольшая высота котораго не превышаетъ 2,307 футъ, а длина около 145 верстъ. Хребетъ этотъ составляетъ западное продолженіе *Качкалыковскаго* хребта, отъ котораго отдѣляется Сунженскимъ ущельемъ, и который, близъ Герзель-аула, примыкаетъ къ подошвѣ Кавказа.

Черныя горы на востокѣ, какъ мы сказали, входятъ въ соприкоснове-

ніе съ передовыми паралельными цѣпями, замѣчаемыми сѣвернѣе боковаго хребта и располагающимися то въ широтномъ, то въ юго-восточномъ направленіи. Эти послѣднія цѣпи, переплетаясь и взаимно пересѣкаясь между собою, участвуютъ въ образованіи весьма «замѣчательнаго водораздѣла, составляющаго полукруговую ограду нагорнаго Дагестана, или обширной котловины Сулака, къ которой котловины Тушинская, Дидойская и Анкратльская относятся какъ части къ цѣлому».

Водораздѣлъ этотъ, ущельемъ Сулака, раздѣляется на два хребта, изъ которыхъ одинъ г. Н. Салацкій называетъ *Сулако-Терскимъ*, а другой *Сулако-Каспійскимъ*. По сообщаемымъ тѣмъ же авторомъ свѣдѣніямъ, начальную часть Сулако-Терскаго водораздѣла составляетъ поперечная гряда, соединяющая вершину главнаго хребта, гору *Барбало*, съ вершиною боковаго хребта *Тебулосъ-дагъ* и разграничивающая котловину Аргунскую и Тушинскую. Далѣе отъ Тебулосъ-дага водораздѣлъ пролегаетъ по гребню боковаго хребта до горы *Диклосъ-мта*; отсюда по вершинамъ горнаго кряжа, соединяющаго гору Диклосъ-мта съ передовою цѣпью горъ, пересѣкаемыхъ Андійскимъ-Койсу, близъ Преображенскаго укрѣпленія, а Аргуномъ близъ укрѣпленія Евдокимовскаго. Пройдя потомъ верстъ пять по этой цѣпи, водораздѣлъ спускается на невысокую перемычку, соединяющуюся съ Черными горами.

Начало Сулако-Каспійскаго водораздѣла составляетъ поперечная гряда, соединяющая горы *Анхималъ* и *Сари-дагъ* и отдѣляющая Анкратльскую котловину отъ продольной Самурской долины. Отъ Сари-дага водораздѣльная линія проходитъ по гребню боковаго хребта, а «въ дальнѣйшемъ своемъ продолженіи водораздѣлъ пролегаетъ большею частію по передовымъ цѣпямъ, а иногда по связывающимъ ихъ перемычкамъ, и представляетъ весьма извилистую линію».

Сулакская котловина, ограниченная этими водораздѣлами и частію главнаго хребта, имѣетъ отъ *Барбало* до *Устисалу* до 170 верстъ длины, и отъ Анхимала до Сулакскаго ущелья до 100 верстъ въ ширину. Котловина эта, вмѣстѣ съ входящими въ составъ ея Тушинскою, Дидойскою и Анкратльскою котловинами, занимаетъ площадь въ 9,800 квадратныхъ верстъ. Она представляетъ горную массу, состоящую, главнѣйшимъ образомъ, изъ паралельныхъ цѣпей, которыя подчиняются юго-восточному направленію и пересѣкаются насквозь глубокими ущельями четырехъ Койсу. «Между цѣпями располагаются возвышенныя продольныя долины, прямолинейныя или дугообразныя, которыя ниспадаютъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ въ означенныя ущелья. Эти продольныя долины начинаются на линіяхъ раздѣла водъ Койсу, линіяхъ, связывающихъ паралельныя цѣпи» и образующихъ то вытянутыя нагорныя равнины, то ряды утесовъ. Сюда относятся плоскогорья, образующія нагорную страну Аваріи, ограниченную съ трехъ сторонъ теченіемъ Андійскаго и Аварскаго Койсу и достигающую до 7,244 футовъ абсолютной

высоты; затѣмъ далѣе идутъ плоскогорья, находящіяся между Аварскимъ и Кара-Койсу, и, наконецъ, самое замѣчательное изъ нихъ—играющее столь значительную роль въ военной исторіи—Гунибское, поднимающееся до 7742 фут. абсолютной высоты. Гунибское плоскогорье отдѣляется, глубокимъ ущельемъ Кара-Койсу, отъ плоской возвышенности, имѣющей 7,905 футъ абсолютной высоты, на которой, какъ разъ надъ андаляльскимъ селеніемъ Чохомъ, расположена гора *Турчи-дагъ*. Турчидагская терраса извѣстна какъ превосходная лѣтняя стоянка нашихъ войскъ. Большая часть этихъ плоскогорій окружены со всѣхъ сторонъ обрывами и связаны между собою водораздѣльными перешейками.

Каменистыя громады Аваріи возвышаются въ самомъ средоточіи этого горнаго пространства. Повсюду одинаково недоступная, Аварія, какъ бы самою природою была предназначена для того, чтобы повелѣвать обществами, поселившимися внизу, у ея подножія. Внѣшнее очертаніе Аварской плоской возвышенности имѣетъ видъ сектора, омываемаго Аварскимъ и Андійскимъ Койсу и замкнутаго хребтомъ *Тала-Кори*. Внутреннее пространство угла, образуемаго сліяніемъ вышеупомянутыхъ рѣкъ, занято недоступнымъ *Бетлинскимъ* кряжемъ (6,243 фут.); паралельно ему поднимается хребетъ *Арактау* (7,743 фут.); въ промежуткѣ между ними, сѣвернѣе селенія Моксоха, находится глубокое *Цатанихское* ущелье, а юговосточнѣе этого селенія расположилось замѣчательное *Балаканское* ущелье, имѣющее, при своемъ началѣ, не болѣе пяти саженъ и ограниченное изрытыми, каменистыми, почти отвѣсными стѣнами. Соединившись вмѣстѣ, у Цатанихскаго ущелья, хребты Арактау и Бетлинскій достигаютъ до Андійскаго Койсу и, оканчиваясь отвѣсно, образуютъ правый берегъ этой рѣки.

«Паралельно Арактау, тянутся уступами еще два хребта—*Танусъ-Баля* и *Тала-Кори*; послѣдній ограждаетъ Аварію съ юга и юго-запада. Пространство между ними составляетъ такъ-называемую Аварскую долину, въ которой и сосредоточивается почти все населеніе этого, нѣкогда могущественнаго, ханства. Аварская долина съ юго-востока ограничивается Гоцатлинскими высотами и, посредствомъ Кахскаго ущелья, выходитъ на Аварское Койсу; съ сѣверо-запада замыкается отрогами Тала-Кори, который, убѣгая на сѣверъ, къ Андійскому Койсу, образуетъ на берегахъ ея неприступное ущелье Тлоха».

На востокъ отъ Аваріи, по правому берегу Аварскаго Койсу, пролегаетъ *Койсубулинскій* хребетъ, замыкающій справа ущелье того же имени и достигающій высшею своею точкою, горою *Гаркасъ*, до 7,445 футъ. Хребетъ этотъ, на западъ, къ сторонѣ Койсу имѣетъ отвѣсныя скалы, а къ востоку спускается пологими скатами, покрытыми зеленью. Отроги Койсубулинскаго хребта, проходя черезъ шамхальство Тарковское и нижнюю часть Мехтулинскаго ханства, достигаютъ моря. Близъ селенія Аракапы, хребетъ принимаетъ названіе *Гаркаса* и распадается на три вѣтви: главный хребетъ идетъ мимо селенія Кодуха на Гергебиль и называется *Кодухскими* горами, а затѣмъ,

повернувъ на юго-востокъ, достигаетъ до селенія Кутиши, гдѣ и оканчивается, наполняя собою сѣверъ Даргинскаго округа. Двѣ же его отрасли, отдѣлившіяся близъ Аракана, идутъ почти паралельно между собою, причемъ сѣверная вѣтвь отдѣляетъ нижнюю часть Мехтулинскаго ханства отъ верхней, и оканчивается лѣсистыми горами у Губденя, а южная отрасль, «оградивъ съ сѣверо-востока глубокое и неприступное Аймакинское ущелье, останавливается на лѣвомъ берегу рѣки Лаваши-чай».

Къ сѣверу Койсубулинскій хребетъ значительно понижается и входитъ въ связь съ хребтами, прилегающими къ берегу Сулака, которые, изрѣзавъ правый берегъ этой рѣки множествомъ балокъ крутыхъ и заросшихъ колючкою, идутъ въ глубь шамхальства и оканчиваются у селеній Кумтеръ-кале и Капчугая. Вся эта мѣстность, въ высшей степени пересѣченная, является совершенно безводною, ближе къ морю песчаною и рѣшительно необитаемою.

Слѣдуя по направленію главнаго хребта къ востоку, мы встрѣчаемъ лѣсистый хребетъ Мечитль, который, отдѣлившись отъ главнаго хребта у горы Симура, достигаетъ своими отрогами до плоскогорья Аваріи и имѣетъ наибольшее возвышеніе въ центрѣ обществъ, живущихъ въ верховьяхъ рѣкъ Андійскаго и Аварскаго Койсу.

Далѣе на югъ по главному хребту, къ сѣверной его покатости, примыкаетъ громадный горный узелъ, составленный изъ первоклассныхъ вершинъ, *Гудуръ-дага*, *Акимала*, *Сари-дага* и, лежащей внѣ главнаго хребта, горы *Дюльты-дага*. Отъ этого узла, подобно вѣеру, расходятся хребты въ разныя стороны и одинъ изъ нихъ наполняетъ пространство между рѣками *Аварскимъ* и *Кара-Койсу* и соединяется, при посредствѣ Тилитлинской горы, съ Гунибскою плоскою возвышенностью; другой пролегаетъ между двумя истоками Кара-Койсу, и наконецъ третій между этою послѣднею и рѣкою Казыкумухское-Койсу.

Къ югу отъ Дюльты-дага отдѣляется на юго-востокъ довольно высокій хребетъ, который, слѣдуя по лѣвому берегу Самура и оканчиваясь у моря, покрываетъ собою значительное пространство влѣво отъ Самура, и своими отрогами спускается въ долины Кюринскаго ханства.

Южная сторона хребта, пролегающая вдоль лѣваго берега рѣки Самура, повсюду скалиста и крута, и только въ немногихъ мѣстахъ разбросаны на немъ небольшія площадки, способныя для хлѣбопашества и разведенія садовъ. Самыя рѣзкія противоположности и быстрые переходы отъ дикой и суровой природы къ зеленѣющимъ полямъ и селеньицамъ съ ихъ садами, наполненными тополями, чинарами и кипарисами, дѣлаютъ дорогу по берегу Самура чрезвычайно живописною. Отъ этого хребта, между верховьями Казикумухскаго Койсу и Чирахъ-чая, отдѣляется высокій *Кокмадагскій* хребетъ, который своими развѣтвленіями наполняетъ верхнія части Казикумухскаго ханства, Сюргинское и Кубачинское общество и всю Табасарань.

Избороздивъ послѣднюю по всѣмъ направленіямъ своими лѣсистыми и

отлогими возвышенностями, горы оканчиваются недалеко отъ берега моря, оставляя узкій проходъ, замкнутый Дербентомъ.

Въ соединеніи съ хребтомъ Салухскимъ, Кокмадагскій хребетъ служитъ водораздѣломъ между рѣками, впадающими въ Казикумухское Койсу и вливающимися непосредственно въ Каспійское море. Салухскій хребетъ, наполнивъ своими отрогами южную часть Акуши, верхній и нижній Кайтаги, сливается потомъ съ морскимъ прибрежьемъ. Восточная часть Самурскаго округа и весь Кубинскій уѣздъ изрѣзаны отрогами Главнаго Кавказскаго хребта, изъ которыхъ одни упираются въ Самуръ, другіе слѣдуютъ по его теченію и, наконецъ, третьи достигаютъ до моря, оставляя ровною только узкую полосу земли, расширяющуюся по мѣрѣ приближенія къ г. Кубѣ.

Таковъ общій видъ *Дагестана*, подъ именемъ котораго разумѣется горное пространство, заключенное въ прямоугольномъ треугольникѣ, вершина котораго находится на Апшеронскомъ полуостровѣ, а стороны ограничены западнымъ берегомъ Каспійскаго моря, главнымъ Кавказскимъ и, идущимъ отъ г. Барбало, Сулако-Терскимъ водораздѣльнымъ хребтами.

Послѣдній во многихъ сочиненіяхъ носитъ названіе Андійскаго хребта, хотя и нѣтъ никакихъ основаній къ присвоенію ему такого общаго названія. Служа водораздѣломъ между басейнами рѣкъ Терека и Сулака, хребетъ этотъ, какъ мы видѣли, состоитъ изъ многихъ отдѣльныхъ кряжей, и потому извѣстенъ дагестанцамъ подъ частными названіями, и ни одно изъ племенъ, населяющихъ Дагестанъ, не называетъ его Андійскимъ. Такъ, между Кистетіею и Ункратлемъ его называютъ Снѣговымъ; въ Андіи—Речельскимъ; въ Гумбетѣ—Джалдари-Мееръ и въ Салатавіи—Салатау.

Сѣверный скатъ Сулако-Терскаго хребта, будучи довольно отлогимъ и покрытымъ въ срединѣ и подошвахъ густымъ лѣсомъ, представлялъ надежное убѣжище для чеченцевъ и, частію, дагестанскихъ горцевъ, тогда какъ, напротивъ того, южный его склонъ покрытъ вообще скуднымъ лѣсомъ, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ представляетъ не менѣе скудныя пастбища, на которыхъ, какъ на оазисахъ, пріютились населенія дагестанскихъ обществъ: Технуцала, Андіи и Гумбета; въ средней и восточной своей части хребетъ суровъ, скалистъ и крайне затруднителенъ для сообщенія вдоль берега Андійскаго-Койсу. «Напримѣръ, говоритъ Окольничій, чтобы перейти изъ Андіи въ Гумбетъ, надо миновать отрогъ Буцрахъ, отходящій отъ хребта почти перпендикулярно теченію Койсу и прерываемый только въ одномъ мѣстѣ узкою трещиною—Андійскими воротами, черезъ которыя и пролегаетъ сообщеніе».

Вообще, по мѣрѣ удаленія въ глубь Дагестана, Кавказскій хребетъ отдѣляетъ отъ себя скалистые отроги, перерѣзанные мрачными, глубокими и малодоступными ущельями, проходъ къ которымъ возможенъ только по едва проходимымъ тропинкамъ. Здѣсь горы достигаютъ наибольшаго своего развѣтвленія и нигдѣ не являются столь дикими и суровыми.

Весь Дагестанъ состоитъ изъ хаоса горъ, безлѣсныхъ, каменистыхъ, окра-

шенныхъ или въ бурый цвѣтъ съ фіолетовыми оттѣнками, или подернутыхъ сизоватой дымкой. Дагестанскія горы представляютъ множество ломаныхъ линій и почти ни одной круглой. Здѣсь все угловато, все дробится на ущелья, состоитъ изъ ущельевъ, горныхъ закаулковъ и трущобъ. Смотря на этотъ хаосъ каменныхъ громадъ, нигдѣ непокрытыхъ зеленью, почти не вѣрится, чтобы и тутъ могли жить люди и пользоваться даже богатыми угодьями.

Пути сооообщенія, въ большей части Дагестана, состоятъ изъ тропинокъ, годныхъ только для верховой ѣзды. Тропинки эти почти всегда пролегаютъ по ущельямъ, на большей или меньшей высотѣ надъ ложемъ текущихъ въ ущельяхъ горныхъ рѣчекъ и потоковъ, или спускаются къ самому ихъ ложу, загроможденному камнями. При перевалахъ изъ одного ущелья въ другое, подъемы и спуски составляютъ наибольшее затрудненіе для проѣзжаго; нѣтъ возможности проложить тропу иначе какъ зигзагами, иногда въ нѣсколько десятковъ поворотовъ, на самомъ незначительномъ разстояніи. Крѣпкія и привычныя къ подобнымъ дорогамъ, горскія лошади, цѣпляющіяся по отвѣснымъ скаламъ какъ кошки, и тѣ съ большимъ трудомъ поднимаются по нѣкоторымъ тропинкамъ и требуютъ, чтобы при крутыхъ спускахъ всадникъ слѣзалъ съ нихъ. Часто, проѣзжая значительное разстояніе, всадникъ не видитъ ничего, кромѣ новаго заворота дороги вправо или влѣво и обрыва, по которому проложена весьма узкая и, въ добавокъ, осыпающаяся тропа (¹).

Зигзаги въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ узки, что на нихъ едва умѣщается лошадь. Горца не удивляетъ, что съ боку его отвѣсная бездонная пропасть, и онъ часто, слѣзши съ коня, совершенно равнодушно идетъ пѣшкомъ, не смотря на то, что каждый неловкій и невѣрный шагъ грозитъ паденіемъ въ бездонную пропасть. Чѣмъ выше поднимаешься на горы, тѣмъ бѣднѣе растительность, и на самой вершинѣ, къ снѣжной линіи, только мхи и ягели своею ярко-зеленою и красноватою зеленью оживляютъ скалы. По мѣрѣ подъема, воздухъ дѣлается рѣже и рѣже; дыханіе ускоряется и сердце бьется непріятно. Если при этомъ скроется солнце и появятся облака, то становится очень сыро и холодно до такой степени, что, не смотря на теплую одежду, сырость пронизываетъ насквозь. Облака, своими нижними, разорванными, клочьями, носятся надъ головою, то охватываютъ лѣсъ и лижутъ горы, находящіяся надъ путешественникомъ, то, разступаясь, открываютъ ихъ. Мало по малу обращаясь въ черную массу, они скрываютъ самые близкіе

(¹) Изъ путешествія по Дагестану.—Н. Воронова Сборн. Св. о Кав. Гор. выпус. I. Очеркъ Орографіи и Геологіи Кавказа.—Н. Салацкаго Записк. Кавк. Отд. Импер. Рус. Геогр. Общ. книга VII изд. 1866 г. Геологическіе очерки Кавказа.—Щуровскаго Русск. Вѣстн. 1862 г. № 2—4. Перечень событій въ Дагестанѣ.—Окольничій Воен. Сбор. 1859 г. № 1. Покореніе Кавказа. Рус. Вѣстн. 1860 г. № 11. Дорога отъ Тифлиса до Владикавказа Кавк. 1847 г. № 33. Очеркъ Сѣверной стороны Кавказа. Кавк. 1847 г. № 2. Изъ Черноморскаго края Н. Вороновъ. Русскій Вѣстникъ 1856 г., № 21.

предметы, и чувство одиночества овладѣваетъ человѣкомъ, видящимъ себя на небольшомъ клочкѣ земли, въ безпредѣльномъ пространствѣ, среди грозящей природы. Ослѣпительный блескъ молніи, а вслѣдъ за нею страшный ударъ грома, раскатывающагося по ущельямъ безчисленнымъ эхомъ, заглушается проливнымъ дождемъ, смѣняемымъ то снѣгомъ, то градомъ. Неожиданно налетѣвшій вѣтеръ, срывая снѣгъ съ вершины горъ, производитъ мятель, среди которой блистаетъ молнія и громъ, не перестающіе ни на минуту. Такая картина очаровательна при всей ея суровости!...

II.

Гидрографическій очеркъ Кавказа. — Басейнъ Чернаго и Каспійскаго морей. — Характеръ мѣстности, ея производительность и климатическія особенности. — Гидрографія Дагестана.

Познакомившись, до нѣкоторой степени, подробно съ общимъ направленіемъ Главнаго или Водораздѣльнаго хребта и сѣвернаго его склона, мы можемъ теперь подвести итогъ всему сказанному о характерѣ этой мѣстности и перейти къ гидрографическому ея описанію. Дѣлая общій или, такъ сказать, наглядный выводъ, мы увидимъ: что, на протяженіи болѣе шести-сотъ верстъ, отъ горы Оштенъ и до Салаватъ-дага, Кавказскій хребетъ образуетъ почти непрерывную цѣпь вершинъ, изъ которыхъ многія покрыты вѣчнымъ снѣгомъ, и что на значительной части этого протяженія горы раздваиваются на два высокихъ снѣговыхъ хребта, между которыми лежатъ глубокія котловины. Протекающія по нимъ рѣки прорываются узкими, часто мрачными ущельями, сквозь сѣверный снѣговой хребетъ, отчего южный, какъ линія водораздѣла, считается главнымъ, хотя высшія вершины, *Эльбрусъ*, *Казбекъ* и другія, не лежатъ въ этомъ хребтѣ, а или выдвинулись къ сѣверу, или находятся на сѣверномъ боковомъ гребнѣ. Гора Эльбрусъ образуетъ своими подошвами нѣсколько уступовъ и къ сѣверу пускаетъ отлогую отрасль, служащую водораздѣломъ между притоками Чернаго, Азовскаго и Каспійскаго морей. У самой подошвы Эльбруса берутъ начало: на западѣ рѣка Кубань, на востокѣ рѣки Малка, Баксанъ и другія.

Скатываясь съ подножья Эльбруса, *Кубань*, извѣстная у черкесовъ подъ именемъ *Пшизь* (что значитъ *князь рѣкъ*, или, въ буквальномъ переводѣ, *старый князь*), при самомъ своемъ началѣ питается многочисленными стоками съ той же горы, составляющими особый басейнъ, который можетъ

быть названъ Карачаевскимъ, отъ имени котловины [1], по которой протекають эти источники.

Прорвавъ Черныя горы, ниже Верхне-Николаевской станицы, Кубань постепенно спускается на низменность, и уже ниже Карачая постоянные броды встрѣчаются на ней рѣдко. Впрочемъ, въ большую часть года можно пріискать мѣсто для переправы черезъ Кубань, особенно на пространствѣ отъ ея истоковъ до впаденія въ нее рѣки Уруна; далѣе же переправа дѣлается возможною только при помощи мостовъ или паромовъ, въ особенности во время прибыли воды.

Прибыль воды въ Кубани бываетъ обыкновенно три раза въ годъ: во-первыхъ весною, въ мартѣ и апрѣлѣ; во-вторыхъ, лѣтомъ, въ концѣ іюня и въ началѣ іюля—въ обоихъ случаяхъ отъ таянія снѣговъ, и наконецъ третій разъ осенью, въ октябрѣ и ноябрѣ, отъ обилія дождей. Въ такое время масса воды въ Кубани почти мгновенно увеличивается и случается, что въ рѣкѣ, скорѣе чѣмъ въ часъ, вода подымается на аршинъ и болѣе, и тогда глубина ея мѣстами доходитъ до трехъ саженъ. При значительной прибыли воды, Кубань разливается и затопляетъ всѣ низменныя мѣста, въ особенности Черноморію и противолежащій ей лѣвый берегъ. Въ іюлѣ 1846 года разливъ Кубани, во многихъ мѣстахъ, доходилъ до 20 верстъ; вода затопила всѣ прибрежные закубанскіе аулы, истребила запасы хлѣба, сѣна и разрушила верки двухъ мостовыхъ нашихъ укрѣпленій.

Во время зимы Кубань, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, покрывается тонкимъ льдомъ, рѣдко удобнымъ для переправы; но замерзаніе и вскрытіе ея бываетъ непостоянно. Всего чаще она замерзаетъ въ половинѣ декабря, а вскрывается въ среднихъ числахъ февраля.

Протекая около 680 верстъ, Кубань признана судоходною до Тифлисской станицы, т. е. на 400 верстъ отъ ея устья; но для сплава лѣса она удобна почти отъ самыхъ верховьевъ, такъ что и теперь лѣсъ съ Теберды пригоняется въ Прочный-окопъ.

Въ своемъ теченіи Кубань подчиняется тѣмъ общимъ свойствамъ, которыя принадлежатъ горнымъ потокамъ. Всѣ горныя рѣки, стекающія съ Главнаго и второстепенныхъ хребтовъ, составляются изъ нѣсколькихъ ручьевъ, которые, слившись въ одинъ шумный и быстрый потокъ, стремятся съ значительною скоростью по глубокимъ ущельямъ, до выхода ихъ въ предгорную полосу. Вырвавшись на равнину, по мѣрѣ удаленія отъ горъ, скорость теченія уменьшается, и тогда рѣка, сообразно съ паденіемъ мѣстности, принимаетъ на дно песокъ, снесенный ею съ горъ. Отъ постоянной осадки песка дно постепенно возвышается, и рѣка, имѣя на равнинѣ плоскіе берега,

[1] Карачай не есть собственно котловина, а рядъ углубленій, образуемыхъ Главнымъ хребтомъ и его уступами. Западною границею Карачая служитъ водораздѣлъ между рѣками Тебердою и Даутомъ.

разливается на нѣсколько рукавовъ, а во время полноводія затопляетъ окружающую мѣстность. Та же плоскость береговъ причиною тому, что, при сильномъ напорѣ и прибыли воды, нѣкоторыя рѣки мѣняютъ свои русла. Глубина горныхъ рѣкъ бываетъ не одинакова и не постоянна: въ жаркое время рѣки образуютъ множество островов, мелей и бродовъ; весною же и осенью и во время таянія снѣговъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, онѣ быстро возвышаются и бываютъ проходимы въ бродъ только въ немногихъ мѣстахъ. По мѣрѣ приближенія къ устью своему, горныя рѣки разливаются и образуютъ болотистыя мѣста, почти никогда не пересыхающія.

Эти общія свойства составляютъ принадлежность и Кубани, въ которой, отъ быстроты теченія и обилія песка, глины и ила, вода почти всегда мутная, но вкусная и не вредная для здоровья.

Имѣя первоначально направленіе съ юга на сѣверъ, Кубань почти подъ прямымъ угломъ поворачиваетъ потомъ на западъ и въ этомъ направленіи впадаетъ однимъ рукавомъ въ Азовское море, а другимъ въ Черное, образуя, такимъ образомъ, обширную дельту, низменную и болотистую.

Всѣ прочія рѣки, вытекающія съ сѣверной покатости Кавказскаго хребта, западнѣе Эльбруса, вливаются въ Кубань съ лѣвой стороны. Таковы небольшія рѣчки *Даутъ*, *Теберда*, и нѣсколько большія, оба *Зеленчука—Большой* и *Малый*; послѣдній состоитъ изъ двухъ источниковъ: *Маруха* и *Аксаута*. Большой Зеленчукъ принимаетъ съ лѣвой стороны рѣчку *Кефаръ*, съ притокомъ *Бежгонтъ*.

За этими притоками слѣдуетъ рѣка *Урупъ*, протекающій около 180 верстъ и принимающій въ себя *Большой* и *Малый Тегени*. Урупъ вообще мелководенъ, количество приносимыхъ имъ водъ не велико, и рѣка почти вездѣ проходима, за исключеніемъ только того времени, когда, отъ таянія снѣговъ, вода значительно прибываетъ во всѣхъ рѣкахъ, получающихъ начало въ Главномъ хребтѣ. Берега этой рѣки во многихъ мѣстахъ покрыты хорошимъ строевымъ лѣсомъ.

Самыми значительными притоками Кубани можно считать рѣки *Лабу* и *Бѣлую* (Схагуаше). Лаба образуется изъ двухъ источниковъ: *Большой* и *Малой Лабы*, и длина теченія ея составляетъ около 250 верстъ. По выходѣ изъ Тамовскаго ущелья, она протекаетъ верстъ десять по долинѣ, а потомъ, прорывая Черныя горы, образуетъ Ахметовское ущелье, и, выйдя снова на равнину, принимаетъ воды Малой Лабы, прорывающейся сквозь Шахгиреевское ущелье, и течетъ далѣе по равнинѣ до самаго впаденія въ Кубань. Воды Лабы, въ противоположность Кубани, чисты и прозрачны; она чрезвычайно быстра и вовсе не судоходна. Съ правой стороны Лаба принимаетъ единственный значительный притокъ, рѣку *Чамлыкъ*, а съ лѣвой стороны рѣку *Ходзь*, съ ея притокомъ, рѣкою *Губсъ*.

Прорываясь Ирисскимъ ущельемъ черезъ Черныя горы, *Ходзь* замѣчательна обиліемъ известковыхъ частицъ, содержащихся въ ея водахъ и со-

ставляющихъ ея отличіе отъ всѣхъ прочихъ рѣкъ Кубанскаго басейна. Западнѣе этой рѣки, въ Лабу впадаютъ рѣчка *Чохракъ*, а потомъ *Фарсъ*, съ ея маловодными притоками: справа *Псефирью*, а слѣва *Кхатль* и *Серале*; наконецъ, послѣдними данниками Лабы можно назвать весьма незначительныя рѣчки: *Уль* и *Гіага*.

Всѣ рѣчки, впадающія въ Лабу, имѣютъ ту особенность, что въ низовьяхъ своихъ образуютъ болотистыя пространства, которыя встрѣчаются по Лабѣ весьма нерѣдко, на всемъ протяженіи отъ станицы Тенгинской до ея устья. Случается также, что вода въ этихъ рѣчкахъ, во время лѣта, пересыхаетъ, и тогда на всемъ пространствѣ между Лабою и Бѣлою остаются только нѣсколько источниковъ.

Бѣлая (Схагуаше) впадаетъ западнѣе Лабы и составляетъ послѣдній значительный притокъ Кубани. Получая начало въ Главномъ хребтѣ, неподалеку отъ горы Оштенъ, и протекая около 150 верстъ, Бѣлая, почти на половину своего протяженія, течетъ въ горахъ. Прорываясь черезъ Черныя горы Даховскимъ ущельемъ, стѣны котораго, понижаясь по направленію къ сѣверу, постепенно сближаются и, наконецъ, почти сходятся, рѣка эта всею массою своихъ водъ пробѣгаетъ въ этомъ мѣстѣ, какъ бы глубокою пропастью, отверстіе которой сверху составляетъ отъ 3 до 4 аршинъ. Съ правой стороны рѣка Бѣлая принимаетъ въ себя небольшія рѣчки *Дахо* и *Фюнфтъ*, а съ лѣвой *Курджипсъ* и *Пшеху*, составляющую самый значительный изъ ея притоковъ.

Подвигаясь далѣе на западъ, Кубань принимаетъ рѣку *Пшишъ*, съ лѣвыми ея притоками, *Матъ* и *Пчасъ*; рѣку *Псекупсъ*, съ ея лѣвыми притоками: *Дюсъ*, *Цаокъ*, *Чибій* и *Вуанобатъ*; затѣмъ слѣдуетъ *Супъ*, или *Супсъ*; *Убынъ*, съ его притоками: съ правой стороны: *Шебжъ*, *Афипсъ* и многими другими, и наконецъ рѣка *Адакумъ*. Между Убыномъ и Адакумомъ, по направленію къ Кубани, спускается съ горъ множество ручьевъ и рѣчекъ, но всѣ онѣ, образуя такъ называемые при-кубанскія плавни, теряются въ болотахъ, не доходя Кубани, или впадаютъ въ лиманы, которые образуетъ эта рѣка при своемъ устьѣ.

У поста Славянскаго начинается раздѣленіе водъ Кубани на отдѣльныя русла: тутъ беретъ начало *Кара-Кубань*, идущая прямо къ западу, тогда какъ главное русло поворачиваетъ къ сѣверу и отдѣляетъ отъ себя вправо широкій рукавъ, который извѣстенъ подъ именемъ *Протоки*. Впадая въ Азовское море, Протока ограничиваетъ Таманскій полуостровъ и болотистыя берега Кубани. Послѣдняя поворачиваетъ снова на юго-западъ и сливается опять съ Кара-Кубанью, образуя такимъ образомъ *Каракубанскій островъ*.

Начиная отъ Протоки, верстъ сорокъ внизъ до Андреевской почтовой станціи, берегъ Кубани представляетъ необозримую плавню, покрытую камышами, болотами, озерами и каналами. Слѣдуя по этой плавнѣ, часто приходится ѣхать буквально между двухъ стѣнъ камыша. Отъ Андреевской

...товой станціи и до г. Темрюка (верстъ 25) мѣстность имѣетъ хол...стый характеръ и глазамъ ѣдущаго представляются справа Азовское ...е, а слѣва воды Кубани, развѣтвляющіяся на многіе рукава и образую...е лиманы, при посредствѣ которыхъ она и сливается съ двумя морями. Такимъ образомъ, Кубань широкимъ желобомъ пролегаетъ вдоль Кав...скаго хребта ..., принимая въ себя нагорные ручьи и рѣчки, скаты...етъ ихъ въ два моря—Черное и Азовское. Берегъ этой рѣки не вездѣ ...инаково доступенъ: въ верхнемъ теченіи онъ часто обрывается кручей, ...въ нижнемъ заплываетъ плавнями. Всѣ боковыя воды Кубани падаютъ ... нее съ нагорной, лѣвой стороны, тогда какъ съ правой стороны она ... имѣетъ ни одного значительнаго данника, ни одного сколько-нибудь за...луживающаго вниманія притока.

Пространство, прилегающее непосредственно къ лѣвому берегу Кубани, ...авнѣйшимъ образомъ состоитъ изъ трехъ большихъ равнинъ, изъ кото...ыхъ каждая рѣзко отличается своими качествами отъ двухъ остальныхъ. ...ервая изъ этихъ равнинъ лежитъ между подошвами отроговъ Кавказскаго ...ребта, рѣками Кубанью и Абиномъ, притокомъ Афипса; вторая находится ...ежду Афипсомъ, Фарсомъ, Кубанью и послѣдними высотами Кавказскихъ ...ръ, и наконецъ третья—между Лабою, Кубанью и послѣдними высотами, ...бразуемыми Черными горами.

На первой изъ этихъ равнинъ, рѣки, не доходя верстъ десять или пят...адцать до рѣки Кубани, разливаютъ воды свои по равнинѣ, образуя огром...ныя болота, проходимыя только во время зимы, когда они замерзаютъ. ...ролегая верстъ шестьдесятъ по берегу Кубани, болота эти достигаютъ до 20 верстъ ширины, въ особенности въ томъ мѣстѣ, гдѣ Кубань отдѣляетъ отъ себя рукавъ Кара-кубанскій. Между рѣками Адакумомъ и Кубанью, болото покрыто сплошь водою, отчего и называется озеромъ *Харамъ-Соагъ*.

Вторая равнина, лежащая между Афипсомъ и Фарсомъ, изобилуетъ хорошими пастбищами и способна прокормить значительное населеніе, но мѣста, прилегающія къ самой Кубани, болотисты и имѣютъ климатъ весьма вредный для здоровья.

Равнина, пролегающая между Кубанью и правыми берегами Лабы и Чамлыка, безводна и безлѣсна, перерѣзана во многихъ мѣстахъ и по разнымъ направленіямъ сухими балками, въ которыхъ только иногда, при сильныхъ дождяхъ, показывается вода. Все народонаселеніе этой мѣстности тѣснится по берегамъ рѣкъ. Лѣтомъ жары достигаютъ здѣсь до 40 градусовъ, и тѣмъ болѣе несносны, что нечѣмъ утолить жажды и негдѣ укрыться отъ дѣйствія палящихъ лучей солнца. За то, по мѣрѣ удаленія отъ береговъ Кубани и приближенія къ горамъ, богатство края и производительность его почвы быстро возрастаютъ. Почти съ той точки, откуда Кубань начинаетъ дѣлаться судоходною, горы освобождаются отъ вѣчнаго снѣга и дѣлаются обитаемыми до самой ихъ вершины. Не только долины, но и горбы горъ покрыты

столь сильною растительностью, что самыя небольшія пространства земли могутъ питать значительныя поселенія. Тучныя пастбища, способныя прокормить огромныя стада скота и табуны лошадей, встрѣчаются на каждомъ шагу. Обильные ярко-цвѣтущими растеніями, луга и лѣса способствуютъ пчеловодству, которое можетъ со временемъ сдѣлаться значительнымъ источникомъ дохода. По опыту, пчельникъ въ 200 ульевъ приноситъ 200 пудовъ меду, который на мѣстѣ продается не менѣе какъ по пяти рублей.

Чѣмъ ближе станемъ подвигаться къ устью Кубани, тѣмъ Кавказскій хребетъ дѣлается ниже, очертаніе его плавнѣе, размашистѣе и самая производительность почвы сильнѣе. Отъ крѣпости Анапы и укрѣпленія Суджукъ-Кале до истока рѣки *Пчеда* горцы жили почти у самаго хребта, и обработывали ближайшія къ нему покатости, вообще удобныя для хлѣбопашества. Строевой лѣсъ составляетъ готовое и естественное богатство за-Кубанской равнины и виды его весьма разнообразны: начиная отъ дуба и сосны, до кедра и пальмы—все есть. Этому краю свойственны сливы, вишни, разные виды смородины, виноградъ, и въ особенности малина. Въ вершинахъ р. Теберды есть урочище, которое носитъ названіе малиновой рощи. Здѣсь въ бахчахъ (въ полѣ) растутъ арбузы и дыни; многія деревья извѣстны, по своему свойству давать отличную краску, въ особенности желтую, отчего, по мнѣнію нѣкоторыхъ, желтый цвѣтъ и сдѣлался національнымъ цвѣтомъ черкесовъ.

Площадь между рѣками Бѣлою и Лабою наиболѣе покрыта лѣсомъ: прекрасныя груши и яблоки составляютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этой мѣстности сплошные лѣса, но чѣмъ дальше къ востоку, тѣмъ больше лѣсъ рѣдѣетъ и встрѣчается рѣже.

На всемъ протяженіи отъ устья Кубани до рѣки Бѣлой, лѣса вообще простираются отъ гребня Кавказскаго хребта до послѣднихъ возвышенностей, ограничивающихъ предгорія. До рѣки Афипса, лѣса покрываютъ всѣ горы и доходятъ до самыхъ болотъ Кубани: это сплошная стѣна, за которою внутри существуютъ только небольшія поляны, занятыя въ прежнее время аулами и хуторами шапсуговъ и натухажцевъ. Отъ Афипса до рѣки Бѣлой, лѣса не занимаютъ уже сплошнаго пространства, но оставляютъ открытыя поляны, лежащія на возвышенности хребтовъ, пролегающихъ между рѣками. Долины рѣкъ покрыты и здѣсь густыми лѣсами, а потому дороги, которыя большею частью проложены по ущельямъ рѣкъ, проходятъ лѣсистыми дефилеями.

Отъ рѣки Бѣлой и до Кубани, лѣса находятся только небольшими рощами у Зеленчукской линіи и узкими лентами вдоль теченія рѣкъ Пчашъ, Пшишъ, Лабы, Чамлыка, Урупа и верховьямъ самой Кубани.

Запасы камня, годнаго для разнаго рода подѣлокъ, алебастръ, довольно хорошаго качества, залежи купороса, каменнаго угля, горной нефти и при-

ствіи присутствія въ горахъ металловъ—всѣ эти богатства составляютъ принадлежность Закубанья.

Правая сторона рѣки, покрытая казачьими станицами, составляетъ также одно изъ плодороднѣйшихъ мѣстъ Кавказа, причемъ производительная сила почвы дѣлается благодатнѣе и обильнѣе, по мѣрѣ приближенія къ берегу «*Милой рѣки*». Пшеница, извѣстная подъ именемъ *кубанки*, отличаясь превосходными качествами, имѣетъ немногихъ соперницъ.

Скаты берега, обращенные на югъ, способствуютъ разведенію винограда, развитію садоводства, винодѣлія, шелководства и т. п.

Къ востоку отъ горы Эльбрусъ, кромѣ рѣкъ Малки и Баксана, берутъ начало въ Главномъ хребтѣ: рѣки Черекъ, Урухъ и Ардонъ, составляющія бассейнъ рѣки Терека.

Терекъ послѣ Кубани есть самая большая рѣка въ сѣверной части Кавказскаго края. Получая начало у г. Казбека въ Осетіи, недалеко отъ истока Ардона, Терекъ имѣетъ сначала восточное направленіе, и, принимая въ себя множество потоковъ, течетъ въ горной котловинѣ, образуемой Водораздѣльнымъ и боковымъ хребтомъ. Обогнувъ подошвы Казбека, онъ принимаетъ сѣверное направленіе, течетъ въ узкомъ и скалистомъ ущельѣ, прорывается черезъ горы живописнымъ Дарьяльскимъ ущельемъ и, пробившись вторично черезъ Черныя горы, выходитъ на равнину у г. Владикавказа. Отсюда, до станицы Николаевской, Терекъ течетъ по равнинѣ двумя рукавами, а затѣмъ, слившись въ одно русло и прорвавшись черезъ Карадагскій хребетъ (Псехешъ), онъ, до впаденія Малки, составляетъ границу между Большою и Малою Кабардою. Принявъ воды Малки, Терекъ круто поворачиваетъ на востокъ и, пройдя верстъ около 180, снова принимаетъ, у Шелкозаводской станицы, сѣверное направленіе и отдѣляетъ отъ себя вправо *Карглинскій* рукавъ, сохраняющій воду только во время таянія снѣговъ. Рукавъ этотъ впадаетъ, въ семи съ половиною верстахъ ниже города Кизляра, въ новый Терекъ. Подобно Кубани, Терекъ отдѣляетъ отъ себя влѣво рукавъ, называемый *Прорвою*, который течетъ прямо на сѣверъ и, пройдя около 75 верстъ, впадаетъ въ Каспійское море, при селеніи Черный-Рынокъ.

Принявъ въ себя воды Малки и значительнаго праваго своего притока, рѣки Сунжи, Терекъ быстро несется до станицы Щедринской, откуда слѣдуетъ по ровной мѣстности въ совершенно плоскихъ берегахъ и раздѣляется на рукава, направленіе которыхъ измѣняется съ каждымъ годомъ. При раздѣленіи на рукава, Терекъ течетъ медленно, осаждаетъ на дно землистыя частицы и, постепенно засаривая ложе, прокладываетъ себѣ новыя русла, скатывая свои воды туда, гдѣ мѣстность имѣетъ болѣе наклона. Три версты ниже отдѣленія Прорвы, Терекъ отдѣляетъ влѣво отъ себя рѣку *Таловку*, которая, распадаясь на нѣсколько рукавовъ, вливаетъ свои воды въ Каспійское море. Близъ Кизляра, Терекъ раздѣляется на два рукава: сѣверный называется *Старымъ*, а южный *Новымъ Терекомъ*. Первый съ каж-

дымъ годомъ болѣе и болѣе засоряется, а вся масса воды стремится въ новый Терекъ, который раздѣляется, въ свою очередь, на многіе рукава, образуя весьма часто острова. Такимъ образомъ, при паденіи своемъ въ Каспійское море, Терекъ, вмѣстѣ со своими рукавами, образуетъ дельту, низменную и болотистую.

По всей длинѣ теченія на равнинной мѣстности, отъ постоянной осадки землистыхъ частицъ, снесенныхъ съ горъ, рѣка эта возвышаетъ свою поверхность, такъ что, въ настоящее время, поверхность воды «превышаетъ крыши домовъ прилежащихъ станицъ и постовъ на всемъ пространствѣ отъ Амиръ-Аджи-Юрта до устья, и во время наводненій особенно страдаетъ эта часть долины. Долина же лѣваго берега рѣки Терека, отъ Владикавказа до устья Малки, затопляется, чему способствуютъ сильныя разлитія множества его притоковъ. Терекъ наводняется, какъ и всѣ горныя рѣки, три раза въ годъ; лѣтомъ бываютъ самыя полыя воды. Тогда глубина его возвышается слишкомъ на сажень, броды и острова покрываются водою; съ каждымъ наводненіемъ болѣе или менѣе страдаютъ жители станицъ, а равно прибрежные посты и укрѣпленія».

Терекъ рѣдко замерзаетъ, но ледъ всегда несется по немъ съ большою быстротою, и тогда вода въ рѣкѣ бываетъ чиста и прозрачна; во время прибыли, вода мутна, но вкусна и здорова для употребленія въ пищу. Начиная отъ Карадагскаго хребта и до устья Сунжи, правый берегъ рѣки выше лѣваго, а затѣмъ, до впаденія въ море, оба берега одинаково низки. Вся долина Терека покрыта или большимъ лѣсомъ, или кустарниками, представлявшими въ прежнее время весьма хорошее закрытіе для хищническихъ непріятельскихъ партій, врывавшихся въ наши предѣлы.

Быстрота теченія причиною того, что переправы черезъ эту рѣку затруднительны; постоянныхъ и удобныхъ бродовъ весьма мало, и притомъ всѣ они находятся преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Терекъ раздѣляется на большое число рукавовъ и образуетъ много мелей.

Протекая, отъ истока до устья, около 450 верстъ, Терекъ принимаетъ множество притоковъ, изъ которыхъ мы упомянемъ только о наиболѣе замѣчательныхъ.

Одинъ изъ первыхъ притоковъ Терека, съ лѣвой стороны, составляетъ довольно значительная горная рѣка *Ардонъ*, получающая свое начало у горы Казбека въ Осетіи. Точно такъ же какъ и Терекъ, Ардонъ прорывается черезъ два хребта: сѣверный, Снѣговой, и Черныхъ горъ, течетъ сначала въ тѣсныхъ скалистыхъ ущельяхъ и, выйдя на равнину, пересѣкаетъ военно-грузинскую дорогу [1], и раздѣляется потомъ на нѣсколько рукавовъ, образующихъ, при своихъ устьяхъ, болотистую мѣстность. Глубина и ширина

[1] Въ настоящее время почтовый трактъ измѣненъ; онъ слѣдуетъ изъ Екатериноградской станицы на Моздокъ и далѣе на Владикавказъ.

Ардона незначительны, но весьма быстрое стремленіе его водъ срываетъ мосты и дѣлаетъ переправы затруднительными. Рѣка эта, почти на всемъ протяженіи, покрыта лѣсомъ.

Ардонъ принимаетъ въ себя *Гизаль-Донъ*, съ его притоками, и рѣку *Архонъ*.

Ниже Ардона въ Терекъ впадаютъ: незначительныя и пересыхающія лѣтомъ рѣчки *Дурдуръ* и *Шугуля*, или *Змѣйка*, затѣмъ рѣка *Урухъ*.

Рѣка Урухъ, получающая начало изъ Снѣговаго хребта нѣсколькими истоками, течетъ въ тѣсномъ и лѣсистомъ ущельѣ до принятія съ лѣвой стороны рѣчки *Сохало-Донъ*, которая служитъ границею между Большою Кабардою и Дигорскимъ обществомъ осетинскаго племени. Выйдя на равнину, Урухъ раздѣляется на нѣсколько рукавовъ, которыми и впадаетъ въ Терекъ. Принимая нѣсколько притоковъ, рѣка эта отличается обиліемъ водъ и, при своемъ устьѣ, весьма часто затопляетъ окружающую мѣстность. Берега этой рѣки на всемъ протяженіи покрыты густымъ лѣсомъ, такъ что открытыя поляны существуютъ только въ немногихъ мѣстахъ.

За Урухомъ въ Терекъ впадаютъ весьма незначительныя и протекающія въ топкихъ берегахъ рѣчки: *Ардуіанъ* и *Думановка*, а за ними рѣка *Малка*, съ обширнымъ ея басейномъ.

Малка, составляя главнѣйшій притокъ Терека съ лѣвой стороны, вытекаетъ изъ подошвы Эльбруса двумя источниками, изъ которыхъ правый образуетъ замѣчательный водопадъ Кенрекъ, а при лѣвомъ находятся два ключа кисло-сѣрнистыхъ минеральныхъ водъ. Оба истока сливаются вмѣстѣ водопадомъ и, по соединеніи, получаютъ названіе Малки. До впаденія рѣчки *Хасаута*, Малка имѣетъ сѣверное направленіе, течетъ между отвѣсными скалистыми берегами, а затѣмъ, повернувъ на востокъ, протекаетъ въ тѣсномъ, лѣсистомъ ущельѣ и служитъ границею между Кабардою и казачьими поселеніями. Горные уступы, постепенно понижающіеся, сопровождаютъ эту рѣку, съ правой стороны, на всемъ ея протяженіи, до поста Извѣстнобродскаго, а слѣва до станицы Марьинской; затѣмъ командованіе переходитъ на лѣвый берегъ Малки до самаго впаденія ея въ Терекъ, а правый берегъ, сдѣлавшись низменнымъ, покрытъ лѣсомъ и мелкимъ кустарникомъ. Выйдя на равнину, Малка течетъ широкимъ русломъ, отдѣляетъ много рукавовъ, и во время половодія разливается у своего устья преимущественно по правой долинѣ, образуя при этомъ болотистыя пространства, заросшія камышемъ.

Протекая большую часть пространства среди высокихъ горъ, Малка имѣетъ, кромѣ того, значительную глубину, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не стѣсняется скалами, и оттого, на всемъ ея теченіи, встрѣчается мало бродовъ, удобныхъ для переправы. Изъ притоковъ Малки, съ лѣвой стороны, замѣчательны *Хасаутъ* и *Кичмалка*, протекающія, почти до самаго устья,

въ тѣсныхъ скалистыхъ ущельяхъ покрытыхъ лѣсомъ и, по недоступности своихъ береговъ, неудобныя для переправы даже и для пѣшихъ.

Съ правой стороны Малка принимаетъ *Баксанъ*, самую значительную рѣку въ Кабардѣ, вытекающую съ южной покатости г. Эльбруса. Отъ истока и до Баксанскаго укрѣпленія, рѣка эта течетъ то въ тѣсномъ скалистомъ ущельѣ, то въ горной долинѣ, а ниже укрѣпленія поворачиваетъ на востокъ, извивается по Кабардинской плоскости, течетъ широкимъ русломъ въ невысокихъ берегахъ и раздѣляется на рукава, которыя въ низовьѣ своемъ окружены лѣсомъ. Воды Баксана обильны и чрезвычайно быстры, особенно въ полноводье; тогда рѣка ворочаетъ большія каменныя глыбы, и переправа черезъ нее невозможна.

Какъ въ Баксанскомъ ущельѣ, такъ и по выходѣ своемъ изъ Черныхъ горъ, Баксанъ принимаетъ множество ручьевъ и рѣчекъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ, напримѣръ, *Черекъ* и *Чегемъ*, впадающія съ правой стороны, весьма значительны.

Черекъ, послѣ Баксана, можно считать главнѣйшею рѣкою въ Кабардѣ. Выходя изъ горъ Балкарскаго общества, Черекъ течетъ между каменистыми берегами, только изрѣдка покрытыми лѣсомъ. Прорвавшись же черезъ Черныя горы, онъ переходитъ въ гористую долину, покрытую густымъ и строевымъ лѣсомъ. Усиливъ здѣсь свои воды притоками справа и слѣва, Черекъ образуетъ нѣсколько каскадовъ и, ниже устья рѣки *Хоа*, раздѣляется на рукава, которыми и впадаетъ въ Баксанъ. Значительная быстрота и глубина рѣки причиною того, что переправа черезъ нее весьма опасна.

Другой притокъ Баксана, рѣка *Чегемъ*, течетъ въ не менѣе скалистомъ ущельѣ, покрытомъ вѣковыми соснами. По выходѣ изъ Черныхъ горъ, Чегемъ течетъ въ узкой долинѣ, постепенно расширяющейся и покрытой справа густымъ лѣсомъ, а слѣва открытой.

Выйдя этою долиною на Кабардинскую плоскость и принявъ восточное направленіе, Чегемъ пробѣгаетъ по мѣстности укрытой, въ плоскихъ берегахъ, и, раздѣлившись на нѣсколько рукавовъ, впадаетъ въ Баксанъ. Хотя рѣка эта не глубока, имѣетъ много бродовъ, но переправы во время половодья, отъ быстроты теченія, не только затруднительны, но даже опасны.

Ниже устья Малки съ ея притоками, Терекъ, прилегая къ безводной степи Прикаспійской равнины, не принимаетъ ни одного притока. Съ правой же стороны впадаетъ въ него: незначительная и пересыхающая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рѣчка *Камбилеевка*, и еще менѣе замѣчательныя рѣки *Курпъ* и *Исти-су* (горячая вода). Главнымъ притокомъ Терека, съ этой стороны, составляетъ басейнъ рѣки *Сунжи*.

Сунжа получаетъ свое начало въ Черныхъ горахъ и составляется изъ двухъ источниковъ: Большой и Малой Сунжи. По соединеніи обоихъ истоковъ въ одинъ, Сунжа течетъ на сѣверъ, между лѣсистыми хребтами, въ крутыхъ и каменистыхъ берегахъ. Выйдя на плоскость, въ пяти верстахъ

ниже Сунженской станицы, воды Сунжи теряются въ каменистомъ руслѣ и появляются опять нѣсколькими потоками лишь за 12 верстъ ниже, у аула Эндикова. Русло этой рѣки, между станицею Сунженскою и Эндиковымъ ауломъ, наполняется водою только во время таянія снѣговъ въ горахъ или послѣ сильныхъ дождей, а въ остальное время остается сухимъ. По выходѣ изъ горъ до станицы Карабулагской, Сунжа сохраняетъ сѣверное направленіе, причемъ слѣва къ ней прилегаетъ Надтеречная равнина, а справа подступаютъ горы почти къ самому ея руслу. Отъ станицы Карабулагской она поворачиваетъ на востокъ и, въ этомъ направленіи, сливаетъ свои воды съ Терекомъ.

Сунжа, большею частію спертая между крутыми берегами, глинистаго и не вездѣ одинаковаго свойства, имѣетъ вообще весьма быстрое теченіе. Оттого переправы черезъ нее затруднительны и устроены только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Берега этой рѣки, отъ выхода изъ горъ и до Казанъ-Кичинскаго поста, открыты, а далѣе до самаго ея устья, прилегаютъ къ ней справа лѣса Большой и Малой Чечни, образующія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ открытыя поляны, въ особенности около крѣпости Грозной. Командованіе надъ окружающею мѣстностью принадлежитъ лѣвому берегу, а правый, какъ низменный, ежегодно затопляется разливами многочисленныхъ притоковъ Сунжи. Вода въ Сунжѣ прибываетъ вдругъ и въ значительномъ количествѣ; бываетъ, что, послѣ сильныхъ и продолжительныхъ дождей, уровень воды возвышается до 2-хъ саженъ. Это случается преимущественно въ апрѣлѣ и маѣ, но и тогда вода въ Сунжѣ здорова и пріятна на вкусъ; находящіяся въ ней землистыя частицы, во время отстоя, быстро осѣдаютъ.

Почти каждый годъ Сунжа замерзаетъ, но нѣкоторыя мѣста, по быстротѣ теченія, никогда не покрываются льдомъ.

Рѣки, составляющія басейнъ Сунжи и орошающія Большую и Малую Чечню, по ихъ отличительнымъ свойствамъ можно раздѣлить на двѣ категоріи. Къ первой относятся тѣ, которыя вытекаютъ изъ Сулако-Терскаго водораздѣльнаго хребта, прорываются черезъ ущелья Черныхъ горъ, быстро стремятся по равнинѣ, въ пологихъ и одинаковой высоты берегахъ, и образуютъ, множество мелкихъ островов. При устьяхъ своихъ рѣки эти, раздѣляясь на рукава и постоянно возвышая свое русло, отъ наносимаго съ горъ булыжника, илу и песку, затопляютъ мало по малу низменныя мѣста при своемъ впаденіи въ Сунжу. Всѣ онѣ, по причинѣ песчанаго и твердаго грунта, удобо-проходимы въ бродъ, тѣмъ болѣе, что глубина и ширина ихъ, въ обыкновенное время, незначительны, но, при быстромъ поднятіи уровня воды, отъ дождей или таянія снѣговъ, переправа черезъ нихъ прекращается не только для пѣшихъ, но и для конныхъ. Отъ сильнаго напора воды, во время разливовъ русла этихъ рѣкъ измѣняются весьма часто, а съ ними измѣняются и броды, такъ что послѣ каждаго разлива необходимо провѣрять старые и отыскивать новые броды. Къ числу этихъ рѣкъ принадлежатъ: 1) *Асса*, про-

текающая то въ скалистыхъ, то въ равнинныхъ берегахъ, большею частію покрытыхъ густымъ лѣсомъ, и принимающая множество притоковъ, изъ которыхъ наиболѣе замѣчателенъ рѣка *Фортанга*, впадающая, съ своими притоками, съ правой стороны. 2) *Гехи*, съ рукавомъ своимъ *Шавдономъ*. 3) *Мартанъ*. 4) *Аргунъ*, образуемый изъ слiянiя Шаро-Аргуна съ Чанты или Шато-Аргуномъ и 6) *Хулхулау*, притокъ *Гудермеса*.

Ко второй категорiи рѣкъ, впадающихъ въ Сунжу, принадлежатъ тѣ изъ нихъ, которыя получаютъ начало въ Черныхъ горахъ и въ ближайшихъ къ нимъ отрасляхъ Главнаго хребта. Такiя рѣки текутъ медленно, однимъ ложемъ, и имѣютъ видъ широкихъ канавъ. При впаденiи своемъ, рѣки эти не раздробляются на рукава и, при разлитiи, не затопляютъ такъ сильно правый берегъ рѣки Сунжи. Имѣя иловатое дно, рѣки эти хотя незначительны по глубинѣ, но затруднительны для переправы; за то устройство мостовъ черезъ нихъ не представляетъ особыхъ затрудненiй. Во время половодья и таянiя снѣговъ прибыль воды въ рѣкахъ этого разряда незначительна, оттого онѣ не прокладываютъ себѣ новаго русла и текутъ постоянно въ однихъ и тѣхъ же берегахъ. Къ этому разряду принадлежатъ рѣки: *Валерикъ*, или *Вайрикъ*, притокъ Сунжи, всѣ притоки рѣки *Фортанги* и *Мартана*; *Гойта*, впадающая въ Сунжу, съ ея притокомъ *Енгеликъ*; *Басси* съ *Джалкой*, и наконецъ *Гудермесъ*, или *Гумсъ*, съ его притокомъ *Мичикъ*.

Верховья всѣхъ рѣкъ, составляющихъ басейнъ Сунжи, заключены въ тѣсныхъ предѣлахъ горъ и въ ущельяхъ, покрытыхъ сплошнымъ лѣсомъ, образующимъ мѣстами небольшiя поляны, очищенныя жителями для хлѣбопашества.

Восточнѣе Терека по Кумыкской плоскости протекаетъ много рѣкъ, не достигающихъ своими устьями до берега Каспiйскаго моря и теряющихся въ болотистой мѣстности. Къ числу ихъ принадлежатъ: *Аксай*, *Ямансъ-су*, *Ярыкъ-су* и *Акташъ*. Всѣ онѣ получаютъ начало изъ Сулако-Терскаго водораздѣльнаго хребта, пролегаютъ по обществамъ Ичкери, Аухъ и Салатау и текутъ преимущественно въ тѣсныхъ и скалистыхъ ущельяхъ, покрытыхъ лѣсомъ. По выходѣ на Кумыкскую плоскость, рѣки эти окружены плоскими болотистыми берегами и покрытыми въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рѣдкимъ лѣсомъ или кустарникомъ.

Обилiе водъ и теплый климатъ дѣлаетъ полосу земли, по которой протекаетъ Терекъ, съ многочисленными его притоками, весьма плодородною, за исключенiемъ весьма немногихъ мѣстъ, имѣющихъ степной характеръ. Богатый слой чернозема покрываетъ большую часть пространства и, перемѣшанный съ жирною и плодородною глиною, способствуетъ развитiю хлѣбопашества въ значительныхъ размѣрахъ. Изъ злаковъ, составляющихъ народное продовольствiе, родятся здѣсь съ большимъ успѣхомъ всѣ виды растенiй, свойственныя какъ средней полосѣ Россiи, такъ и южному климату: рожь, пшеница разныхъ сортовъ, ячмень, гречиха, овесъ, просо, ленъ,

кукуруза, конопля, дающая отличную пеньку, замѣчательную своею прочностью, и наконецъ рисъ, или сарачинское пшено—все это даетъ обильные урожаи и щедро вознаграждаетъ трудъ земледѣльца.

Въ горахъ находятся руды, а на плоскости нефть, минеральные источники и залежи каменнаго угля составляютъ естественное богатство края. Вся страна покрыта лѣсомъ, которымъ преимущественно изобилуетъ Большая и Малая Чечня, и среди котораго попадаются плодовыя деревья, растущія въ дикомъ состояніи. Лѣсныя яблоки, прививная слива, груша, тутовое дерево и, рѣже прочихъ, айва, лучше всего указываютъ, что страна эта пользуется весьма выгодными условіями климата, способствующаго къ разведенію садоводства и огородничества. Кромѣ всѣхъ видовъ овощей, разводимыхъ въ Россіи, по обильному урожаю и по важности ихъ въ отношеніи продовольствія жителей, заслуживаютъ вниманія арбузы и дыни. По своей незначительной цѣнѣ, онѣ доступны для жителей всѣхъ классовъ, а для людей рабочихъ, въ безводной степи, арбузы замѣняютъ и пищу, и питье. Виноградъ разводится здѣсь съ большимъ успѣхомъ, и въ особенности разсадка его усовершенствована около города Кизляра. Здѣсь же, и вообще по Тереку, тамъ гдѣ земля суха и песчана, растутъ каперсовые кусты, дающіе довольно хорошіе плоды; разныя породы крушины, желтакъ или желтинникъ, однолѣтній хлопчатникъ, кунжукъ, марена, растущая въ степи около Терека въ дикомъ состояніи, разнаго рода медицинскіе и фармацевтическія травы: черешковый ревень, вероника, бузина, цикорій, солодковый корень, одуванчикъ и прочія травы, составляютъ значительный источникъ доходовъ многихъ лицъ, занимающихся ихъ разведеніемъ и промышленностью.

Обширные луга, привольный, подножный кормъ, который можетъ имѣть скотъ почти круглый годъ, не составляя хозяину заботы о прокормленіи своихъ стадъ, способствовалъ съ давнихъ поръ развитію здѣсь коннозаводства. Почти каждый кабардинскій князь, каждый узденъ и даже многіе изъ простолюдиновъ имѣютъ табуны или небольшіе заводы лошадей, подъ собственнымъ тавромъ.

Горскія лошади легки на ходу, способны ко всякаго рода лишеніямъ, выносливы, привычны къ продолжительнымъ трудамъ и крѣпки на ноги.

Обширное скотоводство также составляетъ исключительное богатство жителей. Волы служатъ главнымъ перевозочнымъ средствомъ, а бараны здѣшніе составляютъ, можно сказать, исключительную пищу какъ горскихъ народовъ, такъ и крестьянъ, причемъ особое свойство травъ дѣлаетъ мясо ихъ очень вкуснымъ и нѣжнымъ.

Все сказанное о богатствѣ природы относится, конечно, болѣе всего къ равнинной мѣстности и къ послѣднимъ уступамъ Черныхъ горъ, гдѣ климатическія условія способствуютъ произрастенію всякаго рода растеній.

Касаясь климата всего пространства, орошаемаго басейнами Кубани и Терека, мы должны сказать, что, за неимѣніемъ достаточнаго числа метеороло-

гическихъ наблюденій, нельзя сообщить ничего точнаго и приходится сказать нѣсколько общихъ словъ.

Самыя возвышенныя мѣста, принадлежащія къ умѣренной полосѣ, лежатъ въ горныхъ котловинахъ, между хребтомъ Черныхъ горъ и отрогами Водораздѣльнаго хребта. Здѣсь лѣтомъ жары достигаютъ до 25°, по Реомюру, а зимою, въ декабрѣ и январѣ, холода простираются до 20 и 30°. Жаркіе дни стоятъ впрочемъ недолго; ихъ охлаждаютъ вѣтры и дожди, а весною, по утрамъ, бываютъ частые морозы. На востокъ, ближе къ Каспійскому морю, жара усиливается, и во многихъ мѣстахъ зной становится нестерпимымъ. На Кабардинской плоскости, въ Чечнѣ и другихъ мѣстахъ, сосѣднихъ къ Чернымъ горамъ, жаркіе дни освѣжаются порывистыми горными вѣтрами. Переходъ отъ деннаго жара къ холодной ночи бываетъ чрезвычайно рѣзокъ, и случается, что, послѣ 30 градусовъ тепла, ночью термометръ падаетъ до нуля. Столь рѣзкій переходъ имѣетъ сильное вліяніе на здоровье жителей. Сосѣдство Черныхъ горъ, покрытыхъ снѣгомъ, дѣлаетъ на Кабардинской и Чеченской плоскости зимы болѣе суровыми.

Воздухъ, говоря вообще, благопріятенъ и здоровъ какъ для туземцевъ, такъ и для временныхъ, случайныхъ жителей. Въ мѣстахъ болотистыхъ, покрытыхъ камышами, гдѣ зарождается гніеніе, и близъ рѣчекъ съ топкими берегами климатъ одинаково вреденъ для всѣхъ жителей. Къ числу такихъ мѣстъ надо отнести обѣ дельты, образуемыя какъ Кубанью, такъ и Терекомъ.

Возвышенныя мѣста, гдѣ не бываетъ сильныхъ жаровъ, гдѣ воздухъ освѣжается частыми вѣтрами, и мѣста, изобилующія лѣсами, считаются самыми здоровыми и не имѣющими никакихъ эпидемическихъ болѣзней. Къ такимъ мѣстамъ принадлежатъ всѣ горныя котловины, большая часть Кабардинской плоскости, равнины Большой и Малой Чечни и все пространство, прилегающее къ уступамъ Черныхъ горъ.

Мѣста низменныя, какъ, напримѣръ, пространство, прилегающее къ Тереку, отъ Кизляра до его устья, равнина между Терекомъ и Сунжею, часть Кумыкской плоскости, прилегающая къ морю, Закубанскаго пространства, прилегающаго къ плавнямъ, и проч. считаются мѣстами наименѣе здоровыми.

По мѣрѣ углубленія въ горы и поднятія на ихъ покатости, климатъ дѣлается болѣе и болѣе здоровымъ, но только до извѣстнаго предѣла, за которымъ онъ переходитъ сначала изъ умѣреннаго въ холодный, а потомъ въ суровый, соотвѣтствующій странѣ, лежащей за Арктическимъ полярнымъ кругомъ, ближе къ полюсу. Переходъ этотъ не рѣзокъ, постепененъ. Такъ, покатости Черныхъ горъ, находящихся на значительной высотѣ надъ уровнемъ моря, пользуются болѣе холоднымъ климатомъ, и покрыты преимущественно густыми хвойными лѣсами. Тамъ снѣгъ лежитъ уже шесть мѣсяцевъ, а въ остальную половину года быстро смѣняется весна, лѣто и осень, но травы достигаютъ еще полнаго своего роста и служатъ обильною пищею для скота.

Подымаясь еще выше, климатъ дѣлается еще суровѣе, такъ что человѣкъ

людъ не строитъ уже себѣ жилищъ, а старается спуститься въ глубокія долины этихъ горъ.

На многихъ вершинахъ Черныхъ горъ и на нѣкоторыхъ второстепенныхъ боковыхъ хребтахъ, отходящихъ отъ снѣжнаго кряжа, климатъ дѣлается положительно холоднымъ. Тамъ въ теченіе года снѣгъ лежитъ десять мѣсяцевъ, и оттого природа является крайне бѣдною; кое-гдѣ видѣнъ только чахлый кустарникъ, мохъ и другія полярныя растенія. Въ продолженіе двухъ-мѣсячнаго лѣта вершины покрываются травою, не достигающею полнаго своего развитія; каждую ночь бываютъ морозы и земля покрывается инеемъ. Полоса эта, какъ не представляющая никакихъ средствъ къ жизни человѣка, принадлежитъ къ числу пространствъ необитаемыхъ.

По мѣрѣ поднятія на высоты Кавказскаго хребта, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ, органическая жизнь совершенно исчезаетъ и глазу представляются только снѣгъ, да скалы, лишенныя всякой растительности.

Такой видъ имѣютъ горы, если слѣдовать на юго-востокъ по Главному хребту, начиная отъ г. *Барбало* и до горы *Баба-дага*. На этомъ пространствѣ Кавказскія горы достигаютъ наибольшей высоты, такъ что вершины ихъ постоянно выше снѣговой линіи, начинающейся здѣсь съ 11 т. футъ, а средняя высота самаго хребта свыше 8 т. футъ. Не смотря однако же на то, снѣгъ въ теченіе цѣлаго года сохраняется только въ котловинахъ и впадинахъ и рѣдко на вершинахъ, такъ какъ послѣднія, по причинѣ своей остроконечности и скалистости реберъ, не удерживаютъ на себѣ снѣга. Большая часть хребта освобождается отъ него въ срединѣ іюня, а въ началѣ сентября верхнія части горъ, почти по всему протяженію, снова покрываются снѣгомъ, и въ то время, когда у подошвы горъ цвѣтетъ роскошнѣйшая зелень юга, на перевалахъ свирѣпствуютъ мятели и вьюги, а по ночамъ морозы достигаютъ тамъ иногда до десяти и болѣе градусовъ. Таяніе снѣга въ горахъ этого пространства даетъ начало многимъ источникамъ, орошающимъ край, извѣстный подъ именемъ *Дагестана* или страны, по преимуществу гористой (отъ слова *дагъ*—гора).

Дагестанъ, загроможденный большею частію горными пространствами, не имѣетъ значительнаго числа большихъ рѣкъ, а орошается множествомъ горныхъ ручьевъ. Горныя рѣчки Дагестана, часто срываясь съ высоты огромной горы, образуютъ великолѣпные водопады, шумъ которыхъ слышенъ издалека. Падая почти съ отвѣсной скалы, прорывая себѣ дорогу въ дремучемъ лѣсу, опрокидывая на своемъ пути деревья и прыгая съ камня на камень, горный потокъ вновь падаетъ съ голаго утеса на новый уступъ и дробится на мельчайшія брызги. Безпрестанно извиваясь и проходя то подъ одной горой, то подъ другой, горная рѣчка часто заставляетъ путника нѣсколько разъ переправиться черезъ нее съ одного берега на другой, и не всегда съ безопасностію: лошади спотыкаются, то оступаясь въ ямы, то натыкаясь на камни, запруживающіе все русло рѣки.

Соединяясь вмѣстѣ, по нѣскольку, горные ручьи составляютъ тѣ немногія рѣки, которыми и орошается весь Дагестанъ. Рѣки Дагестана получаютъ свое начало преимущественно изъ сѣвернаго склона Главнаго хребта, имѣютъ сѣверо-восточное направленіе и текутъ въ глубокихъ котловинахъ, какъ будто въ трещинахъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ малодоступными горами. Всѣ они извѣстны подъ общимъ именемъ *Койсу*. Такихъ Койсу четыре: *Андійское*, *Аварское*, *Казикумухское* и *Кара-Койсу*. Всѣ они сливаются въ одинъ потокъ, который, получивъ названіе Сулака, уноситъ воды ихъ въ Каспійское море. Другимъ собирательнымъ рукавомъ для рѣкъ Дагестана служитъ *Самуръ*, получающій начало изъ восточныхъ скатовъ горы Гудура.

Сулакъ и Самуръ, съ ихъ притоками, можно сказать, единственныя рѣки, орошающія весь Дагестанъ; только незначительная полоса земли, прилегающая къ морю и заключающаяся между устьями этихъ двухъ рѣкъ, орошается рѣчками, берущими начало на восточныхъ склонахъ Койсубулинскаго хребта и вливающихъ свои воды непосредственно въ Каспійское море.

Басейнъ Сулака значительно обширнѣе басейна Самура и, занимая около двухъ третей поверхности всего Дагестана, онъ омываетъ самую суровую часть его, извѣстную подъ именемъ *Нагорнаго*. Страна эта отдѣляется отъ прочихъ частей Кавказа высокими и малодоступными горами, черезъ которыя едва есть нѣсколько возможныхъ для сообщенія переваловъ.

Сулакъ составляется собственно изъ двухъ рѣкъ: *Андійскаго* и *Аварскаго-Койсу*. Андійское-Койсу получаетъ начало въ Главномъ хребтѣ нѣсколькими истоками, которые, собравшись на днѣ котловинъ Тушинской и Дидойской, текутъ въ Ункратль и, слившись у селенія Сотль, получаютъ названіе Андійскаго-Койсу. Тотъ истокъ, который, получивъ начало у г. Барбало, слѣдуетъ по Тушинской котловинѣ, называется *Дагестанской*, или *Перикательской Алазанью*, а истокъ Дидойской котловины, получающій начало у г. Кодора, извѣстенъ подъ грузинскимъ именемъ *Ори-цхали*—двѣ воды.—Андійское-Койсу, до соединенія съ Аварскимъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ горныхъ потоковъ, не принимаетъ въ себя ни одной рѣки, заслуживающей вниманія. Приближаясь къ Аваріи, рѣка эта течетъ въ утесистыхъ и мало доступныхъ берегахъ, такъ что переправа въ бродъ возможна только въ самыхъ верхнихъ ея частяхъ, да и то въ немногихъ мѣстахъ; въ среднихъ же и нижнихъ частяхъ переправа возможна не иначе, какъ по мостамъ; длина теченія Андійскаго-Койсу не превышаетъ 150 верстъ.

Аварское-Койсу получаетъ свое начало у подножія горъ *Акимала* и *Сари-дага* и тоже нѣсколькими источниками, изъ которыхъ наиболѣе замѣчателенъ *Джурмутъ-чай*. Протекая на высотѣ около 8 т. ф. надъ уровнемъ моря, паралельно Главному хребту до Анцухскаго общества, Аварское-Койсу раздѣляетъ мѣстность между Главнымъ и боковымъ хребтомъ на двѣ части, рѣзко отличающіяся одна отъ другой: правая сторона заселена и удобна для обработки полей; лѣвая камениста, безплодна и покрыта довольно гу-

стыхъ лѣсомъ. На этомъ пространствѣ Аварское-Койсу принимаетъ съ лѣвой стороны р. *Бежиту-эхоль-оръ*, омывающую лѣсистое Капучинское общество, и, по соединеніи съ нѣсколькими рѣками, теряющую свое названіе. «Въ Дагестанѣ вообще, пишетъ г. Вороновъ, рѣчкамъ и рѣкамъ не присвоено какихъ-либо собственныхъ, единичныхъ названій: всякая рѣчка есть вода (*оръ*, тларъ, герхъ, вацъ, озень, чай, нехи и т. д.) и къ этому слову прибавляется имя селенія или же общества, черезъ которое она течетъ». Отъ того и рѣка Бежита не имѣетъ, по всему теченію, одного опредѣленнаго названія.

Прорѣзавъ, близъ селенія Ратлуха, проходъ въ снѣговомъ хребтѣ и встрѣтивъ на пути своемъ скалы хребта Талакори, Аварское-Койсу поворачиваетъ на востокъ и, принявъ, у Койсубулинскаго селенія Могоха, рѣку *Казикумухское-Койсу*, она орошаетъ Койсубулинское общество. Здѣсь, протекая въ полномъ смыслѣ между отвѣсными скалами, возвышающимися на нѣсколько тысячъ футъ по обѣимъ ея сторонамъ, и принимая болѣе и болѣе сѣверное направленіе, Аварское-Койсу соединяется съ Андійскимъ-Койсу, нѣсколько ниже развалинъ селенія Ашильты и верстахъ въ десяти ниже разрушеннаго замка Ахульго. Въ среднемъ и нижнемъ своемъ теченіи Аварское-Койсу окружено скалистыми берегами, не представляющими удобствъ для жизни и оттого мало населенными. Переправы въ бродъ черезъ эту рѣку затруднительны и возможны только черезъ постоянные мосты, которыхъ устроено нѣсколько. Будучи самой главной рѣкой во всемъ Дагестанѣ, Аварское-Койсу течетъ весьма быстро, имѣетъ сильный напоръ воды, въ особенности въ весеннее время, и принимаетъ въ себя множество притоковъ. Послѣдніе, по своей маловодности, не заслуживаютъ подробнаго описанія, за исключеніемъ значительной рѣки Казикумухскаго-Койсу, впадающаго съ правой стороны.

Казикумухское-Койсу беретъ начало съ горы Дюльты-дага, въ бывшемъ Казикумухскомъ ханствѣ, отъ котораго и получило свое названіе. Рѣка эта хотя и довольно быстра, но проходима въ бродъ тамъ, гдѣ дозволяютъ берега, которые, въ верхнихъ частяхъ, довольно отлоги и совершенно безлѣсны, но удобны для воздѣлыванія и покрыты обильными пастбищами. За Кумухомъ горы сближаются къ обоимъ берегамъ, отчего послѣдніе дѣлаются болѣе каменистыми и безплодными. Подъ Цухадаромъ *Койсу* пробиваетъ себѣ узкій трехъ-саженный проходъ, длина котораго не превышаетъ 50 саженъ, течетъ подъ нависшими скалами, а между селеніями Ташъ-кепуромъ и Ходжалъ-махи исчезаетъ совершенно и проходитъ нѣсколько саженъ подъ землею. Въ этомъ мѣстѣ природа перебросила съ одного берега рѣки на другой естественный мостъ. Оба берега рѣки здѣсь соединяются вмѣстѣ, такъ что верхняя ихъ сторона составляетъ настилку моста отъ двухъ до трехъ футъ толщиною, а нижняя образуетъ арку, подъ которою и протекаетъ скрытая отъ взоровъ рѣка.

Отсюда Казикумухское-Койсу поворачиваетъ на западъ, доходитъ до Гергебильскихъ террасъ, и, принявъ съ лѣвой стороны бурную и непроходимую въ бродъ рѣку *Кара-Койсу*, вытекающую изъ общества Тлейсеруха, самъ

Казикумухское-Койсу стремительно спускается въ Кикунинское ущелье и у селенія Могоха, Койсубулинскаго общества, впадаетъ въ Аварское-Койсу. Ниже Кумуха, для переправы черезъ Койсу устроено нѣсколько мостовъ, такъ какъ отсюда рѣка становится трудно проходимою въ бродъ. Изъ рѣкъ, впадающихъ въ Казикумухское-Койсу, съ правой стороны, обращаютъ на себя вниманіе *Кюлюли-чай* и *Акушинка*.

Соединеніе рѣкъ Андійскаго и Аварскаго-Койсу даетъ начало Сулаку, который, оторвавъ въ этомъ мѣстѣ Койсубулинскій хребетъ отъ Салатау (часть Сулако-Терскаго водораздѣльнаго хребта), «прокладываетъ себѣ глубокую впадину, одинъ видъ которой въ состояніи привести въ трепетъ» и ширина которой въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не превышаетъ трехъ саженъ. Неподалеку отъ селенія Чиръ-Юрта, Сулакъ, съ шумомъ вырываясь на плоскость, расширяется и начинаетъ образовывать островки. На разстояніи почти 30 верстъ онъ стремится къ сѣверу до Казіюртовскаго укрѣпленія, а потомъ, описавъ отлогую дугу и повернувъ на востокъ, Сулакъ теряетъ совершенно характеръ горной рѣки; теченіе его плавно, ширина и глубина его дѣлаются значительными, берега низменными и рѣка въ весеннее время разливается мѣстами отъ 100 до 200 саженъ, и тогда бродовъ на ней не существуетъ. При устьѣ своемъ Сулакъ дѣлается болотистымъ и покрытъ камышемъ.

За четырьмя Койсу и Сулакомъ, главное мѣсто между рѣками Дагестана принадлежитъ *Самуру*, составленному изъ двухъ истоковъ: *собственно Самура*, получающаго начало въ горахъ Гудуръ-дагъ и Акималъ, на высотѣ около 9 т. футъ, и *Кара-Самура*. Протекая около 290 верстъ, Самуръ, до выхода его изъ горъ, близъ укрѣпленія Хазровъ, стѣсненъ горами и во многихъ мѣстахъ берега его представляютъ огромныя отвѣсныя скалы. За Хазрами ложе Самура расширяется, рѣка начинаетъ образовывать острова и впадаетъ въ море четырьмя рукавами, изъ которыхъ главнѣйшій, у Яломы, достигаетъ до 490 саженъ.

Пройдя черезъ верхнія части Элисуйскаго владѣнія, Самурскій округъ и часть Кюринскаго владѣнія, Самуръ составляетъ потомъ границу Кубинскаго уѣзда до самаго впаденія своего въ Каспійское море. Рѣка эта въ своихъ верховьяхъ, почти вездѣ проходима въ бродъ, и берега ея удобны для устройства переправъ, но въ среднихъ и нижнихъ частяхъ, значительная быстрота, совершенно плоскіе берега и оттого способность отъ быстрой прибыли воды разливаться на большое разстояніе, лишаютъ возможности устроить прочные мосты. Сообщеніе между обоими берегами можетъ быть производимо не иначе, какъ въ бродъ, хотя, по быстротѣ теченія, такая переправа иногда бываетъ крайне затруднительною. Въ лѣтнее время, отъ дождей и таянія снѣга, вода до того возвышается, что Самуръ дѣлается проходимымъ только въ опредѣленныхъ и извѣстныхъ мѣстахъ, да и то съ большою опасностію. Въ недалекомъ прошломъ, въ теченіе мая, іюня и іюля мѣсяцевъ, почта переправлялась черезъ Самуръ не иначе, какъ въ арбахъ (двуколесныя туземныя по-

воды), запряженныхъ непремѣнно буйволами, такъ какъ только эти животныя въ состоянiи устоять противъ сильнаго напора воды.

Кромѣ Кара-Самура (Ихрекъ-чая) изъ притоковъ, впадающихъ въ Самуръ съ лѣвой стороны, можно упомянуть только объ одномъ притокѣ, рѣчкѣ *Шиназъ-чай*, протекающей по широкому ущелью того же имени, а съ правой стороны въ Самуръ впадаетъ *Ахты-чай*, по ущелью котораго проложена военно-ахтинская дорога, и которая, перевалившись черезъ Салаватъ-дагъ, выходитъ въ Джаро-бѣлаканскiй округъ Шинскимъ ущельемъ.

Рѣки Самуръ и Аварское-Койсу раздѣляютъ Дагестанъ на три части. Пространство, заключающееся между Апшеронскимъ мысомъ и рѣкою Самуромъ, называется *Южнымъ Дагестаномъ;* между Самуромъ, Аварскимъ Койсу и южною границею владѣнiй шамхала Тарковскаго—*Среднимъ Дагестаномъ*, и наконецъ остальная часть, къ сѣверу отъ средняго Дагестана, называется *Сѣвернымъ Дагестаномъ*.

Берегъ Каспiйскаго моря между устьями рѣкъ Самура и Сулака, какъ мы сказали, орошается множествомъ ручьевъ и рѣчекъ, вытекающихъ съ горъ Дагестана и вливающихъ свои воды непосредственно въ море. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательны: *Чирахъ-чай*, съ притокомъ *Курахъ-чай*. Протекая до селенiя Касимъ-кента въ горахъ, Чирахъ-чай служитъ границею южной Табасарани и Кюринскаго ханства. Принявши потомъ названiе *Гюльгерь-чая*, рѣка эта впадаетъ въ море. Кромѣ того, на означенномъ пространствѣ протекаютъ: *Рубасъ-чай*, главная рѣка вольной Табасарани, отдѣляющая ее отъ Казикумухскаго ханства; *Бугамъ-чай*, отдѣляющiй верхнiй Кайтагъ отъ нижняго, и *Шура-озень*, которая, минуя селенiе Кумтеръ-кале, впадаетъ въ море не вдалекѣ отъ Озенскаго поста.

Озеръ въ Дагестанѣ немного, а если и есть, то всѣ они встрѣчаются въ прибрежной части, и, будучи солеными, по незначительности своей, не заслуживаютъ вниманiя. Въ горахъ извѣстны только Технуцальское озеро, въ обществѣ того же имени близъ селенiя Конхидатль, и озеро Хупро, въ Дидойскомъ обществѣ. При устьяхъ рѣкъ, на берегу моря, встрѣчаются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болота, но и тѣ незначительны, за исключенiемъ находящагося между рѣкою *Кара-су* и низовьемъ Сулака, поверхность котораго простирается до 500 квадратныхъ верстъ (¹).

Дагестанъ страна безлѣсная; лѣсъ составляетъ тамъ большую рѣдкость и весьма бережется жителями. Скаты горъ хотя и покрыты во многихъ мѣстахъ вѣковыми соснами, но онѣ растутъ или на значительной высотѣ,

(¹) Краткiй взглядъ на сѣверный и среднiй Дагестанъ Невѣровскаго С.-Пет. 1847 г. Военно-статистическое обозрѣнiе Ставропольской губ. Забудскаго С.-Петерб. 1851 г. Обзоръ послѣд. событiй на Кавказѣ "Воен. Сбор." 1859 г. № 10. Чечня и чеченцы А. П. Берже Тифлисъ 1859 г. Перечень событiй въ Дагестанѣ. Окольничiй „Воен. Сбор." 1859 г. № 1. Очеркъ пространства между Кубанью и Бѣлой Венюкова. Нѣсколько данныхъ для описанiя сѣверо-западнаго Кавказа; его же. Записки Импер. Геграф. Общест. 1863 г. кн. II.

или въ такихъ трущобахъ, доступъ къ которымъ столь затруднителенъ, что едва-ли когда-нибудь сдѣлается возможнымъ его добываніе. Лѣсомъ преимущественно изобилуетъ Кубинскій уѣздъ, Табасарань и Кюринское ханство. Небольшими участками онъ встрѣчается въ сѣверо-прибрежной части Дагестана, около Чиръ-Юрта, Губдени, Дешлагара и другихъ мѣстъ. Сѣверо-восточные отроги Койсубулинскаго хребта почти сплошь покрыты лѣсомъ.

Въ такой странѣ, какъ Дагестанъ, гдѣ кряжи горъ, то сталкиваясь и переплетаясь между собою, то расходясь другъ отъ друга, образуютъ безчисленныя котловины, долины, ущелья и возвышенныя плоскости, не можетъ быть опредѣленнаго климата. Дикіе и скалистые хребты горъ, то запирая выходъ холодному воздуху, то защищая отъ него низменныя мѣста и выставляя ихъ дѣйствію полуденнаго солнца, производятъ чрезвычайное разнообразіе въ климатѣ, а слѣдовательно и большія видоизмѣненія въ растительности.

Ни одна страна въ мірѣ, можно сказать, не представляетъ, на столь тѣсномъ пространствѣ, такого климатическаго разнообразія, такихъ противоположностей въ температурѣ, какъ Дагестанъ, съ его горами, долинами, ущельями, возвышенностями и плоскостями.

Климатъ горъ, простирающихся въ ширину отъ 50 до 100 верстъ, не можетъ быть климатомъ, одинаковымъ съ климатомъ тѣхъ странъ, которыя горы защищаютъ отъ сѣвера и выставляютъ лучамъ южнаго солнца. Горный климатъ точно такъ же отличенъ и отъ климата равнинъ и степей, лежащихъ на сѣверъ отъ горнаго кряжа и открытыхъ холодному вѣтру.

Въ горахъ каждое мѣсто имѣетъ свой собственный и особенный климатъ, не соотвѣтствующій ни географическому градусу широты, ни абсолютной высотѣ мѣста, ни сосѣдству моря, ни снѣговыхъ вершинъ и лѣсовъ. Тутъ все зависитъ отъ обстановки мѣста горами, расположенія ущелій и покатостей направляющихъ вѣтры: теплые или морозные, постоянные, случайные или періодическіе. Здѣсь встрѣчаются долины съ жаркимъ климатомъ и очень холоднымъ. Въ долинахъ низменныхъ, защищенныхъ отъ вѣтра со снѣговаго хребта горъ, климатъ бываетъ жаркій. Тутъ растетъ дикій виноградъ, хлопчатникъ, шелковица, рисъ и марена. Но часто стоитъ только перевалиться на противоположную сторону хребта горъ, и долина, расположенная по ту сторону его, прямо противъ ущелья, изъ котораго дуетъ холодный вѣтеръ, отличается своею климатическою суровостью и тамъ хлѣбъ вымерзаетъ на корнѣ. Паденіе снѣга среди лѣта въ горахъ не рѣдкость, точно такъ же какъ не рѣдкость въ глубокую осень гроза, страшная оглушающими перекатами грома въ горахъ и паденіемъ каменныхъ обваловъ сорванныхъ съ высокихъ вершинъ сотрясеніемъ воздуха (1).

(1) Дорога отъ Тифлиса до Владикавказа. Кавказъ 1847 г. № 33. Покореніе Кавказа „Русскій Вѣст.“—1860 г. № 11.

Низменныя долины, защищаемыя отъ ближайшихъ снѣговыхъ горъ гигантскими утесами, пользуются теплымъ климатомъ; въ пяти верстахъ, на высокой плоскости, климатъ нашихъ сѣверныхъ губерній, а нѣсколько выше сильная стужа, мятель и глубокіе снѣга.

Въ Дагестанѣ можно найти образчики всевозможныхъ климатовъ, и притомъ на самомъ короткомъ разстояніи. Такъ, напримѣръ, на томъ мѣстѣ, гдѣ было наше Низовое укрѣпленіе, въ продолженіе всего лѣта свирѣпствовали желчныя лихорадки, а три версты къ востоку, на мѣстѣ Петровскаго укрѣпленія, климатъ весьма здоровый и отправляемые туда больные поправлялись весьма скоро.

На вершинахъ горъ и въ прилегающихъ къ нимъ котловинахъ, климатъ, своей суровости, напоминаетъ далекій сѣверъ, а въ мѣстахъ низменныхъ ущельяхъ, спираемый и накаленный солнечными лучами, воздухъ дѣлается удушливымъ. Весна въ горахъ начинается въ апрѣлѣ или маѣ, но на плоскости, ближе къ морю, въ февралѣ уже разцвѣтаютъ деревья, хотя мартъ здѣсь бываетъ, по большей части, холоденъ и дождливъ.

Снѣгъ въ горахъ выпадаетъ въ половинѣ октября, и случается, что онъ сходитъ нѣсколько разъ, а иногда лежитъ до начала весны. Зимы въ горахъ бываютъ суровы и напоминаютъ русскіе морозы. Вообще же, въ отношеніи гигіеническомъ, климатъ Дагестана чрезвычайно здоровъ и нездоровыя мѣста встрѣчаются весьма рѣдко, преимущественно въ низменностяхъ окруженныхъ болотами и въ нѣкоторыхъ ущельяхъ, гдѣ воздухъ не имѣетъ свободнаго движенія. Господствующими болѣзнями такихъ мѣстъ можно считать лихорадку и цынгу.

Сѣверо-прибрежная часть Дагестана пользуется весьма перемѣнчивымъ климатомъ; тамъ лѣто бываетъ дождливое, и иногда обильное холодными туманами. Южная же прибрежная часть Дагестана имѣетъ много сходства съ климатомъ Закавказья, орографическое, гидрографическое и климатическое описаніе котораго и составитъ предметъ слѣдующей главы.

III.

Орографическій очеркъ южнаго склона Главнаго хребта.—Орографическій и гидрографическій очеркъ Закавказья.—Характеръ мѣстности, ея производительность и климатическія особенности.—Нѣсколько словъ о племенахъ, населяющихъ Кавказскій перешеекъ, и мѣстахъ ихъ поселенія.

Закавказье, или пространство лежащее по южную сторону Водораздѣльнаго хребта, до государственной границы нашей съ Персіею и Турціею, за-

нято южнымъ склономъ Кавказскаго и другими хребтами горъ непосредственно съ нимъ связанными.

Южный склонъ Главнаго Водораздѣльнаго хребта, занимая около 1,150 квадратныхъ миль, слѣдовательно немного менѣе одной третя всего Закавказскаго перешейка, достигаетъ наибольшаго орографическаго развитія въ средней своей части, и наименьшаго по обоимъ концамъ ближайшимъ къ морямъ Черному и Каспійскому.

Начинаясь отъ береговъ Чернаго моря, южный склонъ представляетъ малую ширину, но большую крутизну, и состоитъ изъ контрфорсовъ, примыкающихъ къ главному гребню преимущественно подъ прямыми углами и образующихъ точно такую же передовую цѣпь, какая пролегаетъ и на сѣверномъ склонѣ Водораздѣльнаго хребта. Цѣпь эта прорывается потоками, получающими начало въ Главномъ хребтѣ и протекающими въ тѣсныхъ ущельяхъ, въ глубокихъ и крутыхъ долинахъ, а вслѣдствіе того подверженныхъ чрезвычайно быстрой прибыли воды, дѣлающей ихъ, въ такое время, трудно проходимыми въ бродъ. «При устьяхъ рѣчекъ долины расширяются и образуютъ небольшія площадки, отдѣленныя одна отъ другой контрфорсами, которые понижаются крутыми скатами и доходятъ до самаго моря». Подвигаясь на востокъ, на пространствѣ между 59° и 63° меридіана, южный склонъ имѣетъ значительную ширину, но далѣе, постепенно съуживаясь, спускается наконецъ на югъ невысокими, но длинными Бакинскими кряжами.

Въ западной сторонѣ Главнаго хребта, у горы *Паси-мта*, начинается *Сванетскій* кряжъ, съ его контрфорсами и вершиною Дадіашъ, и идетъ въ западномъ направленіи.

Нѣкоторыя изъ его вершинъ покрыты вѣчными снѣгами. Между Главнымъ и Сванетскимъ хребтами находится продольная, богатая ледниками, долина рѣки Ингура, протекающаго въ глубокомъ ущельѣ. Долина эта носитъ названіе *верхней Сванетіи* и имѣетъ въ длину до 120, а въ ширину до 40 верстъ.

Отроги Сванетскаго хребта, пересѣкаясь въ разныхъ направленіяхъ, образуютъ: Кодорскую долину, по которой протекаетъ рѣка Кодоръ; тѣсное и глубокое ущелье, по которому протекаетъ рѣка Цхенисъ-Цхали, и, наконецъ, ущелья, пролегающія между рѣками Ингуромъ и Хопи, Хопи и Техуромъ, Цхенисъ-Цхали и Ріономъ.

На границѣ Рачинскаго уѣзда съ Шаропанскимъ (въ Имеретіи) пролегаетъ *Рачинскій кряжъ*, образующій южную окраину продольной долины Ріона и составляющій послѣдній изъ отроговъ, примыкающихъ, у горы *Зикари*, къ Главному хребту подъ острымъ угломъ. Рѣка Ріонъ отдѣляетъ его отъ горы Хвомли. Самое наибольшее возвышеніе Рачинскаго хребта не превышаетъ 9,389 футъ; склоны его наполняютъ все пространство между Ріономъ и Квирилою.

На всемъ протяженіи отъ горы Барбало до Баба-дага главный гребень

вращаетъ къ югу весьма крутые контрфорсы, которые, простираясь въ длину отъ 15 до 25 верстъ, обозначаютъ долины рѣкъ Алазани и Агрычая. Восточнѣе Баба-дага южный склонъ состоитъ изъ длинныхъ контрфорсовъ Главнаго хребта, которые сначала представляютъ довольно значительную высоту и крутизну, а потомъ, къ югу отъ г. Шемахи, пролегаютъ, въ видѣ невысокихъ водораздѣльныхъ кряжей, между рѣками нижнею *Курою*, *Пиръ-салатомъ*, *Джеранъ-кечмасомъ* и *Сумгаитъ-чаемъ;* кряжи эти извѣстны подъ именемъ *Бакинскихъ* или *Шемахинскихъ* горъ.

Почти на половинѣ длины Главнаго Кавказскаго хребта, къ южному его склону примыкаютъ *Грузино-Имеретинскія* горы, которыя, слѣдуя въ юго-западномъ направленіи, соединяются съ горами *Малаго* или *Нижняго* Кавказа и служатъ раздѣломъ водъ для Чернаго и Каспійскаго морей.

Подъ именемъ Малаго, или Нижняго Кавказа, извѣстна гористая страна Закавказья, начинающаяся отъ турецкой границы и пролегающая до Нижне-Курской равнины.

Страна эта ограничена съ юга долиною Аракса, а съ сѣвера долинами рѣкъ Ріона и Куры, которыя отдѣляютъ ее отъ собственно Кавказскихъ горъ.

Малый Кавказъ состоитъ изъ плоскогорій и горныхъ хребтовъ, изъ которыхъ нѣкоторые поднимаются выше лѣсной полосы; а большинство составляютъ неизмѣримые луга, весьма пригодные для пастьбы огромныхъ стадъ кочующихъ народовъ. Плоскогорья Малаго Кавказа орошаются множествомъ источниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ *Карасу*, или *Черныхъ водъ*.

Самую сѣверную часть гористой страны *Малаго* Кавказа составляетъ цѣпь горъ, простирающихся отъ Чернаго моря до Тифлиса. Лѣсистое Боржомское ущелье, начинающееся у мѣстечка Ацхуры и кончающееся у развалинъ древняго Боржомскаго укрѣпленія, раздѣляетъ эту цѣпь на двѣ части: западную, извѣстную подъ именемъ *Ахалцихо-Имеретинскихъ* горъ, не поднимающихся выше 9,343 футъ, и восточную, подъ именемъ *Тріалетскихъ* горъ, наибольшее возвышеніе которыхъ не превышаетъ 9,351 фута.

Ахалцихо-Имеретинскій хребетъ, примыкая своею восточною оконечностію къ Грузино-Имеретинскому, образуетъ Сурамскій перевалъ (3,027 футъ), по которому пролегаетъ военно-имеретинская дорога. Западная оконечность Ахалцыхо-Имеретинскаго хребта составляетъ естественную границу Озургетскаго уѣзда Кутаисской губерніи съ Турціею. Хребетъ этотъ имѣетъ въ верхней своей части крупные и открытые склоны, а по мѣрѣ пониженія его склоны становятся отложе и покрываются лѣсами, которые, на сѣверной сторонѣ хребта, достигаютъ необыкновеннаго развитія. Перевалы черезъ этотъ хребетъ весьма затруднительны даже и въ лѣтнее время.

Отъ впаденія въ Куру рѣчки *Посховъ-чая*, въ семи верстахъ къ востоку отъ Ахалцыха и до Тифлиса, на протяженіи 130 верстъ, тянутся *Тріалетскія горы*. Сѣверный склонъ этихъ горъ, подошва котораго обозначается теченіемъ Куры, представляетъ значительную крутизну и на всемъ своемъ

протяженія покрытъ лѣсомъ; южный склонъ имѣетъ наибольшую ширину и гораздо отложе сѣвернаго. Тріалетскія горы соединяются съ *Сомхетскими* (Акзыбюкскими), *Безобдальскими*, *Эсаульскими* и *Мадатапинскими*, разграничивающими уѣзды Ахалцыхскій и Александропольскій. Притокомъ Арпачая, рѣчкою *Казанчи*, горы эти отдѣляются отъ пограничныхъ съ Турціею Чалдырскихъ горъ.

Сомхетскія горы наполняютъ собою пространство, ограничиваемое рѣками Орозманомъ, Машаверою, Храмомъ, Борчалою, Каменкою и Джилгою. Плоскость, служащая основаніемъ для Сомхетскихъ горъ, представляетъ значительный наклонъ къ сѣверо-западу, и оттого сѣверные контрфорсы этой цѣпи гораздо длиннѣе южныхъ.

Безобдальскій хребетъ тянется на востокъ отъ Сомхетскихъ и имѣетъ одинаковые крутые склоны, причемъ сѣверный покрытъ лѣсомъ, а южный обнаженъ. Черезъ Безобдалъ проходитъ единственная колесная дорога, изъ мѣстечка Караклиса въ Джелалъ-Оглы, подымающаяся до высоты 6,680 футъ, а самая высшая его точка, гора Аглаганъ, возвышается надъ уровнемъ моря на 9,833 фута. Между Сомхетскими и Безобдальскими горами пролегаетъ совершенно ровная плоская возвышенность, извѣстная подъ именемъ *Лорійской* степи.

Къ югу отъ Безобдальскаго хребта, и въ разстояніи отъ него около семи верстъ, пролегаетъ *Эсаульскій* хребетъ съ горою *Бугатанецъ*, поднимающеюся до 8,408 футъ абсолютной высоты. Короткій контрфорсъ, идущій отъ горы Бугатанецъ, соединяется съ западною частію длиннаго (около 220 верстъ), и высокаго водораздѣльнаго кряжа, образующаго съ нимъ *Ахъ-Булагскій* перевалъ, черезъ который пролегаетъ почтовая дорога изъ Александрополя въ Тифлисъ. Средняя абсолютная высота этого хребта достигаетъ до 9,600 футовъ. Та часть этого хребта, которая идетъ на западъ, извѣстна подъ именемъ *Памбскихъ* или *Памбакскихъ* (Бамбакскихъ) горъ, а вся остальная часть, составляющая границу между Эриванскою и Елисаветопольскою губерніями, извѣстна подъ именемъ *Армяно-Ганжинскихъ* горъ.

Памбакскія горы имѣютъ сѣверный склонъ крутой, причемъ западная его половина открыта, а восточная лѣсиста. Напротивъ того, сѣверный склонъ Армяно-Ганжинскихъ горъ довольно отлогій и лѣсистый, а южный крутой и узкій.

Между подошвами Памбакскихъ и Безобдальскихъ горъ простирается возвышенная плоская долина, по которой протекаетъ рѣчка Бамбакъ, отчего и самая долина называется Бамбакскою.

Одинъ изъ отроговъ, извѣстный подъ именемъ *Мисханскаго* хребта, примыкая къ южному склону Армяно-Гонжинскихъ горъ, образуетъ вмѣстѣ съ ними высокую лѣсистую долину, орошаемую рѣкою Мисханою (притокъ Занги) и извѣстную подъ именемъ урочища *Дарачичагъ*. Почти на половинѣ Мисхан-

.... хребта къ нему примыкаетъ, съ южной стороны, небольшой *Шахсуар* ... кряжъ, имѣющій юго-восточное направленіе, а на югъ отъ этого кряжа ...ется, до города Эривани, волнистая плоская возвышенность, безплодная ...каменистая, отдѣляемая долиною Занги отъ горъ, образующихъ окраину ...нскаго басейна, а долиною Абарана отъ горной массы Алагёза.

... Подъ именемъ *Алагёза* извѣстна гористая страна, ограниченная съ запада ...ною Арпачаемъ, съ юга долиною Аракса, съ востока долиною Абарана, а ... сѣвера рѣчками Карабулагомъ, Гезалдарою и Карангою.

«По направленію отъ сѣверо-востока къ юго-западу, страна эта зани...етъ около 70-ти верстъ, а по направленію отъ сѣверо-запада къ юго-...стоку слишкомъ 60-ть верстъ. Сѣверо-восточная ея часть, достигающая ...большей высоты, представляется въ видѣ обширнаго, плосковыпуклаго ...нуса, а все остальное пространство есть ни что иное, какъ холмистая пло-... возвышенность, понижающаяся отъ подножья конуса, по направленію къ ...чаю и Араксу». Высочайшая вершина Алагеза достигаетъ до 13,436 ...тъ, но, по причинѣ пирамидальнаго вида и крутизны боковъ, всѣ вершины ... остаются свободными отъ снѣга.

Между подошвами Алагеза, Памбакскихъ и Эсаульскихъ горъ и долиною ...пачая тянется полукругомъ *Александропольская*, или *Шурагельская* плос-... возвышенность, состоящая изъ трехъ частей, изъ которыхъ двѣ, совер-...енно плоскія равнины, расположенныя одна выше другой, а третья, сред-..., есть отлогій и волнистый склонъ, служащій переходомъ отъ одной равнины ... другой. Равнина эта имѣетъ весьма здоровый климатъ, плодородный ...унтъ и весьма хорошо заселена и обработана. Хотя здѣсь зима бываетъ ...вольно суровая, но не продолжительная, за то лѣто продолжительно и почти ...всегда сопровождается вѣтрами и частыми небольшими дождями.

У горы *Инакъ-дагъ*, къ Армяно-Ганжинскому хребту примыкаетъ высо...кій водораздѣльный кряжъ, составляющій исходную точку трехъ довольно значительныхъ рѣкъ: *Восточнаго Арпачая*, *Базаръ-чая* и *Тертеръ-чая*. Юж...ною своею оконечностію Водораздѣльный хребетъ этотъ упирается въ такъ называемыя *Даралагезскія горы*, а съ западной его стороны, у горы *Сарьяръ Сарчалы*, примыкаетъ длинный рядъ волканическихъ вершинъ, расположенныхъ по направленію двухъ осей поднятія, имѣющихъ положеніе западно-восточ...ное и сѣверо-сѣверо-западное. Волканическія вершины эти обусловливаютъ образованіе плоско-выпуклой, нагорной страны, простирающейся отъ Восточнаго Арпачая до рѣки Занги и отъ Аракса до Гокчинскаго озера. Склонъ этой нагорной страны, обращенный внутрь угла, имѣя весьма незначительное паденіе и встрѣчаясь со склонами Водораздѣльнаго хребта и Армяно-Ганжинскихъ горъ, образуетъ обширную долину, на днѣ которой находится озеро *Гокча*, или *Севанга*, занимающее пространство въ 1,204 квадратныя версты и имѣющее въ среднемъ выводѣ около 6,340 футъ абсолютной высоты. Здѣсь произростаютъ только растенія, свойственныя сѣверной

Европѣ. Быстрыя перемѣны температуры, рѣзкія противоположности временъ года, частыя и опустошительныя бури, а лѣтомъ градобитіе, придаютъ климату этой возвышенной равнины значительную суровость и дѣлаютъ невѣрными урожаи посѣвовъ и растеній, принадлежащихъ сѣверному климату.

Къ самымъ высокимъ вершинамъ этой мѣстности принадлежатъ: поднимающійся близъ Новаго-Баязета конусъ *Агмаганъ* (11,902 фута), гора *Кызылъ-дагъ* (11,823 фута), *Ахъ-дагъ* (11,711 футъ), *Гезаль-дара* и другія, въ числѣ которыхъ находится и *Шахъ-булагъ* (11,308 футъ).

Къ юго-востоку отъ той же горы Сарьяръ-Сарчалы, между рѣками Базаръчаемъ и Акяра-чаемъ, притоками Бергушета, располагается *Карабахская* плоская возвышенность, простирающаяся своею продольною осью въ юго-восточномъ направленіи и имѣющая въ длину до 100, а въ ширину около 34 верстъ. Общій склонъ ея слѣдуетъ въ юго-восточномъ направленіи и покрывается въ лѣтнее время прекрасными кормовыми травами, дающими обильную пищу стадамъ карабахскихъ татаръ и курдовъ. Сѣверная окраина Карабахскаго плоскогорья, образующаго водораздѣлъ между верховьями Тертеръ-чая и Базаръ-чая, составляетъ начало высокаго *Карабахскаго*, или *Шушинскаго* хребта, пролегающаго по границѣ Шушинскаго уѣзда. Замѣчательнѣйшія его вершины: *Михтюканъ* (11853 фута), *Кырхъ-Кызъ* (9329 футъ) и *Кирсъ* (8988 футъ), даютъ начала отрогамъ того же имени, образующимъ нѣсколько долинъ и ущелій.

Плоская возвышенность, на которой расположено Гокчинское озеро, какъ мы видѣли, черезъ посредство Водораздѣльнаго хребта связывается съ *Даралагезскими* горами, ограниченными рѣками Восточнымъ Арпачаемъ, Араксомъ, Базаръ-чаемъ и Бергушетомъ. Даралагезскія горы составляютъ самую южную часть Малаго Кавказа и упираются своею восточною оконечностію въ рѣку Араксъ, близъ г. Ордубата. Средняя высота поднятія вершинъ этого хребта составляетъ около 10,200 футовъ, а изъ замѣчательнѣйшихъ вершинъ можно назвать горы: *Капуджихъ* (12,854 ф.), *Оражинъ* (10,562 ф.) и *Кюки-дагъ* (10,282 фута). Изъ контрфорсовъ этого хребта наиболѣе замѣчательны три: одинъ *Даръ-дагскій*, служившій границею Нахичеванскаго и Ордубатскаго уѣздовъ; другой, пролегающій по бывшей границѣ Ордубадскаго и Шушинскаго уѣздовъ, и, наконецъ, третій, паралельный ему, начинающійся въ восьми верстахъ къ югу, у горы Капуджиха, и упирающійся въ Араксъ. Два послѣдніе контрфорса богаты лѣсомъ, тогда какъ всѣ остальные отроги Даралагезскихъ горъ весьма бѣдны имъ.

Подходя къ Араксу, Даралагезскія горы стѣсняютъ Аракскую долину и, сближаясь такимъ образомъ съ Адзербейджанскими горами, на пространствѣ отъ Ордубата до Мигри, обращаютъ Аракскую долину въ глубокое ущелье, дно котораго, имѣя значительное паденіе, усѣяно огромными обломками скалъ, по которымъ Араксъ стремится съ оглушительнымъ ревомъ. Адзербейджанскія горы, съ одной стороны, своею восточною оконечностію примыкаютъ къ Та-

...ынскимъ или *Ленкоранскимъ* горамъ, окружающимъ юго-западный берегъ ...пійскаго моря и составляющимъ нашу границу съ Персіею, а съ другой ...дитъ въ соприкосновеніе съ высокимъ Агридагскимъ хребтомъ, пролегаю...мъ по границѣ съ Турціею и примыкающимъ, своею восточною оконеч...стію, къ системѣ *Арарата*, расположенной на границѣ трехъ государствъ: ...ссіи, Персіи и Турціи.

Эта послѣдняя система состоитъ изъ двухъ конусовъ, изъ которыхъ сѣ...ро-западный называется *Большимъ Араратомъ*, вершина котораго дости...етъ до высоты 16,915 футъ, а юго-восточный *Малымъ Араратомъ*, ...ющимъ высоту 12,840 футъ. Обѣ горы отдѣлены другъ отъ друга ...ширною долиною, лежащею на высотѣ 8,800 ф., и представляющею пре...ходное пастбище.

Сдѣлавъ краткій орографическій очеркъ Закавказья и переходя къ гидро...фическому описанію края, мы должны начать его съ берега Чернаго моря.

Черное море, на всемъ своемъ пространствѣ отъ устья Кубани и до ту...цкой границы, имѣетъ только три бухты: Новороссійскую, Геленджикскую ...Сухумскую. Первыя двѣ обширны, глубоки и закрыты отъ морскихъ вѣт...ровъ, но входъ въ нихъ тѣсенъ и въ обоихъ есть тотъ огромный недоста...токъ или неудобство относительно якорной стоянки, что они подвергаются ...йствію *боры*—особаго, сильнаго береговаго вѣтра. Бора дуетъ съ сѣверо-...востока, срывается съ горнаго хребта съ силою бури и, дѣйствуя подъ угломъ, ...роизводитъ страшное опустошеніе на сушѣ и на морѣ: вырываетъ деревья, ...рываетъ крыши съ домовъ, а суда съ двухъ и трехъ якорей, ломаетъ на ...нихъ мачты, бросаетъ ихъ на мель или разбиваетъ о берегъ. Бора дѣйствуетъ такъ сильно, что, волнуя море, рветъ его поверхность на брызги, произво...дитъ въ водѣ такое дѣйствіе, которое можно сравнить только съ кипѣніемъ, и случалось не рѣдко, что суда, поставленныя на мертвый якорь, не вы...держивали боры, срывались съ него и разбивались.

Осенью бора сопровождается снѣгомъ и морозомъ, но вода въ бухтѣ ни...когда не замерзаетъ.

Приближеніе боры узнается по слѣдующимъ признакамъ: небо очищается, а на вершинахъ горъ появляются облака, похожія на снѣгъ; затѣмъ съ горъ начинаетъ срываться вѣтеръ порывами, которые, постепенно учащаясь, обращаются въ сильную бурю, или бору. Стихая, бора переходитъ опять въ порывы вѣтра, которые, постепенно ослабѣвая, оставляютъ между собою все бо́льшіе и бо́льшіе протежутки, а затѣмъ отъ хребта горъ отдѣляется бѣлое облако и уносится вверхъ.

Столь ощутительный недостатокъ первыхъ двухъ бухтъ причиною того, что Сухумская бухта, хотя и обращенная своимъ широкимъ отверстіемъ къ морю, считается все-таки лучшею. Она не подвержена дѣйствію боры и, имѣя иловатое дно, лучше удерживаетъ якоря, чѣмъ двѣ первыя, у которыхъ дно песчаное и каменистое.

Отсутствіе хорошихъ бухтъ на кавказскомъ берегу составляетъ весьма важный недостатокъ Чернаго моря, въ которомъ за то вдоль всего берега нѣтъ ни мелей, ни подводныхъ камней, такъ что суда могутъ идти въ самомъ близкомъ разстояніи отъ материка, весьма богатаго растительностію и роскошнѣйшею природою.

Кавказскій хребетъ, начинаясь у устьевъ Кубани и принимая направленіе къ юго-востоку, по мѣрѣ своего возвышенія отдѣляется отъ моря, такъ что за рѣкою Кодоръ совершенно расходится съ морскимъ берегомъ. Хребетъ уклоняется къ востоку и отходитъ внутрь Кавказскаго перешейка, а берегъ моря описавъ, за устьемъ Кодора, небольшую дугу къ востоку, направляется потомъ на югъ. Къ самому морскому берегу горы прилегаютъ только у Суджукской, или Новороссійской бухты, а далѣе отбрасываютъ къ морю короткія и крутыя вѣтви, подмываемыя морскими волнами.

При началѣ Кавказскаго хребта почти до самой Новороссійской бухты высота и крутизна горъ незначительна, скаты ихъ пологи и мѣстность открыта и безлѣсна. Рѣчныя долины широки и неглубоки, а оттого и самыя рѣки весьма незначительны. Большихъ рѣкъ здѣсь вовсе нѣтъ, а малыхъ множество, и всѣ онѣ удобопроходимы въ бродъ.

Къ югу отъ Новороссійска и до р. Шапсухо, при устьѣ которой было построено Тенгинское укрѣпленіе, мѣстность принимаетъ очертаніе горной страны. Отрасли Главнаго хребта достигаютъ значительной высоты; скаты ихъ круты, изрѣзаны оврагами, а гребни остроконечны. На этомъ пространствѣ мѣстность покрыта лѣсами и мало обработана; дорогъ, удобныхъ для экипажной ѣзды, нѣтъ; сообщеніе производилось прежде по горнымъ тропамъ, а тяжести перевозились на вьюкахъ.

Рѣки, протекающія на этомъ простанствѣ, не имѣютъ однако же горнаго характера. Болѣе значительныя изъ нихъ: *Пшада*, *Вуланъ*, *Джуба* и *Шапсухо*, текутъ тихо, въ глубокихъ руслахъ, по широкимъ долинамъ, всегда полноводны и не мѣняютъ своего ложа. Отъ р. Шапсухо и до рѣки *Соча* (Саше) мѣстность принимаетъ еще болѣе суровый видъ горной страны. Главный хребетъ, въ этомъ мѣстѣ, отдѣляетъ отъ себя, по направленію къ берегу, масивные и изрытые оврагами утесистые отроги, которые, развѣтвляясь, наполняютъ всю мѣстность столь же крутыми и рѣзкаго очертанія второстепенными отраслями, образующими тѣснины и горныя ущелья, покрытыя, вмѣстѣ со склонами горъ, вѣковыми лѣсами. Рѣки этого пространства, сбѣгая съ большой высоты, по крутымъ покатостямъ, на короткомъ своемъ протяженіи отличаются уже значительнѣйшею стремительностью своихъ водъ. Главнѣйшія изъ нихъ: *Туапсе*, *Мокупсе*, *Псезуапе*, *Шахе*, *Зюебзе* и *Соча* (Саше).

Имѣя въ обыкновенное время не болѣе трехъ четвертей аршина глубины, рѣки эти проходимы въ бродъ, но во время быстрой прибыли воды, отъ таянія снѣговъ или дождей—которыя въ этой мѣстности не рѣдко падаютъ

въ видѣ цѣлой сплошной массы воды — онѣ становятся непроходимыми. Впрочемъ въ такое время не только рѣки, но всѣ ложбины и впадины, обыкновенно сухія, обращаются въ непроходимые и стремительно-разрушительные потоки.

Если же, при быстромъ возвышеніи воды въ горныхъ рѣкахъ, вѣтеръ дуетъ съ моря, то рѣки, при своемъ устьѣ, не смотря на сильное стремленіе своихъ водъ, задерживаются прибоемъ морскихъ волнъ, набѣгающихъ на берегъ съ непреодолимою силою, и, кромѣ того, набрасывающихъ въ устья рѣкъ значительное количество песка и щебня. Тогда горная рѣка, засоренная въ устьѣ и остановленная въ своемъ теченіи, выступаетъ изъ береговъ и прокладываетъ себѣ къ морю новое русло, въ томъ направленіи, въ которомъ встрѣчаетъ менѣе сопротивленія, т. е. подъ болѣе или менѣе острымъ угломъ къ направленію морской зыби. Съ перемѣною вѣтра измѣняется и направленіе морскихъ волнъ, а оттого и рѣки часто измѣняютъ свои русла, чему особенно способствуетъ мягкій грунтъ долинъ, которыя преимущественно состоятъ изъ наноснаго ила и щебня.

За долиною *Сочи* Главный хребетъ Кавказскихъ горъ отходитъ еще далѣе отъ моря, значительно возвышается, а вмѣстѣ съ тѣмъ расширяется въ своемъ основаніи и занимаетъ широкую полосу земли. Отдѣляемые имъ отроги понижаются къ морскому берегу въ видѣ террасъ или нагорныхъ долинъ. Такихъ нагорныхъ долинъ, до окончательнаго поворота Кавказскаго хребта къ востоку, три: *Ахчипсоу*, *Псху*, и *Цебельда*. Въ первой долинѣ протекаетъ р. *Мдзымта*, впадающая въ море. Рѣка эта хотя и получаетъ начало въ Главномъ хребтѣ, но чрезвычайно мелководна. Вторая, Псхувская нагорная долина, будучи окружена со всѣхъ сторонъ горами, понижается къ морю и выдается угломъ къ укрѣпленію Гагры. На верхней ея плоскости, углубленной по срединѣ, протекаетъ р. *Бзыбь*, которая, собравъ воды со всѣхъ краевъ этой долины, вливаетъ ихъ въ море. Плоская возвышенность Псху прикасается одною изъ своихъ сторонъ къ *Цебельдинской* нагорной плоскости, отдѣляющей собою сѣверную часть Абхазіи отъ южной. Цебельда, окруженная со всѣхъ сторонъ горами, состоитъ изъ двухъ террасъ: верхней и нижней. Верхняя терраса, прилегающая къ Главному хребту, отдѣлена отъ нижней поперечною грядою горъ, пролегающихъ паралельно главной цѣпи. Воды этой террасы собираются въ двѣ рѣки, *Чхальту* и *Секенъ*, которыя, соединившись вмѣстѣ, падаютъ на нижнюю террасу однимъ потокомъ, получающимъ названіе р. *Кодоръ*, протекающей по нижней террасѣ, которая постепенно понижаясь, спускается къ морю нѣсколькими уступами. Кодоръ питается многими притоками, сбѣгающими съ раскинутыхъ внутри террасы горныхъ цѣпей, и, сливъ ихъ въ одно русло, выходитъ въ южную часть Абхазіи, гдѣ, раздѣлившись на нѣсколько рукавовъ, впадаетъ въ Черное море. Къ южной сторонѣ Цебельдинской террасы прилегаетъ южная часть Абхазіи и *Самурзаканъ*. Сѣверная же часть Абхазіи, вдающаяся угломъ между Псху и

Цебельдою, пересѣкается многими горными цѣпами и стекающими съ нихъ рѣчками. Почти всѣ отрасли горъ не достигаютъ здѣсь до берега, кромѣ одной, которая, отдѣлившись отъ Псхувской террасы, около середины южнаго ея края, подходитъ къ морю и образуетъ между крутизнами своей оконечности и берегомъ моря Псыртскую тѣснину. Кряжъ этотъ, раздѣляя сѣверную Абхазію на двѣ части, дѣлаетъ возможнымъ сообщеніе ихъ между собою только черезъ эту тѣснину.

Абхазія отдѣляется отъ Самурзакани рѣкою *Галидзгою*, а Самурзакань, отъ сопредѣльной ей Мингреліи, рѣкою *Ингуромъ*.

По мѣрѣ удаленія Главнаго хребта внутрь материка и возвышенія его, рѣки, получающія начало на его скатахъ, естественно дѣлаются длиннѣе въ своемъ теченіи и обильнѣе водами. Такимъ образомъ на прибрежномъ пространствѣ между долиною Сочи и р. Ингуромъ, всѣ рѣки имѣютъ характеръ горныхъ потоковъ, и притомъ главнѣйшія изъ нихъ, получающія начало въ Главномъ хребтѣ, сохраняютъ постоянно значительную глубину, препятствующую переправѣ черезъ нихъ въ бродъ. Къ числу такихъ рѣкъ принадлежатъ *Бзыбь*, *Кодоръ* и *Ингуръ*, съ его притоками. Ингуръ образуется изъ сліянія двухъ истоковъ праваго *Калуэ-тюбѣ*, вытекающаго изъ Главнаго хребта, и собственно Ингура, вытекающаго изъ отрога Карильшадъ, составляющаго западную границу Сванетіи. По соединеніи обоихъ истоковъ у селенія Лахшуты, рѣка получаетъ общее названіе Ингура пробѣгающаго болѣе 150 верстъ. Средняя ширина рѣки, по выходѣ изъ тѣсныхъ ущелій, отъ 15—20 саженъ, а при устьѣ отъ 40 до 50 саженъ.

Черезъ *Бзыбь* можно еще иногда перейдти въ бродъ у ея устья, по песчанымъ наносамъ съ моря; черезъ *Кодоръ* существуютъ два, впрочемъ весьма затруднительныхъ, брода: выше и ниже Дранды, а *Ингуръ* повсюду и никогда непроходимъ. Значительная быстрота теченія, утесистые берега въ горахъ и большая глубина на плоскости, при устьѣ, дѣлаютъ устройство переправъ черезъ него затруднительнымъ.

Всѣ эти рѣки, въ томъ числѣ и Мдзымта, выходя на равнины дробятся на рукава, образуютъ острова и, такимъ образомъ, соединяются съ моремъ. Между этими четырьмя главнѣйшими рѣками прибрежье Чернаго моря орошается множествомъ второстепенныхъ рѣкъ, которыя, выходя изъ уступовъ террасъ и послѣднихъ предгорій, проходимы повсюду, особенно у устьевъ заносимыхъ пескомъ, набрасываемымъ морскимъ прибоемъ. Къ числу такихъ рѣкъ принадлежатъ: *Псоу*, *Хошупсе*, *Апста*, *Гумиста* и болѣе значительная *Келасури* (*).

Для сообщенія Чернаго моря съ лежащими по сѣверную сторону хребта

(¹) Очеркъ орографіи и геологіи Кавказа. Н. Салацкій. З. К. О. И. Р. г. общ. кн. VII. Восточ. берегъ Чернаго моря. Карлыгоев. Общій обзоръ Кавказскаго края. „Военный Сборн." 1858 г. т. IV.

...скими равнинами, существуетъ нѣсколько переваловъ. Такъ, изъ вер... р. Клычъ, впадающей въ р. Кодоръ, къ верховью рѣки Учкуланъ, ...го притока Кубани, существуетъ переходъ, извѣстный подъ именемъ *На...скаю* перевала, абсолютная высота котораго достигаетъ до 9,617 футовъ. ...е черезъ перевалъ *Ахклыацаро*, отъ станицы Карданыкской, по лѣвому ...у р. Маруха, притока р. Малаго Зеленчука, черезъ ледникъ *Марухз...*, къ рѣкѣ южному Маруху, ведетъ *Марухскій* перевалъ, съ высотою ...нѣе 10 т. футъ. Съ сѣвера по рѣкѣ Большой Лабѣ и ея притокамъ, ...къ притокамъ р. Бзыбь, идутъ весьма близко расположенные другъ ... друга пять переваловъ, имѣющихъ высоту болѣе 8 т. футъ. Лучшимъ ... нихъ признается перевалъ *Санчаро*, по направленію котораго и предпо...ется разработать дорогу шириною въ три сажени.

...Отъ истоковъ рѣки Малой Лабы на рѣку Мдзымту ведутъ также три ...ревала, расположенные въ близкомъ другъ отъ друга разстояніи, изъ ко...рыхъ самый удобный *Псегашко*, имѣющій высоту 6,200 футъ, черезъ ко...рый также разработывается дорога.

...Въ средней части существуютъ два перевала: *Бѣлорѣченскій*, по рѣкѣ ...лой, ея притоку Чурупсу, на перевалъ Шатлибъ, высотою 6,250 футъ къ ...ховью рѣки Шахе и по ея теченію до устья, и нѣсколько къ западу ...скій перевалъ, высотою отъ 5 до 6,000 футъ, по рѣкѣ Пшехѣ и вер...ому ея истоку Цели, на рѣку Хачучипсы и далѣе по рѣкѣ Псезуапе. ...инскій перевалъ, по правому берегу рѣки Пшиша, черезъ высоту около ...00 футъ въ верховье рѣки Чилипсы, впадающей въ Туапсе и далѣе, по ...авому берегу послѣдней. Дорога эта разработывается и будетъ лучшимъ ...есныхъ путемъ, для сообщенія сѣверной части Кубанской области съ ...ною (1).

... Невоздѣланность прибрежья Чернаго моря, покрытаго болотами и густыми растеніями, дѣлаетъ климатъ его весьма нездоровымъ, въ особенности въ ...ной его части, въ Абхазіи. По всему восточному берегу Чернаго моря мѣстность на равнинахъ покрыта во многихъ мѣстахъ болотами, образо...вавшимися отъ прегражденія, морскими наносами, выхода въ море рѣчнымъ водамъ. Разливы рѣкъ и дождевыя воды, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ не имѣютъ выхода, частію испаряются, частію же напояютъ почву. Отъ сово...купности этихъ явленій, при высокой температурѣ жаркаго климата, расти...тельность развивается съ необычайною быстротою: посаженная лоза въ че...тыре года обращается въ большое дерево; очищенныя отъ растительности мѣста на слѣдующій годъ опять заростаютъ. Край этотъ принадлежитъ къ полосѣ вѣчной зелени, которая тамъ цвѣтетъ въ теченіе цѣлаго года,

(1) Географическія замѣтки о восточной части Закубанскаго края I. Стебницкаго Кавк. ...енд. на 1867 г.

исключая нагорныхъ странъ, которыя, смотря по степени своего возвышенія, имѣютъ болѣе или менѣе суровую зиму.

Большая сила растительности причиною того, что мѣстность почти всюду покрыта густыми вьющимися кустарниками, которые, переплетаясь между собою, составляютъ покровъ непроницаемый для солнечныхъ лучей, и потому препятствующій осушенію почвы. Гніеніе прошлогоднихъ листьевъ и сырыя испаренія дѣлаютъ вообще климатъ нездоровымъ и порождаютъ болѣзни. Перемежающаяся лихорадка и цынготныя болѣзни считаюся господствующими въ мѣстности ближайшей къ Абхазіи и въ самой Абхазіи; только возвышенности Псху и Цебельда и нѣкоторые отдѣльные пункты имѣютъ довольно здоровый климатъ.

Вредный и сырой климатъ составляетъ принадлежность всего прибрежья Чернаго моря до самой турецкой границы. Изъ этого общаго характера мѣстности не исключается даже и живописная Ріонская долина.

Пространство земли между берегомъ Чернаго моря, подошвами Главнаго Кавказскаго хребта и Ахалцихо-Имеретанскими горами составляетъ Кутаискую, или Ріонскую долину, обильно орошаемую рѣками Ріономъ, Хопи, Ингуромъ и другими.

Ріонъ, съ его притоками, составляетъ, изъ всѣхъ рѣчныхъ системъ Закавказья, главный басейнъ Чернаго моря, и орошаетъ Имеретію, Рачу, Лечгумъ, большую часть нижней Мингреліи и часть Гуріи. Ріонъ есть, безспорно, одна изъ значительнѣйшихъ рѣкъ Закавказья и, по длинѣ своего теченія, уступаетъ только Курѣ и Араксу. Ріонъ образуется изъ соединенія трехъ истоковъ: одинъ изъ нихъ вытекаетъ близъ горы Эденисъ-мта, и соединяется съ другимъ истокомъ, *Гебицхали*, вытекающимъ изъ ледника горы Паси-мта, находящейся въ Главномъ хребтѣ и на высотѣ 6,990 футъ надъ поверхностью моря. Гебицхали течетъ съ большою быстротою около 30 верстъ и, соединившись съ третьимъ истокомъ, *Глолацхали*, получаетъ въ дальнѣйшемъ теченіи названіе Ріона. Принявъ юго-западное направленіе, рѣка имѣетъ характеръ каскада, до сліянія своего у мѣстечка Они (въ Имеретіи) съ рѣчкою *Джорджоры*. Подойдя къ мѣстечку Они, Ріонъ утрачиваетъ часть своей стремительности, поворачиваетъ на западъ и бѣжитъ по болѣе широкой долинѣ, изрѣдка стѣсняемой ущельями. Близъ селенія Цагера, Ріонъ поварачиваетъ на югъ и, выйдя у Кутаиса на долину, течетъ еще очень быстро до впаденія въ него *Квирилы;* затѣмъ, описавъ дугу, принимаетъ снова западное направленіе, уменьшаетъ быстрину, но за то расширяетъ свое ложе. Ниже впаденія въ него съ правой стороны рѣки *Губисцхали*, Ріонъ безпрестанно то расширяется въ своемъ теченіи, то съуживается и протекаетъ такимъ образомъ до самаго впаденія своего въ море у г. Поти, причемъ расширеніе и съуживаніе его береговъ находится въ предѣлахъ отъ 40 до 200 саженъ. При впаденіи своемъ въ море, Ріонъ раздѣляется на нѣсколько рукавовъ, образующихъ острова; вся длина тече-

...его простирается до 320 верстъ. Отъ своего устья и до впаденія рѣки ...с-цхали Ріонъ считается судоходнымъ, но пароходное сообщеніе производ... до мѣстечка Орпиря, лежащаго при впаденіи въ него рѣки *Цхенис-цхали*, всего на разстояніи около ста-десяти верстъ. На всемъ этомъ протяженіи грунтъ земли иловатый и встрѣчаются карчи, затрудняющія плаваніе. Берега рѣки, обросшіе густымъ лѣсомъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣющіе ...истый характеръ, препятствуютъ свободному ходу судовъ бичевой.

Большая часть притоковъ Ріона имѣютъ характеръ горныхъ рѣкъ, и потому ... они, при обыкновенномъ уровнѣ воды, проходимы въ бродъ. Изъ притоковъ его съ правой стороны заслуживаютъ вниманія рѣки: *Сакаури* (Сакаоури), *Лахвуани* (Лахаупи), *Рицаули*, *Асхи*, *Ланджури*, *Губисъ-цхали*, *...ури*, *Циви* и самый значительный притокъ—рѣка *Цхенис-цхали*, протекающая около 150 верстъ и соединяющаяся съ Ріономъ у мѣстечка Орпири. При своемъ впаденіи Цхенис-цхали имѣетъ около 40 саженъ ширины и считается судоходною на семь верстъ отъ ея устья. Изъ рѣкъ, впадающихъ въ Ріонъ съ лѣвой стороны, замѣчательны: *Герула*, *Джорджора*, *...раули*, *Лехидаро*, *Хевис-цхали* и самая значительная *Квирила*, съ ея притоками, пробѣгающая около 120 верстъ и впадающая въ Ріонъ въ томъ самомъ мѣстѣ, отъ котораго и начинается такъ называемая Ріонская равнина.

Нѣсколько выше рѣки Ріона впадаетъ въ Черное море рѣка *Хопи*, весьма быстрая въ своихъ верховьяхъ, протекающая около 100 верстъ, и возлѣ устья которой расположенъ п. Редутъ-кале. Принимая нѣсколько притоковъ справа и слѣва, рѣка Хопи, при своемъ впаденіи въ море, имѣетъ около 20 саженъ ширины и значительную глубину. На пространствѣ около 20 верстъ отъ моря рѣка эта такъ глубока, что въ ней могли бы съ удобствомъ останавливаться корабли, если бы входъ въ нее не былъ затруднителенъ, отъ часто образующихся песчаныхъ отмелей. У Хопинскаго монастыря она почти вдругъ дѣлается столь быстрою и мелководною, что по ней не могутъ плавать и малыя лодки. По этой причинѣ, судоходство ограничивается верстами тремя вверхъ, по рѣкѣ до Редутъ-кальскаго селенія.

Къ югу отъ устья Ріона и въ весьма близкомъ разстояніи отъ берега моря находится озеро *Палеостомъ*, имѣющее въ окружности отъ 25 до 30 верстъ. Берега озера низменны, болотисты, топки и покрыты осокою, камышемъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и густымъ лѣсомъ. Глубина его не превышаетъ 10 саженъ; цвѣтъ воды зеленоватый, запахъ гнилой и вкусъ непріятный; лѣтомъ поверхность воды покрывается водорослями и озеро представляетъ собою зеленую равнину; зимою же озеро не замерзаетъ. Палеостомъ служитъ источникомъ нѣсколькихъ рѣкъ впадающихъ въ море и принимаетъ въ себя рѣку *Печору*, текущую въ низменныхъ берегахъ, но довольно глубокую (отъ 3 до 5 саженъ), и при впаденіи своемъ теряющуюся въ топяхъ, окружающихъ озеро.

Изъ рѣкъ, орошающихъ Гурію, можно упомянуть только объ одной рѣкѣ *Супсѣ*, получающей начало въ Аджарскихъ горахъ, протекающей около 80 верстъ и имѣющей при своемъ устьѣ до 30 саженъ ширины. Принимая множество притоковъ, Супса, во время прибыли воды, выходитъ изъ береговъ, бываетъ глубока, но, при впаденіи въ море, фарватеръ ея мелѣетъ. Кромѣ озера Палеостома, въ Ріонской равнинѣ встрѣчается весьма мало озеръ сколько-нибудь замѣчательныхъ, а въ Имеретіи ихъ нѣтъ вовсе. За то по всей равнинѣ встрѣчается множество болотъ. Съ приближеніемъ къ Черному морю почва дѣлается болѣе и болѣе влажною; рѣки, при впаденіи своемъ въ море, разливаются и образуютъ почти невысыхаемыя топи, вредныя испаренія которыхъ порождаютъ болѣзни и смертность. Подъ вліяніемъ теплоты и сырости, нѣкоторыя кустовыя растенія цвѣтутъ здѣсь на открытомъ воздухѣ въ теченіе цѣлаго года, и многія изъ нихъ, какъ, напримѣръ, лимонныя и померанцовыя деревья, составляютъ принадлежность самыхъ теплыхъ странъ Европы. Вообще Ріонская долина замѣчательна изумительною силою растительности: это обширный но запущенный садъ чинаровъ, каштановъ, орѣховъ, миндаля, персиковъ, дубовъ обвитыхъ виноградными лозами и ползущими, чужеядными растеніями. Селенія здѣсь раскинуты на такое бо́льшое разстояніе, и жители живутъ такъ широко и раздѣльно другъ отъ друга, что деревни въ 200 домовъ занимаютъ почти такое пространство, какъ столичный городъ въ Европѣ. Во многихъ мѣстахъ дорога проходитъ по густой тѣнистой аллеѣ; кругомъ, среди рѣдкаго лѣса, встрѣчаются частыя прогалины, обращенныя въ пашни, засѣянныя кукурузой или гоміи (родъ проса); повсюду высокія и объемистыя деревья, воздухъ полонъ аромата отъ цвѣтущихъ растеній; вѣтеръ съ моря, принося влажность, освѣжаетъ и умѣряетъ палящій полдневный зной. Съ прогалинъ открываются великолѣпные виды: на горизонтѣ сіяютъ снѣжныя вершины Главнаго Кавказскаго хребта и Аджарскихъ горъ; виднѣются покрытыя синевою громады отроговъ Кавказа, спускающіеся отъ него на югъ къ Ріону и между ними болѣе другихъ замѣтенъ скалистый и мрачный *Хомли* (называемый *выходною горою*, потому что въ прежнія времена плѣнные, бѣжавшіе изъ Турціи, направляли на его путь свой).

Ограниченная съ трехъ сторонъ горами, а съ четвертой моремъ, Ріонская долина защищена отъ вліянія сухихъ восточныхъ вѣтровъ и совершенно подчинена вліянію морскаго южно-европейскаго климата. Этой мѣстности свойственъ сильный вѣтеръ *ОNО*, который въ лѣтніе мѣсяцы дуетъ со стороны лѣсистыхъ Ахалцихо-Имеретинскихъ горъ по направленію къ морю, и, несмотря на влажность почвы и атмосферы, наполняетъ долину въ высшей степени сухимъ воздухомъ. Если явленіе это происходитъ въ теченіи 6 или 8 дней, то вся роскошная растительность поражается засухою, не рѣдко истребляющею и самыя деревья.

Вообще же климатъ этой долины сырой и лѣтомъ бываютъ обильные

дожди. Чистое небо заволакивается тучами, по цѣлымъ днямъ льются потоки облачной воды, и тогда вся цвѣтущая равнина обращается въ сплошное болото. Горные ручьи и рѣки вздымаются, выходятъ изъ береговъ, ломаютъ и опрокидываютъ все встрѣчающееся на пути и съ шумомъ несутъ свои воды въ Ріонъ, который, разлившись близъ устья, затопляетъ окрестность. Глинистый грунтъ дороги обращается въ топкую грязь, пересѣкаемую образовавшимися отъ дождя ручьями; повсюду видны лужи, дождь бьетъ въ лицо и путникъ промокаетъ до костей. Черезъ бушующія рѣки ему приходится переправляться вплавь и стремленіе водъ часто топитъ или уноситъ смѣлаго всадника вмѣстѣ съ его конемъ.

Съ февраля или марта начинается здѣсь весна и появляются сначала полевые цвѣты, затѣмъ цвѣтутъ деревья и быстро завязываются плоды. Между тѣмъ рѣки разливаются и сырость въ воздухѣ увеличивается; ясные и теплые дни смѣняются холодными ночами и идутъ частые дожди. Среди населенія обнаруживаются воспаленія легкихъ, жабы, лихорадки и скорбутъ. Съ половины іюня наступаетъ лѣто жаркое, знойное, разслабляющее человѣческій организмъ, и появляются послабляющія желудочно-желтыя горячки и лихорадки, происходящія преимущественно отъ быстраго перехода деннаго жара къ холоду ночей.

Самымъ лучшимъ временемъ этой мѣстности бываетъ осень, тихая и ясная; въ это время только изрѣдка появляются скоропроходящіе дожди и вѣтры.

Передъ наступленіемъ зимы начинаются проливные дожди; лѣса обнажаются, зелень исчезаетъ; атмосфера наполняется густыми туманами; появляются кровавые поносы, разнаго рода водяныя болѣзни и цынга. Съ половины декабря настаетъ зима, заявляющая свое присутствіе постоянно дождливою и холодною погодою; иногда выпадаетъ снѣгъ, но держится не долго, и случается, что бываютъ вьюги и бури. Съ удаленіемъ отъ берега моря, съ переходомъ изъ низменной мѣстности на болѣе возвышенную, климатъ постепенно улучшается, и есть многія мѣста этой долины, отличающіяся своимъ здоровымъ климатомъ.

Ріонская, или Кутаисская долина отдѣляется Грузино-Имеретинскимъ хребтомъ отъ *Карталинской* или *Горійской* равнины, которая простирается на сѣверъ до подошвы Кавказа, на югъ до р. Куры, а на востокъ до высотъ, лежащихъ между рѣками Рехулою и Ксаномъ. Между этими послѣдними высотами, подошвою Кавказа и р. Арагвою находится *Мухранская* равнина, покрытая во многихъ мѣстахъ мелкимъ кустарникомъ. Рѣка Арагва отдѣляетъ эту долину отъ *Сагурамской*, которая покрыта также кустарникомъ. Между сѣверною подошвою Тріалетскаго хребта, р. Курою и къ югу отъ Карталинской равнины, расположены двѣ небольшія равнины: *Карельская* и *Ахалкалакская*, раздѣленныя другъ отъ друга отрогомъ Тріалетскихъ горъ, упирающихся въ рѣку Куру, у города Гори. Мцхетское ущелье соединяетъ

Ахалкалакскую равнину съ *Дигомскою*, ограниченную съ сѣвера и запада подошвою Тріалетскихъ горъ, съ юга р. Дигоми, а съ востока р. Курою (¹).

Кромѣ названныхъ равнинъ, Тріалетскія горы образуютъ много другихъ небольшихъ долинъ, каковы: долина близъ Тифлиса, которая ограничена съ юга ущельемъ р. Веры; долина *Загордань*, на лѣвой сторонѣ р. Куры, противъ Дигомской; на югъ отъ Тифлиса *Кодинская* равнина и проч.

Всѣ эти равнины и долины орошаются рѣкою Курою или ея притоками. Получая начало въ предѣлахъ Турціи изъ Саганлугскаго хребта, Кура пересѣкаетъ Ахалцихскія горы и входитъ въ предѣлы Тифлисской губерніи. Протекая въ сѣверо-восточномъ направленіи по долинѣ, стѣсняемой въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ущельями, она входитъ у мѣстечка Ацхуры въ Боржомское ущелье. Ширина рѣки на этомъ протяженіи не превышаетъ 12 саженъ, а обыкновенная глубина ея отъ 5—7 футовъ. До Боржомскаго ущелья Кура принимаетъ много притоковъ, изъ которыхъ наиболѣе значительны слѣдующіе притоки: съ правой стороны *Ахалкалакъ-чай* и съ лѣвой—*Поцовъ-чай*, берущій начало въ Турецкихъ владѣніяхъ.

Вступая въ границы Карталиніи и прорѣзавъ горы, Кура принимаетъ направленіе отъ запада къ востоку и протекаетъ по равнинной мѣстности, состоящей изъ цѣлаго ряда долинъ.

Предгорья Армяно-Ганжинскихъ горъ, подходя къ Курѣ, близъ поста Сала-оглы, образуютъ границу между долиною рр. *Храма* и *Борчалы* и Елисаветпольскою равниною.

Долина Храма и Борчалы ограничена: съ сѣвера подошвою Тріалетскихъ горъ, съ востока, Курою, а съ юга и запада предгоріями Армяно-Ганжинскихъ и Сомхетскихъ горъ. Долина эта, имѣя черноземный грунтъ, весьма плодородна.

«*Елисаветпольская* равнина простирается въ юго-восточномъ направленіи, между Курою и подножіемъ Армяно-Ганжинскихъ горъ до р. Кюракъ-чая». Равнина эта принадлежитъ къ самымъ знойнымъ и нездоровымъ мѣстностямъ Закавказья; сѣверо-западная половина ея волниста, а юго-восточная совершенно плоская.

Противъ долины Храма и Борчалы, между р. Курою и подошвою Караязьской возвышенности, пролегаетъ низменная равнина, совершенно безводная и безлѣсная, кромѣ узкой полосы по берегу р. Куры. Средняя часть равнины, гдѣ растетъ лѣсъ и сливаются рѣки Кура, Іора и Алазань, называется *Самухомъ*, а остальная безводная и безплодная часть—степью *Упадаръ*. Степь эта, съ одной стороны, соединяется съ долиною, пролегающею по обѣимъ сторонамъ Іоры, а съ другой, посредствомъ ущелья, образуемаго Шираком

(¹) Военно-статистическое описаніе Кутаисскаго генералъ-губернаторства Лаврентьева.— Очерки западнаго Закавказья Кавк. 1852 г. № 80. Очеркъ орографіи Кавказа Н. Салацкій. Зап. Кав. отд. Имп. Рус. Геогр. общ. кн. VII.

...ордагомъ, соединяется съ плоскою и обширною долиною *Алазани* и *Агры-*... Рѣчка *Куракъ-чай* и хребетъ горъ, пролегающій между р. Курою и ...*жиганъ-чаемъ*, образуютъ окраину плоской и весьма обширной *Нижне-*...*рской* долины, простирающейся до Каспійскаго моря. Часть этой равнины ...жду рѣками Курою и Араксомъ извѣстна подъ именемъ *Муганской* степи. ...чва Нижне-курской долины глиниста и только у подножія горъ и по берегамъ ...ѣкъ черноземна. При постоянномъ орошеніи полей, земля даетъ роскошную ...стительность, но безъ этого, въ теченіе лѣта, она покрыта растительностію ...олько выдерживающею сильный жаръ: каперсы, полынь и терновникъ; въ ...имнія полугодія она покрывается тучною травою.

Въ предѣлахъ Елисаветпольской губерніи р. Кура бѣжитъ близъ рѣчки ...нкаръ, въ крутыхъ и высокихъ берегахъ; отъ селенія-же Карасакалъ ...ечетъ по равнинѣ, имѣющей ширины отъ 6 до 8 верстъ, и начинаетъ обра-...зывать острова. Теченіе рѣки здѣсь довольно быстро; въ зимнее время воды Куры мелки и часто представляютъ удобные броды; весною же рѣка ...ступаетъ изъ береговъ, заливаетъ окружающую мѣстность и портитъ сады. Въ предѣлахъ Карабага, до Менгечаура, р. Кура имѣетъ весьма быстрое ...еніе; ширина ея въ этомъ мѣстѣ достигаетъ до 60 и даже до 100 саженъ, ...глубина отъ 10 до 15 саженъ. Въ полноводье уровень воды быстро воз-...вышается, и случается, что рѣка подымается на шесть и даже на семь са-...женъ противъ обыкновенной высоты воды, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разли-...вается на пять и болѣе верстъ. Русло ея песчано, но мѣстами переходитъ ...въ каменистое и иловатое. Берега ея утесисты и рѣка образуетъ нѣсколько ...островъ, покрытыхъ лѣсомъ. Съ наступленіемъ зимы, Кура покрывается ...тонкимъ льдомъ, но только тамъ, гдѣ теченіе ея тихо. Протекая далѣе по границѣ Карабага съ Ширваномъ, Кура, при селеніи Джаватъ, сливаетъ свои воды съ Араксомъ и, раздѣлившись на рукава, тремя устьями впадаетъ въ Каспійское море, образуя своею дельтою островъ *Сальянъ*. Нижнее ея устье ...зывается *Акушенскимъ;* среднее — *восточнымъ*, а верхнее — *сѣвернымъ*. Верховья Куры, до Тифлиса, удобны только для сплава плотовъ лѣса; ниже Тифлиса, при впаденіи въ Куру Алазани, существуютъ Самухскіе пороги, хотя и не совершенно препятствующіе проходу плоскодонныхъ судовъ, но все-таки весьма затрудняющіе ихъ плаваніе. Далѣе, еще внизъ, рѣка озобилуетъ кар-...чами, такъ что, по мнѣнію нѣкоторыхъ, судоходность р. Куры начинается верстъ за 500 отъ впаденія ея въ Каспійское море (*).

Сравнивая климатическія условія долины р. Куры съ долиною Ріона, найдемъ значительную разницу между ними. Открытая дѣйствію сухихъ и сильныхъ вѣтровъ, господствующихъ въ степяхъ средней Азіи, долина р.

(¹) Краткое описаніе торговыхъ путей сообщенія и пр. Дюкруасси Зап. Кав. от. Имп. Рус. Геогр. общ. кн. I изд. 1852 г. См. также „Пароходство по р. Курѣ“ Кавк. календ. на 1854 г.

Куры подчинена вліянію континентальнаго климата, сопровождающагося довольно суровыми зимами и знойнымъ лѣтомъ. Плодородная въ среднихъ частяхъ теченія рѣки (въ Карталиніи), долина р. Куры, съ приближеніемъ къ Каспійскому морю, дѣлается болѣе знойною, и близъ устьевъ своихъ, понижающихся на 85 футъ ниже океана, долина Куры превращается въ степь безлюдную, покрытую песками и солончаками. Раннею весною, съ таяніемъ снѣговъ, здѣсь появляется весьма быстро яркая зелень, которая также весьма быстро выжигается солнцемъ, такъ что въ продолженіе цѣлаго лѣта равнинныя мѣста восточной части Закавказья представляются пустынею, лишенною всякой растительности и вредною для здоровья. Сальянскій островъ, страна низменная, болотистая, также извѣстна своимъ вреднымъ климатомъ.

На всемъ своемъ теченіи, р. Кура принимаетъ множество притоковъ, изъ которыхъ мы упомянемъ только о наиболѣе значительныхъ.

Такъ, съ лѣвой стороны въ нее впадаютъ слѣдующія рѣки: *Ліахва* (Диди-Ліафа) состоящая изъ большой и малой Ліахвы. Вытекая изъ Главнаго хребта, Большая-Ліахва бѣжитъ сначала по нѣсколькимъ ущельямъ и послѣднимъ Джавскимъ, выходитъ на равнину, гдѣ, не доходя восьми верстъ до своего впаденія, принимаетъ воды малой Ліахвы (Патара-Ліахва) и впадаетъ въ р. Куру при г. Гори. Рѣка эта обильна водою и весьма удобна для сплава лѣса.

За Ліахвою слѣдуетъ р. *Ксань*, получающая начало въ Магладолетскомъ ущельѣ и протекающая по Мухранской равнинѣ. Ксань довольно мелководна и глубина ея въ рѣдкихъ мѣстахъ превышаетъ аршинъ.

Не далеко отъ перевала черезъ Главный хребетъ, на военно-грузинской дорогѣ, у Гудъ-горы получаетъ начало *Мтіулетская-Арагва*, которая, протекая черезъ средину Мтіулетскаго ущелья, принимаетъ въ себя съ обѣихъ сторонъ множество, впрочемъ не значительныхъ, горныхъ потоковъ.

Близъ селенія Жинвали она соединяется съ *Пшавскою-Арагвою*, получающею начало въ Пшавскихъ ущельяхъ и имѣющую глубину не болѣе трехъ четвертей аршина. Соединившись вмѣстѣ и получивъ общее названіе *Арагвы*, рѣка эта впадаетъ въ Куру у Мцхета, имѣя глубину не болѣе полутора аршина.

Главнымъ притокомъ Куры съ лѣвой стороны служитъ р. *Алазань* съ *Іорою*. Получая начало въ Главномъ хребтѣ, Алазань спускается съ горъ въ направленіи съ сѣвера на югъ, затѣмъ, принявъ направленіе паралельное Главному хребту, течетъ по равнинѣ. Теченіе Алазани тихо, но глубина довольно значительна, такъ что только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно переѣзжать ее въ бродъ. Въ Телавскомъ уѣздѣ Алазань раздѣляется на рукава, и потомъ, соединившись въ одно русло и поворотивъ опять съ сѣвера на югъ, она впадаетъ въ Куру, имѣя ширину немного менѣе послѣдней.

Почти при самомъ своемъ впаденіи, неподалеку отъ Самуха, Алазань соединяется съ весьма значительною рѣкою *Іорою*, получающею свое начало также въ Главномъ хребтѣ не далеко отъ горы Барбало. Рѣка Іора течетъ

мыхъ крутыхъ и возвышенныхъ, то въ отлогихъ берегахъ, и, имѣя общее направленіе съ сѣверо-запада на юго-востокъ, весьма часто мѣняетъ свое теченіе. По обѣимъ сторонамъ Іоры и по лѣвому берегу р. Куры тянутся длинныя степныя пространства: Караязы, Ападаръ и Ширакъ, ограниченныя возвышеніями бѣловатыми кряжами, пролегающими паралельно берегамъ р. Куры, Іоры и Алазани.

Берега обѣихъ рѣкъ, какъ Алазани, такъ и Іоры, въ нижнемъ ихъ теченіи считаются неудобными и нездоровыми для жизни; господствующія болѣзни этой мѣстности составляютъ горячки.

Впрочемъ, долина р. Алазани, окруженная со всѣхъ сторонъ возвышенными горами, представляетъ пространство, отличающееся необыкновенною растительностію и плодородіемъ. Вся Кахетія почти сплошь покрыта зеленью, садами и преимущественно виноградниками.

Изъ рѣкъ, впадающихъ въ р. Куру съ правой стороны, заслуживаютъ вниманія: весьма быстрая рѣчка *Кавтура*, незначительная р. *Алгетка* и затѣмъ басейнъ рѣки *Храма* съ правымъ его притокомъ, р. *Борчалою*.

Храмъ бываетъ весною довольно глубокъ, а въ прочее время проходимъ въ бродъ. При быстромъ теченіи онъ раздѣляется на рукава и представляетъ всѣ удобства къ проведенію изъ него каналовъ, для орошенія полей, въ чемъ и состоитъ главная его польза, какъ рѣки, неудобной для судоходства.

За р. Храмомъ впадаютъ въ р. Куру рѣчки *Акстафа*, съ лѣвымъ ея притокомъ, р. *Джегаулъ*; затѣмъ слѣдуютъ рѣки: *Гасанъ-су*, *Таузъ*, *Дзегамъ*, *Джигиръ* и *Шамхоръ*, отличающіяся своею быстротою, какъ въ горахъ, такъ и на равнинѣ, и замѣчательной вредностью своей воды. Не представляя нигдѣ удобныхъ береговъ, Шамхоръ до такой степени быстръ, въ особенности при разливѣ, что опрокидываетъ экипажи. Ниже Шамхора, въ р. Куру впадаетъ р. *Кушкаръ-чай*, составляющаяся изъ нѣсколькихъ ручьевъ и протекающая сначала въ горахъ, а при урочищѣ Дашкесанъ рѣка эта стремительно падаетъ внизъ по скаламъ и проходитъ въ глубокомъ оврагѣ. Самое русло Кушкаръ-чая имѣетъ здѣсь видъ узкаго канала, высѣченнаго въ каменистыхъ скалахъ. По маловодію своему, рѣчка эта, тамъ гдѣ дозволяютъ берега, удобопроходима въ бродъ.

Рѣка *Ганжи-чай*, или *Ганжинка*, вытекая изъ горъ, по выходѣ на равнину до самаго Елисаветполя, покрыта кустарникомъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ чинаровыми деревьями. Будучи незначительной глубины, она проходима въ бродъ и имѣетъ вредную для здоровья воду, которая, впрочемъ, разводится по орошающимъ поля канавамъ.

Гораздо болѣе значительны, чѣмъ Ганжинка, слѣдующіе притоки р. Куры: рр. *Куракъ-чай* и *Тертеръ*, при своемъ впаденіи раздѣляющіяся на нѣсколько рукавовъ. Первая изъ нихъ, вытекая изъ-подъ камня, Омаръ-дали, близъ горы Капясъ, течетъ въ высокихъ берегахъ. Дно оврага, въ которомъ находится ея русло, представляется равниною въ четверть версты шириною, покрытою

кустарникомъ и плодовыми деревьями; прекрасныя пахатныя мѣста и луга пролегаютъ по обоимъ берегамъ этой рѣки.

Самый значительный притокъ рѣки Куры есть, безспорно, *Араксъ*, получающій свое начало въ Эрзерумскомъ пашалыкѣ Азіятской Турціи и вступающій обоими берегами въ предѣлы Эриванской губерніи, въ 25 верстахъ ниже крѣпости Кагызвана.

Начиная отъ устья Буралапскаго-Карасу до Карадопинскаго поста, на протяженіи около 362 верстъ, Араксъ составляетъ границу Россіи съ Персіею. Потерявъ свое названіе при сліяніи съ Курой, онъ, подъ именемъ этой послѣдней рѣки, вливается въ Каспійское море. Все теченіе его въ предѣлахъ Россіи простирается до 720 верстъ. Изъ предѣловъ Турціи, Араксъ вступаетъ въ наши границы стремительными каскадами, но потомъ паденіе это постепенно уменьшается до Ордубатскаго участка; а въ Мигринскій участокъ рѣка вторично переливается стремительными *Арасбарскими* каскадами. За селеніемъ Мигри паденіе ея постепенно уменьшается, до самаго сліянія съ р. Курою. Дно рѣки, будучи, по большей части, ровное, отлогое и хрящеватое, весьма удобно для переправы; обломки скалъ и огромные камни попадаются только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣка пробирается между возвышенными берегами. Протекая по равнинѣ Араксъ, часто мѣняетъ свое ложе, дѣлится на множество рукавовъ, образующихъ песчаные острова, заливаемые во время полноводія и измѣняющіе свою форму и положеніе. Вода въ Араксѣ очень мутна и во время теченія имѣетъ красноватый цвѣтъ, но здорова, пріятна на вкусъ и не содержитъ минеральныхъ веществъ. Уровень воды въ рѣкѣ почти постояненъ; приращенія ширины и глубины незамѣтно. Изъ притоковъ Аракса заслуживаютъ вниманія рѣки: *Восточный-Арпачай*, *Абаранъ* и *Занга*, остальные же весьма незначительны, доносятъ свои воды до Аракса только весною, при таяніи снѣговъ, а въ прочее время года или пересыхаютъ, или разводятся по канавамъ, устроеннымъ для орошенія полей. Ширина рѣки въ горахъ уже, чѣмъ на равнинѣ, и заключается въ предѣлахъ отъ 60—20 саженъ; глубина же воды въ рѣкѣ около двухъ аршинъ. Берега, возвышающіеся надъ поверхностію воды, отъ одной до полуторы сажени, дѣлаютъ разливы весьма рѣдкими, и притомъ въ немногихъ мѣстахъ. Съ первыхъ чиселъ іюля, когда вода значительно упадаетъ, открывается множество бродовъ, которые, до слѣдующей весны и прибыли водъ, весьма удобны для переправы, какъ коннаго такъ и пѣшаго.

Характеръ мѣстности, по которой протекаютъ рѣки, составляющія правые притоки р. Куры и многочисленные притоки Аракса, рѣзко отличается отъ той, которая прилегаетъ къ лѣвому берегу первой рѣки.

Внутреннее пространство Эриванской губерніи представляетъ болѣе или менѣе широкую и возвышенную равнину, имѣющую паденіе отъ запада къ востоку и отъ сѣвера къ югу.

Эриванская губернія есть восточное продолженіе плоской возвышенности, начинающейся у Таврскаго хребта, въ предѣлахъ Азіятской Турціи.

Постепенное пониженіе этой плоской возвышенности, по направленію къ сѣв.-востоку, представляетъ собою рядъ террасъ, которыя распространяются въ обоихъ сосѣднихъ государствахъ. «Рѣки и горныя отрасля, говоритъ Гюларъ, пересѣкающія эти террасы, суть просто случайные предметы мѣстности, не имѣющіе никакого рѣшительнаго вліянія на общія физическія свойства ея, которыя опредѣляются исключительнымъ расположеніемъ террасъ.»

Изъ равнинъ этой мѣстности наиболѣе замѣчательна: *Элли-дара*, находящаяся на лѣвомъ берегу Арпачая и ограниченная съ трехъ сторонъ горами: Кидатапинскими, Гирляполь, Мокрыми и Эсаульскими. Возвышенное положеніе этой равнины дѣлаетъ климатъ ея суровымъ, но, тѣмъ не менѣе, на ней попадаются болота, хорошія пастбища и сѣнокосы.

Далѣе слѣдуетъ *Шурагельская* равнина, заключенная между хребтами горъ Эсаульскихъ, Джаджурскихъ и Памбскихъ и примыкающая къ возвышенному Абаранскому полю, къ сѣверной подошвѣ Алагёза и къ скатамъ Согутлинской его отрасли.- Долина эта хорошо населена, почва плодородна, климатъ суровый, но здоровый.

Начиная отъ Джаджурскихъ горъ, на протяженіи 50 верстъ, между Безобдальскимъ и Памбскимъ хребтами, до Гамзачеманскаго перевала, тянется равнина или, скорѣе, долина Бамбакская. Западная часть ея, отдѣляясь отъ восточной Тапанлинскими горами, образуетъ кругообразную равнину, свойствами своими сходною съ Шамшадыльскою.

Къ сѣверу отъ Бамбакской равнины тянется Лорійская степь, заключенная между Мокрыми горами, Сомхетскимъ (Акзыбюкскимъ), Алавердскимъ и Безобдальскимъ хребтами. Она составляетъ какъ-бы возвышенную террасу долины Куры. Климатъ этой мѣстности умѣренный, но сырой; дожди и частый градъ дѣлаютъ здѣсь жатву сомнительною; грунтъ слабый и черноземно-иловатый.

«По южную сторону Согутлинской горной отрасли, отдѣляющейся отъ Алагёза, мѣстность спускается послѣдовательными террасами, которыя извѣстны подъ именемъ *Мастаринской* и *Талынской* высотъ». Террасы эти очень возвышенны и рано покрываются снѣгомъ, но лѣтомъ представляютъ хорошія пастбища. Къ сѣверу и сѣверо-западу отъ Алагёза тянется высокая равнина, извѣстная подъ именемъ *Абараньскаго поля*. Равнина эта, обладая весьма суровымъ климатомъ, лѣтомъ обильна травою и водою, удобна для повсемѣстнаго проѣзда, кромѣ небольшихъ неровностей, пролегающихъ отъ Памбскаго (Памбакскаго) хребта до подошвы Алагёза.

Начиная отъ турецкой границы, по всей южной части Эриванской губерніи до города Ордубата, тянется по обоимъ берегамъ Аракса такъ называемая *Аракская равнина*, раздѣляющаяся естественнымъ образомъ на нѣсколько частей.

Начало Аракской долины находится ниже устья Казыкапарана. Пересѣкаемая частыми, отдѣльными возвышеніями и покрытая густымъ слоемъ лавы, равнина эта тянется по обѣимъ сторонамъ р. Аракса и носитъ два названія: та часть ея, которая прилегаетъ къ правому берегу называется *Сагатъ-Чухару*, а къ лѣвому *Сардарь-Абадскою*. Лѣвый берегъ этой мѣстности, быстро склоняющейся отъ запада къ востоку, по недостатку воды, совершенно безплоденъ до Сурмали, гдѣ равнина едва возвышается надъ уровнемъ рѣки. Это быстрое пониженіе способствуетъ къ проведенію, нѣсколько ниже Сурмали, каналовъ и орошенію полей водою Аракса. Тутъ пустыня обращается въ плодородный край. Пущенныя по каналамъ воды Арпачая, сѣвернаго Карасу и Занги, способствуютъ плодородію и развитію густаго населенія. Здѣсь бываетъ суровая зима и знойный жаръ лѣтомъ; глубокій снѣгъ покрываетъ равнину иногда весьма долгое время. По мѣрѣ приближенія къ р. Зангѣ и Арарату, паденіе равнины отъ запада къ востоку, становится слабымъ; но съ сѣвера къ югу, значительно.

Араксъ, при впаденіи въ него средняго Карасу, протекаетъ почти у самой подошвы Малаго Арарата, и отдѣляется отъ него только узкою болотистою полосою, которая замыкаетъ лежащую по правому берегу Аракса равнину Сагатъ-Чухару.

Къ востоку отъ Арпачая по лѣвому берегу Аракса, тянется, на протяженіи 25 верстъ, *Зангибасарская равнина*. Орошенная каналами, она чрезвычайно плодородна и густо населена; обширные сады, плантаціи чалтыка, хлопчатой бумаги и хорошія сѣнокосныя мѣста, вотъ ея растительность. Отрасль горы Архаманъ и рядъ отдѣльныхъ холмовъ отдѣляютъ Зангибасарскую равнину отъ *Шарурской*, которая, простираясь по лѣвому берегу Аракса верстъ на 50 длины и не болѣе 10 верстъ ширины, теченіемъ рѣкъ и пересѣкающими ея невысокими холмами, дѣлится на *Ведибасарскую* и *Садаракскую равнины*. Первая изъ нихъ мало населена, необработана по недостатку воды и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ болотиста; климатъ ея не вреденъ въ лѣтнее время. Садаракская-же крутообразная равнина еще менѣе населена и бѣдна растительностію. *Дагнійскія* ворота соединяютъ эту послѣднюю равнину съ равниною собственно *Шарурскою*, простирающуюся до Аладжинской канавы проведенной изъ восточнаго Арпачая, орошающаго эту равнину многими канавами. Вслѣдствіе такого орошенія равнина эта представляетъ самую плодоносную почву. Здѣсь лѣтомъ жаръ хотя и удушливъ, но за то зима около Шарура едва чувствительна и снѣгъ не лежитъ долѣе нѣсколькихъ часовъ. По правую сторону Аракса тянется узкая болотистая полоса, а за нею равнина, по физическимъ свойствамъ, тождественная съ равниною лѣваго берега.

Къ Шарурской равнинѣ прилегаетъ безлюдная, голая степь, пролегающая по лѣвому берегу Аракса, верстъ на 8 въ ширину и на 35 въ длину, до самаго Нахичевана, гдѣ соединяется съ болѣе обширною Нахичеванскою равни-

тою, окруженною полукружіемъ скалъ. Климатъ Нахичеванской равнины лѣтомъ вреденъ для здоровья, но холодъ зимою мало чувствителенъ; равнина гладка, водъ *Нахичевань-чая* и *Аланджи-чая* не достаточно для ея орошенія, и потому она представляется въ видѣ обнаженной степи. Деревни, съ ихъ садами и посѣвами, попадаются на этомъ пространствѣ весьма рѣдко.

«Въ правомъ углу, при сліяніи Аланджи-чая съ Араксомъ, хребетъ Тарудагъ подходитъ почти къ самому лѣвому берегу Аракса и образуетъ весьма узкую полосу—гдѣ находятся развалины города Джульфы—соединяющуюся съ стѣсненною горами равниной, по которой протекаетъ Аланджи-чай.

«Небольшая цвѣтущая поляна *Гюлистанъ* выходитъ изъ Аланджичайскаго ущелья на полукруглую голую равнину, имѣющую версты двѣ въ радіусѣ, на которой построенъ Джульфинскій карантинъ надъ самымъ Араксомъ».

Далѣе къ востоку хребетъ Даръ-дагъ упирается въ самую рѣку, но близъ Ордубатскаго участка, на обоихъ берегахъ Аракса, появляется снова узкая, безплодная и каменистая равнина.

Паденіе къ востоку дѣлается болѣе значительнымъ; у Ордубата горы съ обѣихъ сторонъ сходятся къ берегамъ и замыкаютъ Араксую долину. Рѣка пробивается сквозь трещину между скалами, висящими надъ нею съ обѣихъ сторонъ, и имѣетъ значительное паденіе. За горными хребтами, вдоль по берегу Аракса, снова тянется равнина, составляющая юго-восточную часть Шушинскаго и Зангезурскаго уѣздовъ. Не имѣя возвышеннаго характера Аракской плоской возвышенности, равнина эта, по соединеніи Аракса съ Курою, сливается постепенно съ поверхностію Каспійскаго моря (¹).

Всѣ рѣки Эриванской губерніи, въ томъ числѣ и Араксъ, незначительны по ширинѣ и глубинѣ; дожди и таянія снѣговъ увеличиваютъ ихъ глубину, но не столь быстро и внезапно, какъ въ другихъ мѣстахъ Закавказья; широкихъ разливовъ, прекращающихъ сообщеніе на продолжительное время, никогда не бываетъ. Въ лѣтнее время всѣ рѣки, кромѣ Аракса, пересыхаютъ или струятся стремительно между каменьями, которыми усыпано ихъ ложе.

Араксъ не судоходенъ, но удобенъ для сплава лѣса. Единственное употребленіе воды, какъ живой силы, служитъ къ приведенію въ дѣйствіе мельницъ, которыхъ очень много, но всѣ онѣ ничтожны. Вся важность проточной воды опредѣляется въ этой мѣстности тою пользою, которую она приноситъ орошеніемъ полей. Совершенно безплодная почва, на которой растенія сгораютъ подъ палящими лучами солнца не достигая зрѣлости, лишь только орошается водою, постоянно поддерживающею необходимое количество влаги, дѣлается плодородною и на ней является цвѣтущая растительность, вознаграждающая съ избыткомъ трудъ человѣка. Тамъ, гдѣ нѣтъ средствъ произвести искуственное орошеніе полей, земля становится со-

(¹) Равнины Эриванской губерніи П. Услара. Запис. Кавк. отд. Импер. Рус. Геогр. общес. книга I. Взглядъ на Эриванскую губернію въ гидрографическомъ отношеніи. Его же.

вершенно безполезною для человѣка, мертвою пустынею изъ песка и камней. Съ давнихъ поръ человѣкъ трудится въ этихъ мѣстахъ надъ проведеніемъ каналовъ, считавшихся всегда общественнымъ предпріятіемъ и общимъ достояніемъ; за землю, черезъ которую пролегалъ каналъ, хозяинъ не имѣлъ права требовать вознагражденія.

Правильное распредѣленіе воды и исправность каналовъ лежала на исключительной обязанности правительства, имѣвшаго для этой цѣли особую администрацію, состоявшую изъ разнаго рода смотрителей.

Послѣдніе распускали воду по полямъ, соблюдая между жителями очередь и соображаясь съ количествомъ посѣва каждаго; наливъ поля, они закладывали наливную канаву грязью и сверху прикладывали свою печать. Самовольное снятіе такой печати считалось великимъ преступленіемъ и наказывалось безпощадно.

Невыносимый лѣтній зной въ нижнихъ частяхъ долины Куры и Аракса заставляетъ жителей искать прохлады въ сосѣднихъ горахъ, куда они и перекочевываютъ съ своими стадами и семействами.

Долины пустѣютъ и жители приходятъ въ свои деревни на нѣсколько дней для жатвы или другихъ полевыхъ работъ, откуда спѣшатъ опять въ свои кочевья, и только съ наступленіемъ осени возвращаются въ свои дома.

Сдѣланный нами краткій орографическій и гидрографическій очеркъ Кавказскаго перешейка указываетъ на разнообразіе въ немъ какъ характера мѣстности, такъ и климатическихъ условій. Отъ различія климата и природы, происходитъ и чрезвычайное разнообразіе въ жизни племенъ его населяющихъ или, лучше сказать, въ этнографическомъ ихъ бытѣ.

Переходя къ описанію этого быта, мы должны предварительно указать мѣсто, занимаемое каждымъ изъ отдѣльныхъ племенъ.

Въ сѣверо-западной части Кавказскаго перешейка, по обоимъ склонамъ Главнаго Кавказскаго хребта, поселилось племя *адиге* или *черкесское*. Оно заняло треугольное пространство, двѣ стороны котораго составляютъ Кубань и сѣверо-восточный берегъ Чернаго моря, а третью, линія проходящая отъ устья р. Шахе, черезъ Главный хребетъ и вдоль по гребню, раздѣляющему воды р. Бѣлой и р. Ходзь. Отдѣлившаяся съ давнихъ поръ, часть племени адиге— кабардинцы, вторгнувшись угломъ въ центральную часть Кавказа, заняли пространство отъ предгорій Эльбруса до верховій р. Сунжи, и отъ лѣваго берега р. Малки до вершинъ Черныхъ горъ, и разселились по мѣстности большею частію плоской и открытой.

По берегу Чернаго моря, между рѣками Шахе и Хамышъ, примыкая непосредственно къ черкесамъ, поселились *убыхи*. Далѣе пространство между рр. Хамышъ и Ингуромъ населено *абхазскимъ* племенемъ, часть котораго перевалилась на сѣверную сторону Главнаго хребта, и, принявъ названіе *абазинъ*,

заняло узкую полосу земли между Главнымъ и второстепеннымъ хребтами и рѣками Ходзь и Большою Лабою. Такъ какъ значительная часть абхазскаго племени живетъ по южную сторону горъ, то этнографическій очеркъ этого племени войдетъ въ описаніе народовъ, населяющихъ Закавказье.

Нѣсколько южнѣе кабардинцевъ, за хребтомъ Черныхъ горъ, дикія и неприступныя котловины, образуемыя Снѣговымъ и второстепеннымъ хребтами и ограниченныя верховьями рѣкъ Кубани и Терека, заняты *малкарскимъ* (или балкарскимъ) и *осетинскимъ* племенами, которыя разграничиваются между собою хребтомъ, раздѣляющимъ верховья рѣкъ Уруха и Терека. Малкарское племя, будучи отраслью тюркскаго племени, живетъ одною жизнію съ кабардинцами. Часть осетинъ переваливалась на южную сторону Главнаго хребта, до предѣловъ Грузіи и Имеретіи, а часть поселилась вдоль скатовъ Черныхъ горъ, и даже на плоскости до лѣваго берега р. Терека. Басейнъ р. Сунжи и западный склонъ Сунженскаго водораздѣльнаго хребта заняты *чеченскимъ* племенемъ, а по сосѣдству съ ними, на плоской и открытой полосѣ земли, между низовьями рѣкъ Терека и Сулака, поселились *кумыки*. Большую часть Дагестана, за исключеніемъ прибрежной его части, населяютъ многочисленныя отдѣльныя общества, принадлежащія преимущественно къ *аварскому* племени, которое извѣстно у насъ подъ именемъ *лезгинскаго* племени. Въ прибрежной-же полосѣ, подвергавшейся съ давнихъ временъ вліянію различныхъ завоевателей, населеніе образовало отдѣльныя ханства и представляетъ смѣсь аварскаго племени съ татарами, турками и персіянами.

Въ закавказскомъ краѣ къ абхазскому племени примыкаютъ *сванеты*, занявшіе суровыя котловины въ верховьяхъ рѣкъ Ингура и Цхенисцхали, а на югъ отъ Абхазіи, все пространство, начиная отъ берега Чернаго моря и почти до сліянія рѣкъ Куры съ Алазанью и между Главнымъ хретомъ и сѣверными скатами Аджарскихъ горъ и Малаго Кавказа, занято племенемъ *картли*, или грузинскимъ. Населеніе Грузіи, Имеретіи, Мингреліи и часть Ахалцыхскаго уѣзда принадлежитъ къ картвельскому племени. Остальная и большая часть Ахалцыхскаго уѣзда населена *армянами*. Нѣкоторые относятъ къ грузинскому племени и поколѣнія *тушинъ*, *пшавовъ* и *хевсуръ*, удалившихся въ самыя суровыя котловины, между двумя снѣговыми хребтами.

Уголъ между Курою и Араксомъ и вся плоская возвышенность Малаго Кавказа населена преимущественно *Армянскимъ* племенемъ, перемѣшаннымъ съ другими племенами. Съ другой стороны армяне, разсѣянные по лицу всей земли, живутъ отдѣльными группами во многихъ городахъ и мѣстностяхъ какъ Закавказья, такъ и Кавказа.

Грузины и армяне, два христіанскіе народа, раздѣлены между собою мусульманскимъ населеніемъ, которое, вторгшись клиномъ съ востока въ средину Закавказья, разселилось до самой Куры и по ея долинѣ. Мусульманское населеніе состоитъ изъ *персіянъ* и *татаръ*, а по религіи раздѣляется на шіитовъ и суннитовъ. Персіяне разселились въ юго-восточной и южной ча-

стяхъ Закавказья, нижнихъ частяхъ долины Куры, на послѣднихъ уступахъ Главнаго хребта, частію по берегу Каспійскаго моря и въ пограничныхъ областяхъ съ Персіею. Татары же водворились въ низовьяхъ притоковъ рѣки Куры.

Какъ персіяне, такъ и татары образовали отдѣльныя ханства: Карабагское, Ганжинское, Шекинское, Ширванское, Дербентское, Кубинское, Бакинское и Талышенское. Всѣ эти ханства находились подъ властію Персіи и потомъ разновременно поступили въ подданство Россіи.

Перечисливъ племена, населяющія Кавказъ и Закавказье, мы должны сказать, что нѣкоторыя изъ названныхъ племенъ дробятся на множество поколѣній и отдѣльныхъ обществъ, въ особенности тѣ изъ нихъ, которыя населяютъ горы. Тамъ каждая долина рѣки представляетъ собою какъ-бы отдѣльное общество, имѣющее весьма мало столкновеній съ сосѣдями. Такая дробность и разъединеніе обществъ, ихъ суровость и дикость объясняется суровостью и дикостью горной природы, ея недоступностью и замкнутостію.

Значительная высота горныхъ хребтовъ, окружающихъ возвышенныя котловины, дѣлаютъ доступъ къ нѣкоторымъ обществамъ весьма затруднительнымъ. Часто только одна пѣшеходная тропа соединяетъ два общества, но и та доступна только въ теченіе двухъ, а много четырехъ мѣсяцевъ; въ остальное время глубокія пропасти, заваленныя рыхлымъ снѣгомъ, сглаживаются и каждый шагъ путника дѣлается опаснымъ. Вьюги и мятели, сбрасывающія съ сосѣднихъ горныхъ хребтовъ снѣговые завалы, сильные и порывистые вѣтры, свирѣпствующіе на перевалахъ, дѣлаютъ сообщеніе съ сосѣдями невозможнымъ и не рѣдко въ теченіе двухъ-третей года. Предоставленные исключительно самимъ себѣ, одинокіе въ своей жизни, запертые со всѣхъ сторонъ въ своей котловинѣ, жители усвоили себѣ дикій и суровый характеръ, какъ дика и сурова окружающая ихъ природа. Эта уединенность и замкнутость есть единственная причина, что многія поколѣнія одного и того же племени живутъ различною жизнью, имѣютъ не одинаковые нравы и обычаи и даже говорятъ особымъ нарѣчіемъ, не рѣдко трудно понимаемымъ сосѣдями-единоплеменниками.

Краткій очеркъ этихъ обычаевъ, а главное характера народовъ, населяющихъ Кавказъ и Закавказье, и составляетъ цѣль послѣдующаго изложенія, приступая къ которому мы будемъ придерживаться того порядка или того географическаго положенія, которое занимаютъ племена, населяющія Кавказскій перешеекъ, и начнемъ его съ племени *адиге*.

ЧЕРКЕСЫ (АДИГЕ).

I.

Одежда черкеса, его жизнь и хищничество. — Черкесскія деревни, домъ и кунахская. — Гостепріимство и черкесскій этикетъ. — Пища черкеса и угощеніе пріѣзжаго. — Обычай куначества и усыновленія.

На самомъ высокомъ пунктѣ праваго берега рѣки Кубани, противъ устья рѣки Урупа, стоитъ крѣпость *Прочный Окопъ*. Господствуя надъ окружающею мѣстностью, онъ видѣнъ издалека; равно и изъ него видно далеко за рѣку. Передъ крѣпостью, на противоположномъ берегу Кубани, разстилается необозримая зеленая равнина, ограниченная на отдаленномъ горизонтѣ темною полосою лѣсистыхъ горъ, изъ-за которыхъ бѣлѣется рядъ зубчатыхъ вершинъ Главнаго Кавказскаго хребта.

Рѣка Урупъ, съ ея притоками, вьется серебристыми лентами по равнинѣ, кажущейся издали совершенно гладкою, но, на самомъ дѣлѣ перерѣзанною глубокими рытвинами, оврагами или балками, служившими удобнымъ мѣстомъ для укрывательства черкесовъ, выжидавшихъ случая прорваться въ наши границы. Хищникъ, вездѣ проникающій, трудно уловимый, не знающій усталости, умѣющій терпѣливо сидѣть въ засадѣ, выжидать время, чтобы совершить убійство или похищеніе, и почти всегда уходящій безвредно—таковъ былъ, въ этомъ случаѣ, характеръ черкеса, скрывавшагося въ балкахъ и оврагахъ, которыми изрѣзана Кубанская равнина.

Начиная отъ рѣки Зеленчука и до Чернаго моря, по теченію Кубани, тянется эта равнина на разстояніи до четырехъ сотъ верстъ въ длину и простираясь въ ширину до семидесяти верстъ. Здѣсь былъ полный разгулъ

для конныхъ черкесовъ и для нашихъ линейныхъ казаковъ. Первые искали добычи, вторые гонялись за ними, оберегая линію. И тѣ и другіе отличались смѣлостью, ловкостью, наѣздничествомъ и смѣтливостью; оба уважали другъ друга и избѣгали встрѣчи, но, встрѣтившись, не отступали и не просили пощады....

Все существованіе черкеса сложилось такъ, что безъ хищничества не было для него жизни, не было удовольствій въ настоящемъ, не было блаженства и въ будущемъ мірѣ. Выводивъ хорошо своего коня, выдержавъ его нѣсколько часовъ безъ корма и призвавъ на помощь *Зейута*—божество, по понятію народа, покровительствующее наѣздникамъ—черкесъ отправлялся на хищничество или одинъ, чаще же въ компаніи, состоявшей изъ нѣсколькихъ человѣкъ.

Одежда черкеса состояла изъ мохнатой бараньей шапки, обшитой галуномъ и прикрывавшей бритую его голову; изъ *бешмета*, черкески, ноговицъ и сафьяныхъ чевяковъ, по преимуществу красныхъ ([1]). Все это отличалось хорошимъ вкусомъ, изяществомъ покроя, въ особенности чевяки, обувь безъ подошвы. На послѣднюю черкесы обращали особенное вниманіе въ своемъ нарядѣ. Чевяки шьются обыкновенно нѣсколько меньше ноги и, передъ надѣваніемъ, предварительно размачиваются въ водѣ, натираются внутри мыломъ и, сырые, натягиваются на ногу, подобно перчаткамъ. Надѣвшій новые чевяки, долженъ выжидать, лежа, пока они, высохнувъ, примутъ форму ноги. Подъ чевяки впослѣдствіи подшиваютъ самую легкую и мягкую подошву.

Весь костюмъ черкеса и его вооруженіе приспособлены были какъ нельзя лучше къ наѣздничеству и къ конной дракѣ. Бурочный чехолъ скрывалъ его винтовку отъ нечистоты; она закидывалась за спину и ремень къ ней былъ пригнанъ такъ, что черкесъ легко заряжалъ ее на всемъ скаку, стрѣлялъ и потомъ перекидывалъ черезъ лѣвое плечо, чтобы обнажить шашку. Послѣднее оружіе черкесъ особенно любилъ и владѣлъ имъ въ совершенствѣ. Черкесская шашка остра какъ бритва, страшна въ рукахъ наѣздника и употреблялась имъ не для защиты, а для нанесенія удара, который почти всегда бывалъ смертеленъ. Онъ носилъ шашку въ деревянныхъ, обтянутыхъ сафьяномъ, ножнахъ и пригонялъ такъ, чтобы она не безпокоила его во время ѣзды. За поясомъ заткнуты были два пистолета и широкій кинжалъ, неразлучный его спутникъ даже и въ домашнемъ быту. На черкескѣ, по обѣимъ сторонамъ груди, пришиты были кожаныя гнѣзда для ружейныхъ патроновъ, помѣщаемыхъ въ *газыряхъ*—деревянныхъ гильзахъ. На поясѣ висѣла жирница, отвертка и небольшая сумка, наполненная разнаго рода вещами, дозволявшими всаднику, не слѣзая съ лошади, вычистить оружіе.

([1]) Крестьяне носятъ иногда *кобенекъ*, родъ куртки изъ холста (см. „На холмѣ" Каламбія „Русскій Вѣст". 1861 г. № 11).

Не смотря на то, что черкесъ былъ съ ногъ до головы обвѣшанъ оружіемъ, оно пригонялось такъ, что одно оружіе не мѣшало другому; ничто у него не брянчало, не болталось, а это было весьма важно во время ночныхъ набѣговъ и засадъ. Его шашка, покоявшаяся въ сафьяныхъ *нах-*[illegible] (ножны), не звучала; его винтовка, скрытая въ бурочномъ чахлѣ, не блестѣла; его чевякъ, мягкій и гибкій какъ лапа тигра, не стучалъ; его конь, охлажденный ножемъ кастратора, не ржалъ на засадѣ, и, наконецъ, его языкъ, скудный гласными буквами и составленный изъ односложныхъ словъ, не издавалъ рѣзкихъ звуковъ при сговорѣ, сопутствовавшемъ ночному нападенію.

Все незатѣйливое хозяйство въ походной, скитальческой жизни черкеса находилось при немъ. Отвертка винтовки служила огнивомъ, кремень и трутъ висѣли у него на поясѣ, въ кожаной сумкѣ. Въ одной изъ патронныхъ гильзъ положены были сѣрныя нитки и куски смолистаго дерева, для быстраго разведенія огня. Рукоять плети и конецъ шашки обмотаны бумажною матеріею, напитанною воскомъ; скрутивъ ее, онъ имѣлъ свѣчку. Богатый черкесъ носилъ всегда въ карманѣ *кабаларъ* (бусоль), чтобы знать направленіе, куда слѣдовало обращаться лицемъ во время молитвы. Хорошо выдержанный конь его былъ отлично выѣзженъ и повиновался уздечкѣ въ совершенствѣ. Онъ не боялся ни огня, ни воды. Черкескіе наѣздники шпоръ не употребляли, но погоняли лошадь тонкою плетью, съ привязаннымъ на концѣ ея плоскимъ концомъ кожи, для того чтобы при ударѣ не причинять лошади боли, а только понукать ее хлопаньемъ плети.

Сѣдло черкеса было легко и покойно, не портило лошади даже и тогда, когда по цѣлымъ недѣлямъ оставалось на ея спинѣ. Встрѣчая часто непріятеля въ засадѣ, спѣшенный, онъ возилъ за сѣдломъ *присошки*, сдѣланныя изъ тонкаго и гибкаго дерева; за сѣдломъ висѣли небольшой запасъ продовольствія и *тренога*, безъ которой ни одинъ наѣздникъ не выѣзжалъ изъ дому.

Разборчивый вкусъ черкеса, не терпѣвшій ничего тяжелаго и неуклюжаго, наложилъ свою печать и на присошкѣ. Два тонкіе деревянные прута, обдѣланные по концамъ костью и связанные на верху ремешкомъ—вотъ черкескія *присошки*. Онѣ имѣютъ видъ циркуля, иглы котораго втыкаются въ землю, а наверхъ кладется ружье. Присошка легка и удобна въ потребленіи; если черкесу не было мѣста пристегнуть ее къ сѣдлу, онъ пристегивалъ къ ружейному чахлу, и она не мѣшала ни на волосъ ни пѣхотинцу, ни всаднику.

По лѣсамъ и оврагамъ пробирался черкесъ на хищничество; ѣхалъ ночью, а днемъ отдыхалъ, скрывался и караулилъ стреноженнаго коня. Выбравъ въ лѣсу полянку, огороженную непроходимою чащею терновника, хищники останавливались. Проворно соскочивъ съ лошадей, доставали походные или сѣдѣльные топорики, прорубали небольшую тропинку въ чащѣ терновника,

вводили туда своихъ лошадей и тотчасъ же принимались за новую работу, вырубленный терновникъ втыкался снова на прежнія мѣста и такимъ образомъ *зашивалась*, какъ говорятъ черкесы, прорубленная тропа. Если черкесы были увѣрены, что ихъ убѣжища никто не обнаружитъ, то снимали съ лошадей сѣдла, а съ себя оружіе. Одинъ изъ спутниковъ заботился о приготовленіи пищи, или доставалъ походный ея запасъ, другой шелъ съ кожанымъ стаканомъ за водою, третій косилъ кинжаломъ траву лошадямъ или пускалъ ихъ на поляну, но въ послѣднемъ случаѣ лошади непремѣнно стреноживались. Черкесы, какъ и вообще всѣ горцы, употребляли весьма простой, но практичный способъ спутывать лошадей треногами, отнимавшими у нихъ способность дѣлать большіе прыжки и уходить далеко. «Тренога состоитъ изъ двухъ широкихъ сыромятныхъ ремней, одного длиннаго, а другаго короткаго, связанныхъ между собою въ видѣ латинскаго *T*; на концахъ этихъ ремней находятся петли, изъ узкихъ ремешковъ, застегиваемыя на костяныя чеки. Короткимъ ремнемъ спутываются обѣ переднія ноги, нѣсколько выше копыта, а концемъ длиннаго ремня обвязывается одна изъ заднихъ ногъ выше колѣна» (1). Петли съ чеками дозволяли снять треногу въ одно мгновеніе, при первой неожиданной тревогѣ.

Поѣвши сухаго чурека, партія хищниковъ ложилась отдыхать; одинъ стерегъ лошадей, другой съ высоты наблюдалъ за окрестностію и, «по полету и крику птицъ, заключалъ довольно вѣрно о томъ, что происходило въ непроницаемой глубинѣ лѣса; и этихъ примѣтъ было достаточно для того, чтобы знать приближаются-ли люди».

Въ такой тревогѣ проводилъ черкесъ всю свою жизнь. Онъ не хлопоталъ ни о теплой саклѣ, ни о мягкой постели, ни о вкусномъ и сытномъ обѣдѣ. Бурка замѣняла ему теплую хату, защищала отъ дождя и непогоды; сѣдло служило изголовьемъ, а объ обѣдѣ онъ не думалъ, вполнѣ надѣясь на гостепріимство своихъ соотечественниковъ. Не имѣя вовсе продовольствія и остановившись гдѣ-нибудь въ лѣсу, партія хищниковъ отправляла, бывало, одного изъ своихъ членовъ въ ближайшій аулъ, который, по обычаю, снабжалъ странниковъ молокомъ, просомъ и баранами, оставляя ихъ по близости отъ мѣста расположенія партіи и, по черкесскому этикету и вѣжливости, не стараясь узнать: изъ кого именно состоитъ партія, откуда и зачѣмъ она пришла въ этотъ лѣсъ? Таковъ былъ обычай, выведенный изъ практической жизни черкеса. Если случалось потомъ, что партія эта причиняла вредъ русскимъ или отгоняла скотъ изъ сосѣдняго аула, то жители, покровительствовавшіе и кормившіе партію, не видавъ никого въ лицо, съ чистою совѣстію показывали, что не знаютъ кто были хищники. Послѣдніе не разбирали ни праваго, ни виноватаго. Черкесскій хищникъ отгонялъ скотъ

(1) Воспоминаніе кавказскаго офицера. „Русскій Вѣстникъ“ 1864 г. № 10. См. также Кавказъ 1855 г. № 34.

своего сосѣда, если представлялся къ тому случай. Такъ, когда въ 1848 году за Кубанью строилось укрѣпленіе, то князь одного изъ ближайшихъ ауловъ постоянно снабжалъ отрядъ мясомъ за очень умѣренную цѣну. Впослѣдствіи оказалось, что онъ съ товарищами хищнически угонялъ скотъ у своихъ подвластныхъ и не возбуждалъ въ нихъ этимъ негодованія къ себѣ, потому что кража производилась ловко (¹).

При осторожности жителей, хищничество не всегда удавалось; случалось много, что, за украденаго коня или быка, хищникъ платилъ жизнію или увѣчьемъ. Но въ трудности состояла и вся слава хищника, дававшая молодому черкесу вѣсъ и уваженіе. Его начинали приглашать на всѣ воровскія предпріятія; отличившійся въ набѣгахъ собиралъ самъ партія, и количество собранныхъ подъ его начальство участниковъ было лучшею вывѣскою его достоинства. Посвящая себя на такую жизнь, онъ похищенныхъ быковъ, барановъ и лошадей раздавалъ знакомымъ, потому что истый молодецъ долженъ былъ имѣть щедрую руку, а самъ ходить оборваннымъ, питаться по[illegible]онымъ и проводить молодость въ тревогахъ и набѣгахъ.

Полуодѣтый, съ обнаженною грудью и руками голыми до локтей, съ косматою шапкою на головѣ и бурскою на плечахъ—таковъ былъ типъ настоящаго хищника. Только три вещи—ружье, обувь и кинжалъ, безъ которыхъ невозможно было жить въ горахъ, были у него исправны, а все остальное висѣло въ лохмотьяхъ. Настоящій джигитъ (витязь) презиралъ добычу и довольствовался одною славою лихаго наѣздника.

Страсть къ хищничеству была у черкесовъ повсемѣстна. Но не одна жажда добычи побуждала черкеса къ разбою и грабежу: слава заставляла его ходить на хищничество. Желаніе пріобрѣсти извѣстность, сдѣлаться храбрымъ *джигитомъ* (витяземъ), прославиться своею удалью, не только въ одномъ какомъ-нибудь селеніи, но въ цѣломъ обществѣ, въ долинахъ и по горамъ, составляли его цѣль, его желаніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, лучшую награду неперносимыхъ трудовъ. Во многихъ случаяхъ черкесъ брался за оружіе, не зналъ отдыха, презиралъ опасностью во время хищничества и боя, для того только, чтобы стать героемъ пѣсни, предметомъ былинъ и длиннаго разсказа у очага бѣдной сакли, а этого не легко было достигнуть при врожденной скромности черкесовъ и отсутствіи хвастовства и самохвальства. Черкесъ зналъ, что прославленный поэтомъ-импровизаторомъ онъ не умретъ въ потомствѣ, что слава его имени и дѣлъ переживетъ и самый гробовой гранитъ.

— Его гробница, говоритъ народная пѣсня, разрушится, а пѣсня до разрушенія міра не исчезнетъ.

Извѣстность богатыря распространяла около него очарованный кругъ безна-

---

(¹) Баронъ Сталь. „Этнографическій очеркъ черкесскаго народа (рукоп.) Воен. уч. арх. глав. штаба.

казанности. Быть удальцомъ значило быть аристократомъ; только одинъ разбой давалъ дипломъ на почтеніе и уваженіе; воровство и мошенничество считалось лучшею похвалою горцу (¹).

Терпѣніе, настойчивость, смѣлость и самоотверженіе въ хищничествѣ были изумительны. Къ этой страсти примѣшалась впослѣдствіи политическая идея, и воровство приняло религіозный характеръ. Съ 1835 года хищники приняли названіе *хаджиретовъ*; воровство въ русскихъ предѣлахъ считалось дѣломъ душеспасительнымъ; смерть въ нашихъ границахъ давала павшему въ бою вѣнецъ *шаида*, или мученика. Набѣги стали чаще и отличались своею дерзостію. Съ наступленіемъ ночи, переправившись за Кубань, черкесы проскакивали далеко въ наши предѣлы, неожиданно нападали на селенія, грабили оплошныхъ жителей, отгоняли скотъ, захватывали плѣнныхъ и къ утру, переправившись опять за Кубань, скрывались среди мирныхъ ауловъ и, при ихъ содѣйствіи, добыча быстро уходила въ глубь страны, отъ одного аула къ другому. Преслѣдовать, а еще болѣе поймать хищниковъ было крайне затруднительно: за Кубанью они были дома. Почти у самаго лѣваго берега этой рѣки, широкое пространство между Кубанью и горами было густо заселено небольшими группами черкесскихъ ауловъ. На каждой верстѣ можно было встрѣтить два и три двора, обнесенные оградами (²).

Замѣтивши на горизонтѣ кучу сѣроватыхъ бугорковъ, приподнимающихся иногда не болѣе какъ на сажень отъ земли, а иногда просто сливающихся съ земною поверхностію, и слѣдуя по направленію замѣченнаго, путешественникъ пріѣзжалъ къ черкескому селенію. Кабардинскіе аулы издали отчасти похожи на русскія деревни, но, присмотрѣвшись хорошенько, и въ нихъ не найдешь никакого сходства: сакли раскинуты поодиночкѣ или группами по разнымъ направленіямъ, безъ всякой претензіи и понятія объ улицахъ. Въ постройкѣ сакль нѣтъ и не было ничего общаго: одна сложена изъ земли и камней и покрыта тою же землею и тѣми же каменями; другая построена изъ турлука и обмазана съ обѣихъ сторонъ глиною, перемѣшанною съ рубленою соломой. Крыша покрыта тою же соломою или камышемъ и образуетъ вокругъ дома навѣсъ фута на четыре. Черкесъ любилъ жить отдѣльно, уединенно, и потому выбиралъ себѣ мѣсто для усадьбы далеко отъ сосѣда, гдѣ-нибудь между деревьями, которыми была такъ обильна его родина. Оттого весьма часто аулъ разбросанъ былъ на значительное разстояніе вдоль высокаго и крутаго берега рѣки, прислоняясь тыломъ къ дремучему лѣсу, доставлявшему жителямъ вѣрное спасеніе въ случаѣ нападенія русскихъ войскъ.

Главный домъ черкеса состоялъ изъ нѣсколькихъ комнатъ съ низкими

(¹) Н. Берзеновъ. Изъ воспоминаній объ Осетіи. Кавказъ 1851 г. № 92.

(²) Бутковъ. „Общія замѣчанія о закубанцахъ“ (рукоп.). Военно-ученый архивъ главнаго штаба.

дверьми и маленькими окнами безъ стеколъ и весьма рѣдко затянутыхъ пузыремъ. Плотно запираемыя ставнями, окна служили болѣе для наблюденія за тѣмъ, что дѣлается на дворѣ, чѣмъ для освѣщенія комнатъ; главный свѣтъ проходилъ черезъ двери, растворенныя настежъ лѣтомъ и зимою. Въ дверяхъ не было ни запоровъ, ни замковъ; на ночь двери запирались и заколачивались изнутри деревянными клиньями, отчего въ аулахъ каждый вечеръ поднимался всеобщій стукъ, заканчивавшій собою дневную дѣятельность его жителей. Около одной изъ стѣнъ комнаты устроено было полукруглое или четырехугольное углубленіе въ землѣ для огня, надъ которымъ висѣла высокая труба, сдѣланная изъ плетня, обмазаннаго глиною; полъ земляной, но такъ хорошо убитый, что не давалъ пыли. Вокругъ печи придѣланы полки, а иногда повѣшенъ цѣлый шкафъ, на полкахъ котораго становилась домашняя утварь и посуда, а оружіе и одежда вѣшались на гвоздяхъ. Широкія низкія кровати, покрытыя войлоком и коврами, и небольшіе круглые столы, разставленные по разнымъ мѣстамъ комнаты, составляли всю мебель убранства, а стоявшая на дворѣ четырехугольная маленькая, на двухъ колесахъ, арба, запрягаемая парою воловъ, его экипажъ. Вдоль стѣнъ, на полкахъ, ставилась, какъ украшеніе, европейская посуда, и если хозяинъ былъ человѣкъ зажиточный, то колона тарелокъ, ничѣмъ непокрытая и разложенная на самомъ видномъ мѣстѣ полки, свидѣтельствовала о его достаткѣ (¹).

Хозяинъ, его жены и взрослыя дѣти имѣли свое отдѣльное помѣщеніе; но посторонній человѣкъ никогда не проникалъ въ эти отдѣленія, посвященныя исключительно семейной жизни; если же при этомъ хозяинъ былъ человѣкъ богатый, то онъ укрывалъ свою семью отъ посторонняго глаза особымъ заборомъ, которымъ обносилъ сакли и хозяйственныя постройки. Постройки эти состояли изъ кладовой и хлѣва для овецъ. Кладовая раздѣлялась на четыре закрома для различныхъ сортовъ хлѣба и, въ предохраненіе отъ мышей, устраивалась такъ, чтобы полъ ея не касался земля. Одинъ и тотъ же дворъ, огороженный плотнымъ тыномъ, заключалъ въ себѣ всѣ три строенія. Рядомъ съ нимъ находились огороды, гдѣ черкесы сѣяли пшеницу, рожь, но преимущественно просо и кукурузу. Огороды окружены были деревьями и рощами, составлявшими для черкеса первую необходимость.

Внѣ ограды или забора у богатыхъ, и въ дальнемъ углу ея у бѣдныхъ, строился *хаджичижъ*—пріемный домъ для гостей, или *кунахская*. Самая значительная часть имущества, и лучшая его часть, шла у черкеса на убранство этой комнаты. Домъ для гостей строился, по возможности, на удобномъ мѣстѣ, огораживался частоколомъ или плетнемъ, оставляя чистый дворъ, обсаженный нерѣдко вѣтвистыми деревьями, подъ тѣнью которыхъ гость могъ

(¹) О природѣ и хозяйствѣ Кабарды кн. Т. Г. Баратова. Кавказъ 1860 г. № 73. О гостепріимствѣ у черкесовъ. Кавк. 1859 г. № 7. Воспоминанія кавказскаго офицера. „Рус. Вѣст". 1864 г. № 10. Кавк. 1855 г. № 34.

бы укрыться отъ лѣтняго зноя. Люди со средствами устраивали другой такой же домъ, меньшихъ размѣровъ, внутри семейной ограды, и этотъ послѣдній назначался для пріема исключительно однихъ только родственниковъ или самыхъ близкихъ знакомыхъ. При кунахской устроена была конюшня, а за оградою врытъ столбъ (коновязь) для привязыванія лошадей; надъ столбомъ небольшой круглый навѣсъ для предохраненія сѣдла отъ дождя и лошади отъ зноя.

Устройство кунахской и ея убранство не отличалось ничѣмъ отъ устройства обыкновенныхъ черкескихъ домовъ; только камышевыя циновки, ковры, тюфяки и подушки, составлявшія самую значительную и роскошную часть домашнихъ принадлежностей черкеса, свидѣтельствовали о заботѣ хозяина сдѣлать это помѣщеніе, по возможности, роскошнымъ и удобнымъ.

По одной стѣнѣ комнаты ставился невысокій диванъ съ подушками, покрытый узорчатой циновкой; въ стѣнѣ, надъ диваномъ, было вбито нѣсколько деревянныхъ гвоздей или колышковъ; на одномъ изъ нихъ обыкновенно висѣла скрипка или балалайка о двухъ струнахъ, на другомъ нѣчто въ родѣ лиры о двѣнадцати струнахъ, а остальные гвозди предназначались для размѣщенія на нихъ сѣдла, оружія гостя и другихъ походныхъ его принадлежностей. Длинная дубовая скамья, передвигаемая, по мѣрѣ надобности, съ мѣста на мѣсто, отъ одной стѣны къ другой, составляла единственную мебель комнаты. Мѣдный кувшинъ съ тазомъ для омовенія и *намазлыкъ*, шкура дикой козы, или небольшой коврикъ, на который мусульмане становятся на колѣняхъ во время молитвы, составляли необходимую принадлежность каждой кунахской. Стеганыя ситцевыя или изъ синей бумажной матеріи одѣяла, вмѣстѣ съ подушками и коврами, грудою складывались въ одномъ углу комнаты. Слабый свѣтъ *чачьхури*—плошка, въ которой горитъ жиръ—слабо освѣщалъ кунахскую, часто состоявшую изъ одной комнаты, раздѣленной надвое верблюжьимъ сукномъ. Каждый хозяинъ сколько заботился о чистотѣ кунахской, столько же и о доставленіи, по возможности, всѣхъ удобствъ гостю.

Гостепріимство развито было между черкесами въ самой широкой степени и составляло одну изъ важнѣйшихъ добродѣтелей этого народа. Гость былъ священною особою для хозяина, который обязывался угостить, охранить его отъ оскорбленій и готовъ былъ жертвовать для него жизнію, даже и въ томъ случаѣ, если бы онъ былъ преступникъ или кровный его врагъ. Стоило только преступнику ввалиться въ первую встрѣтившуюся ему саклю—и онъ подъ защитою, онъ безопасенъ отъ преслѣдованій.

— Благословеніе на домъ и жену твою! говорилъ незнакомецъ, входя въ саклю. Во имя славныхъ дѣлъ твоихъ, сѣдой джигитъ (витязь), требую гостепріимства, сѣдла и бурки....

— Голова моя, отвѣчалъ хозяинъ, и зарядъ за друга или недруга. Ты гость мой и, стало быть, властелинъ мой.

Каждый путешествующій черкесъ останавливался тамъ, гдѣ застигала его ночь, но предпочиталъ остановиться у знакомаго, и притомъ человѣка достаточнаго, такого, которому не было-бы слишкомъ обременительно угостить пріѣзжаго.

Если ѣдущихъ было много, то они, останавливаясь на ночлегъ, раздѣлялись на нѣсколько партій, которыя и расходились по сосѣдямъ.

Хозяинъ, заслышавъ издали о пріѣздѣ гостя, спѣшилъ къ нему на встрѣчу и держалъ стремя, когда тотъ слѣзалъ съ лошади. Въ глазахъ каждаго черкеса не было такихъ поступковъ и услуги, которыя могли бы унизить хозяина передъ гостемъ, какъ бы велика ни была разница въ ихъ общественномъ положеніи. Званіе хозяина, точно также какъ и гостя, здѣсь не играло никакой роли, и только нѣкоторые самые незначительные оттѣнки дѣлали разницу въ пріемѣ болѣе рѣдкаго или почетнаго гостя отъ обыкновеннаго. Лишь только гость слѣзалъ съ лошади, какъ хозяинъ прежде всего снималъ съ него ружье и вводилъ въ кунахскую, указывая тамъ мѣсто, обложенное коврами и подушками, въ самомъ почетномъ углу комнаты. Здѣсь снимали съ пріѣзжаго все остальное оружіе, которое или развѣшивалось въ кунахской, или относилось въ домъ хозяина. Послѣднее обстоятельство имѣло у черкесовъ двоякое значеніе: или что хозяинъ бралъ, по дружбѣ, на себя всю отвѣтственность за безопасность гостя въ своемъ домѣ, или что, не зная его, не очень ему довѣрялъ.

По принятому обычаю, въ саклѣ тотчасъ же разводился огонь, и чѣмъ больше было огня въ очагѣ, тѣмъ больше почета для гостя. Если гость былъ важнаго происхожденія, какой-нибудь князь, пріѣхавшій къ другому князю, и имѣлъ за собою многочисленную свиту, то онъ обыкновенно останавливался у князя только въ томъ случаѣ, если у него не было гостей, а въ противномъ случаѣ располагался у одного изъ старшихъ подвластныхъ князю. При пріѣзжемъ оставались старшіе его спутники и человѣка два-три самыхъ младшихъ; прочая свита расходилась по домамъ остальныхъ жителей аула.

Гостя принимали съ тѣмъ радушіемъ, которымъ отличаются вообще всѣ горцы. Пріѣзжій могъ оставаться въ гостяхъ сколько ему было угодно, но приличіе требовало не засиживаться слишкомъ долго. Войдя въ саклю, гость, во все время пребыванія въ ней, находился на рукахъ и попеченіи о немъ хозяина, который обязанъ былъ предохранять его отъ всякой непріятности и угощать вмѣстѣ со свитою, какъ бы многочисленна она ни была. Для почетнаго гостя хозяинъ рѣзалъ барана, а иногда и штуку рогатаго скота. «Добрый хозяинъ, говоритъ черкеская поговорка, обязанъ доставить гостю сытный столъ, хорошій огонь и обильный фуражъ». Мысль о томъ, что скажутъ о немъ гости по возвращеніи въ свою сторону, преслѣдовала хозяина; день и ночь онъ хлопоталъ о гостѣ, старался быть при немъ безотлучно и лишь оставлялъ его на нѣсколько минутъ для того, чтобы заглянуть: сыты-

ли и накормлены-ли лошади пріѣзжихъ. Все это дѣлалось безъ всякой мысли о вознагражденія, изъ одного убѣжденія, что онъ исполняетъ завѣтъ отцовъ и долгъ гостепріимства. Взять подарокъ отъ гостя значило навлечь на себя всеобщее презрѣніе, да и самъ гость не предлагалъ его, боясь оскорбить тѣмъ хозяина.

Усѣвшись на почетномъ мѣстѣ, пріѣзжій, какъ водится у черкесовъ, проводилъ нѣкоторое время въ глубокомъ молчаніи; хозяинъ и гость, если они были незнакомы, разсматривали другъ друга съ большимъ вниманіемъ. Промолчавъ нѣсколько мгновеній, пріѣзжій освѣдомлялся о здоровьѣ хозяина, но считалъ неприличнымъ распрашивать о женѣ и дѣтяхъ. Съ другой стороны, не смотря на то, что черкесы крайне любопытны, они считали нарушеніемъ правилъ гостепріимства закидывать гостя вопросами: откуда онъ пріѣхалъ, куда и зачѣмъ ѣдетъ; гость, если желалъ, могъ сохранить полное инкогнито. Во все время пребыванія своего въ гостяхъ, пріѣзжій избавлялся отъ всякой услужливости своему хозяину, точно такъ же какъ и самъ не составлялъ предмета любопытства для семейства хозяина. Но за то, во все время пребыванія въ чужомъ домѣ, гость, по обычаю страны, оставался какъ-бы прикованнымъ къ мѣсту: встать, прохаживаться по комнатѣ было-бы не только отступленіемъ отъ приличій, но многимъ изъ его соотечественниковъ показалось бы даже и преступленіемъ.

Усадивши гостя на самое почетное мѣсто и получивъ отъ него привѣтствіе, хозяинъ спрашивалъ его о здоровьѣ только тогда, если пріѣзжій ему былъ знакомъ, а въ противномъ случаѣ дѣлалъ этотъ вопросъ не ранѣе того, какъ гость объявлялъ свое имя. Тогда хозяинъ приглашалъ его снять съ себя верхнюю одежду, обувь, всѣ остальные доспѣхи и отдохнуть. Между тѣмъ, въ промежутокъ времени до ужина, считалось неприличнымъ оставить гостя одного, и потому къ нему являлись, одинъ за другимъ, сосѣди хозяина съ привѣтствіемъ. Если гость былъ родственникъ или особо уважаемое почетное лицо, то къ нему приходила дочь хозяина, а за нею приносилось блюдо съ сушеными плодами и разными овощами. Въ нѣкоторыхъ обществахъ существовало еще обыкновеніе или патріархальный обычай, по которому дочь хозяина должна была умыть ноги странника.

«Когда мы усѣлись на приготовленныхъ для насъ мѣстахъ, говоритъ г. *Т**, посѣтившій горы (*), и сняли обувь, въ кунахскую вошла молодая дѣвушка съ полотенцемъ въ рукахъ, за которою служанка несла тазъ и кувшинъ съ водой. Въ то мгновеніе, когда она остановилась передо мною, кто-то бросилъ въ огонь сухаго хворосту, и яркій свѣтъ, разлившійся по кунахской, озарилъ дѣвушку съ ногъ до головы. Она покраснѣла, улыбнулась и, молча наклонившись къ моимъ ногамъ, налила на нихъ воды, покрыла по

(¹) „Русскій Вѣстникъ“ 1864 г. № 11.

деньщикъ я пошла къ другому исполнять свою гостепріимную обязанность. Между тѣмъ, свѣтъ становился слабѣе, и она скрылась въ дверяхъ тихо, плавно, подобно видѣнію. Болѣе я ея не видалъ».

Починъ всякаго дѣла шелъ отъ гостя. Онъ начиналъ разговоръ и просилъ присутствующихъ садиться; тѣ сначала отказывались, считая неприличнымъ сидѣть въ присутствіи гостя, но потомъ старшіе по лѣтамъ уступали вторичной просьбѣ и садились, а младшіе, стоя, размѣщались вокругъ комнаты. Во время разговора, по обычаю, гость обращался исключительно къ почетнымъ лицамъ или старшимъ по лѣтамъ, и мало по малу разговоръ дѣлался общимъ. Общественные интересы страны, внутреннія происшествія, свѣдѣнія о мирѣ или войнѣ, подвиги какого-нибудь князя, приходъ судовъ къ черкесскимъ берегамъ и другіе предметы, заслуживавшіе вниманія, составляли содержаніе разговора и были единственнымъ источникомъ, изъ котораго почерпались всѣ черкескія новости и свѣдѣнія. Въ разговорѣ соблюдалось самое тонкое приличіе, придающее черкесамъ, при обращеніи между собою, видъ благородства и благопристойности (1).

Появленіе прислуги, или сыновей хозяина, или, наконецъ, его сосѣдей съ умывальницею и тазомъ, для умовенія рукъ, служило знакомъ того, что ужинъ готовъ.

Вслѣдъ за умываніемъ вносились въ кунахскую небольшіе кругленькіе столики о трехъ ножкахъ. Столики эти извѣстны у черкесовъ подъ именемъ *анэ*—слово составное: *а*—значитъ рука, *нэ*—глаза, т. е. что на нихъ обращаются глаза и руки всѣхъ кушающихъ. Черкесы были всегда чрезвычайно умѣренны въ пищѣ: ѣли мало и рѣдко, особенно во время походовъ и передвиженій. «Печали желудка—говоритъ народная пословица—легко забываются, а не скоро лишь муки сердечныя».

За то на званыхъ обѣдахъ, праздникахъ и угощеніяхъ они впадали въ другую крайность: ѣли и пили на столько много, что надо было удивляться вмѣстимости ихъ желудковъ. Въ такихъ случаяхъ пища черкесовъ бывала довольно разнообразна. Вмѣсто хлѣба употребляли *пасту*—густо-свареную просяную кашу, которою окружають кушанья; круто-свареная, она рѣжется ломтями. Хлѣбъ если и употреблялся въ пищу, то большею частью просяной. Просо составляло исключительную принадлежность черкескаго стола: изъ проса приготовляли *хантхупсъ*—супъ или похлебку съ бараниной, и *махсымэ*—бузу или брагу, которую пили вмѣсто вина, запрещеннаго магометан-

---

(1) Этнограф. очерки черкеск. народа. Барона Сталя (рукоп.). Отъ Зауралья до Закавказья г. Вердеревскаго. Кавказъ 1855 г. № 30. О природѣ и хозяйствѣ Кабарды кн. Т. Г. Баратова. Кавказъ 1860 г. № 73 Замѣчаніе на статью Законы и обычаи кабардинцевъ, Ханъ-Гирея. Кавк. 1846 г. № 10. О гостепріимствѣ у черкесовъ. Кавказъ 1859 г. № 7. О кавказской линіи Дебу: изд. 1829 года. Записки русскаго офиц. Кавк. 1852 г. № 1 и 2.

скимъ закономъ (¹). Пища абадзеховъ состояла лѣтомъ изъ проса и молока, а зимою ѣли просо, сыръ и соленую баранину; за недостаткомъ проса, абадзехи часто питались тыквою. Вообще пища черкесовъ состояла изъ говядины, баранины и конины (преимущественно молодыхъ жеребятъ), которыя солились и сушились съ осени и были запасаемы до мая мѣсяца. Съ мая же до октября употребляли въ пищу кислое молоко, сыръ и растительные продукты. Кушанье подавалось чисто и опрятно; молоко черкесы ѣли деревянными ложками; говяжій отваръ, или бульонъ, пили изъ деревянныхъ чашекъ, а все остальное ѣли руками, употребляя пальцы вмѣсто вилокъ и ложекъ. Каждое блюдо подавалось на особомъ столикѣ, безъ талерокъ, которыя, какъ мы видѣли, употреблялись только для украшенія комнатъ и разставлялись по стѣнамъ.

Зарѣзанный для почетнаго гостя баранъ варился въ котлѣ цѣликомъ, за исключеніемъ головы, ногъ и печени, и, окруженный этими принадлежностями, приправленными разсоломъ, подавался на одномъ изъ столовъ. Кушанье это извѣстно подъ именемъ *быю* и *быюжазе*. Слѣдующее блюдо состояло также изъ отварной баранины, разрѣзанной на куски, между которыми становилась каменная чашка съ *шипсомъ*—кислымъ молокомъ, приправленнымъ чеснокомъ, перцомъ и солью: въ этотъ разсолъ туземцы макали баранину. Затѣмъ, по порядку и достоинству, слѣдовали: *китлебсъ* — курица съ приправою лука, перца и масла; на столикъ клали *пасту* и, сдѣлавъ въ ней углубленіе, наполняли ее этимъ соусомъ; за китлебсомъ опять кислое молоко, съ кусками отварной бараньей головы; творогъ, вареный съ масломъ и запеченый въ тѣстѣ, въ видѣ ватрушки, огромной величины; пирожки изъ творогу, пилавъ, шашлыкъ, жареная баранина съ медомъ, разсыпное просо со сметаною, сладкіе пирожки и т. п. кушанья, въ большемъ или меньшемъ изобиліи, смотря по достатку хозяина. Въ концѣ обѣда приносился котелъ съ очень вкуснымъ супомъ, который наливался въ деревянныя чашки съ ушками и подавался гостямъ; за неимѣніемъ ложекъ, пили его черезъ край, прямо изъ чашки. Вино, пиво, буза или аракъ и, наконецъ, кумысъ составляли принадлежность каждаго обѣда. Число блюдъ, смотря по значенію гостя и состоянію хозяина, бывало иногда весьма значительно. Такъ, въ 1827 году, натухажскій старшина, Дешеноко-Темироkъ, угощая посѣтившаго его анатолійскаго сераскира Гассана-пашу, подалъ ему за обѣдомъ сто двадцать блюдъ — чисто лукуловскій столъ!

Ни у знатныхъ, ни у бѣдныхъ не было для ѣды назначенныхъ часовъ: каждый ѣлъ когда ему захочется: отецъ въ одномъ углу, мать въ другомъ, дѣти тамъ, гдѣ придется. Общій столъ былъ въ употребленіи только при гостяхъ.

За ужинъ садились по достоинству и значенію; лѣта играли въ этомъ

(¹) Буза приготовляется изъ проса, съ прибавленіемъ въ нее, послѣ броженія, меда.

дали весьма важную роль. Лѣта въ общежитіи черкесовъ ставились всегда выше всякаго званія; молодой человѣкъ самаго высокаго происхожденія обязанъ былъ встать передъ каждымъ старикомъ, не спрашивая его имени, и, оказывая уваженіе его сѣдинѣ, уступить ему почетное мѣсто, которое въ пріемѣ черкесовъ имѣло весьма большое значеніе.

Если гость былъ человѣкъ весьма знатный по происхожденію или по заслугамъ, то онъ ѣлъ одинъ, а хозяинъ ему прислуживалъ; если же изъ низшихъ, тогда самъ хозяинъ раздѣлялъ съ нимъ трапезу.

Каждый столикъ съ блюдомъ подносился прежде всего почетному гостю и, по черкеской вѣжливости, никто не касался до кушанья прежде старшаго гостя. Съ первымъ кускомъ пищи, подносимымъ ко рту, гость произносилъ вполголоса молитву, призывая на хозяина благодать свыше, и затѣмъ обязанъ былъ отвѣдать непремѣнно отъ каждаго блюда, сколько бы ихъ ни было: иначе онъ могъ жестоко обидѣть хозяина. Воздержаніе и умѣренность въ пищѣ считались, въ то же время, однимъ изъ похвальныхъ качествъ черкеса, и въ особенности соблюдались высшимъ класомъ. Такой гость только прикасался къ кушаньямъ, не смотря на неоднократныя приглашенія хозяина кушать до-сыта и побольше. Гость, отдѣлившій часть блюда и передавшій его слугѣ, оказывалъ тѣмъ большое уваженіе хозяину, который принималъ подобный поступокъ, какъ знакъ особеннаго къ нему вниманія. Когда старшій прекращалъ ѣду, то всѣ сидѣвшіе съ нимъ за однимъ столомъ также переставали ѣсть и столъ передавался второстепеннымъ посѣтителямъ, а отъ нихъ переходилъ дальше, пока не опустѣетъ совершенно, потому что черкесъ не сберегалъ на другой день того, что было однажды приготовлено и подано. Чего не съѣдали гости, то выносилось изъ кунахской и раздавалось на дворѣ толпѣ дѣтей и зѣвакъ, сбѣгавшихся на каждое подобное угощеніе.

Послѣ ужина подметали полъ и приносили снова умывальницу, и на этотъ разъ подавали небольшой кусочекъ мыла, на особомъ блюдечкѣ. Пожелавъ гостю спокойствія, всѣ удалялись, кромѣ хозяина, который оставался тутъ до тѣхъ поръ, пока гость не просилъ его также *успокоиться*.

Пріѣзжій засыпалъ съ полною увѣренностію, что лошади его накормлены, что имъ дана постилка, или что онѣ пасутся подъ надзоромъ особо-назначеннаго на этотъ разъ пастуха. Гость зналъ, что если лошадь или какая-нибудь вещь его пропадетъ, то хозяинъ, отвѣчая за нее, долженъ будетъ отдать ему свою вещь и самъ потомъ разыскивать вора. Онъ зналъ также и то, что хозяйка дома встанетъ рано, до разсвѣта, чтобы успѣть приготовить самыя разнообразныя блюда и какъ можно лучше угостить пріѣзжаго.

Поутру обыкновенно приносили гостю кислое молоко съ пастою, а иногда и съ ватрушкою; въ полдень подавали въ небольшомъ количествѣ баранину, а вечеромъ хозяева и ихъ кухарки истощали все свое искуство, чтобы блеснуть угощеніемъ.

При отъѣздѣ хозяинъ и гость пили *шесибзъ* — застремянную чашу. Гость

выходилъ на дворъ; лошади его и его свиты были осѣдланы и выведены изъ конюшни; каждую изъ лошадей держалъ особый человѣкъ и подавалъ стремя. Если гость пріѣхалъ издалека, то ему оказывался еще большій почетъ: тогда хозяинъ, не довольствуясь прощаніемъ въ домѣ, садился также на лошадь, провожалъ нѣсколько верстъ и возвращался домой только послѣ нѣсколькихъ долгихъ убѣжденій и просьбъ со стороны гостя.

Въ прежнее время было въ обычаѣ для гостя засѣвать особое поле просомъ или гоміей, другое овсомъ для лошадей его и отдѣлять для него часть скота изъ своего стада.

Чѣмъ болѣе человѣкъ пользовался уваженіемъ, тѣмъ чаще посѣщали его гости. Если нечѣмъ быть угощать путешественника, хозяинъ обращался къ сосѣдямъ, и тѣ охотно снабжали его всѣмъ необходимымъ. Сосѣди жили между собою дружелюбно, охотно дѣлились другъ съ другомъ послѣднимъ кускомъ, одеждой, всѣмъ что только можно было раздѣлить, и считалось постыднымъ отказать нуждающемуся, кто бы онъ ни былъ. Хозяинъ долженъ былъ защищать гостя, хотя бы то стоило ему жизни. Принявшій подъ свое покровительство преступника обязанъ былъ примирить обѣ стороны, и если ему это не удавалось, то передавалъ дѣло на разсмотрѣніе народнаго суда. Если судъ рѣшалъ выдать обидчика головой обиженному, тогда давшій убѣжище исполнялъ въ точности приговоръ суда.

Отказъ въ гостепріимствѣ навлекалъ на хозяина нерасположеніе цѣлаго общества. Негостепріимство у черкесовъ считалось большимъ порокомъ и порицалось пословицею: *«ты живь одинъ не дѣлясь, какъ ногайскій князь»*. Чѣмъ гостепріимнѣе былъ хозяинъ, тѣмъ лучше старался онъ угостить пріѣзжаго, и, отпуская его домой, при прощаніи дѣлалъ весьма часто подарки, нерѣдко весьма значительные. Съ своей стороны, гости обязаны были въ точности исполнять всѣ обычаи страны и ни словомъ, ни даже намекомъ не оскорбить хозяина, и тѣмъ не обезславить его гостепріимства. Нарушеніе правилъ гостепріимства вело къ кровавой враждѣ, возникавшей не только между двумя лицами, но между цѣлыми родами и поколѣніями. По кореннымъ черкесскимъ законамъ, тотъ, кто оскорбилъ гостя, въ чьемъ-бы домѣ онъ ни былъ, платитъ хозяину дома штрафъ въ одну *сха*, равняющуюся отъ 60 до 80 быковъ. Въ случаѣ убійства гостя, убійца платитъ девять такихъ цѣнъ за безчестье дома независимо отъ цѣны крови, слѣдующей родственникамъ убитаго (¹). Черкесы до такой степени ревниво оберегали обычай гостепріимства, что если два лица, имѣвшія между собою вражду, встрѣчались неожиданно въ чужомъ домѣ, то, какъ-бы вражда эта сильна ни была, они дѣлали видъ, что не замѣчаютъ другъ друга, и держались одинъ отъ другаго какъ можно дальше.

(¹) Обычаи шапсуговъ и натухажцевъ. Л. Люлье. Запис. кавк. отд. имп. рус. геогр. общ. кн. VII, изд. 1866 г.

Какъ образчикъ гостепріимства, его обычаевъ и условій, я поясню примѣръ. Одинъ изъ богатѣйшихъ князей бзедухскихъ былъ въ гостяхъ у князя другаго племени, отъ котораго, при отъѣздѣ, получилъ въ подарокъ... баранов. Обычай и достоинство требовали отдарить пріятеля. Бзедухскій князь звалъ его къ себѣ въ гости, но тотъ медлилъ и черезъ годъ совершенно неожиданно явился съ огромною свитою, какъ разъ въ то самое время, когда хозяина не было дома.

Остановившись передъ кунахскою, князь слѣзъ съ коня; его ввели въ комнату. Княгиня-хозяйка засуетилась въ хлопотахъ объ угощеніи и отправила гонцовъ къ мужу, съ извѣстіемъ о прибытіи гостя. Въ ожиданіи пріѣзда супруга, княгиня была въ крайнемъ затрудненіи: надо было готовить ужинъ, а она не знала какъ: готовить-ли кушанье изъ мяса быка убитаго поутру, или, какъ принято было между черкесами, въ честь пріѣхавшаго гостя зарѣзать барана. Вызванный изъ кунахской, старшій изъ подвластныхъ князя, человѣкъ знатный и хорошо знавшій обычаи страны, разрѣшилъ затрудненіе: онъ опредѣлилъ приготовлять говядину и, кромѣ того, убить барана.

Эти затрудненія замедлили приготовленіе ужина, но наконецъ его подали. Князь, пріѣхавшій издалека, проголодался и, сѣвъ за столъ, принялся за пищу съ большимъ апетитомъ. По обычаю, когда слѣдовало приняться за мясо, въ богатыхъ и знатныхъ домахъ прислуживающіе подавали ножи, а безъ этой формальности никто не дотрогивался до кушанья. Проголодавшійся же князь не соблюлъ этикета и, не дожидаясь когда подадутъ ему ножъ, вынулъ свой, бывшій при ножнахъ кинжала, и началъ имъ рѣзать говядину.

— Ого! гости-то наши пріѣхали вооруженные! замѣтилъ вслухъ одинъ изъ остряковъ, бывшихъ въ кунахской при угощеніи.

Князь молча кинулъ сердитый взглядъ на остряка и продолжалъ ѣсть. Вскорѣ затѣмъ почетный гость потребовалъ пить, что значило, по принятому обыкновенію, что, отрѣзавъ себѣ еще кусочка два мяса, князь перейдетъ къ слѣдующему блюду. Утомленіе и апетитъ взяли и тутъ перевѣсъ надъ обычаемъ; куски шашлыка одинъ за другимъ, и въ значительномъ количествѣ, стали исчезать во рту гостя.

— По мокрому бруску провели ножемъ, замѣтилъ вторично острякъ.

Князь вспыхнулъ и, оттолкнувъ отъ себя столъ съ кушаньями, бросилъ ужинъ.

— Подайте мнѣ оружіе! закричалъ онъ съ гнѣвомъ. Я не съ тѣмъ пріѣхалъ къ своему пріятелю, чтобы слушать насмѣшки какого-нибудь наглеца. Оружіе!... лошадь! закричалъ взбѣшенный князь.

Поднялась страшная суматоха. Подвластные хозяина просили гостя не сердиться, не уѣзжать и тѣмъ не навлекать безчестія хозяину. Бѣдная и ничѣмъ невиновная княгиня рвала на себѣ волосы и также упрашивала разсерженнаго не дѣлать позора ея мужу. Почетный гость уступилъ просьбамъ: согласился остаться и все успокоилось. Пріѣхалъ хозяинъ и скоро узналъ о

случившемся происшествіи. Утромъ на другой день онъ призвалъ къ себѣ несчастнаго остряка и, въ присутствіи гостей, выгналъ его изъ своихъ владѣній.

— Счастіе твое, что съ отцомъ твоимъ я ѣлъ хлѣбъ и соль, а то ты жилъ-бы тамъ съ рыбами, сказалъ князь остряку, указывая на рѣку, протекающую подлѣ кунахской. Отнынѣ нога твоя пускай не смѣетъ переступать черту моихъ владѣній—вонъ отсюда! Но, чтобы ты не подумалъ будто я выгоняю съ намѣреніемъ подъ этимъ предлогомъ отдѣлаться отъ подарка, то на, возьми себѣ двухъ лучшихъ коней моихъ и—съ Богомъ!

Острякъ, довольный тѣмъ, что такъ дешево отдѣлался, ускакалъ безъ оглядки. Князь гостилъ около недѣли и, при отъѣздѣ домой, получилъ въ подарокъ: трехъ дѣвушекъ, двухъ мальчиковъ, шестнадцать прекрасныхъ лошадей, множество драгоцѣннаго оружія и нѣсколько десятковъ сундуковъ, наполненныхъ шелковыми матеріями.

Обычай одаривать гостя породилъ у черкесовъ особый родъ гостей *хачеуако*—гость съ просьбой. Такія лица, погостивъ нѣсколько дней, просили у хозяина, преимущественно князя, подарить ему, напримѣръ, десять лошадей, двадцать быковъ, да сотню овецъ. По обычаю, князь не могъ отказать въ подобной просьбѣ и долженъ былъ удовлетворить просителя (¹). Вмѣстѣ съ тѣмъ, пользуясь гостепріимствомъ, многіе находили средство всю жизнь существовать на чужой счетъ. Образовался особый, хотя незначительный, классъ людей, который, не имѣя осѣдлости и пристанища, скитался изъ одного аула въ другой и велъ жизнь бродяжническую. Они знали, что пріѣздъ ихъ, подъ именемъ гостя, будетъ принятъ каждымъ изъ хозяевъ за пріятное событіе, доставляющее какъ ему, такъ и всѣмъ членамъ его семьи удовольствіе и случай исполнить долгъ и священную обязанность. За то между черкесами не было еще никогда примѣра, чтобы кто-нибудь умеръ отъ голода...

Гостепріимство, свято чтимое между черкесами, не слѣдуетъ смѣшивать съ правами покровительства, или *куначества*, также весьма распространеннаго въ народѣ. Обычай *куначества* ведется съ давнихъ поръ. Въ прежнія времена, когда междоусобныя войны раздирали маленькія черкескія племена, каждый черкесъ, вступивъ въ границы земель чужаго ему владѣнія, считался какъ непріятель или чужеземецъ. Онъ подвергался опасности быть убитымъ, ограбленнымъ или проданнымъ, какъ невольникъ, куда-нибудь на отдаленный востокъ. Чтобы не подвергаться этому, онъ долженъ былъ имѣть въ чужомъ обществѣ вліятельнаго покровителя — *кунака*, на котораго, въ случаѣ надобности, могъ бы положиться. Обоюдная польза сдѣлала куначество свято

(¹) О гостепріимствѣ у черкесовъ. Кавк. 1859 г. № 7. Замѣчанія на ст. „Законы и обычаи кабардинцевъ“ Кавк. 1846 г. № 11. Остатки христіанства между закубанскими племенами Іоанна Хазрова. Кавк. 1846 г. № 42. О природѣ и хозяйствѣ Кабарды кн. Баратова Кавк. 1860 г. № 73. Очеркъ этнографіи черкескаго народа барона Сталя (рукопись). Бѣглые очерки Кабарды Степанова. Кавк. 1861 г. № 82. Закубанскій край въ 1864 г. П. Невскій. Кавказъ 1868 г. № 100.

стнымъ между черкесами. Кунакъ (покровитель) и прибывшій подъ его защиту были тѣсно связаны между собою, и никто не могъ обидѣть кліента, не подвергаясь неизбѣжному мщенію кунака. Хотя впослѣдствіи, съ прекращеніемъ междоусобныхъ раздоровъ, черкесъ не подвергался прежней опасности, но куначество такъ вкоренилось въ народную жизнь, что ни одинъ черкесъ не считалъ возможнымъ обойтись безъ кунака, который бы могъ его выручить изъ бѣды въ случаѣ ссоры, драки, убійства и воровства. Кунакомъ, конечно, могъ быть только князь или владѣтельный дворянинъ, словомъ такое лицо, котораго имя и вліяніе имѣли вѣсъ въ горахъ.

Отказать кому бы то ни было въ покровительствѣ считалось предосудительнымъ. Человѣкъ, совершившій преступленіе и опасавшійся преслѣдованія, искалъ случая обезпечить себя защитою сильнаго. Явившись къ тому князю, котораго покровительство могло доставить желаемую защиту, онъ касался рукою полы его платья и произносилъ: *«отдаюсь подъ твое покровительство»*. Коренные обычаи черкесовъ обязывали покровителя вступаться во всякомъ случаѣ за предавшагося его защитѣ. Ни тотъ, ни другой ничего не теряли отъ того — напротивъ, оба оставались въ выигрышѣ. Искавшій защиты пріобрѣталъ сильную подпору, а покровитель получалъ право, въ случаѣ обиды нанесенной его кліенту, взыскивать штрафъ въ свою пользу. Право это составляло даже одно изъ преимуществъ князей, которымъ они старались пользоваться, получая отъ него вещественныя выгоды, и хотя оно вело часто къ распрямъ и ссорамъ, но, не смотря на то, князь, допустившій безнаказанно обидѣть имъ покровительствуемаго, терялъ всякое уваженіе въ народѣ.

Каждый иностранецъ, безъ различія происхожденія и вѣры, имѣвшій вліятельнаго кунака въ одномъ изъ черкесскихъ обществъ, былъ совершенно безопасенъ въ этомъ обществѣ. Всѣ иностранцы, посѣщавшіе секретно горскія племена, жившія по берегу Чернаго моря, отправлялись, по большей части, изъ Турціи, имѣя съ собою рекомендаціи на имя владѣтельныхъ князей, которые дѣлались ихъ кунаками, т. е. принимали ихъ подъ свое покровительство. Одни русскіе были изъяты у черкесовъ изъ этого права. Каждый русскій, въ глазахъ черкеса, находился подъ кровомщеніемъ, и весьма немногіе изъ черкесовъ рѣшались вступать съ нами въ куначество, да и то не иначе, какъ съ соблюденіемъ съ обѣихъ сторонъ самой тщательной тайны.

Необходимость въ постороннемъ покровительствѣ и помощи дала начало оригинальному обычаю, извѣстному подъ именемъ *усыновленія*. Лицо чуждаго народа или чуждаго общества, переселившись къ одному изъ черкесскихъ племенъ и желая тамъ скрыться отъ преслѣдованій или остаться на всегда, изъявляло желаніе быть усыновленнымъ однимъ изъ семействъ того аула, въ которомъ поселилось. Глава семейства призывалъ къ себѣ желающаго быть пріемышемъ, въ присутствіи всѣхъ обнажалъ женѣ своей грудь и пріемышъ три раза устами дотрогивался до ея сосковъ. Этимъ символомъ глава семей-

ства давалъ знать присутствующимъ, что пріемышъ былъ какъ-бы вскормленъ грудью его жены и считается отнынѣ сыномъ въ семействѣ. Такое усыновленіе устанавливало священную связь и налагало на пріемыша тѣ же обязанности, какія имѣетъ сынъ къ отцу. Точно такъ же поступали два лица, согласившіяся составить между собою союзъ на жизнь и смерть. Тогда жена или мать одного изъ нихъ давала другу мужа или сына свою грудь, и съ тѣхъ поръ онъ пользовался покровительствомъ, какое принадлежало дѣйствительному питомцу. Впослѣдствіи обычай этотъ до того развился, что стоило только дотронуться до груди женщины, чтобы остановить ея мужа отъ преслѣдованія даже и въ томъ случаѣ, еслибы дотронувшійся до груди его жены былъ заклятый врагъ ([1]). Слѣдующій разсказъ лучше всего подтвердитъ, до какой степени свято исполнялись у черкесовъ обычаи гостепріимства и усыновленія.

Хегайкское племя занимало прежде важное мѣсто между черкескими племенами. Князья этого племени, два родные брата, славились своимъ мужествомъ и щедростію. Старшій изъ братьевъ, Атвонукъ, былъ среднихъ лѣтъ и очень дуренъ собою, а младшій, Канбулатъ, молодъ и красоты необычайной; плечи его были такъ широки, талья такъ тонка, что когда онъ лежалъ, то кошка проходила подъ его бокомъ, не задѣвая пояса—а это верхъ черкеской красоты!

Сознавая свой физическій недостатокъ, Атвонукъ не хотѣлъ жениться, но настойчивость и убѣжденіе друзей заставили его взять себѣ жену, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы и младшій братъ, Канбулатъ, послѣдовалъ его примѣру. Оба брата женились, и Канбулатъ, какъ-бы предчувствуя что-то недоброе, вопреки обычаямъ своей родины, никогда не показывался своей невѣсткѣ. Черкеская женщина въ прежнее время пользовалась сравнительно значительнѣйшею свободою и принимала даже участіе въ дѣлахъ общественныхъ.

Пораженная красотою брата своего мужа, жена Атвонука искала случая съ нимъ сблизиться. Однажды, въ отсутствіе мужа, пріѣхали къ ней въ гости родственники и просили Канбулата провести ихъ въ покои невѣстки. Отказать въ такой просьбѣ было-бы неприлично, невѣжливо, и Канбулатъ принужденъ былъ, противъ собственнаго желанія, побывать у жены брата. По удаленіи гостей, княгиня, подъ предлогомъ переговоровъ о домашнихъ дѣлахъ, удержала у себя Канбулата, и, съ безстыдствомъ сладострастной женщины, потребовала отъ него клятвеннаго обѣщанія провести съ нею вмѣстѣ наступающую ночь, угрожая, въ противномъ случаѣ, поднять тревогу и объявить народу, что онъ хотѣлъ ее обезчестить. Слова свои она подтвердила цѣлованіемъ молитвенника, который висѣлъ въ серебряномъ футлярѣ на ея груди. Удивленный безстыдствомъ, но сознавая безвыходность своего положенія, Канбулатъ далъ слово

([1]) Этнографическій очеркъ черкесскаго народа барона Сталя (рукоп.) Бесльній Абатъ Ханъ-Гирея. Кавк. 1847 г. № 43.

исполнить желаніе своей невѣстки и, въ обезпеченіе его, поцѣловалъ тотъ же молитвенникъ.

Наступила ночь. Канбулатъ явился, но объявилъ, что пришелъ не для того, чтобы быть преступникомъ, а для того только, чтобы исполнить клятву, къ которой присоединилъ другую, что зарѣжетъ свою невѣстку при первомъ нескромномъ порывѣ, при неумѣстной и соблазнительной ласкѣ. Обнаженная сабля, какъ доказательство рѣшимости и твердости слова, легла между нимъ и невѣсткою. Съ наступленіемъ утра, Канбулатъ бѣжалъ съ ненавистной ему постели, не замѣтивъ, какъ одна изъ трехъ стрѣлъ, которыя носили тогда черкесы на себѣ и дома, подкатилась подъ кровать: онъ забылъ даже о томъ, что у него были три, а не двѣ стрѣлы...

Возвратившійся Атвонукъ въ первую же ночь замѣтилъ чужую стрѣлу и, по необыкновенной длинѣ, узналъ въ ней стрѣлу брата.

— Чего я опасался, сказалъ онъ одному изъ своихъ друзей, то и случилось...

Оскорбленный Атвонукъ оставилъ свой домъ и уѣхалъ къ крымскимъ татарамъ. Забытый всѣми, онъ оставался долгое время незамѣтнымъ при бахчисарайскомъ дворѣ. Князь хегайкскій не терялъ, однако, надежды и работалъ неутомимо надъ осуществленіемъ своего желанія отмстить Канбулату. Своею настойчивостію и неутомимостію онъ успѣлъ склонить хана дать ему войско и повелъ многочисленный отрядъ татаръ на владѣніе брата, почти смежное съ владѣніями крымскихъ татаръ. Распустивъ слухъ, что татары идутъ на отдаленное племя, Атвонукъ хотѣлъ вѣрнѣе достигнуть цѣли и захватить брата врасплохъ, но пѣгая лошадь открыла тайну. Приближенные Канбулата, узнавъ въ станѣ татаръ лошадь Атвонука, дали знать своему господину. Князь бѣжалъ, однако семейство его попало въ руки мстителя—старшаго брата.

Въ особой палаткѣ помѣщена была плѣнница, жена Канбулата, женщина твердаго характера и пылкаго ума. Она была въ то время беременна, тогда какъ преступная жена Атвонука никогда не имѣла дѣтей. Атвонукъ рѣшилъ отмстить брату тѣмъ же, въ чемъ подозрѣвалъ его. Наступила ночь, и онъ отправился къ плѣнницѣ, чтобы насытиться самымъ гнуснымъ образомъ...

Гордо встрѣтила плѣнница своего мстителя.

— Нашъ повелитель, сказала она—такъ величаютъ черкешенки старшихъ братьевъ своихъ мужей—ты торгуешь не совсѣмъ чисто: мѣняешь безплодную корову на тельную...

Слова эти устыдили Атвонука; онъ оставилъ свою невѣстку и объявилъ ей, что отнынѣ будетъ считать ее родною сестрою. Такое признаніе не означало еще примиренія съ братомъ: Атвонукъ обратилъ весь свой гнѣвъ на разореніе ауловъ, подвластныхъ Канбулату. Послѣдній, скрывшись отъ преслѣдованій брата, поѣхалъ къ жанѣевцамъ, жившимъ на юговостокъ отъ хегайкскаго племени. Десятокъ или два бѣдныхъ хижинъ настоящихъ обитателей Каракубанскаго острова суть единственные потомки женѣевцевъ, нѣкогда много-

численнаго воинственнаго племени, выставлявшаго тысячъ десять всадниковъ и страшнаго для сосѣдей. Одинъ изъ представителей жанѣевцевъ, князь Хакушмукъ, человѣкъ уважаемый и могущественный, былъ въ кровной враждѣ съ Канбулатомъ. Послѣдній въ одномъ изъ набѣговъ убилъ его сына.

И вотъ, въ одно утро, у воротъ ограды маленькой кунахской этого князя остановился всадникъ на ворономъ конѣ. Домъ былъ пустъ: князя не было дома. Пользуясь отсутствіемъ владѣльца, разбрелись и его слуги. Оставивъ свою лошадь у ограды, пріѣзжій вошелъ въ кунахскую и легъ на скамейку. Одна изъ прислужницъ, пришедшая убрать комнату, была поражена его красотою и тотчасъ же объявила своей госпожѣ о пріѣздѣ гостя. Княгиня отправилась въ кунахскую, въ полномъ убѣжденіи встрѣтить тамъ одного изъ самыхъ близкихъ друзей мужа: въ противномъ случаѣ, гость не пришелъ-бы въ маленькую гостиную, назначенную только для почетныхъ лицъ, а остановился бы въ общей и большой гостиной.

Какъ только княгиня перешагнула порогъ комнаты, незнакомецъ вскочилъ и бросился къ ней.

— Будь моею воспріемною матерью! проговорилъ онъ, дотронувшись до ея груди.

Передъ княгинею стоялъ Канбулатъ—убійца ея роднаго и единственнаго сына. Какъ ни великъ былъ гнѣвъ княгини при первомъ взглядѣ на убійцу сына, но преступить строгіе и священные законы гостепріимства не въ силахъ, не въ характерѣ черкеса. Слѣдуя народному обычаю, княгиня взяла Канбулата подъ свою защиту и помѣстила въ безопасномъ мѣстѣ.

Прошло нѣсколько времени. Въ одну изъ отлучекъ мужа княгиня приготовила пиръ и, собравъ изъ всего племени самыхъ почетныхъ старшинъ, поручила имъ просить стараго князя, чтобы тотъ далъ слово исполнить одну изъ самыхъ кровныхъ и завѣтныхъ просьбъ ея.

Сидя вечеромъ въ своей кунахской, князь, ничего не подозрѣвавшій о происходившемъ въ домѣ, былъ не мало удивленъ, когда къ нему явились старшины, сопровождаемые служителями съ блюдами, наполненными разными кушаньями. Князь принялъ старшинъ ласково. Сѣли за ужинъ; полныя чаши стали ходить по рукамъ и разговоръ оживился. Старшины объявили тогда князю свое порученіе.

— Согласенъ! сказалъ развеселившійся старикъ, но съ условіемъ, чтобы княгиня сама и при всѣхъ открыла мнѣ свою тайную просьбу.

Въ прежнее время, въ высшемъ классѣ черкесскаго общества жена никогда не приходила къ мужу въ присутствіи постороннихъ, и потому двое изъ старшинъ отправились къ княгинѣ объявить волю князя. Она не затруднилась нарушить обычай и, въ сопровожденіи тѣхъ же посланныхъ, вошла къ пирующимъ.

— Я прошу тебя оказать гостепріимство этому человѣку, сказала она,

указывая на слѣдовавшаго за нею Канбулата, и при этомъ объяснила обстоятельства, вынудавшія ее принять его подъ свою защиту.

Неожиданная встрѣча эта взволновала стараго князя.

— Конечно, отвѣчалъ онъ съ наружнымъ спокойствіемъ и нѣкоторою важностію, я не могу мстить человѣку, который въ моемъ домѣ ищетъ моего покровительства; но ты напрасно вздумала поить насъ передъ открытіемъ моей тайны, столь для насъ пріятной: мы могли забыться и нашъ стыдъ палъ бы тогда на тебя.

— Остріе стрѣлы прошло, такъ перья не сдѣлаютъ вреда, замѣтили дворяне, умѣвшіе позлословить и польстить, и просили княгиню прислать, по этому случаю, еще бузы и брага.

— Дѣльно! замѣтилъ и старый князь; только послаще той, которую ты мнѣ поднесла теперь...

На слѣдующій день жанѣевскій князь объявилъ Канбулата своимъ гостемъ; но, слѣдуя обычаямъ, требовалъ отъ него плату за кровь, объявивъ, что если все богатство Канбулата заключается теперь въ лошади и оружіи, то онъ удовольствуется и этимъ.

Канбулатъ исполнилъ требованіе: оставилъ у себя только одну саблю, но и ту долженъ былъ отдать, по вторичному требованію жанѣевскаго князя.

— Что сказалъ Канбулатъ, отдавая саблю? спросилъ князь принесшаго ее старшину.

— Сказалъ только, отвѣчалъ тотъ, что саблю не считаетъ драгоцѣнностью, а оставилъ ее у себя для обороны отъ собакъ. Тутъ у него, прибавилъ старшина, на глазахъ, кажется, навернулись слезы...

— Онъ достоинъ и оружія, и уваженія! перебилъ князь. Отнесите все обратно и скажите, что я хотѣлъ только испытать его, хотѣлъ узнать, принадлежитъ ли онъ къ числу людей, которые служатъ основой умной поговоркѣ нашихъ предковъ: *храбраго трудно полонить, но въ плѣну онъ покоренъ судьбѣ; а труса легко взять въ плѣнъ, но тутъ-то, когда уже нечего бояться, онъ и дѣлается упрямымъ*. Скажите ему, что я раскаиваюсь въ моемъ желаніи испытать его, и пока онъ мой гость — моя рука, мое оружіе, все принадлежитъ ему.

Изгнанникъ былъ болѣе чѣмъ доволенъ великодушіемъ своего врага-покровителя; но, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, не могъ оставаться у него слишкомъ долго, и потому просилъ жанѣевскаго князя проводить его къ бзедухамъ, жившимъ въ вершинахъ рѣчекъ Псекупса и Пшиша.

Представители сильнаго бзедухскаго племени были въ сборѣ, на совѣщаніи по общественнымъ дѣламъ, когда среди ихъ явился жанѣевскій князь, въ сопровожденіи своего гостя. Объяснивъ причину своего прибытія, старый князь поручилъ Канбулата великодушію ихъ племени.

Обнаживъ, по тогдашнему обычаю, голову, Канбулатъ обратился къ собранію:

— Бзедухи! отдаюсь подъ защиту вашего поколѣнія. Отнынѣ, послѣ Бога, на васъ моя надежда. Не мои достоинства, а ваша честь и слава порукою мнѣ въ вашемъ великодушіи.

Бзедухи объявили себя защитниками гостя. Семь лѣтъ тянулась съ тѣхъ поръ самая ожесточенная война между братьями; лучшіе воины съ обѣихъ сторонъ остались на полѣ сраженія; разореніе и кровопролитіе опустошили землю и истощили обѣ стороны враждовавшихъ, но ни та, ни другая сторона не хотѣла уступить и враждѣ не предвидѣлось конца.

Виновница всѣхъ несчастій,—жена Атвонука, жившая у своего отца, вздумала сшить полный мужской костюмъ и послала его въ подарокъ Канбулату.

Посланный былъ захваченъ Атвонукомъ, узнавшимъ работу своей жены. Желая еще болѣе убѣдиться въ преступной связи брата съ женою, Атвонукъ, отправивъ посылку съ своимъ слугою, поручилъ ему просить Канбулата на мнимое свиданіе. Канбулатъ изрубилъ въ куски подарокъ ненавистной ему женщины и приказалъ его отвезти тому, кѣмъ онъ присланъ, прибавивъ отъ себя, что кто впредь къ нему явится съ подобнымъ порученіемъ, того онъ повѣситъ на первомъ попавшемся деревѣ.

Этотъ поступокъ внушилъ Атвонуку мысль, что братъ не такъ виновенъ, какъ онъ предполагалъ, и онъ рѣшился помириться. Послѣ переговоровъ, братья съѣхались на свиданіе.

— Я зналъ, сказалъ Канбулатъ при встрѣчѣ съ братомъ, что невинность моя оправдаетъ меня; но ты не хотѣлъ видѣться со мною, а я былъ готовъ скорѣе погибнуть, чѣмъ открыть кому бы то ни было несчастный случай, безславившій нашъ домъ.

Братья помирились. Послѣ продолжительнаго кровопролитія наступилъ миръ; бзедухамъ осталась слава строгаго исполненія обычая гостепріимства, благородной защиты гонимаго и удовольствіе слышать свои подвиги въ народной пѣснѣ и гордиться ею [1]....

II.

Раздѣленіе черкесовъ по племенамъ и мѣсто занимаемое каждымъ изъ нихъ.—Общій краткій очеркъ мѣстности, занимаемой черкесскимъ или адигскимъ племенемъ, и его экономическаго быта.

Черкесы сами себя называютъ *адиге*, что, на всѣхъ нарѣчіяхъ этого племени, означаетъ *островъ*.

(1) Князь Канбулатъ, черкесское преданіе. Ханъ-Гирея. „Русскій Вѣстникъ". 1841 года № 1.

Происхожденіе названія *черкесъ* объясняють различно. Одни стараются объяснить начало этого названія отъ *Чера* и *Кеса*, по преданіямъ бывшихъ, будто-бы, первыми родоначальниками адигскаго народа ([1]); другіе, не вдаваясь въ такія миѳическія сказанія, говорятъ, что черкесъ есть слово татарское, данное отъ рѣчки Черекъ, извѣстной кровопролитными битвами, происходившими между татарами и кабардинцами ([2]); наконецъ дагестанцы и всѣ остальные жители Закавказья называютъ черкесовъ *саръ-кясъ*, что означаетъ сорви-голова, головорѣзъ ([3]).

Отъ послѣдняго названія произошло испорченное слово черкесъ, данное народу, отъ хищническихъ нападеній котораго сосѣди весьма много терпѣли.

Откуда бы ни произошло названіе *черкесъ*, оно стало, однако, у насъ гораздо популярнѣйшимъ и болѣе употребительнымъ, чѣмъ слово *адиге*, служащее выраженіемъ одинаковости происхожденія и одноплеменности многихъ отдѣльныхъ поколѣній черкескаго народа, которыя не отличаются; другъ отъ друга, ни языкомъ, ни нравами и обычаями.

Многочисленное черкеское племя (адиге) раздѣлялось на нѣсколько отдѣльныхъ поколѣній, извѣстныхъ подъ различными именами и названіями.

Ниже г. Георгіевска, на югъ отъ казачьихъ земель, поселилось одно изъ значительнѣйшихъ племенъ адиге, *кабардинцы* (кабертай), раздѣлявшіеся на Большую и Малую Кабарду.

Большая Кабарда, примыкая на югѣ къ осетинамъ, расположена между рѣками Малкою и Терекомъ, а Малая Кабарда, занимая правый берегъ рѣки Терека, до предгорій и береговъ Сунжи, прилегаетъ на востокѣ къ чеченцамъ.

Нѣсколько кабардинскихъ семействъ, въ разное время, оставивъ свое отечество и, со всѣми своими подвластными, переселившись въ долины рѣкъ обоихъ Зеленчуковъ, образовали особыя поселенія, извѣстныя подъ именемъ *абрековъ*, или *бѣглыхъ кабардинцевъ*.

Въ прежнее время, жители Большой Кабарды были раздѣлены между четырьмя княжескими фамиліями: Кайтукиныхъ, Бекъ-Мурзиныхъ, Мисостовыхъ и Атажукиныхъ ([4]).

Малая Кабарда состояла изъ трехъ обществъ: Бековича, Ахлова и Таусултанова ([5]).

([1]) Баронъ Сталь: „Этнографическій очеркъ черкескаго народа“ (рукоп). Бутковъ. „Опытъ исторіи о черкесахъ, и въ особенности о кабардинцахъ“ (рукоп).

([2]) Свѣдѣнія объ атыхейцахъ, Шахъ-бекъ-Мурзина. Кавказъ 1849 года № 39.

([3]) Племя адиге, Т. Макарова. Кавказъ 1862 года № 29.

([4]) По рукописи барона Сталя, фамиліи Кайтукиныхъ принадлежало 19 деревень съ 3,210 душъ обоего пола; Бекъ-Мурзинымъ 24 деревни съ 7,737 душъ обоего пола, Мисостовымъ 17 дерев. съ 6,306 душъ обоего пола, и Атажукинымъ 22 дерев съ 7,029 душъ обоего пола.

([5]) Въ Малой Кабардѣ, кромѣ того, жили: въ аулѣ Псидахѣ чеченцы; въ аулѣ Турловѣ-кумыки; въ Гайтіевѣ и Ельджеруковомъ аулѣ—назрановцы и осетины Эльтокова и Козрева (Рукопись Сталя).

Составляя часть племени адиге и говоря съ нимъ однимъ языкомъ, кабардинцы не прилегали непосредственно къ остальнымъ поколѣніямъ этого народа. Казаки 1-го Владикавказскаго казачьяго полка и племена татарскаго происхожденія отдѣляли ихъ отъ соплеменныхъ имъ народовъ черкескаго (адигскаго) племени.

Кубанская котловина, орошаемая рѣками Ферзь, Гегене (Большая Тегень), Гегенезій (Малая Тегень) и Воарпъ, занята была *бесленейцами*, на сѣверо-западъ отъ которыхъ, по долинѣ, орошаемой ручьями Чехураджъ, Белогіаkъ и Шеде, жили *мохошевцы*. Къ западу отъ послѣднихъ, между рѣкою Схагуаше (Бѣлою) и Пшишемъ, обитали *хатюкайцы*, а сѣвернѣе ихъ, между рѣками Кубанью, Лабою и Схагуаше, поселилось племя *кемгуй*, или *темиргой*, примыкавшее къ абадзехамъ. *Абадзехи* населяли сѣверный склонъ Кавказскаго хребта, пространство между рѣкою Схагуаше и рѣкою Супъ, отдѣлявшею ихъ отъ шапсуговъ. Абадзехи, будучи племенемъ самымъ многочисленнымъ и воинственнымъ, раздѣлялись на *нагорныхъ*, или дальнихъ, и на *равнинныхъ*, или ближнихъ. Нагорные абадзехи сражались, по преимуществу, пѣшіе, а равнинные дрались всегда верхомъ. Главныя поселенія или аулы были расположены въ долинахъ рѣкъ Курджипса, Пчехе, Пшиша и Псекупса. Они раздѣлялись на девять обществъ или *хаблей* (¹).

Начиная отъ рѣки Супъ, всѣ долины, лежащія на сѣверо-западъ до рѣки Шипса, теряющейся, какъ и многія ей сосѣдній, въ болотахъ, окружающихъ Кубань, заняты были *шапсугами*.

Непосредственно къ шапсугамъ и на востокъ отъ нихъ, по лѣвому берегу рѣки Кубани до рѣки Пшиша, обитали *бзедухи*, раздѣлявшіеся на два поколѣнія: *хамышей*, жившихъ отъ шапсугской границы до рѣки Псекупса, и *черченей*—далѣе до рѣки Пшиша (²).

За рѣкою Шипсъ весь уголъ между низовьемъ Кубани и Чернымъ моремъ и обѣ покатости Главнаго хребта горъ заселены были племенемъ *натухажскимъ* (нотkуаджъ), простиравшимся по южному склону хребта и прибрежью Чернаго моря до небольшой рѣчки Бу или Буань, протекающей ниже Головинскаго поста (³) и впадающей въ Черное море. Кромѣ того,

---

(¹) Общества эти извѣстны были подъ именами: Туба, Темдаши, Дауръ-Хабль, Дженгетъ-Хабль, Гатюко-Хабль, Нежуко-Хабль, Анчоко-Хабль, Бешуко-Хабль и Эдиге-Хабль. Слово „Хабль" равнозначуще слову улусъ. Баронъ Сталь „Этнографическій очеркъ черкесскаго народа". (Рукопись) Воен.-ученый арх. главнаго штаба. Также рукопись, обязательно доставленная мнѣ П. В. Кузьминскимъ, которому я приношу мою искреннюю признательность.

(²) Относительно раздѣленія этихъ поколѣній и переселенія ихъ съ рѣки Туапсе на нынѣшнія мѣста, сохранилась въ народѣ легенда, о содержаніи которой см. статью „Басейнъ Псекупса". Кубанскія Вѣдомости 1867 г. № 5.

(³) Начиная отъ р. Аше, натухажскія общества, жившія вдоль юго-восточнаго берега Чернаго моря, имѣли, сверхъ общаго племеннаго названія, другія, отдѣльныя, по имени урочищъ: *Гоаiе*, или *Шехокуаджъ*; далѣе, на юго-западъ, по порядку слѣдовали: *Цюхухъ Шимитокуаджъ* и *Хизе*.

въ племени адиге принадлежатъ остатки нѣкогда могущественнаго племени *жанъ*, или *жанѣевцовъ*. Аулы ихъ расположены были въ 70 верстахъ ниже бзедуховъ, на островѣ, образуемомъ двумя рукавами Кубани и называемомъ *Каракубанскимъ* островомъ (по черкески *Детлясеъ*). Точно также среди натухажцевъ жили три поколѣнія племени адиге, потерявшія свою самобытность и слившіяся съ натухажцами: *чебеинъ*, *хегайкъ*, жившіе въ окрестности Анапы, въ котловинѣ Чехурай, и *хетукъ*, или *адале*, жившіе на полуостровѣ Тамани, а теперь разбросанные въ разныхъ мѣстахъ среди натухажцевъ (¹).

Такимъ образомъ, во владѣніи племени адиге находились: восточный берегъ Чернаго моря, значительная часть обоихъ склоновъ Кавказскаго хребта, Кубанская равнина и большая половина кабардинской плоскости.

Весьма трудно опредѣлить точную цифру населенія черкескаго племени. «Всѣ цифры, которыми означали кавказское населеніе, брались приблизительно и, можно сказать, на глазъ. По понятіямъ горцевъ, считать людей было не только совершенно безполезно, но даже грѣшно; почему они, гдѣ можно было, сопротивлялись народной переписи или обманывали, не имѣя возможности сопротивляться» (²).

Слѣдующая таблица показываетъ численность населенія черкескаго племени въ два разные періода времени.

	Число душъ въ 1835 году (³).	Число душъ въ 1858 году (⁴).
Большая Кабарда	24,000	24,282
Малая Кабарда	6,000	12,756
Бѣглые кабардинцы	4,000	4,707
Шапсуги	200,000	160,000
Натухажцы	60,000	20,000
Абадзехи	160,000	40,000
Хатюкайцы }	9,000	6,521
Бзедухи }		4,000
Кемгуй (Темиргой)	15,000	8,168
Бесленейцы	25,000	5,115
Мохошевцы	5,000	5,000
Убыхи	19,000	25,000
	527,000	315,549

(¹) Общій взглядъ на страны, занимаемыя горскими народами, называемыми черкесами (адиге) и проч. Л. Люлье. Зап. Кавк. отд. Им. рус. геогр. общ. кн. 4-я изд. 1857 г.

(²) Воспомин. кавказскаго офицера. „Рус. Вѣстн." 1864 г., № 9.

(³) „Русскій Вѣстникъ" 1842 года т. 6.

(⁴) Кавк. календарь на 1858 г. Статья Ад. Пет. Берже.

состоящая изъ округленнаго булыжнаго камня небольшихъ размѣровъ, по подвижности каменной массы весьма неудобна даже и для верховой ѣзды ([1]).

Во время морскихъ прибоевъ, волны, ударяясь въ самое подножье крутыхъ скалъ, не только прекращаютъ по этому пути всякое сообщеніе, но и разрушаютъ постепенно самый берегъ ([2]).

Вообще существуетъ весьма мало хорошихъ продольныхъ сообщеній между поселеніями, расположенными по ущельямъ главныхъ рѣкъ или ихъ притоковъ.

Прибрежная часть Закавказскаго края, отъ понижающагося на сѣверо–западъ Главнаго хребта, представляетъ, въ общемъ характерѣ, рядъ террасъ, постепенно уменьшающихся въ высотѣ, по мѣрѣ приближенія ихъ къ Черному морю. Всѣ терасы изрѣзаны большимъ числомъ рѣкъ и ихъ притоковъ, вливающихъ свои воды въ море. Самыя возвышенныя мѣста составляютъ скалистыя вершины; ниже ихъ возвышенности, въ 6,000 футовъ, владѣютъ прекрасными пастбищными мѣстами, а, спускаясь постепенно внизъ, встрѣчается громадный лѣсъ, по преимуществу сосновый. На высотѣ 4,000 футовъ надъ уровнемъ моря растутъ уже чинаръ и грецкій орѣхъ. Прибрежная полоса владѣетъ множествомъ самыхъ разнообразныхъ фруктовыхъ деревьевъ, производящихъ плоды весьма хорошаго качества.

Недостатокъ значительныхъ равнинъ дѣлаетъ эту часть Закавказскаго края неспособною для исключительнаго занятія жителей хлѣбопашествомъ, но садоводство, винодѣліе и шелководство могутъ имѣть здѣсь широкое примѣненіе. Около мыса Адлера растительность чрезвычайно разнообразна. Мирта, кипарисъ, пальма, перевитыя дикимъ виноградомъ и вьющимися растеніями, перебѣгающими съ дерева на дерево живописными фестонами, видны повсюду; полевые цвѣты весьма разнообразны и отличаются богатствомъ красокъ ([3]). Мѣстность прибрежной части Закавказскаго края превосходитъ, въ этомъ отношеніи, южные берега Крыма, какъ потому, что она разнообразнѣе, южнѣе по широтѣ, такъ и по обилію водъ ея орошающихъ. Единственный и весьма важный недостатокъ ея—неимѣніе почти вовсе бухтъ и пристанищъ для судовъ. За то сообщеніе ея черезъ Главный хребетъ съ хлѣбородною полосою сѣверной части Кубанской Области довольно удобно.

Что касается климатическихъ условій, то, конечно, климатъ этой мѣстности нельзя назвать вполнѣ здоровымъ и благопріятнымъ для поселенцевъ. Прибрежная полоса имѣетъ мѣстами дурной климатъ, особенно при устьяхъ рѣкъ, по большей части раздѣляющихся на нѣсколько рукавовъ. Задержи-

---

([1]) Тамъ же. См. также „О политическомъ устройствѣ черкескихъ племенъ“ Н. Карлгофа. Рус. Вѣст. 1860 года, т. XXVIII № 16.

([2]) „О политическомъ устройствѣ черкескихъ племенъ, населяющихъ сѣверо-восточный берегъ Чернаго моря. Н. Карлгофа. Рус. Вѣст. 1860 года № 16.

([3]) Краткое описаніе глав. торг. пут. сообщенія Закавказскаго края И. Дюкруасси, Запис. Кавказ. отд. Им. рус. геогр. общ. книга 1-я изд. 1852 г.

ваемая наносами съ моря булыжнаго камня, вода въ этихъ рукавахъ запружается; часть ея медленно просачивается, а остальная, застаиваясь, образуетъ болота и заражаетъ воздухъ.

Въ нѣкоторыхъ горныхъ ущельяхъ, владѣющихъ сильною растительностію, отъ паденія большаго количества листьевъ и сырости, воздухъ пропитанъ міазмами. Всѣ эти неудобства и невыгоды климата возможно устранить; отличное состояніе здоровья туземнаго населенія—черкесовъ, говоритъ въ пользу хорошихъ качествъ климата.

Въ юго-восточной части этой мѣстности находятся мѣсторожденія серебряной, свинцовой, мѣдной и желѣзной рудъ. По разсказамъ туземцевъ, на скалистой возвышенности Фишта находится мѣсторожденіе ртути. Нефть, горный деготь и горный воскъ составляютъ главнѣйшее богатство этой мѣстности. Кое-гдѣ, въ разныхъ мѣстахъ, попадаются и минеральные источники.

Вообще мѣстность эту, въ отношеніи поселеній, можно раздѣлить на горную, среднюю и низовую. Въ горной части, прилегающей къ Главному хребту, характеръ самой мѣстности дѣлаетъ возможнымъ только жизнь горную. Въ средней части, по главнымъ рѣкамъ и ихъ притокамъ, находится много довольно обширныхъ полянъ; такъ, на рѣкѣ Мдзымтѣ поляны Агрыюртинская, Кбааба и все пространство по ущелью Мдзымты, до впаденія въ нее рѣки Дзико. По рѣкамъ Сочѣ, Шахе, Аше, Псезуапе и далѣе, до рѣки Туапсе, весьма много мѣстъ удобныхъ для поселенія.

Низовая часть, гдѣ горы незначительной высоты, вся удобна для поселенія (1).

Таковы, въ общихъ очертаніяхъ, топографическія свойства прибрежья Чернаго моря и южнаго склона Кавказскаго хребта.

Съ сѣверной стороны Водораздѣльнаго хребта также идутъ, паралельно ему, три хребта, съ крутыми, недоступными скатами па югѣ и пологими на сѣверѣ. Первый побочный хребетъ прорванъ рѣками, вытекающими изъ Водораздѣльнаго хребта; части втораго хребта, прорваннаго тѣми же рѣками, имѣютъ видъ дуги, обращенной своею выпуклостію на югъ; третій и послѣдній хребетъ, не имѣя альпійскаго характера, отдѣляетъ отъ себя небольшія возвышенія, которыя, слѣдуя между рѣками и подходя близко къ берегамъ ихъ, спускаются къ Прикубанской равнинѣ. Здѣсь, на сѣверномъ склонѣ, орографическій характеръ горъ тотъ же, что и на южномъ: по мѣрѣ удаленія ихъ на юго-востокъ, онѣ постепенно возвышаются. Замѣчательно, что отъ верховій рѣки Туапсе и до рѣки Сочи Водораздѣльный хребетъ ниже паралельныхъ ему съ сѣвера и юга, а далѣе на востокъ онъ принимаетъ совершенно обратный характеръ (2).

---

(1) Географ. замѣтки о восточ. части Закубанскаго края I. Стебницкаго. Кавказс. Календарь на 1867 годъ.

(2) Тамъ же,

Отроги Главнаго Кавказскаго хребта наполняютъ и значительную часть Большой Кабарды, въ юго-западной ея части. Вся же северовосточная ея часть имѣетъ наклонъ къ сліянію рѣкъ Малки и Терека. Въ Малой Кабардѣ пролегаютъ два хребта, почти паралельные между собою [1], изъ которыхъ одинъ раздѣляетъ ее пополамъ, а другой составляетъ южную ея границу [2]. Страна эта не пользуется обиліемъ ни лѣса, ни воды.

Подошвы послѣднихъ уступовъ горъ, прилегающихъ къ Кубанской равнинѣ и къ кабардинской плоскости, покрыты почти сплошь строевымъ лиственнымъ и хвойнымъ лѣсомъ и представляютъ мѣстность, изрѣзанную глубокими ущельями, тогда какъ пространство, прилегающее непосредственно къ Кубани и къ нижнимъ частямъ Лабы, является совершенною равниною, покрытою мелкимъ кустарникомъ.

Обширная Закубанская равнина и кабардинская плоскость пересѣчены многими паралельными рѣками и рѣчками, изъ которыхъ главнѣйшія, какъ мы видѣли, берутъ свое начало изъ Главнаго, а второстепенныя изъ побочныхъ хребтовъ. Всѣ онѣ сливаютъ свои воды или въ Кубань, или въ Терекъ.

Климатъ этой части мѣстности вообще здоровый; весна, по большей части, дождливая, лѣто сухое и жаркое, вѣтры весьма часты. Зима обыкновенно наступаетъ въ началѣ декабря и продолжается до половины февраля. Въ январѣ морозы достигаютъ иногда до 20 градусовъ; но глубокіе и большіе снѣга рѣдко выпадаютъ.

Горная часть Кабарды, отъ рѣки Чегема до Терека, вся покрыта лѣсомъ, а въ Малой Кабардѣ лѣсъ растетъ только по сѣверному склону горъ, образующихъ южную ея границу. Чинаръ, букъ, липа и рѣдко дубъ наполняютъ лѣса; яблоки, груши и другія фруктовыя деревья преимущественно растутъ въ низменныхъ мѣстахъ лѣсной полосы; виноградъ попадается только около сліянія рѣкъ Баксана и Малки. Многіе изъ черкесскихъ лѣсовъ до того были часты и болотисты, что проходъ по нимъ былъ если не невозможенъ, то весьма труденъ. Все пространство Закубанской равнины и Кабарды, непокрытое лѣсомъ, есть обширное плодородное мѣсто, весьма пригодное для пастбища скота, пашни и покосовъ. Трава здѣсь отличается своимъ ростомъ и необыкновенною питательностью. «Одинъ годъ—теленокъ, а другой годъ—корова», говоритъ черкесская поговорка, лучше всего выражающая питательность мѣстной травы.

Земледѣліе вообще находилось въ первобытномъ состояніи. Между туземцами этого населенія уважался не тотъ, кто мирно занимался хозяйствомъ и торговлею, не тотъ, кто богатѣлъ мирными трудами рукъ своихъ, а тотъ, кто пріобрѣталъ добычу съ боя и рисковалъ при этомъ жизнію.

---

(1) См. стр. 11.

(2) О природѣ и хозяйствѣ Кабарды. Кн. Т. Г. Баратова. Кавк. 1860 г. № 73.

Небольшіе посѣвы кукурузы, проса, очень рѣдко пшеницы, окружали аулы, и недостаточны были даже для прокормленія семейства.

Туземцы постоянно покупали хлѣбъ, тогда какъ, по богатству почвы и излишку въ землѣ, они могли бы имѣть хлѣба съ избыткомъ. Причиною малой заботливости о хлѣбопашествѣ было отсутствіе поземельной собственности. Каждый пользовался землею около аула, какую успѣлъ захватить, и подобный порядокъ велъ ко множеству споровъ и нескончаемыхъ тяжебъ.

Садоводство и огородничество въ особенности терпѣли отъ этого: никто не рѣшался заняться ими, изъ опасенія, чтобы общество не отняло обработанную и удобренную землю.

Лѣса считались общественными, принадлежащими всему народу нераздѣльно.

Каждый могъ пользоваться лѣсомъ для собственной нужды, но для того, чтобы продать лѣсъ, должно было внести опредѣленную сумму денегъ въ общественный капиталъ.

Главное богатство черкесовъ, особенно кабардинцевъ, составляли: пчеловодство, огромные табуны лошадей и отары овецъ; какъ тѣ, такъ и другіе славились своею доброкачественностью. Кабардинская лошадь не требуетъ особаго ухода, пасется круглый годъ въ полѣ и питается зимою кореньями травъ, вырываемыхъ ею изъ-подъ снѣга копытами. Лошади кабардинскія не знаютъ ковки, но въ теченіе цѣлаго мѣсяца легко дѣлаютъ переходы отъ 60 до 100 верстъ въ день, безъ дневокъ.

Произведенія мѣстной промышленности состояли изъ довольно грубаго сукна, извѣстнаго подъ именемъ черкескаго; бурокъ, отличавшихся своею легкостью и непромокаемостью; разныхъ кожаныхъ вещей, шитыхъ серебромъ; пистолетныхъ чахловъ, чапраковъ, чевякъ (особый родъ обуви) и чрезвычайно удобныхъ арчаковъ съ подушками (¹).

Вообще промышленность и торговля туземцевъ были незначительны. Въ горахъ изготовлялись оружіе и земледѣльческія орудія, но какъ тѣ, такъ и другія не отличались своею доброкачественностью. Закубанскіе черкесы приготовляли вино, бѣлое и красное, которое, вопреки запрещенію корана, составляло необходимую принадлежность каждаго пира. За неимѣніемъ денегъ, торговля была мѣновая. Горцамъ были извѣстны только русскіе рубли да грузинскіе абазы (двугривенные), и то въ обращеніи ихъ было весьма немного.

Главная промышленность черкесовъ, доведенная до довольно высокой степени, было ювелирство. Они имѣли искусныхъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, которые особенно отличались изобрѣтеніемъ рисунковъ для черняди на серебрѣ, и покрывали ею рукоятки пистолетовъ, шашекъ, ножны кинжаловъ и проч.

Вывозъ съ черкескаго берега состоялъ въ медѣ, воскѣ, кожахъ, лѣсѣ,

---

(¹) О природѣ и хозяйствѣ Кабарды. Кн. Т. Г. Баратова. Кавказъ 1860 г. № 73. Вѣсти съ Кубани. Московскій Вѣстникъ 1860 г. № 2.

маслѣ и другихъ произведеніяхъ, а главный привозъ составляла соль, въ которой черкесы крайне нуждались, и пріобрѣтеніе которой заставляло туземца ходить на мѣновые наши дворы, устроенные въ разныхъ пунктахъ кавказской линіи, или платить ногайскимъ мурзамъ скотомъ, а иногда и кровью....

III.

Религія черкесовъ и ихъ суевѣріе. — Суевѣрные обряды при леченіи раненаго. — Вѣрованіе въ существованіе различнаго рода духовъ. — Народныя легенды. — Колдуны и вѣдьмы. — Гаданіе.

Въ прежнее время, черкесы всѣ исповѣдывали христіанскую религію. Пѣсни, сказки и преданія черкесовъ свидѣтельствуютъ, что христіанство введено было при Юстиніанѣ, что при немъ воздвигнуты были храмы, поставлены священники (*шогени*), изъ которыхъ главный, съ званіемъ епископа (*шехникъ*), по преданію жилъ въ четырехъ верстахъ отъ крѣпости Нальчика, на мѣстѣ и до сихъ поръ извѣстномъ народу подъ именемъ: *лѣсистаго кургана*.

— Въ тѣ времена, говорятъ черкесы, народъ отличался набожностью, твердою вѣрою и никто не клялся именемъ Творца, считая то величайшимъ для себя грѣхомъ. Каждый черкесъ довольствовался тѣмъ, если клянущійся, въ подтвержденіе истины своихъ словъ, произносилъ имя уважаемаго всѣми человѣка.

По свидѣтельству древнихъ писателей и лицъ, посѣщавшихъ земли (1) черкесовъ, они называли себя христіанами, имѣли священниковъ, крестили дѣтей своихъ по достиженіи ими восемнадцатилѣтняго возраста, или вообще по совершеннолѣтіи. Имена новорожденнымъ давали по имени перваго встрѣтившагося иностранца, или въ честь дѣдовъ и отцевъ. По тогдашнему обычаю, въ церковь могли входить только шестидесятилѣтніе старцы, переставшіе уже вести разбойническую жизнь; остальные молодые и пожилые люди становились у входа, или у церковнаго притвора. Не имѣя письменности на родномъ языкѣ, они слушали богослуженіе на греческомъ, котораго не понималъ не только народъ, но и сами священники.

(1) Георгій Интеріано, посѣтившій восточный берегъ Чернаго моря между 1550 и 1557 годами, пишетъ о черкесахъ какъ о христіанахъ; спустя 50 лѣтъ, около 1637 года, доминиканецъ Іоаннъ Лукскій уже сообщаетъ, что между черкесами появилось магометанство. См. Остатки нѣкогда бывшаго христіанства на Кавказѣ П. Хицунова. Кавказъ 1846 г. № 35. Начало христіанства въ Закавказьѣ и на Кавказѣ П. У. Сборникъ свѣд. о кавказскихъ горцахъ, выпускъ II, 1869 г.

Оттого, несмотря на набожность народа, христіанство явилось здѣсь не какъ догматическое ученіе, а только какъ новый обрядъ. Оно дѣйствовало на чувство и воображеніе народа внѣшностію богослуженія, но не касалось его нравственныхъ понятій и внутренней жизни. «Въ обычай черкесовъ вошло соблюденіе нѣкоторыхъ постовъ, и тѣмъ легче, что, за исключеніемъ особыхъ случаевъ, горцы постоянно крайне умѣренны въ пищѣ. Дальнѣйшимъ стѣсненіямъ они не подчинялись; такъ, напримѣръ, *супружескій уставъ ихъ остался въ совершенномъ противорѣчіи съ церковными положеніями»* (1).

При такихъ условіяхъ, христіанская вѣра не могла укорениться вполнѣ среди черкескаго народа и, съ уменьшеніемъ числа священниковъ, христіанскіе обряды стали мало по-малу исчезать изъ памяти народа. Обрядовая сторона религіи начала видоизмѣняться, а съ видоизмѣненіемъ ея стали мѣняться убѣжденія и понятія народа объ исповѣдуемой имъ религіи. Покинувъ церкви, черкесы, при молитвахъ, обращались всегда на востокъ, зажигали въ домахъ восковыя свѣчи и употребляли ладонъ. Къ этимъ остаткамъ христіанства народъ прибавилъ свои собственные обряды, родившіеся отъ суевѣрія и разныхъ предразсудковъ. Для молитвы собирались подъ тѣнь огромныхъ деревьевъ, привязывали къ ихъ сучьямъ кресты, приносили жертвы и заканчивали ихъ пиромъ. Обрядъ этотъ носилъ названіе *тахь*—богоугодная жертва. За неимѣніемъ рукоположеннаго священника, выбирали старика, надѣвали на него *ямычи*—бѣлую войлочную мантію—и тотъ, взявъ въ руки деревянную чашу, наполнялъ ее виномъ или водкою, или даже бузою, и, обратившись къ востоку, читалъ молитву, по большей части импровизованную; потомъ обращался къ народу, призывалъ на него благословеніе неба и просилъ исполненія того, о чемъ присутствующіе молились.

Потерявъ нить истинныхъ христіанскихъ обрядовъ, черкесы не могли оставаться вовсе безъ религіи, въ состояніи несродномъ человѣчеству, и потому примѣшали къ своимъ религіознымъ вѣрованіямъ понятіе о многобожіи, установили посты и праздники въ честь разныхъ святыхъ и почитаемыхъ ими боговъ и, такимъ образомъ, незамѣтно для нихъ самихъ, отпали совершенно отъ христіанства.

Въ такомъ положеніи были религіозныя понятія черкесовъ, когда, въ началѣ XVIII столѣтія (2) въ предѣлы ихъ страны стало проникать ученіе Магомета. Религіозное усердіе крымскихъ хановъ, съ которыми черкесы были нѣкогда въ тѣсныхъ и частыхъ сношеніяхъ, распространяло магометанское ученіе. То ласками и угрозами, то огнемъ и мечемъ вводили они среди народа магометанскую религію. Многіе *шогены* (священники) были уби-

---

(1) Начало христ. въ Закавк. и на Кавказѣ.

(2) По показанію Шора-Бекмурзинъ-Ногмова, окончательное уничтоженіе христіанства послѣдовало въ 1717 году (Кавк. календ. на 1862 годъ.)

ты, книги сожжены, а пастырскіе жезлы расхищены и брошены съ презрѣніемъ. Память объ этомъ событіи сохранилась до сихъ поръ въ народной жизни.

— Что бы твое имущество, говоритъ черкесъ, разсердившійся на сосѣда, было расхищено такъ, какъ расхищены были шогейскіе (священническіе) жезлы!

Старанія крымскихъ хановъ не остались напрасными и изъ всѣхъ племенъ адиге кабардинцы первые стали исповѣдывать исламъ.

Послѣ занятія турками Анапы, вліяніе турецкаго духовенства увеличило число поклонниковъ и послѣдователей лже-пророка, и мало по-малу исламъ, хотя и съ большими препятствіями, водворился между племенами, населявшими сѣверный склонъ Кавказскаго хребта.

Народное преданіе сохранило разсказъ о томъ сопротивленіи, которое было противопоставлено племенемъ адиге распространенію магометанскаго ученія. Шапсуги, видя, что въ Анапѣ, въ Кабардѣ, на степяхъ ногайскихъ, распространяется магометанство, рѣшились и сами принять ученіе мединскаго пророка. Они построили мечети и стали молиться на югъ, а натухажцы, по прежнему, поклонялись кресту и молились на востокъ.

Слѣдуя новому ученію — распространять свою религію мечемъ—шапсуги въ значительномъ числѣ напали на натухажцевъ, собрали всѣ кресты и сожгли ихъ. Послѣдніе, оскорбленные такимъ вторженіемъ, въ свою очередь ворвались въ землю шапсуговъ, разрушили и разорили всѣ ихъ мечети. Возникло междоусобіе, борьба двухъ религій, длившаяся, по сказанію народа, слишкомъ двадцать лѣтъ. Натухажцы имѣли, по преимуществу, перевѣсъ и, при заключеніи перемирій, упрекали шапсуговъ въ отступленіи отъ вѣры отцовъ.

— Вы, говорили они, наши братья, измѣнили закону предковъ, приняли новый, но мы не можемъ согласиться, чтобы вы послѣдовали Магомету, и требуемъ возвращенія къ старому закону.

Шапсуги оставались нѣмы къ подобной просьбѣ; междоусобная вражда продолжалась. Оба племени нѣсколько разъ обращались съ жалобою къ анапскимъ пашамъ: одни просили удовлетворенія за сожженіе крестовъ, другіе за разрушеніе мечетей. Анапскіе паши, сами магометане, должны были естественнымъ образомъ принять сторону шапсуговъ, и старались прекратить вражду склоненіемъ натухажцевъ принять исламъ. Усилія ихъ долгое время оставались напрасными.

— Поклоненіе Распятію, отвѣчали натухажцы, старѣе магометанскаго ученія. Всѣ горцы нераздѣльно исповѣдывали Христа, и шапсуги, отложившись отъ закона предковъ, первые подали поводъ къ непріязненнымъ дѣйствіямъ оскорбленіемъ святыни.

Послѣ такого категорическаго отвѣта, казалось, трудно было надѣяться на распространеніе ученія Магомета между натухажцами. Однако анапскіе паши, разными путями и средствами, на первый разъ успѣли примирить оба

поколѣнія, и каждое изъ нихъ осталось при своемъ желаніи, относительно исполненія религіозныхъ обрядовъ. При такомъ положеніи дѣлъ, черкесы встрѣтили наступленіе настоящаго столѣтія. Въ теченіе этого времени магометанское духовенство дѣятельно распрóстраняло свое ученіе между шапсугами и заботилось только объ одномъ — сдѣлать ихъ ревностными магометанами. Напротивъ того, натухажцы оставались совершенно забытыми, безъ пастырей и безъ наставниковъ. Священникъ Іоаннъ Хазровъ, посѣтившій черкесовъ, насчитываетъ, въ теченіе цѣлаго полустолѣтія, только шесть священниковъ, бывшихъ пастырями для всего христіанскаго или полухристіанскаго населенія племени адиге. За неимѣніемъ пастырей, натухажцы не могли сохранить твердость вѣрованій и, рано или поздно, должны были отпасть отъ ученія христіанской церкви, что и случилось въ дѣйствительности. Въ первое десятилѣтіе нашего столѣтія, Гассанъ-паша Анапскій вступилъ, съ значительнымъ войскомъ, въ землю черкесовъ и, то угрозами, то большими подарками, успѣлъ склонить всѣхъ черкесовъ къ принятію магометанства. Они дали присягу въ вѣрномъ соблюденіи правилъ корана и согласились принять къ себѣ духовныхъ наставниковъ, а этого было слишкомъ достаточно. Съ тѣхъ поръ господствующею вѣрою между черкесами была магометанская религія секты суннитской (1). Христіанскую религію исповѣдуютъ только черкесы, живущіе въ г. Моздокѣ, около Кубани, такъ называемые *прочноокопскіе* черкесы, и около Пятигорска. Первые двое принадлежатъ къ православному, а послѣдніе къ армяно-грегоріанскому вѣрованію.

Безпокойная, тревожная жизнь дѣлала черкесовъ плохими мусульманами, а недостатокъ въ образованномъ духовенствѣ лишалъ ихъ возможности основательнаго изученія правилъ этой религіи.

— Мусульмане у насъ, говорили старики горцы, только одни муллы и кадіи, но они всѣ изъ Турціи или изъ ногайцевъ; муллы изъ Адигъ не доучиваются. Мы же умѣемъ дѣлать только намазы; два человѣка изъ тысячи умѣютъ читать коранъ, а старики наши и до сихъ поръ сохраняютъ въ памяти разсказы отцовъ о сборахъ въ рощахъ, о сборахъ въ *шонахъ* — церквахъ, гдѣ блистали золотомъ *шехники* (епископы) и *шогены* (священники), говорившіе имъ слово спасенія.

«Шехникъ нашъ защитникъ и воспитатель, говоритъ черкесская пѣсня, шехникъ — нашъ свѣтъ. Воспитатель разсуждалъ о законѣ Божіемъ съ вершины лѣсистаго кургана.

---

(1) О состояніи нѣкогда бывшаго христіанства на Кавказѣ. П. Хицунова. Кавказъ 1846 года № 35. Остатки христіанства между закубанскими народами. Іоанна Хазрова. Кавказъ 1846 г. № 42. О бытѣ, правахъ и обычаяхъ древнихъ атыхейскихъ или черкесскихъ племенъ. Шахъ-бекъ-Мурзина. Кавказъ 1849 г. № 36. О политическомъ устр. черкескихъ племенъ. Н. Карлгофа „Русскій Вѣстникъ" 1860 г. № 16. Вѣрованія, религіозные обряды и предразсудки у черкесовъ. Л. Люлье. Зап. Кавказскаго отд. Им. рус. геогр. общес. книга V изд. 1862 г.

«И на лѣсистомъ курганѣ скованъ Ему домъ изъ жести, съ дверьми изъ литаго серебра, и тамъ-то обиталъ свѣтлый Божій Духъ.

«И ангелы бесѣдовали съ мудрымъ старцемъ. Свѣтъ отъ бороды его уподоблялся свѣту факела.

«Онъ паритъ въ воздухѣ, какъ земная птица подымается подъ облака и видитъ творящихъ беззаконія.

«Ребра Его не простая кость, но кость слоновая, и благородный золотой крестъ сіяетъ на его груди».

Магометанская религія не помѣшала отважнымъ черкесамъ, поборникамъ свободы и хищничества, предаваться языческимъ обрядамъ, доставлявшимъ имъ полное удовлетвореніе въ жаждѣ воинственныхъ потѣхъ, набѣговъ и наѣздовъ.

Въ большей части народа, особенно въ низшемъ сословіи, религіозныя вѣрованія состоятъ изъ смѣси остатковъ христіанства и язычества, съ прибавленіемъ исламизма. Отъ христіанства у черкесовъ осталось только названіе дней въ недѣлѣ, да развалины бывшихъ церквей (1), свидѣтельствующія, что ученіе Христа было не чуждо и землѣ адиговъ.

Существованіе въ Кабардѣ нѣсколькихъ священныхъ книгъ, частыя находки зарытыхъ въ землю распятій и глиняныхъ горшковъ съ угольями и ладономъ—неопровержимые свидѣтели присутствія между народомъ христіанства. Туземцы еще помнятъ то время, когда, поставленный въ саду или передъ домомъ, крестъ дѣлалъ ихъ неприкосновенными, и никто не осмѣливался входить въ домъ или сорвать что-либо въ саду. Если отецъ или мать, умирая, дѣлали завѣщаніе своимъ дѣтямъ и желали, чтобы оно было въ точности исполнено, тогда складывали крестъ на крестъ указательные пальцы и въ такомъ видѣ произносили свою волю. Этотъ обычай, употреблявшійся почти до настоящаго времени, конечно есть остатокъ отъ прежняго исповѣданія черкесовъ. Когда какому-либо аулу угрожала заразительная болѣзнь для людей или скота, то на границѣ, смежной съ мѣстомъ, гдѣ свирѣпствовала эпидемія, горцы вкапывали крестъ. Обрядъ подобнаго крестовоздвиженія совершался цѣлымъ обществомъ, съ большою церемоніею. И теперь всякая вещь, оставленная въ полѣ безъ присмотра, но надъ которою поставленъ крестъ, остается священною и неприкосновенною. Имена дней въ недѣлѣ указываютъ также, что черкесы исповѣдывали нѣкогда христіанскую религію и принадлежали къ православной церкви. Такъ, среду черкесы называютъ *бираскезій*, а пятницу *бираскешхуо*, т. е. малый и великій постъ (*бираскв* значитъ постъ, *зій* — малый, а *шхуо* — великій); воскресенье, *тхаумафв* (Божій день), считаютъ днемъ назначеннымъ для отдохновенія, и потому не работаютъ (2).

---

(1) Баронъ Сталь, въ своемъ сочиненіи, поименовываетъ шесть такихъ церквей.

(2) Остатки христ. и проч. Кавк. 1846 г. № 40. Свѣдѣнія объ атыхейцахъ. Шахъ-бекъ-

Необходимо замѣтить, что развитію магометанства много способствовали враждебныя отношенія между черкесами и русскими. Фанатическое ученіе магометанскихъ проповѣдниковъ сильно дѣйствовало на умы народа и, поджигая ихъ на войну съ русскими, льстило грубымъ чувствамъ независимости и хищничества. Проповѣдуя новое ученіе, магометанское духовенство ходило вмѣстѣ съ народомъ на войну, на разбои, производило волненія, слѣдствіемъ которыхъ, какъ увидимъ ниже, былъ упадокъ власти князей и дворянства. Мало по малу духовенство слилось съ народомъ и пріобрѣло среди его весьма большое значеніе. Эфендій и мулла раздѣлялъ съ наѣздникомъ его труды и опасности, бойко сражался и, вмѣстѣ съ тѣмъ, игралъ важную роль на народныхъ собраніяхъ. Такими поступками муллы достигли того, что слово *шогенъ*, означавшее на черкескомъ языкѣ христіанскаго священника, означаетъ теперь медика, знающаго свойства травъ и умѣющаго лечить (1).

Будучи однако весьма плохо образовано, мало знакомо съ основаніемъ магометанскаго ученія, духовенство сообщило черкесамъ шаткія понятія о религіи, но успѣло однакоже увѣрить народъ, что гяуры, принудившіе Магомета спасаться изъ Мекки въ Медину, не кто другіе какъ русскіе; что правовѣрныхъ, павшихъ въ бою съ русскими, ожидаютъ райскія утѣхи, а тѣхъ, которые имъ покоряются, адскія муки.

— Всѣ религіи отъ Бога, говорила черкешенка одному изъ русскихъ плѣнныхъ; всѣ пророки отъ него, и передавали людямъ только однѣ его заповѣди. Сперва былъ посланъ Мусса (Моисей) просвѣтить умы еврейскаго народа и подготовить своимъ закономъ приходъ Иссы (Іисуса), котораго чистое, возвышенное ученіе, по причинѣ его строгихъ правилъ, оказалось неудобоисполнимымъ для слабаго человѣческаго рода, продолжавшаго грѣшить черезъ безпрестанное нарушеніе ихъ. Тогда Аллахъ, въ благости своей, послалъ Магомета смягчить законъ Иссы, опредѣливъ, что тотъ, кто не станетъ слѣдовать этому послѣднему ученію, не превышающему человѣческихъ силъ, будетъ осужденъ на вѣки вѣковъ.

Просвѣщенная горянка сожалѣла о заблужденіяхъ христіанъ, исповѣдующихъ, по ея собственнымъ-же словамъ, болѣе чистое и возвышенное ученіе, чѣмъ она сама (2).

Эфендіи увѣрили суевѣрный народъ, будто-бы нашли въ коранѣ пророчество, по которому абадзехи, шапсуги и убыхи никогда не будутъ подвластны русскимъ, если только станутъ защищать свою независимость, молиться и уважать духовенство. Полагая, въ этомъ случаѣ, всю свою надежду на лѣсъ,

---

Мураина. Кавк. 1849 г. № 37. Люлье Зап. кн. V. Зубовъ „Картины Кавк. края". Развалины церкви св. Георгія. Николай Каменевъ „Кубанскія войсков. вѣдом." 1869 г. № 36 и 37.

(1) Сталь: Очеркъ этнографіи черкескаго народа (рукопись).

(2) Воспоминанія кавказскаго офицера. Рус. Вѣст. 1864 г. № 12.

горы и на мнимую многочисленность, но, не отрицая могущества Россіи, они обыкновенно говорили:

— Мы знаемъ, что русскіе богаты и пользуются житейскими удобствами. Богъ имъ далъ міръ, но они гяуры и будутъ всѣ въ аду; мы бѣдны, но мусульмане — и рай нашъ. Жизнь эта коротка — не промѣняемъ блаженства будущей, вѣчной, на удобства проходящія (¹).

Магометанство принесло народу только ту пользу, что пріучило его къ вѣрованію въ единство Бога, въ безсмертіе души и въ будущую жизнь, гдѣ каждому воздается по дѣламъ его земной жизни.

Исламъ не коснулся однако большей части простаго класса черкескаго народа, особенно жителей морскаго прибрежья отъ Геленджика до м. Хизе и долинъ къ нему примыкающихъ. Они оставались безъ опредѣленнаго вѣрованія, придерживались обрядовъ жертвоприношенія и возліянія. Деревянный, особой формы, крестъ, прислоненный къ дереву, былъ единственнымъ символомъ ихъ поклоненія. У нихъ не было ни церквей, ни особыхъ молитвенныхъ домовъ или жертвенниковъ. Священныя рощи, къ которымъ никто не смѣлъ прикасаться, замѣняли храмъ, были мѣстомъ для молитвы; въ святость такихъ рощъ и лѣсовъ, въ ихъ чудесную силу черкесы вѣрили чистосердечно. *Джемплохскій* лѣсъ, напримѣръ, былъ посвященъ богу изобилія (Тхагалегъ), и ежегодно бѣлая телка приносилась къ этому лѣсу въ жертву. Въ 1841 году, когда генералъ Зассъ сдѣлалъ набѣгъ между рѣками Бѣлой (Схагуаше) и Пшехомъ, гдѣ находился Джемплохскій лѣсъ, онъ имѣлъ тамъ жаркое дѣло и самъ былъ раненъ. Черкесы говорили и были увѣрены, что Господь наказалъ Засса за то, что онъ рѣшился пройти съ отрядомъ черезъ ихъ священную рощу. Спустя семь лѣтъ, въ 1848 году, генералъ Ковалевскій также сдѣлалъ набѣгъ на это урочище: набѣгъ былъ удаченъ и потеря незначительна. Абадзехи очень удивлялись счастливому исходу этого набѣга для русскихъ и заключили тѣмъ, что, вѣроятно, Ковалевскій есть *шейхъ* (святой), такъ счастливо вышедшій изъ дѣла.

Въ одной изъ такихъ рощъ, почитаемыхъ священными, собирался народъ для молитвы. Подъ открытымъ небомъ, гдѣ-нибудь подъ сѣнію развѣсистаго дуба, устроивалось нѣчто въ родѣ алтаря, украшеннаго простымъ деревяннымъ крестомъ грубой работы, и народъ возносилъ свои мольбы къ небу, призывая имя Всевышняго—*Тхашхуо*. Въ каждой долинѣ было по нѣскольку такихъ священныхъ рощъ съ причисленными къ нимъ извѣстнымъ числомъ домовъ или семействъ, составлявшихъ, такъ сказать, приходъ этой рощи, или *тхаханхъ*. Богослуженіе совершалъ, въ званіи жреца, какой-нибудь старецъ, избираемый въ это званіе пожизненно. Онъ ставилъ прежде всего у дерева крестъ, облѣплялъ его свѣчами, зажигалъ ихъ и умывалъ себѣ руки и лицо. Накинувъ на себя бурку, снявъ шапку и ставъ на колѣни, онъ

(¹) Запис. офиц. бывшаго въ плѣну у горцевъ, барона Торнау. Кавк. 1852 г. № 1 и 2.

произносилъ громко молитвы, соотвѣтствующія празднику. По большей части, молитвы состояли въ простомъ прошеніи земныхъ благъ, урожая, дождя, избавленія отъ повальныхъ болѣзней и другихъ бѣдствій. Окончивъ молитву, жрецъ приступалъ къ закланію жертвы, состоявшей изъ барана, козла или быка. Взявъ отъ креста одну изъ зажженныхъ на немъ восковыхъ свѣчъ, онъ натиралъ ея воскомъ шерсть на лбу животнаго, предназначеннаго въ жертву, совершалъ надъ головою его возліяніе изъ приготовленной для того бузы и тутъ же закалывалъ жертву. Затѣмъ жрецъ бралъ въ одну руку пирогъ или лепешку, въ другую деревянный сосудъ, выточенный на подобіе чаши и наполненный бузою, и, вознося все это къ небу, вновь молился. По окончаніи молитвы, пирожокъ и сосудъ передавались старшему изъ присутствующихъ, а нѣсколько такихъ же пирожковъ и чашъ другимъ предстоящимъ, которые передавали ихъ слѣдующимъ: это замѣняло причастіе, послѣ котораго каждый обходилъ три раза вокругъ креста. Между тѣмъ голову животнаго, принесеннаго въ жертву, насаживали на длинный шестъ, утвержденный въ землѣ, гдѣ-нибудь по близости креста, а изъ мяса приготовляли пищу; кожа убитаго животнаго отдавалась жрецу. Во время приготовленія пищи, старики и старухи, взявшись между собою за руки, составляли кругъ и плясали подъ звуки пѣсенъ особаго напѣва. Къ старымъ присоединялись молодые и скоро веселье дѣлалось всеобщимъ.

Кромѣ изготовленнаго мяса, каждое семейство приносило съ собою круглый столикъ, *пасту*, пирожки съ сыромъ и прочія кушанья. Размѣстившись на землѣ вокругъ столиковъ, человѣка по четыре за каждымъ, главы семейства принимались за пищу и питье. Молодые люди не участвовали въ пиршествѣ; они разносили яства и напитки, прислуживали старшимъ и довольствовались остатками приготовленныхъ кушаній. Женщины составляли отдѣльный кружокъ и старались скрыть отъ мужчинъ, что занимаются ѣдою, въ особенности дѣвушки, которыя скорѣе соглашались остаться голодными, чѣмъ допустить себя до того, чтобы мужчина видѣлъ ихъ жующими (¹).

Подобныя жертвоприношенія совершались у черкесовъ весьма часто, въ честь различнаго рода божествъ и высшихъ покровителей. Вѣруя въ единаго Бога и называя его *Тга* и *Тгаръ*, черкесы признавали божество въ трехъ лицахъ: *Тга-Шхуо* (великій Богъ), *Маріемъ-Тга-Пши* (Марія-Богъ-князь) и *Шерузъ* (смыслъ и значеніе этого слова утрачены), но, въ то же время, вѣрили и молились множеству различнаго рода покровителей. Такъ, по но-

(¹) Вѣрованія, религіозные обряды и предразсудки у черкесовъ. Л. Люлье. Записки Кавк. отд. Императорск. рус. геогр. общества, книга V, изд. 1862 г. Закубанскій край въ 1864 году. П. Невскій. Кавказъ 1868 г. № 98. Этнографическій очеркъ черкесскаго народа барона Сталя (рукопись). О политичес. устройствѣ черкесскихъ племенъ. Н. Карлгофа. Рус. Вѣст. 1860 г. № 16. Краткое описаніе восточнаго берега Чернаго моря и племенъ его населяющихъ. Карлгофа (рукопись). Секретная записка въ текущихъ дѣлахъ штаба Кавк. военнаго округа.

нятію народа, существовалъ *Зейгутъ* (или Зейкутхъ), покровитель наѣздниковъ; *Емишъ*—покровитель овецъ; *Хенегуашъ*—дѣва водъ морскихъ и *Псегуашаха*—дѣва водъ рѣчныхъ; *Хятегуашъ*—дѣва, покровительница садовъ; *Кодесъ*—богъ въ видѣ рыбы, удерживающій море въ предѣлахъ береговъ; *Мезитхъ*—богъ лѣсовъ и покровитель охотниковъ. Его молили объ удачѣ во время охоты и представляли себѣ ѣдущимъ на золото-щетинистомъ кабанѣ. Народъ вѣрилъ, что, по мановенію Мезитха, собираются на луга всѣ олени и лоси и божественныя дѣвы доятъ самокъ ихъ.

Въ честь всѣхъ этихъ боговъ приносились жертвы. Такъ, послѣ каждаго удачнаго набѣга, черкесы отдѣляли лучшую часть добычи въ пользу Зейгута, и, отнеся ее въ священную рощу, вѣшали на деревья. Многіе лѣса наполнены и до сихъ поръ множествомъ приношеній, состоящихъ, по преимуществу, изъ стараго оружія и металлическихъ вещей. *Хенегуаша* чествовали пляскою на берегу моря, а въ честь *Псегуашаха* полоскались въ водѣ и обливали другъ друга.

Громъ и вообще гроза особенно сильно дѣйствовали на воображеніе народа и внушали ему безотчетный страхъ. Черкесы благоговѣли передъ *Шибле*—богъ грома—и представляли себѣ его соперникомъ *Тгашхуо* или великаго бога. По сказанію народа, старшинство этихъ двухъ боговъ сомнительно.

— Если Богъ Шибле разсердится, говорили черкесы, то врядъ-ли Тгашхуо найдетъ себѣ мѣсто гдѣ укрыться (¹).

Вѣрованіе въ значеніе и силу Шибле простиралось до того, что убитаго громомъ считали блаженнымъ и погребали его на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ убитъ. Черкесы думали, что погибнуть отъ молніи—очень святое дѣло: по ихъ мнѣнію, погибающему ангелъ приноситъ этотъ знакъ небеснаго благоволенія. Животныя, убитыя громомъ, хоронились также на мѣстѣ смерти.

Погребеніе это совершалось съ особенною церемоніею, отличною отъ обыкновенныхъ похоронъ. Г. Люлье, бывшій свидѣтелемъ обряда совершеннаго надъ тремя козами, убитыми громомъ, пишетъ: «Около козъ составился кругъ и началась обычная пляска съ напѣвомъ, въ которомъ часто повторялись слова: Шибле (громъ) и Ялій (Илья). Между тѣмъ нѣсколько человѣкъ отправились въ лѣсъ, нарубили жердей и кольевъ, устроили изъ нихъ, на четырехъ столбахъ, довольно высокій помостъ, уложили на немъ козъ и накрыли ихъ листьями. Помостъ дѣлается высокій для того, чтобы укрыть трупы козъ отъ хищныхъ звѣрей. Въ то время, когда одни устраивали помостъ, другіе успѣли сходить въ аулъ и принести оттуда разныхъ съѣстныхъ припасовъ, въ томъ числѣ и нѣсколькихъ живыхъ козъ. Эти послѣднія тутъ же были принесены въ жертву, съ обрядомъ возліянія, а головы ихъ надѣты на высокіе шесты, воткнутые въ землю около помоста. Вся эта процедура на-

---

(¹) Баронъ Сталь. Этнографическій очеркъ черкесскаго народа (рукопись). Военно-ученый арх. глав. шт.

вывается *шибласха.* Устроеннаго помоста, кольевъ и козъ никто не трогаетъ, и все остается до совершеннаго разрушенія и истлѣнія. Пока приготовлялись яства и варилась паста, замѣняющая хлѣбъ, молодежь обоего пола плясала съ рвеніемъ; веселость и одушевленіе были общія. Когда все было изготовлено, насъ накормили и, только тогда отпустили въ путь» ([1]).

По обычаю, надъ тѣломъ убитаго животнаго празднованіе происходило въ теченіи трехъ дней, а надъ тѣломъ человѣка семь дней. Случалось, что родственники поздравляли другъ друга съ особенною честію, которую даровало имъ небо. Разбитое или расколотое громомъ дерево составляло для народа предметъ особаго уваженія и часто ему приписывали цѣлебное свойство, напримѣръ исцѣлять отъ лихорадокъ. Къ одному такому дереву стекались страждущіе со всѣхъ концовъ. Больной пріѣзжалъ съ запасомъ приношеній, большею частію пирожковъ, которые и съѣдались его спутниками. Кусокъ дерева зашивался въ лоскутъ матеріи, надѣвался больному на шею, съ тѣмъ чтобы онъ носилъ его постоянно, а остатокъ матеріи навѣшивался на дерево, сучья котораго были переполнены подобными приношеніями.

Съ наступленіемъ осени и въ день уборки хлѣбовъ, черкесы приносили благодарность Богу *Тха* за прошедшее лѣто и молили его объ обиліи хлѣба и плодовъ земныхъ на будущее время. Сохраненіемъ стадъ своихъ считали себя обязанными *Ахину*, покровителю рогатаго скота, которому приносили жертву.

Ахинъ, по народному представленію, есть существо весьма сильное, и потому заслуживающее особаго почета. Божество это не было исключительною принадлежностію однихъ черкесовъ, но и значительная часть Абхазіи надѣялась на его благосклонность, тѣмъ болѣе что въ прежнее время постоянные поклонники и служители Ахина находились въ этой послѣдней странѣ. Тамъ существовало, а можетъ быть существуетъ и до сихъ поръ, общество *Аркоаджъ*, въ которомъ находился родъ или семейство *Цсбе*, состоявшее изъ нѣсколькихъ дворовъ. Это семейство съ давнихъ поръ состояло подъ особеннымъ покровительствамъ Ахина, и вотъ по какому случаю.

На жителей окрестностей Ахиновой рощи ([2]), говоритъ преданіе, однажды напало значительное скопище непріязненныхъ племенъ и многихъ изъ нихъ забрали въ плѣнъ. Никѣмъ не преслѣдуемый при отступленіи, непріятель перевалился за горы и расположился отдыхать. Довольные пріобрѣтенною добычею, хищники предались разнымъ увеселеніямъ, пѣнію и пляскѣ. Въ припадкѣ изступленной веселости, они нарушили обычаи страны, заставивъ плясать и своихъ плѣнницъ. Одна изъ нихъ, будучи беременна, просила

([1]) Вѣрованія, религіозные обряды и предразсудки у черкесовъ. Л. Люлье. Записки Кавк. отд. Имп. рус. геогр. общес. книга V, изд. 1862 г.

([2]) Роща эта находится въ верховьяхъ рѣки Шахе.

оставить ее въ покоѣ ([1]), но побѣдители не слушали ея просьбъ и требовали, чтобы она также плясала.

— О Ахинъ! проговорила она со слезами, по неволѣ пляшу!

Божество явилось на помощь къ несчастной и проявило свой гнѣвъ тѣмъ, что побѣдители цѣлыми толпами стали проваливаться сквозь землю. Тогда одинъ изъ рода *Цсбе* обратился съ мольбою къ прогнѣванному божеству.

— О Ахинъ! закричалъ онъ въ отчаяніи: если возвратишь меня домой, то черезъ каждые три года буду пригонять къ твоей рощѣ корову на жертву.

Онъ былъ спасенъ и исполнилъ данное обѣщаніе.

Обыкновенно передъ наступленіемъ праздника, по словамъ народа, Ахинъ самъ избиралъ себѣ въ жертву корову еще не телившуюся, изъ стада, принадлежавшаго семейству Цсбе. Избранная жертва разными движеніями и ревомъ давала понять, что она удостоена чести быть принесенною въ жертву божеству. Тогда всѣ члены семейства собирались къ коровѣ, мыли ее молокомъ и, послѣ обычной молитвы, выпроваживали изъ дому. Хозяинъ избранной жертвы отправлялся въ путь вмѣстѣ съ нею и бралъ съ собою *тхіе* (вареное тѣсто, въ родѣ освященной булки).

Коровы никто не гналъ — она сама шла къ мѣсту жертвоприношенія, въ священную рощу, отчего иногда и называлась «*чеме тлерекуо*» т. е. ходячая или самошествующая корова.

Она проходила черезъ мѣста, извѣстныя подъ именемъ *Цзужи*, *Чеккофи*, и *Хмишъ-тчей*, а потомъ переходила черезъ рѣку Сфешк и вступала въ убыхское поколѣніе Сшаше. Здѣсь Ахинова корова останавливалась у двора рода *Чземухъ* и, отдохнувъ, снова выступала въ путь, сопровождаемая крѣпостнымъ человѣкомъ старшины Чземухъ, также съ *тхіемъ* и, сверхъ того, съ черною козою. Дальнѣйшій путь самошествующей жертвы лежалъ черезъ общество Ордане (Вардане), гдѣ старшина изъ рода *Зейфшъ* принималъ ее; отсюда также присоединялся человѣкъ съ *тхіемъ* и козою, и проводилъ жертву черезъ общество *Десченъ*. Тутъ старшины разныхъ клановъ (родовъ или поколѣній), съ *тхіями* и козами, присоединялись къ свитѣ самошествующей и слѣдовали за коровою до мѣста жертвоприношенія, называемаго *Ахинъ-итхачехъ*, которое находится въ верховьяхъ рѣки *Шахе* и состоитъ изъ купы вѣковыхъ огромныхъ деревьевъ, на которыхъ виситъ разное оружіе, покрытое ржавчиною.

Церемоніальное шествіе Ахиновой коровы представляло, въ прежнее время, любопытное зрѣлище. Огромная толпа народа, съ открытыми головами, въ праздничныхъ одеждахъ, слѣдовала за коровою и гнала передъ собою множество козъ. Туземцы увѣряютъ, что, во время разлитія рѣкъ, когда сопровождавшіе корову принуждены бывали отыскивать броды въ ихъ верховьяхъ, корова безъ затрудненія переплывала рѣки и сама, одна, достигала до мѣста

([1]) Замужнія женщины Черкесіи, по обычаю, не принимали никогда участія въ танцахъ.

назначенія. Подойдя къ священной рощѣ, она ложилась подъ тѣнью одного изъ деревъ и ожидала прибытія хозяина и сопровождавшей его толпы. Въ теченіе ночи, предшествующей празднику, жертва оставлялась на одномъ мѣстѣ. Сопровождавшая ее толпа также ночевала въ лѣсу и соблюдала нѣкоторый постъ — не ѣли и не пили до слѣдующаго утра, съ наступленіемъ котораго жертва закалывалась, съ произнесеніемъ особаго рода молитвы, въ которой особенно замѣчательны слѣдующія слова:

О! Боже! о Ахинъ!
Если и придутъ — даруй мнѣ! —
Если и пойду — даруй мнѣ!

Смыслъ этихъ словъ тотъ, что когда молящіеся пойдутъ на войну сами, или когда придутъ въ ихъ землю непріятели, то чтобы, въ томъ и другомъ случаѣ, досталась имъ побѣда и добыча.

Характеристическую особенность этого жертвоприношенія составляло то, что зарѣзанную жертву переносили нѣсколько разъ съ мѣста на мѣсто. Такъ, для снятія кожи и раздѣленія на части, ее переносили на другое мѣсто, а мясо варили въ котлахъ на третьемъ мѣстѣ и, наконецъ, кушанье относили на мѣсто пиршества. При каждомъ перенесеніи, присутствующіе, взявшись за руки и образовавъ кругъ, съ пляскою, пѣснями и съ обнаженными головами сопровождали принесенную жертву.

Подъ священными деревьями сохранялся постоянно огромный ковшъ, наполняемый виномъ. Въ день жертвоприношенія, совершаемаго черезъ каждые три года, передъ закланіемъ коровы старшины пили по чаркѣ вина, съ произнесеніемъ особенныхъ молитвенныхъ словъ. Тутъ же находился постоянно вѣковой котелъ, сооруженный, по преданію, какимъ то Едикомъ, и въ которомъ варилась приносимая жертва. По окончаніи приготовленія пищи, мясо дѣлилось на части, разносилось по домамъ и, какъ особая святыня, давалась каждому домочадцу, не исключая и младенцевъ, которымъ также клали его въ ротъ. Кожа, голова и ноги принесенной жертвы зарывались въ землю на мѣстѣ жертвоприношенія.

Почти въ одно время съ нашимъ праздникомъ Рождества Христова, черкесы совершали празднованіе въ честь *Созериса*, божества, покровительствующаго хлѣбопашцамъ, обилію и домашнему благосостоянію (1). Пришествіе Созериса ожидается до сихъ поръ съ особеннымъ благоговѣніемъ, и существуетъ повѣрье, что онъ отправился пѣшкомъ по морю, и точно также возвратится. Олицетвореніемъ этого божества служилъ деревянный обрубокъ, съ семью суками, вырубленный непремѣнно изъ дерева, извѣстнаго подъ именемъ *гамшутъ*.

---

(1) У нѣкоторыхъ поколѣній черкескаго народа празднованіе въ честь Созериса совершалось осенью послѣ уборки хлѣба.

Обрубокъ этотъ, въ теченіе цѣлаго года, тщательно сохранялся въ амбарѣ каждаго дома, и, кромѣ того, былъ еще общій, принадлежавшій всему селенію.

Вечеромъ, наканунѣ праздника, одна изъ молодыхъ женщинъ, преимущественно изъ послѣднихъ новобрачныхъ въ селеніи, одѣвшись въ самое нарядное платье, отправлялась въ домъ, гдѣ находился общественный обрубокъ. Имѣя въ рукѣ зажженную свѣчу, непремѣнно изъ числа оставшихся отъ прошлогодняго праздника, она зажигала ею всѣ свѣчи, прилѣпленныя на обрубкѣ, и соблюдала при этомъ правило, чтобы, при зажиганіи свѣчъ, лицо ея было обращено всегда на востокъ. Освѣтивъ весь домъ, женщина выходила изъ него, запирала за собою дверь и становилась съ наружной стороны, у двери, такъ что закрывала собою входъ въ домъ. Толпа народа собиралась между тѣмъ вокругъ нея. Хромой старикъ бралъ въ руки палку, унизанную восковыми свѣчами, и обращался къ святому.

— Ай, Созерисъ! восклицалъ онъ: отверзай намъ двери (ай Созерисъ, пчерухи тхечахъ).

Народъ вторилъ словамъ старца. Тогда молодая женщина отворяла двери и толпа входила въ домъ. Старикъ, съ палкою, зажигалъ бывшія на обрубкѣ свѣчи, читалъ молитву, а въ домѣ и внѣ онаго зажигали костры. По окончаніи молитвы, народъ расходился по домамъ, неся съ собою зажженную свѣчу.

Въ самый день праздника, всѣ члены семейства собирались вечеромъ въ амбарѣ, гдѣ каждый хозяинъ, съ непокрытою головою, выносилъ своего идола на средину. Къ каждому суку его прилѣплялъ по одной восковой свѣчкѣ, приготовленной заранѣе изъ желтаго воска. Въ каждомъ домѣ на полкахъ хранились для этого, въ теченіе цѣлаго года, куски желтаго воска: подъ полками висѣли особые деревянные сосуды, назначенные исключительно для возліянія. Вмѣстѣ со свѣчами, къ тѣмъ же сукамъ обрубка привѣшивались пирожки и кусочки сыра. Убравши такимъ образомъ своего истукана, хозяинъ, съ торжествомъ и въ сопровожденіи всѣхъ своихъ домочадцевъ, вносилъ его въ саклю. Поставивъ его на подушкахъ посреди комнаты, всѣ присутствующіе члены семьи, безъ различія пола и возраста, взявшись за руки, окружали обрубокъ, а хозяйка читала молитву.

— Созерисъ! произносила она: благодаримъ тебя за урожай нынѣшняго лѣта, молимъ тебя даровать и въ будущіе годы обильную жатву. Молимъ тебя, Созерисъ, охранять наши хлѣба отъ кражи, нашъ амбаръ отъ пожара.

Молитва эта произносилась съ разстановками, при которыхъ окружающіе идола дѣлали движенія вокругъ него и произносили въ одинъ голосъ: *аминь*.

Замѣчательно, что послѣ молитвы идолъ терялъ сразу всю свою святость и значеніе; его относили обратно въ амбаръ, безъ всякихъ почестей, и со-

хранили там до праздника слѣдующаго года. Члены семейства садились за ужин и, пользуясь праздником, уничтожали много пищи и вина ([1]).

За этим праздником слѣдовал праздник *итляс* — новый год. Год у черкесов состоял из двѣнадцати мѣсяцев и носил названіе *итляс*. Названія мѣсяцев, или, по черкески, *мазо*, были даны согласно явленіям природы. Так, январь назывался *тчимахокъ-мазо* — сильный холод; март *гатхепе-мазо* — первый весенній мѣсяц; апрѣль *мальхоо-мазо* — мор на баранов и проч. ([2]). Мѣсяц раздѣлялся на *тхаумахо* или недѣли, которыя состояли из семи дней ([3])

Въ один из зимних мѣсяцев черкесы устраивали праздник въ честь *нардов* (богатырей), из которых они особенно отличают *Саузерука*. Приготовив кушанье, часть их относили въ кунахскую, гдѣ и оставляли для пріѣзжаго, замѣнявшаго Саузерука, который, не смотря на всѣ ожиданія народа, до сих пор не является, а между тѣм и до нынѣ, въ день праздника, для *буланой* ([4]) лошади Саузерука заготовляются сѣно и овес, а въ стойлѣ стелется солома. Появленіе въ этот день гостя поднимало праздник неизмѣримо высоко въ глазах хозяев и придавало им болѣе веселости; за неимѣніем же гостя, пировали одни хозяева съ друзьями и сосѣдями.

У черкесов существовало нѣчто въ родѣ мясопуста и сыропуста православной церкви — *ллеумешхе* и *коаяште* — праздники исполняемые ежегодно раннею весною, один за другим, съ небольшими промежутками. Ллеумешхе, въ буквальном переводѣ, означает: *не ѣшь мяса*, а коаяште — *взятіе сыра*. Въ эти дни у туземцев, во время стола, подавались пироги, начиненные сыром, а вечером молодежь наряжала чучелу или куклу въ какой нибудь странный костюм.

Нѣкоторыя лица, посѣщавшія черкесов, свидѣтельствуют, что у них существовала масляница, *угаг*, и великій пост, *узыгв*, продолжавшійся

([1]) Миѳологія черкеских народов. Султан-хан-Гирея. Кавказ 1846 года № 35. Остатки христіанства и проч. Іоанна Хаврова, Кавказ 1846 г. № 40. Вѣрованія, религіозные обряды и предразсудки у черкесов. Л. Люлье. Записки Кавк. отд. Имп. рус. геог. общес. книга V.

([2]) Названіе мѣсяцев напечатано въ двух статьях: Свѣдѣніе об атыхейцах Шахбек-Мурзина (Газета Кавказ 1849 года № 37) и Исторія атыхейскаго народа Шора-Бекмурзин-Ногмова (Кавказскій Календарь на 1862 г.). По всей вѣроятности это один и тот же автор, котораго статьи напечатаны под разными заглавіями. Въ обѣих статьях орѳографія мѣсяцов различная, а вслѣдствіе того различно и самое произношеніе; въ обѣих статьях не достает по одному мѣсяцу: въ первой декабря, во второй—іюля. Шора Бекмурзин называет іюнь—*гомахопе-маза* (средина лѣта), а въ газетѣ Кавказ, 1849 г. № 37, іюль назван *гомахокъ-маза*—тоже средина лѣта. Впрочем редакція газеты оговорилась, что туземныя названія мѣсяцев, напечатанныя русскими буквами, не совсѣм сходны съ произношеніями туземцев.

([3]) Там же.

([4]) По другим свѣдѣніям Саузерук обладает саврасою лошадью.

48 дней (1); говорятъ, что черкесы признавали *гушхахъ*, вербный день или воскресеніе мертвыхъ, и отправлялись въ этотъ день на могилы поминать родственниковъ. Въ теченіе цѣлаго поста черкесы собирали яйца, не употребляли ихъ ни для какой нужды и разбить ихъ въ это время считали грѣхомъ. Наканунѣ пасхи красили яйца и ими разговлялись. Въ первое воскресенье послѣ гушгаха праздновали *кушишѣ* — пасху, и въ этотъ день яйца составляли непремѣнную принадлежность стола, точно также какъ небольшой пшеничный круглый хлѣбъ, съ изображеніемъ трехъ головъ.

Съ наступленіемъ теплаго времени, и именно 7-го апрѣля, черкесы праздновали *кышинатахъ* — подарокъ свѣжими цвѣтами. Въ этотъ день дѣвицы и молодыя женщины толпами отправлялись въ поле, собирали цвѣты и дарили ими другъ друга, въ ознаменованіе и въ память того, что св. ангелъ, въ день благовѣщенія, принесъ цвѣтокъ пресвятой дѣвѣ Маріи. Послѣ того праздновали день *вознесенія Господня*, приносили въ жертву ягненка, приготовляли изъ него обѣдъ и съ этого дня разрѣшалось употребленіе мяса. Смѣшивая праздникъ этотъ съ праздниками Св. Троицы и Сошествія Святаго Духа, черкесы убирали свои дома въ день Вознесенія Господня деревьями и цвѣтами.

Матерь Божію считали покровительницею пчеловодства. Въ народѣ сохранилась легенда, что въ то время—а когда оно было черкесы и сами не знаютъ—когда всѣ пчелы погибли, одна, уцѣлѣвшая неизвѣстно по какому случаю, скрылась въ рукавѣ Богородицы, которая сберегла ее. Эта пчела произвела всѣхъ нынѣ-существующихъ. Въ честь Богородицы установлено было нѣсколько праздниковъ и постъ. Въ день *тыгренымъ*—божія дочь или господня дѣва—каждая дѣвица обязана была отнести на мѣсто моленія цыпленка и тамъ приготовить изъ него кушанье. Собравшійся народъ подчивали этимъ дѣвичьимъ кушаньемъ и послѣ него поздравляли присутствующихъ съ заговѣньемъ въ честь Богородицы. Пропостившись слѣдующую затѣмъ недѣлю, въ первое воскресенье праздновали *маріемъ* и *янъ* (или, по указанію другихъ, *Тгашхуо-янъ*), что происходило въ августѣ и соотвѣтствовало нашему Успеньеву дню. Въ день этого праздника черкесы пѣли всенародно пѣснь въ честь Богородицы: «Великаго Бога мать, великая Марія, облаченная въ золото бѣлое, на челѣ имѣетъ луну, а вокругъ себя солнце».

Называя Св. Марію «матерью великаго Бога», черкесы питали къ ней особенное благоговеніе. Множество хвалебныхъ пѣсенъ въ честь Богородицы, длинный рядъ осеннихъ праздниковъ и, наконецъ, обычай прыгать лѣтомъ

(1) Г. Люлье говоритъ, что постъ продолжался не болѣе двухъ недѣль. Сравни: „Остатки христіанства" и проч. Іоанна Хазрова. Кавказъ 1846 г. № 40 и ст. Люлье: „Вѣрованія и проч." Записки Кавказс. отд. Импер. русскаго геогр. общ. книга V изд. 1862 г. См. также „Краткое описаніе восточнаго берега Чернаго моря и племенъ его населяющихъ". Карлгофъ. Рукопись въ текущихъ дѣлахъ штаба Кавказскаго военнаго округа.

черезъ огонь, свидѣтельствуютъ о большомъ ея уваженіи среди народа. Прыгая черезъ огонь, туземцы просили Маріемъ о прощеніи грѣховъ и послѣ того считали себя очищенными отъ нихъ.

Къ этому длинному ряду праздниковъ мы должны прибавить праздникъ въ честь *Тлепса*—покровителя кузнецовъ, бога желѣза и оружія. Въ народѣ существуетъ преданіе, что *Тлепсъ* былъ ремесломъ кузнецъ, отличавшійся святостію жизни и приготовлявшій такія сабли, которыя разсѣкали цѣлыя горы желѣза. Въ семействѣ Шумноковыхъ хранится до сихъ поръ древняя сабля, которая, по преданію, сдѣлана какимъ-то *оружейникомъ-полубогомъ*. При раззореніи ауловъ Шумноковыхъ, сабля эта была взята черноморскими казаками и впослѣдствіи была возвращена владѣльцамъ ея, однимъ изъ значительныхъ на своей родинѣ лицъ. Когда черкесы узнали о возвращеніи сабли въ домъ Шумноковыхъ, они спѣшили посмотрѣть на ту саблю, о которой ходитъ весьма много преданій. До двухъ сотъ человѣкъ подвластныхъ и знакомыхъ Шумноковыхъ собралось въ аулъ и одинъ за другимъ подходили и прикладывались, по обычаю, къ полѣ верхней одежды лица, способствовавшаго возвращенію дорогой сабли.

По преданію, *Тлепсъ* похороненъ въ лѣсу, извѣстномъ подъ именемъ *Гучипце-Говашхэ*; до сихъ поръ черкесы показываютъ могилу его, усыпанную кругомъ желѣзными опилками.

Тлепсъ весьма уважается народомъ, такъ что имя его произносится въ родѣ клятвы или божбы. Въ день праздника, черкесы молились, дѣлали возліяніе на лемешѣ и топорѣ и, по совершеніи обрядовъ, пили, ѣли и предавались забавамъ, изъ которыхъ главною была стрѣльба въ цѣль, преимущественно въ яйцо, представлявшее мишень и поставленное на видномъ мѣстѣ. Къ Тлепсу прибѣгали съ молитвою объ излеченіи каждаго раненаго.

Вообще обряды, соблюдаемые черкесами при леченіи раненаго, были слѣдствіемъ и остаткомъ отъ временъ язычества. Если раненый былъ человѣкъ знатнаго происхожденія, то его помѣщали, по большей части, въ домѣ ближайшаго владѣльца того аула, возлѣ котораго онъ раненъ.

Передъ внесеніемъ больнаго въ назначенное ему помѣщеніе, возвышали порогъ дверей, прибивши къ нему толстую доску, и, въ тоже время, дѣвушка моложе пятнадцати лѣтъ обводила коровьимъ каломъ черту вокругъ внутренной стѣны комнаты, съ цѣлію предохранить этимъ больнаго отъ вреднаго дѣйствія дурныхъ глазъ. Возлѣ постели больнаго становилась чашка съ водою, въ которую опускали куриное яйцо, и тутъ же клали желѣзные лемеши и молотокъ. Послѣднія иногда привѣшивались къ потолку или клались у порога при входѣ въ комнату. Каждый посѣтившій раненаго долженъ былъ подойти къ нимъ и три раза ударить молоткомъ по лемешамъ. Этимъ средствомъ отклонялись злые духи, заклинался богъ войны и унимался жаръ въ ранѣ черкеса.

Посѣтитель старался ударить молотомъ по желѣзу такъ сильно, чтобы

звукъ былъ слышенъ всѣми находящимися въ домѣ. Среди народа существовало повѣрье, что если пришедшій навѣстить раненаго былъ братоубійца (мехаадде) или убійца невиннаго человѣка (канлы), то ударъ молота не производилъ звука. Если такой человѣкъ, говорили черкесы, приносится къ чашкѣ съ водою, то яйцо тамъ положенное непремѣнно лопнетъ, и тѣмъ обнаружитъ преступленіе посѣтителя. По этому всѣ убійцы не касались до чашки рукою, но старались однакоже скрыть это отъ присутствующихъ.

— Богъ да содѣлаетъ тебя здоровымъ! произносилъ посѣтитель, подходя къ постелѣ больнаго и слегка окропляя одѣяло его водою, взятою изъ чашки.

Входившіе къ больному и выходившіе отъ него должны были переступать черезъ порогъ съ крайнею осторожностію, чтобы не задѣть его ногою, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, это могло повредить раненому и считалось для него неблагопріятнымъ предзнаменованіемъ.

Помѣстивъ раненаго въ домѣ, тотчасъ же призывали доктора, который и оставался при немъ до выздоровленія. Каждую ночь у постели больнаго собиралось множество народу: старики и молодые, пріѣзжіе и аульные жители — всѣ считали своею обязанностію навѣстить его. Въ самый короткій срокъ, аулъ становился сборнымъ мѣстомъ посѣтителей не только сосѣднихъ, но и дальнихъ дворянъ и лицъ высшаго званія. Изъ этого общаго правила не исключались и дѣвицы. Имъ не только предоставлялось право, но считалось весьма приличнымъ и необходимымъ навѣстить раненаго. Хозяйка дома или ея дочери спѣшили пригласить къ себѣ своихъ сосѣдокъ и тѣмъ дать имъ случай исполнить обычную вѣжливость и вниманіе къ больному. Женщинамъ же, напротивъ того, народный обычай строго воспретилъ подобныя посѣщенія.

Посѣтители, окружавшіе больнаго, старались не давать ему заснуть и съ этою цѣлію раздѣлялись на двѣ партіи, изъ коихъ каждая силилась превзойти другую въ изобрѣтеніи средствъ къ развлеченію больнаго. Передъ глазами его происходили различнаго рода игры и пѣніе. Сначала пѣли пѣсни, сложенныя исключительно для подобнаго случая, и затѣмъ, если больной находился внѣ опасности и былъ веселъ, то переходили къ обыкновеннымъ пѣснямъ, а въ противномъ случаѣ тянули прежнія пѣсни до усталости.

Дѣвицы, находившіяся въ обществѣ окружавшемъ раненаго, принимали особенное участіе въ играхъ, изъ которыхъ наиболѣе употребительною считалась—*рукобитье*.

Кто-нибудь изъ посѣтителей, подойдя къ одной изъ дѣвицъ, требовалъ, чтобы она протянула ему свою руку, и билъ ее по ладони, послѣ чего она, въ свою очередь, подходила къ одному изъ мужчинъ, съ точно такимъ же требованіемъ. Въ этомъ и заключалась вся игра, тѣмъ не менѣе она продолжалась весьма долго, потому что, по замѣчанію автора—туземца, «никакая другая забава въ сихъ сборищахъ не доставляетъ столько удовольствія мужчинамъ. Вѣроятно и дѣвицамъ не бываетъ непріятно позабавиться съ моло-

дыми наѣздниками, которые привлекають ихъ вниманіе, потому что онѣ играютъ въ рукобитье весьма охотно».

Крикъ, шумъ и толкотня окружали больнаго постоянно и продолжались до тѣхъ поръ, пока присутствующіе не устанутъ. Тогда, въ ожиданіи ужина, затягивались вновь пѣсни, относящіяся къ состоянію раненаго, но продолжались не долго. Напившись и наѣвшись до сыта, мужчины расходились по домамъ, а дѣвицы, въ сопровожденіи друзей хозяина, переходили на женскую половину и тамъ, дождавшись утра, расходились по своимъ саклямъ. Съ наступленіемъ сумерокъ общество вновь собиралось для того, чтобы повторить вчерашнее. Такія сборища, шумъ и гамъ продолжались у постели раненаго до тѣхъ поръ, пока онъ не выздоравливалъ или не умиралъ.

«Разумѣется, говоритъ тотъ же авторъ-туземецъ, что если нѣтъ надежды на выздоровленіе, когда больной явно приближается ко гробу, сборища бываютъ не веселы, слѣды унынія замѣтны на лицахъ посѣтителей, которые, въ такомъ случаѣ, не многочисленны и состоятъ по большей части изъ друзей больнаго и хозяина дома его содержащаго. Но пѣсни не прекращаются и въ послѣднюю ночь жизни больнаго».

Народный этикетъ требовалъ, чтобы самъ больной, не смотря ни на какія страданія, принималъ участіе въ забавахъ и увеселеніяхъ. При входѣ и выходѣ посѣтителей, онъ долженъ былъ вставать съ постели, а если не могъ этого сдѣлать, то приподнимался съ изголовья. Больной, охавшій, морщившійся и не приподнимавшійся съ постели, навлекалъ на себя дурное мнѣніе и подвергался насмѣшкамъ; оттого черкесы во время болѣзней были всегда терпѣливы до чрезвычайности.

Часто случалось, что во все время болѣзни раненаго, его родственники и близкіе знакомые присылали отъ себя скотъ и разнаго рода припасы, необходимые для приготовленія пищи. Когда больной выздоравливалъ, тогда хозяинъ дома, гдѣ онъ лечился, устраивалъ въ честь его праздникъ, дѣлалъ выздоровѣвшему подарки и вознаграждалъ лекаря. Послѣднему, кромѣ того, поступали всѣ кожи отъ быковъ и барановъ, съѣденныхъ во время леченія. Съ своей стороны, выздоровѣвшій награждалъ подарками женщину, которая мыла ему бинты и тряпки; дѣвушку, обводившую черту внутри комнаты, гдѣ онъ лечился; хозяина дома, въ которомъ онъ лежалъ, и доктора, съ которымъ люди бѣдные торговались предварительно, а лица знатнаго происхожденія предварительныя условія съ докторомъ считали дѣломъ предосудительнымъ (¹).

Таковъ былъ уходъ за раненымъ, способъ его леченія и увѣренность черкесовъ въ участіи въ этомъ дѣлѣ Тлепса.

(¹) Этнографическій очеркъ черкесскаго народа, барона Сталя (рукопись). Остатки христіанства и проч. Кавказъ 1846 г. № 42. Миѳологія черкесскихъ народовъ Султанъ-ханъ Гирея. Кавк. 1846 г. № 35. Воспомин. кавказс. офицера. „Русскій Вѣстникъ" 1864 г. № 12. Свѣдѣніе объ атыхейцахъ Шахъ бекъ-Мурзина. Кавк. 1849 г. № 37. Вѣра, нравы, обычаи и образъ жизни черкесовъ. Русскій Вѣст. 1842 г. т. 5.

Кромѣ Тлепса, черкесы почитали еще и многихъ другихъ лицъ, отличавшихся святостію своей жизни.

Всѣ жители, обитавшіе между бассейнами рѣкъ Туапсе и Шахе, почитали священнымъ мѣстомъ урочище *Ханъ-Кучій* (что, въ переводѣ, означаетъ священная роща), гдѣ и совершали богослуженіе. Посреди рощи находится могила; въ ней, по преданію, похороненъ человѣкъ, который дѣлалъ много добра ближнимъ, извѣстенъ былъ въ народѣ своего храбростію, умомъ и, доживъ до глубокой старости, былъ убитъ громомъ. Звали его Кучій, но какъ князь на мѣстномъ нарѣчіи называется ханъ, то и роща получила названіе *Ханъ-Кучій*.

По увѣренію туземцевъ, больные, принесенные въ рощу, получали облегченіе, а просьбы молившихся у могилы всегда исполнялись. По воскреснымъ днямъ, въ рощѣ совершались богослуженія и приносились жертвы, особенно во время голода и разныхъ народныхъ невзгодъ и бѣдствій. Когда народъ собирался въ рощѣ, тогда закалывали жертву и кровью ея поливали могилу Кучія, а въ память жертвоприношенія вбивали въ дерево, растущее надъ могилой, желѣзный или деревянный крестъ. Дерево все унизано такими крестами и, по наслоенію его, видно, что нѣкоторые изъ нихъ вбиты болѣе ста лѣтъ тому назадъ. Послѣ жертвоприношенія совершались молитвы; мясо животнаго раздавалось нищимъ; присутствующіе предавались потомъ пиршеству: ѣли, пили, плясали и стрѣляли въ цѣль. Жители окрестныхъ ауловъ, питая особое уваженіе къ этой рощѣ, со страхомъ смотрѣли на то, какъ русскіе солдаты, въ 1865 году, рубили въ ней деревья. Проводники-туземцы просили позволеніе не располагаться въ рощѣ вмѣстѣ съ отрядомъ, а внѣ ея; уговаривали солдатъ не рубить деревьевъ и, наконецъ, объявили, что русскихъ за такое святотатство постигнетъ кара небесная.

Замѣчательно, что на одномъ изъ деревьевъ этой рощи была прибита дубовая доска, съ вырѣзанною на ней надписью плохими славянскими буквами: «*Здѣсь потеряна православная вѣра. Сынъ мой, возвратись на Русь, ибо ты отродье русское*». Эта надпись даетъ нѣкоторымъ возможность предполагать, что небольшое племя, извѣстное подъ именемъ *хакучей*, состояло изъ русскихъ выходцевъ—какъ говорятъ бѣжавшихъ когда-то некрасовцевъ, нашедшихъ пріютъ въ горахъ и одичавшихъ (¹).

Изъ всего сказаннаго видно, что вообще жители морскаго прибрежья и горныхъ ущелій, не имѣя опредѣленныхъ религіозныхъ понятій, составили свою собственную религію, состоящую изъ смѣси язычества, христіанства и исламизма. Не говорю о магометанскомъ сословіи черкесскаго народа, послѣдователи котораго все-таки имѣютъ какое-нибудь опредѣленное религіозное вѣрованіе. Но и тѣ, и другіе весьма шатки въ своихъ убѣжденіяхъ и, будучи грубы и мало образованы, до крайности суевѣрны.

(¹) Экспедиція въ Хакучи въ 1865 году. А. Рюэдиковскій 3-й. Кавк. 1867 г. № 97.

Суровая, но величественная природа породила въ горцахъ вѣру въ существованіе множества духовъ: каждая рѣчка имѣетъ свою богиню (гоуаше), многія ущелья своихъ духовъ. Нѣкоторые туземцы разсказываютъ, что существуютъ богини-покровительницы ворожей и колдуній, и что послѣднія обращаются съ мольбами къ какимъ-то *тремъ божественнымъ сестрицамъ* (тхашерейпхъ-шерейпхумъ). У черкесовъ существуютъ и русалки, которыхъ они представляютъ себѣ прекраснѣйшими и очаровательными женщинами.

Черкесы убѣждены, что никто не можетъ избѣгнуть судьбы своей; вѣрятъ, что есть дни счастливые и несчастные, что колокольчикъ спасаетъ отъ воровства, что существуютъ злые духи, привидѣнія и домовые. Многіе увѣряютъ, что сами ихъ видѣли и съ большимъ трудомъ могли отъ нихъ скрыться. Существованіе духовъ разнаго рода и вида породили среди народа множество легендъ, не лишенныхъ поэтическаго достоинства. Приведу изъ нихъ болѣе замѣчательныя.

По преданію кабардинцевъ, на горѣ Эльбрусъ, а по сказанію другихъ поколѣній черкескаго народа—въ верховьяхъ Большаго-Зеленчука, называемаго ими Энджикъ-су, обитаетъ *джинъ-падишахъ*, духъ горъ, властитель духовъ и царь птицъ, которому извѣстно все будущее. Онъ знаетъ, что за старую вину его могущественный *Тха* пошлетъ великановъ покорить его мрачное царство; что великаны эти явятся изъ полуночныхъ странъ, гдѣ царствуетъ вѣчная зима. Сѣдовласому старцу не хочется разстаться со своими заоблачными владѣніями, которыя принадлежать ему отъ сотворенія міра, и вотъ, въ мучительной тревогѣ, онъ поднимается со своего ледянаго трона и зоветъ со всѣхъ высей и пропастей Кавказа огромныя полчища духовъ противъ ожидаемыхъ великановъ русскихъ ([1]). «Когда онъ леталъ, то отъ ударовъ его крыльевъ тряслась земля, поднималась буря, море бушевало и, страшнымъ ревомъ своихъ волнъ, будило дремлющихъ въ его пучинахъ духовъ... Иногда со снѣжной вершины, гдѣ былъ тронъ царя, раздавались плачъ и стоны: тогда умолкало пѣніе птицъ, увядали цвѣты, вздымались и ревѣли потоки, вершины горъ одѣвались туманомъ, тряслись и стонали скалы, гремѣлъ громъ, все покрывалось мракомъ... Порой неслись гармоническіе звуки и пѣніе блаженныхъ духовъ, витавшихъ надъ трономъ грознаго владыки горъ, желавшихъ пробудить въ немъ раскаяніе и покорность волѣ великаго *Тха*: въ это время облака быстро исчезали съ лазурнаго неба; снѣговыя вершины сверкали какъ алмазъ; ручьи тихо журчали; цвѣты благоухали; повсюду водворялся миръ, тишина; но грозный старикъ не внималъ зову небесъ, угрюмо глядѣлъ въ будущее и изъ преисподней ждалъ помощи противъ русскихъ» ([2]).

Ежегодно, передъ новымъ годомъ, каждый кабардинецъ считаетъ своею обязанностію отправиться къ *джинъ-падишаху*. Джигитъ, исполнившій такой

([1]) Отдаленныя непокорныя общества въ великанахъ видѣли русскихъ.

([2]) Закубанскій край въ 1864 году. П. Невскій. Кавказъ. 1868 года № 98.

обычай, цѣлый годъ будетъ имѣть удачу во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ: вражья пуля не достигнетъ до него, шашка не прикоснется къ его тѣлу, и онъ можетъ быть увѣренъ вполнѣ, что жизнь его будетъ безопасна до тѣхъ поръ, пока не придетъ время вновь идти на поклоненіе духу. Но какъ дойти до него? гора Эльбрусъ не для всѣхъ близка, да и подняться на нее трудно, и потому жители, не имѣя возможности проникнуть туда, гдѣ пребываетъ духъ, отправлялись на поклоненіе къ урочищу *Татаръ-Тупа*.

Подъ именемъ Татаръ-Тупа (въ переводѣ: *мѣсто подъ татарами*), въ прежнее время извѣстны были у кабардинцевъ башни, или *жулаты*, обращенныя татарами въ минареты. Жулатъ значитъ *часовня для доброхотныхъ дателей*, и ихъ, въ старину, было весьма много по берегамъ Терека, выше соединенія его съ р. Малкою. Туда издревле ходили черкесы на поклоненіе и тамъ приносили жертвы; тамъ кончались всѣ ссоры, тамъ произносились клятвы. Черкесы часто и теперь, во время клятвы, произносятъ: «*Татаръ-Тупъ пенже санъ*», т. е. «да буду подъ Татаръ-Тупомъ хоть милліонъ разъ».

Кабардинцы до сихъ поръ питаютъ глубокое уваженіе къ курганамъ и древнимъ развалинамъ, въ особенности къ урочищу Татаръ-Тупа, лежащему на западномъ берегу р. Терека, въ семи верстахъ ниже р. Конбулея. Съ понятіемъ о развалинахъ этихъ, кабардинцы сохраняютъ преданіе о существованіи близъ него какого-то большаго города. Урочище и самыя развалины считаются убѣжищемъ для убійцъ, отъ преслѣдованія истителей; здѣсь же прежде совершались всѣ договоры и тѣ клятвы, въ точности исполненія которыхъ обѣ стороны хотѣли быть увѣренными.

При самомъ поклоненіи джинъ-падишаху горцы произносятъ какія-то таинственныя слова и, въ знакъ посѣщенія своего, кладутъ въ ущелье нѣсколько пуль, ножъ или какую-либо вещь. То же самое происходило и въ вершинахъ Большаго-Зеленчука. Въ обоихъ ущельяхъ можно встрѣтить множество пуль, стрѣлъ, ножей, шашечныхъ клинковъ и разнаго вида мечей, ржавѣющихъ тамъ съ незапамятныхъ временъ. Никто изъ туземныхъ жителей не рѣшался тронуть ихъ, изъ боязни прогнѣвить духа горъ (¹).

На той же горѣ Эльбрусъ, по сказанію черкесовъ, на самой ея вершинѣ, прикованъ великанъ за какіе-то грѣхи. «На высокой снѣговой горѣ, на самой вершинѣ ея, есть громадный шарообразный камень, на которомъ сидитъ старикъ съ длинною до ногъ бородой; все тѣло его обросло сѣдыми волосами, ногти на ногахъ и рукахъ очень длинны и похожи на орлиные когти; красные глаза его горятъ какъ раскаленные угли. На шеѣ, по срединѣ тѣла, па

(¹) О народныхъ праздникахъ и праздничныхъ обыкновеніяхъ христіанскаго населенія за Кавказомъ. Г. Вердеревскій. Кавк. 1855 г. № 1. О бытѣ, нравахъ и обычаяхъ атыхейскихъ племенъ. Шахъ-бекъ-Мурзина. Кавказъ 1849 года № 37. Новый годъ въ Ставроп. губерніи. Кавказъ. 1855 г. № 7. Новѣйшія географическія и историческія извѣстія о Кавказѣ. С. Броневскаго, ч. II изд. 1823.

рукахъ и ногахъ тяжелая цѣпь, которою прикованъ онъ съ незапамятныхъ временъ. Онъ прежде былъ близокъ къ великому *Тха* (Богу) за свое благочестіе; но когда вздумалъ свергнуть его и стать выше, то погибъ въ борьбѣ и прикованъ къ скалѣ на вѣчныя времена. Немногіе его видѣли, потому что доступъ къ нему сопряженъ съ большими опасностями; никто не могъ видѣть его два раза: кто пытался этого достигнуть—погибалъ».

Давно, очень давно томится старикъ и находится, по большей части, въ оцѣпенѣніи; но когда пробуждается, то прежде всего обращается къ сторожамъ:

— Растетъ-ли на землѣ камышъ и родятся ли ягнята? спрашиваетъ онъ.

— Камышъ ростетъ и ягнята родятся, отвѣчаютъ безжалостные стражи.

Великанъ приходитъ въ бѣшенство, зная что будетъ томиться до тѣхъ поръ, пока земля не перестанетъ производить камышъ и ягнятъ. Съ отчаянія онъ рветъ на себѣ оковы, и тогда земля дрожитъ отъ его движеній; цѣпи его производятъ громъ и молнію; тяжелое дыханіе—порывы урагана; стоны—подземный гулъ; а слезы его—та бурная рѣка, которая съ неистовствомъ вырывается изъ подножія снѣжнаго Эльбруса (¹).

Искреннее убѣжденіе въ существованіи различныхъ духовъ довело до того, что нѣкоторыя поколѣнія суевѣрнаго черкескаго народа имѣли своихъ геніевъ-покровителей. Натухажцы избрали своимъ геніемъ-покровителемъ *Хакусташа*, считая его въ то же время покровителемъ и домашнихъ пахатныхъ воловъ. Зажиточныя семейства, и до сихъ поръ, изъ числа своихъ воловъ посвящаютъ одного изъ этихъ животныхъ Хакусташу. Волъ этотъ не употребляется ни въ какую работу и носитъ названіе вола Хакусташа. Точно въ такомъ же почетѣ находился *Тупуплоху* у поколѣнія *надхо* и *Тупузитха* у поколѣнія *шапсо*, принадлежащихъ къ натухажскому народу.

Среди суевѣрія черкескаго народа особенно важную роль играли гадальщицы и колдуньи, или вѣдьмы.

Гаданьемъ обыкновенно занимались старухи, къ помощи которыхъ чаще всего прибѣгали несчастные влюбленные. Въ такихъ случаяхъ гаданіе производилось на нѣсколькихъ зернахъ фасоли (турецкій бобъ), съ однимъ камешкомъ. Къ чести гадальщицъ надо сказать, что изъ своего знанія онѣ не дѣлали ремесла, а гадали только изъ одного желанія услужить тѣмъ, кто прибѣгалъ къ нимъ за утѣшеніемъ. Самое же употребительное гаданье между черкесами производилось по лопаткѣ убитаго домашняго животнаго. Всматриваясь на свѣтъ въ эту кость, многіе, по замѣчаемымъ въ ней жилкамъ и линіямъ, предсказывали: будетъ-ли урожай хорошій или дурной, будутъ ли дождь, засуха, голодъ, холодная зима или война; словомъ сказать, опытный гадальщикъ или гадальщица могли предсказать всевозможныя бѣдствія или

(¹) О народныхъ праздникахъ и проч. Е. Вердеревскаго. Кавк. 1855 г. № 1. Миѳологія черкескихъ народовъ. Султанъ-ханъ-Гирея. Кавк. 1846 г. № 35. Закубанскій край въ 1864 г. П. Невскій. Кавказъ 1868 г. № 98.

общественныя благополучія. Къ гаданію прибѣгали также собираясь въ набѣгъ на русскіе предѣлы. Послѣ роскошнаго угощенія, предводитель партіи бралъ косточку *чень*—бараній альчикъ—и бросалъ ее на полъ возлѣ камина. Если косточка падала гладкой поверхностью кверху, то это предвѣщало неблагопріятный исходъ предпріятію, и наоборотъ. Въ первомъ случаѣ, набѣгъ откладывался, а во второмъ тотчасъ же предпринимался. О предсказательной способности своихъ гадальщиковъ черкесы разсказываютъ чудеса, будто бы оправдывавшіяся на самомъ дѣлѣ. Такъ, по ихъ словамъ, одинъ изъ князей предсказалъ, что въ слѣдующую ночь необходимо быть готовымъ къ тревогѣ—и, дѣйствительно, аулъ въ ту же ночь былъ атакованъ непріятелемъ; другой былъ въ гостяхъ и, посмотрѣвши въ лопатку, увидѣлъ въ ней, что жена его, пользуясь отсутствіемъ мужа, сидитъ съ постороннимъ мужчиною. Поспѣшно осѣдлавъ коня, онъ поскакалъ домой; но когда сообщили объ этомъ его родному брату, бывшему среди гостей, тогда тотъ потребовалъ ту же самую лопатку.

— Братъ мой увидѣлъ, сказалъ онъ, посмотрѣвъ въ лопатку и улыбаясь, что съ женою его сидитъ наединѣ мужчина, но не разсмотрѣлъ, что мужчина этотъ родной младшій братъ ея.

Нарочно-посланные въ домъ гадальщиковъ, возвратившись, подтвердили справедливость сказаннаго.

Если, съ одной стороны, подобные гадальщики возбуждали удивленіе и уваженіе къ себѣ суевѣрнаго народа, то, съ другой стороны, черкесы жестоко преслѣдовали колдуновъ и вѣдьмъ. Такихъ людей они называли *удде*, признавали ихъ злыми и истребляющими своихъ собственныхъ дѣтей. Удде можетъ быть и мужчина, и женщина; послѣднія бываютъ чаще. Они находятся въ сношеніи съ нечистымъ и могутъ послать на человѣка всякую невзгоду. Изнурительныя дѣтскія болѣзни, зараза, падежъ скота и прочія несчастія приписывались дѣйствію дурнаго ихъ глаза. Поймать колдуна или колдунью на мѣстѣ преступленія не было возможности, потому что, по понятію черкеса, они, при помощи нечистаго духа, имѣютъ способность превращаться въ собакъ, кошекъ, волковъ и даже дѣлаться невидимками.

Между черкесами, въ особенности у шапсуговъ, существовало повѣрье, что удде разъ въ годъ, весною, въ извѣстную ночь, собираются на вершинѣ высокой горы *Себеркуасха*, находящейся въ верховьяхъ рѣчки Убинъ, и пріѣзжаютъ туда верхомъ на животныхъ разнаго рода, какъ домашнихъ, такъ и дикихъ. Шапсуги увѣряли, что сборъ вѣдьмъ и чертей на этой горѣ бывалъ каждую пятницу, въ двѣнадцать часовъ ночи. Отдавъ нечистому отчетъ въ своихъ поступкахъ, они проводили ночь въ пиршествахъ, пѣніи, пляскѣ, а съ разсвѣтомъ, схвативъ мѣшки—изъ которыхъ въ однихъ заключались всѣ блага земныя, а въ другихъ все вредное человѣчеству—разлетались по домамъ своимъ. Такимъ образомъ всѣ болѣзни, которыми страдаетъ человѣчество весною, приписывались уддамъ. Если бы не было на свѣтѣ «*цысюе*»

(знахарь), то черкесы не знали бы какъ отдѣлаться отъ вѣдьмъ и колдуновъ. Цысюе или знахарь, имѣлъ способность узнавать чародѣевъ.

Чтобы снять болѣзнь, посланную вѣдьмой, призывали знахаря, который объявлялъ, что можетъ вылечить больнаго и снять съ него наговоръ вѣдьмы не прежде, какъ отыщетъ самую вѣдьму и, очищеніемъ, сниметъ съ нея свойство быть вѣдьмой и портить человѣчество. Ему представляли тотчасъ же рядъ лицъ, подозрѣваемыхъ въ чародѣйствѣ. По щательномъ осмотрѣ обвиняемыхъ, знахарь указывалъ на виновныхъ и отпускалъ признанныхъ невинными. Обвиняемыхъ въ чародѣйствѣ, если они не признавались въ своемъ грѣхѣ, подвергали пыткѣ: зажигали въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга два костра, а иногда и три. Облачаемую жертву раздѣвали до-нага, связывали, бросали между пылающихъ костровъ и парили у огня. Знахарь, а иногда вмѣсто него и мулла, при стеченіи народа, допрашивалъ у него имена сорока товарищей, съ которыми онъ, какъ обвиняемый въ чародѣйствѣ, долженъ быть въ сношеніи и союзѣ. Бѣдная жертва, терзаемая мученіями, сознавалась въ небываломъ преступленіи, и тогда приступали къ ея очищенію. Убивали совершенно черную, безъ всякихъ пятенъ и отмѣтокъ, собаку, вынимали изъ нея печень и, воткнувъ зажаренный кусокъ ея на вѣтку терновника, совали въ ротъ мнимому чародѣю. Несмотря на крикъ жертвы и боль причиняемую терновникомъ, ее заставляли съѣсть это нелакомое блюдо, и тѣмъ же терновникомъ прочищали горло. Между тѣмъ, жареная печенка производила тошноту и рвоту, а народъ увѣрялъ, что чародѣй изрыгаетъ изъ своей внутренности все зло тамъ скрывающееся. Уничтоживъ, такимъ способомъ, у виновнаго всякую способность къ чарамъ и взявъ съ него клятву на всегда бросить сношенія съ нечистымъ духомъ, его освобождали. Впрочемъ, чародѣйная сила могла опять проявиться у такого человѣка, если онъ, въ теченіе тридцати дней послѣ очищенія, успѣвалъ украдкою съѣсть куриное яйцо или куриное мясо, а потому народъ весьма строго слѣдилъ за этимъ тридцатидневнымъ карантиномъ (¹).

Точно такъ же поступали черкесы и тогда, когда полагали, что свирѣпствующая повальная болѣзнь въ околодкѣ причинена колдунами или вѣдьмами. Составлялась инквизиціонная комисія, которая переходила изъ аула въ аулъ, отыскивая вѣдьмъ и колдуновъ — виновниковъ болѣзни. Предводителями такихъ комисій служили *цысюе*, или какая-нибудь старуха, которая была сама въ подобной передѣлкѣ и нѣкогда обвинялась въ чародѣйствѣ. Поводивъ толпу изъ одного аула въ другой, предводитель или предводительница указывали

(¹) Вѣрованія, религіозные обряды и предразсудки у черкесовъ. Л. Люлье. Зап. Кавк. отд. им. рус. геогр. общес. книга V. Этнограф. очеркъ черкескаго народа барона Сталя (рукопись). Остатки христіанства и проч. Іоанна Хазрова. Кавк. 1846 г. № 42. Эпизодъ изъ жизни шапсуговъ. А. Ржондковскій. Кавк. 1867 г. № 70. Бассейнъ Псекупса. Николай Каменевъ. Кубанс. вѣдом. 1867 г. № 49. Вѣра, нравы, обычаи, образъ жизни черкесовъ. Рус. Вѣст. 1842 г. т. 5.

по большей части на какое-нибудь уединенное мѣсто, гдѣ, по ихъ мнѣнію, спрятаны были чарующіе предметы, которые служили причиною несчастій и болѣзни. Такой предметъ отыскивали: онъ состоялъ преимущественно изъ разноцвѣтныхъ нитокъ, связанныхъ въ узелки, и тогда совѣтовали предостерегаться отъ нихъ. Народъ успокоивался.

Однимъ изъ самыхъ слабыхъ проявленій колдовства черкесы признавали порчу отъ дурнаго глаза. Народъ утверждалъ, что есть цѣлыя семейства, у которыхъ дурной глазъ переходитъ по наслѣдству, изъ одного поколѣнія въ другое. Въ предохраненіе отъ столь вреднаго дѣйствія они носили на себѣ, надѣвали на дѣтей и привязывали къ уздамъ любимыхъ лошадей стихи изъ корана, или завернутый въ тряпочку кусокъ дерева, въ которое ударила молнія.

Въ заключеніе всего сказаннаго о суевѣріи черкескаго народа, нельзя не упомянуть о томъ страхѣ, который успѣли внушить народу муллы относительно картинъ всякаго рода, въ особенности портретовъ, и вообще изображенія человѣческихъ фигуръ. Очерки животныхъ, цвѣтовъ и разнаго рода видовъ черкесы еще переносили, но какъ только увидятъ запрещенные кораномъ *суреты* — какъ они называютъ картины—съ изображеніемъ фигуры человѣка, такъ тотчасъ же старались соскоблить или замарать ихъ ([1]).

— Откуда берешь ты смѣлость, сказалъ однажды черкесъ своему русскому плѣнному, такъ сходно изображать человѣка, созданнаго по подобію Аллаха? Души ты не можешь вѣдь дать твоему изображенію. Смотри, когда ты умрешь, на томъ свѣтѣ твои суреты отнимутъ у тебя покой, требуя для себя безсмертной души; а откуда ты ее возьмешь?...

Никто изъ русскихъ не обращалъ, съ такимъ успѣхомъ, въ свою пользу суевѣрія черкесовъ, какъ генералъ Г. Х. Зассъ. Человѣкъ характера твердаго и веселаго, вѣрный данному слову, всегда шутливый съ горцами, Зассъ пользовался уваженіемъ черкесовъ, которые чтили въ немъ истинно-рыцарскую храбрость. Черкесы звали его *шайтаномъ* (чортомъ), за тѣ штуки и фокусы, которые Зассъ имъ показывалъ. При помощи волшебныхъ зеркалъ, панорамы, электрической машины, музыкальной табакерки и прочихъ вещей, онъ сильно дѣйствовалъ на воображеніе горцевъ и извлекалъ изъ того значительную для себя пользу.

Когда являлись къ нему почетные гости изъ непокорныхъ племенъ, то, принимая ихъ у себя, Зассъ подражалъ ихъ обычаямъ. Посѣщая Засса, почетные князья и уздени снимали шашки, пистолеты, и все это клали въ залѣ на столъ; ружья обязаны были сдать своимъ оруженосцамъ, при входѣ въ комнату. Нѣсколькимъ офицерамъ поручалось вынуть незамѣтно пули изъ пистолетовъ и передать ихъ Зассу. Послѣ окончанія переговоровъ о дѣлѣ, за-

---

([1]) Воспоминанія кавказскаго офицера. „Русскій Вѣст." 1864 г. № 11.

завязался разговоръ о молодечествѣ горскихъ наѣздниковъ, мѣткости ихъ стрѣльбы и проч.

— Для чего вы носите за поясомъ пистолеты? неожиданно спрашивалъ Зассъ. — Вы изъ нихъ не попадете въ цѣль и на десять шаговъ.

Озадаченные такимъ вопросомъ и мнѣніемъ о нихъ, горцы начинаютъ разувѣрять въ несправедливости такого мнѣнія; говорятъ, что они стрѣляютъ изъ пистолетовъ такъ же хорошо, какъ и изъ ружей. Зассъ предлагаетъ одному изъ нихъ взять свой пистолетъ и, выстрѣливъ въ него, посмотрѣть: попадетъ-ли пуля или нѣтъ? Улыбка и недовѣріе выражаются на лицахъ гостей, и, конечно, никто не рѣшается сдѣлать выстрѣлъ. Тогда Зассъ выставляетъ свою обложенную серебромъ шапку и проситъ попасть въ нее. Слѣдуетъ выстрѣлъ... шапка на мѣстѣ... она цѣла, а незамѣтно брошенная пуля катится къ ногамъ стрѣлявшаго; тотъ поднимаетъ ее, видя, что пуля его, приходитъ въ ужасъ... Затѣмъ стрѣляетъ другой, и съ нимъ то же, потомъ третій и т. д.

Суевѣрные горцы приходятъ въ недоумѣніе и необъятный страхъ. Чтобы окончательно поразить своихъ гостей, Зассъ разсказываетъ имъ о своей чародѣйской силѣ, и такъ отпускаетъ гостей, которые убѣждаются, что этотъ человѣкъ водится съ чертями. Всѣ эти шутки, повидимому ничтожныя, имѣли на горцевъ огромное моральное вліяніе и за нихъ-то они прозвали Засса *шайтаномъ* — чертомъ.

Однажды, желая вознаградить своего лазутчика, генералъ положилъ двѣнадцать червонцевъ въ пакетообразную бумагу, въ которой, съ другой стороны, была оставлена пустота.

— Монтали! — такъ звали лазутчика — говоритъ Зассъ въ присутствіи многихъ постороннихъ горцевъ: я бы желалъ наградить тебя золотыми деньгами, да нѣтъ ихъ. Впрочемъ, я поговорю и поколдую съ невидимымъ чародѣемъ, который все для меня дѣлаетъ; можетъ быть изъ твоего пороха я успѣю сдѣлать золото. Достань свой патронъ и насыпь въ эту бумажку немного зеренъ.

Завернувъ тщательно бумажку, Зассъ приказалъ Монтали дуть на бумажку безъ перерыва.

— Довольно! сказалъ Зассъ, ты уже перевелъ духъ, но успѣлъ, впрочемъ, дунуть двѣнадцать разъ.

Положивъ бумагу на столъ и тщательно развернувъ ее, Зассъ показалъ всѣмъ присутствовавшимъ блестящіе червонцы. Всѣ пришли въ ужасъ... никто не хотѣлъ дотрогиваться до нечистаго золота, но потомъ любопытство пересилило: каждый бралъ червонцы въ руки, пробовалъ ихъ ножичкомъ, звонилъ, положа на ноготь — все увѣряло ихъ, что они дѣйствительно золотые. Быстро разнеслась по горамъ молва, что шайтанъ Зассъ изъ пороха дѣлаетъ золото. Услыхавшій объ этомъ темиргоевскій князь Шерлетуко потре-

бовалъ къ себѣ Монтали и, выслушавъ его разсказъ, осмотрѣлъ червонцы. Вскочивъ на коня, князь поскакалъ къ Зассу.

— Я видѣлъ, говорилъ князь генералу, сдѣланное тобою изъ пороха золото: умоляю тебя, научи меня этому искуству — я не боюсь чертей. Возьми моихъ женъ, дѣтей, все имущество, только ради Аллаха не откажи.

Трудно было отговориться отъ настойчивой просьбы отуманеннаго горскаго князя, важнаго по своему положенію; нужно было прибѣгнуть къ вліянію на это дѣло небесныхъ планетъ и единственнаго времени въ году. Спустя ровно годъ Шерлетуко не забылъ сказаннаго Зассомъ времени, въ которое можно дѣлать золото, и пріѣхалъ опять съ тою же просьбою; но и на этотъ разъ Зассъ отговорился разною небылицею.

Всѣ подобныя шутки приносили Зассу большую пользу; вліяніе его на горцевъ, и въ особенности на абадзеховъ, было самое сильное. Одни заискивали его расположенія, другіе искали его дружбы, и всѣ страшились его храбрости и разорительныхъ набѣговъ. Слава Засса гремѣла за горами. Шапсуги и убыхи часто пріѣзжали въ Прочно-Окопскую крѣпость, чтобы познакомиться съ нимъ.

При наступленіи каждаго лѣта, когда начинались полевыя работы, абадзехи, страшась зассовскихъ набѣговъ, принимали всю военную осторожность. Старшины же, отъ имени народа, пріѣзжали въ Прочный-Окопъ для переговоровъ о мирѣ. Тутъ постоянно являлись разныя дипломатическія недоразумѣнія относительно условій мира. Всегда выходило такъ, что абадзехи не уполномочили достаточно своихъ старшинъ и имъ необходимо было возвратиться, для того, чтобы спросить народъ и рѣшеніе у главнаго совѣта; словомъ, старались вести дѣло такъ, чтобы протянуть время, успѣть собрать съ полей хлѣбъ, свезти его въ лѣсистыя ущелья и тогда прекратить переговоры. Зассъ прикидывался непонимающимъ хитрости абадзеховъ, давалъ слово, что не будетъ дѣлать набѣговъ, а самъ распускалъ казаковъ для уборки ихъ полей и сѣнокоса. Какъ только казаки кончали свои полевыя работы, тогда объявлялось немедленно, что всѣ переговоры съ абадзехами прекращаются, какъ съ людьми нетвердыми въ своемъ словѣ; что Зассъ болѣе старшинъ къ себѣ не принимаетъ, а постарается ихъ, за ложь и обманъ, наказать примѣрно. Въ разныхъ пунктахъ собирается отрядъ, стягивается къ сборному пункту и, дождавшись прибытія лазутчиковъ, отправляется за рѣку Лабу.

Во время подобныхъ набѣговъ снимались разные виды ауловъ и ихъ окрестностей; изъ этихъ картинъ Зассъ сдѣлалъ себѣ панораму и пользовался ею при переговорахъ о мирѣ съ абадзехскими старшинами. Упрекая ихъ въ неискренности, онъ сильно дѣйствовалъ на ихъ воображеніе.

— Я знаю вашу мысль, говорилъ онъ старшинамъ, я знаю чего вы желаете, даже знаю что дѣлается у васъ въ аулахъ, кто теперь дома и кого

нѣтъ. Хотите-ли я покажу вамъ абадзехскій аулъ, напримѣръ, хоть-бы аулъ старшины Мисербія?...

Зассъ зналъ отъ лазутчика, что Мисербія нѣтъ дома.

— Кстати, продолжалъ онъ: вы говорите, что Мисербій дома, а на мой вопросъ въ аулѣ отвѣтили, что его нѣтъ дома .. Я знаю все, что у васъ дѣлается.

За картиною сидѣлъ переводчикъ, который обязанъ былъ отвѣчать на всѣ вопросы. Абадзеховъ подвели къ стеклу, врѣзанному въ дверь небольшой комнаты; картина была освѣщена и представляла большой видъ аула. Когда абадзехи взглянули одинъ за другимъ въ стекло и увидѣли аулъ Мисербія съ его окрестностями, то удивленію ихъ не было предѣловъ.

— Посмотрите, говорилъ одинъ изъ смотрѣвшихъ, даже и живыя мухи лазятъ по стѣнамъ сакли.

Зассъ предложилъ старшинѣ Шемонокову спросить: дома-ли Мисербій? Шемоноковъ подошелъ къ стеклу, посмотрѣлъ еще разъ и спросилъ.

— Мисербія дома нѣтъ, онъ уѣхалъ къ такому-то, отвѣтилъ глухой голосъ.

Абадзехи окончательно растерялись и, несмотря ни на какія просьбы, не соглашались болѣе смотрѣть въ стекло, говоря, что только одни черти могутъ переносить ихъ аулы на показъ Зассу.

— Отъ того-то онъ врасплохъ и нападаетъ на наши сборища и аулы, говорили абадзехи: онъ видитъ, гдѣ есть наши караулы и гдѣ ихъ нѣтъ.

Зассъ всѣми силами старался поддерживать такой суевѣрный страхъ и достигъ того, что абадзехи стали переносить свои аулы подальше отъ кордона, съ тою цѣлію, чтобы русскому отряду не было возможности достигнуть до нихъ въ двѣ ночи и самимъ имѣть время приготовиться для его встрѣчи. Повсюду абадзехи выставляли денные пикеты и ночные секреты и бдительность ихъ простиралась до того, что необходимо было прибѣгать къ хитрости, чтобы усыпить ихъ бдительность.

Въ началѣ 1838 года, желая наказать два аула за обманъ, Зассъ предписалъ начальникамъ частей, предназначенныхъ въ составъ отряда, двинуться въ станицу Усть-Лабу, но проходить туда не пограничными, а внутренними станицами. Пѣхота получила приказаніе слѣдовать поротно, переходить изъ станицы въ станицу по ночамъ и остановиться въ усть-лабинскомъ форштадтѣ. Самъ генералъ Зассъ объявилъ себя больнымъ.

Мнимая болѣзнь его такъ быстро развивалась, что онъ допускалъ къ себѣ только самыхъ близкихъ изъ горскихъ князей и узденей. Посѣщавшіе больнаго видѣли его въ постели, въ полуосвѣщенной комнатѣ, блѣднаго отъ искусно-наведенныхъ бѣлилъ, мечущагося изъ стороны въ сторону и говорящаго несвязныя рѣчи, переводимыя горцамъ черезъ переводчика. Всѣ окружавшія генерала лица ходили тихо, съ грустнымъ выраженіемъ лица, и посѣтители допускались только на самое короткое время.

Извѣстіе о томъ, что Зассъ сильно боленъ горячкою, быстро распространилось по горамъ. Абадзехи сдѣлали немедленно сборъ, на которомъ, выбравъ одного изъ самыхъ достойныхъ и уважаемыхъ своихъ товарищей, Унарукова, послали его тайкомъ вывѣдать всю истину и немедленно сообщить обо всемъ народу. Когда Унаруковъ явился въ одинъ изъ мирныхъ ауловъ на Кубани, то Зассъ лежалъ только что умершимъ. Въ комнату внесенъ былъ гробъ, въ домѣ суетились, охали, вздыхали, и когда появлялись тѣ изъ горцевъ, которымъ нужно было показать Засса, то ихъ вводили въ полурастворенную дверь. Зассъ лежалъ покрытый простынею въ видѣ савана, готовый для положенія во гробъ. Три восковыя свѣчи тускло горѣли надъ его изголовьемъ, и убранный гробъ стоялъ тутъ же.

«Мы всѣ знали о мнимой смерти Засса, говоритъ авторъ записокъ (¹); но, увидя его лежавшаго съ закрытыми глазами, вытянувшимся и съ сложенными на груди руками, сами стали сомнѣваться въ подложной его смерти. Одинъ изъ насъ, бывшихъ въ то время при Зассѣ, молодой казачій офицеръ, только что поднявшійся отъ лихорадочной болѣзни, не выдержалъ и громко зарыдалъ, такъ что чуть-было не испортилъ всего дѣла. Мы его вывели почти въ истерическомъ припадкѣ, а съ нимъ и кунаковъ, что ихъ еще болѣе укрѣпило въ истинной смерти Засса. Провожая горцевъ, сказали имъ, чтобы они предъувѣдомили всѣхъ близкихъ генералу друзей и знакомыхъ о смерти его и чтобы никто не ѣздилъ въ крѣпость дня два, потому что мы займемся, по нашей религіи, приготовленіемъ къ погребенію покойнаго, для чего ожидаемъ изъ Ставрополя другаго генерала».

— Когда все будетъ готово, говорили провожавшіе горцевъ, тогда извѣстимъ всѣхъ васъ, чтобы вы пріѣхали къ печальному церемоніалу.

Комедія была разыграна какъ нельзя лучше. Зассъ всталъ и самъ смѣялся надъ своимъ притворствомъ. Горцы, вернувшись въ свои аулы, разсказывали всѣмъ о видѣнномъ, а Унаруковъ, лично удостовѣрившійся въ смерти Засса, какъ съумасшедшій полетѣлъ съ этимъ извѣстіемъ за рѣку Бѣлую.

Сборище приняло Унарукова съ распростертыми объятіями и сдѣлало ему приличные подарки. Абадзехи закалывали скотъ и барановъ для пиршества, радуясь смерти Засса и избавленію отъ *шайтана*.

Дождавшись ночи, Зассъ сѣлъ на перекладную и отправился въ Усть-Лабу, гдѣ передневалъ. Къ вечеру, при закатѣ солнца, собрался отрядъ, переправился сначала за р. Лабу, потомъ за р. Бѣлую и на разсвѣтѣ, совершенно врасплохъ, захватилъ одновременно оба аула, лежавшіе одинъ отъ другаго въ недальнемъ разстояніи. Повсемѣстная тревога поднялась только тогда, когда отрядъ покончилъ дѣло и отступалъ, захвативъ плѣнныхъ, скотъ, имущество и предавъ аулы пламени.

(¹) Выдержки изъ записокъ о Г. Х. Зассѣ (рукопись). Записки эти, доставленныя мнѣ въ рукописи безъ имени автора, оказались принадлежащими г. Атарщикову (см. Воен. Сбор. 1870 г. № 8), которому и приношу мою искреннюю признательность.

Извѣстіе о разграбленіи ауловъ, достигшее до пировавшаго наканунѣ сборища абадзеховъ, поразило ихъ какъ громомъ. Долго абадзехи не хотѣли вѣрить, чтобы умершій Зассъ могъ опять явиться къ нимъ, но орудійные выстрѣлы подтверждали печальное извѣстіе. Все сборище бросилось догонять отрядъ, но было уже поздно: онъ былъ на переправѣ р. Бѣлой и часть передовыхъ войскъ заняла уже правый ея берегъ. Абадзехи поклялись или умереть, или покончить съ отрядомъ и не допустить самого шайтана Засса переправиться черезъ рѣку съ остальными войсками. Съ необыкновенною яростію насѣли они на отрядъ и жаркое дѣло это стоило большихъ потерь, понесенныхъ обѣими сторонами. Самъ Зассъ былъ раненъ въ упоръ изъ пистолета; пуля попала въ ногу, слегка повредила кость и впилась въ сѣдло.

По окончаніи дѣла, абадзехи, узнавъ что Зассъ раненъ, просили позволенія пріѣхать въ лагерь. Раны, полученныя въ бою, считаются большою честію, а потому въ подобныхъ случаяхъ всѣ князья и дворяне пріѣзжали поздравлять Засса, какъ съ какимъ-нибудь торжествомъ.

— Воскресеніе твое изъ мертвыхъ, говорили пріѣхавшіе старшины, было слишкомъ ощутительно для насъ. Мы не сердимся на тебя—насъ глупыхъ такъ и слѣдовало проучить: во-первыхъ, чтобы не довѣрялись слуху, а во-вторыхъ, чтобы не радовались чужой смерти. Предупреждаемъ же тебя, что мы постараемся отплатить тебѣ тѣмъ же.

— Повремените съ мѣсяцъ, отвѣчалъ имъ Зассъ, а то я, раненый, не въ силахъ буду самъ достойно принять васъ у себя.

Гости улыбнулись, но исполнили просьбу. Осенью они собрались въ значительномъ числѣ, съ намѣреніемъ напасть на станицу Усть-Лабинскую и Воронежскую.

Въ историческомъ разсказѣ, мы будемъ имѣть случай ближе познакомиться съ замѣчательною личностію генерала Засса, а теперь должны сказать только, что шуточками, фокусами и разными дѣйствіями, поражавшими суевѣрный народъ, Зассъ достигъ того, что непокорныя племена, постоянно отдаляясь отъ нашего кордона, мало по-малу переселились за р. Бѣлую. Это переселеніе дало возможность перенести кубанскую кордонную линію на р. Лабу и дать лучшій оборотъ дѣйствіямъ нашимъ на правомъ флангѣ кавказской линіи...

IV.

Характеръ черкеса.—Черкеская женщина и ея одежда.—Свобода дѣвушекъ.—Сватовство.—Плѣннопродавство. — Похищеніе невѣстъ. — Свадебные обряды. — Музыка, пѣніе и пляски.—Черкескія пѣсни.

Шаткость религіозныхъ убѣжденій и жизнь, проводимая въ постоянной опасности, сообщили черкесу такія особенности характера, которыя, въ осно-

ванія своемъ, противорѣчатъ другъ другу. Въ народѣ, не имѣвшемъ никакихъ властей, каждый долженъ былъ заботиться о себѣ и объ общественной пользѣ, заводить связи и употреблять силу слова для огражденія своихъ интересовъ. Такое политическое устройство развиваетъ присутствіе духа, быстроту соображенія, а постоянныя физическія упражненія и дѣятельность способствуютъ развитію тѣлесной красоты, гибкости и силы. Черкесы богато одарены какъ умственными способностями, такъ и красотою; но всѣ духовныя способности употреблялись на хищничество и войну. Между черкесами то семейство, въ которомъ одинъ изъ членовъ не былъ убитъ или раненъ въ какомъ-либо сраженіи съ врагами, вошедшими въ предѣлы его родины, не пользовался уваженіемъ соотечественниковъ.

Храбрые по природѣ, привыкшіе съ дѣтства бороться съ опасностію, черкесы въ высшей степени пренебрегали самохвальствомъ. О военныхъ подвигахъ своихъ черкесъ никогда не говорилъ, никогда не прославлялъ ихъ, считая такой поступокъ неприличнымъ. Самые смѣлые джигиты (витязи) отличались необыкновенной скромностью; говорили тихо, не хвалились своими подвигами, готовы были каждому уступить мѣсто и замолчать въ спорѣ; за то на дѣйствительное оскорбленіе отвѣчали оружіемъ съ быстротою молніи, но безъ угрозы, безъ крика и браня. Заслуги своихъ великихъ людей черкесы воспѣвали обыкновенно послѣ ихъ смерти, но разсказываютъ, что, въ древности, знаменитѣйшій изъ витязей *Бхезинеко-Бексирзъ* удостоился этой чести при жизни. Онъ былъ уже въ глубокой старости, когда сыновья его поручили пѣвцамъ сложить жизнеописательную пѣсню объ ихъ отцѣ. Старецъ, узнавшій о томъ послѣ того, какъ пѣснь была уже сложена, призвалъ къ себѣ своихъ сыновей и пѣвцовъ, приказалъ имъ пропѣть сложенную пѣсню и, найдя въ ней описаніе такого подвига, который унижалъ одного изъ его соперниковъ славы, приказалъ порицаніе это выкинуть изъ пѣсни. Скромность почиталась въ старину между черкесами лучшимъ украшеніемъ человѣка.

Будучи чрезвычайно впечатлителенъ, черкесъ легко увлекался, но весьма скоро и приходилъ въ себя. Въ обращеніи съ соплеменниками былъ вѣжливъ, почтителенъ къ старшимъ, откровененъ, говорилъ смѣло и рѣзко то, что думалъ. Въ обращеніи съ русскими былъ всегда вѣроломенъ, холоденъ, натянутъ. Легкомысленный па обѣщанія, о скоромъ исполненіи обѣщаннаго мало думалъ. Страхъ дѣйствовалъ на черкеса мгновенно и сильно, но онъ скоро оправлялся и потомъ, съ необыкновенною настойчивостью продолжалъ прежнее, какъ бы дорого за это ему не пришлось поплатиться. Съ необычайною гибкостью переходилъ онъ отъ пирушки къ дѣятельности, отъ молитвы къ воровству, отъ благочестія къ злодѣянію. Религія была его единственная опора; но когда онъ не боялся наблюденія за собою соотечественниковъ, то весьма легко уклонялся отъ исполненія религіозныхъ обрядовъ и правилъ. Эта черта характера проявлялась и въ бою. Когда черкесъ находился въ составѣ партіи и принужденъ былъ сражаться въ присутствіи своихъ товарищей, то выказывалъ уда-

вительную храбрость и необыкновенные подвиги самопожертвованія. Онъ зналъ, что подвиги его видятъ всѣ, что храбрость его съ избыткомъ будетъ вознаграждена общею молвою; но на одиночномъ хищничествѣ, гдѣ не было свидѣтелей его поведенія, черкесъ не всегда хлопоталъ о блескѣ подвига, а старался скорѣе убить, ограбить или украсть что попало и затѣмъ убраться, избѣгая погони.

Черкесъ всегда былъ жаденъ къ деньгамъ: за деньги рѣшался на убійство, на измѣну; но, получивъ деньги, готовъ былъ раздать ихъ кому попадется съ щедростью и легкомысліемъ. Ведя непрерывную войну съ русскими, черкесы часто, за деньги, были лучшими проводниками для купцовъ, доставлявшихъ рогатый скотъ гарнизонамъ различныхъ крѣпостей (1). Примѣры скупости были весьма рѣдки между черкесами; да и нельзя было быть скупымъ, когда въ обычаѣ народа укоренилось правило, что порядочный человѣкъ долженъ подарить вещь нуждающемуся по первому его слову или намеку. Стоило только похвалить чекмень, бурку, лошадь или другую вещь, какъ черкесъ тотчасъ же дарилъ вамъ ее. Эта щедрость составляла весьма важное условіе въ жизни черкеса, потому что бѣдный, ничего не имѣющій человѣкъ, могъ посредствомъ подарковъ тотчасъ же получить лошадь, оружіе, одежду и, такимъ образомъ, снарядиться на войну или на хищничество, а послѣднее давало уже ему средства къ существованію. Въ случаѣ, если онъ не получалъ просимаго въ подарокъ, то могъ взять вещь на подержаніе, на два и даже на три года, а лошадь можно было взять для ѣзды, въ чемъ никто не отказывалъ, зная, что, когда онъ пообзаведется собственнымъ имуществомъ, то вознаградитъ съ избыткомъ тѣхъ, которые способствовали его поправленію. И если, съ одной стороны, черкесъ не дорожилъ своимъ имуществомъ, то, съ другой стороны, когда дѣло шло на споръ, касалось его самолюбія, онъ готовъ былъ тягаться двадцать лѣтъ, за какого-нибудь украденнаго у него теленка, лишь бы только не уступить противнику, и тогда спорамъ и разбирательствамъ не было конца. Въ одномъ и томъ же человѣкѣ, страннымъ образомъ, соединялись: любовь къ пріобрѣтенію, достигавшая до сутяжничества, и щедрость, доведенная чуть ли не до отрицанія права на свою собственность. Несмотря на видимое легкомысліе, черкесъ владѣлъ характеромъ энергическимъ и многостороннимъ, въ которомъ скрывалась твердая настойчивость и необыкновенное терпѣніе. Послѣднее, особенно въ страданіяхъ, считалось у черкесовъ однимъ изъ первыхъ достоинствъ молодаго человѣка. Равнодушіе, съ которымъ они переносили боль, доходила до такой степени, что, въ этомъ случаѣ, легко было узнать между ними европейца, который могъ быть столько же безстрашенъ, какъ и черкесъ, но никогда не могъ сравниться съ нимъ въ терпѣливости.

---

(1) Баронъ Сталь. Этнографическій очеркъ черкескаго народа (рукопись). Поѣздка къ восточнымъ берегамъ Чернаго моря С. Сафонова. Одеса изд. 1837 года.

Съ неподкупною любовью къ родинѣ, черкесъ сохранялъ твердую вѣру въ блестящую будущность своего народа. У полудикаго человѣка любовь къ родинѣ проявляется безсознательною привязанностію къ мѣсту рожденія, къ обычаямъ, которые онъ считаетъ лучшими въ мірѣ. Насильственно оторванный отъ родныхъ горъ и ущелій, онъ тоскуетъ. Бывали частые примѣры, что, изгнанный изъ общества и не имѣвшій возможности явиться, безъ явной опасности, на родину, часто ночью пріѣзжалъ на родныя ему поля, просиживалъ цѣлыя ночи вблизи того аула, гдѣ провелъ молодость, и съ разсвѣтомъ уѣзжалъ.

Для черкеса, жившаго въ маленькой независимой общинѣ, родина казалась ему большою; онъ видѣлъ, что она независима, воюетъ и заключаетъ миръ съ такими же сосѣдями, какъ она сама—и это придавало ему гордость и сознаніе собственнаго достоинства. Все иноземное, иноплеменное черкесъ ненавидѣлъ, гордился своею родиною, въ которой считалъ себя человѣкомъ не послѣднимъ, а играющимъ часто весьма важную, по его понятіямъ, роль. Спросите черкеса: откуда онъ родомъ?—онъ отвѣтитъ: шапсугъ или бесленѣевецъ, но отвѣтитъ съ такою серьезностью, какъ бы былъ вельможею огромнаго государства. Сознаніе собственнаго достоинства развило въ характерѣ черкесовъ заносчивость, а необузданная свобода сдѣлала ихъ неуживчивыми, самонадѣянными и въ высшей степени гордыми.

Особенности характера мужчинъ перешли частію и на женщинъ, которыя не менѣе гордились своимъ происхожденіемъ, отлично знали старшинство родовъ княжескихъ и дворянскихъ и важность каждаго рода. Необходимыя по этимъ статьямъ свѣдѣнія передавались изъ поколѣнія въ поколѣніе, съ истинно-аристократическимъ отпечаткомъ.

Обращеніе черкескихъ дѣвушекъ было скромно и исполнено достоинства. Красота ихъ съ давнихъ поръ не находила соперницъ: правильныя черты лица, стройный станъ, маленькія руки и ноги, поступь, походка и всѣ движенія являли что-то гордое и благородное. Всѣ, кто только могъ видѣть черкескихъ женщинъ, свидѣтельствуютъ, что между ними встрѣчаются такія красавицы, при видѣ которыхъ невольно останавливаешься, пораженный изумленіемъ. «Про черкешенокъ»—говоритъ очевидецъ—«можно сказать, что онѣ вообще хороши, имѣютъ замѣчательныя способности, чрезвычайно страстны, но въ то же время обладаютъ необыкновенною силою воли».

Чтобы составить себѣ понятіе о красотѣ черкеской дѣвушки или женщины, представьте себѣ прелестные темнокаріе глаза, опушенные шелковистыми рѣсницами; взглядъ дѣвушки—то спокойный, съ томнымъ и страстнымъ выраженіемъ, то устремленный вдаль и пытливо перебѣгающій съ одного предмета на другой. «Нѣжный румянецъ», пишетъ очевидецъ, «разлитый по маленькимъ щечкамъ, самыя формы нѣжныя, почти воздушныя и, вмѣстѣ, столь совершенныя и пластичныя, все это, казалось, принадлежало возрожденной богинѣ любви. Съ другой стороны, дѣтски-спокойный взглядъ, благородно-обрисованное чело, розовыя линіи рта, которыя, казалось, скорѣе напевали

и коралловыя уста, тѣмъ обнаруживали ихъ, и что-то особенное во всей фигурѣ придавали дѣвушкѣ видъ такого благородства и достоинства, что всякое чувственное помышленіе исчезало при ея приближеніи».

Темно-каштановые волосы, подстриженные по-горски, оттѣняли необыкновенно бѣлое, нѣжное лицо и довершали очарованіе.

Конечно, понятіе о красотѣ женщинъ есть понятіе относительное; нельзя сказать, чтобы всѣ черкескія женщины безъ исключенія были красивы, но, во всякомъ случаѣ, онѣ служатъ лучшими представительницами прекраснѣйшаго бѣлаго, или, такъ называемаго, кавказскаго племени. Красотѣ ихъ очень много вредила оспа, для предохраненія отъ которой не предпринималось никакихъ мѣръ; плоскость стана отнимала также много красоты. Обычай надѣвать на дѣвушку корсетъ съ ранняго возраста и не снимать его до замужества, дѣлалъ то, что грудь красавицы не развивалась, слѣдовательно, красота женщины теряла многое.

Корсетъ этотъ, надѣваемый подъ рубашку, носитъ названіе *пша-кафтанъ* (дѣвичій кафтанъ). Пша-кафтанъ состоитъ изъ кожанаго, холщеваго или изъ какой другой матеріи корсета, съ шнуровкою спереди и съ двумя гибкими деревянными пластинками, сжимающими обѣ груди. Плоская талія и неполная грудь, по понятіямъ черкесовъ, первое условіе красоты дѣвушки (¹). Знатныя дѣвушки шили иногда корсетъ изъ краснаго сафьяна или бархата и обшивали его серебряными и золотыми галунами; въ послѣднемъ случаѣ онъ бывалъ съ короткими полами и серебряными застежками на груди. Такой корсетъ надѣвался сверхъ рубашки, подъ верхнею одеждою, и преимущественно въ дни праздниковъ. Хотя корсетъ вмѣстѣ съ ростомъ дитяти перемѣнялся и надѣвался съ единственною цѣлію дать дѣвушкѣ стройность и гибкость стана, но, сообщая красоту въ одномъ, препятствовалъ развитію груди, дѣлалъ ее чрезвычайно плоскою, а главное стѣснялъ движенія дѣвушки.

По выходѣ замужъ дѣвушки, молодой супругъ распарывалъ кинжаломъ шнуръ корсета, но дѣлалъ это съ особенною осторожностію, чтобы не захватить тѣла или сафьяна. Неловкость или ошибка, въ этомъ случаѣ, ставилась молодому въ большое безчестіе. Разсказываютъ, что, послѣ снятія корсета, у молодой замужней женщины грудь выростаетъ въ двѣ недѣли.

У абадзеховъ и у нѣкоторыхъ шапсугскихъ фамилій дѣвушки не носили корсетовъ; оттого и женщины ихъ болѣе красивы и кокетливы.

Черкескій женскій костюмъ чрезвычайно живописенъ. Поверхъ широкихъ съуженныхъ къ низу шароваровъ, надѣвается длинная бѣлая рубашка изъ *бязи* (бумажнаго холста) или кисеи, разрѣзанная на груди, съ широкими рука-

---

(¹) Воспоминанія кавказскаго офицера. „Русскій Вѣстникъ" 1864 года, № 11 и 12. Этнографическій очеркъ черкескаго народа барона Сталя (рукопись). Племя адиге Т. Макарова „Кавказъ" 1862 г. № 32. Отъ Зауралья до Закавказья Е. Вердеревскаго. „Кавказъ" 1855 г. № 30. Экспедиція въ Хакучи 1865 года. Антонъ Рчоидковскій. 3-й. „Кавказъ" 1867 г. № 99.

вами и съ небольшимъ стоячимъ воротничкомъ. По таліи рубашка стягивается широкимъ поясомъ съ серебряною пряжкою. Сверхъ рубашки надѣвается шелковый бешметъ какого-нибудь яркаго цвѣта. Бешметъ шьется короче колѣна, съ короткими выше локтя рукавами, полуоткрытый на груди и украшенный продолговатыми серебряными или другими металлическими застежками. На ногахъ легкіе красные, сафьяные чевяки, обшитые галуномъ; на головѣ круглая шапочка, съ небольшимъ околышемъ изъ смушекъ, обложенная серебрянымъ галуномъ; верхъ шапочки повитъ бѣлою кисейною чалмою, съ длинными концами, падающими за спину. Изъ-подъ шапочки вьются, всегда распущенные по плечамъ, волосы и придаютъ много прелести костюму и красотѣ дѣвушки (¹).

Черкесы не скрывали своихъ дѣвушекъ; дѣвушки не носили покрывала, бывали въ мужскомъ обществѣ, плясали съ молодыми людьми и ходили свободно по гостямъ; каждый могъ видѣть дѣвушку и прославлять ея красоту. Замужнія женщины были скрыты для посторонняго глаза, въ сокровенныхъ комнатахъ сакли. Выходя изъ своего жилища, женщина должна была закрываться, потому что, по словамъ Магомета, «прелюбодѣяніе глазами преступнѣе прелюбодѣянія дѣйствіями» (²).

Черкесія дѣвушки были очень цѣломудренны, несмотря на предоставленную имъ свободу, и весьма рѣдко впадали въ ошибку. Нравственность черкесскихъ женъ была также довольно строга, но примѣры нарушенія супружеской вѣрности бывали нерѣдки, въ особенности у шапсуговъ, гдѣ женщины необыкновенно хороши. Такъ, несмотря на ревность мужей, невѣрность женъ часто служила поводомъ къ кровавымъ сценамъ; не менѣе того, шапсуги любили волокитство. Еще не такъ давно женщины пользовались у нихъ гораздо большею свободою и каждая должна была имѣть любовника. Это служило вывѣскою достоинства женщины и мужья гордились тѣмъ, что жены ихъ любимы другими мужчинами. Теперь не то: любовь къ постороннему мужчинѣ считается чувствомъ неприличнымъ и надо скрывать ее въ тайнѣ. Но то, что позволялось женщинѣ, то считалось во всѣ времена постыднымъ для дѣвушки, и потому онѣ всегда тщательно сохраняли свое цѣломудріе. Съ раннихъ лѣтъ всѣ мечты дѣвушки были направлены къ одной цѣли: выйти замужъ за безстрашнаго воина и чистою попасть въ его объятія. Малѣйшее увлеченіе со стороны мужчины приводило дѣвушку въ робость, и она съ неудовольствіемъ и страхомъ отталкивала отъ себя соблазнителя.

— Харамъ! (нечисто, запрещено) говорила она. Станешь моимъ мужемъ, все будетъ твое, а теперь ничего не позволю.

(¹) Жена черкеса. „Кавказъ" 1847 г. № 11. О бытѣ, правахъ и обычаяхъ атыхейскихъ племенъ. „Кавказъ" 1849 г. № 36. Воспомин. кавк. офиц. „Рус. Вѣстн." 1864 г. № 12.

(²) Мусульманское право. Торнау. Изд. 1866 г.

Черкесы рѣдко рано выдавали дочерей замужъ, и предоставляли часто имъ право самимъ выбрать жениха. На аульныхъ свадьбахъ дѣвушка могла видѣть молодыхъ людей, которые, въ свою очередь, давали ей замѣтить свою любовь взглядами и выстрѣлами въ честь ея, когда она танцовала; но разговоръ и какія-бы то ни было объясненія съ дѣвушкою не допускались. Черезъ друзей и довѣренныхъ лицъ молодой человѣкъ узнавалъ чувства дѣвушки, и тогда уже сватался. Хотя въ большей части случаевъ родители и не препятствовали дочери выбирать себѣ жениха, но случалось нерѣдко, что, давъ слово одному, способствовали другому, болѣе богатому и знатному, въ похищеніи своей дочери, а дѣвушка, разъ похищенная, становилась женою похитителя. Такая продажа дочерей хотя рѣдко, но случалась у черкесовъ и вызывала, со стороны обиженнаго жениха, кровавыя мщенія.

По основнымъ началамъ гражданскаго и уголовнаго права черкесовъ, невѣста составляла неотъемлемую собственность жениха. Если въ то время, когда невѣста находилась еще въ домѣ родителей, она была похищена другимъ, то женихъ не только былъ въ правѣ преслѣдовать похитителя, но обязанъ мстить ему. Такое оскорбленіе принадлежало къ числу нестерпимыхъ обидъ и, для возстановленія своей чести, женихъ, по обычаю страны, долженъ былъ рѣшаться на самыя крайнія мѣры, чтобы только получить удовлетвореніе. Ссоры подобнаго рода вызывали всегда со стороны обиженнаго ужасныя сцены. Родители, содѣйствовавшіе похищенію, лишались калыма (выкупа за дочь), а невѣста принадлежала, по праву, первому жениху, если похититель не успѣвалъ на ней жениться (¹).

Слѣдующая легенда хорошо рисуетъ характеръ и поступки обиженнаго.

То было давно, очень давно, въ тѣ блаженныя времена, когда черкескія красавицы славились далеко, когда вся страна блистала ими, какъ небо въ темную ночь блистаетъ звѣздами, а наѣздники какъ метеоры, какъ вихрь летали по Черкесіи, оставляя за собою кровавые слѣды.

Какъ луна между звѣздами, блистала прекрасная Гюль, и какъ молнія сверкалъ знаменитый наѣздникъ Кунчукъ, созданный изъ дерзости, удальства и «готовый на хвостѣ чорта переплыть черезъ Азовское море».

Гюль часто засматривалась на удалаго Кунчука, а онъ былъ неравнодушенъ къ прелестной дѣвушкѣ. Сердца ихъ стремились другъ къ другу, и вотъ Кунчукъ, казалось, былъ близокъ къ блаженству, могъ назвать себя счастливѣйшимъ человѣкомъ на свѣтѣ, потому что былъ женихомъ прекрасной Гюль. Онъ мечталъ уже о счастіи скоро назвать ее женою, какъ вдругъ несчастіе обрушилось ему на голову.

Однажды паша Азова былъ въ гостяхъ у сосѣда Кунчука. На праздникѣ этомъ была и прекрасная Гюль. Она поразила пашу своею красотою.

(¹) Учрежденія и народные обычаи шапсуговъ и натухажцевъ Л. Люлье Зап. К. О. И. Р. Г. Об. кн. VII изд. 1866 г.

— Чья она? спросилъ паша.

— Невѣста Кунчука, отвѣчали ему.

— Что стоитъ? спросилъ опять паша.

Покупка турецкими сановниками черкешенокъ была не рѣдкость; плѣннопродавство существовало въ Черкесіи почти до нашихъ дней. Жители сѣверо-восточнаго берега Чернаго моря вели съ доисторическихъ временъ обширную торговлю людьми, и многія греческія колоніи, покрывавшія этотъ берегъ, обязаны были своимъ цвѣтущимъ состояніемъ единственно этой торговлѣ. Гаремы наполнялись черкешенками, торговля которыми, съ основаніемъ турками крѣпостей Анапы и Сухума, еще болѣе усилилась. Вывозъ въ Турцію женщинъ производился въ такомъ большомъ количествѣ, что нѣкоторые приписываютъ черкешенкамъ улучшеніе турецкой породы.

Сцены торговли женщинами ежедневно повторялись на черкескомъ берегу, не смотря на всѣ старанія нашихъ крейсеровъ прекратить эту торговлю. «Не оправдывая черкесовъ въ этомъ дѣлѣ», говоритъ очевидецъ, «я не буду и строго судить ихъ. У мусульманъ дѣвушка, выдаваемая замужъ, равномѣрно продается: отецъ, братъ или ближайшій родственникъ, у котораго она жила въ домѣ, будучи сиротою, берутъ за нее калымъ (плату, выкупъ). Черкесы притомъ-же рѣдко продавали своихъ дочерей, а продавали туркамъ преимущественно рабынь или плѣнницъ, отдавая ихъ въ руки своихъ одновѣрцевъ». Въ этой продажѣ, смотря глазами продаваемыхъ, не было ничего оскорбительнаго ихъ человѣческому достоинству. Проданныя почти всегда первенствовали въ гаремахъ богатыхъ турокъ, а когда на нихъ выпадала несчастная жизнь, то тутъ никто не винилъ продавца, объясняя, что проданной такъ было написано въ книгѣ судебъ. Почти каждая черкешенка, шедшая на продажу, мало горевала, лаская себя надеждою на будущія блага.

— Я здѣсь рабыня, говорила она, а тамъ, сказываютъ, буду непремѣнно госпожей; мнѣ дадутъ хорошія платья, дадутъ денегъ, я стану пересылать ихъ отцу и матери, а если будетъ много денегъ, такъ выкуплю ихъ на волю и перевезу къ себѣ за море.

Послѣ такого понятія туземцевъ о самой унизительной для человѣческаго рода торговлѣ, не удивительно, что паша, свыкшійся съ нравами черкесовъ, могъ спросить, что стоитъ Гюль: онъ зналъ, что за деньги можно купить на выборъ каждую черкешенку. Однако, на этотъ разъ, громкій смѣхъ присутствующихъ былъ отвѣтомъ на послѣдній вопросъ паши. Не оставляя своего намѣренія и плѣненный красотою дѣвушки, паша рѣшился, во чтобы то ни стало, пріобрѣсти красавицу. Часто тамъ, гдѣ не продаютъ явно, торгуютъ тайно: не одинъ возъ бархата, парчи, сукна и всякаго добра перешелъ тайкомъ изъ кладовой паши въ саклю отца Гюли. Она была продана...

Однажды утромъ, когда отецъ нарочно скрылся изъ дому, въ комнату Гюль вошелъ черкесъ.

— Кунчукъ требуетъ скорѣйшаго соединенія, сказалъ онъ ей шопотомъ:

отецъ твой скряга, онъ радъ будетъ, если ты убѣжишь къ жениху и тѣмъ избавишь его отъ издержекъ на свадьбу.

Гюль согласилась и съ нетерпѣніемъ ждала наступленія ночи; но день тянулся ей невыносимо долго. Когда темнота покрыла землю *«сорока покровами, а каждый изъ нихъ былъ чернѣе совѣсти кадія»*, тогда къ терновой оградѣ дома, гдѣ жила красавица, подъѣхало человѣкъ десять всадниковъ. Гюль вышла къ нимъ навстрѣчу и въ одно мгновеніе мчалась уже по степи. Сердце ея билось отъ радости, что скоро увидитъ милаго; но она ошибалась: не Кунчуковы были то посланные, а *ногаи*, подосланные пашею, и съ ними тотъ черкесъ, который утромъ приходилъ обмануть красавицу. Гюль очутилась не въ объятіяхъ Кунчука, а въ ненавистномъ ей гаремѣ паши.

Долго несчастная не могла свыкнуться съ своимъ положеніемъ; едва паша приближался къ ней, какъ она грозила ему кинжаломъ и клялась зарѣзаться, если онъ еще хоть на шагъ подступитъ. Блѣдная какъ смерть, она тосковала и проводила безсонныя ночи. Такъ прошло нѣсколько дней, и тотъ кто былъ виною несчастія молодой красавицы, тотъ сталъ орудіемъ ея освобожденія. Предавшій и обманувшій Гюль черкесъ надѣялся сдѣлаться любимцемъ паши и первымъ богачемъ Азова, но ошибся въ своихъ предположеніяхъ.

— Ты вчера продалъ свою госпожу, сказалъ ему паша, а завтра продашь и меня, если кто посулитъ тебѣ много золота: знаемъ васъ!

Затаивъ злобу, черкесъ остался служить въ стражѣ паши, но съ твердою рѣшимостію отмстить ему; измѣнивши одинъ разъ, ему ничего не стоило измѣнить и въ другой—онъ сталъ теперь сообщникомъ Кунчука.

Бѣдный, опозоренный женихъ бросался изъ стороны въ сторону, искалъ случая возвратить красавицу и жестоко отмстить похитителю. Предложеніе черкеса было принято съ радостію, хотя въ душѣ онъ болѣе чѣмъ презиралъ измѣнника.

«Черныя тучи висѣли надъ Азовомъ; порой вырывалась изъ нихъ пламенная молнія, небо вспыхивало и снова темнѣло; дождь накрапывалъ, громъ грохоталъ глухо. Но городъ тихо засыпалъ; огоньки одинъ за другимъ погасли, и только окликъ часовыхъ на стѣнахъ крѣпости прерывалъ его могильное безмолвіе... Наконецъ и то стихло».

Въ такую ночь, на одной изъ стѣнъ крѣпости стоялъ часовымъ измѣнникъ–черкесъ. Онъ тихо спустилъ въ ровъ лѣстницу и осторожно, какъ змѣя, поползъ къ кучѣ панцырниковъ, притаившихся на землѣ неподалеку отъ крѣпости. Подползшій шепнулъ что-то на ухо Кунчуку — и сто броней заскользили по травѣ такъ тихо, что и сама трава не слышала шелеста и звука кольчугъ.

Изрубить стражу, разбить двери гарема и поджечь со всѣхъ сторонъ городъ было дѣломъ одного мгновенія для отважной шайки удалыхъ — и пре-

красная Гюль очутилась въ объятіяхъ Кунчука. Храброму джигиту было недостаточно, что онъ успѣлъ отнять и возвратить свою невѣсту: сердце его пылало мщеніемъ, и притомъ самымъ жестокимъ. Передавъ свою невѣсту въ надежныя руки товарищей, Кунчукъ, въ сопровожденіи измѣнника-черкеса, пошелъ отыскивать пашу, чтобы отмстить за безчестіе.

— А, жирный песъ! съ яростію закричалъ Кунчукъ, увидавъ пашу; ты не умѣлъ цѣнить моей дружбы, такъ умѣй почувствовать злобу мою.

Кунчукъ обнажилъ саблю.

— Мы съ тобою еще успѣемъ раздѣлаться, но прежде мнѣ надо отдать долгъ за дружбу этому измѣннику, сказалъ паша, указывая пистолетомъ на черкеса.

Выстрѣлъ грянулъ, и проводникъ Кунчука покатился...

— Вотъ награда ему за услуги, проговорилъ паша, а теперь твоя очередь.

Другой пистолетъ блеснулъ въ его рукѣ, но было уже поздно: сабля Кунчука тяжело опустилась надъ черепомъ паши, и, раздвоенный, онъ повалился къ ногамъ мстителя.

Азовъ пылалъ; въ подожженомъ городѣ кипѣла тревога. Партія Кунчука захвативъ невѣсту, плѣнницъ гарема и богатую добычу, спустилась по лѣстницамъ изъ крѣпости и скрылась въ степи. Одинъ Кунчукъ, оставшись на курганѣ, долго любовался дѣломъ своей мести, съ наслажденіемъ смотрѣлъ, какъ огненные языки огромнаго пламени лизали ненавистный ему Азовъ; но и онъ скоро оставилъ курганъ и присоединился къ своей семьѣ отважныхъ удальцовъ.

Достигнувъ береговъ Кубани, партія расположилась отдыхать. Наѣздники стреножили лошадей, построили два шалаша, одинъ для красавицы, другой для Кунчука, и старались веселостію превзойти другъ друга. Ночь прошла тихо и спокойно. На утро черкесы увидѣли за собою погоню, и только тогда, когда она была уже очень близко. Отдыхавшіе не успѣли собраться; погоня настигла и черкесы падали подъ ударами непріятельскихъ шашекъ. Кунчукъ отправилъ невѣсту и плѣнницъ къ переправѣ, но она была отрѣзана и занята непріятелемъ. — Переколовъ своихъ лошадей и сдѣлавши изъ нихъ завалы, черкесы дрались отчаянно, однако ряды ихъ рѣдѣли, число уменьшалось. Кунчукъ уговаривалъ прекрасную Гюль отдаться въ руки непріятеля; но она не соглашалась. Тогда отчаянный любовникъ охватилъ одною рукою ея станъ, другою, управляя страшною саблею, бросился, сквозь толпу враговъ, къ берегу Кубани. Пораженный смѣлостью наѣздника, непріятель разступился; Кунчукъ уже на берегу... но берегъ высокъ, внизу кипятъ бурныя волны глубокой рѣки, а сзади мечи неистовыхъ враговъ—значитъ смерть или плѣнъ—и онъ съ разбѣга бросился съ обрыва. Волны съ шумомъ разступились и, скрывъ на всегда подъ собою двухъ любовниковъ, бурно пѣнясь и клокоча, потекли обычнымъ путемъ...

Съ тѣхъ поръ крутой мысъ, видный съ восточной батареи Павловскаго

поста, въ верстахъ пяти отъ него, вверхъ по Кубани, черкесы называютъ *Кунчуковъ спускъ* (1).

Мщеніе, въ подобныхъ случаяхъ, не разбирало ни родства, ни дружбы; оскорбленный женихъ не щадилъ ни брата, ни дяди, и только тогда смывалъ съ себя пятно безчестія, когда укладывалъ на мѣстѣ своего обидчика. Въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія была памятна многимъ подобная вражда между двумя двоюродными братьями Хамурзиными, кабардинскими князьями. Адель-Гирей и Асланъ-Гирей, такъ звали двухъ братьевъ Хамурзиныхъ, поселились на Урупѣ. Между ними съ самаго малолѣтства возникло соперничество. Асланъ-Гирей былъ уменъ, пользовался отличною военною славою, но извѣстенъ былъ какъ человѣкъ злой и мстительный. Адель-Гирей, имѣя менѣе ума, затемнялъ своего противника добротою и рѣдкою красотою лица. Около этого же времени появилась на Лабѣ извѣстная красавица Гуаша-Фуджа (бѣлая княгиня), сестра бесленѣевскаго князя Айтеки Канукова. Оба брата почти одновременно домогались руки Гуаши-Фуджи, которой нравился Адель-Гирей. Но такъ какъ Асланъ-Гирей былъ богаче, пользовался значеніемъ у русскихъ, вліяніемъ на черкесовъ и никому не прощалъ нанесенной ему обиды, то находили опаснымъ явно отказать ему. Поэтому, не оскорбляя Асланъ-Гирея, Кануковъ обѣщалъ выдать за него сестру, съ условіемъ, *если она будетъ на то согласна*, а Адель-Гирею способствовалъ увезти ее, какъ бы силою или обманомъ, въ чемъ приняли участіе всѣ кабардинцы, не любившіе Асланъ-Гирея. Послѣдній, узнавъ объ этомъ происшествіи, поклялся, что братъ его не долго будетъ пользоваться своимъ счастіемъ. Преслѣдуя его вездѣ, пока друзья, по черкескому обычаю, старались примирить ихъ посредствомъ шаріата, Асланъ-Гирей отыскалъ Адель-Гирея, напалъ на него и ранилъ выстрѣломъ изъ ружья. Послѣдній, обороняясь, ранилъ, въ свою очередь, Асланъ-Гирея; случившіеся при этомъ кабардинцы розняли ихъ прежде, чѣмъ дѣло дошло до убійства. Асланъ-Гирей не хотѣлъ и слышать о примиреніи и сталъ мстить всѣмъ тѣмъ, кто содѣйствовалъ похищенію Гуаши-Фуджи. На Урупѣ образовались двѣ партіи, враждебныя другъ другу, и грабежи съ убійствами стали дѣломъ ежедневнымъ. Преслѣдуемый повсюду, Адель-Гирей, вмѣстѣ съ женою, бѣжалъ изъ-за Кубани въ Чечню, за Терекъ. Тогда Асланъ-Гирей, въ отмщеніе Адель-Гирею, убилъ его отца, а своего роднаго дядю, и самъ бѣжалъ къ абадзехамъ. Такъ кончилась эта кровавая вражда двухъ братьевъ.

Не смотря на всѣ ужасы подобныхъ сценъ, похищенія невѣстъ у черкесовъ были весьма часты, и бракъ съ похищеніемъ невѣсты предпочитался обыкновенному браку.

---

(1) Наѣздъ Кунчука, Султанъ-ханъ-Гирея. „Кавказъ“ 1846 г. № 37 и 38. Воспом. кавказскаго офицера „Русскій Вѣст.“ 1864 г. № 11. О политическомъ устройствѣ черкескихъ племенъ Н. Карлгофа. „Русскій Вѣст.“ 1860 г. № 16.

— Отъ не похищеннаго мяса, говорятъ черкесы, у волка дѣлается оскомина.

Сутки, проведенныя дѣвушкою въ домѣ похитителя, дѣлали ее законною женою. Тогда никто не въ правѣ былъ отнять ее и дѣло обыкновенно кончалось третейскимъ судомъ, который назначалъ калымъ (выкупъ), слѣдуемый въ уплату семейству. Плата назначалась соразмѣрно достатку жениха, и потому очень часто бывала меньше той, которую ему пришлось-бы заплатить, если бы онъ вздумалъ жениться путемъ обыкновеннаго сватовства.

Черкесы рѣшались на похищеніе еще и потому, что этимъ поступкомъ они освобождались, какъ ниже увидимъ, отъ издержекъ по свадьбѣ и отъ тягостныхъ церемоній во время сватовства. Надо прибавить еще и то понятіе, которое существовало въ народѣ относительно похищенія. Похитить невѣсту считалось дѣломъ молодецкимъ, такимъ, которое заслуживаетъ одобренія и подражанія. Кто не хищничалъ, тотъ не пользовался уваженіемъ въ народѣ, молодежь его преслѣдовала насмѣшками, *а женщины его презирали.* Черкешенки любили славу и доблесть: молодость мужчины, его красота и богатство—это такія качества, которыя ровно ничего не значили въ глазахъ дѣвушки, если съ ними не соединялись храбрость, краснорѣчіе и громкое имя. Дѣвушка, не задумываясь, предпочитала сѣдаго удальца юношѣ богатому и красивому. Другое условіе, чѣмъ руководилась дѣвушка при выборѣ жениха, было равенство происхожденія. Нигдѣ такъ строго не слѣдили за чистотою происхожденія, какъ между черкесами. Они были чрезвычайно разборчивы въ этомъ отношеніи, и такъ далеко заходили въ своихъ понятіяхъ о чистотѣ происхожденія, что княжеское званіе сохранялъ только тотъ, кто родился отъ брака князя на княжнѣ. — Рѣдкая дѣвушка согласилась бы выйти, а еще болѣе рѣдкіе родители выдать свою дочь за человѣка, не равнаго ей по древности рода. Исключеніемъ могли быть только слава жениха и его громкое имя. Разскажу легенду, относящуюся къ выбору жениха.

Давно то было, когда, въ горахъ и среди непроходимыхъ лѣсовъ, жилъ кабардинскій князь Джанъ-Кличъ-Улудай. Денегъ у него было что у солнца Ирана (персидскаго шаха?); рабовъ столько, сколько звѣздъ на небѣ. Самъ князь богатырь былъ, уносилъ съ чужаго двора быка на плечахъ, а идетъ по лѣсу—дубы передъ нимъ какъ тростники валятся. Однѣ разъ вражій аулъ дани не внесъ: разсердился князь, свалилъ гору и задавилъ непокорныхъ. Казалось бы, чего не доставало князю, а онъ часто задумывался, хмурилъ брови, словно двѣ громовыя тучи.

Кручинится князь, что нѣтъ ему равнаго, что нѣтъ жениха для дочери-невѣсты, Шекюръ-Ханумъ, такой красавицы, которая могла бы быть жемчужиной среди райскихъ гурій.

Наконецъ Улудай собралъ къ себѣ своихъ узденей (дворянъ).

— Объявите, сказалъ онъ имъ, всему міру, отъ Дербента до Анапы, что

лишь тотъ назовется моимъ зятемъ, кто совершитъ такое дѣло, какого въ горахъ еще никто не совершалъ.

Съ тѣхъ поръ удалые князья, видѣвшіе Шекюръ-Ханумъ, не ѣли, не пили и не спали, а только мечтали о томъ, какъ бы оказать такую храбрость, чтобы стать достойнымъ красавицы, чтобы слава о подвигѣ, достигнувъ до ушей ея, проникла въ самое сердце, а это у женщинъ лучшій и прямой путь къ любви.

Прошелъ мѣсяцъ, прошелъ и другой; на дворъ къ Джанъ-Кличу прискакалъ витязь, закованный весь въ броню. По обычаю, уздени князя встрѣтили гостя, приняли лошадь, оружіе и отвели его въ кунахскую.

— Селямъ-алейкюмъ! (Благословеніе Господне надъ тобою) проговорилъ гость, наклонивъ голову и приложивъ руку къ сердцу.

— Алейкюмъ-селямъ! (Да будетъ благословеніе и надъ тобой) отвѣчалъ гордый хозяинъ, не вставая съ мѣста.

— Я Джембулатовъ, объявилъ пріѣзжій.

— Добро пожаловать! Имя знакомое... слыхалъ объ удальствѣ—садись.

— Цѣлому міру извѣстно, началъ опять гость, какого жениха ты хочешь для дочери. Ты зналъ моего отца: отъ Дербента до Анапы не было человѣка храбрѣе, сильнѣе и выше его. Когда, бывало, поднимется во весь ростъ, то луна задѣваетъ за макушку его головы.

— Правда, отвѣчалъ Джанъ-Кличъ—великъ былъ твой отецъ: самъ его видѣлъ и старики говорятъ, что горы ему по плечи; но когда мой отецъ выпрямлялся, то твой проходилъ подъ его ногами...

— Пожалуй, перебилъ его гость, не будемъ считаться отцами; скажу я лучше о себѣ. Собравъ пять тысячъ панцырниковъ, скакалъ я съ ними до Дона, разграбилъ русскія села и отогналъ пять тысячъ коней. Они тамъ на долинѣ, возьми ихъ въ калымъ за дочь; я сдѣлалъ то, чего никто еще не дѣлалъ на свѣтѣ, отъ Дербента до Анапы.

— Ты сдѣлалъ славное дѣло: но Кунчукъ сдѣлалъ больше тебя: со ста панцырниками онъ ворвался въ Анапу, убилъ пашу, сжегъ городъ, освободилъ свою невѣсту и ускакалъ обратно. Будь моимъ гостемъ, но мужемъ моей дочери не будешь.

На слѣдующій день является новый гость и претендентъ.

— Переплылъ я черезъ Терекъ одинъ, безъ товарищей, началъ пришедшій; ночью прокрался мимо караульныхъ въ станицу, перекололъ сонныхъ двадцать человѣкъ, отрѣзалъ у нихъ правыя руки, зажегъ станицу, вышелъ, никѣмъ непримѣченный въ общей суматохѣ, а тебѣ принесъ двадцать рукъ—вотъ они, перечти!.. Я сдѣлалъ то, чего никто не дѣлалъ—отдай мнѣ дочь свою.

— Видѣлъ я пожаръ станицы, отвѣчалъ Джанъ, и слышалъ, что ты это сдѣлалъ, но Хевсуръ Аната-Швили сдѣлалъ больше тебя. Изъ мести за смерть своего отца, онъ днемъ пришелъ въ кистинскій аулъ, въ домъ старшины, окруженнаго семействомъ; на вопросъ: зачѣмъ явился? Аната отвѣчалъ: за твоею

головой, въ отмщеніе за смерть отца. Старшина захохоталъ, но Аната однимъ взмахомъ кинжала снялъ его голову, схватилъ ее, пробился къ выходу изъ сакли, прошелъ аулъ сквозь толпу кистиновъ, поражая на смерть всѣхъ встрѣчныхъ, убилъ тридцать человѣкъ, скрылся въ горы и, весь израненный, истекъ кровью на порогѣ родной сакли, принеся домой голову убійцы отца своего... Будь моимъ гостемъ, но мужемъ моей дочери—не будешь...

Много являлось молодыхъ князей разсказать свои подвиги Джанъ-Кличу, но не было между ними ни одного достойнаго руки прелестной Шекюръ-Ханумъ.

Однажды Джанъ-Кличъ отпустилъ всѣхъ своихъ уздоней (дворянъ) и нукеровъ (служителей) на хищничество за Терекъ, и только самъ одинъ остался въ домѣ. Дверь въ кунахской неожиданно скрипнула; Джанъ-Кличъ обернулся—передъ нимъ стоялъ статный молодецъ.

— Добро пожаловать, что нужно? спросилъ онъ незнакомца.

— Пришелъ за твоею дочерью, отвѣчалъ тотъ.

— Ого, какой молодецъ! А знаешь-ли, что сотни славнѣйшихъ молодцовъ и удальцовъ всего свѣта напрасно домогались этой чести и никто не могъ получить!

— Знаю и смѣюсь надъ ними! —А я получу то, за чѣмъ пришелъ.

— Право?.. Что же ты сдѣлалъ такого, что бы давало тебѣ право быть счастливѣе сотни твоихъ предшественниковъ?

— Пока ничего, а сдѣлаю...

— Когда сдѣлаешь, тогда и приходи.

— Не гони! увидишь, что сдѣлаю; но прежде ты скажи: самъ-то ты храбръ-ли, силенъ-ли?

— Слава Аллаху! отвѣчалъ Джанъ съ достоинствомъ: въ нашей фамиліи еще не было труса и имени Улудая боятся отъ Дербента до Анапы! А силенъ-ли я?.. Вотъ дѣдовскіе панцыри, подыми, если можешь... Я ношу ихъ на себѣ...

— О, да! ты храбръ и силенъ! ни тебя, ни предковъ твоихъ никто еще не побѣждалъ?...

— И не будетъ такого счастливца, отвѣчалъ съ самодовольствомъ Джанъ-Кличъ.

— Правда-ли?..

Вдругъ незнакомецъ вскочилъ, выхватилъ кинжалъ и приставилъ его къ груди Улудая.

— Слушай, сказалъ онъ ему: сопротивленіе напрасно, ты одинъ, а у меня—посмотри въ потолокъ—двѣнадцать нукеровъ цѣлятъ въ тебя.

Взглянулъ Улудай вверхъ и видитъ двѣнадцать дулъ, направленныхъ въ него сквозь крышу сакли.

— Я могу сдѣлать то, продолжалъ незнакомецъ, чего еще никто никогда не дѣлалъ: могу убить одного изъ Улудаевъ, убить тебя... Хочешь, сдѣлаю?

— Нѣтъ, не хочу.

— Но ты согласенъ, что могу сдѣлать то, чего еще никто не сдѣлалъ.

— Совершенно согласенъ.

— И такъ я исполнилъ условіе, по которому могу жениться на твоей дочери.

— Исполнилъ, и я исполню данное мною слово; но это еще не все.

— А что еще?

— Чтобы сдѣлаться мужемъ моей дочери, надо исполнить то, что она потребуетъ.

— Какъ такъ? объ этомъ не было объявлено.

— Нѣтъ, извини, условіе записано въ коранѣ андреевскаго эфендія Сулеймана.

Дѣлать было нечего; претендентъ, вмѣстѣ съ отцомъ, отправились къ красавицѣ. Прекрасная Шекюръ-Ханумъ сидѣла въ своей половинѣ на парчевыхъ подушкахъ, окруженная старухами. Красавица привѣтливо встрѣтила молодаго и статнаго князя.

— Мнѣ легко угодить, сказала она сладкимъ голосомъ, и съ лукавою улыбкою устремила на него свои взоры.

Князь отвѣчалъ, что готовъ для нея исполнить даже самое трудное дѣло.

— Сдѣлай самую обыкновенную вещь, сказала красавица. Если ты назовешь и сдѣлаешь сто дѣлъ и не отгадаешь задуманнаго мною и извѣстнаго этимъ тремъ старухамъ, то я не буду твоею женою.

— Изволь... я совершу намазъ.

— Разъ! провозгласили старухи и черкнули углемъ на стѣнѣ.

— Сдѣлаю пять омовеній.

— Два! просчитали старухи.

— Пообѣдаю.

— Три!

— Украду лошадь съ конюшни сосѣда.

— Четыре!

Сколько ни называлъ князь, но угадать не могъ, и дѣло самое обыкновенное не было названо.

— Ступай, подумай, сказала княжна, а то скоро будетъ то, что и ты потеряешь право на мнѣ жениться.

Опечаленный, вышелъ князь изъ сакли невѣсты. Смеркалось; можно было ожидать скораго возвращенія узденей и нукеровъ Джанъ-Клича, и тогда, конечно, женихъ сдѣлался бы жертвой своего наглаго поступка.

Князь торопился опять въ саклю невѣсты, говорилъ ей самыя обыкновенныя вещи, дошелъ до девяносто-девяти и не угадалъ. Положеніе становилось крайне затруднительнымъ. Какъ бѣшеный, выбѣжалъ молодой князь изъ сакли невѣсты: голова его горѣла, холодный потъ обдавалъ все тѣло, члены дрожали.

На дворѣ онъ слышитъ топотъ, видитъ чернѣющихъ вдали узденей Джанъ-Клича: смерть неизбѣжна.

— Я погибъ и храбрые товарищи! кричалъ онъ; пусть и она погибнетъ отъ моего кинжала — не доставайся никому! Князь съ гнѣвомъ бросился къ саклѣ, но въ это время изъ за угла показалась старуха: она не удержала на языкѣ тайны, подозвала къ себѣ князя, шепнула ему на ухо и сама поспѣшно скрылась.

Тотъ вбѣжалъ въ саклю Шекюръ-Ханумъ и, взволнованый, не могъ выговорить роковаго слова, а только показалъ на конецъ кинжала и баранью шкурку, которою обтягивается грудь черкешенокъ.

— Я твоя! радостно вскрикнула княгиня и протянула ему обѣ руки.

— Будь остороженъ, не порань груди въ первый день брака, сказалъ Улудай... (¹).

Бракъ у мусульманъ бываетъ трехъ родовъ: постоянный, временный и бракъ съ невольницею. Постояннымъ бракомъ каждый мусульманинъ можетъ сочетаться съ четырмя женами. Временный бракъ допускается только у мусульманъ-шіитовъ и можетъ быть заключенъ на нѣсколько лѣтъ или на извѣстное число сближеній мужчины съ женщиною. Бракъ съ невольницами разрѣшается только тѣмъ мужчинамъ, которые, по своей бѣдности, не могутъ содержать жены свободнаго происхожденія.

Хотя многоженство и допускается магометанскимъ закономъ, но черкесы-магометане и тѣ, которые исповѣдуютъ особую свою религію и установили у себя правило допускающее многоженство, рѣдко пользовались этимъ правомъ. По большей части каждый имѣлъ только одну жену. Причина тому, во-первыхъ, бѣдность и неимѣніе средствъ на содержаніе нѣсколькихъ женъ, а во-вторыхъ, ревность женъ и безпорядки отъ того въ семействѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда черкесъ обзаводился нѣсколькими женами, онъ обязанъ былъ дать каждой изъ нихъ отдѣльную саклю и особую прислугу, что совершенно согласно и съ постановленіями ислама. Но и это на всегда удерживало прекрасный полъ отъ семейныхъ ссоръ и дрязгъ. Жены, не смотря на отдѣльныя жилища, не въ состояніи были поладить между собою, и старшая жена, при малѣйшемъ предпочтеніи оказанномъ второй женѣ, напримѣръ при неравномѣрной покупкѣ нарядовъ, дѣлала много непріятностей и безпорядковъ въ домѣ. Считая себя обиженной, первая жена призывала на помощь своихъ родныхъ. Начинались разбирательства и иногда дѣло доходило до того, что мужъ или разводился съ первою женою, или долженъ былъ отослать вторую домой. Всѣ эти причины заставляли черкеса отказываться отъ удовольствія имѣть нѣсколько женъ.

До вступленія въ бракъ, мужчина собиралъ свѣдѣнія о невѣстѣ черезъ своихъ родственницъ. Онъ разузнавалъ о физическомъ состояніи невѣсты, о

(¹) Чеченская сказка „Кавказъ“ 1819 г. № 17. Авторъ назвалъ свой разсказъ чеченскою сказкою потому только, что ему раскасывалъ чеченецъ. По своему же содержанію, она принадлежитъ къ быту черкесовъ.

ея дѣвственности, объ исполненіи ею обрядовъ мусульманской вѣры и способности имѣть дѣтей. По мусульманскому праву, между прочими качествами женщины, съ которою дозволено сочетаться бракомъ, требуется еще *велудъ*—способность имѣть дѣтей. На основаніи корана, женщина, не могущая имѣть дѣтей по старости лѣтъ, не должна выходить замужъ (¹). По тому-же праву, бракъ считается дѣйствіемъ гражданскимъ, договоромъ обоюднаго согласія и, предварительно вступленія въ бракъ, требуется исполненіе обряда сватовства, гдѣ, черезъ повѣренныхъ съ обѣихъ сторонъ, изъявляется взаимное согласіе на вступленіе въ бракъ. Согласіе обозначается часто присылкою особаго подарка. Въ свою очередь, женихъ—въ прежнее время, когда черкесы носили панцыри и кольчуги—присылалъ панцырь въ подарокъ родителямъ невѣсты.

По коренпымъ законамъ Магомета, женщина, достигшая совершеннолѣтія, сама изъявляетъ свое согласіе на бракъ. Въ случаѣ малолѣтства невѣсты, изъявленіе согласія предоставляется опекуну, причемъ женщина, съ достиженіемъ совершеннолѣтія и при нежеланіи оставаться замужемъ, можетъ просить о разводѣ. Послѣдующіе толкователи корана, для уменьшенія числа подобныхъ разводовъ, постановили различіе между опекунами. По ихъ толкованію, согласіе, данное естественнымъ опекуномъ (отцемъ или дѣдомъ), считается непреложнымъ, и такая женщина не можетъ просить о разводѣ; прочимъ же опекунамъ предоставлено давать условное согласіе на вступленіе въ бракъ несовершеннолѣтней дѣвушки.

Сватовство съ колыбели хотя весьма рѣдко, но случалось и у черкесовъ; обыкновенно вскорѣ послѣ рожденія дочери, друзья условливались, что когда у одного выростетъ сынъ, а у другаго дочь достигнетъ совершеннолѣтія, то сочетать ихъ бракомъ. Проходило время; молодые люди, обрученные словами родителей, подростали, не подозрѣвая, что судьба ихъ рѣшена. Съ наступленіемъ мальчику 17, а дѣвушкѣ 16 лѣтъ, имъ объявляли о скоромъ счастіи ихъ ожидающемъ, и несчастные, часто не видавшіе другъ друга, исполняли волю своихъ родителей.

У православныхъ черкесовъ, въ настоящее время, сватовство происходитъ между родителями, а, за неимѣніемъ ихъ, близкіе родственники отправляютъ къ отцу невѣсты двухъ стариковъ, а къ матери невѣсты старухъ, которыя и дѣлаютъ предложенія. Въ случаѣ согласія, назначается день, когда родственники жениха должны принести подарки въ домъ невѣсты. Въ этотъ день, преимущественно вечеромъ, въ домѣ невѣсты собираются одни мужчины. Поздравивъ старика-отца невѣсты и пожелавъ молодымъ счастія въ супружеской жизни, гости садятся за столъ. Родственники жениха приносятъ вино и подарки: нѣсколько перстней для невѣсты и матерія на платье; все это передается ея матери. Послѣ этой церемоніи накрываютъ столъ, приносятъ закуску и начинается угощеніе, среди котораго льются съ избыткомъ все-

(¹) Мусульманское право Торнау; изд. 1866 года.

возможныя пожеланія жениху и невѣстѣ. Послѣдняя на такомъ вечерѣ не присутствуетъ; ее уводятъ изъ дому къ одной изъ родственницъ.

У остальныхъ черкесовъ, неправославныхъ и немагометанъ, сватовство состояло въ отправленіи въ домъ невѣсты, съ однимъ изъ родственниковъ или пріятелей, коня, котораго сватающійся поручалъ отдать отцу, брату или кому нибудь изъ семейства невѣсты. Конь оставался, если предложеніе принималось, а въ противномъ случаѣ его отсылали обратно приславшему. Подарокъ этотъ назывался *эужэ* и, по принятіи его родителями невѣсты, дѣвушка принадлежала уже жениху.

Послѣ сватовства, спустя нѣкоторое время, происходили смотрины и обрученіе. Въ назначенный день женихъ являлся въ домъ невѣсты и проводилъ время среди пиршества, сопровождаемаго обильнымъ количестомъ яствъ, вина, пляской и пѣніемъ. Съ наступленіемъ вечера, подруги наряжали невѣсту, выводили ее къ пирующимъ и ставили противъ жениха. Присутствующіе медленно подвигали невѣсту къ жениху, и когда они достаточно приближались другъ къ другу, тогда гасили огонь въ комнатѣ и соединяли ихъ руки. Въ этомъ, собственно, и состоялъ обрядъ обрученія, при которомъ родители невѣсты не присутствовали.

Послѣ обрученія женихъ приглашалъ къ себѣ родителей невѣсты для того, чтобы условиться о *калымѣ*, т. е. выкупѣ, платимомъ обыкновенно женихомъ родителямъ невѣсты. Иногда же, для заключенія условій о калымѣ, женихъ отправлялъ въ домъ своей невѣсты брата съ многочисленными друзьями, гдѣ они и проводили нѣсколько сутокъ до окончательной сдѣлки, при чемъ представители, со стороны жениха, каждый что нибудь платилъ за него. Въ продолженіе всего этого времени не было шутокъ удалыхъ и веселыхъ, которымъ бы не подвергали пріѣхавшихъ къ невѣстѣ. Всякую ночь молодежь собиралась въ домъ и проводила ее среди шума, игръ и шалостей, продолжавшихся до разсвѣта.

Въ старину, у черкесовъ, относительно калыма, существовалъ прекрасный обычай: человѣкъ, желавшій вступить въ бракъ, но не имѣвшій средствъ заплатить калымъ, собиралъ въ свой домъ какъ можно болѣе мужчинъ и объявлялъ имъ свое желаніе жениться; тогда каждый изъ гостей дѣлалъ ему подарокъ по своему состоянію.

Прежнее время, *калымъ* или *гебенъ-хакъ* былъ чрезвычайно высокъ. Плата за княжну обыкновенно состояла въ лучшемъ панцырѣ, стоившемъ двухъ рабынь; другой панцырь стоилъ одной рабыни; налокотники — одной рабыни, другіе налокотники и шишакъ — одной рабыни; шашка одной рабыни, еще шашка похуже; пять лошадей, изъ которыхъ одна должна стоить рабыни, а остальныя безъ оцѣнки, но предоставлялись на выборъ родныхъ невѣсты. Вмѣсто вооруженія, если его не было, дозволялось платить рабынями. За дочь узденя (дворянина) платилось отъ 800 до 1,200 рублей, за крестьянку отъ 200 до 300 рублей. Съ теченіемъ времени калымъ значительно умень-

вился: за княжну платится теперь 500 рублей, за вдову 300 рублей. У узденей первой степени за дѣвицу платится 350 рублей, за вдову 200, а у прочихъ узденей за дѣвицу 220 рублей, за вдову—150 рублей, а за *черныхъ дѣвокъ* 160 рублей. У вольныхъ черкесовъ за дѣвицу 150 рублей, за вдову 100. У шапсуговъ и у натухажцевъ калымъ состоялъ: за дочь князя отъ 50 до 60 сха, а сха равняется отъ 60 до 80 быковъ; за дочь дворянина 30 сха, за дочь простолюдина 25 сха. Плата эта поступала къ отцу, брату или дядѣ невѣсты, а если у послѣдней не было вовсе родныхъ, тогда можно было жениться и безъ платы калыма. У тѣхъ поколѣній черкескаго народа, гдѣ не было такого сословнаго дѣленія, и гдѣ общественное благосостояніе было на весьма низкой степени развитія, калымъ уплачивался мальчиками или дѣвочками: за княжну отъ трехъ до восьми мальчиковъ или дѣвочекъ, а за простолюдинку отъ одного до двухъ дѣтей. Дѣти эти пріобрѣтались покупкою, преимущественно изъ дѣтей-рабовъ или захваченныхъ въ плѣнъ, и, за неимѣніемъ ихъ, часто замѣнялись соотвѣтственнымъ числомъ рогатаго или другаго скота (1).

Часть калыма выплачивалась или сразу, или въ извѣстные промежутки времени, а другая часть поступала въ *мехръ* невѣсты, ея собственность, которую она получала послѣ брака, въ видѣ приданаго. Мехръ составляетъ собственность замужней женщины и даже не засчитывается въ наслѣдство, которое ей слѣдуетъ, въ случаѣ смерти мужа. Послѣ развода, если мужъ снова пожелаетъ вступить въ бракъ съ тою же женщиною, онъ долженъ былъ назначить ей новый мехръ и соблюсти извѣстныя условія, о которыхъ упоминается въ постановленіяхъ пророка. Отказаться отъ невѣсты безъ причины значило нанести оскорбленіе ей самой и ея семейству. При этомъ часть калыма, выплаченная женихомъ, не возвращалась и, кромѣ того, онъ долженъ былъ къ выплаченной части дополнить столько, чтобы составилась половина условленнаго калыма.

Собственно духовная сторона обряда бракосочетанія у черкесовъ-магометанъ заключалась въ томъ, что, послѣ взаимнаго согласія на бракъ, брачущіеся, по мусульманскому закону, должны были совершить предварительно два *рук'эта намаза*, съ произнесеніемъ особой молитвы. Кадій читалъ словесное объявленіе согласія и потомъ молитву.

— Слава тому Богу, произносилъ онъ, который дозволилъ бракъ и воспретилъ всѣ преступныя по прелюбодѣяніямъ дѣйствія. Да восхвалятъ небесныя и земныя существа Магомета!

Затѣмъ кадій составлялъ письменный брачный актъ, гдѣ точно обознача-

---

(1) О кавказской линіи и проч. Дебу.—Зубовъ. Картины Кавказскаго края ч. III. Племя адиге Т. Макарова „Кавказъ" 1862 г. № 31. Этнографичес. очеркъ черкесскаго народа барона Сталя (рукопись). Закубанскій край въ 1864 году; Н. Невскій. „Кавказъ" 1868 г. № 98. Свадьба у православныхъ черкесовъ. Д. Плтинъ. „Кавказъ" 1868 г. № 111 Учрежденіе и народные обычаи шапсуговъ и натухажцевъ Л. Люлье. Зап. Кавк. отд. Им. русск. географ. общ. кн. VII изд. 1866 г.

лось количество *мехра* и прочихъ обязательствъ, принимаемыхъ мужемъ на себя. Актъ этотъ, подписанный свидѣтелями (не менѣе двухъ) мужескаго пола, служилъ неоспоримымъ доказательствомъ совершенія брака. Въ концѣ обряда кадій провозглашалъ: *да поможетъ Богъ!* и читалъ первую *суре* (главу) изъ корана.

Въ этихъ дѣйствіяхъ и заключался весь религіозный обрядъ мусульманскаго бракосочетанія. Тамъ, гдѣ не было кадія, каждое постороннее лицо могло составить актъ и прочесть словесное объявленіе согласія. При двухъ свидѣтеляхъ даже можно было обойтись и вовсе безъ письменнаго акта.

Между князьями черкескаго народа, въ прежнее время, существовалъ обычай, по которому князь до свадьбы отдавалъ свою невѣсту одному изъ почетнѣйшихъ лицъ, изъ числа своихъ подвластныхъ, у котораго она и жила не рѣдко въ теченіе цѣлаго года. Обычай этотъ, введенный съ древнѣйшихъ временъ, имѣлъ въ то время глубокое значеніе. Въ тогдашнія времена, князья одного и того же племени были всѣ между собою въ близкомъ родствѣ и, по необходимости, должны были искать себѣ женъ у сосѣднихъ, часто отдаленныхъ народовъ, различавшихся обычаями и нравами. Въ странѣ, какъ напримѣръ Кабарда, гдѣ въ былое время князь считался блюстителемъ обычаевъ и чистоты нравовъ, появленіе молодой дѣвушки могло подать поводъ къ разнымъ толкамъ, и притомъ молодая княгиня, какъ иноземка, не знающая обычаевъ и условій быта племени, могла навлечь на себя упреки, со стороны народа, за несоблюденіе его коренныхъ обычаевъ. Для ознакомленія съ ними своей невѣсты, князь избиралъ, для временнаго жительства своей будущей жены, домъ почтеннаго и отличающагося своими нравственными достоинствами человѣка, въ семействѣ котораго, она и пріучалась къ семейнымъ и общественнымъ особенностямъ народа.

Воспитатель, принявъ къ себѣ молодую княжну, кормилъ ее, богато одѣвалъ, задавалъ безпрестанные пиры и, при передачѣ ее мужу, одаривалъ. Не смотря на всѣ эти хлопоты и расходы, охотниковъ на подобное воспитаніе было очень много: во-первыхъ потому, что оно считалось всегда величайшею честію, во-вторыхъ потому, что доставляло воспитателю связи наравнѣ съ кровнымъ родствомъ. Кромѣ того, князь, при пріемѣ жены, всегда вознаграждалъ воспитателя подарками за понесенные имъ расходы. Такіе воспитатели, вообще у черкесовъ, были извѣстны подъ именемъ *тей-шаришэ*, т. е. кума.

Тей-шаришэ былъ и у остальныхъ сословій черкескаго народа, съ тою только разницею, что пребываніе у него молодой не было столь продолжительно.

Такимъ образомъ каждый черкесъ женился внѣ своего дома; онъ привозилъ невѣсту въ домъ уважаемаго человѣка и тамъ совершалось бракосочетаніе.

Въ день свадьбы ватага молодежи отправлялась вмѣстѣ съ женихомъ за невѣстою и иначе не могли получить ее, какъ одинъ изъ числа пріѣхавшихъ

долженъ былъ, войдя въ тотъ домъ, гдѣ находилась невѣста, дотронуться до ея платья, до чего находящаяся при невѣстѣ толпа женщинъ старалась не допускать его, въ чемъ не рѣдко и успѣвала. Во избѣжаніе такой борьбы пріѣхавшіе дѣлали весьма часто подарки пожилымъ женщинамъ, располагавшимъ церемоніею, и послѣ того получали невѣсту безпрепятственно. Этотъ обычай носилъ названіе *вывода невѣсты*.

Если домъ, назначенный для первоначальнаго помѣщенія невѣсты, находился въ другомъ аулѣ, то ее сажали на арбу, запряженную парою коней или воловъ. Спереди и сзади арбы располагались конные всадники, которые во все время пути пѣли свадебныя пѣсни, и безпрестанно стрѣляли изъ ружей и пистолетовъ. Каждый встрѣтившійся съ брачнымъ поѣздомъ, обязанъ былъ приставать къ нему, иначе молодежь забавлялась надъ неучтивыми путниками, прострѣливая у нихъ шапки, сбрасывая съ сѣдла или срывая съ нихъ одежду.

Близъ дверей дома пріятеля жениха свадебный поѣздъ останавливался; невѣсту вводили въ покои, а сопровождавшіе ее разъѣзжались, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, направленныхъ преимущественно въ трубу дома, гдѣ оставалась невѣста.

Здѣсь совершался религіозный обрядъ бракосочетанія, а за тѣмъ, если мужъ новобрачной имѣлъ родителей или старшаго брата, то удалялся въ домъ одного изъ своихъ пріятелей и оттуда, въ сопровожденіи молодаго человѣка, посѣщалъ свою супругу, но не иначе, какъ по захожденіи солнца.

Ночь. Тишина царствовала въ аулѣ и только въ отдѣльно стоящемъ домикѣ свѣтился огонекъ и слышенъ былъ тихій говоръ; тамъ въ тревогѣ молодая новобрачная ожидала своего супруга. Покрытая прозрачною бѣлою вуалью, молча стояла она подлѣ брачнаго ложа; вокругъ нея толпилось нѣсколько дѣвушекъ—подругъ, которыя шутили и смѣялись. Но вотъ за дверьми раздавался шорохъ чьихъ-то шаговъ—то подходили украдкою два человѣка. Одинъ изъ нихъ въ буркѣ, съ шашкою черезъ плечо, кинжаломъ и пистолетомъ за поясомъ. Это счастливецъ-женихъ и съ нимъ его пріятель, который спѣшилъ въ саклю, чтобы предувѣдомить молодую о приходѣ ея супруга. Подруги молодой уходили; невѣста оставалась одна. Она стояла неподвижно и безмолвно, какъ статуя. Молодой мужъ садился на постель; его спутникъ снималъ съ него оружіе, вѣшалъ его на стѣну, снималъ чевяки и, закрывши огонь въ каминѣ золою, уходилъ, пожелавъ молодымъ доброй ночи. Оставшись вдвоемъ, молодой мужъ подходилъ къ женѣ, и если она была не въ большомъ страхѣ, то раздѣвалась сама, а въ противномъ случаѣ мужъ помогалъ ей. Передъ разсвѣтомъ новобрачные разставались. Спутникъ молодаго, прокарауливъ, по обычаю, новобрачныхъ въ теченіе всей ночи, стучался въ двери, какъ только занималась заря. Съ уходомъ молодаго мужа въ комнату вбѣгали подруги новобрачной и съ плутовскими улыбками бросались къ постели, находили въ

ней корсетъ, и если онъ имъ нравился, то брали себѣ; съ тѣхъ поръ о корсетѣ не было болѣе помина.

Новобрачная, если она принадлежала къ высшему сословію, оставалась здѣсь иногда очень долго, и во всякомъ случаѣ до тѣхъ поръ, пока не ознакомится съ новымъ образомъ жизни, которую она должна была вести въ супружествѣ.

Случалось иногда, что вступленіе новобрачной въ домъ, назначенный для временнаго ея пребыванія, сопровождалось празднествомъ, но конецъ его всегда и у всѣхъ классовъ населенія ознаменовывался самымъ торжественнымъ образомъ. Хозяинъ дома, гдѣ находилась молодая, сдѣлавъ всѣ необходимыя приготовленія, созывалъ народъ. По его приглашенію, собирались дѣвицы изъ окрестныхъ ауловъ и торжество открывалось плясками, пѣніемъ и играми, продолжавшимися въ теченіе трехъ дней, а на четвертый молодая отправлялась въ домъ мужа.

Въ аулѣ, гдѣ жилъ молодой супругъ, все населеніе съ нетерпѣніемъ ожидало приближенія брачнаго поѣзда. Дѣти и взрослые цѣлыми толпами всходили на холмы и курганы, чтобы посмотрѣть вдаль, на дорогу, по которой безпрестанно подымали пыль скачущіе передовые.

— Вотъ показались! вотъ выѣзжаютъ изъ лѣса! вскрикивало нѣсколько голосовъ, замѣтившихъ церемоніяльное шествіе новобрачной.

Нѣсколько десятковъ всадниковъ, составлявшихъ авангардъ поѣзда, высыпали на равнину. За ними, на татарской висячей колесницѣ, покрытой бѣлою шелковою или другою тканью и устланной коврами, ѣхала новобрачная. Съ нею сидѣли обыкновенно ея воспитательница и хозяйка дома, въ которомъ она гостила по выходѣ замужъ.

Почетнѣйшія лица окружали колесницу и ѣхали обыкновенно съ веселыми лицами, но безъ шума и крика, раздававшихся позади ихъ въ группѣ молодыхъ всадниковъ. Посреди этой толпы ѣхала двухъ-колесная арба, покрытая красною тканью, развѣвавшеюся по вѣтру. Вокругъ двухъ-колесной арбы, составлявшей необходимую принадлежность каждаго свадебнаго поѣзда, раздавалось громкое пѣніе свадебныхъ пѣсенъ, превозносившихъ красоту, скромность, искуство вышиванья золотомъ молодой супруги, славу и подвиги ея мужа. Черкескія свадебныя пѣсни сложены такъ, что не называютъ никого по имени, но слова примѣняются намеками къ разнымъ лицамъ. Ружейные выстрѣлы вторили протяжному напѣву пѣсенъ и дымъ туманомъ носился надъ поѣздомъ.

По мѣрѣ приближенія поѣзда, увеличивалась и суетня въ аулѣ. Всѣ, старый и малый, поспѣшно вооружались длинными и гибкими дубинами и толпою спѣшили на встрѣчу новобрачной, которой колесница, отдѣлившись отъ многочисленнаго поѣзда, направлялась къ мужнину дому. У самой ограды его поѣздъ останавливался, и молодая, покинувъ арбу, шла въ саклю по разо-

стланной, родственниками мужа, шелковой ткани, протянутой отъ дверей ограды до дверей сакли.

На порогѣ сакли молодую осыпали сухариками, нарочно для этого случая изготовленными. Въ слѣдъ за тѣмъ ей подносили блюдо съ медомъ, масломъ и орѣхами. Она, по обычаю, только дотрогивалась до нихъ, но за то старухи, управлявшія церемоніею, лакомились сластями до-сыта.

Проводивши молодую въ саклю, спутники ея спѣшили обыкновенно къ выходу изъ аула, полюбоваться интереснымъ для нихъ зрѣлищемъ. Нѣсколько десятковъ наѣздниковъ окружали арбу, накрытую красною тканью, и должны были довести ее до дома новобрачной въ цѣлости, а это трудно было сдѣлать: пѣхота, вооруженная дубинами, высыпавшая изъ аула, старалась захватить арбу въ свои руки и сорвать съ нея покрывало—обычай, составлявшій исключительную особенность свадебнаго торжества. Конные бросались на пѣшихъ, желая смять ихъ и тѣмъ открыть арбѣ путь къ аулу. Пѣшіе защищались, отчаянно поражая безъ пощады лошадей и ихъ всадниковъ своими длинными дубинами, и, прорываясь къ арбѣ, старались сорвать покрывало. Нѣсколько человѣкъ, сидѣвшихъ въ арбѣ, то отбивались отъ преслѣдователей, то понуждали коней, торопясь, достигнуть до завѣтной сакли. Первый натискъ конныхъ прошелъ благополучно для пѣшихъ, но второй, послѣдовавшій быстро за первымъ и болѣе ожесточенный, прорвалъ пѣхоту въ самой серединѣ и арба пронеслась. Наѣздники торжествовали уже побѣду, а пѣхота была въ отчаяніи, но радость однихъ и печаль другихъ были не продолжительны: одинъ изъ пѣшихъ нанесъ сильный ударъ дубиною по головѣ лошади, запряженной въ арбу, и животное пало на мѣстѣ. Толпа бросилась на остановленную повозку и въ одно мгновеніе краснаго покрывала не существовало—только небольшіе клочки его ходили по рукамъ многочисленныхъ побѣдителей.

Три дня продолжалось празднованіе торжественнаго вступленія молодой подъ кровлю мужа. Здѣсь, какъ и у себя, прежній хозяинъ угощалъ народъ и благодарилъ почетнѣйшихъ особъ за посѣщеніе. Передъ тѣмъ временемъ, когда собранію приходилось разъѣзжаться по домамъ, съ кровли сакли или съ какого нибудь возвышенія бросали въ народъ большую, цѣльную, желтую мѣшину, намазанную масломъ или саломъ. Толпа кидалась на нее и старалась каждая перетянуть на свою сторону, чтобы, какъ трофей, унести ее къ себѣ въ аулъ. Борьба, продолжавшаяся иногда нѣсколько часовъ, сопровождалась шумомъ и крикомъ какъ пѣшихъ, такъ и конныхъ.

Во все время празднованія свадьбы голова и лицо молодой были покрыты нарядным платкомъ, который извѣстное время не снимался, и для снятія его назначался *хатехъ*, или снятчикъ. Молодой супругъ не принималъ участія въ общемъ весельѣ, оставался въ уединеніи или отправлялся въ наѣзды; во всякомъ же случаѣ возвращался домой не прежде окончанія свадебнаго тор-

жества и всѣхъ обрядовъ при томъ соблюдаемыхъ. Хозяинъ дома, гдѣ молодая пробыла нѣкоторое время, дѣлался аталыкомъ ея мужа и пользовался правами наравнѣ съ воспитателями. Съ приходомъ молодой въ домъ мужа, отецъ ея присылалъ вѣрнаго своего человѣка, *жемхараса* или дружку, который оставался у молодыхъ цѣлый годъ, а потомъ отпускался съ подарками.

Черкесы смѣшанной религіи руководствовались своими особыми обычаями относительно брака. Послѣ обрученія и съ окончаніемъ переговоровъ о калымѣ, женихъ одѣвался въ самое старое платье, надѣвалъ на себя самое дурное оружіе и въ назначенный день, въ сопровожденіи друзей, отправлялся за невѣстой. На встрѣчу ему, изъ аула невѣсты, выходила молодежь, срывала оружіе, всю верхнюю одежду, отбирала коня, словомъ обирала жениха такъ, что тотъ принужденъ былъ брать платье у кого-нибудь изъ пріятелей. Одѣтый въ чужое платье, онъ достигалъ до дому невѣсты, бралъ ее и отводилъ домой, гдѣ и оставлялъ подъ надзоромъ родственниковъ или друзей, а самъ скрывался у кого-нибудь изъ сосѣдей. Ежедневно, въ теченіе мѣсяца, съ наступленіемъ ночной темноты, друзья приводили молодаго къ женѣ, съ которою ему дозволялось оставаться всю ночь, а съ разсвѣтомъ онъ тайкомъ удалялся съ брачнаго ложа и скрывался опять изъ дома.

Вообще у всѣхъ черкесовъ, кромѣ христіанъ, мужу дозволялось видѣться съ женою только тайкомъ, прокрадываясь ночью на свиданіе какъ воръ, и, сохрани Богъ, если разсвѣтъ заставалъ его въ саклѣ жены. Тогда молодежь, узнавшая объ этомъ, сейчасъ же начинала въ насмѣшку стрѣлять по трубѣ женской сакли и сбивала ее пулями до самой крыши. Обычай этотъ особенно строго соблюдался въ первые дни женитьбы, причемъ мусульмане, въ теченіе первой брачной ночи, извѣстной подъ именемъ *шебе-зефафъ*, обязаны были приступать къ супружескимъ объятіямъ не иначе, какъ со словами *бисмиллахъ*—во имя Бога!

Видѣть жену днемъ, входить къ ней въ саклю и разговаривать съ нею въ присутствіи другихъ считалось предосудительнымъ: это могъ позволить себѣ только простолюдинъ, и то пожилой, но князь и дворянинъ—никогда.

Отсутствіе молодаго хозяина въ домѣ не мѣшало гостямъ веселиться. Они пировали, варили бузу и запасались виномъ для окончательнаго пира, на который приглашались сосѣди и всѣ жители аула и которымъ заканчивалась свадьба. Женихъ возвращался послѣ того въ свой домъ и вознаграждалъ своего пріятеля, у котораго жилъ во время свадьбы, быкомъ, коровой или чѣмъ нибудь другимъ. Здѣсь, на свадьбѣ, можно было видѣть самые лучшіе наряды, какіе только кто въ состояніи имѣть; холостые или молодые мужчины украшали себя всѣми пріобрѣтенными доспѣхами, дѣвушки — праздничною одеждою. Молодой человѣкъ, отличившійся рыцарскими ухватками, проворствомъ и силою, получалъ одобреніе стариковъ и право плясать съ тою

дѣвушкою, съ которою пожелаетъ. Подъ звуки туземной музыки и старый, и малый пускались въ плясъ (1).

Свадебный обрядъ черкесовъ-христіанъ также имѣетъ особенности, которыя нельзя пройти молчаніемъ.

За нѣсколько дней до свадьбы назначается дѣвичникъ, на которомъ собираются дѣвушки и пируютъ присланными женихомъ съѣстными припасами. Послѣднему въ этотъ вечеръ дозволяется посмотрѣть свою невѣсту въ окно, если до того времени ему не случалось ея видѣть.

Въ день свадьбы, часовъ въ шесть вечера, везутъ невѣсту въ церковь. Когда женихъ пріѣзжаетъ за невѣстой, то братъ невѣсты бьетъ плетью жениха за то, что онъ, какъ будто, отнимаетъ у него сестру.

Закрытую съ головы до ногъ тонкою кисеею, невѣсту сажаютъ въ какой нибудь экипажъ, а остальныя женщины размѣщаются на арбахъ и во всю дорогу играютъ на бубнѣ. Впереди ѣдетъ верхомъ женихъ; подлѣ него шаферъ и нѣсколько человѣкъ молодежи, которые, во время пути въ церковь и обратно, джигитуютъ. Наѣздники хватаютъ шапки со своихъ товарищей, скачутъ впередъ, тѣ ихъ догоняютъ; но вотъ шапка брошена вверхъ, раздались со всѣхъ сторонъ выстрѣлы и шапка уже болѣе никуда не годится... Джигитовка эта происходитъ и во все время совершенія брачнаго обряда; молодые находятся въ церкви, а джигиты остаются за оградой.

Джигитовка одна изъ любимѣйшихъ черкескихъ забавъ. Двадцать, иногда тридцать всадниковъ бѣшено носятся по полю, показывая свою ловкость и смѣлость; на всемъ скаку они поднимаютъ съ земли разныя вещи и, своими граціозными движеніями, привлекаютъ взоры молодыхъ красавицъ.

За ждигитовкою часто слѣдуетъ игра въ палки. Участники игры раздѣляются на двѣ партіи: на конныхъ и пѣшихъ. Первые, прикрывшись буркою, вооружаются нагайкою, а послѣдніе солидныхъ размѣровъ дубиною, которою и стараются нанести ударъ своимъ коннымъ противникамъ. Тѣ, конечно, увертываются, подставляютъ подъ удары бурку и, за палочные побои, платятъ жестокими ударами нагаекъ. Игра эта представляетъ живую картину искуснаго и въ то же время забавнаго маневра, въ которомъ есть гдѣ выказаться и ловкости, и силѣ, и умѣнью управлять лошадью. Зрители ободряютъ побѣдителей, смѣются надъ побѣжденными и, игра часто кончается увѣчьемъ, а иногда и смертью.

По возвращеніи изъ церкви, не доѣзжая до дома жениха, выносятъ на блюдѣ *полустакъ*: это мука, поджаренная на маслѣ и подслащенная медомъ,

---

(1) Мусульманское право Торнау; изд. 1866 г. О бытѣ, нравахъ и обычаяхъ древнихъ атыхейскихъ племенъ. „Кавказъ“ 1849 г. № 36. Три дня въ горахъ Калаальскаго общества „Кавк.“ 1861 г. № 84. Закубанскій край въ 1864 г. Невскій. „Кавк.“ 1868 г. № 98. Этнографичес. очеркъ черкескаго народа барона Сталя. Эпизодъ изъ жизни шапсуговъ. А. Ржондковскій 3-й. Кавк. 1867 г. № 70.

она кладется на тарелки и разрѣзывается на куски. Тарелку, вмѣстѣ съ полустакомъ, выхватываетъ изъ рукъ несущаго одинъ изъ ловкихъ джигитовъ и мчится вдоль аула; за нимъ скачутъ въ погоню нѣсколько другихъ всадниковъ, стараются отнять тарелку и кончаютъ тѣмъ, что тарелка бываетъ разбита, а полустакъ растоптанъ.

Молодые въѣзжаютъ на дворъ, гдѣ раздаются выстрѣлы; мужчины идутъ въ одну комнату, женщины въ другую; шаферъ вынимаетъ шашку, рубитъ на перекладинѣ двери изображеніе креста—символъ счастія, а отецъ и мать благословляютъ новобрачныхъ. Женихъ присоединяется къ мужчинамъ, невѣста къ женщинамъ. Она закрыта попрежнему вуалемъ и остается такъ въ теченіе трехъ дней; на четвертыя сутки шаферъ поднимаетъ концемъ шашки вуаль и дѣлаетъ молодой подарокъ.

Въ то время, когда молодые входятъ въ саклю, съ крыши ея, одинъ изъ родственниковъ бросаетъ въ толпу народа, окружающаго саклю, разные фрукты, а въ самыхъ комнатахъ происходитъ угощеніе. Всѣ нары уставлены кушаньями; на одной изъ нихъ поставленъ кустъ терновника, увѣшанный фруктами: кто осмѣлится взять хотя одинъ изъ висящихъ на немъ орѣховъ, того привязываютъ веревками къ перекладинѣ потолка и держатъ такъ до тѣхъ поръ, пока онъ не заплатитъ штрафа, сколько ни потребуютъ отъ него, смотря по состоянію.

Посреди наръ, прислонясь къ одной изъ стѣнъ, сидитъ женихъ; около него одинъ изъ пожилыхъ мужчинъ, подлѣ котораго лежитъ металлическая тарелка. Стукъ палочкой по тарелкѣ и звукъ ея возвѣщаютъ о появленіи гостя, который долженъ положить на тарелку какую-нибудь монету.

До начала ужина, сваха ведетъ невѣсту, а шаферъ жениха въ спальню, гдѣ они и остаются, не принимая участія въ ужинѣ. Женихъ долженъ самъ раздѣть невѣсту, расшнуровать ей корсетъ, а если надѣется на свою ловкость, то распороть концомъ кинжала. Съ уходомъ молодыхъ, подаютъ ужинъ, и тутъ-то начинаются пиръ и веселье ([1]). Вино, выпиваемое въ значительномъ количествѣ, развязываетъ и языки, и руки; нетрезвое состояніе гостей свидѣтельствуетъ объ общемъ удовольствіи. Пляска дѣлается общею; самые дряхлые старики, при громкихъ одобрительныхъ крикахъ и ружейныхъ выстрѣлахъ, пускаются въ плясъ и выдѣлываютъ такія *па*, что молодые съ завистью смотрятъ на ихъ оживленные жесты, вызываемые незатѣйливою и негармоническою музыкою.

Музыкальные инструменты черкесовъ немногочисленны и неразнообразны: бубенъ, двѣ или три дудки, родъ свирѣли съ круглообразными отверстіями, скрипка, балалайка и нѣчто въ родѣ лиры, впрочемъ очень рѣдко встрѣчаемой—вотъ и всѣ роды инструментовъ.

Шапсугскій музыкальный инструментъ, *камыль*, состоялъ изъ дудки, сдѣ-

([1]) Свадьба у православныхъ черкесовъ. Д. Ильинъ. „Кавк.“ 1868 г. № 111.

ланной изъ стараго ружейнаго ствола и изъ нѣсколькихъ связанныхъ досчечекъ, о которыя по временамъ ударялъ играющій. Во время игры на такомъ инструментѣ, вмѣсто аконпаниммента, гудѣли нѣсколько голосовъ, и нѣсколько человѣкъ похлопывали въ ладоши.

Балалайка имѣла два видоизмѣненія и носила два различныхъ названія: *пшиннеръ* или *пшено* и *пшедегекуакуа*. Пшиннеръ, длинная балалайка, похожая нѣсколько на віолончель, съ двумя натянутыми волосяными струнами, во время игры упирается лѣвою рукою въ колѣно, а въ правую руку берется дугообразный смычекъ, которымъ водятъ по струнамъ, издающимъ звуки глухіе, заунывные и однообразные, по причинѣ патріархальности устройства самаго инструмента. Точно такая же балалайка, на которой натянуты три струны, носила названіе *пшедегекуакуа*; на ней играли какъ на гитарѣ, безъ смычка.

Не смотря на такую простоту инструментовъ, небольшой ихъ выборъ и незатѣйливость издаваемыхъ ими звуковъ, черкесы восторгались своею музыкою, веселились отъ души и часто, среди разгара пляски, поддерживали свои музыкальные инструменты битьемъ въ тактъ въ ладоши, стрѣляніемъ изъ пистолетовъ и винтовокъ. Чѣмъ больше было выстрѣловъ, тѣмъ больше чести для танцующаго (¹).

Существовали два рода танцевъ у черкесовъ: *оррирама*, или *кругъ* (уггъ), и *кафенырь*, родъ лезгинки, которая танцуется однимъ мужчиной или одною дѣвушкой.

На средину площадки выходилъ обыкновенно молодой, шестнадцатилѣтній юноша: раздавались звуки лезгинки, и юный танцоръ открывалъ начало народнаго танца. Сначала кругообразный ходъ его былъ медленъ, какъ медленны удары въ ладоши всѣхъ присутствующихъ. Потомъ музыка и удары въ ладоши дѣлались все чаще и чаще, а вмѣстѣ съ ними и *па* танцующаго дѣлались быстрѣе и живѣе. Можно было любоваться долго воодушевленіемъ танцующаго, его дикимъ огнемъ, неописанной энергіей его движеній и трудностями *па*, подражать которымъ невозможно, не научившись имъ съ малолѣтства.

Танцующій то становился на острые носки своихъ чевякъ, то совершенно выворачивалъ ноги, то описывалъ быстрый кругъ, изгибаясь на одну сторону и дѣлая рукою жестъ, похожій на то, какъ всадникъ на всемъ скаку поднимаетъ съ земли какую-нибудь вещь.

Но вотъ, усталый и измученный, онъ останавливался передъ кѣмъ-нибудь изъ окружающей его толпы, дѣлалъ поклонъ или дотрогивался до его одежды, и тотъ непремѣнно долженъ былъ плясать какъ умѣетъ: отказъ исполнить такое предложеніе и просьбу считался большою обидою танцовавшему. Такимъ

(¹) О кавказской линіи, Дебу; изд. 1829 г. Воспоминанія кавказскаго офицера, „Рус. Вѣст." 1864 г. № 11. Отъ Зауралья до Закавказья Е. Вердеревскаго. „Кавказъ" 1855 г. № 30. Эпизодъ изъ жизни шапсуговъ. А. Ржондковскій „Кавказъ" 1867 г. № 70.

образомъ танцующіе быстро смѣнялись другъ другомъ; но черкесы не любили танцовать безъ дѣвушекъ, такъ что на праздникахъ, гдѣ не присутствовали дѣвушки, танцевъ почти никогда не бывало. Одинъ изъ танцующихъ подходилъ къ дѣвушкѣ и дѣлалъ ей поклонъ и приглашеніе. Она выступала на средину круга и стыдливо опускала свои глазки. Танецъ женщины отличался отъ танца мужчины: она двигалась по кругу медленно, точно будто плавала или тихо скользила по полу, осторожно изгибаясь, а больше держались въ прямомъ положеніи, изрѣдка дѣлая умѣренные взмахи руками.

Но вотъ она остановилась, вызвала подругу. Вызванная начала кружиться съ самыми милыми граціозными движеніями, а вызвавшая, съ противоположной стороны, шла, танцуя, къ ней на встрѣчу. «Сначала онѣ быстро вертѣлись въ кругу, вдоль рядовъ восхищенныхъ зрителей, кокетливо нагибаясь, по временамъ къ которому нибудь изъ горцевъ или подругъ, смотрѣвшихъ на пляску; потомъ быстро носились одна за другою, съ плутовской улыбкой и веселыми смѣющимися взглядами, сходились и расходились... Казалось, ноги дѣвушекъ не двигались въ то время, когда онѣ, съ быстротою стрѣлы, носились по кругу, съ неописанной граціей взмахивая руками. Ничто не могло сравниться съ прелестью этихъ танцорокъ, очаровательною мимикою, выражавшихъ природныя страсти жителей своей полудикой родины»...

Такой жизни и энергіи не проявлялось у черкесовъ въ общихъ танцахъ, гдѣ мужчины и женщины составляли кругъ, въ родѣ того, какъ у насъ въ шестой фигурѣ кадрили, и, съ припѣвомъ *орираша*, потихоньку передвигались съ мѣста на мѣсто, пока не обойдутъ весь кругъ. Танецъ этотъ довольно монотоненъ; всѣ двигались молчаливо, плавно, не дѣлая никакихъ быстрыхъ движеній, а только переступая вправо и влѣво, съ одной ноги на другую.

Орираша, или кругъ, имѣлъ другое назначеніе и прелесть для каждаго черкеса: онъ служилъ мѣстомъ свиданія и переговоровъ двухъ любящихъ сердецъ. Пляшущіе свободно разговаривали съ дѣвицами, которыя, точно такъ же свободно и безъ робости, имъ отвѣчали, соблюдая при этомъ все приличіе. Движенія, нарушающія приличіе—грубыя манеры, громкій смѣхъ, не имѣли мѣста во время танцевъ и строго порицались черкесами. Всякое отступленіе отъ приличій, со стороны дѣвицы, почиталось признакомъ ея дурнаго воспитанія. Общественное мнѣніе требовало, чтобы дѣвица не танцовала слишкомъ часто и долго съ однимъ мужчиною, а напротивъ, считалось болѣе приличнымъ по очереди танцовать со многими. Дѣвицѣ предоставлялось, впрочемъ, полное право оставить своихъ кавалеровъ, находившихся съ обѣихъ ея сторонъ, перейти къ другимъ или просто выйдти изъ круга для отдохновенія. Тогда, подъ надзоромъ пожилыхъ приставницъ, не спускавшихъ съ нея глазъ во время танца, дѣвушка уходила въ сосѣднюю комнату. Мужчина же среди пляски, напротивъ того, вовсе не имѣлъ права оставлять своей дамы, но могъ танцовать и безъ нея.

Иногда случалось, что кругъ бывалъ на столько великъ, что внутри его помѣщались музыканты, пѣшія постороннія лица и молодыя дѣти нѣсколькихъ старшинъ, которыхъ вводили туда на лошадяхъ. Въ такихъ собраніяхъ назначалось нѣсколько человѣкъ для наблюденія за порядкомъ въ кругу пляшущихъ. Они слѣдили за тѣмъ, чтобы народъ не тѣснилъ пляшущихъ, и чтобы конные наѣздники не слишкомъ приближались къ кругу. Изъ числа надзирателей нѣсколько наиболѣе почетныхъ лицъ назначались, по выбору хозяина, для исполненія обязанности распорядителей праздника. Они подводили дѣвицъ къ танцующимъ кавалерамъ, строго соблюдая при этомъ принятыя приличія, состоявшія преимущественно въ томъ, чтобы пріѣзжіе гости не оставались безъ дамъ.

Кафенырь и оррира̀ша были танцами наиболѣе употребительными между черкесами, но кабардинцы, кромѣ этихъ двухъ видовъ, весьма часто танцуютъ такъ называемый *карачаевскій танецъ*, имѣющій комическій характеръ. Двое мужчинъ берутъ подъ-руки дѣвушку и, подъ тактъ музыки и мѣрнаго хлопанья въ ладоши, въ ногу, какъ солдаты, переваливаются изъ стороны въ сторону. То они тѣсно прижимаютъ дѣвушку къ бокамъ своимъ, то отнимаютъ ее другъ у друга, то комично покачиваются, какъ будто въ опьяненіи. Тактъ постепенно ускоряется и пляска оканчивается совершеннымъ изнеможеніемъ танцующихъ (¹).

Продолжавшіеся по нѣсколько часовъ танцы замѣнялись потомъ играми, болѣе шумными и нерѣдко весьма опасными. Во всѣхъ играхъ черкесовъ проглядывала воинственная отвага, сила, а главное ловкость. Обыкновенно играющіе раздѣлялись на два отряда: пѣшихъ и конныхъ. Вооруженные огромными кольями, пѣхотинцы, съ крикомъ и сравнительно бо̀льшею толпою, бросались на своихъ конныхъ противниковъ и били безъ пощады какъ людей, такъ и лошадей. Наѣздники, съ своей стороны, также не жалѣли пѣшихъ, топтали ихъ своими конями и бросались на всемъ скаку въ средину толпы. По преимуществу, конные побѣждали пѣшихъ, разгоняли ихъ, преслѣдовали до самыхъ домовъ и, случалось, нерѣдко давили своихъ противниковъ. Дѣло доходило иногда до изступленія съ обѣихъ сторонъ, и тогда старики, вступивъ въ посредничество, прекращали ссору. Такія игры почти никогда не обходились безъ несчастныхъ случаевъ и не даромъ черкесы говорили: *«кому не страшно въ день такой игры, тотъ не устрашится и въ битвѣ»*. Изъ всѣхъ народныхъ игръ была наиболѣе замѣчательна та, которая извѣстна подъ именемъ *діоръ*, что, на нарѣчіяхъ нѣкоторыхъ черкескихъ племенъ, означаетъ *крестъ*; она, вѣроятно, осталась отъ временъ христіанскихъ.

(¹) Вѣрованія, религіозные обряды и предразсудки у черкесовъ Л. Люлье. Запис. Кавк. отд. имп. русск. геогр. общес. книга V изд. 1862. Отъ Зауралья до Закавказья Е. Вердеревскаго. „Кавк." 1855. г. № 30. Экспедиція въ Хакучи 1865 г. А. Ркондковскій 3-й „Кавказъ" 1867 г. № 99. Свадьба у православныхъ черкесовъ Д. Ильинъ. „Кавказъ" 1868 г № 111. Этнографич. очеркъ черкескаго народа барона Сталя (рукопись).

Въ каждомъ аулѣ жители раздѣлялись на двѣ партіи: *верховую* и *низовую*, такъ что сакли восточной части аула назывались *верховьями*, а западной *низовьями*. Въ большихъ и значительно растянутыхъ въ длину аулахъ, подобное раздѣленіе существуетъ и до сихъ поръ. Передъ началомъ игры, каждый изъ участниковъ ея являлся на сборное мѣсто съ огромнымъ шестомъ, на верху котораго была прикрѣплена корзина, наполненная сухимъ сѣномъ или соломою: обѣ партіи, выстроившись другъ противъ друга, зажигали корзины и съ словами *діорв*! *діорв*! бросались другъ на друга.

Игра начиналась обыкновенно съ наступленіемъ сумерокъ и видъ, пылающихъ во мракѣ ночи, огромныхъ огненныхъ факеловъ представлялъ весьма интересное зрѣлище. Каждая изъ нападающихъ сторонъ поставляла себѣ главною цѣлью захватывать какъ можно болѣе плѣнныхъ, которыхъ и отводили, со связанными назадъ руками, въ кунахскую одного изъ старшинъ своей партіи. По окончаніи игры, каждая сторона собиралась въ кунахской того старшины, гдѣ были собраны плѣнные. Тогда съ обѣихъ сторонъ открывались переговоры, происходилъ размѣнъ плѣнныхъ, и та сторона, которая потеряла ихъ больше, должна была выкупать излишекъ потери; иногда плѣнные сами обязывались внести за себя выкупъ, который всегда состоялъ изъ опредѣленнаго количества съѣстныхъ припасовъ. Собранные припасы поручались одному изъ старшинъ партіи, который и задавалъ пиръ всѣмъ своимъ соратникамъ. Игра, затѣянная молодежью, привлекала къ себѣ пожилыхъ и старцевъ, приходившихъ взглянуть на веселящихся и вздохнуть, «вспоминая прошедшіе годы молодости, отчасти предпринимать мѣры предосторожности отъ пожара, что легко могли причинить корзинками, въ безуміи веселья, быстро разносимыми съ одного угла аула въ другой. Старики часто попадались въ плѣнъ, будучи немощны и не въ состояніи противиться сильнымъ молодымъ борцамъ, налагавшимъ на нихъ ременныя оковы. Впрочемъ такіе плѣнники дорого обходились побѣдителямъ, а равно и той партіи, у которой были похищены: для примиренія съ ними, надлежало удовлетворять ихъ за то, что, не уважая ихъ сѣдинъ, увлекли ихъ въ плѣнъ, и въ семъ случаѣ виновники приготовляли яства и напитки, и примиреніе со старцами заключалось новымъ угощеніемъ».

Игры черкесовъ хотя и были довольно однообразны, но продолжались весьма долго; только всеобщая усталость прекращала ихъ и тогда всѣ присутствующіе усаживались въ кружокъ; на средину выступалъ пѣвецъ и, послѣ нѣсколькихъ прелюдій, затягивалъ пѣсню. Окружающіе хранили почтительное молчаніе, и свѣтъ огромнаго костра, разложеннаго въ саклѣ, то ярко, то тускло освѣщая ихъ внимательныя лица, представлялъ оригинальную и замѣчательную картину...

Черкесы любятъ поэзію и пѣсни. Въ прежнее время у нихъ были поэты, *гекоко*—слагатели народныхъ пѣсенъ. Они были, по большей части, простолюдины и рѣдко знали языкъ священниковъ—людей грамотныхъ. Такіе поэты

высоко были чтимы князьями и дворянством; они ходили въ бой и были впереди войскъ. Князья любили имѣть при себѣ пѣвцовъ и гордились ими. Умѣнье сочинить пѣсню во всѣ времена глубоко уважалось. Замѣчательнѣйшіе наѣздники не пренебрегали рифмою и пшинперомъ. Магометъ-Ашъ, одинъ изъ первыхъ богатырей за Кубанью, былъ отличнѣйшимъ импровизаторомъ. Пѣсни, особенно старинныя и притомъ о родныхъ герояхъ, составляли для черкесовъ святыню. Едва разнесется по горамъ вѣсть о смерти героя, какъ въ честь его тотчасъ же слагалась пѣсня. Родственники умершаго собирали къ себѣ всѣхъ извѣстныхъ поэтовъ, и такъ какъ вдохновеніе требуетъ уединенія, то ихъ удаляли на время изъ аула въ ближайшій лѣсъ, снабдивъ всѣмъ необходимымъ для жизни.

«Каждое утро пѣвцы оставляли свое общее временное жилище и расходились въ разныя стороны лѣса, гдѣ, въ уединеніи, слагали свои пѣсни въ честь героя. Вечеромъ они сходились вмѣстѣ и каждый представлялъ собранію все, что ему дало вдохновеніе дня. Изъ этихъ отдѣльныхъ пѣсенъ, особенно хорошія мѣста служили матеріяломъ для составленія одной общей пѣсни».

Составивъ пѣсню, поэты отправлялись въ аулъ, гдѣ къ тому времени приготовлялся пиръ. Пѣсня выслушивалась, пѣвцы получали награды и разносили новую пѣсню по всему пространству, обитаемому черкескимъ племенемъ.

Въ старину, въ періодъ могущества и самостоятельности черкескаго народа, для знаменитыхъ людей пѣвцы-поэты были необходимы, такъ какъ, за неимѣніемъ среди народа письменности, пѣсня была единственнымъ средствомъ передать свое имя потомству. Давая знаменитымъ людямъ безсмертіе, пѣвцы всюду встрѣчали за то покровительство и ихъ щедро осыпали подарками.

Поэзія—это жизнь, душа и живая лѣтопись событій въ землѣ черкесовъ. Она управляла ихъ умомъ и воображеніемъ въ домашнемъ быту, на народныхъ съѣздахъ и совѣщаніяхъ, въ увлеченіяхъ и въ печали. Она одна встрѣчала ихъ рожденіе, сопровождала всю жизнь отъ колыбели до могилы и передавала потомству ихъ дѣла.

Уважая поэтовъ-импровизаторовъ и благоговѣя передъ ними, черкесы не уважали самихъ пѣвцовъ, исполнителей народной поэзіи. Изъ высшаго класса никто не соглашался быть *пѣвцомъ* и заниматься этого рода професіею, хотя знаніе народныхъ пѣсенъ вмѣнялось каждому дворянину въ необходимость. Столь странное противорѣчіе въ жизни народа разъясняется само собою. Содержаніе большей части пѣсенъ составляетъ исторію черкескаго народа, его могущество, жизнь и славу его предковъ, и потому естественно, что человѣкъ, способный передать въ поэтической формѣ все то, что составляетъ гордость и прошедшую жизнь Черкесіи, не могъ быть не уважаемъ. Отсюда уваженіе къ поэтамъ-импровизаторамъ и слагателямъ пѣсенъ. Съ другой стороны, исполнители народной поэзіи или *пѣвцы* своимъ страннымъ поведеніемъ уронили свое званіе и съ каждымъ годомъ дѣлали его болѣе унизительнымъ для всякаго порядочнаго человѣка.

Съ именемъ пѣвца черкесъ соединялъ понятіе о шутѣ или о канатномъ плясунѣ. Разъѣзжая по auламъ, пѣвцы собирали отъ жителей подаяніе, въ которомъ, большею частію, не нуждались вовсе, и позволяли себѣ шутки и остроты, иногда весьма неблагопристойныя. Впрочемъ, и между пѣвцами были такіе, которые пользовались всеобщимъ уваженіемъ, и если не могли поднять въ глазахъ народа своего званія, за то и не подвергали себя всеобщему посмѣянію. О нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранились преданія, доказывающія еще и то, что пѣвцы были необходимы черкесамъ какъ *прославители и хранители событій*. «Разсказываютъ, что два княжескіе рода въ спорномъ дѣлѣ не могли примириться: каждый доказывалъ древность своего происхожденія, слѣдовательно и преимущество своихъ правъ. Для разрѣшенія дѣла потребовали въ собраніе извѣстнаго пѣвца и приказали ему пропѣть одну изъ самыхъ древнихъ пѣсень, въ такомъ предположеніи, что тотъ княжескій родъ, котораго члены оказали болѣе подвиговъ въ извѣстномъ событіи, естественнымъ образомъ долженъ пользоваться преимуществами. Положеніе пѣвца было опасное: та сторона изъ спорящихъ, которую онъ рѣшился бы унизить, могла отмстить ему. Однакоже, пѣвецъ имѣлъ столько твердости, что словами: «если сынъ (такого-то родоначальника) убьетъ меня, то погибну *во чревѣ собаки*», которыя прибавилъ онъ отъ себя, высказалъ онъ преимущество одного рода противъ другаго. Пѣсня *Теймръ-капъ*, или *Хутчъ-чоптчэ* (Дербентъ), сказываютъ, послужила одному изъ крымскихъ хановъ историческимъ доказательствомъ того, что черкесы давали войско его предкамъ, и потому взялъ онъ отъ нихъ вспомогательное войско».

Всѣ пѣсни черкесовъ поются на распѣвъ и сложены размѣромъ тоническимъ; ихъ нельзя читать какъ стихи, а слѣдуетъ декламировать съ нѣкоторымъ напѣвомъ. Въ обыкновенномъ чтеніи онѣ теряютъ гармонію и ту силу впечатлѣнія, которое производятъ на слушателей во время пѣнія. Нѣкоторыя пѣсни принадлежатъ къ числу звукоподражательныхъ, въ особенности пѣснь, воспѣвающая быстроту рѣки. Слушая ее, можно удивиться кипящимъ въ ней выраженіямъ, дѣйствительно похожимъ на бурные потоки клокочущей рѣки.

Народная поэзія черкесовъ раздѣляется на три рода: на *пѣсни*, *старыя сказанія* (тхдезеси) (¹) и *старые вымыслы* (тхдесесези). Каждый изъ этого рода сказаній, въ свою очередь, раздѣляется на части. Такъ, пѣсни черкескія раздѣлялись: на *колыбельныя*, *историческія* или *военныя* (тльбепшьнатль— что въ переводѣ означаетъ пѣсня многихъ мужей), *жизнеописательныя* (тльзекопшьнатль—пѣсня одного человѣка), *плачевныя* (гбзе), *наѣздническія* (зейко-ородъ), *религіозныя*, которыя черкесы пѣли почтительно, съ открытыми головами и въ дни праздниковъ отправляемыхъ въ честь языческихъ

(¹) Черкескія названія, написанныя русскими буквами, даютъ только отдаленное понятіе о дѣйствительномъ произношеніи этихъ словъ самими туземцами.

бовъ; пѣсни, сочиненныя въ честь *раненаго* (тдчепшѣко-орэдъ), и *плясовыя* (угъ-орэдъ).

При рожденіи младенца мужескаго пола будущій его воспитатель поручалъ импровизаторамъ сложить колыбельную пѣсню въ честь своего юнаго питомца. Поэты, исполняя порученіе, начинали свой разсказъ со славы предковъ новорожденнаго, потомъ переходили къ достоинству его родителей и, наконецъ, заканчивали картиною будущихъ подвиговъ младенца и его заслугъ на пользу родины. Начавши свой поэтическій разсказъ, пѣвецъ-импровизаторъ вдохновлялся и, въ своихъ поэтическихъ сравненіяхъ и красотахъ, не жалѣвъ ни юнаго солнца, ни цвѣтовъ и красокъ природы. Онъ воспѣвалъ не настоящее, а будущее своего героя, которое было точно такъ же безпредѣльно, какъ безпредѣленъ былъ просторъ уму, сердцу и воображенію самого поэта...

Въ пѣсняхъ, называемыхъ *тльбепшьнатль* (пѣсни многихъ мужей) воспѣвались исключительно военныя происшествія, и притомъ такія, въ которыхъ принимали участіе цѣлыя племена или поколѣнія черкескаго народа. Если бы въ этихъ пѣсняхъ не была забыта хронологія событій, то онѣ могли бы послужить самымъ лучшимъ и полнымъ матеріяломъ для разсказа о жизни черкесовъ въ отдаленное и, такъ сказать, *до-историческое* время. По способу своего сложенія, всѣ эти пѣсни весьма сходны между собою, но различаются по названіямъ и напѣвамъ: однѣ изъ нихъ извѣстны по именамъ воспѣваемыхъ лицъ, бывшихъ виновниками событій и послужившихъ поводомъ къ составленію самыхъ пѣсенъ; таковы знаменитыя пѣсни: *Солохъ*, *Карбечь*, *Канболетъ* и проч. Другія носятъ названіе мѣстъ и времени битвъ— *Кпурее*, *Къшьтейво*, *Бзіекъ-козеюоръ* и проч. Въ такихъ пѣсняхъ очень часто можно встрѣтить описаніе относительнаго положенія племенъ до начала непріязненныхъ столкновеній и обстоятельства, подавшія къ тому поводъ. Изъ вступленія, дѣлаемаго пѣвцомъ, нерѣдко видна политическая жизнь двухъ племенъ и причины войны, послужившей главнымъ сюжетомъ для разсказа и содержанія самой пѣсни.

Разсказъ о подвигахъ одного человѣка принадлежалъ къ разряду пѣсенъ, которые мы назвали *жизнеописательными*. Здѣсь другія лица, упоминаемыя въ пѣсни, служили только изъясненіемъ обстоятельствъ, дополненіемъ, и, такъ сказать, матеріяломъ для пѣвца. Эти пѣсни самыя важныя и, если вникнуть въ ихъ содержаніе, то не удивительно, что черкесы, народъ полудикій, не имѣвшій ни гражданской образованности, ни литературы, думали и заботились о томъ, *что скажетъ о нихъ потомство*. Особенно замѣчательны, въ этомъ отношеніи, пѣсни Айдемиръ и Бзехинеко-Бексирзэ, и преимущественно послѣдняя. Пѣвецъ говоритъ, что Бексирзъ *является во время сраженія въ желѣзномъ видѣ*; что его стрѣла пробиваетъ сквозь панцырь и что идти противъ него все равно, что идти противъ пожара и проч.

Пѣсни *плачевныя* (гбзе) относятся къ описанію исключительно бѣдственныхъ событій, каковы, напримѣръ, истребленіе цѣлыхъ племенъ и ауловъ

войною или заразительными болѣзнями, а иногда въ нихъ воспѣвается и бѣдственная участь отдѣльныхъ лицъ. Въ первомъ случаѣ, по своему содержанію, онѣ относятся скорѣе къ историческимъ пѣснямъ, а во второмъ похожи на пѣсни жизнеописательныя. Отличаясь отъ другихъ пѣсенъ своимъ плачевнымъ напѣвомъ, пѣсни этого рода, по красотѣ сравненій и по силѣ выраженій, уступаютъ всѣмъ другимъ родамъ пѣсней.

«Такое обстоятельство заставляетъ меня думать, говоритъ неизвѣстный авторъ-туземецъ (¹), что въ старину плачевныхъ пѣсенъ не слагали; потому что важныя событія, бѣдственныя и истребительныя, воспѣвались, какъ принято было воспѣвать пѣсни, въ *историческомъ* видѣ, а несчастія или жизнь одного лица излагали въ видѣ *жизнеописательномъ*, если чья либо жизнь была достойна такой чести. Впослѣдствіи, когда пѣвцы перевелись съ бѣдствіями и тревогами народа, друзья погибавшихъ начали сами воспѣвать или оплакивать въ пѣсняхъ несчастныхъ друзей, и изъ того возникли *плачевныя* пѣсни; онѣ легко утвердились въ народѣ, который не можетъ жить, не воспѣвая своего горя и своей радости. По крайней мѣрѣ, въ новѣйшее время, къ сожалѣнію, древнія пѣсни теряются, приходятъ въ забвеніе, а между тѣмъ маловажные случаи, возбуждающіе, по обстоятельствамъ, соболѣзнованіе народа, немедленно превращаются въ плачевныя пѣсни».

Къ числу жизнеописательныхъ пѣсенъ относятся и пѣсни *наѣздническія* (зейко-ородъ), которыя пѣлись преимущественно въ полѣ, во время наѣздовъ и довольно протяжнымъ напѣвомъ. Восхваляя подвиги знаменитаго наѣздника, черкесы, во время оно, пропѣвши одинъ куплетъ, снимали съ себя шапки и преклонялись на гриву лошади. Пѣсни этого рода служили лучшимъ возбужденіемъ буйной отваги воинственнаго народа; напѣвая слова наѣзднической пѣсни, ни одинъ черкесъ не удержится, что бы не по горцовать на своемъ скакунѣ, а иногда въ рукахъ его заблеститъ и обнаженный клинокъ шашки.

Черкесъ не радовался, не печалился безъ пѣнія; онъ пѣлъ, напримѣръ *сахгешъ*—пѣсню при тѣлѣ умершаго, когда оно оставалось въ домѣ въ ночь до погребенія, пѣлъ и *тдчепшько-оредъ* — пѣсню при раненомъ. Низовыя черкесскія племена начинали каждый разъ пѣніе подлѣ раненаго, такъ называемою, пѣснею *кракецъ*, отличавшеюся протяжностью своего напѣва. Потомъ обращались къ Тлепсу и просили его покровительства къ успѣшному излѣченію раненаго. Посѣтители больнаго раздѣлялись на двѣ стороны, изъ которыхъ каждая старалась превзойти другую своею неутомимостью. Повторяя «одни и тѣ же слова въ четырехъ пріемахъ, нѣсколько похожихъ созвучіемъ словъ на стихи», каждая сторона продолжала свое пѣніе до тѣхъ поръ, пока одна изъ двухъ партій не утомится, но какъ ни та ни другая не желала уступить, то споръ обыкновенно оканчивался потѣшною битвою. «Въ

(¹) Черкесскія преданія. Русскій Вѣст. 1841 г. т. 2.

то время, когда пѣли пѣсню Лепсша (Тлепса), обыкновенно били желѣзнымъ молотомъ въ соху, которая находилась подлѣ постели больнаго; онъ долженъ былъ, какъ бы ни страдалъ, переносить шумъ и пѣніе равнодушно, даже иногда принимать въ пѣніи участіе, если не хотѣлъ показаться малодушнымъ.»

Говоря о плясовыхъ пѣсняхъ черкесовъ, надо сознаться, что въ нихъ нѣтъ столь высокаго значенія поэзіи, нѣтъ и осмысленнаго содержанія. Пѣсни эти не отличаются ни силою выраженій, ни благородными идеями—напротивъ того, онѣ состоятъ изъ набора фразъ, иногда даже и неблагопристойныхъ: высокое чувство любви высказывается здѣсь сравненіями пошлыми и безнравственными. Здѣсь народная поэзія, принявъ жалкій видъ и высказавшись бѣдными идеями, дала черкесамъ плясовыя пѣсни.

Тоническій размѣръ стихосложенія всѣхъ вообще пѣсенъ былъ причиною того, что онѣ удерживались въ устахъ народа въ тѣхъ размѣрахъ и въ тѣхъ именно словахъ, какъ были сложены въ началѣ. Оттого описаніе событій было не столь подвержены измѣненіямъ и произволу пѣвцовъ или разсказчиковъ. Слѣдовательно, пѣсни черкескаго народа заключаютъ въ себѣ болѣе достовѣрности, чѣмъ всѣ другія сказанія. Напротивъ того, *тхдезси* или старыя сказанія, не отличаясь ни словосложеніемъ, ни размѣромъ періодовъ, могли быть разсказываемы не одними и тѣми же словами, а по произволу разсказчиковъ. По этому старыя сказанія сохраняли свое заглавіе и предметъ разсказа, но передавались съ безчисленными оттѣнками измѣненій, прибавками и выпусками, смотря по способности разсказчика и по его прихотямъ; слѣдовательно, съ самаго начала появленія *тхдезси*, истина, послужившая основою для разсказа, была отдана на произволъ случайностей и отъ многихъ изъ нихъ остался только остовъ, которому время и лица придавали жизнь и существованіе.

Не смотря на то, *тхдезси* весьма любопытны и заключаютъ въ себѣ множество героическихъ анекдотовъ, характеризующихъ народную жизнь въ разныя эпохи ея развитія и открывающихъ намъ любопытную сторону честолюбія древнихъ черкесовъ.

Вотъ одинъ изъ примѣровъ.

Жанѣевскій дворянинъ *Каитъ* былъ человѣкъ гордый, отличавшійся своею храбростію и наѣздничествомъ. Однажды, возвратившись изъ наѣзда, онъ посѣтилъ красавицу, которыхъ было такъ много въ древней Черкесіи.

— Неужели, Каитъ, спросила съ улыбкою встрѣтившая его дѣвушка, и ты, подобно такимъ-то (тутъ она назвала двухъ знаменитыхъ князей), питаешься только походною пищею?

Сомнѣніе красавицы въ томъ, что Каитъ не можетъ переносить серьезныхъ лишеній, задѣли гордость храбраго дворянина и, съ наступленіемъ ночи, Каитъ отправился къ двумъ названнымъ князьямъ, чтобы доказать красавицѣ, что не боится лишеній и не хочетъ уступить въ превосходствѣ, въ отвагѣ и въ

перенесенія трудовъ на одному наѣзднику въ мірѣ. Преодолѣвъ всѣ трудности пути, сопряженныя съ дальнимъ и опаснымъ переѣздомъ, Кантъ достигъ наконецъ до знаменитыхъ князей, скрывавшихся въ домѣ преданнаго имъ кунака. Двѣ злыя собаки уцѣпились за ноги Канта, когда онъ пошелъ въ кунахскую, но, не обращая на нихъ никакого вниманія, продолжалъ идти окровавленными ногами. Дочь хозяина сообщила о странномъ гостѣ, и князья, удивляясь хладнокровію пріѣзжаго, пожелали тотчасъ же его видѣть.

Съ тѣхъ поръ Кантъ сталъ неразлучнымъ спутникомъ и другомъ князей.

Однажды, при жестокомъ преслѣдованіи враговъ, оба князя пали на полѣ битвы. Истекая кровью, друзья просили Канта оставить ихъ и удалиться, пока есть возможность. Кантъ принялъ ихъ просьбу за оскорбленіе себѣ.

— Многочисленное жанѣевское племя! говоритъ Кантъ устами разсказчика, я для васъ все покинулъ, и съ вами дѣлилъ походную пищу; теперь, когда вы гибнете—я раздѣлю жизнь свою!

Кантъ защищалъ ихъ тѣла съ такою отважностію и мужествомъ, что непріятель, удивленный его храбростію, просилъ, чтобы онъ удалился, какъ иноплеменникъ, безопасно на свою родину. Кантъ не хотѣлъ и слышать о томъ, чтобы ему пощадили жизнь — и палъ, защищая тѣла убитыхъ друзей своихъ.

Что касается до *старыхъ вымысловъ*, то подъ этого рода поэзіею слѣдуетъ подразумѣвать то, что мы называемъ сказками. У черкесовъ было много сказокъ, представлявшихъ значительный интересъ при изученіи народнаго характера, но, къ сожалѣнію, въ настоящее время ихъ можно считать утраченными для изслѣдователя если не въ цѣломъ, то большей ихъ части. Причина тому прежде всего лежитъ въ разсѣяніи въ настоящее время черкескаго народа, а затѣмъ въ преслѣдованіи магометанскимъ духовенствомъ всякаго рода пѣсенъ, забавъ и увеселеній, какъ несогласныхъ съ духомъ ислама.

Съ принятіемъ черкесами магометанства, муллы и эфендіи совершенно изгнали стихотворцевъ, и *гекоко* болѣе не существуютъ.

Теперь между черкесами появляются одиновіе странствующіе барды, передающіе пѣсни, преданія старины, и импровизующіе стихи на новыя происшествія. Черкесы чрезвычайно впечатлительны, легко воспламеняются пѣснью и разсказомъ. Этою чертою народнаго характера весьма часто пользовались люди, желавшіе овладѣть народнымъ мнѣніемъ и занять степень военныхъ начальниковъ и предводителей въ борьбѣ съ русскими. Задумавъ какое-нибудь предпріятіе, они отправляли по краю преданныхъ имъ импровизаторовъ, которые, прославляли ихъ умъ и дѣла, увлекали народъ въ ихъ пользу. Однимъ пѣвцамъ принадлежало исключительное право разсказывать подвиги черкескихъ героевъ, потому что сами они, изъ скромности, никогда не говорили о своихъ заслугахъ и храбрости.

Нынѣшнія пѣсни слагаются большею частію или про храбрецовъ, или

трусовъ, но преимущественно въ нихъ проглядываетъ молодечество наѣздовъ и похищеніе красавицъ.

Появленіе поэта-импровизатора на праздникѣ, какъ прежде, такъ и теперь, составляетъ истинное удовольствіе для народа. Густая толпа тотчасъ же окружаетъ странствующаго барда. И вотъ среди двора садится, поджавъ подъ себя ноги, старикъ съ загорѣвшимъ лицомъ и обнаженною грудью; утвердивъ на колѣнѣ свой инструментъ, онъ извлекаетъ изъ него монотонные звуки и подпѣваетъ такую же монотонную свою пѣсню.

«Красавицы горъ — поетъ онъ — на порогахъ саклей, за рукодѣліемъ, поютъ про подвиги храбрыхъ. На крутыхъ берегахъ кипучей Лабы, питомцы брани вьютъ арканы, а Темиръ-Казекъ, съ небесъ въ ясную ночь, указываетъ имъ сакли враговъ. И не на ладьяхъ, а грудью бурныхъ коней разсѣкаютъ они Кубани шумныя воды и пустыни безбрежныхъ степей пролетаютъ падучею звѣздою. Вотъ передъ ними древній Донъ плещетъ и сѣдыя волны катитъ; надъ волнами стелется туманъ; въ иглистой выси коршунъ лишь чернѣетъ, а по берегу лишь робкія лани бредутъ...»

Для потѣхи публики, въ особую подставку инструмента пѣвца вдѣта палочка, къ которой прикрѣпленъ деревянный конекъ-горбунокъ, вершка въ три, связанный въ суставахъ ногъ ниточкой. Когда пѣвецъ водитъ по струнамъ пальцами, къ которымъ привязанъ шнурокъ отъ палочки, конекъ выдѣлываетъ въ тактъ уморительныя штуки и движенія. Старикъ тянетъ свою заунывную пѣсню, а толпа помираетъ со смѣху (1)...

Часто пѣвецъ-импровизаторъ не употребляетъ вовсе инструмента. Онъ начинаетъ свой разсказъ довольно медленно, мѣрно ударяя черенкомъ ножа въ какую-нибудь звонкую вещь; потомъ тактъ ускоряется, голосъ его усиливается, и тихій речитативъ переходитъ въ звонкую пѣснь, воспѣвающую, напримѣръ, подвиги Керзека-Шрухуко-Тугуза, натухажскаго дворянина (2).

— Ахъ была когда-то блестящая пора свѣта! говоритъ импровизаторъ: тогда-то и первенство благороднаго удальства находилось въ рукахъ дворянъ Керзековъ.(3).

---

(1) Племя адиге. Т. Макарова. „Кавк." 1862 г. № 34. Наѣздъ Кунчука. Султанъ-ханъ-Гирея. „Кавк." 1846 г. № 37 и 38. О бытѣ, правахъ и обычаяхъ древнихъ атыхейскихъ племенъ. Шахъ-бекъ-Мурзина. „Кавк." 1849 г. № 34. Пятигорскій Сазандаръ. „Кавк." 1846 г. № 17. Воспомин. кавк. офицера. „Рус. Вѣстн." 1864 г. № 11. Письмо съ Кавказа Ѳ. Юхотьникова. „Русское Слово" 1861 г. № 4. Этнографичес. очеркъ черкескаго народа барона Сталя (рукопись).

(2) Полученіемъ этой пѣсни, какъ и многихъ другихъ матеріяловъ, я обязанъ А. П. Берже, которому и приношу глубочайшую благодарность.

(3) Молодое поколѣніе, говоритъ султанъ Крымъ-Гирей, которому принадлежитъ переводъ этой пѣсни, хорошо помнитъ натухажскихъ дворянъ первой степени, каковы были Супакó, Куйцукъ и Керзекъ. Изъ этихъ фамилій замѣчательнѣйшимъ представителемъ былъ изъ Керзековъ Шрухуко-Тугузъ, и на Кавказѣ не часто бывали такіе молодцы, какъ этотъ 70-ти лѣтній старикъ. Натухажцы воспѣли старика, и пѣсни о немъ не пере-

«Старый Шрухуко—Тугузъ горитъ пылкой отвагой. Мракъ ночи для него то же что лунная ночь, а лунная ночь — верхъ всякаго блестящаго дня. Онъ обожаемъ толпой поклонниковъ, всегда густо тѣснящихся вокругъ него. Находясь въ обществѣ съ добрыми молодцами, старый Шрухуко—Тугузъ заставляетъ своихъ завистниковъ сгорать отъ досады, а враговъ пресмыкаться и льстить себѣ.

«Шрухуко-Тугузъ надоѣдаетъ своей молодой женѣ безпрерывныя приношеніями шелковыхъ тканей.

«Въ несчастный день калаусской битвы, Шрухуко-Тугузъ, на бѣломъ вихревомъ конѣ, опередилъ спутниковъ и прежде ихъ очутился на противоположной сторонѣ рѣки.

«Не сопровождаемый войсками падишаха и не дожидаясь позволенія анапскаго паши, Шрухуко-Тугузъ рѣшается на подвигъ безпримѣрный, за что, впрочемъ, впослѣдствіи получаетъ, вмѣсто благодарности, выговоръ отъ начальника янычаровъ — Янычаръ-аги.

«Ружейную стрѣльбу начинаетъ прежде другихъ, присоединяется къ обнажившимъ шашки, не оглядываясь назадъ, разитъ впередъ, опустошаетъ бастіонъ, учится славѣ...

«Любя мусульманъ, презирая въ лицѣ генерала всѣхъ русскихъ, Шрухуко—Тугузъ упоятся громомъ боя.

«Въ сраженіи Шрухуко повторяетъ примѣръ кровавой сѣчи славнаго Озермеса, сына Еркена, а въ храбрости уподобляется младшему брату Озермеса, Темиркану (1).

«Шрухуко—Тугузъ потрясаетъ копытами своего коня русскій станъ, снова обнажаетъ вѣковую саблю и мчится на генерала... Потомъ переселяетъ ближайшую русскую станицу, оставленную безъ защиты испуганными воинами, освобождаетъ плѣненныхъ собратьевъ и, замѣченнымъ героемъ, возвращается на родину.

«Гассанъ-паша (2), великій начальникъ Анапы, усыновляетъ Шрухуко-Тугуза и представляетъ его народу, какъ сына. — Седръ-азамъ (3), племянникъ Гассанъ-паши, льстя себя мыслію взглянуть на героя, присылаетъ къ Тугузу пригласительныя письма. Шрухуко склоняется на просьбу Седръ-азама и отправляется на кораблѣ въ Стамбулъ. Знаменитый почитатель Шрухуко-Тугуза привѣтствуетъ его на падишахской пристани въ виду сераля. Султанъ приказываетъ войскамъ отдавать всюду честь Шрухуко-Тугузу. Шейхъ-исламъ привстаетъ при появленіи героя въ стѣнахъ золотаго сераля. Герой осы-

---

ставали волновать молодежь до переселенія натухажцевъ въ Турцію. Предлагаемая пѣсня относится къ 1824 году, къ роковому году калаусскаго пораженія.

(1) Озермесъ и Темирканъ были знаменитые кабардинскіе герои. Новѣйшіе герои только уподобляются имъ, но не пользуются самобытной репутаціей.

(2) Старики-натухажцы воспоминаютъ имя Гассанъ-паши съ уваженіемъ.

(3) Такъ называютъ черкесы турецкаго военнаго министра.

ными драгоцѣнностями. Онъ не утруждается поднимать неосторожно роняемые алмазы. Падишахъ и Стамбулъ ликуютъ въ честь Шрухуко-Тугуза...

«Такъ проходятъ дни..., но храбрый черкесъ уже тоскуетъ по родинѣ: въ Стамбулѣ нѣтъ ему равнаго, и онъ собирается въ обратный путь. Провожать его до падишаховой пристани объявлено по Стамбулу обязательнымъ для всѣхъ, а неподарившіе Тугуза осмѣяны всенародно.

«Бывъ такъ почтенъ османами, Шрухуко-Тугузъ, наконецъ, возвращается, и съ радостнымъ восклицаніемъ вступаетъ въ искони-родную землю».

Человѣку постороннему трудно уловить у черкесовъ то, что мы называемъ народною поэзіею. Затрудненіе увеличивается отъ того, что новыя пѣсни быстро смѣняли старыя; каждый подвигъ, каждый новый бой рождалъ новую пѣсню. Герой подвига восхвалялся по заслугамъ; быть упомянутымъ съ похвалою въ пѣснѣ считалось лучшею наградою. Импровизаторы, еще и теперь, по просьбѣ родныхъ, часто сочиняютъ стихи въ похвалу наѣздникамъ, убитымъ въ дѣлахъ. Какъ только появлялась въ горахъ новая пѣсня, она быстро облетала весь Закубанскій край, но ея никто не списывалъ и пѣсня скоро забывалась. Замѣчательно, что черкесы не пренебрегали и своими врагами, отличившимися храбростію или смѣлостію: про нихъ также слагались пѣсни. Такъ, черкесы воспѣвали подвиги генерала Вельяминова, котораго называли *кизилъ-генералъ*, или *генералъ-плижеръ*, т. е. красный генералъ, по причинѣ его рыжеватыхъ волосъ; славили дѣло Круковскаго у станицы Бекешевской 1843-го года и подвигъ генерала Засса на Фарзѣ въ 1841 году (¹).

«Дѣти, не играйте шашкою» — пѣли они про Вельяминова — «не обнажайте блестящей полосы, не накликайте бѣды на головы вашихъ отцовъ и матерей: генералъ-плижеръ близокъ!

«Близко или далеко—генералъ-плижеръ знаетъ все, видитъ все: глазъ у него орлиный, полетъ его соколиный.

«Было счастливое время: русскіе сидѣли въ крѣпостяхъ за толстыми стѣнами, а въ широкомъ полѣ гуляли черкесы; что было въ полѣ принадлежало имъ; тяжко было русскимъ, весело черкесамъ.

«Откуда ни взялся генералъ-плижеръ, и высыпали русскіе изъ крѣпостей; уши лошади вмѣсто присошекъ, сѣдельная лука вмѣсто стѣны; захватили они поле, да и въ горахъ не стало черкесамъ житья.

«Дѣти, не играйте шашкою, не обнажайте блестящей полосы, не накликайте бѣды на головы вашихъ отцовъ и матерей: генералъ-плижеръ близокъ.

«Онъ все видитъ, все знаетъ. Увидитъ шашку на-голо, и будетъ бѣда. Какъ воронъ на кровь, такъ онъ летитъ на блескъ желѣза. Генералъ-пли-

(¹) Этнографическій очеркъ черкескаго народа барона Сталя (рукопись). Военно-ученый архивъ главнаго штаба.

жеръ налетитъ какъ соколъ, заклюетъ какъ орелъ, какъ воронъ напьется нашей крови (1).»

Старинныя пѣсни про *нардовъ* (гигантовъ, богатырей) и про прежнихъ рыцарей глубоко уважаются, но онѣ очень рѣдки; большая часть ихъ забыта народомъ.

Изъ историческихъ пѣсень народа, бывшихъ въ употребленіи въ послѣднее время, одна воспѣваетъ сраженіе при урочищѣ Кызъ-бурунъ, а другая о взятіи Дербента черкесами и татарами. Первая пѣлась за Кубанью, вторая у шапсуговъ.

Кызъ-бурунъ составлена длиннымъ размѣромъ, въ родѣ гекзаметровъ, и поется съ акомпаниментомъ пшиннера. Вотъ ея содержаніе. Князья Большой Кабарды, потомки Капарта, старшаго сына Иналова, хотятъ посадить для княженія надъ бесленѣевцами одного изъ своихъ князей, но у бесленѣевцевъ остался наслѣдникомъ малолѣтный князь, потомокъ Беслана, младшаго сына Иналова, и потому бесленѣевцы сопротивляются. Князья Большой Кабарды вооружаются; бесленѣевцы, какъ слабѣйшіе, приглашаютъ на помощь всѣ закубанскія черкескія племена и крымскаго хана. Собираются всѣ представители закубанскіе и здѣсь поэтъ дѣлаетъ описаніе всѣхъ народовъ и князей, участвовавшихъ въ союзѣ, перечисляетъ дворянскіе роды. Союзники поднялись и двинулись въ Большую Кабарду. Кабардинцы также собрались, заняли укрѣпленную позицію на рѣкѣ Баксанѣ и укрѣпили ее опрокинутыми арбами. Завязывается бой; темиргоевцы и бжедухи оказываютъ чудеса храбрости, растаскиваютъ арбы и врываются въ укрѣпленіе. Побѣда остается за закубанскими черкесами и кабардинцы отказываются отъ своихъ притязаній.

Пѣснь, которую поютъ шапсуги, описываетъ взятіе Дербента (Демиръ-хапу). Черкесы, по вызову крымскаго хана, пошли на Дербентъ. Въ составѣ ополченія было все лучшее черкеское дворянство, и князья Болотоковы отличались въ этомъ походѣ такою храбростію, что крымскій ханъ далъ имъ право на чернаго хана (кара-ханъ, или кара-султанъ), т. е. что Болотоковы имѣютъ всѣ права настоящаго хана надъ народомъ, вездѣ, гдѣ онъ самъ, бѣлый ханъ, т. е. повелитель Крыма, не управляетъ лично народомъ. Черкесы говорятъ, что эта пѣснь есть родословная книга ихъ дворянства, такъ что тѣ фамиліи, которыя непоименованы въ пѣснѣ, не принадлежатъ къ кореннымъ дворянскимъ фамиліямъ.

У шапсуговъ еще недавно существовала пѣсня о враждѣ ихъ съ крымскими ханами.

Съ древнѣйшихъ временъ крымскіе ханы, которымъ повиновалась тогда вся нынѣшняя Кавказская область, населенная нагайцами и калмыками, которые, такимъ образомъ, огибали съ сѣвера горы своими владѣніями, постоянно стремились утвердить свою власть въ горахъ.

Изъ народныхъ преданій и пѣсенъ видно, что крымскіе ханы, въ теченіе

(1) Воспоминанія кавказскаго офицера. „Русскій Вѣст.“ 1864 г. № 11.

двухъ сотъ лѣтъ, вели войну съ черкесами, желая покорить ихъ своей власти, что много народа погибло въ кровавыхъ сѣчахъ, но ханы не успѣли ни совершенно, ни на долго оставаться повелителями черкескаго народа. Безпрерывныя возстанія уничтожали только-что упрочившуюся власть крымскихъ хановъ и всегда было одно или два поколѣнія черкескаго народа, которыя, сохранивъ свою независимость, успѣвали и другихъ своихъ соплеменниковъ вызывать къ возстанію.

Война была кровопролитна; нѣкоторыя поколѣнія черкескаго народа, напримѣръ хегайковъ, совершенно истреблено въ этой борьбѣ; другое, жанѣевцы, до того потерпѣли въ войнѣ, что и по прошествіи ста-пятидесяти лѣтъ, не въ состояніи были оправиться и составляютъ весьма небольшое племя среди шапсуговъ.

Черкескіе народы, жившіе на подгорныхъ равнинахъ, хатюкайцы, темиргоевцы, бесленѣевцы и даже кабардинцы, нѣкоторое время покорялись крымскимъ ханамъ; но шапсуги никогда не находились подъ властію Крыма и были покровителями всѣмъ своимъ единоплеменникамъ, желавшимъ освободиться изъ-подъ чуждой имъ власти. Война крымскихъ хановъ противъ шапсуговъ была всегда неудачна. Ханъ Девлетъ-Гирей, вторгнувшійся въ ихъ землю, былъ разбитъ на рѣкѣ Пшадѣ шапсугскимъ предводителемъ, княземъ Немира-Шубсъ. Въ этомъ дѣлѣ, по словамъ пѣсни, самъ крымскій ханъ былъ взятъ въ плѣнъ и, по предложенію предводителя черкесовъ, посаженъ на верблюда, привязанъ лицомъ къ его хвосту и отправленъ къ Джанкте, по дорогѣ въ Крымъ.

— Поѣзжай себѣ въ Крымъ, сказалъ Немира-Шубсъ плѣненному хану; но такъ какъ ты любишь шапсуговъ, то мы тебя такъ посадили на верблюда, чтобы ты, ѣхавши въ Крымъ, все смотрѣлъ на наши горы.

У кабардинцевъ существуетъ пѣсня про хана Селимъ-Гирея; она относится къ тому времени, когда Большая Кабарда была подъ властію крымскихъ хановъ.

Ханъ Селимъ-Гирей, съ своими войсками, собирался идти на Дербентъ, желая завладѣть имъ. Онъ прибылъ, съ частію своихъ войскъ, въ Большую Кабарду, которая должна была выставить милицію. Кабардинцы сдѣлали заговоръ, истребили татаръ, убили самого Селимъ-Гирея и сняли съ него панцырь. Въ пѣснѣ, въ видѣ насмѣшки, говорится, что «кабардинцы съ крымскаго хана сняли кожу». Панцырь этотъ и до сихъ поръ хранится въ фамиліи князей Мисостовыхъ.

Въ одной пѣснѣ, которую поютъ у шапсуговъ, сохранилось описаніе кроваваго эпизода борьбы жанѣевскаго племени противъ крымскихъ хановъ. Неоднократно побѣждаемые въ битвахъ съ татарами, жанѣевцы, узнавъ, что противъ нихъ опять собираются крымцы, рѣшились побѣдить или погибнуть до послѣдняго. Каждый изъ жанѣевцевъ долженъ былъ участвовать въ бою и взять съ собою малолѣтняго ребенка своего, чтобы, защищая его, не

отступать и шага назадъ. Одинъ изъ жанѣевцевъ, не имѣя дѣтей, взялъ свою невѣстку и поставилъ за собою. Невѣстка, въ пѣснѣ, спрашиваетъ, что будетъ съ нею во время битвы, въ случаѣ смерти деверя.

— Если я паду въ бою, отвѣчаетъ ей жанѣевецъ, то трупъ мой спасетъ тебя и народъ.

Завязывается упорный рукопашный бой; крымцы одолѣваютъ. Одинъ татаринъ налетаетъ на жанѣевца, прикрывающаго своимъ тѣломъ невѣстку, и убиваетъ его. Но въ то самое время, когда онъ схватываетъ беззащитную женщину, чтобы увлечь ее въ плѣнъ, лошадь поскользнулась на трупѣ жанѣевца и татаринъ падаетъ съ лошади. Жанѣевцы убиваютъ татарина и снимаютъ съ него доспѣхи: это былъ моментъ оборота битвы. Жанѣевцы ободряются, татары робѣютъ, и, разбитые, отступаютъ....

Вотъ еще одна пѣсня, потерянная въ цѣломъ, но сохранившаяся частями, въ видѣ преданія, у шапсуговъ, темиргоевцевъ и кабардинцевъ. По содержанію ея, кабардинцы и темиргоевцы считаютъ себя выходцами изъ Арабистана. По преданію, кабардинцы и темиргоевцы, до прибытія своего на Кавказъ, перекочевали въ Крымъ, гдѣ и жили очень долгое время. Недовольные ханами, они перебрались черезъ Таманскій проливъ и поселились на Джинтейскомъ острову — въ устьѣ Кубани. Послѣ упорной войны, они удалились въ Бакинское ущелье, на р. Адагумѣ. Крымцы и прочіе горцы вытѣснили ихъ и оттуда. Тогда кабардинцы поднялись цѣлымъ народомъ, двинулись къ Каменному мосту, на р. Малкѣ, и поселились на мѣстахъ нынѣ ими занимаемыхъ. На пути отъ Адагума кабардинцы, слѣдуя по подгорію, были постоянно преслѣдуемы непріятелемъ, такъ что, не имѣя отдыха, не могли похоронить умершей своей княжны и везли ея тѣло. Отъ этого путь отступленія кабардинцевъ, отъ бывшаго Ахметовскаго укрѣпленія до укрѣпленія Хумары, получилъ названіе *хадахъ-тляхо*, т. е. путь покойницы.

Что же касается до мотивовъ пѣсенъ, то «пѣніе горцевъ», говоритъ Вердеревскій, «еще оригинальнѣе ихъ музыки. Представьте себѣ, что четыре пѣвца хоромъ тянутъ четырехнотную гамму, напримѣръ съ *до*, останавливаясь на *фа* и потомъ опять спускаясь къ *до*; въ это время пятый, главный пѣвецъ, рѣзкой фистулой поетъ, во всю силу своего голоса, какой-то речитативъ въ ладъ, но не въ тактъ аккомпанимента своихъ товарищей; въ это же самое время *ышено* (пшиннеръ) дѣлаетъ свое дѣло — и изо всего этого выходитъ удивительная разноголосица, въ которой однако же, мало по малу, привыкающее ухо европейца можетъ, наконецъ, различить какой-то мотивъ, какую-то смутную музыкальную мысль» (¹).

Мотивы старинныхъ пѣсенъ похожи на грегоріанскій церковный напѣвъ,

---

(¹) Отъ Зауралья до Закавказья Е. Вердеревскаго. „Кавказъ" 1855 г. № 30. Этнографическій очеркъ черкесскаго народа барона Сталя (рукопись).

доказывающій, что музыка здѣсь родилась изъ церковныхъ пѣснопѣній. Христіанство исчезло между черкесами, но мотивы его молитвъ остались...

V.

Внутренній бытъ черкеса и его семейная жизнь. — Неограниченность власти мужа надъ женою, отца надъ сыномъ. — Положеніе въ семействѣ черкесской женщины. — Разводы мужа съ женою. — Цѣломудріе женщинъ. — Рожденіе и воспитаніе. — Аталычество. — Похороны.

Внутренняя жизнь черкеса была всегда встревожена, всегда взволнована: какой-нибудь вопросъ да занималъ общество. То народное собраніе подымало на ноги весь народъ, или въ аулѣ происходило какое-нибудь разбирательство; то ходила въ народѣ ложная, преувеличенная вѣсть о грозящей опасности; то сборъ партій, то набѣгъ; то дѣйствительное вторженіе нашихъ войскъ въ ихъ предѣлы, или, наконецъ, появленіе въ горахъ *шейха* (святаго), проповѣдывавшаго покаяніе.

Въ послѣднемъ случаѣ, народъ, въ припадкѣ набожности, начиналъ съ воплемъ каяться, приносилъ въ жертву черныхъ барановъ, молился Богу, налагалъ на себя постъ и собирался слушать проповѣди *шейха*.

На большой полянѣ, гдѣ-нибудь въ лѣсу, недалеко отъ аула, собиралось до трехъ тысячъ черкесовъ, образовывавшихъ обширный полукругъ. Стоя на колѣнахъ, въ снѣгу, съ поникшими головами, они жадно слѣдили за молитвой, произносимой громкими голосами нѣсколькихъ эфендіевъ, въ бѣлыхъ чалмахъ и такого же цвѣта длинныхъ мантіяхъ, накинутыхъ поверхъ черкески. Воткнутыя передъ ними палки, съ полумѣсяцемъ, означали ту сторону, гдѣ лежитъ Мекка. Послѣ молитвы, проповѣдникъ читалъ главу изъ корана и говорилъ проповѣдь, убѣждавшую народъ не сближаться съ гяурами и драться съ русскими до послѣдней капли крови. Яркія картины проповѣдниковъ, обѣщавшія райскія утѣхи павшимъ въ бою съ русскими, и адскія муки, ожидавшія тѣхъ изъ нихъ, которые покорились, такъ были хорошо приноровлены къ понятіямъ и характеру черкесовъ, что сильно поражали ихъ воображеніе.

Впечатлѣніе, производимое проповѣдникомъ на предстоявшихъ, было очень велико: это можно было видѣть по быстро-измѣнявшимся выразительнымъ ихъ лицамъ. Но этого ему казалось недостаточно: онъ кончалъ проповѣдь только тогда, когда, своими словами, вызывалъ всеобщее восклицаніе собравшейся толпы. Перечисляя всѣ грѣхи, принимаемые на душу черкескими племенами, признавшими надъ собою силу русскаго закона, проповѣдникъ замѣ-

чалъ, «что, по дошедшимъ до него слухамъ, они—отъ чего да избавитъ Аллахъ каждаго правовѣрнаго, чающаго вѣчной жизни — даже ѣдятъ свинину, безъ чего гяуры не стали бы имъ покровительствовать». Этого не выносили черкесы: они трепетали отъ досады; неистовые крики омерзѣнія и проклятія вырывались изъ толпы...

— Харамъ! харамъ! (нечисто, запрещено) кричала толпа, покрывая послѣднія слова проповѣдника...

Довольный дѣйствіемъ своей рѣчи и необузданною ревностію своихъ слушателей, проповѣдникъ благословлялъ собраніе и всѣ расходились по домамъ. Проходило два-три дня, самое большое недѣля, и все забыто... опять другой вопросъ занимаетъ всѣхъ.

Весна и осень—два времени года, когда жизнь черкесовъ отличалась наибольшею дѣятельностію; время это можно назвать временемъ *наѣздничества*. Съ наступленіемъ весны или осени, князь, собравъ себѣ достаточную партію молодыхъ дворянъ-наѣздниковъ, выѣзжалъ съ ними, что называется, въ *поле*. Избравши удобное мѣсто, партія располагалась въ шалашахъ или просто подъ навѣсомъ. Княжеская свита, прислуга и молодые дворяне разъѣзжались по ночамъ въ аулы, искали добычи, захватывали, т. е. воровали и пригоняли быковъ и барановъ для пищи. Если ночной поискъ бывалъ неудаченъ, то отправляли днемъ посланныхъ въ аулы, гдѣ они закупали необходимые припасы и ту провизію, которую нельзя было пріобрѣсти молодечествомъ, какъ то: пшено, молоко, сыръ и пр. Лучшіе наѣздники отправлялись въ экспедицію въ дальнія племена, пригоняли къ своимъ товарищамъ табуны лошадей и приводили плѣнныхъ. Пиръ за пиромъ, угощеніе за угощеніемъ слѣдовали въ это время и сопровождались стрѣльбою, скачками и другими играми.

Въ жизни черкеса нельзя указать ни одного момента, чтобы онъ сидѣлъ смирно; всегда есть какое-нибудь происшествіе, занимающее общество и, преувеличенною вѣстію, обѣгающее весь край. Только ненастные дни, бури, да ночь заставляли каждаго сидѣть дома и грѣться у огня, домашняго очага, развалившись на разостланной полости.

Простая домашняя обстановка черкесовъ убаюкивала ихъ сильныя ощущенія; въ саклѣ было ему тѣсно, душно и грязно.

Домá безъ деревянныхъ половъ, недостатокъ бѣлья и одежды, отсутствіе теплыхъ бань и скудная пища порождали между туземцами неслыханную нечистоту и самыя отвратительныя накожныя болѣзни. «Кромѣ чесотки», говоритъ очевидецъ, «и всякаго рода злокачественныхъ нарывовъ, я не разъ встрѣчалъ настоящую проказу, видѣлъ дѣтей, у которыхъ шея и плечи были покрыты наростомъ, похожимъ на рыбью чешую».

Черкесы вообще неопрятны; носятъ, не снимая съ плечъ, бешметы испещренные заплатами, и нагольные тулупы съ множествомъ разнаго рода насѣкомыхъ; въ ихъ бараньей шапкѣ содержится чуть не цѣлый возъ сѣна,

щеновъ, отрубей и множество другихъ веществъ. Бѣдность и недостатокъ въ одеждѣ такъ были велики у абадзеховъ, что только половина изъ нихъ имѣла рубашки, а остальные носили одну черкеску, не снимая ея съ плечъ. Дѣти, до десятилѣтняго возраста, особенно у крестьянъ, ходили или голыми, или въ одной рубашкѣ. Въ теплой одеждѣ и въ шубахъ нужда была такъ велика, что изъ трехъ-тысячнаго сборища абадзеховъ, для набѣга на нашу линію, достигали до р. Лабы не болѣе тысячи человѣкъ, а остальные принуждены были возвращаться домой съ половины пути. Одежда абадзеховъ состояла, по преимуществу, изъ грубой бумажной ткани, вымѣниваемой ими у турокъ на женщинъ и дѣтей.

При такой бѣдности нельзя было и помышлять объ особенной чистотѣ. Черкесы высшаго класса и люди богатые держали себя гораздо чище и между ними не встрѣчалось накожныхъ болѣзней. Во всѣхъ же сословіяхъ черкесскаго народа женщины отличались большею опрятностію, чѣмъ мужчины, не смотря на то, что исполняли почти всѣ домашнія и грязныя работы. За неимѣніемъ бань, женщины безпрестанно полоскались въ большихъ, совершенно плоскихъ, мѣдныхъ тазахъ и содержали свою одежду въ исправности и чистотѣ.

Непривлекательность обстановки была отчасти причиною, что черкесъ рѣдко проводилъ время въ саклѣ, посреди семейства; только наступленіе ночи и вечерній сумракъ пригонялъ его домой, гдѣ хозяйка хлопотала объ ужинѣ, мѣшая безпрестанно въ котелкѣ, висящемъ на желѣзной цѣпи надъ яркимъ костромъ. Оборванные ребятишки ползаютъ на четверенькахъ по полу и, съ криками, протягиваютъ свои рученки, ловя за полы свою мать, переливающую изъ ведеръ въ корыто только-что надоеное парное молоко. Захлопотавшаяся женщина сердито прикрикиваетъ на дѣтей и гонитъ ихъ прочь.

— Не до васъ мнѣ теперь, говоритъ она, подите вонъ, къ *нему*.

Лежащій передъ костромъ отецъ семейства считаетъ неприличнымъ пускаться въ интимную бесѣду съ своею дражайшею половиною. Онъ ограничивается сухими, угрюмыми фразами, кидаемыми нехотя черезъ плечо, и очень похожими на мычаніе быка. Жена никогда не дерзаетъ назвать мужа по имени, ни въ глаза, ни за глаза, точно также какъ и мужъ не снисходитъ до этого. Названія *онъ* и *она* замѣняютъ въ семейномъ быту черкеса собственныя имена мужа и жены.

— Подите къ *нему*! говоритъ женщина своимъ дѣтямъ, указывая на отца.

— Видите, что *она* занята, кричитъ отецъ, унимая дѣтей.

Приласкать дѣтей, поцѣловать жену считается предосудительнымъ. Вообще поцѣлуй у черкесовъ есть принадлежность только брачнаго ложа.

Черкескій дворянинъ проводилъ жизнь на лошади, въ воровскихъ набѣгахъ, въ дѣлахъ съ непріятелемъ, или разъѣзжалъ по гостямъ. Если же и былъ дома, то проводилъ весь день въ кунахской, гдѣ лежалъ или чистилъ оружіе, поправлялъ конскую сбрую, а чаще ничего не дѣлалъ. Въ минуты со-

вершеннаго бездѣлья, онъ стругалъ ножемъ палочку или напѣвалъ пѣсню, акомпанируя на пшиннерѣ. Ему дѣла не было до того, что происходило въ семьѣ, съ которой онъ рѣдко видѣлся и ходилъ къ женѣ только вечеромъ. На послѣдней лежала обязанность смотрѣть за хозяйствомъ. Она ткала сукно, холстъ и одѣвала дѣтей и мужа съ ногъ до головы. Если у черкеса было нѣсколько женъ, то каждая изъ нихъ занимала отдѣльное помѣщеніе, имѣла особое хозяйство и поочередно обязана была готовить для мужа пищу и относить ему въ кунахскую.

Княгиня днемъ сидѣла за шитьемъ и тканьемъ галуновъ; сакля ея наполнена была женщинами и дѣвушками, занимавшимися подъ ея руководствомъ. Въ присутствіи княгини работающія съ нею женщины соблюдали строгій этикетъ; за неприличное слово, даже движеніе строго взыскивалось. Жена одного изъ конвойныхъ князя позволила себѣ, въ присутствіи княгини темиргоевской, жены Джембулата Айтекова, какое-то незначительное неприличіе. Княгиня, не сказавъ ей ни слова, тотчасъ приказала вооруженнымъ прислужникамъ идти на выгонъ и взять пару быковъ, принадлежавшихъ этой женщинѣ. Быки были приведены на княжескій дворъ, убиты и отданы на съѣденіе княжескому двору и прислугѣ, наполнявшей комнаты.

Черкешенки отличаются замѣчательнымъ искуствомъ въ работахъ; скорѣе износится и разорвется самое платье, чѣмъ лопнетъ шовъ, сдѣланный ихъ рукою; серебряный галунъ черкеской работы крѣпокъ и изященъ.

Во всемъ, что работали женщины, видѣнъ тонкій вкусъ и отличное практическое приспособленіе. Умѣнье хорошо работать считалось, послѣ красоты, первымъ достоинствомъ для дѣвушки и лучшею приманкою для жениховъ. Замужнихъ женщинъ никто не видѣлъ; онѣ сидѣли дома, занимались дѣтьми и хозяйствомъ. Имъ дозволялось принимать у себя своихъ родныхъ обоего пола, но коранъ воспрещаетъ входъ въ чужой домъ, безъ согласія на то хозяина.

Мужу предоставлено господство надъ женою, такъ какъ на него возложено содержаніе женъ. «Господь охраняетъ женъ», говоритъ коранъ, «чрезъ покровительство мужа, и потому жена должна повиноваться мужу и сохранять всякую тайну». Мужья считаютъ своихъ женъ рабынями, существами безотвѣтными, которымъ даже не дозволяется жаловаться на мужа. Такое рабство происходитъ отъ обычая платить калымъ родителямъ за невѣсту.

По кореннымъ магометанскимъ законамъ, кромѣ мужа никто не имѣетъ власти надъ женою. Мужъ, желающій наказать свою жену, обязанъ дѣлать ей сначала словесныя наставленія, потомъ, оставляя ее одну на супружескомъ ложѣ, воздерживаться отъ сношенія съ нею и, наконецъ, наказывать тѣлесно, но безъ причиненія увѣчья или ранъ. Въ послѣднемъ случаѣ, жена можетъ жаловаться кадію, и тотъ подвергаетъ мужа тѣлесному наказанію.

Семейныя отношенія у черкесовъ были вообще грубы и деспотичны; отцовская власть на семейство неограничена. Глава семейства имѣлъ право не только лишить сына наслѣдства, но убить его, не подвергаясь за то, ни пе-

редъ кѣмъ, никакой отвѣтственности. «Та же неограниченная власть признается за общиною, которая имѣетъ право жизни и смерти, въ отношеніи каждаго своего члена».

Сынъ при отцѣ, младшій братъ при старшемъ говорить не смѣетъ. Молодой человѣкъ самаго высокаго происхожденія обязанъ былъ оказывать почтеніе каждому старику, вставать передъ нимъ, не спрашивая его имени уступать ему мѣсто, не садиться безъ его позволенія, молчать передъ нимъ, кротко и почтительно отвѣчать на его вопросы. Уваженіе къ старшимъ по лѣтамъ распространялось часто и на невольниковъ, которые не исключались изъ этого правила. «Хотя дворянинъ и каждый вольный черкесъ не имѣетъ привычки вставать передъ рабомъ»—говоритъ очевидецъ—«однако же мнѣ случалось нерѣдко видѣть, какъ они сажали съ собою за столъ пришедшаго въ кунахскую сѣдобородаго невольника» (¹).

Жена могла бесѣдовать съ мужемъ только ночью, во время супружескихъ свиданій; присутствіе же мужа въ ея покояхъ днемъ считалось предосудительнымъ. Жена не имѣла права проститься съ умершимъ мужемъ; ей не позволялось быть въ той комнатѣ, гдѣ лежалъ покойникъ. Мертваго сына матери дозволялось видѣть, но близко подходить къ нему или проститься съ нимъ—нельзя. Женщины, въ опредѣленныхъ по закону случаяхъ, могли быть свидѣтельницами какъ по гражданскимъ, такъ и уголовнымъ дѣламъ, но показаніе ихъ принималось только при одинаковости показанія нѣсколькихъ мужчинъ. Показаніе однѣхъ женщинъ, какъ свидѣтельницъ, принималось исключительно въ вопросахъ относительно рожденія, физическихъ недостатковъ женщинъ и родства по кормилицѣ. Женщины могли быть повѣренными въ дѣлахъ о бракѣ и разводѣ; могли быть назначаемы опекунами, если не было въ виду мужчинъ благочестивыхъ и достойныхъ. Надъ беременною женщиною воспрещалось совершать кровомщеніе и подвергать ея тѣлесному наказанію до разрѣшенія отъ бремени.

Кромѣ мужа, женщина можетъ показывать лицо только отцу, сыновьямъ, братьямъ, сыновьямъ брата и сестры, тестю, сыновьямъ мужа отъ другой жены и всѣмъ вообще дѣтямъ, не понимающимъ еще различія половъ. Даже и между собою женщины должны соблюдать, въ этомъ отношеніи, нѣкотораго рода приличія. По суровымъ и воинственнымъ нравамъ черкесовъ, считалось неприличнымъ мужу показываться вмѣстѣ съ женою внѣ дома, а отцу ласкать дѣтей своихъ при постороннихъ.

(¹) Этнографическій очеркъ черкескаго народа барона Сталя (рукопись). Воспоминанія кавказскаго офицера. „Рус. Вѣст.“ 1864 г. № 10, 11 и 12. Записки русскаго офицера, бывшаго въ плѣну у горцевъ. Барона Торнау. „Кавк.“ 1852 г. № 1 и 2. „На Холмѣ“. Каламбія, „Русскій Вѣст.“ 1861 г. № 11. Бѣглые очерки Кабарды. П. Степанова „Кавк.“ 1861 г. № 82. Три дня въ горахъ Калалальскаго общества. Кр-ій. „Кавк.“ 1861 г. № 84. Мусульманское право Торнау; изд. 1866 г. Обычаи шапсуговъ и натухажцевъ Л. Люлье. Запис. Кавк. отд. Им. рус. геогр. общества, книга VII, изд. 1866 г.

Не смотря на такое незавидное положеніе женщины, она все-таки могла считаться счастливою, въ сравненіи съ женщинами другихъ горскихъ народовъ. Хотя у черкесовъ на долю женщины и выпадали самыя тяжелыя домашнія работы, но это явленіе принадлежало къ обычаямъ народа, а не происходило отъ жестокости нравовъ. Случаи суроваго обращенія съ женщинами бывали очень рѣдки, и тамъ, гдѣ они встрѣчались, почти всегда виною тому бывала сама женщина. У черкесовъ, если женщина и не пользовалась самостоятельностію, за то пользовалась ролью прихотливо-оберегаемой игрушки. Она была сыта, одѣта всегда лучше мужа и прочихъ членовъ семейства, занималась рукодѣльемъ и зачастую мужъ работалъ вмѣстѣ съ нею въ полѣ.

Черкесы чрезвычайно щекотливы относительно женской добродѣтели, ея нравственности, и мстили за оскорбленіе женщины жестоко.

Обида, нанесенная семейству обезчещеніемъ женщины или дѣвушки могла быть, впрочемъ, покончена миролюбивымъ соглашеніемъ и тогда обидчикъ платилъ *пеню* изъ двадцати четырехъ головъ крупнаго скота; въ противномъ случаѣ, одно оружіе смывало безчестіе, и всѣ способы для удовлетворенія обиженнаго были дозволительны.

Въ отношеніи поведенія и правъ на цѣломудріе, черкесы раздѣляли женщинъ на три категоріи: дѣвушекъ, замужнихъ женщинъ и вдовъ. Самая строгая нравственность требовалась отъ дѣвушки и наблюденіе за этимъ возлагалось на родителей, передъ которыми дѣвушка и отвѣчала; женщина отвѣчала только передъ мужемъ, а вдова не отвѣчала ни передъ кѣмъ, могла дѣлать что ей угодно, лишь бы только не нарушала общественной стыдливости. Вдова имѣла право жить какъ ей угодно, и никто не въ правѣ былъ вмѣшиваться въ ея дѣла, если не было нарушено приличіе. Если она была знатна, хороша собою и богата, то и въ полудикой Черкесіи могла надѣяться скоро выйдти замужъ, даже послѣ многихъ любовныхъ грѣшковъ и похожденій. По обычаю народа, если женщина овдовѣетъ, одинъ изъ братьевъ покойнаго мужа можетъ на ней жениться; но это не было обязательно, и бракъ, въ случаѣ взаимнаго несогласія, могъ и не состояться. Вдовѣ предоставлялась, въ этомъ случаѣ, полная свобода.

Потеря невинности дѣвушкою считалась не преступленіемъ, а несчастіемъ. Черкесы всю вину относили на соблазнителя, котораго ожидала непремѣнная смерть, если только онъ не могъ или не хотѣлъ жениться на соблазненной имъ дѣвушкѣ. Такой человѣкъ лишался правъ на гостепріимство; ему не было пощады. Чтобы спасти свою жизнь, обольстителю оставалось одно средство: оставить свой аулъ и бѣжать къ сосѣдямъ или въ какое-либо отдаленное племя.

Нарушеніе супружеской вѣрности замужнею женщиною считалось тяжкимъ преступленіемъ, которое влекло за собою нерѣдко смерть женщины, а иногда рабство. Участника въ подобномъ преступленіи также убивали. Казнить преступную жену предоставлялось самому мужу. Въ прежнее время, онъ обрѣ-

шивалъ женѣ кончикъ носа и выгонялъ изъ дому. Въ этомъ отношеніи, виды наказаній женщины были чрезвычайно разнообразны и вполнѣ предоставлены своеволію мужа. Онъ имѣлъ право убить преступную жену, не навлекая на себя кровомщенія и не дѣлаясь отвѣтственнымъ передъ ея родственниками. Онъ могъ просто развестись съ женою, не подвергая ее наказанію. Разводы допускались у черкесовъ и обыкновенно исполнялись отсылкою жены къ ея родственникамъ и требованіемъ возврата калыма. Разводъ, впрочемъ, требовалъ фактическаго доказательства виновности женщины. Мужъ, не доказавшій виновности своей жены, терялъ право получить обратно весь калымъ: онъ могъ требовать только одну половину его и лишался права требовать другую. Сверхъ того, мужъ, не доказавшій виновности своей жены, подвергался кровомщенію ея родственниковъ. Если жена сама бросала мужа и, возвратившись въ родительскій домъ, отказывалась жить съ нимъ, то калымъ возвращался мужу весь сполна. Всѣ затрудненія, сопряженныя съ разводомъ, дѣлали то, что мужья, какъ неограниченные властелины своихъ женъ, чаще всего продавали ихъ, вмѣстѣ съ незаконнорожденными дѣтьми, туркамъ. Такъ поступали и родители съ дѣвушками, впавшими въ прелюбодѣяніе, съ тою цѣлію, чтобы какъ нибудь предать забвенію позоръ, падавшій на родныхъ, а болѣе потому, что для такихъ женщинъ, и въ особенности дѣвушекъ, не было уже возможности выйти замужъ въ своемъ краѣ (¹).

Наконецъ былъ еще одинъ видъ наказанія женщины за прелюбодѣяніе— судъ *шаріата*, отличавшійся, въ первое время, необыкновенною строгостію и кончавшійся почти всегда смертною казнію. Вотъ одинъ изъ примѣровъ такого суда, сохранившійся въ памяти народа и выраженный въ народной легендѣ.

Въ Большой Кабардѣ, вверхъ по правому берегу р. Баксана, тамъ, гдѣ оканчивается долина и начинаются Черныя горы, есть мысъ или выдавшаяся гора, названная народомъ *Кызъ-Бурунъ* (Дѣвичій мысъ). Гора эта высока и крута къ сторонѣ рѣки, имѣетъ обрывистый уступъ, покрытый изрѣдка зеленью и крючковатыми колючками терна и шиповника. На ней, въ древнія времена, происходили собранія кабардинцевъ, приносились жертвы богамъ, творился судъ и расправа надъ осужденными и виновными, которыхъ сбрасывали со скалы въ пропасть (²).

Вырываясь изъ ледяныхъ ущелій, мелководный Баксанъ спускается къ Чернымъ горамъ и, подойдя къ *Кызъ-Буруну*, какъ бы съ негодованіемъ отстраняется отъ него въ противную сторону, потомъ опять поворачиваетъ къ скалѣ, съ шумомъ протекаетъ у самаго ея подножія, выходитъ на долину и далѣе течетъ тихо и спокойно.

(¹) Обычаи шапсуговъ и натухажцевъ Л. Люлье. Записки Кавказс. отд. Им. русскаго геогр. общества книга VII, изд. 1866 г.

(²) Бѣглые очерки Кабарды П. Степанова „Кавказъ“ 1861 г. № 82.

Ниже этого мыса находились нѣкогда аулы одного изъ первостепенныхъ владѣльцевъ, князя Мисостова.

Одинъ изъ сыновей князя Мисостова, Али-Мирза, женился на прекрасной Зюльви, дочери князя Атажукова, человѣка не менѣе знаменитаго и богатаго въ Большой Кабардѣ.

Будучи еще молодою дѣвушкою, во время народныхъ праздниковъ и увеселеній, красавица Зюльви обращала на себя вниманіе всѣхъ молодыхъ князей и первостепенныхъ узденей.

Большіе черные глаза ея, съ длинными рѣсницами и тонкими дугообразными бровями, обворожали каждаго, кто имѣлъ несчастіе встрѣтиться съ ними; улыбка розовыхъ губъ открывала перламутровые зубы; бѣлизна лица и шеи спорили съ бѣлизною покрывала. Собираясь на праздникъ, гдѣ могла присутствовать Зюльви, каждый изъ мужчинъ надѣвалъ лучшее вооруженіе и старался, своимъ удальствомъ и ловкостію, обратить на себя вниманіе красавицы.

Множество молодыхъ людей были плѣнены красотою Зюльви, но никто не былъ въ состояніи уплатить калыма, назначеннаго корыстолюбивымъ отцомъ, знавшимъ цѣну достоинствамъ своей дочери. Три панцыря, со всѣми приборами, три шашки лучшія въ Черкесіи, три коня и шесть кобылицъ, лучшихъ во всей Кабардѣ, да двѣсти *юсликовъ* (турецкая монета, около 5 рублей 67 копѣекъ) — вотъ калымъ, который былъ назначенъ за дочь князя Атажукова.

Болѣе всѣхъ полюбилъ прекрасную дѣвушку Канаматъ, одинъ изъ первостепенныхъ узденей; но все его имущество не составляло и половины того, что требовалъ отецъ за Зюльви, очарованной также Канаматомъ.

Зюльви любила смотрѣть на стройный станъ Канамата, на его быстрые, огненные глаза, орлиный носъ, красивые усы и кудрявую бороду. Она любовалась, когда онъ, въ малиновой черкескѣ, садился на сѣраго коня, и какъ вихрь летая на немъ, стрѣлялъ—всегда безъ промаха—въ брошеную вверхъ шапку или когда, подъ звуки туземной музыки, отличался въ національной пляскѣ.

Въ такія минуты Зюльви не спускала глазъ съ Канамата, который, видя это, только и думалъ о томъ, какъ бы овладѣть красавицею. Но калымъ былъ слишкомъ великъ, и напрасно Канаматъ ласкался къ отцу и братьямъ своей возлюбленной, напрасно старался вступить съ ними въ куначество и, черезъ своего воспитателя, соглашать на уменьшеніе калыма—старый князь Атажуковъ былъ непоколебимъ, какъ гранитная скала.

Другимъ поклонникомъ прекрасной Зюльви былъ знаменитый хищникъ и джигитъ Девлетъ-Мирза, человѣкъ жестокій, угрюмый, но пылкій. Девлетъ былъ такъ бѣденъ, что не могъ и думать о томъ, чтобы пріобрѣсти красавицу цѣною калыма, и потому рѣшился добыть ее силою.

Пользуясь тѣмъ, что двоюродная сестра его, Фатима, была наставницею Зюльви, Девлетъ избралъ ее орудіемъ къ выполненію своихъ намѣреній.

Открывшись въ своей страсти, Девлетъ просилъ Фатиму узнать мнѣніе о немъ красавицы, и, если оно благопріятно, то предложить ей побѣгъ.

Фатима принялась за работу. Однажды, будучи наединѣ съ Зюльми, Фатима заговорила съ нею о замужествѣ. Она перебрала по именамъ всѣхъ князей, которыхъ считала достойными быть женихами своей воспитанницы. Фатима выхваляла достоинства каждаго, а сама зорко слѣдила за лицомъ красавицы и за впечатлѣніемъ, производимымъ на нее тѣмъ или другимъ именемъ. Зюльми оставалась спокойною, пока имя Канамата не коснулось ея слуха. Молодая дѣвушка вздохнула и, какъ бы стыдясь своей слабости, покраснѣла. Хитрая Фатима стала еще болѣе выхвалять Канамата.

— Перестань, Фатима! отвѣчала Зюльми, я не могу быть его женою.

— Почему? спросила хитрая воспитательница.

— Онъ бѣденъ.

— Но онъ тебѣ нравится.

— Зачѣмъ такой вопросъ! отвѣчала смущенная дѣвушка.

— Я пошутила, чтобы полюбоваться твоимъ румянцемъ, сказала Фатима... А замѣтила-ли ты Девлетъ-Мирзу?

— Нѣтъ, отвѣчала Зюльми.

— Напрасно. Онъ лучше всѣхъ князей и узденей; онъ превосходитъ Канамата если не лицомъ, то стройностію, ростомъ, проворствомъ и силою. Онъ отлично владѣетъ конемъ, смѣло бросается съ утесовъ въ стремнины, шашка его рубитъ желѣзо, мѣткая пуля его снимаетъ голову съ быстротой ласточки. Его страшатся всѣ джигиты, боятся завести съ нимъ ссору. Слава о немъ носится отъ Эндери до Анапы, куда онъ не разъ водилъ для продажи своихъ плѣнныхъ, и если бы ты знала, какъ онъ тебя любитъ!..

— Оставь меня, Фатима, я никогда не буду его женою.

— Почему?

— Онъ страшенъ, отвѣчала поблѣднѣвшая дѣвушка.

— Такъ тебѣ не нравится?.. Я пошутила, чтобы полюбоваться твоею блѣдностію...

Девлетъ-Мирза и Фатима видѣли, что попытка ихъ не удалась, и вскорѣ должны были покинуть мысль о похищеніи.

Зюльми вышла замужъ за Али-Мирзу, сына Мисостова. Молодой Али, оставшись послѣ смерти отца богатымъ наслѣдникомъ, влюбился въ Зюльми, внесъ на первый разъ половину калыма и сталъ обладателемъ красавицы.

Али-Мирза былъ сухощавъ; всклокоченная борода, кривыя брови, широкія губы и дикое выраженіе глазъ дѣлали изъ него что-то звѣрское. Сравнивая его съ Канаматомъ, Зюльми не могла не отдать преимущества послѣднему. Она не любила Али, а тотъ, замѣтивъ ея холодность, сталъ ревновать.

Не долго пользовался Али-Мирза своимъ счастіемъ. Девлетъ-Мирза рѣшился отмстить Зюльми и воспользовался своею дружбою съ Али-Мирзою.

— Знаешь-ли что, сказалъ однажды, во время охоты, Девлетъ Али-Мирзѣ: Канаматъ, который вездѣ прячется отъ насъ, крадетъ изъ твоего огорода тыкву.

— Какъ такъ? спросилъ озадаченный Али-Мирза.

— Да, онъ надѣялся прорѣзать своимъ кинжаломъ тотъ корсетъ, который тебѣ достался... теперь же думаетъ замѣнить это тѣмъ, что по вечерамъ лазитъ въ гаремъ твой.

Али-Мирза не вѣрилъ; Девлетъ уговорилъ его убѣдиться въ истинѣ его словъ.

— Скорѣе хочу потерпѣть раззореніе отъ уруса (русскаго), нежели видѣть это, отвѣчалъ Али-Мирза.

Девлетъ зналъ, что Али-Мирза видѣлъ нелюбовь къ себѣ Зюльми, что ревность нашла давно мѣсто въ его сердцѣ, а потому рѣшился довести дѣло до конца.

— Зачѣмъ не сказалъ мнѣ прежде, говорилъ онъ Али-Мирзѣ, что хочешь имѣть Зюльми? Всѣ знали, что она любитъ Канамата, что тотъ хотѣлъ взять ее безъ калыма. Я бы никогда не посовѣтовалъ тебѣ, безъ увѣренности въ расположеніи дѣвушки, покупать ее хотя бы за пару подковъ. Нѣтъ радости для нея пить изъ одной чаши съ тѣмъ, кого она не любитъ, а для тебя нѣтъ удовольствія обнимать ту, которая любитъ другаго. Такой союзъ—холодный трупъ *жляли* (мертвеца), привязанный къ тѣлу живаго, съ которымъ надобно жить и умереть, если не хватитъ мужества разорвать цѣпи союза.

Али-Мирза слушалъ все это съ мрачною задумчивостію. Онъ не возражалъ на совѣты своего коварнаго друга прогнать невѣрную жену къ отцу ея, но готовъ былъ отдать еще двойной калымъ за то только, чтобы пріобрѣсти любовь прекрасной своей супруги.

— Девлетъ! сказалъ онъ послѣ долгаго раздумья: ты открылъ мнѣ такую тайну, которой вѣрить было склонно мое сердце, но я страшился думать о томъ... Змѣя, ты скоро почувствуешь всю силу моей надъ тобою власти!... Но если это ложь, Девлетъ, то, за нарушеніе моего спокойствія и за вмѣшательство въ домашнія тайны, ты будешь отвѣчать мнѣ своею жизнію.

— Али! отвѣчалъ разлучникъ: не забудь, что я умѣю владѣть оружіемъ, и кто грозитъ мнѣ гибелью за правду, тотъ самъ пострадаетъ отъ неправды...

Мнимые друзья разстались. Али былъ увлеченъ охотою, а Девлетъ круто повернулъ своего коня и скоро пріѣхалъ къ аулу своего друга, на Баксанѣ. Остановившись у своего знакомаго, онъ вызвалъ изъ сакли Али-Мирзы преданнаго себѣ слугу, переговорилъ съ нимъ и приказалъ позвать къ себѣ Фатиму. Въ мужскомъ костюмѣ, съ кинжаломъ у пояса, явилась она къ своему родственнику и, послѣ короткихъ переговоровъ, ушла обратно въ гаремъ Али-Мирзы, а Девлетъ уѣхалъ домой.

Почти въ полночь, мрачный и задумчивый, возвратился домой Али-Мирза. Дворникъ Шегень, тотъ самый, что былъ вызванъ Девлетъ-Мирзою, бросился къ нему принять лошадь.

— Не пріѣзжалъ-ли кто сюда безъ меня? спросилъ Али.

— Кто смѣетъ, повелитель мой, отвѣчалъ вкрадчиво слуга, топтать, въ отсутствіи твоемъ, ногами коня сѣнь гарема?—но...

— Что? перебилъ его Али... говори.

— Можетъ быть, нечистая сила шайтана (чорта) въ человѣческомъ образѣ съ наступленіемъ ночи приходила и уходила отсюда...

— А гдѣ онъ былъ? спросилъ сердито Али-Мирза.

— Вотъ тамъ, сказалъ Шегень, указывая на саклю, гдѣ жила Зюльми съ Фатимою и съ другою старою женщиною.

— Кто еще видѣлъ его?

Шегень указалъ двухъ другихъ прислужниковъ, которые подтвердили, что ночью какой-то черкесъ входилъ въ гаремъ и выходилъ изъ него.

Подозрѣніе Али-Мирзы усилилось и, казалось, готово было подтвердиться. Желая однако оставить своихъ суевѣрныхъ слугъ въ предразсудкѣ о появленіи дьявола, онъ приказалъ призвать на другой день муллу для очищенія своего гарема отъ нечистой силы.

Безсонница мучила всю ночь Али-Мирзу; ревность грызла его сердце. Съ раннимъ разсвѣтомъ онъ послалъ на рѣку Чегемъ, въ аулы Джанхота, за эфендіемъ Бешегуромъ, который пользовался довѣренностію Мисостовыхъ. Едва только Бешегуръ пріѣхалъ, Али тотчасъ же повелъ его въ саклю жены. Зюльми и Фатима шили для Али кафтанъ изъ шелковой ткани. Подозрѣваемая женщина слышала уже разсказъ о вчерашнемъ появленіи шайтана въ образѣ человѣка. Зюльми видѣла въ этомъ недоброе. Она поражена была просьбою Али-Мирзы, чтобы эфендій прочелъ молитву объ изгнаніи нечистой силы изъ его гарема и призвалъ на помощь пророка Магомета, ниспослать ему миръ и спокойствіе, очистить жену отъ дурныхъ помышленій, внушить въ ея сердце любовь и вѣрность къ мужу.

Больно было Зюльми слышать такое подозрѣніе мужа, которому она старалась быть послушною, какъ вѣрнѣйшая раба. Смиренно стала она на колѣни и, вмѣстѣ съ другими, выслушивала страшныя заклинанія, отъ которыхъ блѣднѣла и терзалась. Али не спускалъ съ нея ревнивыхъ своихъ взоровъ и, въ блѣдности лица жены, ея тихихъ вздохахъ, способенъ былъ видѣть только одно—измѣну.

— Прощай, сказалъ онъ ей послѣ молитвы, я вижу твое безпокойство; мое присутствіе для тебя тягостно: ты меня не увидишь болѣе; я ѣду и даю тебѣ время успокоиться...

Али былъ въ необыкновенномъ волненіи.

— Смотри, сказалъ онъ, обращаясь къ Фатимѣ, ты погибнешь, *бажа* (лисица), если...

И, не договоривъ послѣднихъ словъ, онъ оставилъ саклю. Созвавъ къ себѣ узденей, Али объявилъ имъ, что ѣдетъ на Кубань на нѣсколько дней, и просилъ Бешегура сопутствовать ему хотя до рѣки Малки.

Зюльми осталась въ своей саклѣ, пораженная какъ громомъ послѣдними словами мужа, а Фатима продолжала съ твердостію начатое дѣло. Она позвала къ себѣ Шегеня и поручила ему, отъ имени Зюльми, звать Канамата на свиданіе. Шегень осѣдлалъ коня и ускакалъ.

Али-Мирза, во время ночлега на Малкѣ, открылъ эфендію свои подозрѣнія о невѣрности жены, признался, что, только для бóльшаго убѣжденія себя, распустилъ слухъ о мнимомъ отъѣздѣ своемъ на Кубань и просилъ Бешегура, оставаясь съ нимъ, быть свидѣтелемъ всего того, что можетъ случиться. Получивъ согласіе, Али-Мирза въ слѣдующую же ночь поѣхалъ съ Малки обратно. Вдвоемъ съ Бешегуромъ, скрытыми путями, добрались они въ полночь до аула; привязали лошадей своихъ къ плетневому забору, а сами, пробравшись тихо черезъ задніе огороды, засѣли такъ, что могли видѣть все происходившее во дворѣ и въ саклѣ-гаремѣ.

Стояла мрачная осенняя ночь; луна, то показываясь изъ-за облаковъ, то опять скрываясь за нихъ, слабо освѣщала землю. Изъ ущелья дулъ порывистый вѣтеръ; Баксанъ, вздымаясь полноводьемъ, перевертывая камни, стремился съ такимъ шумомъ, какой рѣдко слыхали его обитатели.

Въ аулѣ давно всѣ спали; спалъ подъ буркою и старый Бешегуръ, завернувшись въ сухіе листья кукурузы. Не спалъ одинъ Али-Мирза; онъ давно вынулъ изъ чахла свою винтовку и ждалъ незванаго гостя. Али сознавалъ, что, рѣшившись на такое предпріятіе, поступилъ крайне неблагоразумно; что если ожиданія будутъ напрасны, тогда стыдъ станетъ послѣдствіемъ его необдуманности. Али готовъ былъ прямо и открыто идти на дворъ, но вдругъ услыхалъ лошадиный топотъ, потомъ скрипъ воротъ и увидѣлъ человѣка, тихо вошедшаго во дворъ. Али сталъ пристально всматриваться. Незнакомецъ украдкою пробирался къ саклѣ, гдѣ жили жены, тихо постучалъ, и оттуда скоро вышла женщина безъ покрывала; лица мужчины замѣтить было невозможно, но въ лицѣ женщины князь узналъ Фатиму.

Ревнивый мужъ наскоро взвелъ курокъ, хотѣлъ направить въ нихъ смертоносный выстрѣлъ, но темное облако задернуло луну и все скрылось въ густотѣ ночнаго мрака. Али-Мирза поползъ къ мѣсту, гдѣ предполагалъ встрѣтить разговаривающихъ, но, по неосторожности, ударилъ ружьемъ о камень такъ, что произвелъ искры; разговаривающіе переглянулись и, понявъ другъ друга, бросились въ разныя стороны; но едва только незнакомецъ подошелъ къ воротамъ, какъ луна освѣтила его фигуру. Али прицѣлился.... выстрѣлъ грянулъ и незнакомецъ палъ на мѣстѣ.

Какъ бѣшеный звѣрь бросился Али на свою жертву, топталъ ее ногами, добивалъ прикладомъ и, нагнувшись надъ нимъ, узналъ Канамата. Съ бóльшею еще яростію бросился онъ съ обнаженнымъ кинжаломъ въ саклю Зюльми,

думая, прежде всего, поразить преступную Фатиму, но той уже не было въ саклѣ. По первому звуку выстрѣла, она бросилась въ дальній огородъ, сѣла на приготовленную ей Шегеномъ лошадь и ускакала вмѣстѣ съ нимъ. Али-Мирза вошелъ въ Зюльми и, схвативъ ее за волосы, стащилъ съ постели. Не обращая вниманія на ея слезы, онъ поволокъ ее на дворъ къ тѣлу Канамата. Али занесъ уже кинжалъ, чтобы поразить невѣрную, но явившійся Бешегуръ и подвластные князя остановили разъяреннаго мужа. Эфендій совѣтовалъ предать несчастную духовному суду. Али-Мирза согласился съ предложеніемъ; въ знакъ вѣчнаго разрыва съ женою обрѣзалъ ей волосы, наложилъ на руки цѣпи, одѣлъ въ рубище и, толкнувъ въ грудь ногою въ знакъ презрѣнія, приказалъ посадить ее въ яму.

На слѣдующій день собрались члены шаріата. Обвиняемая потребована къ допросу. Двѣ старыя женщины подъ руки ввели подсудимую. Никто изъ судей не могъ видѣть, что выражало скрытое подъ покрываломъ лицо несчастной. Кадій раскрылъ коранъ и заклиналъ обвиняемую показать истину.

— Знаешь ли ты Канамата? спросилъ онъ.

— Знаю, отвѣчала Зюльми со слезами.

— Любила ли ты его?

— Любила, до замужства.

Кадій улыбнулся, замѣтивъ, что она, должно быть, очень хитра, если думаетъ увѣрить присутствующихъ судей, что, полюбивъ кого-нибудь до замужства, можно разлюбить его, сдѣлавшись женою другаго.

— Сколько разъ ты видѣлась съ нимъ, будучи женою? спросилъ опять кадій.

— Ни разу, отвѣчала подсудимая.

— Къ кому же, думаешь ты, приходилъ онъ ночью?

— Я не видала.

— Былъ ли онъ у тебя въ послѣднюю ночь?

— Я спала и ничего не знаю.

— Но ты знаешь Канамата, перебилъ ее кадій, и любила его, а что онъ посѣщалъ тебя, это доказываетъ трупъ, лежащій у ногъ твоихъ. И такъ ты виновата.

Подсудимую снова отвели въ сырую яму и скоро объявили приговоръ шаріата: преступницу сбросить живую съ высокой горы.

Двухъ черныхъ быковъ впрягли въ легкую арбу. Осужденную одѣли въ бѣлую пелену, окрутили голову бѣлымъ покрываломъ и, сложивъ на груди ея руки, обвязали такъ крѣпко, что она не могла пошевелиться. Младшій мулла сѣлъ въ арбу и держалъ несчастную между колѣнами, какъ обыкновенно отвозятъ умершихъ на могилы. Арба выѣхала со двора; окруженная конвоемъ и сопровождаемая членами шаріата, она направилась въ Баксанское ущелье, къ ближайшему мысу Черныхъ горъ. Али-Мирза, съ кровавою жаждою мести, спокойно ѣхалъ за вѣрною жертвою своей ревности....

Арба въѣхала на крутой мысъ. Почти полумертвая, поставлена была осужденная на краю пропасти. Мулла прочелъ отходную молитву.... казнь совершилась....

Падая съ уступа на уступъ, съ камня на камень, прекрасная и вѣрная мужу Зюльми скоро очутилась на днѣ пропасти, сдѣлавшись жертвою мстительнаго самолюбія Девлета, обманувшаго мужа. Посланные подняли трупъ и принесли его опять на гору, чтобы предать землѣ на мѣстѣ казни.

Едва только хотѣли зарывать трупъ, какъ вдали послышались вопли, поразившіе присутствующихъ, и сквозь толпу ворвалась женщина съ распущенными волосами. Раздирая себѣ лицо и грудь, захлебываясь собственною кровію, она голосила какъ изступленная:

— Постойте, злодѣи! — не рѣжьте ея....
Ахъ! сжальтесь надъ нею, невинна она!
Въ ней сердце такъ чисто, какъ свѣтла струя;
Душа непорочна, какъ въ небѣ звѣзда;
Языкъ непричастенъ преступныхъ рѣчей,
Смиренна, какъ голубь, незлобна она —
Добрѣе овечки, вѣрнѣе всѣхъ женъ....
О, прелесть ты свѣта! о радость души!
Ни черныя очи, ни сладость въ устахъ
Тебя не спасли отъ погибели злой....
Звѣрь Али! омойся въ невинной крови!
Коварный Девлетъ! Ты посмѣйся ему!
Сестру ты обманомъ въ злодѣйство введи,
Съ Шегенемъ лукавымъ учите меня, —
Пусть я призову Канамата къ себѣ;
Ревниваго мужа пусть кровь закипитъ;
Пусть мщеніемъ лютымъ онъ гнѣвъ утолитъ,
И крови напьется невинной жены....
Ахъ! рѣжьте, злодѣи! — Терзайте меня!
Я, я погубила.... невинна она!
Ахъ! дайте отраду, — убейте меня!
О, дочь моя! гдѣ ты? иду я къ тебѣ —
Съ тобой неразлучно жила — и умру,
Тебя погубила—и гибну сама....

Пѣвшая женщина бросилась къ ближайшему черкесу и, выхвативъ у него кинжалъ, мгновенно поразила себя и пала, умирая, на ту, которую погубила невинно. Это была Фатима.

Надгробная пѣснь Фатимы поздно убѣдила Али-Мирзу въ невинности жены. Ему оставалось только оплакивать свою участь, заплатить *жену*

фамилія князя Атажукова за безчестіе жены, и съ трудомъ примириться съ раздраженными братьями погибшей.

Девлетъ-Мирза скрылся; мщеніе стало невозможнымъ.

Али-Мирза, терзаемый грустью и упрекаемый совѣстью, оставилъ свой домъ и, переселившись изъ Кабарды къ абадзехамъ, водилъ ихъ партіи въ русскіе предѣлы. Жители аула, считая мѣсто это нечистымъ отъ вліянія злаго духа, переселились съ рѣки Баксана на Урупъ, а ту гору, гдѣ двѣ насыпи скрываютъ прахъ двухъ погибшихъ женщинъ, назвали *Кызъ-бурунъ* (Дѣвичій мысъ), какъ свидѣтельство невинности погибшихъ (1).

Прошло много лѣтъ съ тѣхъ поръ; въ устахъ кабардинцевъ осталась только пѣсня Фатимы, да разсказъ о Кызъ-бурунѣ, вѣчномъ памятникѣ кровавой сцены и людской злобы....

Жестокое наказаніе за прелюбодѣяніе, относительно мужчины и женщины, существуетъ почти у всѣхъ народовъ, стоящихъ на низкой степени развитія. Подобное наказаніе сообразно вполнѣ и съ духомъ магометанскаго ученія, которому слѣдуетъ большинство черкескаго народа.

Мусульманское право повелѣваетъ за прелюбодѣяніе подвергать виновныхъ смертной казни, побіенію каменьями, зарытію въ землю живыми, и только въ рѣдкихъ случаяхъ допускаетъ возможность ограничиваться тѣлеснымъ наказаніемъ. То же право признаетъ однако, что дѣти не должны отвѣчать за вину родителей, и потому не устраняетъ ихъ совершенно отъ наслѣдства. Дѣти, признанныя завѣдомо незаконными, и тѣ не теряютъ права на наслѣдство, если прочіе наслѣдники согласятся на предоставленіе имъ права ходатайствовать по наслѣдству. Въ этомъ отношеніи, участь и положеніе подобныхъ дѣтей, по мусульманскому праву, лучше обезпечена, чѣмъ на основаніи другихъ законоположеній.

Рожденіе ребенка не составляло у черкесовъ ни особенной важности, ни особенной радости; оно не сопровождалось и никакими особенными церемоніями.

При рожденіи младенца его оставляли однѣ сутки на воздухѣ, безъ всякаго призрѣнія. Одинъ изъ ближайшихъ сосѣдей, родственниковъ или пріятелей, дарилъ счастливому отцу корову, лошадь или овцу, смотря по состоянію, приносилъ хлѣбъ, вино и другіе съѣстные припасы и получалъ за то право дать имя новорожденному.

Имена новорожденнымъ даются совершенно произвольно. Вліятельные и богатые люди часто даютъ имена по названіямъ тѣхъ племенъ, у которыхъ воспитывается ихъ сынъ или живутъ сами: такъ встрѣчаются имена *Весленій*, *Убыхъ* и другія. Давшій имя ребенку у нѣкоторыхъ племенъ черкескаго народа считался какъ бы вторымъ отцомъ новорожденнаго. На при-

(1) Кызъ-бурунъ И. Радожицкаго. Отечествен. Записки 1827 года, т. 32.

несенныя имъ кушанья затѣвалась пирушка, которая собственно и обозначала семейную радость въ обыденной жизни горца.

Если новорожденный былъ первенецъ, то отецъ мужа снималъ съ своей невѣстки носимую ею на головѣ небольшую шапочку, съ околышомъ изъ смушекъ, повязывалъ ей голову косынкой и дарилъ молодымъ скотомъ или другимъ имуществомъ.

Послѣ родовъ, мужъ не имѣлъ сближенія съ женою около полутора года, до тѣхъ поръ, пока ребенокъ не начиналъ ходить; поэтому почти у каждаго имѣлась въ запасѣ любовница, по большей части изъ рабынь. По прошествіи года, новорожденному мужескаго пола подносили оружіе, и если онъ его принималъ, то это считалось признакомъ его воинственности, составляло истинное наслажденіе для родителей и часто служило поводомъ къ празднествамъ и различнаго рода увеселеніямъ.

Бѣдные черкесы воспитывали дѣтей дома, и тогда мальчикъ до семилѣтняго возраста находился при матери, а послѣ этого поступалъ въ распоряженіе отца, который училъ его владѣть ножемъ, кинжаломъ, верховой ѣздѣ и военнымъ упражненіямъ.

Князья и дворяне, тотчасъ послѣ рожденія, отдаютъ мальчика на воспитаніе одному изъ достойнѣйшихъ своихъ подвластныхъ, а чаще всего къ одному изъ лицъ, принадлежащихъ другимъ обществамъ. Воспитатель ребенка носитъ названіе *аталыка* и охотниковъ взять на себя эту обязанность бываетъ очень много, и тѣмъ больше, чѣмъ знаменитѣе и уважаемѣе отецъ новорожденнаго. Многіе хлопочутъ объ этомъ за мѣсяцъ до рожденія ребенка. Младенецъ находится еще въ утробѣ матери, а желающіе быть его воспитателями оспариваютъ другъ у друга право принять его въ свое семейство и назваться *аталыкомъ* новорожденнаго.

Въ такіе споры родители будущаго ребенка не вмѣшиваются, считая это предосудительнымъ. Претенденты, разобравшись между собою, рѣшаютъ, кому быть воспитателемъ, и послѣдній ожидаетъ рожденія ребенка, какъ праздника, съ большимъ нетерпѣніемъ. Онъ отправляетъ заблаговременно въ домъ родителей бабку и заготовляетъ все для пиршества. Какъ только получитъ свѣдѣніе о рожденіи, пируетъ съ родственниками и знакомыми дня два или три, и затѣмъ уже принимаетъ къ себѣ новорожденнаго.

Часто между желающими быть аталыкомъ возникаютъ такіе споры, что примирить ихъ нѣтъ возможности, и тогда князь принужденъ бываетъ согласиться, чтобы сынъ его, пробывъ нѣкоторое время у одного аталыка, переходилъ потомъ ко второму, а иногда и къ третьему.

Такъ, Асланъ-бекъ, сынъ Джембулата Болотокова, темиргоевскаго князя, имѣлъ трехъ аталыковъ. Первый былъ Куденетовъ, кабардинецъ, приближенный другъ Джембулата; послѣ, по добровольному согласію отца и Куденетова, Асланъ-бекъ былъ взятъ абадзехскимъ старшиною Аджи-Аджимоковымъ. Между тѣмъ, шапсугскій дворянинъ Хаджи-Берзекъ, бывшій нѣкогда аталыкомъ са-

кого Джембулата, укралъ его сына, Асланъ-бека, у Аджимокова и воспитывалъ его у себя. По этому поводу произошла кровавая вражда между Аджимоковымъ и Берзекомъ; наконецъ обѣ стороны предались на судъ народный, началось разбирательство, на которомъ сказано было много рѣчей. Молодой Асланъ-бекъ былъ отнятъ у Берзека и возвращенъ Аджимокову, съ тѣмъ, чтобы черезъ нѣсколько лѣтъ быть снова переданнымъ Берзеку, у котораго онъ и окончилъ свое воспитаніе.

Принявшій ребенка на воспитаніе пріобрѣталъ всѣ права кровнаго родства, и потому понятно, отчего такъ много являлось лицъ, желавшихъ породниться съ вліятельнымъ или богатымъ княземъ. Связь по аталычеству считалась у черкесовъ священною. Не только семейство аталыка становилось роднымъ своему воспитаннику, но часто случалось, что жители цѣлаго селенія, общества и даже страны считали себя аталыками воспитаннаго между ними ребенка знатной фамиліи. Такъ, всѣ медовеевцы называли себя аталыками князя Карамурзина, а всѣ абадзехи аталыками темиргоевскаго владѣтеля, Джембулата-Айтеки.

Аталыкъ не могъ имѣть болѣе одного воспитанника, иначе онъ навлекалъ на себя неудовольствіе со стороны перваго питомца. Знатный же воспитанникъ могъ имѣть нѣсколькихъ аталыковъ, въ числѣ которыхъ считался и тотъ, кто въ первый разъ брилъ голову молодому князю или дворянину и хранилъ его волосы.

Если воспитанникъ умиралъ, то аталыкъ, въ знакъ глубокой скорби, въ прежнее время, обрѣзывалъ себѣ концы ушей, а въ ближайшее къ намъ время, довольствовался ношеніемъ годичнаго траура.

Обычай аталычества много способствовалъ примиренію и сближенію между собою разноплеменныхъ горскихъ семействъ. Кромѣ того, при такомъ способѣ воспитанія, дѣти пріучались говорить на чужихъ нарѣчіяхъ, что, при существовавшемъ разноязычіи, для нихъ бывало весьма полезно впослѣдствіи. Съ другой стороны какъ увидимъ ниже обычай этотъ вредно отзывался въ семейномъ быту черкеса. Женщины съ особенною нѣжностію заботились о своихъ питомцахъ, а дѣти привязывались къ своимъ кормилицамъ, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе знали своихъ родителей. Заботливость воспитателей о своихъ питомцахъ происходила отъ народнаго убѣжденія, что вредъ, сдѣланный аталыкомъ своему воспитаннику, навлекаетъ неотвратимое несчастіе на все семейство аталыка и преимущественно на кормилицу.

Главное воспитаніе состояло въ обученіи отлично владѣть оружіемъ, умѣть выѣзжать боеваго коня, быть ловкимъ на хищничествѣ, умѣть уйти отъ погони и неожиданно напасть на непріятеля; словомъ, всему тому, что могло сдѣлать изъ питомца отважнаго хищника и храбраго джигита.

Аталыкъ, нося на плечахъ своего воспитанника, напѣвалъ ему удалую пѣсню, въ которой высказывалъ свои желанія и качества, которыми долженъ обладать въ жизни его питомецъ.

— Баю, баюшки, мой свѣтъ — пѣлъ онъ младенцу — выростешь великъ, молодцомъ будь, отбивай коней и всякую добычу, да не забывай меня старика.

Аталыкъ обязанъ былъ вскормить питомца, выучить его стрѣльбѣ въ цѣль, пріучить къ безропотному перенесенію безсонницы, голода, труда и опасностей. Когда воспитанникъ подросталъ, то получалъ въ подарокъ отъ друзей *махлуфь*—оружіе и лошадь и съ ними отправлялся, въ сопровожденіи надежныхъ людей, на хищничество, сначала легкое, а потомъ и болѣе трудное. Какъ младшій въ партіи, онъ долженъ былъ ночью караулить лошадей, заботиться объ ихъ продовольствіи, услуживать хищникамъ и терпѣливо переносить ихъ обращеніе. Съ нимъ обращались съ нѣкоторой афектаціей, стараясь показать ему не только неуваженіе, но полное пренебреженіе, какъ къ мальчишкѣ, недоказавшему еще ни храбрости, ни хищнической способности.

На обязанности аталыка лежало также ознакомленіе своего воспитанника съ религіею и народными обычаями, для чего онъ водилъ его на народныя собранія и разбирательства. Въ этомъ заключалось почти все воспитаніе черкеса: По отсутствію грамотности на черкескомъ языкѣ, познанія народа были крайне ограничены. Письменность ихъ производилась на арабскомъ и, частію, на турецкомъ языкахъ. Большая часть князей и старшинъ не знали письменности этихъ языковъ, а потому муллы и эфендіи, знающіе кое-какъ арабскій и турецкій языки, были единственными представителями грамотности въ народѣ, и на народныхъ собраніяхъ и разбирательствахъ имѣли большой вѣсъ.

Понятія черкесовъ о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ были невѣжественны, и къ тому же они съ трудомъ перенимали все постороннее. Будучи въ безпрерывномъ столкновеніи съ нами, они не понимали, что такое Россія, и не признавали нашихъ порядковъ. Случалось часто, что старшины, увлеченные личнымъ расположеніемъ къ одному изъ нашихъ частныхъ начальниковъ, заключали съ нимъ мирный договоръ, но хищничали въ предѣлахъ другаго сосѣдняго начальника. Не понимая общей связи и устройства государственнаго правленія, они считали начальника, которому покорились, самостоятельнымъ княземъ и находили весьма естественнымъ разбойничать въ предѣлахъ другаго русскаго князя. Обыкновенно, когда разсказывали имъ о могуществѣ Россіи, о пространствѣ ея земель, то они весьма недовѣрчиво качали головою.

— Странно — замѣчали они — зачѣмъ же русскимъ нуждаться въ нашихъ горахъ, въ нашей маленькой землѣ? Нѣтъ, видно имъ негдѣ жить.

Точно такое же понятіе черкесы имѣли о французахъ (франги), англичанахъ (инглисъ), нѣмцахъ (немце) и полагали, что эти государства (краля), нѣчто въ родѣ ихъ маленькихъ горскихъ обществъ. О турецкомъ султанѣ, объ Египтѣ, объ Аравіи имѣли большія понятія, потому что ихъ богомольцы бывали въ Турціи, Египтѣ и Аравіи, но ни границъ, ни средствъ этихъ государствъ не знали. Мегметъ-Али-пашу египетскаго и султана турецкаго считали самыми могущественными царями въ свѣтѣ и были увѣрены, что рано или

поедино они выгонять русскихъ съ Кавказа. Черкесы были чистосердечно убѣждены, что Турція самая могущественная держава въ свѣтѣ, по своему населенію и пространству. Они вѣрили, что султанъ повелѣваетъ всѣми европейскими государствами, что, начиная послѣднюю войну съ нами, онъ не хотѣлъ безпокоить своихъ мусульманскихъ подданныхъ, а приказалъ французамъ и англичанамъ придти и выгнать русскихъ. По словамъ черкесовъ, онъ отправилъ съ этимъ приказомъ своего посланника во Францію и въ Англію.

— Собаки вы, невѣрные—сказалъ имъ посланникъ султана—если вы тотчасъ же не придете, мой государь прикажетъ потушить огни въ вашихъ кухняхъ.

Устрашенные угрозою, французы и англичане тотчасъ же явились въ Севастополь выгонять русскихъ изъ Крыма (¹).

При такой низкой степени развитія и нежеланіи обогащать свои познанія, воспитаніе черкеса было немногосложно. Родители, во все время воспитанія сына, дѣлали аталыку частыя и значительныя вспомоществованія и, кромѣ того, два раза богатые подарки. Первый разъ дарили тогда, когда онъ привозилъ своего питомца на показъ, а второй, когда сдавалъ окончательно на руки родителямъ. Еще большее вознагражденіе получалъ аталыкъ, когда воспитанникъ его въ первый разъ, какъ говорится, *складывалъ ногу въ стремя*. Отправляясь тогда съ визитами къ своимъ роднымъ и пріятелямъ отца, молодой человѣкъ получалъ отъ нихъ щедрые подарки, которые почти цѣликомъ поступали въ пользу аталыка.

Во все время воспитанія, родители не должны были позволять себѣ ни малѣйшей нѣжности и ласки къ своему ребенку, и при свиданіи не показывать даже виду, что узнаютъ его. Подавляя въ себѣ прирожденное чувство любви къ дѣтямъ, черкесы избѣгали видѣть дѣтей своихъ до ихъ совершеннолѣтія. Причина та, что родительская нѣжность считалась дѣломъ въ высшей степени неприличнымъ, и служила выраженіемъ слабости, недостойной мужчины и воина. По понятію черкесовъ, при воспитаніи дѣтей слѣдуетъ избѣгать всего, что можетъ изнѣжить юную душу.

Когда аталыкъ считалъ воспитаніе молодаго князя совершенно оконченнымъ, и когда воспитанникъ его достигалъ до извѣстныхъ опредѣленныхъ лѣтъ, тогда онъ собиралъ всѣхъ своихъ родныхъ и задавалъ пиръ.

Абадзехскій старшина Магометъ-Касай, окончивъ воспитаніе Шерлетуко Болотокова, по случаю возвращенія его къ отцу, задалъ пиръ на весь Закубанскій край. За двѣ недѣли до дня пиршества созваны были дѣвицы и молодые люди со всего края; составился огромный общій *кругъ*. Въ то время, когда молодые танцовали, князья и наѣздники производили бѣшеную джигитовку въ срединѣ круга. Въ теченіе десяти дней, аталыкъ кормилъ на славу всѣхъ прибывшихъ къ нему многочисленныхъ гостей.

(¹) Поѣздка къ кавказскимъ горцамъ 1863—1864 г. Ек. пр. къ Р. И. 1865 г. № 21.

Подаривши своему питомцу коня, надѣливъ его хорошимъ вооруженіемъ и одеждою, аталыкъ отводилъ его въ домъ родительскій, въ сопровожденіи музыканта, которому обыкновенно отецъ воспитанника дарилъ лошадь. Съ этого времени аталыкъ считалъ свою обязанность оконченною, но воспитанникъ часто такъ привязывался къ аталыку, что любилъ его больше, чѣмъ своего отца. Бывали случаи, что въ ссорахъ отца съ аталыкомъ молодой человѣкъ принималъ сторону аталыка, которому часто отдавалъ все, что только могъ, и исполнялъ всѣ его желанія.

По пріемѣ сына, отецъ дарилъ аталыка и вознаграждалъ его за труды и расходы. Богатство и щедрость князя опредѣляли мѣру вознагражденія. Обыкновенно князь давалъ аталыку нѣсколько штукъ скота, лошадей, разныхъ вещей, а иногда два или три семейства крестьянъ, что составляло за Кубанью значительную сумму.

Князь могъ отдать своего сына на воспитаніе человѣку низшему по происхожденію, но самъ могъ воспитывать у себя только княжескаго ребенка.

Дворяне, какъ и князья, отдавали своихъ дѣтей на воспитаніе аталыкамъ. Женскій полъ княжескаго происхожденія тоже отдавался, въ прежнее время, на воспитаніе къ постороннимъ лицамъ. Дѣвушки воспитывались въ чужихъ домахъ до 12 или 13-лѣтняго возраста, а иногда оставались тамъ до замужества, и тогда калымъ за невѣсту принадлежалъ аталыкамъ.

Аталычка учила дѣвушку женскимъ работамъ, объясняла ей будущее ея положеніе и обязанности, и, принадлежа по большей части къ лицамъ низшаго происхожденія, она отдавала первенство своей княжнѣ-воспитанницѣ и соблюдала при ней во всемъ строжайшій этикетъ (1).

И при возвращеніи дѣвушки въ родительскій домъ задавались пиры, на которыхъ ѣли и пили до-отвалу. Вообще угощенія и общественная тризна сопровождали всѣ важныя событія въ жизни черкеса, не исключая и похоронъ.

Когда черкесъ умиралъ, то въ саклю сходились всѣ родственники и знакомые умершаго, оплакивали его, били себя въ грудь и голову, царапали лицо и тѣмъ высказывали свою горесть. Такіе знаки глубокой печали оставляли на себѣ преимущественно жена и родственники покойнаго. Случалось часто, что синія пятна отъ ударовъ по тѣлу и жестокія раны на изувѣченныхъ мѣстахъ были долгое время свидѣтелями горести постигшей семейство. Всѣ женщины аула считали своею обязанностію приходить въ саклю умер-

(1) Дебу—О кавказской линіи и проч. издан. 1829 г. Зубовъ.—Картины Кавказскаго края, часть III. Замѣчанія на статью „Законы и обычаи кабардинцевъ" Ханъ-Гирея „Кавк." 1846 г. № 11. О бытѣ, правахъ и обычаяхъ древнихъ атыхейскихъ племенъ Шахъ-бекъ Мурзина „Кавказъ" 1849 г. № 36 и 37. Этнограѳическій очеркъ черкесскаго народа барона Сталя (рукопись). Воспомин. кавк. оѳицера „Рус. Вѣст." 1864 г. № 10 и 11. О политическомъ устройствѣ черкесскихъ племенъ Карлгофа. „Рус. Вѣст." 1861 г. № 16. Закубанскій край. П. Невскій. Кавк. 1868 г. № 100.

шаго, чтобы умножить скорбь и увеличить число плачущихъ. Приходящіе начинали свой протяжный вопль, не доходя дома, съ плачемъ входили въ домъ, но, подойдя къ тѣлу покойника, оставались тамъ не долго. Плачъ посѣтителей прекращался только по выходѣ изъ дома умершаго, или же по просьбѣ стариковъ, занятыхъ приготовленіемъ тѣла къ погребенію.

Жители прибрежья Чернаго моря, и вообще немагометане, не сопровождали похоронъ никакими религіозными обрядами. Покойника зашивали въ холстъ, относили на кладбище, головою впередъ, и зарывали безъ всякой молитвы.

Абадзехи закрывали покойника доскою; засыпали ее землею, а поверхъ ея наваливали каменья. По понятіямъ ихъ, каменья, положенные на могилѣ покойнаго, «помогутъ ему затушить вѣчный огонь, въ день страшнаго суда, въ который предназначено всѣмъ камнямъ превратиться въ воду».

Присутствующіе на похоронахъ возвращались въ саклю покойнаго, въ которой, на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ умеръ, разстилали цыновку, клали на нее подушки, и, если покойникъ былъ мужчина, то на подушкахъ размѣщали оружіе и кисетъ съ табакомъ. Желающіе приходили во всякое время оплакивать покойника, набивали трубку даровымъ табакомъ, и покуривая ее, проводили такъ время, сидя или лежа на цыновкѣ. Эта церемонія продолжалась, смотря по состоянію родныхъ умершаго, иногда недѣлю, мѣсяцъ, а иногда и годъ, словомъ до тѣхъ поръ, пока родные успѣвали приготовить достаточный запасъ для послѣднихъ поминокъ, продолжавшихся, по большей части, около трехъ дней.

Обычай оплакиванія существовалъ прежде и между черкесами-магометанами, но въ послѣднее время духовенство запретило громкія изъявленія горести и преслѣдовало пѣсни, поминки и джигитовку.

Теперь, послѣ смерти магометанина—черкеса, тотчасъ же призываютъ муллу, который, вмѣстѣ съ своими учениками или помощниками, моетъ тѣло. На покойника надѣваютъ родъ савана или мѣшка, открытаго съ обоихъ концевъ и и извѣстнаго подъ именемъ *кефина*. Тѣло вымываютъ самымъ тщательнымъ образомъ такъ, что даже обрѣзаютъ покойному ногти. Тѣло женщины моютъ и приготовляютъ къ погребенію старухи.

Умершаго кладутъ на связанныя доски или на короткія лѣстницы и, приспособивъ такъ, чтобы тѣло лежало неподвижно, покрываютъ его сверху лучшимъ одѣяломъ, какое есть только въ семействѣ, и относятъ на рукахъ на кладбище. Иногда, что впрочемъ случается очень рѣдко, тѣло отвозится на кладбище на арбѣ, въ которую садится мулла и держитъ между колѣнами голову умершаго. На пути отъ дома до могилы печальный кортежъ три раза останавливается, и мулла, а гдѣ его нѣтъ, то умѣющій читать коранъ, читаетъ молитву. Передъ опусканіемъ тѣла въ могилу, читается другая молитва, послѣ которой мулла принимаетъ отъ родственниковъ *искатъ*—дары, причемъ онъ нѣсколько разъ спрашиваетъ, добровольно-ли они приносятся. Черкесы

жертвовали ихъ охотно и въ возможномъ изобиліи, вполнѣ надѣясь ими если не совершенно уничтожить, то значительно уменьшить грѣхи покойника и его отвѣтственность на томъ свѣтѣ.

Послѣ прочтенія установленныхъ молитвъ, тѣло опускается въ могилу, головою къ западу и нѣсколько на бокъ, такъ, чтобы оно лежало наклонно къ югу. Каждый присутствующій считаетъ непремѣнною обязанностію принять участіе въ засыпаніи могилы. Работая попеременно и передавая деревянную лопату другому, каждый, по предразсудку, долженъ положить ее на землю, но не отдавать прямо въ руки. Передъ засыпанною могилою приносятъ въ жертву барана, а мулла читаетъ молитву. Иногда случалось, что по завѣщанію умершаго или по желанію его родственниковъ, людямъ, отпущеннымъ на волю, объявлялась при этомъ свобода.

По окончаніи зарытія могилы, ее поливаютъ водою и тогда всѣ присутствующіе, кромѣ муллы, отходятъ на сорокъ шаговъ, а мулла читаетъ молитву. Суевѣрный народъ разсказываетъ, что если покойникъ не очень обремененъ грѣхами, то повторяетъ молитву слово въ слово за муллою.

Съ наступленіемъ ночи, духовенство собирается въ домъ умершаго и оставаясь тамъ до разсвѣта, проводитъ ночь въ чтеніи молитвъ объ успокоеніи души умершаго и прощеніи ему грѣховъ. Послѣ предъ-разсвѣтнаго ужина всѣ расходятся по домамъ.

Такіе сборы продолжаются иногда три дни сряду.

Между тѣмъ, надъ могилою покойнаго ставятъ каменный или деревянный столбъ съ шаромъ наверху или съ изображеніемъ чалмы и съ надписью имени и отчества покойнаго. Большихъ кладбищъ не было; покойниковъ хоронили тамъ, гдѣ онъ назначалъ самъ умирая, и для этого выбирались самыя живописныя мѣста. Если же и встрѣчались кладбища, то лишь изъ нѣсколькихъ могилъ. Вблизи могилы почти всегда вкопано сухое дерево съ вѣтвями, гдѣ проѣзжающій черкесъ можетъ остановиться, зацѣпивъ поводья лошади за вѣтви, совершить у ближайшаго источника омовеніе и, разостлавъ у гробницы бурку, на колѣняхъ помолиться за упокой души усопшаго. Молиться на гробѣ *шаида* (мученика), убитаго въ сраженіи съ русскими, по внушенію мусульманскаго духовенства, было великою заслугою, и помолившійся на подобной могилѣ могъ сподобиться такой же благодати, какъ бы онъ сходилъ въ Мекку на поклоненіе гробу пророка.

Въ Кабардѣ существуетъ обыкновеніе класть на могилу умершаго вырѣзанное изъ дерева небольшое изображеніе того, чѣмъ занимался покойникъ при жизни. Такъ, если онъ былъ воинъ, то изображается изъ дерева оружіе; если онъ приготовлялъ арбы, то кладутъ на его могилѣ маленькую арбу; если же онъ былъ кузнецъ, то маленькій деревянный молотокъ и т. п. На могилѣ воспитанника ставится желѣзный трезубецъ въ видѣ вилки, на шестѣ, къ которому прикрѣпляютъ черную или красную ткань. Въ прежнія времена, вмѣсто трезубца ставили желѣзные кресты, также съ тканью. Надъ могилами князей,

похороненныхъ въ прежнее время, ставились памятники изъ камня или каменныя доски съ надписью, или же небольшія, въ три аршина вышины, конусообразные памятники съ доскою, на которыхъ вырѣзана молитва. Такіе памятники встрѣчаются и за Кубанью.

По правому берегу р. Мдзымты, за Главнымъ хребтомъ, на прибрежьѣ Чернаго моря, есть историческое урочище *Кбаада*, на которомъ закончилась кавказская война. На одной изъ площадокъ этого урочища, «испещренной красивыми полевыми цвѣтами, говоритъ очевидецъ, разбросаны были могилы горцевъ, сохранявшіяся весьма тщательно, что доказываютъ устроенные надъ ними павильоны и памятники изъ тесанаго камня».

Со дня смерти родственники чуждались увеселеній, сохраняли печальный видъ и, одѣвшись въ трауръ, носили его: жена по мужу и аталыкъ по своему питомцу въ теченіе года, причемъ первая во все время траура не могла спать на мягкой постелѣ; мужъ же, по народному обычаю, не долженъ былъ плакать о смерти жены, и если высказывалъ свою печаль во время болѣзни или смерти ея, то подвергался всеобщимъ насмѣшкамъ.

Въ прежнее время на седьмой день совершались первыя поминки, а на сороковой день вторыя. Третьи или *большія* поминки совершались иногда въ шестидесятый день со дня смерти, но преимущественно по истеченіи года. На первыхъ двухъ поминкахъ читали коранъ, потомъ пили, ѣли, и, насытившись вдоволь, расходились по домамъ.

Въ промежутокъ времени между малыми и большими поминками, не только друзья умершаго, но и тѣ, которые едва только знали его, считали своею обязанностію посѣтить родственниковъ и высказать имъ свое душевное участіе въ понесенной потерѣ. Подъѣхавъ къ дому ближайшаго родственника, посѣтители слѣзали съ коней, снимали съ себя оружіе и, приближаясь къ саклѣ, начинали плакать, причемъ били себя по открытой головѣ плетью или треногою. Родственники умершаго выскакивали изъ дому и старались удержать пріѣзжихъ отъ нанесенія себѣ побоевъ. Если же послѣдніе не имѣли въ рукахъ орудій истязанія, то ихъ не встрѣчали, и они шли въ саклю медленно, тихо и прикрывая свое лицо обѣими руками.

Входя въ домъ и прежде всего на женскую половину, посѣтители начинали плакать; женщины отвѣчали имъ тѣмъ же. Отсюда отправлялись они въ кунахскую, гдѣ и изъявляли свою печаль мужчинамъ-родственникамъ, но безъ плача, одними словами. Если случалось, что посѣтитель, при входѣ въ женскую половину, не плакалъ, то и женщины, въ присутствіи его, не плакали, но за то едва только посѣтитель оставлялъ ихъ комнату, какъ она оглашалась пронзительнымъ воплемъ. Такая церемонія продолжалась вплоть до совершенія окончательныхъ поминокъ. Тѣ лица, которымъ обстоятельства мѣшали пріѣхать для личнаго изъявленія печали, присылали людей, заслуживавшихъ всеобщее уваженіе и изъявлявшихъ свою печаль отъ имени приславшихъ ихъ господъ.

Ровно через годъ отправлялись большія поминки, или *тризна*. Такія поминки начинались тѣмъ, что семейство умершаго приготовляло, по мѣрѣ средствъ и состоянія, какъ можно болѣе кушаній и напитковъ. Въ этомъ случаѣ, нерѣдко, по принятому обычаю, не только родственники, но и знакомые, въ видѣ помощи семейству, привозили съ собою готовыя кушанья и пригоняли скотъ, предназначенный для убоя на угощеніе.

За нѣсколько дней до наступленія поминокъ разсылали гонцовъ въ сосѣдніе аулы созывать гостей, число которыхъ, конечно, зависѣло отъ обширности родства и достатка совершавшихъ поминки. Собраніе гостей бывало иногда до того многочисленно, что пріѣзжіе не могли размѣститься въ одномъ селеніи и должны были останавливаться въ сосѣднихъ аулахъ.

Въ день назначенный для тризны гости собирались въ кунахскую и размѣщались подъ открытымъ небомъ, подъ навѣсомъ или на дворѣ дома семейства умершаго. Между тѣмъ въ кунахской приготовлено было все необходимое для начала тризны. Чѣмъ богаче и знатнѣе лицо, по которому совершалась тризна, тѣмъ болѣе было приготовленій и болѣе затѣй, въ особенности если умершій принадлежалъ къ сословію князей.

Передъ каминомъ, въ кунахской, на бархатныхъ подушкахъ раскладывались одежды умершаго или убитаго князя, покрытыя черною, прозрачною шелковою тканью. Надъ ними развѣшивались боевые доспѣхи покойнаго и непремѣнно въ обратномъ видѣ, т. е. противно тому, какъ обыкновенно вѣшаютъ оружіе живыхъ. Вокругъ подушекъ толпились предводители партій и молодые наѣздники — друзья покойнаго, одѣтые въ черное платье и съ печальными лицами, соотвѣтствовавшими ихъ траурному наряду. Между предводителями и наѣздниками, ближе къ кучѣ одеждъ, стояли *пѣвцы* въ богатомъ нарядѣ съ музыкальными инструментами, оправленными серебромъ подъ чернядь и съ позолотою.

Съ приходомъ въ кунахскую самаго близкаго родственника, открывалась тризна. Одинъ изъ пѣвцовъ, выступивъ впередъ, пѣлъ *жизнеописательную* пѣснь покойному; ему акомпанировали туземные инструменты и удары въ тактъ досчечекъ въ серебряной оправѣ. Звонкій голосъ пѣвца и краснорѣчивыя слова пѣсни вызывали часто невольный шопотъ одобренія со стороны внимательныхъ слушателей. Пѣвецъ воспѣвалъ обыкновенно подвиги умершаго; жизнь его уподоблялъ свѣтлой зарѣ, алмазною струею разлившейся по горизонту лазурнаго неба, а «какъ молнія исчезнувшей во мракѣ кровавыхъ тучъ, скопившихся надъ его родиною; его умъ — разуму книги; его щедрость—майскому дождю, позлащающему нивы. Внимательный пѣвецъ не забылъ мужественной красоты погибшаго наѣздника и необыкновенной его ловкости владѣть оружіемъ. Громко выхвалялъ онъ, какъ его герой, передъ сумракомъ ненастной ночи, выѣзжалъ въ наѣзды, а предъ разсвѣтомъ, напавъ на аулъ врага или соперника въ славѣ, истреблялъ

его до основанія, съ богатою добычею возвращался на родину, и воины его дѣлили добычу отваги, изъ которой самъ себѣ ничего не бралъ: онъ—*веселился славою наѣздника и презиралъ добычу...*».

Голоса пѣвцовъ замолкали и гости изъ кунахской отправлялись смотрѣть на скачку—второй актъ тризны. Желавшіе принять участіе въ скачкѣ высылались еще до свѣта на назначенное мѣсто. Съ ними отправлялся одинъ изъ почетныхъ лицъ, который, поставивъ ихъ въ рядъ, пускалъ одновременно всѣхъ. Толпа народа, высыпавшая изъ аула, давно ожидала скачущихъ, и вдругъ, въ концѣ аула, раздавался выстрѣлъ.

— Скачущіе возвращаются! кричало нѣсколько голосовъ, и толпа бросалась къ холму или возвышенію, на которомъ обыкновенно ставилась палатка, и гдѣ собирались болѣе почетные гости.

За огромнымъ столбомъ пыли виднѣлись скачущіе по дорогѣ всадники, одинъ другаго обгоняя, одинъ другому заслоняя дорогу. Большинство этого рода наѣздниковъ бывали молодые, ловкіе мальчики, одѣтые въ разноцвѣтное платье. Первая прискакавшая лошадь получала первый призъ, вторая—второй, третья—третій. Лошадь, выигравшую первый призъ, немедленно уводили въ конюшню, чтобъ ее не сглазили, а ту, которая выиграла второй призъ, водили передъ толпою народа, принимавшаго самое сердечное участіе въ этой забавѣ.

— Ѣдетъ! ѣдетъ! вдругъ раздавалось нѣсколько голосовъ и громкій смѣхъ толпы оглашалъ окрестность. Всѣ обращали свои взоры на дорогу, по которой бѣжалъ утомленный скакунъ, далеко отставшій отъ всѣхъ остальныхъ. Толпа смѣхомъ привѣтствовала сидѣвшаго на немъ всадника и иногда, въ насмѣшку, выдавала ему призъ, состоявшій изъ какой нибудь незначительной вещи.

По окончаніи скачки всѣ гости сходились къ дому умершаго, при чемъ почетнѣйшія лица собирались въ кунахской, куда приносили столики, наполненныя всякаго рода кушаньями; точно такіе же столики появлялись и среди остальныхъ гостей, собиравшихся въ разныхъ домахъ аула, на открытомъ воздухѣ, на дворѣ, подъ навѣсами или около строеній.

Передъ началомъ обѣда духовенство читало молитву. Впрочемъ, видя, что поминки сопровождаются торжествомъ и весельемъ народа, въ которомъ одна забава смѣнялась другою, магометанское духовенство сначала неохотно посѣщало тризну, а потомъ стало преслѣдовать ее. Черкесы долгое время отстаивали свои древніе обычаи и, не обращая вниманія на оппозицію духовенства, пили, ѣли до-сыта и веселились вдоволь.

Напитки и столы съ кушаньемъ разносились въ избыткѣ, и хозяева-распорядители наблюдали за тѣмъ, чтобы никто не оставался ненакормленнымъ и не напоеннымъ; хлѣбъ, пироги и прочіе сухіе продукты разносились въ буркахъ и раздавались всѣмъ безъ исключенія. Напитки ставились на открытомъ воздухѣ, въ бочкахъ, такъ что каждый желающій могъ пить сколько

ему было угодно. Во избѣжанія безпорядковъ и шалостей, при подобномъ стеченіи народа, назначались для надзора особыя лица, которыя, имѣя въ руках длинныя палки—знаки ихъ власти—подчивали ими молодыхъ шалуновъ и слѣдили особенно за тѣмъ, чтобы старики были угощены прилично.

Во все время продолженія пиршества, множество лошадей стояло на дворѣ, ожидая своего посвященія памяти покойнаго. Всѣ они присланы были сюда родственниками, друзьями и знакомыми покойника, всѣ они покрыты богатыми покрывалами, извѣстными подъ названіемъ *шдянъ*. Въ прежнее время, въ честь покойника, посвященнымъ его памяти лошадямъ отрубали уши, а въ позднѣйшее время ограничивались однимъ ихъ приводомъ на могилу или къ дому умершаго, по которому совершалась тризна.

«Толпы многочисленнаго народа, оживленнаго веселіемъ, шумъ, говоръ, ржаніе коней, рядомъ поставленныхъ, въ богатыхъ уборахъ, съ разноцвѣтными покрывалами, суетящіяся женщины, не упускающія случая показать себя мужчинамъ въ блескѣ, и иногда на нихъ взглянуть лукаво»—все это представляло если не занимательное, то весьма пестрое зрѣлище.

Молодые князья, дворяне и наѣздники съ нетерпѣніемъ ожидали окончанія угощенія, потому что каждому изъ нихъ предстояли разныя потѣхи и игры. Едва только вставали изъ-за столовъ, какъ наѣздники сидѣли уже на коняхъ, покрытыхъ покрывалами. Другая половина наѣздниковъ садилась на своихъ непосвященныхъ лошадей, и давъ первымъ время разъѣхаться въ разныя стороны, бросалась за ними въ погоню; одни старались вырвать покрывало, другіе—ускакать отъ преслѣдователей. Наскакавшись вдоволь по полю, наѣздники, въ заключеніе своей потѣхи, бросали развѣвавшуюся ткань среди пѣшаго народа, между которымъ происходила борьба, и ткань разрывалась на мелкіе куски.

За этою первою партіею выѣзжала вторая, состоявшая изъ наѣздниковъ одѣтыхъ въ шлемы и панцыри, сплетенные, напримѣръ, изъ орѣшника; за ними точно также пускалась цѣлая стая наѣздниковъ; одни изъ нихъ старались проскакать съ своими трофеями какъ можно дальше; другіе—поскорѣе отнять у нихъ трофеи и самимъ увѣнчаться ими; наконецъ, третьи—хлопотали больше всего о томъ, чтобы наполнить орѣхами свои карманы. Если преслѣдователи не успѣвали исполнить своего желанія, тогда шлемы и панцыри точно также бросались въ толпу пѣшаго народа и разрывались на части.

За скачкой и джигитовкой слѣдовала стрѣльба въ цѣль пѣшихъ и всадниковъ, а за ними стрѣльба въ *кебекъ*, исключительно употребляемая при поминкахъ. На чистомъ и ровномъ мѣстѣ ставили длинный шестъ съ прикрѣпленною къ нему наверху небольшою круглою доскою, называемою *кебекъ*. На состязаніе къ этого рода стрѣльбѣ являлись только отличные стрѣлки, и число ихъ бывало всегда незначительно. «Ловкіе наѣздники, имѣя лукъ и стрѣлы на-готовѣ, летятъ на лихихъ скакунахъ одинъ за другимъ, такъ чтобы лошадь задняго скакала за лошадью передняго прямо; всадникъ не управ-

лаетъ поводьями, и только лѣвая нога его остается въ сѣдлѣ, а весь его корпусъ держится ниже гривы лошади. Въ такомъ трудномъ положеніи, несясь какъ вихрь мимо шеста, въ то мгновеніе, когда лошадь на всемъ скаку сравняется съ шестомъ, всадникъ спускаетъ лукъ, и пернатая стрѣла вонзается въ доску, на верху шеста прикрѣпленную, а иногда, разбивъ его, падаетъ къ ногамъ зрителей».

Такая игра, сопряженная съ большою ловкостію, составляла принадлежность высшаго класса, тогда какъ низшій классъ черкескаго общества занимался преимущественно игрою въ *коемій*, или тонкій столбъ, гладко обструганный и намазанный сверху до низу саломъ. На верху такого столба прикрѣплялась тонкимъ прутикомъ большая корзина, наполненная разнаго рода вещицами; кто первый взлѣзалъ туда безъ всякой посторонней помощи, кромѣ своихъ рукъ и ногъ, тотъ получалъ всѣ вещи, находившіяся въ корзинѣ. Здѣсь каждый, кромѣ обнаруженія своего удальства и ловкости, хлопоталъ о томъ, чтобы стать обладателемъ вещицъ, лежавшихъ въ корзинѣ. Нечего и говорить о томъ, что вокругъ столба собиралась цѣлая толпа, состоявшая преимущественно изъ полувзрослыхъ дѣтей, толкавшихъ другъ друга, сталкивавшихся, шумѣвшихъ, бранившихся и возбуждавшихъ хохотъ со стороны зрителей. Болѣе хитрые и находчивые мальчики наполняли свои карманы золою или приносили за пазухою песка и, обтирая ими столбъ и руки, добирались таки до корзины.

Въ томъ случаѣ, когда всѣ усилія дѣтей добраться до корзины оставались напрасными, ихъ выручали изъ бѣды мѣткіе стрѣлки, направлявшіе свои выстрѣлы въ ту палочку, при посредствѣ которой была прикрѣплена къ столбу корзина. При удачномъ выстрѣлѣ, корзина падала въ толпу, и тогда старый и малый—всѣ бросались расхватывать вещи при ужасной давкѣ, свалкѣ, шумѣ и крикѣ.

Такія игры въ прежнее время продолжались цѣлый день, но, съ принятіемъ черкесами магометанства, отъ преслѣдованій духовенства онѣ становились все рѣже и рѣже, и наконецъ, въ ближайшее къ намъ время, тризна при похоронахъ вышла совершенно изъ моды у черкесовъ.

Однимъ изъ послѣднихъ лицъ, похороненыхъ по древнимъ обычаямъ, былъ темиргоевскій князь Мисоустъ Болотоковъ. Похороны были произведены скромно, при ближайшихъ только родственникахъ, оплакивавшихъ его девять дней.

Въ продолженіе цѣлаго года постель покойнаго была застлана, кругомъ нея развѣшано его оружіе: панцырь, лукъ, колчанъ и сѣдло—знакъ, что родные готовы принять покойника. У кровати стояли красные чевяки, а на маленькомъ столикѣ положены были хлѣбъ, соль и поставлена въ подсвѣчникѣ потухшая свѣча—символъ угасшей жизни. Въ теченіе цѣлаго года, родственники, пріѣзжая навѣщать, дѣлали *ходагъ*—печальное почтеніе. Ровно черезъ годъ, родственники и аталыкъ покойнаго съѣхались на тризну. Собравшись на могилу, гдѣ на столбѣ были развѣшены всѣ доспѣхи покойнаго, вывели

осѣдланную лошадь, среди густыхъ залповъ обвели ее семь разъ кругомъ могилы и отрубили ей шашкой уши. То же сдѣлали со своими лошадьми и всѣ присутствующіе, такъ что на могилѣ Болотокова были отрублены уши 280 лошадямъ. Мѣстные поэты пѣли импровизацію про подвиги Болотокова. Послѣ пѣнія, наступила джигитовка, а затѣмъ раздѣлили между собою платье, оружіе и лошадей покойнаго. На угощеніе было зарѣзано четыре быка и пятьсотъ барановъ; пѣвцамъ сыновья покойнаго подарили одиннадцать душъ крестьянъ ([1]).

VI.

Сословное дѣленіе черкесскаго народа. — Права и обязанности каждаго сословія. — Борьба дворянства съ зависимыми сословіями у шапсуговъ и потеря привиллегій первыми. — Абреки.

Организмъ черкескаго общества, по большей части, имѣлъ характеръ чисто-аристократическій. У черкесовъ были *князья* (пши), *вуорки* (дворяне), *оги* (среднее сословіе, состоявшее въ зависимости покровителей); *пшитли* (*логанапуты*) ([2]) и *унауты* (рабы) — разностепенное сословіе крестьянъ, и дворовые люди.

Кабардинцы, бзедухи, хатюкайцы, темиргоевцы и бесленѣевцы имѣли князей.

Абадзехи, шапсуги, натухажцы и убыхи не имѣли этого сословія; но дворяне, крестьяне и рабы существовали у всѣхъ этихъ народовъ.

Въ Большой Кабардѣ считалось одиннадцать сословій:

Пши—князья; ихъ было четыре фамиліи.

Вуорки, или уздени, трехъ различныхъ степеней: *тлекотль*, или *тлякотлешъ*—дворяне первой степени. Хотя дворяне эти и подчинялись князьямъ, но считались владѣтельными наравнѣ съ ними. *Бесленъ-вуоркъ*, или *тфлокотль* ([3]), дворяне второй степени, причисленные къ княжескимъ или дво-

---

([1]) Этнографическій очеркъ черкесскаго народа барона Сталя (рукопись). Закубанскій край въ 1864 году. П. Невскій. Кавказъ 1868 г. № 100 и 101. Дебу „О кавказской линіи“ и проч. изд. 1829 года. Воспомин. кавк. офицера „Рус. Вѣст.“ 1864 г. № 12. Бассейнъ Псекупса. Николай Каменевъ. „Кубанскія войсков. вѣдомости“. 1867 г. № 2. Вѣра, нравы обычаи и образъ жизни черкесовъ. „Русскій Вѣстникъ“ 1842 г. т. 5. Черкесскія преданія „Русскій Вѣст.“ 1841 г. т. 2.

([2]) Пшитли и логанапуты—одно и то же. Логанапутами назывались крестьяне у кабардинцевъ, а пшитлями—у всѣхъ остальныхъ обществъ и поколѣній черкесскаго народа.

([3]) У шапсуговъ, натухажцевъ и абадзеховъ *тфлокотль* означаетъ простолюдина.

рянскимъ ауламъ. Къ этому сословію принадлежали и незаконнорожденныя дѣти князей—*тума*, происшедшія отъ неравнаго брака князя съ дворянкою. Третья степень дворянъ носила названіе — *вуоркъ-шаотляхуса*.

Уздени-пшехао (отъ слова *пши*—князь и *хао*—сынъ), которыхъ можно назвать княжьими отроками, конвойными князя.

Отпущенники изъ рабовъ, *азаты*, нѣкоторыми причисляются къ самой низшей степени узденей.

Княжескій собственный крестьянинъ—*бесленъ-пшитль* (отъ слова *пши*—князь, *тле*—человѣкъ)—княжескіе люди. Дворянскій перваго разряда крестьянинъ (огъ или укъ). Дворянскій втораго разряда крестьянинъ—*тляхо-шао*. Это дѣти одинокихъ пришельцевъ, которымъ князь или дворянинъ далъ въ жены свою крестьянку.

Дворовая прислуга—*лагуни-пши* (отъ слова *лагуна*—комната, *пши*—князь), или *логанапутъ*—княжескіе комнатные люди. Затѣмъ слѣдовала служанка или *амава*.

Всѣ эти сословія можно привести къ пяти вышеназваннымъ сословіямъ.

Дворяне невладѣтельные, или уздени второй и третьей степени, могли владѣть крестьянами и имѣть свою деревню; но деревня и ея владѣлецъ были причислены къ владѣнію одного изъ *тляхотлешей*. Въ этомъ и состояло все различіе владѣтельныхъ дворянъ отъ невладѣтельныхъ.

Значеніе слова *пши* (князь) соотвѣтствовало русскому слову *господинъ*. Когда черкесы говорятъ о князѣ, какъ о владѣльцѣ деревни, то называютъ его *куодже-пши* (куодже —деревня); но если говорятъ о князѣ какъ о начальникѣ, владѣльцѣ народа, то называютъ его *чилле-пши*. Русскаго императора черкесы называли *пши-шхуо* — великій князь.

Аулы князя располагались обыкновенно по близости княжескаго жилья. Тамъ жили его крестьяне и вольноотпущенники. Ихъ спеціальными занятіями были земледѣліе и пастьба скота. Половина ихъ труда принадлежала князю. Нѣсколько дальше расположены были сакли узденей, вольныхъ жителей и дворянъ, составлявшихъ, какъ сказать, *домъ князя*.

Деревня дворянина первой степени составлена была такъ же, какъ и княжеская; но кромѣ того въ аулѣ такого тляхотлеша жили дворяне втораго и третьяго разряда, причисленные къ его фамиліи. Это были всѣ люди вольнаго происхожденія, отличные наѣздники, голы какъ соколы, и потому хищничество для нихъ служило единственнымъ средствомъ къ пропитанію.

Деревня, гдѣ жилъ самъ князь или владѣтельный дворянинъ, называлась *вуоркъ-куодже* (дворянская деревня), въ отличіе отъ деревни, въ которой жили только дворяне низшихъ степеней, со своими крестьянами. Такимъ образомъ *вуоркъ-куодже* относительно просто *куодже* игралъ роль городка.

О податяхъ черкесы не имѣли никакого понятія. Каждый владѣлецъ жилъ тѣмъ, что для него сдѣлаютъ крестьяне.

Князь считался главою своего народа (чилле) и начальникомъ воору-

женныхъ силъ; народъ обязанъ былъ его уважать какъ высшаго по происхожденію, какъ блюстителя народныхъ обычаевъ, чистоты нравовъ и какъ старшаго между владѣтельными дворянами. Уваженіе къ князьямъ въ народѣ было такъ велико, что покусившійся на жизнь князя истреблялся съ цѣлымъ семействомъ. Князья Большой Кабарды брали съ подвластныхъ *ясакъ*—дань хлѣбомъ, медомъ, дровами и барантою; у закубанскихъ же черкесовъ князья не брали никакой подати съ народа, а жили войною и тѣмъ, что для нихъ работали собственные крестьяне. Народъ очень уважалъ своихъ князей, въ особенности если видѣлъ въ нихъ доблесть и справедливость; за доброе слово князя готовы были все сдѣлать и терпѣливо переносить оскорбленія, даже и въ томъ случаѣ, когда князь ихъ обворовывалъ или обижалъ. Конечно, терпѣливость народа простиралась до извѣстной степени. Знаменитый Джембулатъ, князь темиргоевскій, отличавшійся твердымъ характеромъ и крутою волею, вооружилъ противъ себя многихъ, и часть народа, до 800 семей, разновременно ушли отъ Джембулата и переселились къ абадзехамъ. Точно также кабардинскіе князья Тохтамышевы своею заносчивостью и непомѣрною гордостью до того раздражили народъ, что общественнымъ приговоромъ были лишены княжескаго званія.

Для любимаго же князя народъ не жалѣлъ пожертвованій, принималъ живое участіе въ его спорахъ и враждахъ, и помогалъ ему оружіемъ и запасами.

Съ лицами, которыя могли быть имъ полезны или могли сопротивляться, князья поступали всегда ласково, но съ бѣдными и слабыми не церемонились.

Пріѣзжалъ, напримѣръ, къ князю гость съ просьбой (хаче-уако) и просилъ подарить ему крестьянина. Князь, конечно, не дарилъ ему изъ числа собственныхъ крестьянъ, но посылалъ людей своей свиты на розыски, тѣ ловили какого-нибудь сироту или бездомнаго, за котораго некому было заступиться, и князь пойманнаго дарилъ своему гостю. Такіе поступки не мѣшали, однако, князьямъ считаться защитниками и покровителями народа. Не имѣя поземельной собственности, каждый владѣлецъ считалъ себя въ правѣ брать у своихъ подданныхъ все безъ возврата, но за то не могъ и отказывать ни въ чемъ своему подвластному.

Послѣдній имѣлъ право раздѣлить пищу со своимъ господиномъ и, если видѣлъ на немъ хорошую шапку или платье, могъ попросить ихъ у своего владѣльца, а тотъ долженъ былъ отдать просимое. Этотъ стѣснительный для владѣльцевъ обычай заставлялъ ихъ одѣваться какъ можно бѣднѣе и жить въ такой же убогой саклѣ, какъ и послѣдній изъ его подвластныхъ (¹).

Когда князь умиралъ и оставлялъ нѣсколькихъ сыновей, то народъ раздѣлялся на части, и каждый тляхотлешъ, со своимъ ауломъ, признавалъ

(¹) Баронъ Сталь. Этнографическій очеркъ черкесскаго народа (рукопись). О бытѣ, правахъ и обычаяхъ древнихъ атыхейскихъ племенъ: Шахъ-бекъ-Мурзаева. Кавказъ 1849 г. № 37.

своимъ княземъ того изъ сыновей умершаго, который ему больше нравился. Такъ, по преданію, хатюкайцы отдѣлились отъ темиргоевцевъ и образовали два отдѣльныхъ племени. Въ одной старинной черкесской пѣснѣ сохранился разсказъ о раздѣленіи этого народа.

Со смертію князя произошло раздѣленіе народа между его сыновьями. Послѣ долгихъ споровъ и совѣщаній, оба княжескіе сына приказали своимъ подвластнымъ уложить все свое имущество на арбы и быть готовыми къ переселенію. Съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня, оба молодые князя сѣли на лошадей и поѣхали шагомъ, каждый въ разную сторону. Часть народа, по своему выбору и желанію, послѣдовала за однимъ, а часть за другимъ княжескимъ сыномъ. Къ вечеру оба князя остановились за сорокъ верстъ одинъ отъ другаго, и жители, сгруппировавшись около своихъ князей, построили сакли; съ этого времени и образовалось два самостоятельныхъ племени черкесскаго народа (¹).

При переселеніи князя съ одного мѣста на другое — что случалось нерѣдко — обязаны были переселиться вмѣстѣ съ нимъ и всѣ его уздени. Но если бы князю вздумалось перейти въ какое-либо другое общество, то уздени, безъ согласія всего общества, переселиться со своимъ княземъ не могли. Бывали случаи, что, при жизни князя, часть народа оставляла его и переходила къ другому младшему брату. Жена Джембулата, темиргоевскаго князя, урожденная Конокова, враждовала съ женою егерукаевскаго тлакотлеша Магометъ-Али-Бзагунова. Бзагуновъ, и вмѣстѣ съ нимъ часть егерукаевцевъ, перешли отъ Джембулата къ младшему брату его Шерлетуку Болотокову и, переселившись съ нимъ на Лабу, покорились намъ. Джембулатъ, видя себя оставленнымъ большею частію народа, присоединился, съ остальными своими подвластными, къ бѣжавшимъ, принялъ подданство Россіи и тѣмъ возстановилъ единство своего владѣнія.

Въ ближайшее къ намъ время, въ случаѣ притѣсненій князя, подвластные искали защиты у другаго князя, который, принявъ ихъ подъ свое покровительство, становился посредникомъ, просилъ не притѣснять ихъ, но отсылалъ однакоже назадъ къ ихъ владѣльцу.

Въ случаѣ раздѣленія народа на части, по неудовольствію на князя, послѣдній старался примирить и уничтожить неудовольствія, и случалось, что народъ опять соединялся подъ одну власть князя. Все это было, конечно, *въ доброе старое время*, когда, по выраженію самихъ черкесовъ, было больше честности и въ народѣ, и между князьями, которыхъ тогда величали на-

---

(¹) Преданіе это, выраженное въ народной пѣснѣ, не сходится съ мнѣніемъ Люлье который говоритъ, что темиргоевцы, хатюкайцы и хегаки имѣли одного родоначальника Болетока, который раздѣлилъ свои владѣнія между тремя сыновьями, давшими каждымъ особое названіе своимъ подвластнымъ. См. Взглядъ на страны, занимаемыя черкесами Л. Люлье, Зап. Кавк. отд. Импер. Рус. Геогр. общества книга IV изд. 1857 г.

магьыры и зауеньыры, т. е. благочестивые и рыцарскіе. По словамъ туземцевъ, кабардинцы, имѣвшіе большое вліяніе на облагороженіе нравовъ, давшіе черкесамъ свой дворянскій обычай (вуоркъ-хабзе) и свои моды, въ послѣднее время надѣлили закубанскихъ черкесовъ всякаго рода обманами, измѣнами, неисполненіемъ обѣщаній и присягъ, и народъ, нѣкогда честный, сталъ, по выраженію абадзеховъ, *тхагаапсе* — богообманывателемъ. Теперь князья не внушаютъ уже къ себѣ того безграничнаго довѣрія, какимъ пользовались прежде.

Въ случаѣ пресѣченія владѣтельнаго княжескаго дома, что бывало очень рѣдко, уздени должны были выбрать себѣ въ князья одного изъ родственниковъ умершаго. Разсказываютъ, что Болотоковъ, будучи убитъ въ дѣлѣ, оставилъ молодую жену безъ потомства. Одинъ изъ узденей убитаго князя, чтобы не пріискивать себѣ новаго владѣльца или князя, на первыхъ же порахъ убѣдилъ молодую вдову-княгиню имѣть съ нимъ связь, и родившійся отъ этой связи сынъ былъ признанъ всѣми законнымъ сыномъ Болотоковыхъ и наслѣдовалъ власть отца.

Изъ всего сказаннаго видно, что князь имѣлъ много значенія и силы среди народа, и что онъ пользовался исключительными правами и привилегіями.

Воровство княжескаго имущества влекло за собою взысканіе пени съ его узденей и рабовъ. Кто укралъ лошадь изъ княжескаго дома или табуна и былъ пойманъ, тотъ, кромѣ возвращенія лошади, обязывался заплатить восемь лошадей и лучшаго раба или рабыню. При значительномъ развитіи въ Кабардѣ конокрадства и большомъ значеніи князей, между народомъ существовало обыкновеніе отдавать своихъ лошадей въ княжескіе табуны, чтобы, прикрывшись именемъ князя, сохранить ихъ въ цѣлости. Виновный въ ограбленіи ѣдущаго къ князю въ гости, платилъ ему въ восемь разъ болѣе ограбленнаго, а кромѣ того князю, за безчестіе, одну рабыню. Князь могъ взять у своего подвластнаго собаку, но долженъ былъ вознаградить хозяина. Если же владѣлецъ собаки станетъ противиться, то обязанъ заплатить два быка. Съ каждаго коша барановъ князь имѣлъ право, для своего продовольствія, брать по одному барану и ягненку, хотя бы въ кошѣ были бараны, и не принадлежавшіе его узденямъ и подвластнымъ. Для своей свиты князь могъ взять любую лошадь изъ табуна узденей, но долженъ былъ, по минованіи надобности, возвратить ее, а въ случаѣ падежа заплатить такою же лошадью или ея стоимость. Если князь вздумалъ набѣгомъ взять *баранту* у своихъ подвластныхъ, а тѣ по дорогѣ опять отняли ее, то виновные платили князю штрафъ, состоявшій изъ двухъ коровъ и лучшей рабыни. Хотя часто князь, въ этомъ случаѣ, и бывалъ не правъ, но штрафъ платился въ наказаніе за неповиновеніе и безчестіе.

Баранта существовала во многихъ горскихъ обществахъ и среди всѣхъ сословій, и была единственнымъ способомъ охраненія имущества отъ посто-

ронних покушеній. Под словом «баранта» разумѣлось насильственное «заарестованіе чьего нибудь имущества, в видѣ залога по неудовлетворенным матеріальным обидам».

Каждый туземец, не получившій удовлетворенія, при помощи суда, от лица посторонняго общества, считал себя в правѣ, при содѣйствіи своего общества, отобрать у пріѣзжаго того общества, к которому принадлежал должник, все что при нем находилось: лошадь, оружіе, деньги и прочее. Этот-то грабеж и назывался *барантой* и служил лучшим побужденіем к появленію на разбирательство настоящаго отвѣтчика. Обобранный пріѣзжій обязан был служить орудіем к удовлетворенію истца со стороны виновнаго его собрата: иначе он терял на всегда отобранныя от него вещи, которыя и поступали в пользу претендателя.

Он давал знать своей мѣстной власти о взятой с него барантѣ и просил заступничества. Виновнаго принуждало общество освободить баранту, и он должен был ѣхать в общество своего противника. Когда истец бывал удовлетворен, то баранта возвращалась ея хозяину.

Обычай этот вел ко многим злоупотребленіям. «Бывали случаи, когда виновное в каком нибудь дѣлѣ лицо, для избѣжанія ожидавшей его отвѣтственности, скрывалось в дальнія общества, гдѣ находило себѣ безопасный пріют; но послѣ из среды его одноземцев все-таки подвергался кто нибудь за него барантѣ, а этот послѣдній, потеряв из виду бѣглеца, считал себя в правѣ отплатить противникам тою же монетой. При удачѣ его намѣренія, нить затягивалась, баранта слѣдовала за барантой, без всякой почти надежды на их возвращеніе хозяевам».

Из-за баранты происходило множество драк и убійств, потому что туземец никогда не отдавал баранты добровольно, если только мог отстоять ее силою.

Убійца, скрывшійся от кровомщенія (канлы), был, по народному обычаю, изъят от баранты и ему предоставлялось свободное проживаніе во всѣх обществах (1).

При дѣлежѣ добычи, лучшій плѣнный, а если его не было, то скот, на сумму что стоил плѣнный, уступался самому престарѣлому князю, хотя бы он и не участвовал в набѣгѣ, а затѣм добыча дѣлилась поровну между участниками набѣга. Зачинщик драки, в присутствіи князя, за неуваженіе к его особѣ, платил ему рабыню, равно и уличенный в связи с рабою князя. Когда князь женился, то калым (гебен-хак) платили за него уздени; но за то, возвращаясь из гостей, князь полученные подарки дѣлил со своими узденями и также удѣлял им часть калыма, получаемаго при выдачѣ замуж княжеской дочери (2).

---

(1) Баранта. Кн. X—ъ „Терскія Вѣдомости" 1868 г. № 2.

(2) Этнографическій очерк черкескаго народа. Барона Сталя (рукопись). Племя адиге

Таковы, въ общихъ чертахъ, преимущества князей, такъ сказать представителей власти, пользовавшихся особеннымъ уваженіемъ среди кабардинцевъ и темиргоевцевъ. Вообще у черкесовъ, до послѣдняго времени, князья имѣли большое значеніе, но, по мѣрѣ того какъ народъ покорялся намъ, князья постепенно теряли свою власть и силу. Народъ, утративъ свою независимость и видя, что русскій приставъ имѣетъ больше силы и значенія чѣмъ ихъ князь, переставалъ подобострастно смотрѣть на послѣдняго. На мірскихъ сходкахъ сталъ даже возбуждаться вопросъ: нуженъ ли князь тому народу, который покорился русскому правительству? нужно ли сохранять князю тѣ выгоды, которыя народъ предоставлялъ ему въ періодъ своей независимости? Вопросы эти разрѣшались въ неблагопріятную сторону для князей и общество нерѣдко возставало противъ платежа *ясака*, на томъ основаніи, что, покорившись Россіи, они не нуждаются въ вооруженной силѣ, представителями которой были князья.

Смотря на князей съ этой послѣдней точки зрѣнія, и вообще какъ на покровителей, непокорные намъ черкесы нерѣдко отказывались повиноваться князю, какъ только тотъ вступалъ въ сношенія съ нами или покорялся русскому правительству. Въ такихъ случаяхъ князь сразу лишался всякаго вѣса и вліянія. Султанъ Капланъ-Гирей, который до 1845 года былъ главою всѣхъ волненій и глубоко уважаемъ за Лабою, какъ только покорился русскимъ, мгновенно потерялъ всякое значеніе. Въ послѣднее время, ограниченію власти и значенію князей болѣе всего угрожало ученіе мюридизма, проникшее и къ черкесамъ.

Наибы, посылаемые въ Закубанскій край Шамилемъ, постоянно стремились къ тому, чтобы утвердить свою власть въ народѣ, а для этого имъ необходимо было ограниченіе власти и преимуществъ князей. Хаджи-Магометъ стегалъ плетью не одного черкескаго князя, и когда тотъ требовалъ разбирательства и удовлетворенія, то Хаджи-Магометъ, какъ духовная особа, всегда отказывалъ въ томъ. Магометъ-Аминь, женившись на сестрѣ темиргоевскаго князя, княжнѣ Болотоковой, нанесъ тѣмъ сильное пораженіе князьямъ, такъ какъ бракъ этотъ представлялъ неслыханный примѣръ неравнаго союза черкеской княжны съ дагестанскимъ пастухомъ.

Тотъ же Магометъ-Аминь разстрѣлялъ махошевскаго князя М. Багарсокова.

Вторымъ сословіемъ послѣ князей были *ворки* или *узденя*, потомки первыхъ поселенцевъ, отличавшихся силою и богатствомъ. Впослѣдствіи къ нимъ присоединились и потомки вольноотпущенныхъ рабовъ. Сословіе это было весьма многочисленно и составляло почти третью часть всего черкескаго народонаселенія. Весь народъ раздѣлялся на дворянскіе роды (тляку), суще-

---

Т. Макарова. „Кавк." 1862 г. № 31. О бытѣ, правахъ и обычаяхъ древнихъ атыхейскихъ племенъ „Кавк." 1849 г. № 37. Исторія адыхейскаго народа, составленная по преданіямъ кабардинцевъ. Шора-Бекмурзинъ-Ногмовымъ Кавк. Календ. на 1862 г. приложеніе I.

ствовавшіе во всѣхъ безъ исключенія обществахъ черкескаго народа. Родъ жилъ не вмѣстѣ, а по семействамъ, тамъ, гдѣ признавалъ для себя удобнѣе. Не менѣе того отдѣльное дворянское или вообще свободное семейство, со своими крестьянами, причислялось къ своему тляхотлешу или владѣльцу. Каждое семейство, какъ дворянское, такъ и княжеское, имѣло свой собственный гербъ (тамга). Гербы эти рѣдко наносились на оружіе, еще рѣже для прикладыванія печатей. Черкеская тамга употреблялась преимущественно для тавренія лошадей и состояла изъ различныхъ крючковъ и математическихъ фигуръ, сплетенныхъ между собою (¹).

Подобно князьямъ, и дворяне не имѣли, отдѣльно отъ своего народа, никакой поземельной собственности.

Уздени всегда жили подъ защитою князей, а заслужившіе большее вниманіе послѣднихъ были болѣе ими награждаемы, слѣдовательно пріобрѣтали и большее значеніе между своими собратьями. Отсюда происхожденіе старшихъ узденей или узденей первой степени. Въ обществахъ, гдѣ нѣтъ сословія князей, старшіе уздени называются просто *старшинами*.

Тляхотлешъ, или уздень первой степени, былъ полный владѣтель въ своемъ аулѣ. Онъ имѣлъ своихъ крестьянъ, которые работали на него и связаны были съ нимъ извѣстными условіями. Въ его аулѣ жили уздени остальныхъ степеней со своими крестьянами и признавали его своимъ главой. Уздени повиновались князю, ходили съ нимъ на войну или посылали своихъ воиновъ; но, кромѣ уваженія къ особѣ князя, его сопровожденія и личныхъ услугъ, не несли никакихъ повинностей. По первому зову князя, уздень обязанъ былъ къ нему явиться и оставаться при немъ до тѣхъ поръ, пока былъ нуженъ. Во время путешествія князя за предѣлы своей земли и на неопредѣленное время, одинъ уздень, и притомъ первой степени, сопровождалъ его, что считалось особенно почетнымъ. Вообще при выѣздѣ князя изъ дому, онъ бывалъ всегда окруженъ своими приближенными, которые, составляя почетную его свиту, вмѣстѣ съ тѣмъ исполняли разнаго рода услуги и обязанности: держали лошадей, подавали и принимали оружіе, за сѣдломъ своимъ возили княжескую бурку и другія вещи, приготовляли князю обѣдъ и т. п. Во время самаго путешествія князя окружающія его лица размѣщались такимъ образомъ: самый почетный изъ ѳуорковъ — съ лѣвой стороны князя, другой ѳуоркъ, старшій по лѣтамъ и значенію — съ правой стороны его; остальные располагались сзади и по сторонамъ, какъ приходилось. Въ Кабардѣ, кромѣ того, существовалъ особаго рода этикетъ, по которому каждый верховой кабардинецъ, при встрѣчѣ съ княземъ, обязанъ былъ вернуться назадъ и провожать князя до тѣхъ поръ, пока его не отпустятъ; если же князь шелъ пѣшкомъ, то встрѣтившійся долженъ былъ спѣшиться. Въ случаѣ

(¹) Броневскій, въ своихъ „Новѣйшихъ географическихъ и историческихъ свѣдѣніяхъ о Кавказѣ“, ч. II, приводитъ 58 различныхъ такого рода знаковъ.

пріѣзда къ князю гостей, почетныя лица располагались въ кунахской саклѣ князя, а свита гостей помѣщалась въ сакляхъ узденей, которые и обязаны были угощать пріѣзжихъ и накормить ихъ лошадей. Если бы князь обѣднѣлъ и лишился всѣхъ своихъ крестьянъ, то всѣ уздени должны были распредѣлить между собою поденно полевыя работы для своего князя, такъ чтобы совокупность ихъ труда могла обезпечить годовое продовольствіе князя съ семействомъ.

Князь дѣлалъ своимъ узденямъ подарки невольниками, оружіемъ и скотомъ; тотъ же, кто не дѣлалъ такихъ подарковъ, могъ лишиться своихъ узденей. Недовольный своимъ княземъ, уздень имѣлъ право удалиться со своимъ ауломъ въ другое какое-нибудь общество: такъ, родъ Гоаго, хатюкайскаго происхожденія, и родъ Тлебзу, абадзехскаго происхожденія, переселились къ шапсугамъ и слились съ этимъ народомъ. Въ 1826 году нѣсколько семействъ, подвластныхъ абадзехскому дворянину Джанкота-Манехоту, бѣжали къ натухажцамъ.

Подобныя притѣсненія князей вызывали опозицію со стороны узденей, и за обиду, нанесенную узденю, вступались всѣ остальные уздени съ подвластными имъ аулами. Князь вынужденъ бывалъ мириться съ недовольнымъ, потому что если онъ допускалъ своего узденя переселиться въ другое общество, то, по понятію народа, это бросало на него пятно и навлекало позоръ. Отъ того подобныя переселенія въ ближайшую къ намъ эпоху встрѣчались весьма рѣдко. Въ недавнее время былъ только одинъ примѣръ подобнаго переселенія. Беслеnѣевскій уздень первой степени *Кодзъ*, недовольный княземъ Коноковымъ, перешелъ, со всѣмъ своимъ ауломъ, къ темиргоевцамъ, а когда темиргоевцы сами бѣжали за р. Бѣлую, то Кодзъ, со своими подвластными, поселился на Кубани, гдѣ его аулъ существуетъ и донынѣ среди мирныхъ ногайцевъ.

Уздени исполняли безусловно волю и приказанія своего князя и служили ему ежедневно въ домашнемъ быту. При этомъ случаѣ, по большей части, съ обѣихъ сторонъ соблюдались утонченная вѣжливость и взаимное уваженіе.

Уздени всегда гордились своимъ происхожденіемъ и твердо отстаивали свои права. По понятіямъ черкеса, дворянина можетъ создать только одинъ Богъ, и потому черкесы никогда не оказывали особеннаго уваженія къ жалованнымъ дворянамъ, признавая ихъ ниже себя. Черкесскій дворянинъ бравировалъ своею вѣжливостію, и стоило только разгорячившагося узденя, забывшаго приличіе и вѣжливость, спросить: ты дворянинъ или холопъ? чтобы, напомнивъ его происхожденіе, заставить его перемѣнить тонъ изъ грубаго въ болѣе мягкій и деликатный.

Услуги, оказываемыя узденями ежедневно князю, заставляли послѣдняго защищать ихъ отъ всякихъ обидъ. Если княжескій уздень бывалъ убитъ кѣмъ-нибудь во время ссоры, и убійца, по обычаю, не заплатилъ за кровь, то князь долженъ былъ принять мщеніе на себя, и тогда убійца обязывался заплатить три семьи, каждая изъ девяти душъ. Два семейства изъ

...ѣ поступали къ родственникамъ убитаго уздения, а одна къ князю. Если ... не имѣлъ столькихъ семей, то отвѣтственность падала на все его со... стояние, и въ прежнее время оно подвергалось разграбленію и продажѣ (¹).

Живущие въ аулахъ тляхотлешей, уздени второй и третьей степени, по ... тляхотлеша, были обязаны идти на войну. Благосостояние узденей ... степеней зависѣло отъ того, имѣли ли они крестьянъ или нѣтъ. Бѣд... тляхотлешъ оказывалъ обыкновенно вспомоществование скотомъ и раз... продовольственными запасами. Вспомоществование это носило особое названіе — *вуоркъ-тынъ*. Если такой дворянинъ не поладилъ съ тляхотлешемъ, ... могъ, со всѣми своими крестьянами, переселиться къ другому тляхотлешу, но обязанъ былъ, при переселеніи, возвратить данный ему вуоркъ-тынъ.

Подобныя переселенія встрѣчались также весьма рѣдко. Переходя въ чу... общество, дворянинъ второй или третьей степени освобождался отъ под... ности своему тляхотлешу. Если переходъ совершался въ такое общество, ... было сословіе князей, то переселенецъ обязывался приписаться къ одному ... существовавшихъ тамъ тляхотлешей, а если переходилъ въ такое обще..., гдѣ не было князей, то, избравъ себѣ мѣстожительство, водворялся на ... Необходимо замѣтить, что тляхотлешъ, или старшина, у шапсуговъ, ...тухажцевъ и абадзеховъ, вслѣдствіе переворота, происшедшаго у этихъ на...довъ, не пользуется такимъ значеніемъ, какъ между народами, имѣющими ...словіе князей.

У всѣхъ поколѣній черкескаго народа, не имѣющихъ князей, народъ раз...ялся на отдѣльныя самостоятельныя общества, или *псухо*, и общины, или *...бль*. Каждое изъ нихъ управлялось само по себѣ, отдѣльными старшинами.

До образованія своей самостоятельности, натухажцы и шапсуги, въ числѣ прочихъ племенъ черноморскаго прибрежья, изъ которыхъ главное было *гоайе*, занимали слѣдующія мѣста: натухажцы въ верховьяхъ долины Псезюе или Псезюапе, въ урочищѣ Тагапсъ; шапсуги въ той же долинѣ, въ урочищахъ Атсейнибъ и Бебеколайге.

Въ то время, оба поколѣнія не имѣли теперешняго названія и состояли изъ пяти коренныхъ отраслей: надхо (по ороографіи нѣкоторыхъ натхо), нетахо (нетдахо), кобле-схапете (схопте) и сотахъ (севатахъ) (²). Первыя двѣ отрасли образовали народъ натухажскій, въ составъ котораго вошло впослѣдствіи и племя *гоайе*, а послѣднія три, водворившись сначала на рѣкѣ Шапсхо, образовали самостоятельное племя, названное, по имени рѣчки, сначала шапсхо, а потомъ шапсугами.

(¹) Замѣчанія на статью „Законы и обычаи кабардинцевъ" Ханъ-Гирея Кавк. 1846 г. № 10. Воспомин. кавказ. офицера. „Рус. Вѣст." 1864 г. № 12. Племя адиге Т. Макарова. Кавказъ 1862 г. № 31. О натухажцахъ, шапсугахъ и абадзехахъ Л. Люлье. З. К. О. И. Р. Г. О. К. IV.

(²) Первыя названія принадлежатъ Л. Люлье, а помѣщенныя въ скобкахъ Ханъ-Гирею.

Съ увеличеніемъ народонаселенія, племена эти стали ощущать недостатокъ въ землѣ, что заставило ихъ искать простора: натухажцы начали занимать постепенно долины, прилегающія къ Черному морю, а шапсуги переходили на сѣверный склонъ Кавказскаго хребта и водворялись постепенно на нынѣ-занимаемыхъ ими мѣстахъ. Абадзехи, выходя изъ горныхъ мѣстъ, утвердились тогда на безлюдныхъ, мало-населенныхъ земляхъ и не находили въ томъ препятствія, потому что остальныя племена, по преданію, занимали, въ то время, мѣсто по правую сторону Кубани.

Въ старину, какъ шапсуги, такъ и натухажцы имѣли сословіе князей и феодальное правленіе, чему доказательствомъ служатъ существующія у нихъ княжескія фамиліи.

Княжескій родъ былъ и у этихъ народовъ, но надо полагать, что онъ пресѣкся, и въ настоящее время шапсуги, натухажцы и абадзехи дѣлятся: на *вуорковъ*—дворянъ; *тфлокотлей*—вольныхъ земледѣльцевъ, и на крестьянъ (пшитлей).

Дворяне, имѣвшіе преимущество въ народѣ, составляли господствующее населеніе; вольными земледѣльцами было большинство народа, подчиненнаго дворянству на довольно тягостныхъ условіяхъ, возникшихъ по обстоятельствамъ и освященныхъ давностію времени; крестьяне были двухъ видовъ и несли неодинаковыя обязанности: одни пользовались бо́льшею свободою, болѣе значительными правами собственности и отбывали не столь тягостныя повинности—это былъ родъ *оброчныхъ* крестьянъ; другіе, напротивъ, всецѣло принадлежали владѣльцу, и работали на него по мѣрѣ силы и возможности—это былъ родъ *дворовыхъ* людей.

Численность племенъ быстро возрастала пришельцами, слѣдовательно возрастала и сила простаго народа, потому что дворянство, сильное своими преимуществами и гордясь своимъ происхожденіемъ, не хотѣло унижать себя родственными связями съ людьми низшаго класса. Напротивъ того, простой народъ принималъ къ себѣ каждаго пришельца, обѣщалъ ему защиту, но въ то же время требовалъ отъ него присяги служить вѣрно и оберегать интересы того клана, или рода, въ который онъ поступалъ.

Сильный помощью такихъ *соприсяжниковъ* (тхаръ-огъ) и тяготившійся властью *вуорковъ* или дворянства, народъ ждалъ и искалъ случая сбросить съ себя дворянское иго. Чуждаясь простаго народа, дворянство скоро стало въ изолированное положеніе; численность его, замкнутая въ тѣсныхъ предѣлахъ своего сословія, не возрастала такъ быстро, какъ численность простаго народа. Сознавая свою силу, народъ недоброжелательно смотрѣлъ на преимущества дворянъ, которыми тѣ гордились, считая ихъ единственнымъ оплотомъ противъ новаго порядка. Народъ сталъ оказывать сопротивленіе дворянству; ослушаніе подвластныхъ проявлялись чаще, и скоро возникло безначаліе со всѣми его послѣдствіями. Для водворенія порядка, дворянство, все еще полагавшееся на уваженіе къ нему народа, прибѣгло къ созванію народныхъ

собраній, въ которыхъ были соединены начала аристократическое и демократическое. Послѣднее, какъ многочисленнѣйшее, всегда одерживало перевѣсъ и было не въ пользу дворянства. «Дворяне, опасаясь утратить свои преимущества»—говоритъ Люлье—«прибѣгали къ разнымъ кознямъ и старались разстроивать единогласіе противной имъ партіи, до чего иногда, съ помощію своихъ приверженцевъ, и достигали. Тогда уничтожались вводимыя постановленія и водворялся новый безпорядокъ».

Ни та, ни другая сторона не хотѣла уступить; каждая отстаивала свои права и искала случая упрочить ихъ. Случай скоро представился у шапсуговъ.

Дворяне Шеретлуковы, одни изъ сильнѣйшихъ, разграбили проѣзжихъ торговцевъ, бывшихъ подъ покровительствомъ одного клана (рода), и при этомъ убили двухъ защитниковъ торговцевъ и ихъ покровителей.

Прежде дворяне производили насилія и не такого рода, а гораздо худшія, но теперь народъ воспользовался этимъ случаемъ и рѣшился ослабить значеніе дворянскаго сословія. Огромною массою напалъ онъ на одного изъ дворянъ Шеретлуковыхъ, разграбилъ его имущество, захватилъ крѣпостную дѣвушку и оскорбилъ мать дворянина самыми грубыми ругательствами и даже побоями. Такое неуваженіе къ дворянству было первымъ примѣромъ нарушенія дворянскихъ привиллегій и послужило поводомъ къ открытой враждѣ дворянства съ народомъ—враждѣ, знаменитой своими послѣдствіями.

Фамилія Шеретлуковыхъ, рѣшившись кровью омыть нанесенное ей оскорбленіе, и, какъ говорятъ, подстрекаемая дворянствомъ, оставила родину. Шеретлуковы просили защиты и покровительства у хамышейскаго общества бжедухскаго поколѣнія, одного изъ самыхъ сильныхъ въ то время.

Депутаты Шеретлуковыхъ явились съ этою просьбою къ старѣйшему князю хамышейскому, Баты-Гирею, человѣку, замѣчательному по своему уму и имѣвшему огромное вліяніе на дѣла не только своего племени, но и другихъ сосѣднихъ горскихъ племенъ.

— Князья и дворяне соберутся, отвѣчалъ онъ посланнымъ, переговорятъ между собою, обсудятъ просьбу и тогда дадутъ отвѣтъ.

Депутаты остались ожидать рѣшенія съѣзда.

Одинъ изъ почетнѣйшихъ представителей хамышейскаго народа, первостепенный дворянинъ Бшихако-Береко, предложилъ, прежде принятія Шеретлуковыхъ подъ свое покровительство, вступить въ посредничество между ними и народомъ и, своимъ вліяніемъ, стараться, примиривъ ихъ, предупредить напрасное кровопролитіе. Въ случаѣ же отказа шапсуговъ на примиреніе, принять Шеретлуковыхъ подъ покровительство и защищать ихъ дѣло силою оружія.

Одинъ изъ молодыхъ князей, человѣкъ весьма храбрый, но вспыльчивый и грубый, возсталъ противъ столь благоразумнаго предложенія Береко.

— Для него нужно выстроить крѣпкую ограду—сказалъ онъ съ насмѣш-

кою про Бореко—такую, изъ которой шапсуги не въ состояніи были бы взять его, если случится война.

Депутаты Шеретлуковыхъ, присутствовавшіе на съѣздѣ, ловко воспользовались этимъ послѣднимъ возраженіемъ.

— Зная твою любовь къ спокойствію, сказали они Бореко, ни одинъ изъ насъ не станетъ безпокоить тебя просьбою о помощи: для насъ достаточно участія, принимаемаго въ нашей судьбѣ прочими дворянами по чувству собственнаго достоинства.

Эта выходка была совершенно неумѣстна: всѣ знали Бореко, какъ одного изъ храбрѣйшихъ соотечественниковъ.

— Никогда я не пожелаю, отвѣчалъ депутатамъ оскорбленный старикъ, чтобы вы имѣли нужду въ моей помощи. Но бжедухи увидятъ, изъ боязни-ли я совѣтывалъ отклонить войну разсудительными и не безчестными переговорами.

Благоразумное мнѣніе старика не было принято: собраніемъ руководили нѣсколько молодыхъ князей, жаждавшихъ войны. Они достигли цѣли: междоусобная война возгорѣлась и кровавыя ея послѣдствія не изгладились до покоренія шапсуговъ русскими...

Шеретлуковы, оставивъ свою родину, переселялись къ бжедухамъ, и отправили въ 1793 году депутацію въ Петербургъ, прося помощи будто бы противъ возмутившихся подданныхъ. При депутатахъ, душою которыхъ былъ Али-султанъ Шеретлуковъ, находился и Баты-Гирей. Чтобы вѣрнѣе получить помощь, депутація заявила свои вѣрноподданническія чувства, была принята милостиво и ввела въ заблужденіе русское правительство. Императрица Екатерина II повелѣла черноморскому казачьему войску, заселявшему прикубанскія земли, оказать помощь, которая состояла изъ трехъ сотенъ казаковъ и одной пушки.

Между тѣмъ, пока депутація была въ Петербургѣ, остальные князья Шеретлуковы сильными партіями вторгались въ прежнее свое отечество, и хотя не щадили крови своихъ собратій, но видѣли, что подобные набѣги не могли усмирить народъ, а только еще болѣе ожесточали шапсуговъ и возстановляли ихъ противъ своихъ единоплеменниковъ — бжедуховъ.

Обитая въ горныхъ ущельяхъ или въ глубинѣ лѣсовъ, которые защищали ихъ отъ непріятельскихъ нападеній, шапсуги не отличались тогда воинственностію. Они строили бѣдныя хижины въ пустынныхъ, дикихъ и неприступныхъ мѣстахъ, преимущественно посреди непроходимыхъ болотъ, такъ что не было возможности проѣхать по ихъ землѣ безъ провожатаго. Шапсуги ограждали себя тогда отъ непріятельскихъ вторженій не оружіемъ, а тѣмъ, что въ своихъ жилищахъ дѣлали разные выходы, чтобы, въ случаѣ нападенія съ одной стороны, можно было бы спастись въ противоположный выходъ. Имущество, хлѣбъ и лучшія вещи скрывали въ пещерахъ и въ глубокихъ ямахъ, а скотъ угоняли въ лѣса.

Почувствовавъ на себѣ удары бжедухскихъ партій, шапсуги, при содѣй-

[illegible] абадзеховъ, созвали многочисленное и дотолѣ неслыханное ополченіе, грозное числомъ, но не воинственностію и исправностію вооруженія. Вся эта масса ринулась во хамышейскіе аулы, съ намѣреніемъ отмстить бзедухамъ за причиненныя имъ разоренія. Бзедухи также собрали ополченіе. Хотя число ихъ воиновъ составляло половину того, чѣмъ располагали шапсуги, однако бзедухи, сознавая свое превосходство на полѣ брани и презирая противника, не отличавшагося особою воинственностію, и поддерживаемые русскими казаками, смѣло шли къ нему на встрѣчу. Это случилось въ 1796 году. Оба непріятеля встрѣтились на берегахъ *Бзіюкозауо* (1), произошло кровопролитное сраженіе, въ которомъ шапсуги были разбиты на-голову.

Крѣпкая позиція шапсуговъ, большею частью пѣшихъ, засѣвшихъ за оврагами и въ лѣсахъ, не могла быть атакована кавалеріей, а потому казаки, во все время боя, не принимали участія: они охраняли только свое орудіе. По совѣту Баты-Гирея, отважные наѣздники завязали съ шапсугами перестрѣлку черезъ оврагъ и, джигитуя передъ непріятелемъ, выманили шапсуговъ, показали тылъ и увлекли ихъ черезъ балку подъ картечные выстрѣлы русскаго орудія. Гулъ незнакомаго шапсугамъ выстрѣла, дѣйствіе картечныхъ пуль, поражавшихъ одновременно нѣсколькихъ людей и лошадей, навели на непріятеля бзедуховъ паническій страхъ. Выдержавъ только три картечныхъ выстрѣла, шапсуги и абадзехи обратились въ бѣгство. Бзедухи преслѣдовали ихъ съ ожесточеніемъ. Поле сраженія было усѣяно тѣлами шапсуговъ и абадзеховъ, потерявшихъ до 4,000 человѣкъ убитыми и ранеными. Бзедухи цѣлыми толпами пригоняли своихъ плѣнныхъ противниковъ; цѣлыя груды оружія достались имъ въ добычу, но не могли искупить и ихъ потери. Баты-Гирей палъ на полѣ сраженія, а съ нимъ бездухи потеряли свое вліяніе на сосѣднія горскія племена. Утрата эта была незамѣнимая и, не смотря на огромную потерю людей шапсугами, она была ничтожна въ сравненіи съ потерею бездуховъ.

Значеніе, которое имѣлъ Баты-Гирей въ народѣ, лучше всего выразилось въ отвѣтѣ одной шапсугской женщины.

Выйдя на встрѣчу своимъ одноаульцамъ, возвращавшимся съ поля бзіюкской битвы, женщина спрашивала ихъ о своемъ мужѣ и о своихъ дѣтяхъ, и, получивъ отвѣтъ, что они легли на полѣ брани, крѣпко пригорюнилась.

— Что же вы сдѣлали добраго? спросила она возвратившихся.

— Убили Баты-Гирея, отвѣчали они коротко.

Опечаленная жена и мать, услыхавъ эти слова, захлопала въ ладоши и забыла о мужѣ и дѣтяхъ.

— Потерю шапсуговъ — сказала она — шапсугскія женщины могутъ во-

---

(1) Недалеко отъ нынѣшней Ново-Дмитріевской станицы Псекупскаго полка, между правыми берегами рѣки Афипса и Шебша.

полнить въ одну ночь, а потерю Баты-Гирея бзедуховскія жены и во сто лѣтъ не исправятъ.

Пораженіе не смирило, однако, шапсуговъ; они нѣсколько разъ своими вторженіями тревожили бзедуховъ, рѣшились не слагать оружія до тѣхъ поръ, пока не проникнутъ въ средоточіе бзедухскаго поколѣнія, и сдержали слово. Кровь, лившаяся рѣкою, утомила обѣ стороны. По внушеніямъ бзедуховъ, выходцы Шеретлуковы вступили въ переговоры съ шапсугами и возвратились всѣ, кромѣ Али-султана, на родину, на условіяхъ приличныхъ по тогдашнему времени. Послѣдній поселился въ землѣ Войска Черноморскаго и основалъ нынѣшнюю Гривенскую черкескую станицу.

Шапсуги достигли своего: они поколебали значеніе дворянства и на знаменитомъ народномъ съѣздѣ, состоявшемся послѣ возвращенія Шеретлуковыхъ и извѣстномъ подъ именемъ *печетнико-зефесъ*, были ясною чертою разграничены права дворянъ и народа. «Опредѣленные на этомъ съѣздѣ пункты условій и узаконеній (хабзе) утверждены были на всегда правилами или основаніями, для руководства во всѣхъ дѣлахъ частныхъ и общественныхъ; народъ и дворянство присягою обязались не отступать отъ этихъ постановленій и не измѣнять ихъ».

Такъ совершился переворотъ, послѣдствіемъ котораго было то, что многія изъ дворянскихъ фамилій оставили край и нашли пріютъ у сосѣдей, а другія искали покровительства русскихъ. Замѣчательно, что, во все продолженіе смутъ, ни одинъ шапсугскій дворянинъ не сдѣлался жертвою вражды простолюдиновъ; бывали примѣры брачныхъ союзовъ дворянъ съ простолюдинками, но ни одна дворянка не вышла замужъ за простолюдина.

Постановленія съѣзда служили долгое время единственнымъ узаконеніемъ для рѣшенія всѣхъ дѣлъ, касающихся сословныхъ отношеній, и надо отдать справедливость, что, своею краткостію и ясностію, правила эти были совершенно въ духѣ народа дикаго, воинственнаго и непокорнаго.

Такъ, на основаніи постановленія, положена плата за кровь убитаго дворянина тридцать головъ скота, а за смерть *тфлокотля*, или землевладѣльца—двадцать восемь. За рану, съ поврежденіемъ кости, платится половина этой суммы, безъ поврежденія кости—четверть. За кражу лошади, если воръ пойманъ, онъ обязанъ возвратить украденую лошадь и, сверхъ того, придать: если укралъ у дворянина, то двѣ лошади, у тфлокотля — одну; если воръ не можетъ возвратить уворованной лошади, то съ него взыскиваютъ за украденую у дворянина девять, а у тфлокотля семь лошадей.

Такимъ образомъ, и на этомъ собраніи дворянство сохранило часть своихъ преимуществъ. Положеніе же крестьянъ, извѣстныхъ подъ именемъ оброчныхъ, не было разъяснено и на этомъ собраніи. Сами оброчные отказались отъ повиновенія своимъ владѣльцамъ, но народъ не вступался за нихъ, тогда какъ дворянство требовало покорности. Собраніе отнеслось нейтрально къ обѣимъ заинтересованнымъ сторонамъ. Оно не требовало отъ дворянства

рѣшительнаго отказа въ своихъ правахъ надъ оброчными, но не требовало и отъ послѣднихъ признанія этихъ прахъ и повиновенія владѣльцамъ. Привилегіи дворянства предъидущими событіями были однако уже поколеблены въ своемъ основаніи; оброчные сами, безъ собранія, отказались отъ повиновенія своимъ владѣльцамъ и сбросили съ себя тяготѣвшее надъ ними иго дворянства. Оставшіеся на родинѣ дворяне потеряли свои права, и съ тѣхъ поръ не пользуются никакими другими преимуществами, кромѣ тѣхъ, которыя даютъ каждому умъ, краснорѣчіе и храбрость.

Примѣру шапсуговъ послѣдовали натухажцы и абадзехи, съ тою только разницею, что у послѣднихъ двухъ поколѣній демократическое преобразованіе общества совершалось постепенно, безъ кровопролитія и насильственныхъ потрясеній (1).

Если сословіе крестьянъ и простаго народа у этихъ трехъ племенъ успѣло отстоять, до нѣкоторой степени, свою независимость, то у остальныхъ племенъ черкескаго народа оно находилось въ полной зависимости отъ высшаго сословія. Вообще, всѣ зависимыя сословія дѣлились на три главныя степени: 1) оговъ, 2) *пшитлей* и 3) *унаутовъ*.

Оги составляли переходъ отъ крѣпостнаго состоянія къ классу свободныхъ землевладѣльцевъ. Это потомки крестьянъ (пшитлей), которымъ лично, или ихъ отцамъ, въ награду за отличную службу, владѣлецъ предоставилъ имущественныя и семейныя права. Оги раздѣлялись на два класса: княжескихъ и узденскихъ.

Княжескіе оги, по одному съ каждаго дома, обязывались сопровождать своего владѣльца во время путешествія и быть на конѣ съ полнымъ вооруженіемъ; въ случаѣ бѣдности оговъ, владѣлецъ снабжалъ ихъ лошадью и оружіемъ. Въ домашнемъ быту князя они присутствовали въ его домѣ ежедневно.

Исполняя волю своего господина, оги работали на него и платили подать за пользованіе землею. Во время работъ владѣлецъ обязанъ былъ давать имъ припасы въ изобиліи — иначе не стали бы работать. Подати и повинности платились такъ: огъ, пашущій землю одною парою быковъ, платилъ одну арбу въ 30 мѣръ вымолоченнаго, а иногда и молотаго проса; тотъ, кто пахалъ двумя парами воловъ, платилъ три арбы; тремя парами — четыре арбы проса и т. д. Подать эта платилась, однако, во время урожая, а въ противномъ случаѣ, и при недостаткѣ, огъ не платилъ ничего, или, по настоянію владѣльца, давалъ ему извѣстную часть проса, по усмотрѣнію и

(1) О бытѣ, нравахъ и обычаяхъ древнихъ атыхейскихъ племенъ. Шахъ-бекъ-Мурзина. „Кавказъ" 1849 г. № 37. Бесльній Абатъ изъ сочиненія „Біографіи знаменитыхъ черкесовъ и очерки черкескихъ нравовъ". Ханъ-Гирея. Кавказъ 1847 г. № 42. О натухажцахъ, шапсугахъ и абадзехахъ Л. Люлье, Зап. Кавк. отд. Им. Р. Геогр. Общес. кн. IV изд. 1857 г. Бассейнъ Псекупса. Николай Каменевъ. „Кубанс. войсков. Вѣдом." 1867 г. № 29.

назначенію аульнаго общества. Какъ бы мало или много ни посѣялъ огъ пшеницы, ячменя и полбы, онъ обязанъ былъ отдать своему владѣльцу опредѣленную часть, но шести мѣшковъ, но за то не отдавалъ ничего за посѣянную кукурузу.

Во время покосовъ, каждый 16-лѣтній огъ обязанъ былъ три дня косить сѣно для владѣльца, убрать его, сложить въ стоги и перевести въ *кутаны* (хутора, зимовники) или къ дому владѣльца. Владѣлецъ, не заставлявшій оговъ косить свои луга, получалъ съ каждаго дома по семи арбъ готоваго сѣна. На время зимы оги устраивали владѣльцу *коши* для барановъ, а въ февралѣ мѣсяцѣ привозили съ каждой семьи отъ семи до пятнадцати арбъ дровъ. Неисполнившіе этого послѣдняго обязательства платили пару быковъ владѣльцу. Огъ, зарѣзавшій своего быка, отдавалъ своему владѣльцу филейную часть, но зарѣзавшій корову ничего не давалъ.

Все имущество ога составляло его неотъемлемую собственность; даже и въ томъ случаѣ, когда, за нерадѣніе или преступленіе, обращался въ *ясакчиля*, онъ не лишался права на имущество, и владѣлецъ не имѣлъ права вмѣшиваться или распоряжаться его собственностью.

Огъ, взявшій жену изъ дворни господина, не могъ брать ее къ себѣ въ домъ, а ходилъ только къ ней ночевать и дѣти ихъ принадлежали господину. При выдачѣ дочери замужъ, огъ платилъ князю изъ полученнаго имъ калыма двухъ быковъ и одну корову, а тотъ дарилъ ему шелковый кафтанъ (1). Если же владѣлецъ не дарилъ ему кафтана, тогда онъ отдавалъ только двухъ быковъ.

Калымъ за дочь, оги, какъ видно, получали сами, но покупать себѣ жену могли или сами, или при содѣйствіи владѣльцевъ. Въ первомъ случаѣ, огъ могъ прогнать свою жену или, другими словами, развестись съ нею, а во второмъ не имѣлъ права. Узденъ, выдавая крѣпостую дѣвушку за ога, пировалъ въ его домѣ, а хозяинъ обязанъ былъ дать музыканту быка и кусокъ матеріи. Владѣлецъ, выдавая дочь свою замужъ, отдавалъ изъ полученнаго калыма одну пару быковъ огамъ, но за-то, когда женился самъ или женилъ сына, то оги обязаны были принять и содержать у себя его жену въ теченіе года, если къ пріему ея нужемъ не все еще было приготовлено. Въ случаѣ пріѣзда гостей на волахъ, оги обязаны были содержать на свой счетъ воловъ пріѣхавшихъ, во все время пребыванія ихъ въ гостяхъ. Если же пріѣзжавшіе къ владѣльцу гости почему либо не могли расположиться у его узденей, то оги обязаны были помѣстить ихъ въ своей саклѣ и кормить какъ ихъ самихъ, такъ и лошадей. Князь могъ, въ случаѣ надобности, взять у ога лошадей, если только онѣ были свободны. Если взятая лошадь будетъ украдена или падетъ, то владѣлецъ обязанъ былъ заплатить ея стоимость. Владѣлецъ могъ выбрать табунщика изъ числа оговъ, но за то онъ давалъ

(1) По другимъ свѣдѣніямъ, онъ платилъ двухъ быковъ и двухъ коровъ.

ему изъ стада лучшаго, по выбору, жеребенка, освобождалъ отъ подати одной арбы проса и, при рѣзаніи въ пищу кобылицы, отдавалъ табунщику шею и всю внутренность.

На обязанности ога лежало приготовить во время праздниковъ бузу или брагу изъ своего проса, но въ господской посудѣ; во время поста приносить по очереди своему господину каждую ночь кушанье и питье, сообразное со своими средствами. Кромѣ того, если огъ имѣлъ собственныхъ барановъ, то разъ въ годъ, во время поста, онъ приносилъ своему владѣльцу лопатку копченой баранины. Зарѣзавъ подаренную кѣмъ-либо ему скотину, онъ приносилъ владѣльцу переднюю лопатку; по уборкѣ хлѣба приносилъ кувшинъ бузы и одинъ просяной чурекъ; при изготовленіи для себя бузы, давалъ одинъ кувшинъ господину; при поѣздкахъ князя на поминки къ родственникамъ давалъ по очереди арбы и воловъ. Въ случаѣ смерти господина или кого-либо изъ членовъ его семьи, оги должны были по очереди дѣлать обѣдъ. При раздѣлѣ, оги платили владѣльцу 100 рублей, или отъ сорока до ста барановъ съ ягнятами. Столь большая плата установлена была съ тою цѣлію, чтобы пріостановить раздѣлы.

Ога нельзя было продать безъ особенной его вины, и онъ могъ откупиться на волю. Пойманный въ кражѣ чего-нибудь у узденя, огъ отдавался въ рабство, но могъ быть выкупленъ родственниками за 150 руб. Не имѣвшій средствъ платить установленной подати, огъ могъ быть взятъ въ домъ владѣльца вмѣсто раба; но какъ только поправлялся и богатѣлъ, владѣлецъ обязанъ былъ его отпустить и, отпущенный, онъ становился въ прежнія отношенія къ владѣльцу. Огъ, бѣжавшій къ другому племени и пойманный, могъ быть проданъ кому угодно.

Сами оги могли владѣть рабами, но имѣли право не продавать, а мѣнять ихъ на другихъ рабовъ, и то съ дозволенія владѣльца. Если огъ хотѣлъ продать своего раба, то обязанъ былъ найти не менѣе трехъ покупщиковъ, и тогда владѣлецъ предоставлялъ рабу выбрать себѣ изъ трехъ новаго господина (1).

Рабъ, или *унаутъ*, не имѣлъ никакихъ правъ, ни личныхъ, ни имущественныхъ. Рабы произошли отъ покоренныхъ или похищенныхъ народовъ; плѣнные (ясыри) обоего пола обращались черкесами въ унаутовъ. Убыхи болѣе другихъ занимались похищеніемъ и продавали своихъ плѣнныхъ туркамъ. Обычай этотъ до того вкоренился въ народѣ и понятія до того извра-

(1) О зависимыхъ сословіяхъ въ горскомъ населеніи Кубанской области. Кавк. 1867 г. № 51. Крѣпостные въ Кабардѣ и ихъ освобожденіе. Сборн. Свѣд. о кавказ. горцахъ Выпускъ I. Тифлисъ 1868. О политическомъ устройствѣ черкесскихъ племенъ. Карлгофа. Рус. Вѣст. 1861 г. № 16. Авторъ ошибочно называетъ это сословіе *обами*. Законы и обычаи кабардинцевъ. Литер. Газета 1846 г. № 1 и 2. Племя адыге — Т. Макарова. Кавказъ. 1862 г. № 29 и 32.

тились, что во время голода, или изъ чувства ненависти, матери продавали дѣтей, братья сестеръ.

Все время *унаута* принадлежало владѣльцу, и рабъ не могъ располагать своимъ временемъ; за обиды и увѣчья, нанесенныя унауту, вознагражденіе получалъ владѣлецъ, и убійство раба считалось только посягательствомъ на имущество владѣльца. Унауты жили безотлучно при домѣ владѣльца и исполняли въ его комнатахъ и во дворѣ всѣ работы, по приказанію своихъ господъ. Все хозяйство, какъ-то дворовая служба, присмотръ за птицею, кухнею и проч., лежало на обязанности унаутокъ. При женитьбѣ раба, калымъ за невѣсту поступалъ къ владѣльцу, но рабъ, въ большинствѣ случаевъ, не могъ требовать отъ владѣльца себѣ жены: дозволеніе вступить въ бракъ зависѣло совершенно отъ господина. Въ случаѣ согласія послѣдняго, онъ долженъ былъ купить ему жену изъ сословія *пшитлей* (логанапутовъ), и тогда какъ мужъ, такъ и дѣти отъ него получали права пшитлей (логанапутовъ).

По брачнымъ союзамъ, въ отношеніи правъ новорожденнаго, у черкесовъ существовалъ странный обычай: въ одномъ случаѣ предоставлялось женщинѣ больше преимуществъ, а въ другомъ—мужчинѣ. Такъ, рожденный отъ холопа и свободной женщины дѣлался свободнымъ; отъ брака унаута съ женщиною изъ сословія пшитлей дѣти получали права послѣднихъ, а между тѣмъ, рожденный отъ князя и женщины не княжескаго происхожденія не считался княземъ и, какъ мы видѣли, дѣти отъ подобныхъ браковъ носили названіе *тума*.

По обычаю, унаутка не имѣла права вступать въ бракъ, но ей предоставлено было право имѣть временнаго мужа изъ унаутовъ же. Отсутствіе законныхъ браковъ между рабами сдѣлало половыя отношенія ихъ чрезвычайно свободными. Владѣльцы сами способствовали незаконному сближенію унаутовъ между собою, видя въ этомъ прямую свою выгоду: они получали плату отъ мужчинъ за право сближенія съ унауткою; родившіяся отъ такихъ сближеній дѣти, составляя собственность владѣльца, могли быть съ выгодою проданы туркамъ или обращаемы въ родовыхъ холопей. Иногда владѣлецъ самъ дѣлалъ честь унауткѣ и прижималъ съ нею дѣтей, которыя поступали въ сословіе унаутовъ. Раба не имѣла права отказываться отъ сожительства съ своимъ господиномъ и изнасилованіе такой женщины не осуждалось обычаемъ.

Родовые холопы у черкесовъ носили разныя названія. Происхожденіе этихъ названій лежитъ въ прежнемъ обычаѣ черкесовъ похищать себѣ женъ. Простой народъ не зналъ прежде браковъ, основанныхъ на взаимномъ согласіи родителей жениха или невѣсты. Сойдясь на игрищѣ въ селеніяхъ, молодые люди присматривались другъ къ другу, мужчина выбиралъ себѣ невѣсту, бралъ ее къ себѣ въ домъ и безъ всякаго обряда жилъ съ нею. Отъ такихъ браковъ произошли и разныя наименованія родовыхъ холопей: *тльхо-коша-оэ* означаетъ человѣка неправильно-рожденнаго; *тльхоко-тлче* — юношу или мужа тайно-рожденнаго и проч.

Унауты могли принимать и обращать въ собственность подарки, дѣла-

ные имъ разными лицами; но если подарки состояли изъ скота, то должны были продать его и пользоваться деньгами. Если унауту владѣлецъ дозволялъ оставить въ своемъ пользованіи скотъ, то весь приплодъ отъ него обращался въ пользу господина.

Унаутъ могъ быть проданъ, смотря по возрасту, красотѣ, физической способности къ труду и прочихъ достоинствъ; цѣна раба достигала до 300 и даже до 400 руб. (1).

Черкесы всѣ заботы о сельскомъ хозяйствѣ возлагали на рабовъ. Они должны были исполнять ихъ, не ожидая, чтобы хозяинъ принялся вмѣстѣ съ ними за плугъ. Помощниками имъ, въ этомъ случаѣ, бывали пшитли, обязанные, до нѣкоторой степени, помогать имъ въ работахъ на владѣльца.

Пшитли (или, у кабардинцевъ, логанапуты), составляя второй видъ зависимыхъ сословій, стояли непосредственно за рабами, но пользовались нѣкоторыми правами, семейными и имущественными, хотя и съ большими ограниченіями. Время и трудъ ихъ, подобно рабамъ, принадлежали господину. Большая часть пшитлей (логанапутовъ) произошла отъ купли, дара или наслѣдства плѣнныхъ и частію унаутовъ. Лица свободныя, за долги и вслѣдствіе крайней бѣдности, становились въ обязательныя отношенія къ заимодавцамъ, были закабаляемы ими, и также пополняли собою сословіе пшитлей. Покупая семейство пшитлей (логанапутовъ), или, какъ мы будемъ называть, крестьянъ, владѣлецъ опредѣлялъ его права и обязанности въ присутствіи свидѣтелей или поручителей, а иногда и письменнымъ актомъ. Запись о правахъ владѣльца и крестьянъ называлась *дефтеръ*.

Считая крестьянъ своею собственностью, владѣлецъ обязывался каждому взрослому купить жену, т. е. внести за нее калымъ. За то, когда крестьянинъ выдавалъ свою дочь замужъ, то получаемый имъ калымъ поступалъ владѣльцу, который удѣлялъ изъ него часть отцу невѣсты. Эта послѣдняя часть вся цѣликомъ поступала опять къ владѣльцу въ томъ случаѣ, когда онъ покупалъ жену для сына этого крестьянина.

Имущество, какъ движимое, такъ и недвижимое, которымъ могли владѣть крестьяне, раздѣлялось, по способу пріобрѣтенія, на три вида: 1) данное владѣльцемъ при водвореніи или въ случаѣ объдненія; 2) пріобрѣтенное собственнымъ трудомъ и 3) образовавшееся отъ подарковъ и по брачнымъ договорамъ.

Первый видъ имущества считался принадлежащимъ владѣльцу, и переходилъ къ наслѣдникамъ крестьянина въ прямомъ мужскомъ поколѣніи, если

(1) О бытѣ, правахъ и обычаяхъ древнихъ атыхейскихъ или черкесскихъ племенъ Шахъ-бекъ-Мурзина. Кавк. 1849 г. № 37. Современное состояніе Армавира Кавк. 1853 г. № 34. О зависимыхъ сословіяхъ въ горскомъ населеніи Кубанской Области. „Кавк." 1867 г. № 37. Горскія лѣтописи П. Гаврилова. Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ выпускъ II изд. 1869 г.

они жили съ нимъ нераздѣльно. Въ противномъ случаѣ, владѣлецъ могъ его или взять себѣ, или передать другому лицу. Точно также это имущество, при продажѣ крестьянина другому владѣльцу, оставалось у прежняго и могло быть передано съ крестьяниномъ не иначе какъ за особую плату. Новый владѣлецъ долженъ былъ, взамѣнъ этого имущества, дать другое, такого же качества и въ такомъ же количествѣ. При пользованіи крестьяниномъ подобнымъ имуществомъ, владѣлецъ имѣлъ право вмѣшательства; безъ согласія его крестьянинъ не могъ ни продать, ни заложить, ни подарить его, но и владѣлецъ не могъ ничего взять изъ этого имущества безъ согласія самого крестьянина.

Часть втораго вида имущества крестьянина—заработанная его трудомъ—равномѣрно принадлежала владѣльцу. Такъ, при отходѣ крестьянина отъ владѣльца, онъ отдавалъ послѣднему половину изъ всѣхъ хозяйственныхъ принадлежностей и орудій; половина скота и половина его приплода принадлежала владѣльцу; но если половина приплода, принадлежавшаго крестьянину, кормилась сѣномъ владѣльца, то послѣднему отдавалась и изъ этой половины еще половина. Столь стѣснительная мѣра для крестьянина могла быть обойдена тѣмъ, что крестьянинъ изъ заработанныхъ денегъ отдавалъ владѣльцу половину деньгами же и затѣмъ на остальныя покупалъ себѣ скотъ, который, въ такомъ случаѣ, вмѣстѣ съ приплодомъ, составлялъ неотъемлемую его собственность. Кормивши же этотъ скотъ сѣномъ владѣльца, онъ обязанъ былъ, и въ этомъ случаѣ, отдать половину приплода владѣльцу. Вообще кормленіе скота владѣльческимъ сѣномъ доставляло владѣльцу, во всѣхъ случаяхъ, половину приплода.

Если за подарокъ, сдѣланный кѣмъ либо крестьянину, онъ не отдаривалъ, то подарокъ считался его собственностью; если же крестьянинъ отдаривалъ хотя малѣйшею бездѣлицею, изъ собственности считающейся владѣльческою, то все подаренное крестьянину считалось собственностью владѣльца.

Крестьянинъ имѣлъ право ежегодно изъ своего скота зарѣзать одну крупную рогатую скотину или, на стоимость ея, нѣсколько штукъ мелкаго скота, и притомъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы зарѣзъ скота не приносилъ ущерба хозяйству. Продавая что-либо изъ имущества, считавшагося владѣльческимъ, и съ согласія послѣдняго, крестьянинъ могъ на вырученныя деньги пріобрѣсти что-либо другое, но обязанъ былъ остатокъ денегъ принести владѣльцу.

Каждый крестьянинъ, получившій отъ помѣщика зерно и нѣсколько паръ воловъ съ погонщиками, долженъ былъ запахать четыре загона (около четырехъ десятинъ) на каждую пару, убрать хлѣбъ, когда онъ созрѣетъ, и привезти въ аулъ. Жатва производилась мужчинами и женщинами, а молотьба одними мужчинами. Отдѣливъ изъ всего количества хлѣба на духовенство, на бѣдныхъ, на сѣмяна, на продовольствіе въ теченіе года такихъ

людей владѣльца, которые не могли заниматься хозяйствомъ (унауты, табунщики, пчельники и прочіе), и для гостей, остальной затѣмъ хлѣбъ дѣлился пополамъ между владѣльцемъ и крестьяниномъ. У нѣкоторыхъ же племенъ отдѣлялась только одна десятая часть въ пользу духовенства, а остальной хлѣбъ шелъ въ раздѣлъ между крестьяниномъ и владѣльцемъ. Если бы половины, доставшейся на долю крестьянина, было недостаточно для его прокормленія, то помѣщикъ обязанъ былъ предоставить ему средства къ пріобрѣтенію пропитанія. Во время работъ, владѣлецъ долженъ былъ кормить своихъ крестьянъ, и притомъ кормить хорошо.

Сѣно, скошеное въ рабочее время, обыкновенно не раздѣлялось между крестьяниномъ и помѣщикомъ (1), а потому считалось собственностью владѣльца. Своимъ сѣномъ крестьянинъ могъ назвать только то, которое было скошено въ праздничные дни или крестьянами крестьянина. Если помѣщикъ замѣчалъ, что крестьяне его не успѣють скосить всего сѣна, то дѣлалъ *ххафи*, т. е. сборъ людей на одинъ день.

Созванные работники кормились на счетъ призвавшаго ихъ, который рѣзалъ коровъ, овецъ, и кожу съ нихъ отдавалъ старшимъ по лѣтамъ работникамъ.

Крестьянинъ обязанъ былъ исполнять всѣ полевыя и домашнія работы, нарубить и привезти для помѣщика дровъ, стеречь поочереди его скотъ, обработать огородъ, прислуживать, за неимѣніемъ унаутовъ, по очереди въ кунахской помѣщика, отправлять, также по очереди, своихъ женъ на барскій дворъ, гдѣ онѣ обязаны были стряпать на кухнѣ, прислуживать женѣ владѣльца (2), и прочее.

Съ своей стороны, владѣлецъ, въ отношеніи своихъ крестьянъ, былъ связанъ многими мелочными условіями. Такъ, напримѣръ, когда, при заготовленіи въ прокъ на зиму, владѣлецъ рѣзалъ крупную рогатую скотину, то отдавалъ крестьянамъ часть кожи на обувь и на ременныя веревки, уступалъ имъ голову, шею, ноги и внутренности, «за исключеніемъ сала и того, что нужно для колбасъ». Если онъ рѣзалъ для той же цѣли барановъ, то отдавалъ только шею и внутренности.

Соблюденіе взаимныхъ условій по *дефтеру* или заключенныхъ словесно при свидѣтеляхъ составляло заботу обѣихъ сторонъ. Крестьянинъ отказывался отъ исполненія такихъ требованій своего владѣльца, которыя не были обозначены въ условіи. Если владѣлецъ не въ состояніи былъ дать крестьянину средствъ къ жизни и къ работѣ, опредѣленныхъ условіемъ, то крестья-

---

(1) Въ нѣкоторыхъ, немногихъ, обществахъ оно дѣлилось пополамъ.

(2) Подробности обязанностей крестьянъ и ихъ женъ къ помѣщикамъ см. „О зависимыхъ сословіяхъ въ горскомъ населеніи Кубанской Области. „Кавказъ" 1867 г. № 37—38, 44 и 59. Крѣпостные въ Кабардѣ и ихъ освобожденіе. Сборникъ свѣд. о кавказскихъ горцахъ; выпускъ I. Тифлисъ 1868 г.

нинъ считалъ себя въ правѣ не исполнять тѣхъ обязанностей, которыя вели къ нарушенію заключенныхъ условій. Напримѣръ, если владѣлецъ не давалъ крестьянину косы, онъ не косилъ; если крестьянинъ не получалъ желѣзныхъ принадлежностей для плуга, то не пахалъ.

Нарушеніе одною изъ сторонъ заключенныхъ условій вело всегда къ несогласіямъ, ссорамъ, и крестьянинъ имѣлъ право отыскивать для себя, въ теченіе извѣстнаго опредѣленнаго времени, такое лицо, которое желало бы купить его со всѣмъ семействомъ.

При продажѣ крестьянъ, владѣльцы не имѣли права раздѣлять семейства и, при существованіи нѣсколькихъ покупщиковъ, обязаны были продавать ихъ тому лицу, которому самъ крестьянинъ желалъ быть проданнымъ. Крестьянинъ, отпущенный на волю, обязанъ былъ отдать своему владѣльцу все имущество и, сверхъ того, заплатить, по взаимному условію, довольно значительную сумму (до 700 руб., а иногда и болѣе). За неимѣніемъ наличныхъ денегъ, плата, по большей части, производилась скотомъ.

Отпущенный на волю часто оставался въ томъ же аулѣ, въ которомъ прежде жилъ. Не исполняя ничего относительно своего бывшаго господина, онъ долженъ былъ однако, по установившемуся народному обычаю, сопровождать его во всѣхъ поѣздкахъ.

Разсмотрѣвъ, въ общихъ чертахъ, обязанности и права зависимыхъ сословій черкескаго народа, мы должны сказать и о нѣкоторыхъ частныхъ ихъ обязанностяхъ, переступить за которыя не согласился бы ни одинъ огъ, ни крестьянинъ, ни рабъ. Когда князь строилъ, напримѣръ, себѣ большой домъ съ кухней, а другой небольшой домъ для снохи своей, то домъ обязаны были строить оги, мазали же его женщины, глину возили дворовые люди; огородные плетни дѣлали оги вмѣстѣ съ дворовыми людьми, чистили траву рабыни-женщины, въ лѣто одна съ дома; плетень около всего дома дѣлали одни оги, колья и хворостъ возили на своей скотинѣ. Очагъ въ саклѣ изготовляли оги вмѣстѣ съ крестьянами, а окончательная отдѣлка дома лежала на обязанности крестьянъ; ремонтированіе крыши въ постройкахъ владѣльца, покупка и доставленіе матеріяла на нее составляла обязанность однихъ оговъ.

Обязанности каждаго сословія въ подобныхъ случайныхъ работахъ опредѣлены были также съ большою точностію, и никто не соглашался переступать за предѣлы своего долга. Каждое изъ сословій въ точности исполняло свои обязанности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, требовало того же и отъ своего владѣльца.

— Вспахать поле — мое дѣло, говорилъ крестьянинъ, но сѣмяна и волы его (господина); выкосить сѣно — горе рукъ моихъ, а косѣ, просо и два барана — камень на его шеѣ.

Такія рѣзкія выраженія и насмѣшки подвластнаго надъ владѣльцемъ не мѣшали, однако, ихъ близкимъ и почти родственнымъ отношеніямъ. Какъ ни строго судилъ крестьянинъ своего господина при людяхъ, однако онъ ни-

когда не позволялъ при себѣ постороннему лицу произнести о помѣщикѣ мало-мальски оскорбительное замѣчаніе. Крестьянинъ искони привыкъ считать своимъ пріятелемъ пріятеля своего господина, и врагомъ своимъ—его врага. За всякое оскорбленіе своего владѣльца, онъ вступался какъ за самого себя, и готовъ былъ жертвовать даже жизнію, защищая честь его. «Въ этомъ случаѣ онъ руководствовался—пишетъ Каламбій—не столько личною привязанностью къ господину, сколько сознаніемъ семейнаго родства, связывавшаго его съ нимъ. Только одного не сдѣлалъ бы онъ ни за что въ мірѣ: не выкажетъ никогда своего усердія предъ господиномъ, не обнаружитъ своей любви къ нему, еслибъ и чувствовалъ ее: это онъ считаетъ совершенно излишнимъ; напротивъ того, онъ такъ и норовитъ подъѣхать къ нему худою своею стороной, чтобы огорчить и раздосадовать его. Это, кажется, происходитъ отъ того, что онъ смотритъ на своего господина нѣсколько покровительственнымъ взглядомъ, какъ на человѣка, зависящаго отъ него въ матеріяльномъ отношеніи».

Крестьянинъ говорилъ съ своимъ господиномъ точно такъ же свободно, какъ бы говорилъ съ равнымъ себѣ; въ обращеніи же съ нимъ господина не было ничего унизительнаго или оскорбительнаго. Крестьянинъ, дворовый человѣкъ и даже рабъ не терпѣлъ никакихъ кличекъ и откликался только на свое настоящее имя. Между тѣмъ владѣлецъ имѣлъ полное право, когда вздумается, выхватить свой кинжалъ и всадить его въ грудь дерзкаго холопа и никто не потребовалъ бы отъ него отчета (¹). Мщеніе обиженныхъ крестьянъ противу владѣльцевъ встрѣчалось очень рѣдко; бѣгство же крестьянъ изъ непокорныхъ обществъ въ наши предѣлы бывало еще рѣже.

Между черкесами встрѣчалось много такихъ лицъ, которыя выросли безъ призрѣнія, безъ воспитанія и религіи и не имѣли рѣшительно никакой собственности; никто не могъ сказать откуда явились такіе люди. Желая сдѣлать свое существованіе не только возможнымъ, но и пріятнымъ, они, кромѣ воровства, не имѣли никакихъ другихъ средствъ. Это были бездомные, бродяги, или *абреки*. Обстоятельства ихъ, естественнымъ образомъ, сложились такъ, что жить и воровать было для нихъ одно и то же; воровать у непріятеля-ли или у своихъ, все равно — въ этомъ заключалась цѣль ихъ существованія и единственное занятіе.

Для подобныхъ людей своровать было весьма легко, но гораздо труднѣе было сбыть сворованное: къ мирнымъ черкесамъ далеко, а въ наши кубанскія укрѣпленія не принимали. Горецъ зналъ, что если онъ приведетъ на базаръ въ укрѣпленіе животное для продажи, то его оставятъ на три дня

(¹) Объ отношеніи крестьянъ къ владѣльцамъ у черкесовъ. „Кавк." 1846 г., № 9. Бѣглые очерки Кабарды П. Степанова. „Кавк." 1861 г. № 82. О зависимыхъ сословіяхъ въ горскомъ населеніи Кубанской Области. „Кавк." 1867 г. № 44 и 50. Этнографическій очеркъ черкескаго народа барона Сталя (рукоп.). „На холмѣ" Каламбія „Русскій Вѣст". 1861 г. № 11.

на испытаніи, не окажется ли оно ворованнымъ. Если, въ промежутокъ этого времени, дѣйствительный хозяинъ не являлся, тогда деньги слѣдовавшія продавцу отдавались ему покупателемъ, а въ противномъ случаѣ животное возвращалось настоящему его хозяину.

Поэтому черкесы ничего такъ усиленно не добивались у черноморскихъ казаковъ, «какъ того только, чтобы казаки принимали отъ нихъ въ укрѣпленіи воровскіе предметы, хотя бы за самую ничтожную цѣну. Они готовы были выкрасть у своихъ соотчичей лошадей и сдѣлать ихъ пѣшими, готовы выкрасть у нихъ оружіе и сдѣлать ихъ беззащитными, готовы, наконецъ, выкрасть у нихъ рогатую скотину и барановъ и сдѣлать ихъ голодными и холодными. Словомъ, наши закубанскія укрѣпленія могли бы сдѣлаться смерчами, сифонами, которые вытянули бы изъ непокорныхъ ауловъ всѣ способы къ сопротивленію, если бы только захотѣли воспользоваться недостойными орудіями, въ нѣдрахъ самихъ враждующихъ противъ насъ обществъ сокрытыми» ([1]).

Черноморскій казакъ не хотѣлъ пользоваться подобными недостойными средствами, остался чистымъ и не запятналъ свою совѣсть ни прельщеніями, ни выгодами.

VII.

Гражданскій и юридическій бытъ черкескаго народа. — Народное управленіе. — Поединокъ. — Кровомщеніе. — Судъ и его устройство. — Адатъ и шаріатъ. — Плата за кровь. — Казнь. — Размѣры пени за различныя преступленія. — Права собственности. — Наслѣдство. — Народныя собранія и цѣль ихъ.

Главнымъ основаніемъ гражданскаго быта черкескаго народа служили: осѣдлость, личное и имущественное обезпеченіе. Обычаи, получившіе непреложную силу закона, опредѣляли права каждаго члена, права поземельной собственности и права наслѣдства. Торговыя сдѣлки обезпечивались залогами и поручительствами. Для разбора тяжебныхъ дѣлъ, рѣшенія общественныхъ нуждъ и вопросовъ существовало народное собраніе. Эти собранія, составлявшіяся не изъ представителей народа, а изъ всего народа, имѣли чисто-демократическій характеръ. Законодательная и распорядительныя власти были въ рукахъ народа, а отсутствіе главы въ общественномъ управленіи дѣлало его республиканскимъ.

Каждое *псухо* управлялось своею мірскою сходкою — *зауча*, или *джеме*,

([1]) „Кавказъ" 1855 г. № 34.

гдѣ обсуждались и рѣшались всѣ вопросы, касавшіеся до общины. Община есть первая ступень политическаго устройства каждаго народа. Она является и первою самобытною единицею, въ которой семейства или роды всѣ одного происхожденія и имѣютъ одинаковые интересы. По мѣрѣ увеличенія народонаселенія, отдаляется родство, дробятся интересы и община раздѣляется на части различной величины, образуя каждая болѣе или менѣе самостоятельное цѣлое.

На равнинахъ, общій интересъ взаимной безопасности связываетъ единоплеменниковъ, и народы, находящіеся на низкой степени образованія, вмѣстѣ съ своимъ развитіемъ постепенно соединяются въ государства. Въ горахъ, напротивъ: община, по мѣрѣ своего размноженія, дѣлится все болѣе и болѣе, замыкается въ самое себя и преслѣдуетъ свои мелкіе интересы. Чѣмъ неприступнѣе горы, чѣмъ болѣе представляютъ онѣ преградъ для вторженія непріязненныхъ сосѣдей въ предѣлы общины, тѣмъ болѣе бываетъ самостоятельности въ отдѣльныхъ общинахъ, на которыя дѣлится единоплеменный народъ, и тѣмъ долѣе она сохраняется.

Такое общее положеніе справедливо и въ примѣненіи къ черкесамъ. Кабардинцы, напримѣръ, жившіе на плоскости, слились въ одно цѣлое и имѣли общее управленіе, тогда какъ жители горъ сохраняли патріархальный бытъ и колѣнное устройство.

Въ послѣдній періодъ независимаго существованія Кабарды главными представителями власти у народовъ были *валій* и *мегкеме*. Должность валія принадлежала старшему по лѣтамъ князю, который, при содѣйствіи своего помощника называемаго *кодзъ*, управлялъ всѣми внѣшними и внутренними дѣлами своей родины. Мегкеме, или судъ, составленный изъ духовенства и почетныхъ вуорковъ и при участіи въ немъ валія и кодза, творилъ судъ и расправу, а своимъ согласіемъ узаконялъ постановленія валія относительно введенія новыхъ адатовъ и уничтоженія старыхъ.

Такимъ образомъ кабардинцы, какъ жители равнинъ, скорѣе сознали необходимость общаго управленія и пришли къ нему, тогда какъ всѣ остальныя племена черкескаго народа съ давнихъ временъ оставались въ колѣнномъ устройствѣ и большая часть изъ нихъ раздѣлялась на мелкія независимыя общества, управляемыя своею мірскою сходкою.

По мѣрѣ поступленія въ подданство Россіи, характеръ управленія ихъ измѣнялся русскимъ правительствомъ, и потому настоящій очеркъ управленія черкескаго народа относится ко времени его самостоятельности.

Гражданскій и юридическій бытъ черкескаго народа былъ основанъ на трехъ главныхъ началахъ: 1) право собственности, 2) право употребленія оружія для каждаго свободнаго человѣка и 3) родовые союзы, «со взаимною обязанностію всѣхъ и каждаго защищать другъ друга, мстить за смерть, оскорбленіе и нарушеніе правъ собственности всѣмъ за каждаго, и отвѣтственность передъ чужими родовыми союзами за всѣхъ своихъ».

Въ благоустроенныхъ государствахъ правительство принимаетъ на себя обязанность охранять народъ отъ непріятельскихъ вторженій, поддерживать спокойствіе и внутреннюю безопасность. Тамъ же, гдѣ не существуетъ административныхъ учрежденій, гдѣ народъ не признаетъ надъ собою ни чьей власти, внутренняя безопасность лежитъ въ естественномъ правѣ каждаго отдѣльнаго члена защищать себя, свое семейство и имущество и даже предупреждать противниковъ нападеніемъ, если отъ такой мѣры зависитъ спокойствіе, а еще болѣе спасеніе. Въ такихъ обществахъ политическое право непріязненныхъ дѣйствій и употребленіе оружія находятся во власти каждаго семейства и родовыхъ союзовъ.

Черкесское общество сформировано было на послѣднихъ началахъ. Въ немъ право употребленія оружія находилось во власти каждаго семейства первыхъ трехъ свободныхъ сословій. Зависимыя-же сословія, какъ связанныя неразрывно съ своими владѣльцами, должны были основывать, вмѣстѣ съ ними, свою безопасность. Такимъ образомъ, черкесское семейство составляло неразрывное цѣлое со своими подвластными и рабами и, не смотря на различіе происхожденія, связанное общими интересами, обязывалось взаимною защитою. Отдѣльныя лица, составлявшія такое семейство, рабы ли, владѣльцы ли, обязаны были не только защищать членовъ семейства, но и мстить чужимъ семействамъ, хотя бы одного и того же рода, за нарушеніе личной неприкосновенности и правъ собственности членовъ своего семейства. Послѣднее, по числу своихъ членовъ, какъ слишкомъ незначительное для поддержанія своей самостоятельности и обезпеченія каждаго члена, искало поддержки въ другихъ подобныхъ же семействахъ: отсюда образованіе союзовъ, основывавшихся у черкесовъ на родовомъ началѣ. Семейства одного родоваго происхожденія или фамиліи, вмѣстѣ съ подвластными имъ сословіями и людьми, отдавшимися подъ покровительство фамиліи, составляли родовой союзъ. Все общество родоваго союза покровительствовало каждому изъ принадлежащихъ къ нему людей, защищало и мстило за каждаго постороннимъ обществамъ.

Оскорбленіе или ущербъ, нанесенные одному изъ членовъ, считалось посягательствомъ на благосостояніе всей общины; но, съ другой стороны, каждый членъ подлежалъ отвѣтственности за свое поведеніе передъ всѣмъ обществомъ. За личную обиду черкесъ предоставлялъ себѣ право самому преслѣдовать и мстить нанесшему оскорбленіе. Дуели черкесы не знали. По здравому смыслу черкеса, глупо и смѣшно, получивъ оскорбленіе, давать еще противнику всѣ средства убить себя, по установленнымъ правиламъ. Обиженный явно или тайно самъ убивалъ своего обидчика, когда позволяли случай или обстоятельства. При этомъ соблюдались, однако, правила, которыми черкесъ не смѣлъ пренебрегать, подъ опасеніемъ несмываемаго стыда. Правила эти совершенно противоположны установившимся въ образованныхъ обществахъ. Обидчикъ, встрѣтившись случайно съ обиженнымъ, не имѣлъ

рава нападать, а долженъ былъ только обороняться; въ чистомъ полѣ онъ обязанъ былъ уступить дорогу обиженному; встрѣтившись въ гостяхъ, долженъ былъ тотчасъ же удаляться, какъ только войдетъ обиженный, или, по крайней мѣрѣ, показывать видъ, что не замѣчаетъ его.

Поединокъ существовалъ у черкесовъ, но имѣлъ совершенно другое значеніе: онъ рѣшалъ споры двухъ наѣздниковъ или джигитовъ, кому изъ нихъ принадлежитъ первенство въ ловкости и храбрости; онъ былъ въ употребленіи, въ прежнее время, въ маленькихъ междоусобныхъ войнахъ и столкновеніяхъ племенъ между собою, кончавшихся часто поединкомъ представителей обѣихъ враждующихъ сторонъ. Часто и во время военныхъ дѣйствій съ русскими, черкескій наѣздникъ вызывалъ на поединокъ нашихъ милиціонеровъ и казаковъ, и оба противника начинали, джигитуя, перестрѣливаться, постепенно сближаясь другъ съ другомъ. Побѣдитель, при громкихъ крикахъ, овладѣвалъ тѣломъ противника и съ самодовольствомъ приказывалъ снять съ побѣжденнаго оружіе и доспѣхи, составлявшіе его гордость и славу. Въ тѣ времена, когда черкесы не вели еще отчаянной войны съ русскими, единоборство было въ большой модѣ и до такой степени усвоено народомъ, что черкескіе наѣздники, получившіе извѣстность и славу, искали себѣ достойныхъ соперниковъ, при встрѣчѣ съ которыми находили предлогъ къ ссорѣ и непремѣнно вступали въ единоборство, чтобы порѣшить вопросъ: который изъ двухъ наѣздниковъ долженъ пользоваться громкою славою и извѣстностію. Предлогъ къ состязанію бывалъ почти всегда самый ничтожный, напримѣръ: кто для кого долженъ посторониться при проѣздѣ по горной тропѣ. Поединокъ всегда вызывалъ, по выраженію черкесовъ, неминуемую смерть одного изъ противниковъ, потому что побѣдитель, во всякомъ случаѣ, могъ поступить съ побѣжденнымъ какъ съ убитымъ, т. е. снять съ него оружіе и обобрать до нитки. Подобное обстоятельство было для побѣжденнаго соединено съ такимъ безчестіемъ, что онъ предпочиталъ вѣрную смерть безчестной жизни. Поединки происходили всегда верхомъ, потому что сражаться пѣшкомъ считалось предосудительнымъ. Оба противника только тогда слѣзали съ коней, когда, по причинѣ полученныхъ ранъ, не могли держаться на сѣдлѣ. Въ черкеской поэзіи выраженіе «*слѣзть съ лошади*» равнозначуще съ выраженіемъ «*кончить свое поприще или умереть*». Обычай этотъ однако выводится у черкесовъ, и теперь подобные поединки встрѣчаются весьма рѣдко. Въ сороковыхъ годахъ, за Кубанью былъ примѣръ подобнаго рода, но доказывающій упадокъ прежняго рыцарскаго духа черкесовъ.

Князь Али-бей М. бѣжалъ изъ мирнаго аула и сдѣлался абрекомъ. Долго проживая въ горахъ, онъ хищничалъ у насъ на линіи и, своимъ наѣздничествомъ, пріобрѣлъ въ горахъ вѣсъ и большія связи. Впослѣдствіи, испросивъ прощеніе, онъ возвратился въ родной аулъ. Связи и знакомства въ горахъ сдѣлали его весьма полезнымъ для насъ. При посредствѣ его связей, можно было знать все, что происходило въ горахъ, а знаніе дорогъ и тропинокъ

дѣлало его хорошимъ проводникомъ для нашихъ отрядовъ. Черкесы скоро узнали о такой дѣятельности князя.

Однажды онъ былъ посланъ съ секретнымъ порученіемъ за Лабу и Бѣлую и, возвращаясь со своимъ конвоемъ, встрѣтился на рѣкѣ Фарзѣ съ небольшой партіей абрековъ, предводимыхъ Берзекомъ, который, собираясь похищничать на Лабѣ, укрывался въ лѣсу. Берзекъ былъ убыхскій дворянинъ стараго покроя, искатель приключеній, проводившій время въ хищничествѣ и набѣгахъ. Онъ зналъ Али-бея, когда-то вмѣстѣ съ нимъ воровалъ и они были друзьями. Встрѣтившись теперь, Берзекъ сталъ поносить Али-бея за его сношенія съ гяурами и вызвалъ на поединокъ. Али-бей, извѣстный своею храбростію, отказался, говоря, что не подыметъ руки на своего единовѣрца-магометанина. Тогда Берзекъ приказалъ своей свитѣ окружить Али-бея, самъ бросился на него, завладѣлъ его лошадью, оружіемъ и обобралъ до нитки. Конвой, сопровождавшій Али-бея, хотя и не уступалъ числомъ партіи Берзека, но, по-черкескому обычаю, не считалъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ это дѣло, такъ какъ, отказавшись отъ поединка, Али-бей призналъ себя побѣжденнымъ и предался въ руки Берзека. Покрытый стыдомъ, Али-бей сѣлъ на лошадь одного изъ своихъ подвластныхъ и уѣхалъ домой. Съ тѣхъ поръ онъ потерялъ всякое уваженіе между черкесами.

Подобная обида, по понятію черкесовъ, ничтожна въ сравненіи съ оскорбленіемъ, наносимымъ посягательствомъ на честь родственницы, женщины или дѣвушки: она не можетъ даже сравниться съ обидою, нанесенною убійствомъ родственника. Такія оскорбленія почти никогда не оканчивались примиреніемъ, прежде чѣмъ позоръ не будетъ смытъ кровью виновнаго или кого-нибудь изъ его родственниковъ. Въ такихъ случаяхъ для черкеса не было обмана, не было вѣроломства, которымъ бы онъ гнушался или считалъ постыднымъ употребить въ дѣло; здѣсь не было суда, не было и платы, могущихъ утолить въ немъ жажду крови, успокоить возмущенную душу: одна смерть врага могла удовлетворить обиженнаго (¹).

Обычай мстить кровью за кровью, или *кровомщеніе*, было необузданное чувство и, вмѣстѣ, обязанность, налагаемая честью, общественнымъ мнѣніемъ и личнымъ убѣжденіемъ каждаго черкеса. Тамъ, гдѣ своеволіе лица не имѣетъ никакихъ предѣловъ, гдѣ столько случаевъ безнаказанно совершить преступленіе, кровомщеніе есть единственное средство, хотя до нѣкоторой степени обуздывающее дикія страсти удальца, готоваго на всякій поступокъ. Не жажда къ простому убійству руководила, въ этомъ случаѣ, черкесомъ, а жажда мести и возстановленіе своей чести.

Примѣровъ убійствъ преднамѣренныхъ, совершенныхъ хладнокровно, съ

(¹) Кто желаетъ ближе познакомиться съ тѣми средствами, которыя употреблялъ кровомститель, и со всѣми ихъ ужасами, пусть прочтетъ статью „Абреки" Каламбія въ Русскомъ Вѣст. 1860 г. т. XXX № 21.

цѣлью обобрать трупъ, или вообще разбойничества, въ прямомъ значеніи этого слова почти не встрѣчалось между черкесами; убійства на дорогахъ бывали весьма рѣдки и считались необыкновеннымъ происшествіемъ въ краѣ; кровомщеніе, напротивъ, случалось весьма часто. За одного убитаго не рѣдко мстилъ аулъ аулу, родъ роду. Однажды совершенное преступленіе вело за собою цѣлый рядъ кровомщеній, тянувшихся нѣсколько поколѣній и даже нѣсколько вѣковъ.

Иногда враждующія стороны, утомленныя своими потерями, прекращали временно взаимныя убійства для того только, чтобы утихшее кровомщеніе, спустя извѣстное время, возгорѣлось съ новою силою и съ бо́льшимъ ожесточеніемъ.

Въ 1846 году, весною, бесленѣевскій князь Адиль-Гирей Коноковъ, вслѣдствіе давно существовавшаго кровомщенія, убилъ кабардинскаго князя Магомета Атажукина. Оба враждовавшіе князя встрѣтились на рѣкѣ Урупѣ, окруженные своими узденями. Завязалась перестрѣлка, отъ которой, съ обѣихъ сторонъ, легло четырнадцать человѣкъ; въ томъ числѣ былъ убитъ и Магометъ Атажукинъ.

Получивъ извѣстіе объ этой встрѣчѣ и о послѣдствіяхъ ея, оба народа, бесленѣевцы и кабардинцы, вооружились и междоусобная вражда готова была вспыхнуть. Кабардинцы, считая себя обиженными, хотѣли начать свои непріязненныя дѣйствія отбитіемъ табуна у бесленѣевцевъ, но послѣдніе успѣли спасти его. Такъ какъ обѣ враждующія стороны были покорны намъ, то правительство не допустило до кровопролитія; дѣло кончилось разбирательствомъ, платою за кровь и примиреніемъ обоихъ народовъ.

Обычай требовалъ, чтобы кровный обидчикъ тотчасъ же оставлялъ свой домъ и искалъ спасенія и покровительства въ чужой общинѣ. Оставшись дома, онъ подвергалъ отвѣтственности, кромѣ себя и семейства, не только своихъ родственниковъ, но всѣхъ членовъ рода, и даже всѣхъ людей одной съ нимъ общины. Такъ, когда бесленѣевскій дворянинъ Тазартуковъ, потерпѣвшій обиду отъ ногайскаго князя Карамурзина, подстерегъ его въ 1847 году на рѣкѣ Урупѣ и убилъ, онъ, не медля ни минуты, со всѣмъ своимъ семействомъ бѣжалъ въ Кабарду. Ногайскіе князья, получивъ объ этомъ вѣсть, тотчасъ же поскакали въ аулъ Тазартукова, но, не заставъ его дома, ограничились сожженіемъ построекъ и хлѣба, лично ему принадлежавшихъ.

Совершившій преступленіе и подлежавшій кровомщенію могъ оставаться дома, но, въ этомъ случаѣ, долженъ былъ выплатить семейству убитаго *унеимичипше*, плату равную, по цѣнности, рабу. Тогда онъ могъ показываться публично, но не иначе какъ вооруженный съ головы до ногъ и окруженный свитою. Между тѣмъ, родственники и друзья его употребляли всѣ усилія, чтобы успокоить и охладить мстительность родственниковъ убитаго. Такъ тянулось время до тѣхъ поръ, пока, послѣ взаимныхъ переговоровъ черезъ посредниковъ, обиженная сторона соглашалась принять выкупъ, *тловуась*—цѣну

крови, или, если обида состояла въ нанесеніи раны, то пока обиженный не соглашался па вознагражденіе по опредѣленію суда.

Нечаянныя убійства относились къ разряду умышленныхъ или вызванныхъ какою-нибудь причиною. Бывали и такіе случаи, что лошадь ударила ногою дитя, и хозяинъ тотчасъ же требовалъ отъ хозяина лошади плату за кровь.

Тотъ не смѣлъ отказаться, потому что, отказавшись отъ платы, подвергалъ себя кровомщенію отца раненаго ребенка. «Ясно, говоритъ Люлье, что, по господствующимъ у горцевъ понятіямъ, преступность опредѣляется не по качеству моральнаго побужденія, а скорѣе только по количеству наносимаго ущерба. Потому и самое наказаніе ограничивается наказаніемъ вещественнымъ, основаннымъ на простой сдѣлкѣ».

При совершеніи кровомщенія, не было ничего рыцарскаго и откровеннаго. Кровомстникъ (зе-піи) убивалъ изъ засады, истреблялъ хлѣбъ и сѣно враждебнаго ему семейства, зажигалъ по ночамъ сакли, кралъ дѣтей и продавалъ ихъ въ рабство и неволю. Все это дѣлалось воровски, скрытно, съ удаленіемъ отъ себя, по возможности, всякой опасности. Предпріимчивый кровомстникъ, въ теченіе короткаго времени, могъ столько надѣлать вреда, что обидѣвшее его семейство принуждено бывало просить черезъ посредниковъ мира и удовлетворить обиженнаго установленною обычаемъ платою за кровь.

Случалось, что виновный и подлежащій кровомщенію тайно, или при чьемъ нибудь содѣйствіи, старался украсть изъ семьи обиженнаго мальчика и воспитывалъ его съ гораздо большимъ раченіемъ, чѣмъ собственнаго сына. По достиженіи мальчикомъ совершеннолѣтія, воспитатель, одаривъ воспитанника одеждою, оружіемъ, хорошею лошадью, доставлялъ его съ большою церемоніею въ домъ родителей или родственниковъ. Тогда, какъ *аталыкъ*, онъ вступалъ въ родственныя отношенія съ семействомъ обиженнаго и мирился съ нимъ. Подобнымъ образомъ воспитанный ребенокъ носилъ названіе *тлечежапканъ*—за кровь воспитанный.

Обычай брать на воспитаніе дѣтей обиженнаго, въ послѣднее время, сталъ повторяться чаще; виновному не было надобности красть ребенка: онъ открыто вносилъ половину установленной обычаемъ платы за кровь и явно бралъ къ себѣ ребенка на воспитаніе (¹). Когда Джембулатъ Болотоковъ убилъ хатюкайскаго князя Керкенокова, то, при примиреніи, взялъ на воспитаніе его сына.

Для кровомщенія нѣтъ пи дружбы, ни родства, нѣтъ и опредѣленнаго времени, въ которое должна быть совершена месть. Проходятъ годы и десятки ихъ, происшествіе забывается среди общества, но не забываетъ его крово-

(¹) Этнографическій очеркъ черкескаго народа барона Сталя (рукопись). Воспом. кавк. офицера. „Русскій Вѣст." 1864 г. № 11. О политическомъ устройствѣ черкескихъ племенъ Н. Карльгофа. „Русскій Вѣст." 1860 г. № 16. Учрежденія и народные обычаи шапсуговъ и натухажцевъ Л. Люлье. Зап. кавк. отд. Им. Р. Геогр. Общ. кн. VII изд. 1866 г. О бытѣ, нравахъ и обычаяхъ древнихъ атыхейцевъ. „Кавк." 1849 г. № 37.

мстникъ и ищетъ удобнаго случая къ мщенію. Родство, въ этомъ случаѣ, не имѣетъ никакого значенія. Одинъ черкесъ, полюбивъ дѣвушку и получивъ ея согласіе, похитилъ и женился на ней. Черезъ нѣсколько времени, братъ увезенной дѣвушки, не довольный такимъ бракомъ, собираетъ друзей, нападаетъ, въ отсутствіе своего зятя, на его саклю, схватываетъ свою сестру и, посадивъ ее насильно на крупъ лошади, увозитъ домой.

Мужъ пріѣзжаетъ и, не заставъ жены, бросается въ погоню; нагоняетъ партію, врѣзывается въ ея середину и убиваетъ наповалъ брата своей жены. Преслѣдованный всей партіею, онъ избѣгнулъ, однако, погони и укрылся въ сосѣднемъ народѣ. Съ этого времени начался рядъ неистовыхъ мщеній мужа надъ семействомъ его жены. Скрываясь тайно, онъ сожигалъ сѣно и хлѣбъ, поджигалъ саклю, похищалъ дѣтей и не было никакого средства отыскать и убить его. Одна смерть прекратила его мщеніе. Положеніе жены его было горестно: она была первой причиной кровомщенія; ей нельзя было жить съ убійцей роднаго брата и, не смотря на красоту свою, она не могла выйдти замужъ: никто не смѣлъ жениться на оставленной женѣ абрека, потому что немедленно подвергся бы смерти отъ руки перваго ея мужа (¹).

Нѣтъ родства для кровомщенія, нѣтъ и опредѣленнаго срока для его исполненія.

Бесленѣевскій князь Арсланъ-бекъ Шолоховъ, богатый, красивый молодой человѣкъ и лихой наѣздникъ, засваталъ за себя дочь умершаго весьма почетнаго кабардинскаго князя Касаева, которая воспитывалась въ Тахтамышевскомъ аулѣ. Собравъ для торжественнаго поѣзда до ста узденей, Шолоховъ долженъ былъ выѣхать изъ своего аула, на рѣкѣ Тегеняхъ, въ Тахтамышевскій аулъ, отстоявшій верстъ за сто двадцать пять.

Къ одному изъ кабардинскихъ князей, Джембулату-Атажукину, въ это время собрались гости, и въ числѣ прочихъ новостей разсказали о поѣздѣ Шолохова за невѣстою.

— Этого быть не можетъ, вскричалъ вскочившій съ мѣста и разсерженный Джембулатъ. Я не вѣрю, чтобы дочь кабардинскаго князя, и такого достойнаго человѣка, могла выйдти за бесленѣевскаго князя: этому не бывать!

Гости увѣряли хозяина, что свадьба должна состояться черезъ нѣсколько дней, и Аджи-ханъ—такъ звали невѣсту—будетъ женою Арсланъ-бека Шолохова.

— А я вамъ говорю, что этому не бывать, сказалъ Джембулатъ съ запальчивостію; я не допущу, чтобы дочь близкаго моего друга Касаева вышла за бесленѣевца: она должна быть за кабардинскимъ княземъ, и будетъ за нимъ.

Нѣкоторые гости съ недовѣріемъ качали головою, другіе иронически подсмѣивались, но Джембулатъ былъ непоколебимъ въ своемъ желаніи и вѣренъ сказанному слову.

(¹) Этнографическій очеркъ черкескаго народа барона Сталя (рукопись).

Собравъ до ста человѣкъ своихъ узденей, онъ въ ту же ночь отправился къ Тахтамышевскому аулу, находившемуся на правомъ берегу рѣки Кубани, верстахъ въ двѣнадцати отъ Баталпашинской станицы. Засѣвъ съ партіею на дорогѣ, онъ сталъ ожидать поѣзда съ невѣстою. Арсланъ-бекъ зналъ о словахъ Джембулата, но не вѣрилъ, чтобы онъ исполнилъ свои намѣренія, однако счелъ лучшимъ не днемъ, а ночью переправиться, вмѣстѣ съ невѣстою, на лѣвый берегъ рѣки Кубани. Не доѣзжая версты три до переправы, поѣздъ былъ атакованъ кабардинцами. Разрядивъ ружья по бесленѣевцамъ, кабардинцы бросились прямо къ арбѣ, на которой сидѣла невѣста, выхватили ее и ускакали за рѣку Кубань. Нападеніе и уходъ кабардинцевъ были такъ быстры, что бесленѣевцы хотя и стрѣляли въ непріятеля, но потеряли его изъ виду. Темная ночь дѣлала преслѣдованіе невозможнымъ. Джембулатъ благополучно прибылъ въ свой аулъ, на рѣку Теберду, и на другой же день выдалъ молодую княжну за своего родственника, молодаго и красиваго князя.

Злоба и месть долго таились въ душѣ Арсланъ-бека и всѣхъ бесленѣевцевъ, но не встрѣчалось удобнаго случая отмстить за оскорбленіе.

Прошло болѣе года. Джембулатъ-Атажукинъ, съ тридцатью человѣками своихъ узденей, поѣхалъ за рѣку Бѣлую по своимъ дѣламъ. Это было въ 1843 году. Возвращаясь, Джембулатъ остановился на рѣкѣ Тегеняхъ покормить лошадей и совершить молитву (намазъ). Неподалеку, на полугорѣ, виднѣлся аулъ. Джембулатъ не зналъ чей онъ, но былъ увѣренъ, что принадлежитъ бесленѣевцамъ. Одинъ изъ жителей аула, навалилъ на арбу сѣна, везъ его мимо путниковъ и узналъ, что партія отдыхавшихъ принадлежала Джембулату-Атажукину, и что онъ самъ тутъ же. Въ аулѣ, какъ и всегда, праздные жители собираются вокругъ своего князя и, глазѣя на остановившихся гостей, предугадываютъ, кто бы это были?

Тѣмъ временемъ подъѣхалъ къ глазѣющимъ житель съ арбою и сѣномъ.

— Не узналъ-ли ты, кто проѣзжаетъ? спросили его голоса изъ толпы.

— Кто проѣзжаетъ! повторилъ бесленѣевецъ съ насмѣшливымъ видомъ: конечно тотъ, кто отнимаетъ у нашихъ князей невѣстъ, а теперь, вѣроятно, пріѣхалъ и за женами.

Аулъ былъ Арсланъ-бека Шолохова. Понятно, кого должны были больше всего поразить эти слова.

— Лошадь! крикнулъ князь, бросился въ саклю, схватилъ оружіе, сѣлъ на коня и поскакалъ къ отдыхавшему Джембулату; за нимъ наскоро полетѣли нѣсколько человѣкъ, остальные скакали въ слѣдъ.

Джембулатъ, видя скачущихъ бесленѣевцевъ, догадавшись въ чемъ дѣло и съ кѣмъ долженъ встрѣтиться, сѣлъ также на коня, приказалъ узденямъ не вмѣшиваться, выхватилъ ружье и ожидалъ Шолохова.

Арсланъ-бекъ почти въ упоръ далъ выстрѣлъ, но промахнулся. Джембулатъ-же, выстрѣливъ, положилъ его на мѣстѣ, но въ это время уздени уби-

того дали залпъ и положили храбраго Джембулата. Болѣе не было произведено ни одного выстрѣла.

Уздени каждаго изъ убитыхъ взяли своего князя и разъѣхались въ разныя стороны. Такъ кончилъ свою жизнь одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей по уму, храбрости и большому вліянію въ народѣ. Имя Джембулата Атажукина до сихъ поръ еще свѣжо и чтится всѣми кабардинцами (¹).

Для избѣжанія безпрерывной и истребительной войны по кровомщенію, которая была бы неразлучна съ полною свободою употребленія каждымъ оружія, у черкесовъ существовали ограничивающія ея правила, которыя заключались: 1) въ поголовной отвѣтственности каждаго союза передъ другими за поступки и поведеніе всѣхъ принадлежащихъ къ нему людей; 2) въ судѣ посредниковъ и 3) въ уплатѣ виновною стороною установленныхъ пеней.

По коренному обычаю (адату) черкесовъ, каждая кровная обида можетъ быть окончена примиреніемъ враждующихъ сторонъ судомъ посредниковъ (²). Не имѣя особо-устроенныхъ и постоянныхъ судовъ, народъ предоставлялъ правосудіе частнымъ лицамъ. Старики, пользовавшіеся уваженіемъ народа, вмѣшивались въ распри, принимали на себя роль посредниковъ и уговаривали враждующихъ рѣшить дѣло посредниками.

Взаимная присяга представителей каждаго общества служила обязательствомъ для всего населенія: не дѣлая вреда союзу, кончать всѣ распри, неудовольствія и споры со взаимною справедливостію. Обвиняемый долженъ былъ предстать передъ собраніе выборныхъ, которые, только на этотъ разъ, облекались властію и, уполномоченные народомъ, произносили приговоръ, опредѣляли взысканіе пени, слѣдуемой въ уплату обиженному, въ справедливое удовлетвореніе и вознагражденіе его.

Важность дѣла опредѣляла число судей, необходимыхъ для его рѣшенія. Каждая сторона выбирала своихъ посредниковъ или судей, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы противная сторона утвердила выборъ. Въ назначенномъ мѣстѣ сходились судьи, тяжущіеся и ихъ свидѣтели. Судъ происходилъ подъ открытымъ небомъ, гласно и публично; чѣмъ интереснѣе, важнѣе и любопытнѣе было дѣло, тѣмъ болѣе собиралось слушателей. Черкесы вообще любили проводить время на разбирательствахъ; въ ихъ праздной жизни оно составляло единственное разнообразіе и развлеченіе.

Приступая къ разбирательству, судьи, носящіе названіе *тааркохясь* или присяжныхъ, распредѣлялись на двѣ части и садились двумя отдѣльными группами, на такомъ разстояніи, чтобы въ одной группѣ не было слышно о чемъ разсуждаютъ и разговариваютъ въ другой. За судьями, также въ нѣкоторомъ отдаленіи, располагались тяжущіеся, раздѣленные на двѣ части, каждая подлѣ

(¹) Изъ разсказовъ о генералѣ Г. Х. Засѣ. Г. Атарщикова.

(²) Со времени послѣдней восточной войны, судъ у шапсуговъ и натухажцевъ происходилъ въ особыхъ *мегкемэ* и часто по шаріату.

своихъ выборныхъ. Черкесы дѣлали это во избѣжаніе столкновеній и ссоръ, къ которымъ обязывало ихъ чувство чести мстить до тѣхъ поръ, пока виновная сторона не удовлетворитъ обиженную.

Случалось, однако, и при этой предосторожности, что «обѣ стороны подходили на назначенное посредниками разстояніе, имѣя винтовки наготовѣ, и нерѣдко завязывалась перестрѣлка между тяжущимися».

Изъ числа присяжныхъ или судей каждая сторона выбирала по одному *тлукуо*: это адвокаты-руководители, которые, выслушавъ жалобы и доводы обвинителей, передавали ихъ судьямъ, потомъ выслушивали показанія обвиненныхъ и, такимъ образомъ, переходили отъ одного кружка тяжущихся къ другому, до тѣхъ поръ, пока судьи вполнѣ узнавали сущность и подробности дѣла. Адвокаты выбирались преимущественно изъ такихъ лицъ, которыя владѣли языкомъ и краснорѣчіемъ въ изложеніи мыслей. Черкесы вообще обладали замѣчательными ораторскими способностями, умѣли говорить съ необыкновеннымъ искуствомъ длинныя рѣчи, замѣчательныя по составу, логическому порядку выводовъ и силѣ убѣжденія. Въ этомъ случаѣ имъ много помогалъ обычай, существовавшій съ давнихъ поръ между черкесами. Князья и дворяне, во время пребыванія въ полѣ весною или осенью, раздѣлялись на двѣ стороны и одна изъ нихъ объявляла на другую свои притязанія и требованія. Обѣ стороны избирали тогда судей, передъ которыми отвѣтчики защищались всею силою своего краснорѣчія, а обвинители, съ своей стороны, не щадили сильныхъ выраженій для побѣды своихъ противниковъ. Такимъ образомъ для каждаго открывалось обширное поле показывать могущество своего краснорѣчія и знанія существующихъ народныхъ узаконеній и феодальныхъ правъ своей націи. Простая, повидимому, забава эта служила черкесамъ школою къ образованію у нихъ ораторовъ. И дѣйствительно: по врожденной способности, они ловко вели судебныя пренія, въ которыхъ имѣли большой навыкъ.

Собравши показанія и ознакомившись съ сущностію дѣла, судьи обѣихъ спорящихъ сторонъ сходились, выслушивали показанія свидѣтелей, которые иногда приводились къ присягѣ, а иногда не приводились, смотря по важности разбираемаго дѣла. Свидѣтелями могли быть только люди честные и хорошаго поведенія. Отъ обвинителя и обвиняемаго требовали присягу. Въ прежнее время, присяга происходила на посохѣ, вырубленномъ въ священной рощѣ, и присягающій начиналъ ее словами: «*я клянусь тѣмъ, кто создалъ эту вѣтвь*»...; впослѣдствіи, съ распространеніемъ магометанскаго ученія, коранъ замѣнилъ посохъ, но, по сохранившемуся еще обыкновенію, онъ вѣшается на палку, воткнутую въ землю. Черкесы, имѣвшіе смѣшанное вѣрованіе, клялись могилами отца и матери. Присягавшій передъ кораномъ почтительно подходилъ къ священной книгѣ, дотрогивался до нея рукою и произносилъ клятву, начиная ее словами: «*я клянусь этою книгою слова Божія*...» Окончивъ клятву, подносилъ коранъ къ губамъ и отходилъ. Въ нѣкоторыхъ обществахъ

присяга состояла въ закалыванія овцы и прикосновенія языка къ окровавленному кинжалу.

Обвинитель давалъ присягу въ томъ, что, съ рѣшеніемъ дѣла, обязывается забыть всякое непріязненное чувство къ обвиняемому, а послѣдній въ томъ, что безпрекословно подчиняется требованіямъ приговора и не станетъ уклониться отъ его исполненія. Для большаго обеспеченія въ исполненіи клятвы, брали отъ обоихъ присягавшихъ по одному присяжному поручителю, которые и отвѣчали за поведеніе своихъ кліентовъ.

Весьма рѣдко случалось, чтобы тяжущіеся, послѣ подобной церемоніи, изъявляли свое неудовольствіе на рѣшеніе суда.

У тѣхъ черкесовъ-магометанъ, гдѣ былъ введенъ духовный судъ (мегкемэ) по шаріату, истецъ не имѣлъ права спрашивать кадія о дѣлѣ прежде рѣшенія его; въ противномъ случаѣ, какъ истецъ, такъ и кадій платили 20 рублей штрафа. Истецъ, не представившій въ теченіе пятнадцати дней свидѣтелей, лишался права иска; дѣла, одинъ разъ рѣшенныя судомъ, не возобновлялись; точно также и дѣло, рѣшенное однимъ кадіемъ, не могло быть перерѣшено другимъ, и кадій, виновный въ отступленіи отъ этого правила, платилъ 100 рублей штрафа.

Виновный, по рѣшенію шаріата не удовлетворившій истца, кромѣ продажи всего его имущества обязанъ былъ заплатить 20 рублей штрафа. Дѣло, рѣшенное аульнымъ муллой, имѣло одинаковую силу съ рѣшеннымъ въ судѣ (мегкемэ).

Отсутствіе отвѣтственности за ложное показаніе дѣлало положеніе судей въ произнесеніи приговора крайне затруднительнымъ, потому что каждый могъ смѣло лгать и давать изворотливые отвѣты. Къ тому же, по безграмотности черкесовъ, всѣ сдѣлки совершались словесно, и до фактическаго удостовѣренія въ справедливости показаній было весьма трудно добраться. Въ такихъ случаяхъ прибѣгали къ очистительной присягѣ, которую могъ предложить самъ обвиняемый для своего оправданія. Такъ какъ, послѣ подобной присяги, обвиняемый освобождался отъ всякой отвѣтственности, то, чтобы присяга не могла служить къ обезпеченію безнаказанности людямъ, которымъ не страшна ложная присяга, при исполненіи ея требовалось, чтобы оправдывающійся, являясь на подобную присягу, имѣлъ извѣстное число свидѣтелей безукоризненнаго поведенія. Послѣдніе клялись, что вѣрятъ всему сказанному обвиненнымъ. Этотъ родъ свидѣтельства назывался *тамрко-шесъ*—ручательство за вѣрность присяги, и число такихъ поручителей зависѣло отъ важности иска и значенія преступленія.

Къ присягѣ не допускались родственники, лица участвовавшія въ пользованіи имуществомъ съ тяжущимися, и тѣ, которыя жили съ ними подъ одною кровлею.

У черкесовъ не существовало ни тюремъ, ни тѣлесныхъ наказаній, никакихъ видовъ лишенія свободы, а потому всѣ наказанія ограничивались на-

ложеніемъ штрафа, сообразнаго со степенью проступковъ, и увеличивавшагося въ случаѣ повторенія преступленія однимъ и тѣмъ же лицомъ. Штрафъ или пеня уплачивалась всегда въ назначенный срокъ, и не иначе какъ въ присутствіи адвокатовъ-руководителей, а въ дѣлахъ значительныхъ, кромѣ того, и въ присутствіи двухъ судей. Люди эти служили посредниками для опредѣленія стоимости вещей представляемыхъ въ уплату, и для рѣшенія по какому именно счету вещи должны быть приняты.

Опредѣленіе пени дѣлалось не произвольно, но по установленнымъ правиламъ на каждый случай назначалась особая пеня. Черкесы никогда не имѣли никакихъ письменныхъ законовъ; они управлялись искони своими древними обычаями, которые изустно передавались изъ рода въ родъ. Совокупность этихъ обычаевъ, служащихъ руководствомъ для каждаго черкеса въ его семейной и общественной жизни, называется *адатомъ*. Каждое изъ поколѣній черкескаго народа имѣло свой собственный адатъ, но всѣ адаты, въ общихъ основаніяхъ, сходны между собою. Въ прежнее время, адатъ кабардинскій считался лучшимъ и былъ принятъ почти всѣми черкесами.

Адатъ не оставался неподвижнымъ. По мѣрѣ того, какъ народъ развивался, являлись новыя потребности, новые интересы, которые усложняли и отношенія между людьми. Претензіи, споры и иски увеличивались; въ адатѣ не находилось установленій на новые случаи, и судьи, по необходимости, должны были, примѣняясь къ общему духу адата, постановлять рѣшенія новыя и небывалыя. Въ такихъ случаяхъ приглашались пожилые люди, свѣдующіе въ народныхъ обычаяхъ старики, которые могли сохранить въ своей памяти какіе нибудь факты, похожіе на разбираемый. Новыя рѣшенія, повторенныя потомъ въ другихъ подобныхъ же случаяхъ, упрочивались въ массѣ народныхъ обычаевъ, присоединялись къ адату и, расширяя его, подвигали, такъ сказать, впередъ или совершенствовали самый адатъ. Судъ основывался прежде исключительно на адатѣ, но, со введеніемъ мусульманства, внесенъ былъ въ среду черкескаго народа еще и духовный судъ, *шаріатъ*, или письменный законъ. Право суда было захвачено въ руки кадіями, которые рѣшали дѣла по преступленіямъ какъ духовнымъ, такъ и гражданскимъ.

По привязанности къ своимъ обычаямъ или къ адату, черкесы предпочитали его *шаріату*, тѣмъ болѣе, что послѣдній допускаетъ, во время разбирательства, произвольное толкованіе муллами различныхъ постановленій письменнаго закона или корана. Такъ какъ коранъ былъ мало извѣстенъ черкесамъ, да немного болѣе понимали его и полуграмотные муллы, то народъ, во всѣхъ сколько нибудь важныхъ дѣлахъ, руководствовался постановленіями *адата*. Въ мелкихъ и неважныхъ дѣлахъ, враждующіе обращались съ разбирательствомъ къ мулламъ, болѣе потому, чтобы избѣжать тѣмъ медленности и затрудненій въ пріискапіи посредниковъ.

Укоренившаяся въ народѣ одинаковая законность судовъ, по адату и по шаріату, допускала произволъ, предоставляя тяжущимся выборъ того или

другаго. Когда обвинитель видѣлъ, что может выиграть дѣло по адату, онъ требовалъ, чтобы его судили по примѣру предковъ, а о шаріатѣ и слышать не хотѣлъ. Если же видѣлъ, что, для рѣшенія его дѣла, шаріатъ выгоднѣе, то, прикинувшись строгимъ фанатикомъ, требовалъ суда не иначе, какъ по книгѣ Божіей, *которой буквы изобрѣтены и ниспосланы на землю самимъ Богомъ*...

Черкесы не знали употребленія монеты, и денегъ у нихъ не было въ обращеніи до послѣдняго времени. Поэтому, при наложеніи пеней, они установили свою собственную стоимость, за единицу которой приняли цю—быка. Одинъ быкъ (цю) равнялся шести *тоопа*—штука или отрѣзокъ матеріи, достаточный на платье мужское или женское. Изъ совокупности этихъ предметовъ, составилась мѣра пени, или *сха*.

Сха была двухъ родовъ: *вуоркесха*—по провозмещенію привиллегированнаго класса, и просто *сха*—по провозмещенію за простолюдина. Стоимость первой больше второй, но цѣнность той или другой нельзя опредѣлить съ точностію. «Хорошая кольчуга — говоритъ Люлье — шлемъ, налокотники, шашка, лукъ, ружье, большой котелъ изъ мѣди и тому подобныя вещи, если стоятъ не больше шестидесяти цю, или быковъ, и не меньше шестидесяти барановъ, то составляютъ, вообще, одну сха; но, смотря по сану лица, за котораго платится пеня, размѣры этой стоимости (въ указанныхъ предѣлахъ) бываютъ различные: въ уплатѣ за князя (пши) сха считается въ 60—80 цю (быковъ), за дворянина (вуоркъ) считается ужъ меньше, смотря по сановитости рода, и доходитъ наконецъ до восьми цю (быковъ), въ уплатѣ за простолюдина (тфлокотль). Всякій предлагаемый предметъ, по качествамъ доброты, а больше по ловкости и убѣдительности посредниковъ-оцѣнщиковъ, можетъ, при опредѣленіи его стоимости, составить одну или нѣсколько сха».

Въ число наличной платы отдавали часто дѣтей обоего пола, рожденныхъ въ рабствѣ. Ребенокъ долженъ быть ростомъ не меньше пяти *бассе*, т. е. длины раскрытой кисти руки отъ мизинца до большаго пальца (пядь, четверть). Красота лица, стройное тѣлосложеніе имѣли большой вѣсъ при опредѣленіи стоимости мальчика или дѣвочки. Они оцѣнивались на стоимость сха.

Дѣти рабовъ, и нерѣдко свои собственныя, замѣняли у черкесовъ деньги, въ особенности у племенъ, жившихъ по берегу Чернаго моря. Тамъ всѣ товары и матеріи оцѣнивались нерѣдко числомъ мальчиковъ или дѣвочекъ, передаваемыхъ преимущественно туркамъ.

По обычаю черкесовъ, убійство человѣка можетъ быть окуплено цѣною крови—*тловуасэ*. Въ прежнее время, цѣна крови была назначена: за убійство князя сто сха, вуорка (дворянина) 42 и тфлокотля (простолюдина) 20 сха ([1]). Впослѣдствіи плата за кровь дворянина была уменьшена до 30 сха,

([1]) Люлье приводитъ счетъ сха за убійство вуорка (дворянина) и тфлокотля (просто-

а простолюдина возвышена до этой цифры, и такимъ образомъ права ихъ, въ этомъ отношеніи, уравнялись. По шаріату, цѣна крови опредѣлена за дворянина и простолюдина въ 200 постельныхъ коровъ. Цѣна крови князя была неодинакова въ разныхъ поколѣніяхъ. Нѣкоторыя княжескія фамиліи, напримѣръ Болотоковы, установили за себя такую цѣну за кровь, которую выплатить не было возможности. Они требовали въ уплату: нѣсколько панцырей и луковъ съ колчанами, самыхъ лучшихъ въ краѣ, оружіе первое въ краѣ, лошадей самыхъ высокихъ статей, пару черныхъ борзыхъ собакъ безъ всякихъ отмѣтинъ и другихъ предметовъ высшаго достоинства. При такихъ условіяхъ, отъ произвола Болотоковыхъ зависѣло принять какую нибудь плату и удовлетвориться ею или преслѣдовать виновнаго.

Высокая цѣна пени, преимущественно за кровь, дѣлала невозможною уплату ея однимъ виновнымъ, въ особенности въ средѣ такого народа, какъ черкесы, которые не имѣли у себя людей зажиточныхъ или богатыхъ, въ полномъ значеніи слова. Плата эта почти всегда разлагалась на цѣлую фамилію. Каждая община представляла собою семью въ большомъ видѣ и называлась по имени родоначальника. Члены такой общины признавали себя по родству столь близкими другъ къ другу, что не допускали между собою брачнаго союза, считая подобный бракъ кровосмѣшеніемъ. Родство это связывало членовъ общины и они вели свои дѣла сообща: оказывали другъ другу защиту и матеріальную помощь.

На этомъ основаніи, тотъ, кому нужно было платить пеню, получалъ вспомоществованіе отъ своихъ собратій по общинѣ. Но такъ какъ община была не велика числомъ людей, и въ случаѣ, если міровой сборъ не могъ составить требуемой пени, то за сборомъ ея обращались къ остальнымъ общинамъ племени, а иногда даже къ друзьямъ и знакомымъ отдаленныхъ племенъ.

Съ другой стороны, слишкомъ частый внос пени за виновнаго былъ бы весьма обременительнымъ для остальныхъ членовъ общины; поэтому цѣлая община поставлена была въ необходимость наблюдать за дѣйствіями каждаго и удерживать безпокойныхъ людей отъ совершенія различнаго рода преступленій. Преступникъ, нѣсколько разъ нарушившій присягу и установленныя правила и признанный неисправимымъ, исключался изъ фамиліи. Такое исключеніе равносильно было объявленію человѣка, у образованныхъ народовъ, внѣ покровительства законовъ; человѣка, исключеннаго изъ фамиліи, каждый могъ оскорбить, ограбить, убить или взять въ рабство, не навлекая на себя ни отъ кого мщенія. Виновному оставалось одно средство: бѣжать и

людина). Вотъ первый изъ нихъ: панцырь, шлемъ, шашка, налокотники, хорошій конь— цѣною каждый предметъ въ 2 сха, одно ружье цѣною въ 16 быковъ; серебряный кубокъ въ 1 сха; быковъ цѣною на 8 сха и посредственныхъ лошадей, для дополненія счета, до 42 сха, 23 штуки. Вся эта плата, сложенная вмѣстѣ, составляетъ стоимость 42-хъ сха.

искать покровительства въ какой нибудь другой фамиліи. Такой человѣкъ носилъ названіе *яси-хядзь*, и если онъ не успѣвалъ скрыться, то схватывался, заковывался въ желѣзо, привязывался къ дереву и убивался изъ огнестрѣльнаго оружія. У черкесовъ не было обыкновенія подымать руки на истребленіе самаго опаснаго для общества человѣка, и потому они заставляли раба сдѣлать смертельный выстрѣлъ. Чаще же всего преступника продавали въ неволю, или привязывали ему на шею камень и бросали въ воду, отчего и произошло самое названіе пси-хядзь, т. е. «брошенный въ воду».

Къ этому единственному виду смертной казни черкесы прибѣгали весьма рѣдко, а по большей части, за проступки другихъ, терпѣливо платили пеню. Пеня распредѣлялась такъ: небольшую часть получали судьи, болѣе значительная раздавалась родственникамъ истца и только около одной трети доходило до самаго истца или его семейства.

Пеня уплачивалась виновнымъ въ теченіе срока опредѣленнаго судебнымъ рѣшеніемъ. Но такъ какъ судъ у черкесовъ былъ, въ дѣйствительности, не тотъ судъ, котораго рѣшенія опирались бы на власть исполнительную, а имѣлъ только характеръ мироваго соглашенія спорящихъ, поддерживаемаго страхомъ оружія, то онъ и не бралъ на себя обязанности слѣдить за исполненіемъ своего приговора. Въ этомъ случаѣ, виновный побуждался къ уплатѣ однимъ истцомъ. Побужденія состояли въ безпокойствѣ отвѣтчика всѣми возможными средствами, которыя могли быть дѣйствительными для принужденія къ скорѣйшей платѣ пени. Обиженный имѣлъ право захватить всякое имущество принадлежащее должнику; но самый употребительнѣйшій способъ состоялъ въ томъ, чтобы «увести у отвѣтчика одну или нѣсколько штукъ скота, но оставить при этомъ особый знакъ, обыкновенно палку, воткнутую въ землю близъ жилья, или даже въ самомъ его дворѣ».

Это средство понужденія называлось *тякю*. Оно повторялось до тѣхъ поръ, пока должникъ не выходилъ изъ терпѣнія и, чтобы избавиться отъ постоянныхъ тревогъ и опасеній, не засылалъ посредниковъ. Весьма часто, когда такое постороннее вмѣшательство состоялось, все захваченное возвращалось сполна по принадлежности.

Если подобный способъ побужденія не дѣйствовалъ, тогда истецъ начиналъ дѣлать поджоги сѣна, хлѣба и вообще движимости у должника и даже у его родственниковъ, но только такъ, чтобы не подвергнуть хозяина опасности, а, напомнивъ ему о долгѣ, дать средства самому спастись отъ угрожающей опасности, которой онъ могъ, напримѣръ, подвергнуться при поджогѣ дома. Выстрѣлъ обыкновенно служилъ знакомъ тревоги и считался, въ этомъ случаѣ, употребительнѣйшимъ между черкесами.

Вообще, по понятію черкесовъ, въ дѣлѣ побужденія или мести не было никакой надобности искать самого преступника, а слѣдовало мстить и обращать оружіе на того, кто первый попадется подъ руку изъ его родственниковъ, однофамильцевъ или даже рабовъ. Точно также черкесу все равно, былъ ли

отыскан преступник или нѣтъ: онъ считалъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ, если получалъ пеню, внесенную родственниками или фамиліею обидчика.

Въ понятіи народа не было точнаго сознанія о преступленіяхъ вообще и о раздѣленіи ихъ на уголовныя и гражданскія. Притомъ большая часть такихъ дѣйствій, которыя мы называемъ преступленіемъ, черкесы считали принадлежностію войны (¹).

По черкескому юридическому праву празнавались слѣдующіе виды преступленій: 1) возстаніе раба противъ своего господина, неповиновеніе и бѣгство его; 2) нарушеніе правилъ гостепріимства; 3) супружеской вѣрности женщинами; 4) воровство у своей семьи и у ближнихъ сосѣдей; 6) поступки трусости; 6) кровосмѣщеніе; 7) убійство вообще и отцеубійство въ особенности и 8) измѣна народу.

«Всѣ прочія дѣйствія, относящіяся до нарушенія чести, личной неприкосновенности, безопасности и свободы каждаго, до нарушенія правъ собственности и общественнаго спокойствія, не подходятъ у нихъ подъ понятіе о преступленіяхъ, а принадлежатъ къ праву сильнаго и встрѣчаютъ препятствіе только въ силѣ оружія противника. Человѣкъ, причинившій другому какой-либо вредъ, можетъ подвергнуться возмездію или долженъ примириться, но у него нѣтъ судьи, передъ которымъ онъ былъ бы обязанъ стать въ положеніе отвѣтчика, и онъ въ правѣ, не подвергаясь обвиненію въ незаконности, поддерживать свое насиліе оружіемъ.

«Власть охранительная и власть правосудія замѣняется у нихъ страхомъ оружія, возмездіемъ и мирнымъ соглашеніемъ, а адатъ ближе подходитъ къ разряду международныхъ правъ, чѣмъ гражданскихъ законовъ (²)».

Покушеніе на чужую собственность признавалось воровствомъ, но только тогда, когда оно произведено было у лица принадлежавшаго къ той же общинѣ, въ которой состоялъ воръ, или въ другихъ общинахъ, съ которыми состоялась присяга жить въ мирѣ и добромъ согласіи. Напротивъ того, *воровство-удальство*, произведенное въ земляхъ сосѣдей, несвязанныхъ взаимнымъ союзомъ, не считалось преступленіемъ. Предпринимаемое съ опасностію жизни, съ отвагою и ловкостію, оно, по понятію черкесовъ, принадлежало къ военнымъ подвигамъ, и на него смотрѣли какъ на лучшее средство показать свое удальство и ловкость.

Черкесы различали два вида воровства; воровство въ чистомъ полѣ, внѣ жилья, и воровство изъ дому, со взломомъ дверей, замковъ и запертыхъ

(¹) О политическомъ устройствѣ черкескихъ племенъ Н. Карльгова. „Русскій Вѣстникъ" 1860 г. № 16. Учрежденія и народные обычаи шапсуговъ и натухажцевъ Л. Люлье. Записки Кавк. отд. Им. рус. геогр. общ. книга VII, издан. 1866 г. Этнографичес. очеркъ черкескаго народа барона Сталя (рукоп.). Племя адиге Т. Макарова. „Кавказъ" 1862 г. № 31 и 32.

(²) О политичес. устройствѣ черкескихъ племенъ Н. Карльгова. „Русскій Вѣстникъ" 1860 г. № 16.

шапсуговъ. Послѣдній видъ считался болѣе преступнымъ и строже наказывался.

Уличенный въ воровствѣ обязанъ былъ возвратить то, что укралъ, или уплатить въ семь разъ болѣе цѣны украденаго. Кромѣ того, воръ платилъ штрафъ въ девять быковъ, а въ прежнее время, вмѣсто штрафа, вносилъ своему владѣльцу одного ясыря (раба) и двухъ быковъ.

Не смотря на столь значительную пеню, назначенную за воровство, ни одинъ черкесъ не рѣшался возвратить украденую вещь, потому что это считалось величайшимъ стыдомъ. Воръ соглашался скорѣе заплатить двойную и даже тройную пеню, чѣмъ отдать настоящую вещь хозяину, оставляя черезъ то за собою предлогъ отговариваться тѣмъ, что напрасно обвиненъ въ воровствѣ. Князья, въ прежнее время, за украденую у нихъ вещь или за отгонъ скота, отплачивали *барантою* (represailles), т. е. наѣздами въ чужое имѣніе, гдѣ захватывали, что попадется, въ руки: вещи, скотъ и людей. Въ набираніи добычи соблюдалась, впрочемъ, нѣкоторая соразмѣрность, т. е. чтобы добыча не слишкомъ много превышала стоимость украденаго.

Штрафъ за воровство, произведенное со взломомъ, доходилъ до девяти быковъ (цю) не больше, «собственно въ вознагражденіе за безчестіе, нанесенное воровствомъ дому». Вторично-попавшійся воръ платилъ двадцать четыре цю (быка), а если и послѣ того не исправлялся, то объявлялся лишеннымъ покровительства законовъ (¹).

Кто убивалъ раба, тотъ не подлежалъ мщенію со стороны хозяина, а уплачивалъ стоимость убитаго. За убійство чагара или ога взыскивалось въ пользу его родственниковъ девять душъ, но князь или владѣлецъ не бралъ ни одной. Узденъ, убившій своего ога, платилъ его семейству одного человѣка или отпускалъ на волю его брата.

Нанесенныя раны осматривались посредниками, и если не было произведено раненому увѣчья, то, по величинѣ отверстія и, въ особенности, по поврежденію костей, раны оплачивались не болѣе половины цѣны крови и не менѣе четверти. Узденъ, поссорившійся съ княземъ и нечаянно ранившій его лошадь, платилъ пять рабовъ, три лошади и три вещи изъ оружія.

Не было опредѣленнаго наказанія измѣнникамъ: участь ихъ рѣшалась собраніемъ старшинъ. Точно также не было опредѣленнаго наказанія и отцеубійцамъ.

Понятіе о правѣ собственности хотя и существовали у черкесовъ, но имѣли совершенно особый характеръ. По мусульманскому праву, вообще не существуетъ права собственности въ томъ смыслѣ, какъ мы его понимаемъ, а есть право пользованія собственностію. Имущество у мусульманъ раздѣляется

(¹) Новѣйшія историчес. и географичес. свѣдѣнія о Кавказѣ Броневскаго, ч. II изд. 1822 г. Учрежденія и народные обычаи шапсуговъ и натухажцевъ Л. Люлье Зап. Кавк. от. И. Р. Г. Об., книга VII, изд. 1866 года.

на *явное*: земледѣліе, скотъ, разработываніе рудниковъ и т. п., и на *скрытное*: деньги, золотыя, серебряныя вещи и прочее.

По корану, вся земля есть достояніе Божіе; отъ него перешло право владѣнія землею имаму, *какъ тѣни Бога на землѣ*, а этотъ послѣдній передаетъ права на землю частнымъ лицамъ, съ обязательствомъ платежа податей, за право пользованія ею, каковы: зекатъ, хераджъ и пр.

На этомъ основаніи, право собственности у черкесовъ распространялось на имущество движимое, скотъ, и на такое недвижимое, которое находилось въ непосредственномъ и фактическомъ обладаніи лицъ или требовало отъ нихъ собственнаго труда: дома, прочія постройки и поля постоянно обрабатываемыя. Вся же остальная земля, лѣсъ и вода составляли общественную собственность. Продажа земель и отдача ихъ въ наемъ не существовала въ народныхъ обычаяхъ, но за пастьбу скота въ нѣкоторыхъ мѣстахъ платился извѣстный процентъ приплода.

Существованіе хотя и ограниченной собственности дало существованіе и правамъ на наслѣдство.

Послѣ смерти отца, дѣти мужескаго пола наслѣдовали все недвижимое и движимое его имущество. Женщины права на наслѣдство не имѣли, а сыновья, имѣя одинаковыя права на наслѣдство, дѣлили имущество поровну. По взаимному согласію наслѣдниковъ, вдовѣ умершаго могъ быть предоставленъ въ пожизненное пользованіе доходъ съ нѣкоторой части имѣнія, но послѣ смерти ея и эта часть имѣнія поступала къ наслѣдникамъ. Вдова, кромѣ того, имѣла право выбрать себѣ для жительства домъ одного изъ своихъ сыновей, кромѣ старшаго, потому что въ собственность послѣдняго переходилъ домъ умершаго ея мужа, со всѣми его принадлежностями и пристройками. Раздѣлъ наслѣдства по числу наслѣдниковъ производился младшимъ сыномъ, а выборъ частей предоставлялся сыновьямъ по порядку рожденія, начиная со старшаго. Послѣдній имѣлъ право взять, сверхъ доли, цѣнную вещь, по своему выбору, и даже раба. Въ этомъ только и заключалось все преимущество первородства. «Письменныхъ и духовныхъ завѣщаній нѣтъ, но послѣдняя воля умирающаго исполняется въ самой строгой точности; нарушать ее значило бы подвергнуться всеобщему осужденію и презрѣнію». Черкесъ готовъ былъ жизнь отдать за свою собственность, но къ чужой не имѣлъ никакого уваженія и, съ опасеніемъ потери жизни, гдѣ только можно, присвоивалъ себѣ чужое. Привычка къ воровству и къ хищничеству—послѣдствія этого неуваженія къ праву собственности, а безначаліе и своеволіе довершали остальное. Тревоги и смятенія, господствовавшія въ горахъ, отсутствіе администраціи, которая бы пользовалась уваженіемъ, дѣлали собственность черкесовъ мало обезпеченною. Нерѣдко безпорядки доходили до того, что и самимъ черкесамъ становились невыносимыми, и тогда они прибѣгали къ чрезвычайной мѣрѣ— къ повальной присягѣ, *эбер-тиареуо*.

Почетныя лица и старшины всѣхъ общинъ и родовъ дѣлали общій сборъ,

осматривали дома подозрительных людей и преимущественно тѣ мѣста, гдѣ происходило болѣе всего безпорядковъ. Все населеніе деревни или аула присягало передъ выставленнымъ кораномъ, повѣшеннымъ на палкѣ, воткнутой въ землю. Каждый присягающій обязывался «указать всѣхъ, какіе только ему извѣстны, виновниковъ безпорядковъ, сознаться въ слухъ въ своихъ собственныхъ преступленіяхъ, противъ установленныхъ правилъ, и обѣщаться исполнять правила эти на будущее время ненарушимо».

Мѣра эта, по словамъ Л. Люлье, какъ очевидца, оказывалась слишкомъ дѣйствительною относительно людей совѣстливыхъ. Примѣры полной откровенности бывали не разъ, и тѣмъ удивительнѣе, что признававшіеся почти всегда подвергались значительнымъ пенямъ за свои прошлые проступки, которые безъ того могли бы оставаться на всегда неизвѣстными. Люди суевѣрные, не желавшіе признаваться, но страшившіеся присяги передъ кораномъ, обыкновенно уходили изъ дома при приближеніи старшинъ. Наконецъ были и такіе, которые не затруднялись приносить ложную присягу, не смотря на всѣ улики и подозрѣнія. Хотя такіе люди, по большей части, были извѣстны своимъ дурнымъ поведеніемъ и предосудительными поступками, но въ рукахъ старшинъ не было достаточныхъ уликъ къ ихъ обвиненію. Тѣмъ не менѣе каждый, поступавшій такимъ образомъ, покрывалъ себя въ общественномъ мнѣніи не смываемымъ пятномъ осужденія и пріобрѣталъ прозваніе *тамашсе*—клятвопреступника или обманщика передъ Богомъ ([1]).

Мѣра эта хотя и не приносила положительной пользы, не могла совершенно обезпечить собственность, однако, на время, останавливала безпорядки и похищеніе чужой собственности.

Не признавая надъ собою верховныхъ владѣтелей и считая высочайшимъ благомъ дикую и необузданную свободу, черкесы строго подчинялись старшимъ въ родѣ. Старшій въ семьѣ имѣлъ неограниченную власть надъ ея членами, точно также какъ отецъ надъ дѣтьми, мужъ надъ женою и братъ надъ сестрою. Въ случаяхъ важныхъ, всѣ единоплеменники сходились на совѣщанія и слушали приговоръ старцевъ—*этихъ живыхъ книгъ опытности и благоразумія*, какъ говорили черкесы. Старость лѣтъ имѣла всегда большое значеніе между черкесами. Человѣкъ, пользовавшійся уваженіемъ народа, имѣлъ преимущество давать совѣты почти по каждому дѣлу. Черкесы любятъ, въ подобныхъ случаяхъ, напускать на себя важность, и дѣло, часто самое пустое, обсуживается въ теченіе не менѣе трехъ сутокъ. Черкесы не начинаютъ никакого дѣла, не собравъ для совѣта всѣхъ въ немъ участвующихъ. Переговоры въ такихъ случаяхъ бываютъ очень продолжительны, такъ

([1]) Учрежденія и народные обычаи шапсуговъ и натухажцевъ Л. Люлье. Запис. Кавк. отд. Импер. рус. геогр. общес. кн. VII, изд. 1866 г. О политическомъ устройствѣ черкескихъ племенъ Н. Карлгофа „Рус. Вѣст." 1860 г. № 16. Этнографичес. очеркъ черкескаго народа барона Сталя (рукопись).

какъ старики, которымъ принадлежитъ право излагать сущность дѣла, любятъ говорить много и медленно и, въ свою очередь, также терпѣливо и внимательно выслушивать чужія рѣчи. По понятіямъ народа, «опрометчивость и нетерпѣливость простительны только дѣтямъ и женщинамъ, а мужчина долженъ обдумывать и обсуживать каждое предпріятіе зрѣлымъ образомъ, и если есть у него товарищи, то подчинять ихъ своему мнѣнію не силою, а словомъ и убѣжденіемъ, такъ какъ каждый имѣетъ свою свободную волю».

Съ теченіемъ времени, собранія или съѣзды происходили чаще, и мало по малу въ нихъ сосредоточился родъ народнаго управленія, въ которомъ каждое предложеніе передавалось на разсмотрѣніе старшихъ.

Всѣ сословія принимали участіе въ совѣщаніяхъ, кромѣ крестьянъ, не имѣвшихъ права голоса. Въ обществахъ, гдѣ существовало сословіе князей, они занимали первое мѣсто и не рѣдко имѣли рѣшительное вліяніе на приговоръ собранія. Но для этого необходимо было, чтобы князь былъ рыцарь (тле-хупхъ), и чтобы онъ владѣлъ даромъ слова: тогда онъ носилъ названіе *лте-губзыв*—языкъ народа.

Языкомъ народа могъ быть каждый. Снискавъ себѣ, хищничествомъ и храбростію, вѣсъ и значеніе, черкесъ являлся на народныя совѣщанія, искалъ популярности въ средѣ собранія, и, сообразно способностямъ своимъ, имѣлъ средство добиться высшаго предѣла честолюбія — стать *языкомъ народа*. Это названіе давалось храбрѣйшему въ бою, краснорѣчивѣйшему на вѣчѣ, разумнѣйшему на разбирательствахъ и судебной расправѣ. Этимъ политическимъ названіемъ черкесъ обозначалъ человѣка, который служилъ выраженіемъ всѣхъ высокихъ качествъ своего народа, такого человѣка, который одинъ умѣлъ высказать ясно, чего цѣлый народъ желаетъ и что онъ чувствуетъ. Участіе *языка народа* на вѣчахъ, и при всѣхъ предпріятіяхъ, было рѣшительно: онъ одинъ увлекалъ весь народъ и ворочалъ имъ по своей волѣ; всѣ смирялись передъ его умственнымъ могуществомъ. Въ 1839 году, Хаджи-Дунакай, аталыкъ князя Шеретлука Болотокова, на народномъ собраніи у Меакопы, возбудилъ черкесовъ къ единодушному возстанію и дѣйствію противъ русскихъ. Послѣ кровопролитнаго дѣла на Фарѣ, въ 1841 году, съ генераломъ Зассомъ, Дунакай увелъ съ Лабы махошевцевъ, темиргоевцевъ, егерукаевцевъ и бзедуховъ.

Не въ пышныхъ чертогахъ, а подъ открытымъ небомъ, на мѣстахъ освященныхъ какимъ-нибудь важнымъ событіемъ или прахомъ знаменитаго праотца, собирались черкесы на совѣщанія. Конно-вооруженные, они ѣхали на собранія, выбирая для него преимущественно время подножнаго корма. По прибытіи на мѣсто совѣщанія, собравшіеся раздѣлялись по сословіямъ на отдѣльные кружки: князья отдѣльно, уздени также и т. д. Всякое предложеніе выходило отъ владѣльцевъ, князей, старшинъ и другихъ представителей народа. Условясь между собою относительно рѣшенія, они предлагали на обсужденіе узденей какъ обстоятельства дѣла, такъ и самое рѣшеніе. Уздени,

разбирая пользу или вредъ предложенія и почти всегда соглашаясь съ владѣльцами, въ непосредственной зависимости которыхъ состояли, передавали его на рѣшеніе народа. Голосъ и рѣшеніе послѣдняго имѣли законодательную силу. На усмотрѣніе народа предоставлялось принять или отвергнуть предложеніе, но рѣшеніе, разъ принятое, строго охранялось князьями и владѣльцами, какъ главными блюстителями законодательной власти. Въ прежнее время, словесное рѣшеніе народа имѣло силу закона, но мало по малу порядокъ собранія измѣнился во многомъ. Народъ уже не дѣлился по сословіямъ, а каждое общество выбирало своихъ представителей или депутатовъ, для собранія которыхъ существовало два способа. Первый состоялъ въ томъ, что, для состава собранія, назначалось опредѣленное число довѣренныхъ лицъ, для выбора которыхъ племя должно было предварительно собраться; вторымъ же выборъ дѣлался: у магометанъ отъ *Джамаата*, а у жителей морскаго прибрежья отъ *Тѣахапха*, которыя составляли нѣчто въ родѣ церковныхъ приходовъ. Преимущественно употреблялся послѣдній способъ.

Когда избранные и уполномоченные старшины разсмотрятъ и рѣшатъ предложенный вопросъ, то старшій между ними, по лѣтамъ и почету, сообщалъ, собравшемуся у подножія какого-нибудь кургана, народу, чѣмъ рѣшенъ предложенный вопросъ или дѣло. Если народъ соглашался съ рѣшеніемъ старшинъ, то подавали коранъ, и народъ пообщинно присягалъ исполнять свято это рѣшеніе. Послѣ присяги, эфенди составлялъ *дефтеръ* (актъ), присутствующіе прикладывали печати (мухарь) или, за неимѣніемъ ихъ, пальцы омоченные въ чернила, и съ того времени *дефтеръ* имѣлъ обязательную силу. Такъ былъ подписанъ знаменитый дефтеръ 1841 года, о которомъ будетъ сказано ниже.

Кругъ дѣйствій такихъ собраній былъ сообразенъ съ потребностями обществъ. Здѣсь разрѣшались преимущественно поземельные споры, неудовольствія между обществами и вопросы объ общественной безопасности: войны и мира.

Въ концѣ прошлаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго, народныя собранія происходили не часто. По словамъ г. Люлье, въ памяти народа сохранилось пять такихъ собраній, получившихъ названіе отъ мѣстъ, на которыхъ были созваны. Послѣднее, пятое, собраніе *Хауце-хясь* происходило въ 1822 году, и слѣдствіемъ его было введеніе суда по шаріату. Начиная же съ сороковыхъ годовъ, собранія дѣлались гораздо чаще и вызывались энергическими дѣйствіями со стороны русскихъ.

Учрежденіе, съ одной стороны, лабинской линіи, а съ другой, постройка ряда укрѣпленій по берегу Чернаго моря породили большое безпокойство между непокорными черкескими племенами, жившими за рѣкою Лабою и по восточному берегу Чернаго моря. Начиная съ 1840 года, между этими племенами проявляется лихорадочная дѣятельность и народныя собранія учащаются. Черкесы начинаютъ убѣждаться, что единство, при сопротивленіи рус-

склнъ, дастъ имъ больше силы, и потому до сихъ поръ чуждыя другъ другу, и даже враждебныя, общины начали заключать между собою союзы и договоры, явилась идея о единствѣ и общемъ интересѣ. Междоусобныя вражды или ослабѣли, или совсѣмъ прекратились; никакой важный вопросъ не разрѣшался уже старшинами безъ народнаго собранія. Послѣднія почти всегда имѣли главнѣйшею цѣлію принятіе мѣръ для общей безопасности и, уничтоженіемъ воровства и хищничества, устранить поводы къ внутреннимъ раздорамъ и враждѣ (¹). Такъ, абадзехи, шапсуги, убыхи и многія другія поколѣнія рѣшили составить между собою *союзъ*, который положитъ основаніе всему «относящемуся къ религіознымъ и мірскимъ дѣламъ». Собравшись у Мезкопы, на рѣкѣ Пшехѣ, въ 1841 году, они связались между собою присягою и, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ преній и переговоровъ, издали *дефтеръ*, замѣчательный своими послѣдствіями.

«Слава Богу!»—сказано въ этомъ народномъ постановленіи — «который насъ сотворилъ, показалъ намъ свое величіе и возвысилъ насъ надъ другими животными! Слава Богу, который далъ намъ всѣ средства жить счастливо на этомъ свѣтѣ и получить награду въ другомъ мірѣ! Слава указавшему намъ истинный путь спасенія, вѣру истинную свою, черезъ пророка своего и посланника Магомета!... Слава Богу, который есть защитникъ нашъ и спаситель въ день воскресенія!...

«Мы хотимъ помочь всѣмъ неустройствамъ нашего края и не дѣлать зла другъ другу.

«Наша первая обязанность есть строгое выполненіе *шаріата*. Всякое другое ученіе должно быть оставлено и отвергнуто; всѣ преступленія должны быть судимы не иначе, какъ по этой книгѣ».

Вопросъ о шаріатѣ, какъ мы видѣли, былъ поднятъ въ 1822 году, и народъ рѣшилъ производить судъ согласно корану, изъ котораго истекаютъ всѣ права духовныя, гражданскія и политическія. Рѣшеніе это было вскорѣ нарушено, и нарушалось черкесами постоянно, какъ не согласное съ духомъ свободнаго народа. Въ особенности жители морскаго прибрежья, у которыхъ магометанство еще не укоренилось, и которые придерживались своихъ религіозныхъ обрядовъ, постановленіе о введеніи шаріата не имѣло примѣненія: они продолжали разбирательство споровъ и тяжбъ при посредствѣ третейскаго суда. Не смотря, однако, на то, попытки поддержать шаріатъ были постоянны. Въ 1825 году, трапезонтскій паша, Чечень-Оглу-Гассанъ, прибылъ въ крѣпость Анапу, вмѣсто Ахметъ-паши. Онъ прежде всего созвалъ къ себѣ

(¹) О кавказской линіи и проч. Дебу, изд. 1829. Картины Кавказскаго края П. Зубова ч. III. О бытѣ, правахъ и обычаяхъ древнихъ атыхейскихъ племенъ Шахъ-бекъ-Мурзина. „Кавказъ“ 1849 г. № 37. Взглядъ на жизнь общественную и нравственную племенъ черкескихъ Н. Колюбакинъ. „Кавказъ“ 1846 г. № 11. Воспомин. кавк. офицера. „Рус. Вѣст.“ 1864 г. № 10 и 11. Этнографическій очеркъ черкескаго народа барона Сталя. О натухайцахъ, шапсугахъ и абадзехахъ Л. Люлье, зап. Кавк. О. И. Р. Г. О. кн. IV.

князей и старшинъ черкескаго народа и предложилъ имъ признать надъ собой покровительство турецкаго султана. Черкесы согласились и присягнули, но съ условіемъ, что эта присяга не уменьшитъ ихъ независимости. Власть султана надъ черкесами была чисто-номинальная: онъ былъ уважаемъ ими только какъ халифъ, или глава исламизма. Въ средѣ черкескаго населенія, противъ станицъ Убѣжинской и Ладовской, поселялись агенты паши, черезъ которыхъ, поддерживая сношенія, онъ старался о введеніи шаріата и успѣлъ на столько, что, передъ началомъ войны нашей съ Турціею, въ 1828 году, абадзехи и другія племена обязались уничтожить власть князей и всѣхъ привилегированныхъ сословій, судиться по шаріату и учредили у себя *мехкеме*, народные суды. Съ прекращеніемъ вліянія турокъ надъ черкесами, ослабѣло и вліяніе шаріата; поэтому-то народное собраніе 1841 года и заботилось прежде всего о его возстановленіи. Затѣмъ главною цѣлью собранія было устройство политическихъ дѣлъ.

«Никто изъ насъ не долженъ идти къ невѣрнымъ», сказано въ томъ же дефтерѣ; «дружескія сношенія съ невѣрными строго запрещены, и потому всякій миръ и предложеніе съ ихъ стороны должны быть постоянно отвергаемы». Воспрещено было покупать что-либо въ тѣхъ изъ нашихъ укрѣпленій, которыя поставлены были на землѣ, принадлежавшей прежде черкесамъ. Виновный въ нарушеніи этого правила обязанъ былъ заплатить штрафъ въ тридцать тумановъ (около 300 руб. сер.). Тѣ же лица, которыя будутъ нуждаться въ покупкѣ вещей, должны были пріобрѣтать ихъ «*на границѣ*», т. е. на мѣновыхъ дворахъ въ Черноморіи, существовавшихъ до 1829 года.

Никто не долженъ предупреждать русскихъ о сборѣ партіи черкесовъ для набѣга въ русскіе предѣлы. Кто донесетъ и оттого будетъ причиненъ вредъ партіи, тотъ долженъ заплатить: если доносчикъ свободнаго сословія, 200 коровъ, а крестьянинъ 100 коровъ и, сверхъ того, штрафа 30 тумановъ. Кто перейдетъ къ русскимъ и будетъ служить имъ, то такія лица, какъ враги своего края, не будутъ «имѣть, ни они сами, ни ихъ родные, никакого права на наше сострадание».

Положено давать убѣжище всѣмъ бѣглымъ и выходцамъ изъ Россіи; мусульманамъ, пришедшимъ для помощи противъ враговъ черкескаго народа, оказывать всякое содѣйствіе, обращаться съ ними дружески и, если нужно, то, для устраненія всякаго недовѣрія, выдавать такимъ союзникамъ своихъ дѣтей въ аманаты.

«Внутренность каждаго жилья, продолжаетъ дефтеръ, будетъ ненарушима. Кто сотворитъ воровство въ чужомъ домѣ, заплатитъ, кромѣ штрафа въ 30 тумановъ, еще пеню въ 7 тумановъ. Если русскій бѣглый сдѣлаетъ воровство, то онъ платитъ только тройную цѣнность украденой вещи, но штрафа не платитъ»....

Въ заключеніе была приложена присяга о взаимной защитѣ, въ случаѣ вторженія, въ которой сказано, что «какъ только русскія войска вступятъ

въ страну, то каждый долженъ взять оружіе и идти туда, гдѣ потребуетъ опасность; тѣ, которые не имѣютъ оружія, не изъемлются отъ возстанія [1]».

Таковы главныя статьи дефтера, положившаго, можно сказать, первое начало образованію общаго союза разнообразныхъ поколѣній черкескаго народа и ихъ сосѣдей. Однимъ изъ важнѣйшихъ постановленій этого акта было прекращеніе торговыхъ и всякаго рода другихъ сношеній съ русскими и воспрещеніе вести отдѣльному обществу переговоры съ нами, безъ согласія всѣхъ остальныхъ союзныхъ племенъ.

Присягнувъ на собраніи, союзные народы первое время строго исполняли постановленія дефтера. Воровство, хищничество и взаимная вражда между ними значительно уменьшились; бывали нерѣдко случаи, что украденыя вещи возвращались, по принадлежности, ихъ хозяевамъ.

Имѣя только совѣщательный характеръ, народныя собранія не располагали никакими исполнительными средствами, для наблюденія за выполненіемъ своихъ постановленій. Отсутствіе исполнительной власти не давало никому права наблюдать за исполненіемъ постановленія собранія, одобреннаго большинствомъ народа. Только употребленіе силы, съ единодушіемъ и настойчивостію, могло заставить каждаго черкеса уважать рѣшеніе большинства народа. Но силы этой не было въ рукахъ нашихъ противниковъ, и союзъ, опиравшійся только на общественномъ мнѣніи, при отсутствіи народныхъ учрежденій и управленія, не долго оставался ненарушеннымъ. Значительная прибыль отъ торговли съ русскими и обогащеніе нѣкоторыхъ, до изданія постановленія, служили соблазнительною приманкою для многихъ. Жители, ближайшіе къ нашимъ селеніямъ и укрѣпленіямъ, вошли съ нами въ торговыя сношенія; за ними послѣдовали другіе, и скоро между черкесами образовалась партія, желавшая сближенія съ русскими. Всѣ подтвержденія о точномъ соблюденіи условій общаго союза оставались недѣйствительными. Болѣе многочисленная и враждебная намъ партія, за неимѣніемъ средствъ, не могла принудить незначительную партію нашихъ приверженцевъ къ прекращенію торговли съ русскими. Для этого необходимо было содержать постоянно вооруженную силу, что было невозможно въ народѣ неорганизованномъ въ одно цѣлое. По необходимости, она должна была ограничиться высылкою изрѣдка вооруженныхъ партій, которыя успѣвали на время прекратить торговлю; но истощивъ свое продовольствіе и соскучась, партіи расходились и тогда торговля снова оживала.

Безсиліе большинства указывало на необходимость дать народу другое устройство, которое бы связало общество въ одно цѣлое. Признали необходимымъ ввѣрить неограниченную власть надъ народомъ духовному лицу, раздѣлить край на округи и ввести правильную администрацію и управленіе изъ кадіевъ и муллъ; думали опереть власть на вѣрную и избранную стражу изъ

(1) Этнографическій очеркъ черкескаго народа барона Сталя (рукопись).

такихъ людей, которые, не имѣя ни дома, ни пристанища, ни какихъ-либо правилъ, находили бы для себя выгоднымъ быть соучастниками тайныхъ замысловъ преобразователей. Послѣдніе считали необходимымъ, уничтоживъ *адатъ* (обычай) и всѣ его учрежденія, на которыхъ основано было общество, ввести шаріатъ единственнымъ закономъ; уравнять права всѣхъ народныхъ сословій, уничтожить значеніе каждаго частнаго лица и подчинить каждаго члена общества духовной власти. Деспотизмъ духовнаго правителя не нравился черкесамъ, неотличавшимся религіознымъ фанатизмомъ, и потому подобное предложеніе не встрѣтило сочувствія въ большинствѣ народа. Тогда представители, искавшіе средствъ сплотить черкесское общество въ одно цѣлое, обратились къ мысли Бесльнія-Абата, родомъ шапсуга, имѣвшаго случай, во время своихъ поѣздокъ въ Турцію и Египетъ, ознакомиться съ правильнымъ административнымъ устройствомъ этихъ государствъ.

На рѣкѣ Адагумѣ составилось, въ 1848 году, большое собраніе, въ которомъ приняли участіе абадзехи, шапсуги, натухажцы и убыхи. Совѣщанія продолжались въ теченіе цѣлаго года (съ февраля 1848 по февраль 1849 года), до прибытія за Кубань агента Шамиля, Магометъ-Амина. Цѣль собранія была весьма обширна. Совѣщавшіеся согласились между собою предоставить народному собранію власть надъ народомъ и учредить администрацію и земскую полицію.

«Для выполненія этого намѣренія, они положили принять слѣдующія мѣры:

1) признать постановленія народнаго собранія обязательными для всѣхъ обществъ и принуждать силой къ повиновенію тѣ изъ нихъ, которыя будутъ уклоняться отъ исполненія его повелѣній;

2) для доставленія народу матеріяльныхъ средствъ къ тому, что бы постановленія его уважались, образовать и отдать въ его распоряженіе постоянное ополченіе, на содержаніи народа;

3) раздѣлить народъ на общины, каждую по 100 дворовъ, и поручить управленіе общинами избраннымъ ими старшинамъ, которыхъ обязать присягой исполнять распоряженія народнаго собранія и представлять ослушниковъ и преступниковъ на его судъ».

Для поддержанія власти старшинъ, въ распоряженіе ихъ предоставлено было нѣсколько конныхъ *муртазаковъ*, нѣчто въ родѣ стражи. Каждому муртазаку назначено изъ поголовнаго налога по 60 руб. содержанія.

Народное собраніе рѣшило прервать всякое сношеніе съ русскими и строго преслѣдовать своихъ мирныхъ единоплеменниковъ. Здѣсь было высказано много мыслей, свидѣтельствовавшихъ о практическомъ умѣ черкесовъ; но здѣсь же обнаружилось, что нѣтъ среди черкесовъ ни одного человѣка, который бы могъ захватить власть въ свои руки и силою своего ума и твердости управлять народомъ. Адагумское собраніе то расходилось, то снова собиралось, то распадалось на нѣсколько отдѣльныхъ кружковъ. Постановленія его не были приведены въ исполненіе. Сильно развитая самостоятельность общинъ и аристо-

кратическій элементъ, нежелавшій отказаться отъ своихъ вѣковыхъ преимуществъ, препятствовали слiянію черкесовъ въ одно цѣлое. Народъ, привыкнувшій къ необузданной свободѣ, не перенесъ повелительнаго тона муртазаковъ, присылаемыхъ съ приказаніями отъ народнаго собранія. Между муртазаками и народомъ случились, на первыхъ же порахъ, столкновенія, дошедшія до открытой драки, въ которой народъ восторжествовалъ и всѣ нововведенія окончательно рушились (1); у черкесовъ по прежнему явилась раздѣльность обществъ, сохраненіе каждымъ изъ нихъ полной независимости, судъ посредниковъ и разборъ дѣлъ по обычаю или адату.

Адатъ восторжествовалъ надъ *шаріатомъ*, котораго, какъ мы видѣли, черкесы не любили и употребляли при разборѣ только такихъ дѣлъ, гдѣ рѣшеніе *шаріата* было выгоднѣе рѣшенія *адата*. Съ послѣднимъ черкеское племя и поступило въ составъ подданныхъ русскаго правительства.

VIII.

Военная организація и военныя дѣйствія черкесовъ и убыховъ.

Особенности соціальнаго устройства черкескаго племени и убыховъ отразились и на военной организаціи этихъ народовъ.

Народъ, по преимуществу, военный, черкесы и убыхи вооружены были всѣ поголовно ружьями или винтовками, пистолетами, шашками и кинжалами. Въ княжескихъ и въ дворянскихъ домахъ сохранились еще отъ предковъ панцыри, шлемы, луки, стрѣлы и дамаскія сабли, но вооруженіе это надѣвалось не для боя, а въ особенныхъ только случаяхъ, для обозначенія происхожденія.

Кабардинцы, темиргоевцы, бесленѣевцы и бѣглые кабардинцы, живя на болѣе равнинной мѣстности и владѣя большимъ числомъ лошадей, образовывали отличную конницу. Съ ними могли равняться одни ногайцы, живущіе на лѣвомъ берегу рѣки Кубани, да наши коренные линейные казаки. Шапсуги не любили жечь много пороха, а абадзехи, жившіе въ странѣ покрытой лѣсами, и всѣ прочія общества черкескаго народа, разбросанныя по горамъ и ущельямъ, лучше дрались пѣшкомъ, чѣмъ на конѣ.

(1) Этнографическій очеркъ черкескаго народа барона Сталя (рукопись). Бесльній-Абатъ, изъ сочиненія подъ заглавіемъ: „Біографія знаменитыхъ черкесовъ и очерки черкескихъ враговъ". Ханъ-Гирея. „Кавказъ" 1849 г. № 42—47. О политичес. устройствѣ черкескихъ племенъ Н. Карльгофа „Рус. Вѣст" 1860 г. № 16.

— Шапсугъ рубака, говорили сами про себя закубанскіе жители; абадзехъ стрѣлокъ, а чеченецъ за заваломъ крѣпокъ....

Ни въ одномъ изъ племенъ черкескаго народа не существовало никакой военной организаціи, о которой они и понятія не имѣли; не было никакихъ постоянныхъ и опредѣленныхъ установленій относительно обязанности жителей въ исполненіи военнаго долга. У убыховъ, какъ увидимъ ниже, были нѣкоторыя постановленія, относившіяся до военныхъ дѣйствій, но у черкесовъ каждый дѣйствовалъ по своему усмотрѣнію, какъ считалъ лучшимъ. При появленіи враговъ внутри края, понятія о чести и достоинствѣ требовали, однако, чтобы всѣ участвовали въ защитѣ отечества, подъ опасеніемъ всеобщаго презрѣнія, въ случаѣ неисполненія кѣмъ либо этого долга чести и обязанности. Когда заблаговременно было извѣстно о сильномъ вторженіи непріятеля, тогда черкесы предпринимали и общія мѣры къ оборонѣ края: портили дороги, дѣлали завалы и избирали предводителей, вокругъ значковъ которыхъ собирались партіи, обязанныя дѣйствовать по ихъ указаніямъ.

Въ полѣ черкесы дѣйствовали болѣе въ-разсыпную и рѣдко наступательно. Причиною тому было сознаніе въ превосходствѣ надъ собою русскихъ отрядовъ. Черкесъ, какъ и каждый горецъ, былъ храбръ и слылъ отличнымъ стрѣлкомъ, но, не смотря на то, въ дѣлѣ съ русскими вся невыгода была на его сторонѣ. Заряжая ружье, онъ загонялъ пулю въ стволъ молоткомъ, могъ попасть въ цѣль на значительномъ разстояніи, но, пока онъ заряжалъ и производилъ выстрѣлъ, русскій солдатъ, по меньшей мѣрѣ, успѣвалъ сдѣлать пять выстрѣловъ. Для вѣрнаго выстрѣла, черкесъ опиралъ свое ружье на сошку, тогда какъ русскій солдатъ не терялъ на это времени. Съ тѣхъ поръ, какъ пресѣчены были всякія сношенія черкесовъ съ Турціею, они стали ощущать недостатокъ въ порохѣ, дорожили патронами и, боясь истратить даромъ свой порохъ, стрѣляли только въ такомъ случаѣ, когда увѣрены были въ своемъ выстрѣлѣ: нашъ солдатъ не жалѣлъ зарядовъ, хотя и стрѣлялъ не всегда навѣрняка. Выстрѣлившій черкесъ на нѣсколько времени былъ пропадшій человѣкъ: можно было дѣлать съ нимъ что угодно, пока онъ снова заряжалъ ружье. Онъ самъ сознавалъ это, и потому почти никогда не тратилъ времени на вторичное заряжаніе.

Ко всѣмъ этимъ сравненіямъ надо прибавить еще и то, что кавказскій солдатъ соединялъ въ себѣ, вмѣстѣ съ дисциплиною, ловкость черкеса. Онъ такъ же шибко умѣлъ бѣгать по открытымъ мѣстамъ, такъ же ловко взбирался на крутизны и горы, ложился за кустарники, высматривалъ непріятеля, былъ развязенъ и зорокъ.

Всѣ такія качества и преимущества русскихъ отрядовъ заставляли черкесовъ только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ дѣйствовать наступательно. Въ послѣднемъ случаѣ, они наскакивали на противника съ плетью въ рукѣ; шагахъ въ двадцати отъ нашего строя, наѣздникъ выхватывалъ ружье изъ чахла,

дѣлалъ выстрѣлъ, перекидывалъ ружье черезъ плечо, обнажалъ шашку и рубилъ.

Въ большихъ массахъ черкеская конница любила дѣйствовать холоднымъ оружіемъ, и то только тогда, когда была значительно сильнѣе насъ числомъ и замѣчала въ нашей цѣпи или въ рядахъ безпорядокъ. Но если черкесы видѣли свою слабость, то искусно скрывались за деревьями, за камнями и за другими мѣстными преградами и почти никогда не встрѣчали наши войска съ фронта, а нападали на боковыя цѣпи и на аріергардъ. Съ фронта они дѣйствовали только тогда, когда мѣстность особенно способствовала преграждению пути завалами. Пѣшкомъ черкесы дрались у себя въ лѣсахъ и въ горахъ, защищаясь отъ натиска русскихъ войскъ, и въ этомъ случаѣ мѣтко стрѣляли изъ-за деревьевъ, камней или съ присошекъ, чтобы вѣрнѣе цѣлить своими длинными винтовками.

Въ оборонительной войнѣ, они отлично умѣли пользоваться мѣстностью и, при малѣйшей оплошности со стороны наступающаго, выростали какъ изъ земли, чтобы нанести неожиданный ударъ. Это происходило обыкновенно въ лѣсу или въ ущельѣ. Завязывалась горячая драка; лѣсъ былъ весь въ пороховомъ дыму, «перестрѣлка звучала въ немъ лучше всякой симфоніи»; но едва только отрядъ выходилъ на чистое поле, какъ непріятель исчезалъ въ одно мгновеніе, точно сквозь землю проваливался.

— Такая уже у нихъ удача! говорили черноморскіе казаки: выростаютъ несѣяные и пропадаютъ некошеные!

У черкесовъ было нѣсколько орудій, но они не умѣли ихъ употреблять. Опасаясь потерять орудія въ открытомъ бою, они обыкновенно ставили ихъ на такомъ дальнемъ отъ насъ разстояніи, что выстрѣлы не наносили намъ никакого вреда. Какъ только замѣчали, что противъ орудій направлены войска, черкесы тотчасъ же свозили ихъ съ позиціи и скрывали.

Русскій отрядъ, двигавшійся въ землѣ черкесовъ и убыховъ, почти никогда и нигдѣ не видалъ непріятеля; но тамъ, гдѣ онъ проходилъ по мѣстности закрытой или пересѣченной, тамъ сыпались на него пули градомъ и свидѣтельствовали о близкомъ присутствіи невидимаго врага. Поворачивать отрядъ въ ту сторону, откуда направлены были выстрѣлы, считалось, съ нашей стороны, безполезнымъ и неведущимъ къ цѣли, потому что, съ поворотомъ отряда, черкесы исчезали и появлялись съ боковъ и съ тыла. Такимъ образомъ, дѣйствуя наступательно, отрядъ принужденъ былъ обороняться со всѣхъ сторонъ, двигаться продолговатымъ ящикомъ, въ серединѣ котораго были обозъ и артилерія, а по бокамъ войска, и для нанесенія вреда непріятелю ему оставалось одно средство: идти впередъ, по-разъ избранному направленію, разорять на пути аулы и истреблять запасы сѣна и хлѣба.

Черкесы и убыхи не укрѣпляли своихъ ауловъ и защищали ихъ только при нечаянномъ нападеніи, а въ противномъ случаѣ выселялись заранѣе въ горы и лѣса. Турлучныя постройки дома туземцу ничего не стоили, и по-

тему онъ бросалъ ихъ безъ защиты и сожалѣнія. Абадзехи переселялись даже и не дождавшись нашего нападенія, а періодически, съ наступленіемъ каждой осени. Сознавая, что русскіе съ успѣхомъ могутъ сдѣлать набѣгъ въ ихъ землю только осенью и зимой, когда всѣ рѣки проходимы въ бродъ, и обнаженный отъ листьевъ лѣсъ не скрывалъ болѣе непріятеля отъ атакующихъ войскъ, пограничные абадзехи уходили на зиму съ береговъ Курджипса и Схагуаше (Бѣлой) въ глубину лѣсовъ и ущелій. Тамъ они строили себѣ временные аулы по неприступнымъ оврагамъ, лежавшимъ далеко въ сторонѣ отъ дорогъ, удобныхъ для движенія артиллеріи, безъ которой дѣйствовать противъ нихъ было невозможно. Съ наступленіемъ лѣта, недостатокъ воды заставлялъ ихъ снова переселяться на прежнія мѣста, на берега большихъ рѣкъ; но тогда они поселялись около нихъ смѣло, не боясь нападенія, обезпеченные защитою полноводія и непроницаемою зеленью своихъ громадныхъ лѣсовъ. Переселенія на зимнія мѣста начинались послѣ жатвы, перевозимой прямо въ лѣсъ, на новыя мѣста. Уложивъ свои небольшіе пожитки и выломавъ двери, окна и столбы, подпиравшіе крышу сакли, абадзехъ готовился къ переселенію. Съ наступленіемъ ночи, запрягались въ арбы волы, и аулъ переселялся. Передвиженіе дѣлалось всегда ночью для того, чтобы кто-нибудь не подсмотрѣлъ арбянаго пути, ведущаго къ мѣсту переселенія. На арбахъ везли имущество, женъ и дѣтей, а по обѣ стороны поѣздъ сопровождали пѣшіе и конные черкесы. Передъ утромъ арбы останавливались въ глухомъ лѣсу, гдѣ-нибудь на днѣ глубокаго оврага, по которому протекаетъ небольшой ручей. Переселенцы весь первый день употребляли на разборъ привезеннаго имущества и кое изъ чего дѣлали навѣсы для женщинъ и дѣтей; сучья, солома, ковры и бурки—все пускалось въ ходъ. Съ наступленіемъ утра слѣдующаго дня, топоры стучали по деревьямъ: черкесы рубили лѣсъ и строили сакли.

Подобнаго рода сооруженіе не требуетъ ни большаго труда, ни долгаго времени. «Установили рядъ столбовъ—разсказываетъ очевидецъ—образующихъ параллелограмъ, отъ десяти до пятнадцати шаговъ въ длину и восемь или десять шаговъ въ ширину; промежутки между этими столбами забрали плетнемъ, обмазаннымъ глиной, перемѣшанною съ рубленою соломой; на столбы положили балки для утвержденія на нихъ стропилъ; крышу покрыли камышемъ или соломой—и домъ готовъ. Потолка и деревянныхъ половъ не было. вмѣсто пола служила земля, убитая глиной и пескомъ. Лицевая сторона дома обозначалась дверьми и небольшимъ окномъ, помѣщаемыми по обоимъ концамъ стѣны; между ними устроивалось полукруглое углубленіе въ землѣ, которое замѣняло очагъ, съ привѣшенною надъ нимъ высокою плетневою трубой. Возлѣ окна, вдоль короткой стѣны, полъ имѣлъ небольшое возвышеніе: это было почетное мѣсто, предназначенное для гостей».

Устроивъ все это, черкесъ находилъ, что ему и тутъ такъ же хорошо, какъ и на прежнемъ мѣстѣ, и потому рѣдко защищалъ аулъ, зная, что еще найдется много мѣстъ, удобныхъ для поселенія. Защиту ауловъ отъ набѣговъ

нашихъ войскъ они считали дѣломъ весьма обыкновеннымъ и неважнымъ, отъ котораго освобождались только дряхлые старики, да женщины, обязанныя спасать дѣтей и укрывать имущество въ сосѣднемъ лѣсу.

Существенное наказаніе достигало своей цѣли только тогда, когда наши войска, предавъ пламени строенія, угоняли въ то же время скотъ. Въ такомъ случаѣ, черкесы старались вознаградить свою потерю кражею или оттономъ скота у казаковъ и затѣмъ, построивъ сакли въ болѣе глухихъ и отдаленныхъ мѣстахъ, забывали о бѣдствіи, нанесенномъ имъ разореніемъ аула.

Во время наступленія нашихъ отрядовъ, черкесы, скрывшіе свои семейства, имущество и скотъ въ лѣсахъ, переводили ихъ съ мѣсто на мѣсто, смотря по движенію нашихъ отрядовъ. Поставленные на всѣхъ высотахъ пикеты ихъ наблюдали за движеніемъ отряда и извѣщали окрестность, которой угрожала опасность, посредствомъ огней на тѣхъ высотахъ, по направленію которыхъ двигался русскій отрядъ.

Когда же мы возвращались, то черкесы, успокоенные на счетъ цѣлости того, что составляло ихъ имущество, стекались со всѣхъ сторонъ и сильно напирали на отрядъ. При отступленіи въ особенности необходима была, съ нашей стороны, большая осторожность, потому что черкесы всегда преслѣдовали отступающихъ съ истиннымъ бѣшенствомъ.

Не защита ауловъ и имущества составляли славу черкеса, но слава наѣздника, а эта слава, по мнѣнію народа, пріобрѣталась за предѣлами родины. Отдавая преимущество набѣгу передъ защитой, рѣдкій горецъ не участвовалъ въ составѣ хищнической партіи. Самое главное достоинство они приписывали себѣ въ набѣгахъ на нашу линію, и надо сознаться, что подобными набѣгами долго и удачно тревожили русскіе предѣлы. Малыя партіи ихъ были для насъ гораздо опаснѣе, чѣмъ сборъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. О большихъ скопищахъ мы всегда узнавали заранѣе, имѣли время собрать войска, и потому побѣда всегда оставалась на сторонѣ русскихъ. Сами черкесы не любили дѣйствовать наступательно большими массами, потому что подобныя предпріятія рѣдко имъ удавались при той разрозненности, которая существовала у нихъ не только между племенами, но и между отдѣльными родами. Если бы всѣ племена черкесовъ соединились вмѣстѣ, то, при взаимномъ согласіи, могли бы выставить около 50 тысячъ всадниковъ, и, при единодушномъ дѣйствіи, могли бы нанести намъ много вреда; но единодушія-то у нихъ и не было. Привыкнувъ къ политической раздѣльности, черкесы подчинялись только своему предводителю и не признавали власти другаго изъ сосѣдняго общества. Къ тому же сборъ малой партіи не губилъ времени на совѣщаніи, и въ случаѣ удачи каждый участникъ могъ расчитывать на большую долю добычи. Оттого въ большихъ сборищахъ уже при самомъ началѣ рѣдко встрѣчалось согласіе; въ нихъ было столько же головъ для совѣта, столько рукъ для боя. Дюбуа-де-Монперё говоритъ, что на подобныхъ совѣщаніяхъ князья и дворяне употребляли только имъ однимъ извѣстный языкъ,

называемый *шакобза* и не имѣющій никакого сходства съ обыкновеннымъ разговорнымъ языкомъ. Народу не позволялось говорить на этомъ языкѣ.

Большое сборище, отъ трехъ до четырехъ тысячъ человѣкъ, ежегодно и акуратно собиралось два раза въ годъ: одинъ разъ весною, другой осенью, въ октябрѣ или ноябрѣ. Для этого необходимо было довольно значительное время: ранѣе трехъ недѣль сборъ не могъ состояться. Недостатокъ продовольствія заставлялъ партіи скоро расходиться, но бывали случаи, что скопище оставалось въ сборѣ до шести недѣль. Большія партіи преимущественно являлись на Лабу; главною же цѣлью всѣхъ ихъ стремленій былъ ставропольскій или баталпашинскій участокъ.

Въ наступательныхъ дѣйствіяхъ черкесовъ, въ ихъ вторженіяхъ въ наши предѣлы обыкновенно участвовали только одни охотники. Для хищническихъ набѣговъ партіи собирались или по взаимному соглашенію участниковъ, или по вызову охотниковъ лицами, пользовавшимися военною извѣстностію, удальствомъ и вѣрными военными соображеніями. Задумавъ набѣгъ на наши станицы или нападеніе на какой-нибудь русскій отрядъ, искатель приключеній возвѣщалъ о томъ или разсылалъ повсюду гонцовъ, приглашая храбрыхъ джигитовъ (витязей) принять участіе въ славномъ и богоугодномъ дѣлѣ. Подобные предводители партій, чтобъ собрать возможно большее число участниковъ, отправляли часто по краю пѣвцовъ и импровизаторовъ, которые, воспѣвая славу ихъ пославшаго, воодушевляли народъ до такой степени, что онъ толпою спѣшилъ подъ знамена вызывавшаго. Только испытанный въ счастьѣ наѣздникъ, хорошо знакомый съ мѣстностію оборонительной линіи и привычками казаковъ несшихъ кордонную службу, могъ назваться *таматой* — старшиной, или *дзепши* — предводителемъ партіи.

Охотники попытать счастье собирались въ тотъ аулъ, гдѣ жилъ предводитель, и размѣщались по сосѣднимъ саклямъ; почетные наѣздники были гостями самого предводителя. Послѣдній приводилъ собравшихся къ присягѣ на коранѣ въ томъ, что они будутъ ему повиноваться, не покусятся на измѣну и станутъ довольствоваться равною добычею. Тутъ, съ одной стороны, являлась власть, а съ другой добровольная подчиненность, понимаемая черкесами по своему, совершенно инымъ образомъ. Партія составлялась изъ числа желающихъ; всѣ они отправлялись охотно, безъ принужденія, и потому полагали, что отъ доброй воли каждаго зависѣло участвовать въ походѣ или отказаться отъ него. Въ этомъ отношеніи у черкесовъ не существовало никакихъ побудительныхъ мѣръ. Оттого часто случалось, что многочисленная партія собравшихся на хищничество, еще во время движенія къ предназначенной цѣли, «таяла какъ комъ снѣга», потому что каждый считалъ себя въ правѣ покинуть ряды, когда ему вздумается, и пуститься на новое предпріятіе, по его собственному усмотрѣнію. Такимъ образомъ, изъ одной партіи образовывалось иногда нѣсколько партій, и задуманное, по понятіямъ черкесовъ громадное, дѣло оканчивалось или ничѣмъ, или неудачею. Кабардинцы и убы-

хи, предоставлявшіе своимъ предводителямъ право наказывать ослушниковъ, стояли на высшей степени военнаго развитія, чѣмъ всѣ остальныя племена черкескаго народа.

Набѣги черкесовъ на нашу линію были не что иное, какъ частныя предпріятія для добычи, невоспрещаемыя народными постановленіями, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и неслужившія выраженіемъ политическаго дѣйствія цѣлаго народа. Каждый человѣкъ, имѣвшій право употреблять оружіе по своему произволу внутри края, тѣмъ болѣе имѣлъ право употреблять его противъ непріятеля. «Только большія народныя предпріятія, рѣшаемыя въ народныхъ собраніяхъ, какъ, напримѣръ, нападеніе на наши укрѣпленія и станицы, составляли, въ собственномъ смыслѣ, проявленіе общей народной воли и дѣйствія политическаго права войны».

Въ частныхъ предпріятіяхъ партій, лицо, вызвавшее охотниковъ и принявшее на себя предводительствованіе партіею, по обычаю черкесовъ, должно было держать въ тайнѣ всѣ свои намѣренія и отвѣчало за успѣхъ предпріятія. Къ сохраненію тайны пріучили горцевъ ихъ же собственные лазутчики, которыхъ среди народа легко было добыть и имѣть нашимъ начальникамъ постовъ и линій. Корысть, родовая месть или канла, ревнивость къ славѣ своего товарища, сплошь и рядомъ были достаточными причинами, чтобы выдать своего соотечественника и предупредить русскихъ о его намѣреніяхъ вторгнуться въ наши предѣлы.

Въ день выступленія хищнической партіи въ походъ, предводитель (дзенши или тамате) давалъ обѣдъ, угощалъ своихъ сотоварищей и производилъ гаданіе на кости. Если гаданіе было благопріятно — партія выступала; если нѣтъ, то ожидала лучшихъ предсказаній.

Условившись со всѣми о мѣстѣ послѣдняго привала, по близости нашихъ границъ, *тамате* прощался съ партіею на правой сторонѣ рѣки Бѣлой и отправлялся въ гости къ одному изъ своихъ пріятелей-кунаковъ, жившихъ въ мирномъ аулѣ. Здѣсь онъ скрывался отъ множества глазъ русскихъ лазутчиковъ.

«Собравъ нужныя свѣдѣнія относительно предпринятаго хищничества и пригласивъ мирнаго горца въ соучастники, *тамате* дѣлалъ значительный заворотъ отъ аула въ камышъ или трясину, гдѣ поджидали его товарищи».

Отдѣльныя хищническія предпріятія совершались или пѣшими партіями отъ 5 до 10 человѣкъ, или конными отъ 20 до 30 всадниковъ. Первыя, пробравшись незамѣченными кордономъ въ наши предѣлы, скрывались по нѣскольку дней въ лѣсахъ, растущихъ по Кубани, выжидали там удобнаго случая и довольствовались захватомъ нѣсколькихъ штукъ скота или плѣненіемъ нѣсколькихъ человѣкъ. Конныя же партіи прокрадывались, для совершенія хищничества, въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ кордона, какъ, напримѣръ, въ ногайскихъ степяхъ. Пѣшія партіи преимущественно появлялись съ апрѣля и по сентябрь; конныя же, большею частію, въ сентябрѣ,

октябрѣ и даже декабрѣ, когда вода въ рѣкахъ бываетъ не такъ высока, а ночи длинны и темны. Но изъ этого не слѣдовало, чтобы хищники не появлялись и въ другое время. Только то время года, когда на Кубани шелъ ледъ, или когда рѣка замерзнетъ, но не крѣпко, считалось безопаснымъ отъ хищническихъ нападеній. Послѣ же сильныхъ морозовъ, когда Кубань замерзнетъ столь крѣпко, что сообщеніе по льду дѣлается безопаснымъ по всѣмъ направленіямъ (1), число хищническихъ партій значительно увеличивалось.

Собираясь въ набѣгъ, черкесы отлично подготовляли лошадей для произведства дальнихъ и быстрыхъ передвиженій—*подъяровывали* ихъ, какъ для призовой скачки. За нѣсколько дней до предполагаемаго труднаго похода, черкесъ переставалъ кормить свою лошадь сѣномъ или давалъ его очень мало; ежедневно лошадь водили подъ попонами и купали по нѣскольку разъ въ день. Отъ такой гигіены лошадь становилась тонка, жилиста и способна къ перенесенію значительныхъ трудовъ въ походѣ. Второю заботою черкеса, собиравшагося въ походъ, было заготовить побольше патроновъ и осмотрѣть *плесенье*—бурдюкъ или тулукъ. Употребляемые черкесами бурдюки были преимущественно бараньи или козьи, обращенные шерстью внутрь, а снаружи вовсе осмоленные, или обмазанные жиромъ, или покрытые какимъ-нибудь веществомъ, не пропускающимъ воды. Такой бурдюкъ имѣлъ два отверстія: одно для надуванія его, другое для вкладыванія одежды, оружія, чуреновъ или другой пищи. Конные черкесы всегда брали съ собою по два бурдюка, а пѣшіе шли иногда и съ однимъ.

Во время набѣговъ, хищники избѣгали встрѣчи съ нашими войсками, нападали на одиночныхъ людей или на небольшія партіи, чтобы взять плѣнныхъ или отбить скотъ. По большей части, ночью они прокрадывались черезъ рѣку Лабу на Кубань. Главнымъ путемъ вторженія было волнистое пространство, ограниченное на рѣкѣ Лабѣ бывшимъ Ахметовскимъ укрѣпленіемъ и Подольскимъ постомъ, а на Кубани укрѣпленіемъ Каменною Башнею и Бѣломечетскою станицею.

Подойдя ночью на довольно близкое разстояніе къ берегу Кубани, партія скрывалась днемъ гдѣ-нибудь въ балкѣ и никогда не приступала тотчасъ же къ переправѣ черезъ рѣку, но, предварительно, засѣвши въ скрытыхъ мѣстахъ, осматривала берега рѣки, мѣсто удобное для переправы, и наблюдала за дѣйствіями кордонной стражи. Наблюденія преимущественно заключались въ высматриваніи: гдѣ ложатся секреты и когда посылаются наши разъѣзды, на что иногда употреблялось черкесами по нѣскольку сутокъ, въ особенности если лѣсъ, балка или кустарникъ дозволяли незамѣтно укрываться.

Подобныя наблюденія лежали на обязанности предводителя. Онъ былъ

---

(1) Замерзаніе Кубани до такой степени, чтобы можно было ходить или ѣздить по льду, бываетъ весьма рѣдко. Значительная партія закубанцевъ, сдѣлавшая въ 1849 году нападеніе на станицу Воскресенскую, прошла черезъ Кубань по льду.

полный глава и распорядитель. Онъ ѣхалъ впереди всѣхъ, а по бокамъ его нѣсколько сотоварищей; остальная партія, раздѣлившись на кучки, ѣхала произвольно. Предводитель партіи то скакалъ впередъ, прииникувъ къ сѣдлу или поднявшись на стремена, то изъ-за кургана окидывалъ мѣстность привычнымъ и опытнымъ глазомъ, то вдругъ прикладывалъ къ губамъ палецъ— и вся партія останавливалась. Предводитель указывалъ на землю — и всѣ слѣзали съ коней; махалъ къ себѣ—и вихремъ скакали къ нему наѣздники.

Успѣхъ партіи давалъ предводителю двѣ доли изъ добычи, славу, знаменитость и довѣренность; неудача была позоромъ для него и, случалось, влекла за собою смерть предводителя.

Съ приближеніемъ къ цѣли предпріятія, предводитель, замѣтивъ что-либо сомнительное или подозрительное, слѣзалъ съ коня, взбирался ползкомъ на ближайшій курганъ, съ котораго осматривалъ окрестности, и если замѣчалъ наши пикеты, то бросалъ вверхъ свою шапку, а самъ кубаремъ скатывался съ кургана. Эта хитрость употреблялась съ цѣлію ввести въ обманъ наши пикеты и заставить ихъ думать, будто птица слетѣла.

При отдыхѣ, когда партія располагалась въ лощинѣ и окрестная мѣстность не дозволяла скрыться сторожевому черкесу, изъ травы приготовлялся снопъ, подъ прикрытіемъ котораго караульный ползъ на удобное мѣсто и, спрятавшись въ травѣ, лежалъ незамѣченнымъ.

Во время ночныхъ движеній, порядокъ марша измѣнялся: боковые патрули съѣзжались къ партіи и всѣ держались близко другъ друга, изъ боязни растеряться: одинъ только предводитель, въ нѣсколькихъ сотняхъ шаговъ впереди, ѣхалъ со взведеннымъ куркомъ, прислушиваясь къ малѣйшему шороху и не сводя глазъ съ ушей своего чуткаго коня. Глухой свистъ, по условію, распоряжалъ всѣми движеніями партія. Во время ночныхъ отдыховъ, партія окружала себя караульными, которые, залегши по тропинкамъ и дорогамъ и приникнувъ ухомъ къ землѣ, отлично отличали бѣгъ лани отъ конскаго топота.

Переходъ черезъ Кубань совершался преимущественно по ночамъ.

Съ наступленіемъ ночи начиналась переправа, которая производилась различно, смотря по тому, сколько у каждаго изъ хищниковъ было съ собою бурдюковъ. Если ихъ было по два, то, уложивъ въ нихъ исподнее платье, чуреки и другую пищу, черезъ особо-назначенныя для того отверстія, которыя, накрѣпко завязавъ и надувъ каждый *шеенть* черезъ другія узкія отверстія, привязывали ихъ подъ переднія лопатки лошадей. Когда это было исполнено, черкесы, въ полномъ вооруженіи, имѣя ружья на-изготовѣ въ правой рукѣ, а боевые патроны заткнутые вокругъ папахъ, надѣтыхъ на головы, садились на своихъ коней и начинали переправу, слѣдуя одинъ за другимъ и имѣя впереди себя *тамате*.

Пѣшіе черкесы и конные, имѣвшіе съ собою по одному бурдюку, переплывали рѣку, привязывая ихъ къ своимъ спинамъ. Въ бурдюкѣ пѣшаго чер-

коса, кромѣ платья и пищи, укладывались кинжалъ, пистолетъ и патроны; ружья вкладывались только по замокъ, стволъ же оставался снаружи, а иногда ружье привязывалось, вмѣстѣ съ шашкою, поверхъ бурдюка. Чтобы вода не могла попасть въ дуло ствола, онъ затыкался и обвязывался. Бросившись въ воду, хищники, теченіемъ воды, въ нѣсколько минутъ выносились на правый берегъ рѣки, причемъ конные иногда тащили за поводъ и своихъ лошадей. Тѣ же изъ пѣшихъ хищниковъ, которые брали съ собою по два бурдюка, почти никогда не имѣли ружей, а имѣли шашку, перекинутую черезъ плече, пистолеты и кинжалъ, уложенные въ бурдюкахъ, которые подвязывались или подъ мышками, или по бокамъ.

Первымъ дѣломъ послѣ переправы было одѣться, вооружиться и осмотрѣть окружающую мѣстность. Переправа партіи черезъ Кубань и проходъ незамѣтно мимо секретовъ составляли дѣло самое трудное и опасное. Здѣсь-то выражались вполнѣ ловкость, смѣлость и предпріимчивость. Съ какой тишиной должно было все это совершаться! Малѣйшій плескъ воды, фырканье лошадей—въ особенности при измѣненіи направленія—лишній секретъ, выставленный на берегу, не только уничтожалъ замыселъ хищниковъ, но и наносилъ имъ конечное пораженіе; одни тонули въ рѣкѣ, другіе погибали отъ пуль и шашекъ казаковъ.

Въ апрѣлѣ 1834 года, двадцать восемь человѣкъ пѣшихъ закубанцевъ задумали переправиться черезъ Кубань, съ цѣлію пробраться на воровство въ наши предѣлы между станицами Невинномысскою и Барсуковскою.

Была темная, мрачная ночь; нависшія тучи усиливали темноту; по временамъ блескъ молніи освѣщалъ окрестную мѣстность. Дождь падалъ рѣдкими, но большими каплями. Не смотря на ненастье, донскіе казаки Жирова полка, занимавшіе кордонъ по Кубани, бодрствовали, и удвоенные секреты, какъ бы по предчувствію, до того были насторожѣ, что даже имѣли ружья на изготовѣ. Такія мѣры предосторожности, переходившія даже за предѣлы обязанности кордонной службы, были основаны на положительныхъ свѣдѣніяхъ нашихъ лазутчиковъ, которые опредѣлили не только время, но и мѣсто переправы хищниковъ.

Было за-полночь. Черкесы начали переправу противъ нашего главнаго секрета, состоявшаго изъ шестнадцати человѣкъ, поставленныхъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ Кубань дѣлаетъ изгибъ. По быстротѣ теченія Кубани въ этомъ мѣстѣ и крутизнѣ береговъ, хищники не могли иначе выйти на берегъ, какъ нѣсколькими саженями ниже, и потому въ томъ мѣстѣ былъ положенъ другой секретъ изъ десяти казаковъ. Большая часть партіи была уже у нашего берега, когда молнія освѣтила не только хищниковъ, но и ружья нашихъ казаковъ. Раздались, почти одновренно, два враждебныхъ взаимныхъ залпа, а вслѣдъ за тѣмъ крики ура! нижняго залога, бросившагося въ Кубань

Передніе хищники, поражаемые шашками и кинжалами нашихъ казаковъ, бросившихся въ воду, а задніе пулями, всѣ погибли, за исключеніемъ четы-

рехъ, успѣвшихъ переправиться обратно; съ нашей же стороны два казака были убиты и три ранены.

Для переправы черезъ Кубань черкесы избирали обыкновенно самыя ненастныя и бурныя ночи, когда свистъ вѣтра и шумъ волнъ заглушали всѣ ихъ дѣйствія.

Переправа совершена удачно. По выходѣ на берегъ, *тамате* обязанъ былъ удостовѣриться, нѣтъ-ли гдѣ нибудь, по близости отъ переправы, секрета заложеннаго кордоннымъ начальствомъ. Для этого онъ употреблялъ всевозможныя хитрости: покрикивалъ разными голосами лѣсныхъ птицъ или звѣрей, бросалъ впередъ, вправо и влѣво камешки или небольшія комья грязи, и, обратившись весь въ слухъ, прислушивался, не пошевельнется-ли или не заговоритъ-ли гдѣ нибудь по близости человѣкъ. Ничего не слышно.... партія прошла незамѣченною нашими секретами и не осталось никакихъ слѣдовъ ея переправы; дождь залилъ ихъ *сакму*, или путь слѣдованія, такъ хорошо отличаемый нашими линейными казаками. Если бы не дождь, то бдительный разъѣздъ, посылаемый съ каждаго поста на разсвѣтѣ для осмотра мѣстности, обратилъ бы на это вниманіе и открылъ бы переправу. Залегши въ кустахъ, черкесы ожидали наступленія ночи. Днемъ хищники не предпринимали нападеній даже и въ томъ случаѣ, если бы, къ ихъ счастію, казачій табунъ находился на самомъ близкомъ разстояніи отъ мѣста засады. Но какъ только наступали сумерки и табунщики располагались ужинать, хищники садились на коня, производили нѣсколько выстрѣловъ, и поднятый табунъ стремглавъ летѣлъ къ Кубани за вожакомъ—*уазе*, имѣвшимъ сноровку сразу попасть на заранѣе избранное мѣсто переправы. Первый привалъ дѣлался только за Лабой, въ мѣстѣ безопасномъ, гдѣ нибудь на лѣсной полянѣ, по близости источника.

«Група измученныхъ дорогою плѣнныхъ—говоритъ г. Каменевъ, описывая бивуакъ горцевъ—въ числѣ которыхъ взрослые мужчины были связаны, сидѣла окруженная кострами; женщины, захваченныя безъ дѣтей, рыдали, утѣшаемыя, на непонятномъ языкѣ, караульными; тѣ же, у которыхъ были дѣти, скрѣпя сердце утѣшали и убаюкивали плачущихъ дѣтей. Рогатый скотъ и лошади, оцѣпленныя также карауломъ, тѣснились въ кутку поляны, лишенныя, въ видахъ сохраненіе здоровья, воды и корму. Положивъ морды другъ другу на спину, животныя жадно втягивали сырой лѣсной воздухъ и стояли какъ вкопанныя. Возлѣ прочихъ костровъ лежали на буркахъ раненые хищники, раны которыхъ уже были перевязаны; далѣе, въ неосвѣщенномъ мѣстѣ бивуака, подъ деревьями, на сучьяхъ которыхъ повѣшено было оружіе, лежали трупы убитыхъ хищниковъ, завернутые въ бурки и тщательно увязанные; ихъ окружали товарищи-одноаульцы. По прибытіи всей партіи, *дзеншь* (предводитель), обезопасивъ бивуакъ секретами, отдавалъ лошадь, снималъ оружіе и шелъ къ убитымъ—почтить ихъ славную смерть поклоненіемъ. Посидѣвъ возлѣ каждаго трупа нѣсколько минутъ съ поникшей головой, онъ уходилъ опеча-

ленным. Послѣ него то же благоговѣйное поклоненіе мертвымъ дѣлалось и другими наѣздниками всей партіи. Самымъ оживленнымъ мѣстомъ бивуака было то, гдѣ зарѣзанная, во имя Аллаха, скотина, едва выдержавшая перегонъ, раздавалась приходящимъ».

По черкесскимъ военнымъ установленіямъ, если бы партія была застигнута и окружена, то предводитель долженъ былъ скорѣе погибнуть, чѣмъ бѣжать, оставляя своихъ товарищей на произволъ судьбы. Такъ погибъ, окруженный казаками, Магометъ-Ашъ, въ 1846 году, хотя имѣлъ полную возможность уйти одинъ. Предводитель, всегда слѣдовавшій впереди партіи, при проходѣ черезъ нашъ кордонъ, въ случаѣ открытія хищниковъ, первый поражался пулею или шашкою казака. По этой причинѣ, черкесы постановили правиломъ, при раздѣлѣ добычи, уступать предводителю большій и лучшій пай.

Бѣгство открытой партіи не считалось у черкесовъ стыдомъ, лишь бы только она, при первой возможности, оправилась и, занявши удобную позицію, опять начала драться. За то считалось постыднымъ, если партія, застигнутая врасплохъ, отдавала безъ боя добычу, или, вступивъ въ дѣло съ непріятелемъ, не выносила изъ боя тѣлъ убитыхъ своихъ товарищей.

Попасть въ руки противника живымъ и быть взятымъ въ плѣнъ считалось верхомъ безславія, и потому намъ весьма рѣдко удавалось брать плѣнныхъ.

Набѣги черкесовъ малыми партіями отличались удивительною быстротою и смѣлостію. Однажды братья Карамурзины, въ длинную осеннюю ночь, переправились, съ десятью только всадниками, черезъ Кубань у Прочнаго-Окопа, и проскакавъ за Ставрополь къ селенію Донскому, на Тагилѣ, къ разсвѣту очутились опять за Кубанью, близъ Невинномысской станицы, сдѣлавъ, въ продолженіе четырнадцати часовъ, болѣе ста-шестидесяти верстъ.

«Абреки, рѣшавшіеся на подобныя дѣла, были люди извѣстные своею храбростію и ловкимъ наѣздничествомъ: казаки знали ихъ и сильно опасались. По кавказскому обыкновенію, при появленіи непріятеля въ какихъ бы то ни было силахъ, казаки съ ближайшаго поста должны были завязать съ ними перестрѣлку, слѣдить за ними неотступно и, своимъ огнемъ, обозначать направленіе партіи. Казаки изъ ближайшихъ станицъ и со всѣхъ окрестныхъ постовъ скакали во весь опоръ на тревогу и немедленно вступали въ дѣло».

Такимъ образомъ, въ продолженіе десяти или двѣнадцати часовъ, на каждомъ пунктѣ кордона могли собраться отъ шести до восьми сотъ казаковъ.

«Бывало, сотня или двѣ линейныхъ казаковъ смѣло бросались въ шашки и врѣзывались въ вдвое сильнѣйшую непріятельскую толпу; но случалось, что тѣ же сотни не рѣшались атаковать холоднымъ оружіемъ нѣсколько десятковъ абрековъ и стрѣляли въ нихъ издали, зная, что въ рукопашномъ бою ихъ жизнь можно купить лишь дорогою цѣной. Окруживъ абрековъ, казаки истребляли ихъ до послѣдняго человѣка; да и сами абреки не просили пощады. Видя отрѣзанными всѣ пути къ спасенію, они убивали своихъ лошадей, за тѣлами

ихъ залегали съ винтовкою на присошкѣ и, отстрѣливались пока было возможно; выпустивъ послѣдній зарядъ, ломали ружья и шашки и встрѣчали смерть съ кинжаломъ въ рукахъ, зная, что съ этимъ оружіемъ ихъ нельзя схватить живыми».

По черкескому взгляду на военное дѣло, всадникъ, потерявшій лошадь, не жилецъ на этомъ свѣтѣ: онъ будетъ драться пѣшій до послѣдней возможности и съ такимъ ожесточеніемъ, что заставитъ наконецъ убить себя [1].

На укрѣпленія черкесы рѣдко отваживались нападать; но на восточномъ берегу Чернаго моря бывали примѣры отчаянныхъ ихъ штурмовъ, особенно убыханами. Такъ, въ 1846 году они днемъ напали на фортъ Головинскій тремя партіями, которыя были посажены по два всадника на каждую лошадь. Двѣ изъ этихъ партій, подскакавъ къ самому укрѣпленію, подъ картечнымъ огнемъ—одна партія девяти, а другая трехъ орудій—спѣшились, перебрались черезъ волчьи ямы, ровъ, палисадъ и вскочили на брустверъ, но были отбиты.

Убыхи вообще отличались въ набѣгахъ своею дерзостію, и между черкесами были извѣстны какъ люди необыкновенно храбрые и энергичные. Славу свою они поддерживали постоянным хищничествомъ у разныхъ племенъ черкескаго народа. Перевалившись черезъ Главный хребетъ, они хищничали у махошевцевъ и у верхнихъ абадзеховъ. У убыховъ существовало особое сословіе хищниковъ: *унару*, доморазрушители. Партія *унару*, въ пять или шесть человѣкъ, ночью врывалась въ аулъ, бревномъ выбивала двери сакли, рѣзала сонныхъ жителей, забирала ихъ въ плѣнъ, грабила имущество, и пока сосѣди проснутся, *унару* уже исчезали и съ плѣномъ, и съ добычей.

Слава и военная репутація убыховъ поддерживались благодаря лучшей ихъ военной организаціи, дававшей имъ превосходство при всѣхъ столкновеніяхъ съ сосѣдями. Передъ выступленіемъ своимъ въ походъ, что бывало обыкновенно зимою, въ составѣ большой партіи, убыхи выбирали себѣ предводителя. Послѣднимъ могъ быть только человѣкъ, извѣстный своею храбростію, который бывалъ уже въ нѣсколькихъ походахъ въ званіи простаго воина, потомъ, предводительствуя небольшими партіями, отъ десяти до тридцати человѣкъ, оказалъ мужество и распорядительность. Предводитель долженъ былъ быть крѣпкаго сложенія, въ состояніи переносить холодъ и голодъ, чтобы служить примѣромъ для всѣхъ остальныхъ.

---

(1) „Объ образѣ войны вообще на Кавказѣ и въ особенности на кавказской линіи« рукопись обязательно доставленная мнѣ П. В. Кузьминскимъ.—Краткое описаніе восточнаго берега Чернаго моря Карльгофа (рукоп.) Текущ. дѣла шт. Кавк. воен. округа.—Новѣйшія географичес. и историч. свѣдѣнія о Кавказѣ С. Броневскаго ч. II изд. 1823 г. Воспомин. Кавказ. офицера „Русскій Вѣстн.“ 1864 г. № 10 и № 11. О политическомъ устройствѣ черкескихъ племенъ Карльгофа „Русскій Вѣст.“ 1860 г. № 16. О натухажцахъ, шапсугахъ и абадзехахъ Л. Люлье. Зап. Кавк. от. Рус. геогр. общ. кн. IV изд. 1867 г. Бассейнъ Псекупса. Николая Каменева. Кубанскія Войсковыя Вѣдомости 1867 г. № 49. Очеркъ горскихъ народовъ праваго крыла кавказской линіи. „Воен. Сбор.“ 1860 г. № 1.

Во время похода предводитель пользовался безусловнымъ повиновеніемъ своей партіи; каждый членъ ея обязанъ былъ слѣдовать за нимъ всюду. Предводителю предоставлялось дѣйствовать по своему усмотрѣнію и не открывать заранѣе никому своихъ намѣреній. Каждый терпѣливо переносилъ отъ него брань и даже побои, на которые, въ обыкновенное время, убыхъ, непризнававшій никакихъ властей, отвѣтилъ бы кинжаломъ.

Мѣстомъ сбора партіи назначалось обыкновенно необитаемое ущелье, неподалеку отъ послѣдней деревни, за которою начиналось владѣніе той страны, куда предназначенъ набѣгъ. Только дряхлые старики и малыя дѣти не участвовали въ походѣ. Каждый обязывался имѣть съ собою необходимую одежду, состоявшую изъ бурки, башлыка, полушубка, двухъ или трехъ паръ обуви изъ сыромятной воловьей кожи, двухъ или трехъ паръ толстыхъ носковъ, сшитыхъ изъ войлока или изъ толстаго горскаго сукна. Продовольствіе такой партіи обыкновенно составляли: гомія (пшено), копченое мясо, сыръ, масло, перецъ, соль и тѣсто варенное на меду. Все продовольствіе каждый, кромѣ предводителя, несъ на себѣ, на цѣлый мѣсяцъ.

Когда, бывало, партія соберется и составитъ скопище отъ 800 до 3,000 человѣкъ, тогда предводитель отправлялся на мѣсто сбора, гдѣ осматривалъ платье и провизію собравшихся. Тѣхъ, у которыхъ оказывался недостатокъ въ одеждѣ и положенномъ числѣ продовольствія, изгоняли изъ отряда самымъ постыднымъ образомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, повѣрялось число людей въ партіи. Предводитель пропускалъ всѣхъ поодиночкѣ между двухъ человѣкъ, поставленныхъ другъ противъ друга и державшихъ палку, поднятую выше головы. По мѣрѣ того какъ воины проходили поодиночкѣ подъ палкою, предводитель ихъ считалъ: это называлось *подпалочною* повѣркою. Иногда же, вмѣсто такой повѣрки, предводитель приказывалъ прислать къ себѣ отъ каждой партіи одного селенія столько камешковъ или зеренъ, сколько находилось въ ней человѣкъ, и, по числу камешковъ, опредѣлялъ общій составъ сборища. Послѣ повѣрки прежде всего назначались люди въ составъ авангарда и аріергарда.

Собранная партія дѣлилась на части: люди одной деревни, числомъ отъ десяти до ста человѣкъ, составляли особую часть или, по выраженію убыховъ, *отдѣльный огонь*, получавшій названіе по имени деревни или цѣлаго околодка. Каждый *отдѣльный огонь* имѣлъ своего старшину, обязаннаго дѣлать наряды, вести очередь и, въ важныхъ случаяхъ, приходить къ предводителю за полученіемъ приказаній и для совѣщаній. Отдѣленіе или огонь выбирали и назначали изъ среды себя кашеваровъ, дровосѣковъ и родъ вѣстовыхъ, посылаемыхъ каждое утро и вечеръ къ предводителю, для полученія отъ него приказаній и распоряженій. Кашевары, кромѣ стряпни, обязаны были нести на себѣ котлы, въ которыхъ варилась пища для цѣлаго отдѣленія; дровосѣки заготовляли дрова, расчищали мѣста занесенныя снѣгомъ, строили на нихъ шалаши, и вообще исполняли всѣ работы по разработкѣ до-

рогъ. Молодые люди, по обычаю, прислуживали старикамъ, потому что прислуги никому имѣть съ собою не полагалось.

Кашевары принимали ежедневно провизію отъ каждаго отдѣльнаго воина, поровну, и приготовляли общую пищу для всѣхъ лицъ, составлявшихъ отдѣльный огонь. Пищею служила крутая пшенная каша, супъ изъ мяса и пшена, приправленный стручковымъ перцомъ. Супъ этотъ, въ которомъ чувствовалось изобиліе перца, замѣнялъ убыхамъ водку, согрѣвалъ и укрѣплялъ ихъ организмъ. Расходовать провизію, безъ вѣдома цѣлаго отдѣленія, строго воспрещалось, а кто расходовалъ ее тайкомъ, тотъ подвергался большому стыду; подобные поступки, по народному суевѣрію, считались вдобавокъ дурнымъ предзнаменованіемъ неудачи или какого нибудь несчастія.

Въ походѣ убыхи слѣдовали въ двѣ шеренги или, лучше сказать, по два человѣка рядомъ, одна пара за другой довольно близко и плотно. Переходъ съ мѣста на мѣсто строго воспрещался.

Въ мѣстахъ безопасныхъ, авангардъ и аріергардъ слѣдовали вмѣстѣ со всею партіею; въ противномъ случаѣ, отдѣлялись на полверсты, а иногда и болѣе. Авангардъ высылалъ тогда впередъ себя еще нѣсколькихъ человѣкъ для осмотра дороги, лѣса, овраговъ, и высланные люди о всемъ замѣченномъ доносили авангарду, а послѣдній предводителю. Въ случаѣ затрудненія въ пути отъ свѣже-выпавшаго или таящаго снѣга, пять или шесть рядовъ съ праваго фланга надѣвали лыжи (они должны были быть у каждаго) и ими протаптывали дорогу для остальнаго отряда.

Мѣста ночлеговъ опредѣлялись заранѣе, до выступленія въ походъ, преимущественно въ мѣстностяхъ мало-доступныхъ, гористыхъ, гдѣ были лѣсъ и кустарникъ. Съ прибытіемъ на ночлегъ, если онъ находился въ безопасномъ мѣстѣ, всѣ снимали съ себя тяжести, устраивали шалаши, заготовляли дрова и разводили огонь. «Шалаши всегда устраивались въ видѣ четырехугольника, на подобіе нашего каре, и наружную ихъ сторону оставляли открытою, чтобы, въ случаѣ тревоги, можно было безъ замѣшательства стать въ ружье».

Если партія проходила по такимъ мѣстамъ, гдѣ можно было ожидать непріятельскаго нападенія, то, версты за четыре отъ мѣста назначеннаго для ночлега, она останавливалась и посылала разузнать и осмотрѣть мѣстность. Только по донесеніи посланныхъ о совершенной безопасности, партія отправлялась на самое мѣсто.

Авангардъ и аріергардъ тотчасъ же образовывали пикеты и занимали всѣ проходы; они оставались на этихъ мѣстахъ до тѣхъ поръ, пока люди, назначенные въ ночной караулъ, не обогрѣвались и не насыщались. Предводитель, осмотрѣвъ предварительно пункты назначенные для пикетовъ, собиралъ къ себѣ караульныхъ, самъ разводилъ ихъ на посты и спускалъ съ постовъ авангардъ и аріергардъ. Лѣтомъ или въ небольшіе морозы зимою, караулы

оставались всю ночь безъ смѣны; въ противномъ случаѣ, смѣнялись два или три раза.

Съ разсвѣтомъ, партія выступала въ походъ; дневки дѣлались очень рѣдко и только при ненастной погодѣ; тогда выжидали вёдра, оставаясь на мѣстѣ иногда нѣсколько дней и даже цѣлую недѣлю. Благопріятною-же для походовъ погодою убыхи считали ясные дни и крѣпкіе морозы.

Подойдя къ мѣсту назначенному для грабежа, партія останавливалась въ разстояніи одного усиленнаго перехода, выбирала хорошую позицію, и если вступала на нее передъ вечеромъ, то не оставалась ночевать, а, отдохнувъ немного и поужинавъ, отправлялась далѣе. Но если прибывали на ночлегъ поздно вечеромъ, такъ что до разсвѣта не успѣвали дойти до мѣста грабежа, то останавливались ночевать и выступали уже на другой день вечеромъ. Убыхи дѣлали нападеніе только ночью, за полчаса до разсвѣта. Передъ нападеніемъ предводитель дѣлилъ всю партію на три части: первыя двѣ предназначались для нападенія и составлялись изъ самыхъ отборныхъ, а третья часть, изъ стариковъ, молодыхъ, кашеваровъ, дровосѣковъ и т. п., образовывала резервъ и оставлялась на мѣстѣ ночлега, со всѣми лишними тяжестями. Изъ первыхъ двухъ частей формировались авангардъ, аріергардъ и собственно часть для грабежа.

Убыхи всегда дѣйствовали массою и особенно хорошо дрались въ открытомъ полѣ. Они атаковывали всегда рядами въ двѣ шеренги, имѣя впереди авангардъ, по срединѣ грабителей, а сзади аріергардъ. Подойдя къ деревнѣ, авангардъ раздѣлялся направо и налѣво, обходилъ бѣглымъ шагомъ селеніе и останавливался, составивъ около аула густую цѣпь.

Партія грабителей, раздѣлившись на кучки, человѣка по четыре въ каждой, бѣжала въ домъ, вязала, рѣзала и грабила. Нападенія убыховъ бывали непродолжительны. Черезъ полчаса или черезъ три-четверти часа, начиналось отступленіе: авангардъ обращался въ аріергардъ и удерживалъ натискъ непріятеля, а бывшій аріергардъ составлялъ сплошную массу для прикрытія добычи.

Съ плѣнными убыхи поступали человѣколюбиво, давали имъ свою одежду и обувь; при остановкахъ партіи на ночлегъ или дневку, отдѣляли мужчинъ отъ женщинъ, поручали послѣднихъ надзору добросовѣстнаго старика и въ помощь ему назначали караулъ. Лекарь осматривалъ раненыхъ, давалъ лекарства, а предводитель назначалъ людей къ носилкамъ раненыхъ и убитыхъ. Обязанность носильщиковъ считалась почетною и отъ нея никто не отказывался.

Достигнувъ сборнаго мѣста, партія дѣлила добычу.

Изъ толпы выходилъ старый сѣдой воинъ и произносилъ благодарственную молитву за дарованную побѣду и хорошую добычу, а затѣмъ начинался дѣлежъ. Произносившему молитву выдавалась одна изъ лучшихъ вещей; предводитель выбиралъ себѣ плѣннаго или плѣнницу, и по одной вещи изъ

награбленныхъ предметовъ одного рода. Остальная добыча дѣлилась поровну; но кашевары и дровосѣки получали менѣе. На долю убитыхъ или взятыхъ въ плѣнъ, назначались двѣ части и передавались ихъ родственникамъ. Остатки отъ раздѣла назначались на поминки убитыхъ и на выкупъ плѣнныхъ. Никогда не случалось, чтобы убыхи захватили въ плѣнъ столько человѣкъ непріятелей, сколько было участниковъ похода, и тогда, для раздѣла плѣнныхъ, партія дѣлилась на столько частей, сколько плѣнныхъ, и каждая часть получала по одному. Въ такихъ случаяхъ, плѣнный обыкновенно продавался и вырученныя деньги дѣлились поровну между лицами, на долю которыхъ достался плѣнный.

Черкесы не держались этого правила. По ихъ установленію, тотъ, кто, во время боя, первый овладѣетъ плѣннымъ, тотъ и считался полноправнымъ его владѣльцемъ. Если этотъ плѣнный будетъ пойманъ кѣмъ нибудь во время бѣгства изъ дома своего господина, то возвращается сему послѣднему, а поймавшій его, въ вознагражденіе, получаетъ быка (цю).

Въ обращеніи съ плѣнными черкесы не отличались, подобно убыхамъ, особою гуманностью. Если плѣнный былъ русскій, и притомъ изъ дворянъ, то его сажали въ яму, держали въ цѣпяхъ и кормили весьма дурно. Къ этому ихъ побуждала, съ одной стороны, надежда получить выкупъ, а съ другой опасеніе, чтобы плѣнный не убѣжалъ.

— Не огорчайся тѣмъ, говорилъ черкесъ своему плѣнному, что я хочу тебя приковать. Если бы ты былъ дѣвка, такъ мы отдали бы тебя караулить женщинамъ; но ты мужчина: у тебя есть усы и борода; ты будешь стараться обмануть насъ.... Мужчину, который родился не рабомъ, можно удержать въ неволѣ только однимъ желѣзомъ.

Черкесы были убѣждены по опыту, что русскій дворянинъ, какъ они звали нашихъ офицеровъ, не забудетъ никогда своего происхожденія и мѣста занимаемаго въ обществѣ, и потому за плѣнными такого рода наблюдали весьма бдительно. Точно такъ же строго слѣдили они и за плѣннымъ линейнымъ казакомъ, зная, что онъ не оплошаетъ и не уступитъ черкесу въ ловкости и въ умѣньѣ убѣжать. Что же касается до крестьянъ взятыхъ въ плѣнъ, то черкесы обращали ихъ въ своихъ пастуховъ и земледѣльцевъ, а въ случаѣ принятія ими магометанства, женили и водворяли на хозяйствѣ.

— Земледѣльцу, говорили черкесы, все равно пахать: что у русскаго, что у насъ; а дворянину не все равно: онъ или умретъ, или убѣжитъ.

Подходя къ своимъ деревнямъ съ плѣнными и добычею, какъ черкесы, такъ и убыхи пѣли пѣсни, стрѣляли, въ знакъ побѣды и удачи (¹).

(¹) Этнографическій очеркъ черкескаго народа барона Стали (рукоп.) Зимніе походы убыховъ на абхазцевъ, С. Звалбай. „Кавказъ“ 1852 г. № 33. Учрежденія и народные обычаи шапсуговъ и натухажцевъ Л. Люлье. Зап. Кавк. отд. И. Р. Г. Общее. кн. VII изд. 1866 г. Воспомин. кавказскаго офицера. „Русскій Вѣст.“ 1864 г. № 11.

У убыховъ существовалъ особый способъ сообщать родственникамъ объ убитыхъ. Одинъ изъ односельцевъ, подойдя къ саклѣ убитаго или взятаго въ плѣнъ, становился на возвышенномъ мѣстѣ и вызывалъ родственника убитаго.

— Возвратился-ли такой-то изъ похода? спрашивалъ онъ вызваннаго.

Это значило, что того, о комъ спрашиваютъ, нѣтъ въ живыхъ, и тогда въ семействѣ убитаго начиналось оплакиваніе.

Нравы, обычаи и особенности быта черкесовъ, служили образцомъ достойнымъ подражанія для многихъ сосѣднихъ имъ племенъ, въ томъ числѣ и для ногайцевъ, поселившихся между рр. Кубанью и Лабою и извѣстныхъ подъ именемъ *закубанскихъ*. Эти послѣдніе на столько сходны въ образѣ жизни съ черкесами, что чаще даютъ своимъ дѣтямъ черкескія имена, чѣмъ общеногайскія; большинство изъ нихъ говоритъ черкескимъ и абазинскимъ языкомъ и почти всѣ обряды, костюмъ, постройка и расположеніе домовъ, пѣсни и танцы—все перенято ими у черкесовъ. Собственно сосѣдству и вліянію черкесовъ надо приписать и то, что закубанскіе ногайцы, какъ по умственнымъ способностямъ, такъ и по религіознымъ вѣрованіямъ, стоятъ неизмѣримо выше своихъ единоплеменниковъ, живущихъ въ Ставропольской губерніи. Съ другой стороны то-же сосѣдство черкесовъ было причиною того, что всѣ ихъ способности направлены были болѣе на жизнь удалую, чѣмъ на мирную и спокойную. Закубанскіе ногайцы, точно также какъ и черкесы, воинственны, неустрашимы и способны переносить невѣроятныя трудности.

Во многихъ случаяхъ они даже перещеголяли черкесовъ, какъ, напримѣръ, въ конной дракѣ и стойкости ихъ всадниковъ на полѣ битвы. Закубанскій ногаецъ отлично владѣетъ своимъ оружіемъ, которое онъ любитъ и сохраняетъ болѣе всего. Будучи склоненъ къ хищничеству и разбоямъ, народъ этотъ въ дни кочевой и подвижной жизни переносился съ одного мѣста на другое съ удивительною быстротою. При малѣйшей тревогѣ на пути ногайцы тотчасъ же дѣлали изъ своихъ телѣгъ четырехугольное укрѣпленіе, внутри котораго помѣщали свое имущество, женъ и дѣтей и защищались отчаянно.

«Не было еще примѣра, пишетъ Дебу, чтобы мурза или простой ногаецъ взятъ былъ плѣнъ; ибо сіе почитаютъ они крайнимъ безчестіемъ, посрамляющимъ весь ихъ родъ».

Такая воинственность, составляя до сихъ поръ исключительную особенность закубанскихъ ногайцевъ, отличаетъ ихъ отъ остальныхъ поколѣній ногайскаго племени.

НОГАЙЦЫ.

I.

Раздѣленіе ногайцевъ на отдѣльныя поколѣнія, а по образу жизни на осѣдлыхъ и кочевыхъ. — Мѣсто занимаемое ногайцами и характеръ земель имъ принадлежащихъ. — Экономическій бытъ ногайцевъ. — Сословное дѣленіе. — Управленіе. — Наружный видъ и характеръ. — Гостепріимство, пища и одежда. — Домъ ногайца. — Ногайская женщина и положеніе ея въ семействѣ.

Всѣ поколѣнія ногайскаго народа ведутъ свое происхожденіе отъ Ногая, одного изъ предводителей Золотой орды, который отдѣлился отъ нея въ XIII столѣтіи и составилъ особую такъ называемую *синюю орду*.

Только при жизни этого предводителя имя ногайцевъ было страшно для сосѣдей. Впослѣдствіи, раздираемые внутреннею враждою между собою и съ прочими татарскими племенами, ногайцы потеряли на всегда свое политическое значеніе и подпали подъ власть астраханскихъ хановъ. Тѣснимые послѣдними и доведенные до крайности, они вынуждены были, въ 1552 году, отправить посольство къ царю Іоанну Васильевичу Грозному, съ просьбою о защитѣ и принятіи ихъ въ подданство, утвержденное потомъ клятвою на вѣрность службы противъ крымцевъ и прочихъ татарскихъ ордъ.

Кочевавшіе въ то время па волжскихъ степяхъ ногайцы дѣлились, главнымъ образомъ, на три части: *Джетысынъ* (семидесяти-тысячный, нынѣ едисанскіе ногайцы), *большой* и *малый ногай*.

Большой ногай, въ свою очередь, подраздѣлялся на роты: Келенши, Хатай, Кибчакъ, Барлакъ, Манготъ, или Мангитъ, и другія. Малый ногай дѣлился на Каспулатъ или Касбулатъ, Улу, Наурузъ-улу, Султанъ-улу и многія другія.

Эти ногайцы управлялись своими представителями, поставленными съ согласія и утвержденія русскихъ царей. Съ теченіемъ времени власть князей

среди ногайскаго народа постепенно слабѣла и уничтожалась единство въ народѣ. Такъ, часть малаго ногая (извѣстнаго также подъ именемъ Казіева улуса) подпала подъ власть Крыма, а часть жила независимо на рѣкѣ Эмбѣ (по-татарски и по-калмыцки Дземъ или Джемъ), откуда и произошло названіе Эмбойлукъ или Джембойлукъ т, е. живущіе по Эмбѣ. Въ 1660 году малый ногай вновь отложился отъ Крыма и получилъ дозволеніе отъ русскаго правительства кочевать на берегахъ сѣвернаго Донца, гдѣ въ 1677 году, орда эта раздѣлилась на двѣ части. одна ушла за Кубань къ черкесамъ, а другая къ калмыкамъ.

Будучи монголо-татарскаго происхожденія, всѣ ногайцы въ настоящее время раздѣляются на восемь главныхъ семей: Калаусо-Джембойлуковскихъ, Калаусо-Саблинскихъ, Бештау-Кумскихъ, Едисанскихъ, Ачикулакъ, Едисано-Джембойлуковскихъ, Закубанскихъ и Кара-ногайцевъ.

Послѣдніе поселены на Караногайской степи, простирающейся къ сѣверу отъ р. Терека. Каро-ногайцы кочуютъ между р. Кумою, кочевьями Ачикулакъ-джембойлуковскихъ ногайцевъ, землями казачьихъ полковъ и государственныхъ крестьянъ. Они раздѣляются на четыре куба: Наймановъ, Капчаковъ, Миповъ и Тереќовъ и управляются приставомъ, который подчиняется главному приставу, находящемуся въ Ставрополѣ.

Кромѣ того на Кумыской плоскости живетъ до 7,000 душъ обоего пола *кумыкскихъ ногайцевъ*, которые раздѣляются на два кочевья: *Костековское* и *Яхсаевское*; въ первомъ пять кубовъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ ауловъ, а во второмъ шесть кубовъ.

Ногайцы платятъ кумыкамъ условную дань за право пользованія землями, не имѣютъ сословій и всѣ считаютъ себя равными. Они управляются приставами изъ кумыкскихъ офицеровъ и отбиваютъ повинности натурою. Въ прежнее время они содержали караулы, давали конвой, перевозили за прогоны провіантъ, за деньги лѣсъ для починки укрѣпленій и даромъ больныхъ нижнихъ чиновъ.

По образу жизни, ногайцы раздѣляются на *осѣдлыхъ* и *кочевыхъ*; самое большое число послѣднихъ находится въ Ставропольской губерніи. Они кочуютъ по рр. Калаусу и Янкулямъ, Кумѣ, Саблѣ и около горъ Бештау, на пространствѣ отъ Кумы и Моздока до Кизляра, наконецъ, живутъ осѣдло по Кубани и между Кубанью и Лабою.

Послѣдніе или закубанскіе ногайцы раздѣляются на пять родовъ, поселившихся на лѣвомъ берегу р. Кубани: *Келембетовскій*, *Карамурзинскій* *Кипчакскій*, *Наурузовскій* и *Магнитовскій;* на правой сторонѣ Кубани разбросано нѣсколько ауловъ, принадлежащихъ князьямъ Тугановымъ, Канмурзинымъ, Ахловымъ и Лоовымъ. Пространство, занимаемое закубанскими ногайцами, можно считать около 11 т. квадр. верстъ, а населеніе около 10 т. душъ. Все это пространство, за исключеніемъ южной части, плоско, однообразно, безлѣсно и составляетъ почти безводную степь. Отъ жары, доходящей здѣсь

до 40° по Реомюру, поля выгорають, а рѣчки высыхають. Нижняя часть, орошаемая рѣчками, впадающими въ Кубань и Лабу, довольно гориста и кое-гдѣ покрыта лѣсомъ, преимущественно по р. Урупу и его притокамъ.

Все пространство степи, занятое кара-ногайцами, содержитъ въ себѣ около 926,579 десятинъ, въ томъ числѣ удобной или, лучше сказать, сносной 684,276 десятинъ. На этой-же землѣ живутъ и едишкульцы, которые почти смѣшаны съ кара-ногайцами. Собственно послѣднихъ считалось въ 1862 году мужескаго пола 18,695 человѣкъ и женскаго 15,425 человѣкъ.

Безлѣсная, безводная степь, почти негодная для хлѣбопашества, составляетъ все достояніе кара-ногайцевъ. Главный промыселъ ихъ составляетъ скотоводство, но, для прокормленія своихъ стадъ, они не имѣютъ достаточно пастбищныхъ мѣстъ и принуждены на зиму перегонять ихъ за р. Прорву и Таловку, на земли принадлежащія казакамъ и частнымъ лицамъ.

Этотъ перегонъ скота стоитъ кара-ногайцамъ до 10,000 руб. платимыхъ за наемъ луговъ, изобилующихъ кормомъ и, кромѣ того, защищающихъ стада ихъ отъ степной стужи.

Земли остальныхъ ногайцевъ, вслѣдствіе неточнаго и неопредѣленнаго положенія границы, не могутъ быть исчислены съ точностью, потому что, кромѣ кургановъ, называемыхъ *тюбе*, да возвышенныхъ береговъ нѣкоторыхъ рѣкъ—все гладко, на весьма значительное разстояніе, все безлѣсно и почти безводно. Все количество населенія этихъ послѣднихъ ногайцевъ простирается до 35,733 душъ обоего пола.

Въ землѣ, населяемой ногайцами Пятигорскаго и Ставропольскаго уѣздовъ, преобладающій грунтъ—глинистый черноземъ, переходящій нерѣдко въ средній солончакъ, производящій малорослую и рѣдкую траву, перемѣшанную съ ковылемъ и полынью. Весною почва эта представляетъ превосходное пастбище для мелкаго скота, въ которой преобладаетъ молодая полынь, способствующая скорому поправленію скота, изнуреннаго въ теченіе зимы. По мѣрѣ приближенія лѣта и жаровъ, травы эти начинаютъ засыхать и кормъ для скота скудѣетъ.

Чаще же всего черноземный грунтъ степей переходитъ въ *легкій солончакъ*, на которомъ посѣвы хлѣба даютъ только посредственные урожаи. Земли же Ачикулакъ-Едисано-Джембойлуковскихъ ногайцевъ, Едишкульцевъ и Кара-ногайцевъ преимущественно состоятъ изъ обширныхъ песчаныхъ равнинъ, совершенно негодныхъ ни для хлѣбопашества, ни для сѣнокошенія.

Неудобство земель причиною того, что, какъ закубанскіе, такъ и всѣ остальные ногайцы, или вовсе не занимаются земледѣліемъ и хлѣбопашествомъ, или занимаются ими весьма мало; сѣна нѣкоторыя поколѣнія имѣютъ достаточно, но лѣсу почти совсѣмъ нѣтъ. Ногайцы-же Калаусо-Джембойлуки, Калаусо-Саблинцы и Бешта;-Кумцы принадлежатъ, по преимуществу, къ земледѣльческому классу населенія.

Фабричныхъ промышленниковъ почти нѣтъ между ногайцами, а также нѣтъ и торговли внутри ауловъ. Ремесла мало развиты между туземцами;

они дѣлаютъ посуду, кровати, металлическія пряжки на пояса, но все это идетъ на продажу своей же братіи. Необходимое для себя оружіе ногаецъ достаетъ на мѣновыхъ дворахъ, ярмаркахъ или у сосѣдей, покупая ихъ за деньги, которыя выручаетъ отъ продажи тамъ же топлива (тезекъ), сыра, масла, шкуръ, овецъ, воловъ, сырыхъ лошадиныхъ кожъ, да нѣкоторыхъ вещей изъ платья, сшитаго ихъ женщинами. На эти же деньги покупаются: калмыцкій чай, мука, просо, табакъ, перецъ—словомъ продукты, необходимые для домашняго употребленія. Нѣкоторые, очень немногіе изъ ногайцевъ занимаются извозомъ, да промышляютъ соколиною охотою, которая ихъ кормитъ и одѣваетъ.

Главное занятіе ногайцевъ состоитъ въ скотоводствѣ и уходѣ за нимъ. Бѣдные не имѣющіе его идутъ лѣтомъ въ заработки и тысячи ихъ расходится по окрестнымъ селамъ сосѣднихъ уѣздовъ и казачьихъ полковъ. Тамъ они пасутъ стада и табуны лошадей, убираютъ виноградъ и выжимаютъ вино.

Закубанскіе ногайцы имѣютъ сословіе султановъ, князей, узденей, чагаровъ, а въ прежнее время и рабовъ. Уздени находились точно въ такомъ же отношеніи въ султанамъ и князьямъ, какъ и у черкесовъ, а чагары и рабы, по своему положенію, не отличались отъ остальныхъ зависимыхъ сословій у тѣхъ же поколѣній черкескаго народа.

У остальныхъ ногайцевъ, живущихъ въ Ставропольской губерніи, нѣтъ рѣзкаго сословнаго дѣленія, а есть семейства, которыя съ давнихъ поръ пользуются уваженіемъ—и только! Нѣкоторыя ногайскія фамиліи сами называютъ себя султанами и ведутъ родъ свой отъ Чингизъ-хана. Право это до того не сильно и не даетъ имъ никакихъ привиллегій, что эти же фамиліи часто называютъ себя вмѣсто султановъ просто князьями, но на самомъ дѣлѣ они только *мурзы*. Всѣ послѣдніе ведутъ родъ свой отъ Эдигея и имѣютъ немногія преимущества: не отбываютъ повинностей наравнѣ съ другими и въ прежнее время имѣли крѣпостныхъ или рабовъ, пріобрѣтенныхъ покупкою. Мурзъ можно считать потомками тѣхъ лицъ, которыя нѣкогда управляли народомъ; они составляютъ теперь высшій классъ, изъ котораго преимущественно выбираются аульные старшины и табунные головы. Кромѣ небольшихъ подарковъ и уваженія оказываемаго имъ народомъ, мурзы не пользуются никакою властію. Въ послѣднее время мурзы еще болѣе упали въ глазахъ народа, потому что нѣкоторые изъ нихъ, по бѣдности, нанимаются въ надсмотрщики у простыхъ ногайцевъ.

Послѣ мурзъ второе мѣсто занимаетъ духовенство: ахуны, кадіи или казіи, эфендіи и сохта (собственно ученикъ) или помощники эфендіевъ. Духовенство избавлено отъ повинностей и пользуется доходами, точно также какъ у прочихъ мусульманскихъ народовъ. Между духовенствомъ преимущественно находятся ученые люди, которые, за свое знаніе, пользуются уваженіемъ народа.

Есть еще сословіе, такъ называемые *тарханы* или лица избавленныя отъ повинностей за различнаго рода заслуги.

Всѣ ногайцы управляются черезъ особыхъ приставовъ. Для внутренняго управленія въ каждомъ кочевьѣ избирается на годъ голова, два старшины и казначей, а въ каждомъ аулѣ, состоящемъ не менѣе какъ изъ десяти кибитокъ, выбирается, сверхъ того, староста и десятникъ.

Все населеніе одинаково пользуется землями и одинаково можетъ быть выбираемо въ общественныя должности.

Судъ у ногайцевъ разбираетъ дѣла по *шаріату* (законъ письменный, духовный) и по *адату* (судъ словесный, народный по обычаямъ); есть еще *маслахатъ*, или судъ примирительный. Дѣла по шаріату рѣшаются духовенствомъ, а по адату — мірскимъ приговоромъ почетныхъ старшинъ и султановъ.

У кара-ногайцевъ каждое кочевье имѣетъ голову, каждый *аксакалъ*, которыхъ нѣсколько въ *кубѣ*, имѣетъ своего аксакала, а кубъ—старшину. Судъ и разбирательство, предоставленное народу, производится также по шаріату и адату. Постановленія суда, выраженныя въ приговорахъ, утверждаются приставомъ. Должностныя лица, въ томъ числѣ кадіи и наибы, выбираются на народномъ низамѣ, или чрезвычайномъ собраніи, черезъ каждые три года. Лица, не оправдавшія довѣрія народа, могутъ быть смѣнены и ранѣе этого срока.

Ногайцы, ведущіе жизнь осѣдлую, довольно безобразны: постоянное сидѣнье на корточкахъ возлѣ огня, нечистота и дымъ, скудная пища, всеобщая бѣдность и недостатокъ движенія—все это дѣлаетъ плоскія и изможженныя ихъ лица крайне безобразными. Напротивъ того, ногайцы, кочующіе лѣтомъ по широкимъ степямъ, какъ, напримѣръ, кара-ногайцы, едишкульцы, довольно красивы. Кара-ногаецъ, по большей части, высокаго роста и статенъ. Каріе глаза, прямой съ небольшимъ горбомъ носъ, средняя толщина, бритая голова, черная рѣдкая борода и усы составляютъ отличительныя черты его лица.

Ногайцы вообще вкрадчивы, скрытны и корыстолюбивы: за кирпичъ чая готовы возстать противъ самаго близкаго родственника. Корыстолюбіе ихъ не высказывается въ стремленіи къ пріобрѣтенію прилежаніемъ и трудомъ, а напротивъ того, въ желаніи нажить все легчайшимъ способомъ — воровствомъ и хищничествомъ. Будучи лѣнивы до высочайшей степени, они проводятъ большую часть времени въ праздности: сидятъ въ кибиткахъ или разъѣзжаютъ по степи и по auламъ.

Гостепріимство хотя и считается у нихъ добродѣтелью, но безъ разсчета ногаецъ не испечетъ чурека для гостя и очень часто обокрадетъ его, точно также какъ и гость не стѣснится обокрасть хозяина. Пуговица, гвоздь, обрѣзокъ сукна или ленты—это такія вещи, которыя составляютъ желанія одного и зависть другаго.

Между ногайцами считается неприличнымъ, если гость, извѣстный по своей

бѣдности или сравнительно съ хозяиномъ и присутствующими, молодости, если такой гость сядетъ на коврѣ рядомъ съ хозяиномъ или съ кѣмъ либо изъ почетныхъ и уважаемыхъ гостей. По обычаю, правое мѣсто въ кибиткѣ или саклѣ принадлежитъ почетному гостю, а первымъ мѣстомъ считается то, которое ближе къ хозяину; если гостей нѣсколько, то всѣ они размѣщаются по состоянію, извѣстности или сообразно съ лѣтами. Послѣ обычныхъ привѣтствій гость можетъ присѣсть по-азіятски на корточки, но для того, чтобы снять туфли и поджать подъ себя ноги, надо пользоваться особымъ уваженіемъ хозяина. Считается большимъ вниманіемъ со стороны послѣдняго, если онъ гостю, моложе его лѣтами, подастъ одну руку, которую тотъ долженъ пожать двумя; обѣ же руки хозяинъ подаетъ только равнымъ или высшимъ себя лицамъ. Ногайцы не выходятъ на встрѣчу гостямъ: достаточно и того, если хозяинъ немного приподнимется съ мѣста при появленіи въ дверяхъ гостя.

Изъ всѣхъ поколѣній ногайскаго народа наибольшимъ гостепріимствомъ отличаются *закубанскіе* и кара-ногайцы. У послѣднихъ гостепріимство развито до такой степени, что каждый отправляющійся въ путь не запасается никакою провизіею, увѣренный, что найдетъ во всѣхъ аулахъ кровъ и пищу у гостепріимныхъ единоплеменниковъ. Этотъ прекрасный обычай заставляетъ каждаго хозяина, какъ бы онъ бѣденъ ни былъ, съ пріѣздомъ гостя непремѣнно угостить его чаемъ, хотя бы на завтрашній день у него самого не оставалось чаю. Хозяинъ отводитъ гостю лучшій уголъ въ кибиткѣ для отдохновенія, отдаетъ ему единственную свою подушку и стережетъ его коня. Тотъ, кто отвергнетъ гостя, пренебрегается всѣми и обезславливается на всю степь. Хозяинъ вообще находится въ распоряженіи гостя и на этотъ случай у кара-ногайцевъ существуетъ особая характеристическая пословица:

— Гость до прихода совѣстится, говоритъ она — а по приходѣ его совѣстится хозяинъ.

Для человѣка уважаемаго или хорошаго пріятеля хозяинъ рѣжетъ барана и нерѣдко послѣдняго. Сваренная баранина, по вынутіи изъ котла, рубится на части и раскладывается на небольшой досчечкѣ. Лучшій и лакомый кусокъ, состоящій изъ головы, печенки и курдюка, ставится на досчечкѣ передъ гостемъ, а остальныя части передъ болѣе почетными посѣтителями-сосѣдями, не упускающими случая явиться въ кибитку, чтобы поѣсть лакомаго блюда и послушать новостей отъ пріѣзжаго. По мѣрѣ насыщенія почетныхъ, кушанье передается менѣе почетнымъ, которымъ часто приходится обгладывать кости и передавать ихъ дѣтямъ, а тѣ, пососавъ ихъ, уступаютъ позади стоящимъ собакамъ. Кто желаетъ, тотъ запиваетъ мясо *шорбой* (отваръ изъ бараньяго мяса), наливаемой въ *ченаки*—деревянныя чашки, которыя, какъ и вообще вся домашняя посуда, никогда не моются, а вытираются грязною рукою хозяйки.

Хотя между остальными ногайцами и не существуетъ столь радушнаго

гостепріимства, тѣмъ не менѣе каждый хозяинъ съ пріѣздомъ гостя старается угостить его. Довольствуясь, въ обыкновенное время, самою простою пищею, ногаецъ рѣжетъ иногда для гостя барана и угощаетъ его мясными блюдами. Обыкновенную пищу ногайца составляютъ: *секъ* — просяная крупа, особеннымъ образомъ приготовленная и употребляемая туземцами въ сухомъ видѣ или вареною на молокѣ; приправленная же небольшимъ количествомъ мёда, она употребляется какъ лакомство. Затѣмъ изъ остальныхъ видовъ кушаній наиболѣе употребительны: *горячій буламыкъ*—завареная болтушка изъ пшеничной муки, иногда съ прибавленіемъ *курта* или сушенаго сыра; *май*—коровье масло, *сутъ*—прѣсное молоко, *кумысъ* или, правильнѣе, *кымызъ*—напитокъ, приготовляемый изъ кобыльяго молока, и *этмекъ* — кисловатое на вкусъ питье изъ коровьяго молока, смѣшаннаго иногда пополамъ съ водою. Бѣдные ногайцы часто не имѣютъ и этихъ видовъ кушаній и нерѣдко довольствуются самымъ грубымъ *чурекомъ* и своею особенною лепешкою, приготовляемою изъ воды и муки, покупаемой у казака или крестьянина.

Главную и любимую пищу кара-ногайца составляетъ кирпичный чай; какъ русскій человѣкъ безъ хлѣба, такъ кара-ногаецъ безъ чая обойтись не могутъ; хлѣба кара-ногайцы не употребляютъ вовсе или очень мало. Кромѣ чая, кара-ногайцы ѣдятъ вареное пшено, небольшія пышки, жареныя въ салѣ, и *бишбармакъ* — кушанье, приготовленное изъ баранины и сарачинскаго пшена. Мясо ѣдятъ только въ дни годовыхъ и торжественныхъ праздниковъ, да и то только богатые. Пьютъ *бузу*, приготовляемую изъ пшена, и *аракъ*—родъ спиртнаго напитка, приготовляемаго изъ молока, и отчасти *кымызъ*.

Ногаецъ можетъ быть одинъ и даже нѣсколько дней очень воздержанъ въ пищѣ, можетъ довольствоваться одною пышкою или чурекомъ, но за то, если представится случай, будетъ пить чай, сколько бы ему ни предлагали, и съѣстъ несмѣтное количество пищи.

Всѣ ногайцы лѣнивы, но кара-ногайцы и едишкульцы отличаются особою лѣностію и неспособностію къ продолжительному труду. Лѣтомъ они предаются полнѣйшей бездѣятельности, по цѣлымъ днямъ сидятъ возлѣ кибитокъ съ небольшими трубочками во рту и слушаютъ *хабаръ* (новости), въ которыхъ нѣтъ недостатка. Каждый, проѣзжая мимо аула или кочевья, считаетъ своею обязанностью заѣхать къ пріятелю, напиться чаю и тутъ-то, въ угоду хозяину, обязанъ разсказать какую нибудь новость, хотя бы выдуманную, и надо сказать правду, что ногайцы вообще не брезгуютъ выдумками и сочиненіемъ небывалыхъ исторій и происшествій. Съ отъѣздомъ гостя, хабаръ летитъ отъ хозяина во всѣ концы аула и весьма часто въ разукрашенномъ и преувеличенномъ видѣ. Каждое извѣстіе съ быстротою молніи разлетается во всѣ мѣста кочевья кара-ногайцевъ.

Бездѣятельность и отсутствіе правильныхъ занятій породили въ народѣ страсть къ воровству, мошенничеству и плутнямъ.

4

Между нѣсколькими десятками тысячъ народа, можно насчитать один только нѣсколько честныхъ людей. У кара-ногайцевъ нѣтъ правды, нѣтъ и чести. За кусокъ калмыцкаго чая, каждый готовъ присягнуть за вора, что онъ честный человѣкъ, готовъ присягнуть за каждаго преступника, какъ бы тяжко не было его преступленіе. Онъ не откажется обвинять и хорошаго человѣка въ томъ, что онъ первѣйшій воръ и мошенникъ. «Нужно ли сочинить самую несправедливую кляузу, стоитъ только обратиться за этимъ къ первому встрѣчному муллѣ и онъ за *монетъ* (рубль сереб.) насоберетъ такихъ фактовъ, какіе не приходили въ голову и самому просителю».

Ногайцы съ виду кажутся весьма простыми, но на самомъ дѣлѣ чрезвычайно изворотливы. Русскихъ слѣдственныхъ законовъ не боятся, по той простой причинѣ, что все населеніе за воровство, а не противъ него. Изъ двадцати обвиняемыхъ только одинъ наказывается, а остальные, по недостатку уликъ, оставляются въ подозрѣніи. Кара-ногайцы не грабятъ, не убиваютъ—они занимаются, по преимуществу, тѣмъ, что называется мелкимъ воровствомъ. Его дѣло стащить гдѣ-нибудь лошадь, скотину или барашка, но онъ никогда почти не нападаетъ на человѣка и никогда не употребляетъ въ дѣло оружія. Къ послѣднему онъ прибѣгаетъ только въ защитѣ своихъ стадъ отъ звѣрей и себя отъ внѣшнихъ враговъ, которыми окруженъ со всѣхъ сторонъ и которыхъ привыкъ бояться съ малолѣтства.

Понятія о стыдѣ у ногайцевъ совершенно не существуетъ. Ласковое обращеніе съ ними выводитъ ихъ изъ границъ подчиненности. Ногаецъ приверженъ къ старинѣ и ни за что не согласится воспользоваться какимъ-нибудь полезнымъ для него нововведеніемъ. Проводя все время въ разъѣздахъ и праздности, многіе изъ нихъ, какъ, напримѣръ, бештау-кумцы и калоусо-саблинцы, отличные наѣздники, стройны, довольно привлекательной наружности, превосходные стрѣлки, также ловки, какъ горцы, но всѣ безъ исключенія грязны и неопрятны: ногаецъ моется очень рѣдко, и оттого наружность его много теряетъ, какъ бы хорошъ и статенъ онъ ни былъ.

Та-же неопрятность замѣчается и въ одеждѣ. Люди посредственнаго состоянія носятъ сверхъ бѣлья бешметъ (капталъ), съ газырями или безъ газырей, но менѣе акуратнаго покроя, чѣмъ черкескій; у ногайцевъ онъ бываетъ всегда мѣшковатъ и спускается ниже колѣна. На спинѣ бешмета дѣлается четырехугольная нашивка въ 2 $^1/_2$ или въ 3 квадратныхъ дюйма, состоящая изъ краснаго или чернаго сукна или сафьяна, иногда обшитыхъ серебрянымъ галуномъ, а иногда просто безъ всякой обшивки. Въ этихъ четырехугольникахъ ногайцы носятъ молитвы, которыми снабжаютъ ихъ корыстолюбивые эфендіи и муллы. Поверхъ бешмета надѣвается цвѣтной суконный халатъ, суконные или демикотоновые *станъ*—штаны, опоясанные ремнемъ (бельбеу) съ привязаннымъ къ нему ножемъ (пшакъ), вложеннымъ въ сафьяныя красныя или черныя ножны; баранья шапка съ суконною верхушкою и *аракшинъ* или *аракчинъ* — ермолка, вышитая серебромъ и носимая только пожилыми и

богатыми составляютъ ихъ головной уборъ. На ногахъ ногайцы носятъ сафьяные черные сапоги, въ родѣ чулковъ, безъ подошвъ, подборовъ и задниковъ, на которые надѣваются сафьяные-же красные или черные башмаки, съ прочными подборами; кара-ногайцы носятъ сапоги съ высокими каблуками.

Въ холодную погоду мужчины надѣваютъ шубу (тонъ-шуга), крытую синимъ или черпымъ сукномъ, нанкой или плисомъ. На бѣдномъ ногайцѣ можно встрѣтить нагольный полушубокъ и кафтанъ изъ толстаго сукна, выдѣлываемаго изъ бараньей шерсти, русскіе мужицкіе или солдатскіе не смазанные сапоги или сафьяпые сапоги калмыцкаго покроя съ высокими каблуками. Если бѣдный надѣваетъ сафьяпые чулки, то рѣдко въ цѣломъ состояніи, а большею частію съ безчисленнымъ множествомъ заплатокъ.

«Бѣдный классъ, пишетъ А. Архиповъ, довольствуется грубою одеждой, приготовляемой дома. Нагольный полушубокъ, простой бешметъ, армякъ изъ толстаго сукна, мужицкіе или солдатскіе сапоги, купленные гдѣ-попало, порщни для домашнихъ работъ, шапка и прочая принадлежность—все грязное, оборванное, изношенное. Праздничные костюмы нѣсколько опрятнѣе и цѣннѣе, но съ неизбѣжными прорѣхами, заплатами изъ всевозможныхъ тряпокъ и съ наставками самыми пестрыми и разнообразными. Нерѣдко встрѣтить можно такихъ оборванныхъ господъ, живя въ аулахъ, что, право, трудно бываетъ рѣшить, что такое напялено на ихъ плечи. Напримѣръ: бешметъ, потерявшій свой верхній слой отъ усердной долговременности, держится еще на немъ кое-какъ, скрѣпляясь проношенною подкладкой и совершенно сливаясь съ загорѣлою кожею тѣла, тоже проношеннаго чуть не до дыръ. Иной щеголяетъ въ остаткахъ солдатской шинели, безъ пуговицъ, конечно безъ воротника и рукавовъ, отслужившихъ вѣкъ свой вѣрою и правдой многимъ владѣльцамъ. Словомъ, правовѣрный ногай, смотрящій на все окружающее его, какъ и на самого себя, съ подобающимъ хладнокровіемъ и безстрастіемъ, не чуждается никакихъ лохмотьевъ. Нѣтъ обноска, который-бы ему не пригодился. Все это нашивается слоями на всякую новую прорѣху и копится на спинѣ и бокахъ сряду по нѣскольку лѣтъ».

Женщины зажиточныхъ семействъ носятъ желтую или красную рубаху, полосатыя или узорчатыя ситцевыя шаровары, бѣлый коленкоровый *тастаръ* (покрывало), красныя или желтыя сафьяныя туфли или башмаки. Поверхъ рубахи онѣ надѣваютъ красный канаусовый или изъ другой какой матеріи бешметъ, съ пришитыми на груди серебряными петлицами (тёсъ-тюйме); иногда пришиваютъ къ бокамъ серебряные бубенчики. Поверхъ бешмета носятъ красный сафьяный поясъ, съ большими пуговицами изъ серебра и съ такими-же большими застежками (кусакъ), со вдѣланными въ нихъ блѣдновато-мутнаго розоваго цвѣта *мекксkими* камнями. Въ одной изъ поздрей и ушахъ носятъ серебряныя или стальныя кольца и серьги, а на рукахъ серебряные и мѣдные браслеты. «Молодыя и замужнія женщины носятъ часто на лбу или подъ подбородкомъ серебряное украшеніе *бетъ-алкъ*, состоящее изъ серебряныхъ цѣ-

цечекъ и колечекъ, укрѣпленныхъ концами къ серьгамъ, вдѣтымъ въ разорванные ихъ тяжестію уши».

Серебряныя украшенія составляютъ страсть ногайской женщины. Бѣдная, оборванная и грязная, она прикрѣпляетъ къ своимъ лохмотьямъ нѣсколько серебряныхъ монетъ или даже серебряные разрозненные и изломанные крючки и довольна тѣмъ, что имѣетъ блестящую бездѣлку.

Головной уборъ замужней женщины составляетъ небольшой платокъ или просто кусокъ холста, обматываемый вокругъ головы, сверхъ котораго накидывается неразлучный *тастаръ* (покрывало), опускающійся назади почти до пятокъ. Богатыя женщины носятъ на себѣ бѣлую канаусовую *чадру* (то же покрывало), обшитую по краямъ золотыми монетами, а бѣдныя ограничиваются простымъ холстинковымъ покрываломъ, но какъ тѣ, такъ и другія тщательно скрываютъ отъ постороннихъ свое лицо, выставляя для любопытныхъ только одинъ глазъ.

Дѣвушки до замужества, вмѣсто *тастара*, носятъ мѣховыя шапочки съ красными верхушками, обшиваемыми на-крестъ или серебрянымъ галуномъ, или тесемками изъ литаго серебра, съ такою же серебряною маковкою на верхушкѣ. Этотъ послѣдній уборъ весьма красивъ на гладко-причесанныхъ, смолисто-блестящихъ волосахъ, въ которые заплетается, въ видѣ жгута, *шашъбау*—бѣлое полотенце, скрученное жгутомъ и опускающееся позади почти до самой земли. Бешметы также носятъ и дѣвушки, но онѣ больше всего любятъ кафтаны изъ ярко-краснаго сукна, надѣть который считаютъ самымъ большимъ щегольствомъ.

По образу жизни, ногайцы болѣе осѣдлы, чѣмъ калмыки. Хотя очень немногіе изъ ногайцевъ живутъ въ землянно-соломенныхъ, а тѣмъ болѣе деревянныхъ сакляхъ, но за то почти всѣ, за исключеніемъ самыхъ бѣдныхъ и одинокихъ, имѣютъ въ ряду своихъ кибитокъ *базы*, окопанные кругомъ и обнесенные или просто глиняными, или глиняно-кирпичными стѣнами. У нихъ есть конюшни, въ которыхъ съ достаточнымъ удобствомъ помѣщается малый, а при нуждѣ и рогатый скотъ.

Осѣдлые ногайцы живутъ въ мазанкахъ, расположенныхъ обыкновенно весьма неправильно и тѣсно. Закубанскіе же ногайцы всѣ живутъ осѣдло въ домахъ, такъ что въ аулахъ ихъ рѣдко можно встрѣтить кибитку.

Все семейство кочующаго кара-ногайца, какъ-бы велико ни было, помѣщается въ одной кибиткѣ; только у нѣкоторыхъ, болѣе богатыхъ, имѣется другая кибитка, для низшихъ членовъ семьи, кладовой и кухни. Въ кибиткѣ всегда грязно, душно и тѣсно.

Кибитка кара-ногайца обита снаружи войлокомъ и для входа имѣетъ небольшое отверстіе, закрываемое также войлокомъ. Сверху кибитки сдѣлана отдушина, для прохода дыма; въ ненастную погоду, она закрывается большимъ кускомъ полости, прикрѣпленной къ жердямъ кибитки. Такой домъ не болѣе, какъ въ полчаса можетъ быть разобранъ и уложенъ на арбу; на другую

арбу еще скорѣе укладываютъ *хурда-мурда*, домашнюю рухлядь, и семейство готово въ походъ. Кибитки эти называются *терме*, въ отличіе отъ *отсев*—кибитокъ не разбираемыхъ при кочевкѣ, а устанавливаемыхъ прямо на арбу со всѣмъ скарбомъ, курами и собаками. Тамъ же помѣщается и семейство, не нарушая своихъ обычныхъ занятій.

Если подобное жилище очень удобно лѣтомъ, за то зимою оно весьма плохо защищаетъ отъ стужи, страшной степной вьюги и сильнаго холоднаго вѣтра, врывающагося со свистомъ въ дырья кибитки. «Тогда дѣтишки кара-ногайца, голыя или въ однихъ оборванныхъ рубашенкахъ, прячутся подъ овчины и дрожатъ какъ листъ, а хозяинъ кибитки, съ болѣе взрослыми членами семьи, сидитъ скорчавшись возлѣ скромнаго огонька и отогрѣваетъ окоченѣвшія свои руки».

Небольшая кучка кизяка мало предохраняетъ отъ холода; недостатокъ топлива значительно ощущается кара-ногайцами. Заготовленіе его лежитъ на обязанности женщинъ, которыя, не смотря ни на какую погоду, окутанныя въ свои закоптѣвшія отъ дыму чадры и легко одѣтыя, бродятъ «какъ тѣни по степи» и съ большимъ трудомъ собираютъ небольшія кучки бурьяну и изрѣдка кизяку.

«Во время продолжительныхъ *шурановъ* (жестокихъ степныхъ метелей), въ кибитку, гдѣ съ трудомъ помѣщается семейство ногайца, загоняются телята, бараны, козы для предохраненія ихъ отъ гибели. Крупный скотъ, лошади и верблюды, оставляются на произволъ судьбы. Нерѣдко гибнутъ цѣлыя стада и, изъ богатаго, ногаецъ на другой день дѣлается такимъ же *байгушемъ* (нищимъ), какъ и многіе его собраты.

Эта послѣдняя невзгода заставляетъ ногайца осенью, по возвращеніи съ заработковъ, устанавливать свою кибитку гдѣ-нибудь въ ложбинѣ, защищенной отъ вѣтровъ, и тамъ онъ, въ теченіе всей зимы, предается полнѣйшему бездѣйствію. Всѣ домашнія занятія, обязанности и заботы лежатъ на попеченіи женщины. Такой усиленный трудъ дѣлаетъ ихъ неопрятными и чрезвычайно апатичными ко всему. Онѣ доятъ коровъ, носятъ воду, заготовляютъ кизякъ и запасаются бурьяномъ на топливо, ткутъ сукно и полости, выдѣлываютъ овчины, кормятъ дѣтей, обшиваютъ и одѣваютъ мужей, разбираютъ и собираютъ кибитку при перекочевкахъ, готовятъ пищу и, случается, отправляются въ поле пасти скотъ. Самъ ногаецъ остается празднымъ зрителемъ утомительнаго труда своей жены и старается облегчить его только тѣмъ, что обзаводится нѣсколькими женами-работницами.

Каждый ногаецъ можетъ имѣть нѣсколькихъ женъ, и всѣ онѣ, по магометанскому закону, не только рабы своего мужа, но и старшаго члена въ семействѣ. Послѣдній пользуется особымъ уваженіемъ всѣхъ членовъ семьи; его слово—законъ для всѣхъ остальныхъ, ему принадлежитъ лучшій кусокъ пищи. Имущество нераздѣльно: каждый трудится на общую пользу своей семьи. Же-

натые сыновья живутъ вмѣстѣ съ отцомъ до тѣхъ поръ, пока онъ не отдѣлитъ ихъ, т. е. дастъ кибитку, нѣсколько штукъ рогатаго скота и барановъ.

Между женщинами въ семействѣ существуетъ также чинопочитаніе. Младшая слушаетъ старшую, и жена хозяина повелѣваетъ всѣми женщинами и даже младшими женами своего мужа, если у него ихъ нѣсколько.

Ссоры и драка рѣдко бываютъ въ семействѣ, но если и случаются, то онѣ кончаются обыкновенно бранью и пощечинами, и судъ главы семейства скоро рѣшаетъ споръ и уничтожаетъ ссору. Супружеская нравственность народа стоитъ на высокой степени: незаконно-рожденныхъ дѣтей почти нѣтъ между ногайцами, и въ особенности между кара-ногайцами (1).

II.

Религія ногайцевъ и ихъ суевѣріе. — Праздники. — Народныя увеселенія: борьба и танцы. — Свадьба, рожденіе и похороны. — Ногайскія пѣсни.

Утративъ свою племенную особенность и распавшись на нѣсколько отдѣльныхъ поколѣній, ногайцы не сохранили особенности въ нравахъ и обычаяхъ. Такъ, бештау-кумскіе и калаусо-джембойлуковскіе ногаи, у которыхъ большая часть родственниковъ живетъ за Кубанью, приняли много обычаевъ отъ черкесовъ и кабардинцевъ, будучи въ частыхъ сношеніяхъ съ ними. Заимствованіе чужихъ обычаевъ привело къ тому, что многіе обряды у этихъ ногайцевъ вышли смѣшанными, не похожими ни на ногайскіе, ни на черкесскія. Кара-ногайцы также не сохранили многихъ своихъ коренныхъ обычаевъ, а заимствовали ихъ отъ разныхъ окружающихъ ихъ сосѣдей.

Исповѣдуя магометанскую религію, ногайцы принадлежатъ къ двумъ различнымъ сектамъ: калаусо-джембойлуковцы, калаусо-саблинцы, бештау-кумцы, закубанскіе ногайцы и кара-ногайцы слѣдуютъ Омаровому ученію суннитскаго толка, а остальные принадлежатъ къ послѣдователямъ Алія, шіитскаго толка.

Религіозныя понятія обѣихъ сектъ состоятъ въ слѣпой вѣрѣ корану — ихъ единственной книгѣ, и къ толкователямъ корана—духовенству.

На прямой обязанности послѣдняго лежитъ забота слѣдить за тѣмъ, чтобы

(1) О караногайской степи и кочующихъ на ней племенахъ А. Руновскій Кавказъ 1863 года № 48 и 50. Три отрывка изъ сочиненія о ногайцахъ и туркменахъ А. П. Архипова Кавказъ 1855 г. № 29, 31. Этнографическій очеркъ ногайцевъ и туркменъ А. Архипова Кавказс. Календ. на 1859 г. О кавказской линіи Дебу изданіе 1829 г. Татарское племя на Кавказѣ. Кавказъ 1859 г. № 87, 90 и 91. Таукъ и куразъ. Агаеангела Архипова Кавказъ 1851 г. № 70. О климатѣ и почвѣ Ногай-Кара-Ногайскихъ степей Агаеангела Архипова Запис. кавказскаго общес. сельскаго хозяйства 1860 г. № 1 и 2.

народъ строго исполнялъ свои обряды, чтобы онъ не заблуждался въ своихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ и не пускался въ неумѣстные толки и разсужденія о религіи.

Хотя ногайское духовенство само находится на низкой степени развитія и даже малограмотно, тѣмъ не менѣе оно приняло на себя обязанность обучать юношество правиламъ благочестія, строгаго отправленія и знанія религіозныхъ обрядовъ. Впрочемъ многіе изъ ногайцевъ, сознавая несостоятельность своего духовенства въ этомъ отношеніи, отдаютъ своихъ дѣтей на воспитаніе къ за-теречнымъ татарамъ, гдѣ онѣ и обучаются татарской грамотѣ.

Сверхъ прямыхъ своихъ обязанностей, *кадіи*, *наибы*, *ахуны*, *эфендіи* и *муллы* успѣли захватить въ свои руки власть, какъ духовную, такъ и гражданскую. На обязанности ногайскаго духовенства лежитъ соединеніе новобрачныхъ, отправленіе обрядовъ погребенія, раздѣлъ и распредѣленіе наслѣдства, разборъ жалобъ, касающихся совѣсти или супружескихъ обязанностей, съ соблюденіемъ при этомъ всѣхъ правилъ шаріата. Духовенство же обрѣзываетъ новорожденныхъ, но впрочемъ не исключительно, потому что этимъ можетъ заниматься каждый ногай, знакомый съ этимъ дѣломъ, и даже женщины нерѣдко занимаются этого рода ремесломъ.

Словомъ сказать, ногайское духовенство вмѣшивается во всѣ дѣла, какія вообще, по его мнѣнію, относятся до религіи и охраненія народной нравственности. Пріобрѣтая этимъ самымъ значеніе и силу и желая сохранить ихъ за собою, духовенство не могло одобрить появлявшихся въ новѣйшее время проповѣдниковъ или шейховъ и, конечно, употребляло всѣ мѣры къ тому, чтобы устранить ихъ подъ разными предлогами, объявляя поученія ихъ вредными для народа.

Магометане-ногайцы, не отвергая четырехкнижія Моисея (тауратъ), псалтыря (зубуръ) и евангелія (инджиль), считаютъ, однако, коранъ совершеннѣйшею книгою откровенія и закона Божія. Основываясь на немъ, они вѣруютъ въ единаго Бога, но не признаютъ въ немъ трехъ лицъ божества и возстаютъ противъ идолопоклонства. Считая отъ Адама до Моисея, болѣе 120000 пророковъ бывшихъ на землѣ, мусульмане признаютъ Магомета послѣднимъ и высшимъ пророкомъ. Слѣпо вѣрятъ въ *такдиръ* (предопредѣленіе), въ существованіе духовъ добрыхъ и злыхъ и убѣждены, что послѣдніе подстрекаютъ человѣка къ грѣху; вѣруютъ въ воскресеніе мертвыхъ, страшный судъ, въ существованіе рая и ада.

Религіозные обряды и праздники закубанскихъ, да и вообще всѣхъ ногайцевъ, будучи совершенно сходны и одинаковы съ обрядами прочихъ магометанъ суннитскаго толка, весьма немногочисленны. Въ теченіе всего года они отправляютъ только два главнѣйшихъ религіозныхъ праздника: *Оразà-Байрамъ* или, какъ называетъ простой народъ, просто Байрамъ и *Курбанъ-Байрамъ*.

Первый празднуется преимущественно только одинъ день и установленъ въ честь воспоминанія о ниспосланіи корана, а послѣдній три дня, въ память

принесенной Авраамомъ жертвы, которою они почитаютъ не Исаака, а какого-то своего родоначальника Измаила.

Каждый ногаецъ, даже и самый бѣдный, запасается заранѣе къ празднику жертвеннымъ бараномъ, чурекомъ и чаемъ. Затѣмъ избираютъ внутри аула мѣсто для совершенія праздника, куда всѣ и собираются. По окончаніи поста, предшествующаго празднику, едва только на горизонтѣ покажется свѣтлый рогъ луны, какъ во всѣхъ закаулкахъ аула подымается шумъ и гамъ.

— Байрамъ! Байрамъ! кричатъ правовѣрные и, упавъ ницъ, совершаютъ радостную молитву Аллаху.

Котлы кипятъ въ этотъ день одинаково и у бѣднаго и у богатаго, только содержаніе въ котлахъ бываетъ не одно и тоже. Повсюду слышенъ радостный шумъ, музыка и пѣніе; народъ снуетъ изъ кибитки въ кибитку, изъ сакли въ саклю. Все одѣто по праздничному въ новомъ разноцвѣтномъ платьѣ. Муллы въ новыхъ чалмахъ, «всѣ въ новыхъ чекменяхъ, въ красныхъ сафьяныхъ сапогахъ, въ чистенькихъ свѣтленькихъ туфляхъ; зажиточные въ тонкомъ синемъ, черномъ, зеленомъ или красномъ суквѣ; бѣдные—въ черкескомъ; всѣ подпоясаны яркихъ цвѣтовъ шелковыми поясами, на которыхъ повѣшены коротенькіе ножи—единственное всегдашнее оружіе ногайца—оправленные у однихъ въ серебро, у другихъ въ золото.

«Дѣвушки, эти скромницы при постороннихъ, рѣзвыя на единѣ, одѣтыя въ шелковое платье и термаламовые бешметы или въ парчевыя фуфайки и глянцовитый атласъ, въ цвѣтные шальвары изъ канауса и въ эти ревнивыя чадры и съ опускающимися до самой земли косами, заплетенными въ жгуты съ бѣлою матеріею и лентами», бродятъ игривыми толпами, по мягкой муравѣ или въ тишинѣ кибитокъ, слушаютъ разсказы старухъ и занимательныхъ разсказчиковъ, оживленнихъ крѣпкимъ кымызомъ и неутомимымъ вниманіемъ своихъ слушательницъ...

Сотни барановъ и множество быковъ рѣжатся въ этотъ день богатыми на угощеніе многочисленныхъ гостей, и предоставляются ими десятки барановъ и быковъ въ распоряженіе бѣднаго народа, который кормится въ этотъ день на счетъ богатыхъ.

Здѣсь производятся народныя увеселенія: борьба, скачка, а иногда стрѣльба въ цѣль. Женщины и дѣвушки принимаютъ участіе и стекаются со всѣхъ сторонъ на праздникъ. Имъ предоставляется право присуждать побѣдителямъ и удальцамъ преміи и призы, добровольно жертвуемые въ подобныхъ случаяхъ. Призы эти состоятъ изъ шелковыхъ и бумажныхъ поясовъ, платковъ, шапокъ и красныхъ, сафьяныхъ, остроконечныхъ башмаковъ безъ подошвы, а богатые дарятъ барановъ, коровъ и даже лошадей.

Сытный обѣдъ, веселый видъ отъ горячительныхъ напитковъ, пѣсни, музыка, борьба и скачка—вотъ отличительныя черты этого дня.

У кара-ногайцевъ празднику Ораза-Байрамъ предшествуетъ точно также трид-

цати-дневный постъ, кончающійся въ послѣднихъ числахъ марта мѣсяца. Во время поста кара-ногайцы, какъ и всѣ мусульмане, въ теченіе дня, отъ восхода до заката солнца ничего не ѣдятъ, но за то ночью вознаграждаютъ свои желудки съ избыткомъ. За постомъ слѣдуетъ праздникъ, продолжающійся три дня и отличающійся отъ обыкновенныхъ дней тѣмъ, что каждый кара-ногаецъ, какъ бы бѣденъ онъ ни былъ, рѣжетъ для семьи барана, которымъ отъѣдается за цѣлый годъ, приготовляя изъ него *маханъ* (вареная баранина) и *бишбармакъ* (таже баранина съ сорочинскимъ пшеномъ). Въ праздникъ люди пожилые стараются не вставать лишній разъ, чтобы не нарушить кейфа, а молодые занимаются скачками, пѣніемъ и танцами.

Танцы ногайцевъ вялы и состоятъ въ топтаніи на одномъ мѣстѣ. Нѣтъ ни граціи, ни бросающейся въ глаза художественной позы: танцующіе выдѣлываютъ, какъ-бы по командѣ, разныя движенія руками и ногами, движенія, впрочемъ, далеко не граціозныя.

Очень часто, одновременно съ танцами, гдѣ-нибудь въ сторонѣ, происходитъ борьба. Зрители садятся въ кружокъ, а на средину его выходятъ двое состязателей, сбросившіе съ себя лишнюю одежду и даже обувь, чтобы тверже опираться о землю. Взявшись за ремни, которыми каждый изъ борящихся крѣпко опоясанъ, они стараются повалить другъ друга. При равной силѣ это состязаніе продолжается довольно долго, пока одинъ не повалитъ другаго, при одобрительныхъ крикахъ зрителей. Сѣвъ по срединѣ кружка, побѣдитель вызываетъ новыхъ желающихъ на состязаніе съ собою, и если ему удается побороть двухъ или трехъ, то получаетъ призъ. Въ случаѣ сомнѣнія, кто остался побѣдителемъ, является споръ, разрѣшаемый общимъ совѣтомъ. Каждый аулъ старается отстоять своего представителя, оттого и пренія совѣта бываютъ часто продолжительны.

Женщины, и преимущественно молодыя дѣвушки, принимаютъ также участіе въ увеселеніяхъ этого рода. Закутанныя въ свои бѣлыя чадры и одѣтыя въ лучшія платья, садятся онѣ на арбы и отправляются въ поле смотрѣть на джигитовку молодыхъ парней.

Ровно черезъ два мѣсяца, ногайцы празднуютъ въ теченіе трехъ дней *Курбанъ-Байрамъ*.

Утромъ, послѣ извѣтной молитвы, каждое семейство непремѣнно рѣжетъ барана въ видѣ жертвы, варитъ мясо и съѣдаетъ его, считая при этомъ своею обязанностью пригласить къ себѣ каждаго пріѣзжаго и угостить его приготовленнымъ кушаньемъ.

Кромѣ этихъ двухъ праздниковъ, всѣ ногайцы празднуютъ *джюма* (пятница), или еженедѣльный отдыхъ. Впрочемъ въ этотъ день не работаютъ только строгіе блюстители обрядовъ и установленій религіи.

Изъ гражданскихъ праздниковъ можно упомянуть только о встрѣчѣ новаго года, который ногайцы празднуютъ 10-го сентября по нашему стилю. День

этотъ встрѣчается гульбою, играми, состоящими преимущественно въ скачкахъ и джигитовкѣ, при которой джигиты стараются показать свое удальство, такъ много цѣнимое ногайцами. Нѣкоторые ногайцы, не слѣдующіе строго ученію Магомета, встрѣчаютъ новый годъ съ наступленіемъ весны, а другіе, какъ напримѣръ тѣ, которые живутъ не далеко отъ Пятигорска и Кабарды, считаютъ своею обязанностію, подобно кабардинцамъ, передъ наступленіемъ новаго года сходить къ урочищу Татаръ-тупа, поклониться духу горъ.

Однообразіе въ религіи съ прочими кавказскими племенами дѣлаетъ ногайцевъ сходными съ ними по суевѣрію и предразсудкамъ, такъ что въ этомъ отношеніи ногайцы не имѣютъ много характеристическихъ особенностей. Мы укажемъ только на нѣкоторыя. Такъ, вечеромъ или въ ночное время, въ ногайскихъ аулахъ можно слышать часто повторяющіеся выстрѣлы. Туземцы дѣлаютъ это съ тѣмъ полнымъ убѣжденіемъ, что запахъ пороха вѣрнѣйшее средство, которое предохранитъ ихъ стада овецъ отъ посѣщеній волка. Каждый ногаецъ благоговѣетъ передъ орломъ (по ногайски кара-гузъ), считая его страшною для себя птицею.

— Кара-гуза, говоритъ ногаецъ, не всякій мусульманинъ рѣшится убить— сказываютъ грѣхъ. Однажды батырь Искендеръ убилъ нечаянно кара-гуза— Аллахъ тотчасъ же наказалъ его: другой кара-гузъ унесъ у него ребенка.

Кара-ногайцы вѣрятъ въ существованіе огромнаго водянаго змѣя, который, если выпрямится, головою касается тучъ, а хвостомъ остается въ водѣ. Подымаясь, онъ страшно шумитъ, трещитъ и, при паденіи, разсыпаетъ безчисленныя искры. Родится этотъ змѣй отъ лани, живетъ въ рѣкѣ или морѣ и существуетъ до тѣхъ поръ, пока лань не произведетъ на свѣтъ другое такое же чудовище, что случается обыкновенно черезъ сто лѣтъ. Если кто-нибудь осмѣлится близко подойти къ жилищу змѣя, того онъ хватаетъ и уноситъ съ собою въ пучину, и тогда никто не въ состояніи оказать несчастному помощи.

Народъ вѣритъ въ существованіе добрыхъ и злыхъ невидимыхъ духовъ; первые защищаютъ ногайцевъ, а вторые занимаются порчею, какъ человѣчества, такъ и скота. Однакоже порча человѣка и скотины отъ вліянія дурнаго глаза несравненно хуже порчи отъ злаго духа. Для защиты отъ подобныхъ и другихъ несчастій, ногайцы носятъ, зашитыми на спинѣ въ разноцвѣтный четырехугольный лоскутъ ситцу, разныя заклинательныя молитвы изъ корана. Во время болѣзни лекарствъ не принимаютъ, а употребляютъ, иногда, внутренности зарѣзанаго барана и оборачиваютъ больное мѣсто теплою его шкурою; чаще-же въ подобныхъ случаяхъ читаютъ молитвы.

Барапья овчина, только что снятая, еще теплая, употребляется преимущественно противъ болѣзней простуднаго свойства. Ногайскіе *имщеляры*, или лекаря, объясняютъ цѣлебное дѣйствіе овчины тѣмъ, что она возбуждаетъ

испарину и приводитъ въ правильное состояніе испорченную поляризацію крови. Изъ другихъ способовъ леченія, у ногайцевъ въ большомъ ходу кровопусканіе—изъ рукъ, ногъ, лба и даже изъ нижней стороны языка.

Кара-ногайцы больше всего боятся марта мѣсяца. Климатическія условія мѣстности, на которой обитаютъ они, таковы, что часто въ февралѣ бываетъ оттепель, появляется трава, и едва жители, пользуясь этимъ, выпустятъ свои стада на подножный кормъ, какъ въ мартѣ мѣсяцѣ наступаютъ нерѣдко такіе холода, что скотъ гибнетъ, а сами жители не могутъ показаться изъ кибитки. Оттого въ устахъ народа сложилась поговорка: *прошелъ мартъ—прошло и горе.*

У кара-ногайцевъ, относительно марта, существуетъ особая легенда. Туземцы говорятъ, что прежде мартъ имѣлъ только тридцать дней, а одинъ день еще прибавился къ марту по особому случаю.

У одного изъ жителей погибло въ теченіе марта много скота. Когда насталъ послѣдній мартовскій день, бѣдный ногаецъ всталъ рано поутру, вышелъ изъ кибитки и съ сердцемъ сказалъ марту:

— Теперь, братъ, я тебя не боюсь, убирайся къ чорту, вотъ тебѣ кукишъ: завтра настанетъ апрѣль, будетъ хорошая погода и скотина моя поправится.

Оскорбленный мартъ «сталъ просить у апрѣля уступить ему одинъ изъ своихъ дней; тотъ согласился, и на другой день случился такой морозъ и мятель, что у ногайца пропалъ остальной скотъ и онъ на всегда остался *байгушемъ* (бѣднякомъ)».

— Счастливы вы, сказалъ тогда мартъ ногайцамъ, что Богъ поставилъ меня въ концѣ зимы. Если бы мое мѣсто было среди зимы, тогда бы я показалъ вамъ себя. Я бы уничтожилъ васъ со всѣмъ имуществомъ и разсѣялъ прахъ по всей землѣ.

Съ этого времени, мартъ остался на всегда въ тридцать одинъ день.

Всѣ вообще ногайцы имѣютъ множество предразсудковъ и вѣрятъ въ безчисленныя примѣты. Перебѣжавшій, напримѣръ, поперегъ дороги заяцъ означаетъ несчастіе; всякій же другой звѣрь или змѣя—счастіе. Если лошадь, на которой собираются ѣхать, зѣваетъ, то это означаетъ успѣхъ и удачу въ предпріятіи, а если она ржетъ— значитъ дурно и не будетъ удачи. Вой собаки предвѣщаетъ заразительную болѣзнь или несчастіе; несвоевременное пѣніе пѣтуха—несчастіе для семейства, въ отвращеніе котораго необходимо зарѣзать пѣтуха какъ можно скорѣе. Крикъ пѣтуха ровно въ полночь или на зарѣ принимается какъ небесный голосъ ангела, будящаго хозяина на молитву; увидѣть до обѣда волка, а послѣ обѣда лисицу—хорошій знакъ, а обратно—дурной. Два раза выносить огонь изъ кибитки дурная примѣта.

Каждый тринадцатый годъ считается несчастнымъ; въ прежнее время ни одинъ ногаецъ не ходилъ въ сраженіе раньше четырнадцатилѣтняго возраста. Двадцать-шестой и тридцать-девятый года жизни человѣка также несчастны

для него. Съ наступленіемъ этихъ двухъ лѣтъ, многіе изъ ногайцевъ не носятъ оружія, изъ боязни, что оно можетъ обратиться на погибель носящаго и причинить ему смерть. Ногайцы разсказываютъ, что завѣтъ не носить въ эти года оружія переданъ имъ однимъ пророкомъ, и, говорятъ, что никто не возвращался изъ отправлявшихся на войну въ эти несчастные годы возраста. Въ прежнее время, съ наступленіемъ роковыхъ лѣтъ, каждый ногаецъ болѣе постился, ему запрещено было вступать въ бракъ и носить на себѣ тяжесть въ одинъ фунтъ. По прошествіи этихъ годовъ, если съ ногайцемъ не случилось несчастія, то онъ дѣлалъ для друзей и родственниковъ большой пиръ, на которомъ съ радости напивался самъ до нельзя.

Если случается, что въ день свадьбы ногайца бываетъ пасмурная погода, то это предвѣщаетъ несчастіе новобрачнымъ, а ясная и тихая погода—миръ и тишину.

Свадьбѣ обыкновенно предшествуетъ сватовство, которое ногайцы заводятъ между собою еще тогда, когда жениху и невѣстѣ бываетъ не болѣе семи лѣтъ отъ роду, а иногда и ранѣе этого срока. Отецъ мальчика отдаетъ по уговору калымъ—плата за невѣсту—отцу дѣвочки или тотчасъ, или въ извѣстный срокъ, мулла читаетъ молитву и дѣти считаются обрученными. Подобныя преждевременныя условія ведутъ къ большимъ неудобствамъ. Браки совершаются большею частію между семействами одинаковаго состоянія. Два семейства, заключившія преждевременно условія о бракосочетаніи ихъ дѣтей, перессорятся въ послѣдствіи; часто одно изъ нихъ обѣднѣетъ, свадьба растроивается, а между тѣмъ полученный калымъ растраченъ—и тяжба начинается. Примѣры, чтобы богатое семейство породнилось съ бѣднымъ очень рѣдки: развѣ невѣста красавица или между женихомъ и невѣстой возникнутъ такія узы, которыя препятствуютъ ихъ разъединенію.

Похищеніе невѣстъ изъ дома родителей считается большимъ удальствомъ, и часто смѣльчакъ дорого расплачивается за свой отважный поступокъ.

Если калымъ въ срокъ не уплаченъ, то отецъ невѣсты въ правѣ отказать жениху и заключить условіе съ другимъ ногайцемъ. Обрученные часто ростутъ не зная другъ друга; женихъ можетъ посѣщать свою невѣсту, но оставаться съ нею на единѣ или вступить въ связь — не допускается ни въ какомъ случаѣ.

Самая свадьба не сопровождается нынѣ никакими характеристичными особенностями. Передъ свадьбою отецъ жениха прежде всего приглашаетъ нѣсколькихъ довѣренныхъ лицъ со стороны невѣсты и, въ сопровожденіи духовнаго лица, отправляется къ ея родителямъ. По прочтеніи краткой молитвы, дѣвушку сажаютъ въ нарочно приготовленную для нея брачную арбу, раскрашенную иногда въ разные цвѣта и называемую *куйме*; въ эту же арбу укладывается и все имущество невѣсты, если его немного, а въ противномъ случаѣ снаряжаютъ нѣсколько арбъ.

Если невѣста дѣвушка, то надъ брачною арбою устанавливаютъ брачную кибитку *отау*, а если выходящая за-мужъ вдова, то ее отправляютъ въ домъ жениха въ открытой арбѣ. Передъ отправленіемъ поѣзда, на прощанье, провизжитъ передъ невѣстою *домра*—двухструнная балалайка, туземный пѣвецъ пропоетъ пѣсню и охотники поплясать покажутъ свое искуство. За тѣмъ арба сопровождается не только родственниками и знакомыми, но и огромною толпою народа, которому дѣлаются разные подарки, смотря по состоянію новобрачныхъ. Отъ степени достаточности брачущихся зависитъ многочисленность ихъ свиты.

Джигитовка и скачка на перегонки другъ съ другомъ составляютъ исключительное разнообразіе брачнаго поѣзда.

Если женихъ и невѣста не богаты, то первый посѣщаетъ свою невѣсту въ ея домѣ, до тѣхъ поръ пока не выплатитъ калымъ, и потомъ уже перевозитъ къ себѣ свою суженую.

Для угощенія гостей собравшихся на свадьбу закалываютъ коровъ и барановъ, а богатые и лошадей, что бываетъ, впрочемъ, очень рѣдко, потому что мясо лошади считается большимъ лакомствомъ и эту роскошь могутъ допустить себѣ только щедрые *баи* (богачи). Гостей угощаютъ калмыцкимъ чаемъ, или кымызомъ, а также бузою, приготовленною изъ муки. Борьба силачей, скачка, стрѣльба изъ ружей и пистолетовъ, музыка, пѣніе и, наконецъ, монотонная восточная пляска, часто сопровождаютъ свадьбы. Ногайскія пѣсни преимущественно заключаютъ въ себѣ сравненіе, уподобленіе и нравоученіе. Историческихъ пѣсенъ очень мало. Напѣвъ всѣхъ пѣсенъ монотоненъ, грустенъ, какъ грустна ихъ жизнь и окружная природа.

Единственными ногайскими музыкальными инструментами служатъ: *домра*, нѣчто въ родѣ балалайки, и *кобузъ*, инструментъ похожій на скрипку съ двумя струнами изъ волоса. Подъ звуки этихъ музыкальныхъ инструментовъ ногаецъ поётъ заунывнымъ голосомъ, «понижая его съ окончаніемъ послѣдняго слова каждаго куплета и растягивая при этомъ ноту до возможной степени. А между тѣмъ онъ въ это время сильно ударяетъ по струнамъ, какъ бы желая затушить накипѣвшую въ груди горечь. За небольшимъ речетативомъ продолжается въ томъ же видѣ слѣдующій куплетъ пѣсни (¹)».

Въ свадебныхъ увеселеніяхъ ногайцевъ нѣтъ удали, проворства, а напротивъ того: въ нихъ лежитъ что-то тихое и спокойное, какъ и сама степь гдѣ они кочуютъ.

Въ прежнее время въ честь новобрачной завязывался примѣрный бой на двѣ стороны. Съ обнаженными саблями ногайцы бросались другъ на друга и

(¹) Желающіе ближе познакомиться съ пѣснями ногайцевъ могутъ найти ихъ въ газетѣ Кавказъ 1863 г. № 50 и 51.

старалась нанести легкія раны, изъ которыхъ бы вытекло нѣсколько капель крови: это служило предзнаменованіемъ, что сыновья молодой со временемъ будутъ знаменитые воины.

Съ выходомъ въ замужество дѣвушка покрывается *тастаромъ* (бѣлое покрывало) и цѣлый годъ остается въ кибиткѣ *отауй*. Никто изъ посторонних мужчинъ не можетъ ея видѣть; даже и во все время пребыванія своего въ саклѣ, она находится подъ покрываломъ. Только мужъ, ея подруги и нѣкоторые родные могутъ ее видѣть.

Ногаецъ только въ случаѣ крайней необходимости станетъ говорить съ своею женою при постороннихъ, а новобрачный какъ будто боится и совѣстится взглянуть днемъ на *отауй* или пройти мимо его, до истеченія урочнаго времени затворнической жизни молодой, которая снимаетъ съ себя покрывало по истеченіи года или, тогда, когда подаритъ молодаго мужа ребенкомъ.

Съ рожденіемъ ребенка родственники и друзья отца новорожденнаго становились, въ прежнее время, у воротъ отцовскаго дома и производили ужасный шумъ и бряцанье молотками въ пустые котлы, чтобы тѣмъ, какъ говорятъ ногайцы, устрашить и прогнать отъ дитяти дьявола. Теперь этотъ обычай почти вышелъ изъ употребленія. Новорожденному дается имя отцемъ или кѣмъ либо изъ постороннихъ уважаемыхъ лицъ. По магометанскому закону, младенецъ мужескаго пола можетъ оставаться необрѣзаннымъ до 2-хъ и даже до 8-ми лѣтъ, смотря по желанію родителей. Для производства такой операціи приглашается или духовное лицо, или искусникъ въ этомъ дѣлѣ.

Когда ногаецъ умираетъ, то родственники съ послѣднимъ его вздохомъ тотчасъ извѣщаютъ своихъ близкихъ друзей и знакомыхъ о постигшемъ ихъ несчастіи. Отовсюду собирается огромная толпа, особенно если умершій, передъ своею кончиною, завѣщалъ хорошій капиталъ для своихъ похоронъ и поминокъ, бывающихъ по окончаніи года.

Не доѣзжая нѣсколькихъ шаговъ до кибитки или сакли покойника, посѣтители сходятъ съ своихъ лошадей и, своимъ раздирательнымъ стономъ, крикомъ и отчаяннымъ сѣтованіемъ, даютъ знать о своемъ прибытіи для того, чтобы раздѣлить общую горесть съ осиротѣвшимъ семействомъ. Прочтя за тѣмъ обычные стихи изъ корана, посѣтитель входитъ въ домъ умершаго, гдѣ раздается постоянный плачъ и рыданіе. За тѣмъ, по окончаніи оплакиванія, покойника относятъ на кладбище и опускаютъ въ могилу, надъ которою ногайцы ставятъ камень, вышиною въ аршинъ или немного болѣе, но никакихъ похоронныхъ обрядовъ не совершаютъ.

Часто мужчины — родственники покойнаго, въ знакъ своей скорби и печали, надѣваютъ на голову траурную шапку особаго покроя. Она имѣетъ нагольную верхушку, только бока ея, возлѣ курпея, обшиваются или гладкою серпянкой, или чѣмъ либо подобнымъ, въ видѣ фестоновъ. Эта шапка сни-

мается по истеченіи года со дня погребенія того, въ честь кого была надѣта. Нѣкоторые ногайцы носятъ, впрочемъ, шапку эту, какъ принадлежность вседневнаго костюма.

По истеченіи года со дня смерти множество народа собирается на поминки. Послѣ молитвеннаго обряда, въ присутствіи духовной особы, и послѣ плача, какъ выраженія скорби и печали, «наполняютъ желудки мясомъ, бараниной, жареными или, точнѣе, свареными въ маслѣ чуреками, т. е. величиною въ обыкновенную тарелку, тонкими листами изъ прѣснаго тѣста, чаемъ, кымызомъ, бузою, айракомъ и проч. и расходятся, размышляя о тщетѣ земной суеты, а подъ-часъ и злословя другъ друга или того, кто сытно и вкусно угостилъ ихъ черезъ годъ послѣ своей смерти».

У кара-ногайцевъ послѣ смерти покойника обвиваютъ и зашиваютъ все тѣло его, кромѣ головы, въ кусокъ коленкору или бязи. Едва только вѣсть о смерти кого-нибудь разнесется по аулу, какъ всѣ аульныя кошки привязываются и держатся въ такомъ заключеніи до самаго погребенія покойника, изъ опасенія, чтобы которая нибудь изъ нихъ не перескочила черезъ его тѣло. Ногайцы вѣрятъ, что если кошка перепрыгнетъ черезъ тѣло, то умершій будетъ по ночамъ посѣщать свое семейство. По этому каждый, изъ опасенія встрѣтить покойнаго гуляющимъ какъ наяву, и привязываетъ свою кошку.

Мулла, наибъ или даже кадій, смотря по состоянію и достоинству умершаго, читаютъ молитвы, послѣ которыхъ покойника кладутъ на арбу и, въ сопровожденіи родственниковъ—мужчинъ ѣдущихъ верхомъ, а женщинъ въ арбахъ или идущихъ пѣшкомъ—везутъ на кладбище, устроенное непремѣнно на курганѣ, для того чтобы сократить путь правовѣрному въ рай, обѣщанный ему кораномъ.

Во время печальной процессіи никто не плачетъ, а всѣ вспоминаютъ только однѣ похвальныя качества умершаго. По прочтеніи духовными лицемъ особой молитвы, покойника опускаютъ въ могилу и кладутъ въ небольшое углубленіе, сдѣланное въ могилѣ съ южной стороны. По возвращеніи присутствующихъ въ домъ умершаго открывается женскій плачъ необходимый для того, чтобы оплакать и проводить душу умершаго. Плачъ этотъ продолжается не болѣе получаса, т. е. столько времени, сколько необходимо по понятію кара-ногайца для того, чтобы душа достигла до мѣста своего назначенія.

Пока женщины плачутъ, мужчины, сѣвши въ кружокъ, уничтожаютъ въ значительномъ количествѣ *махана* (вареная баранина), запивая его *шорбомъ* (отваръ изъ бараньяго мяса, нѣчто въ родѣ бульона) и *аракомъ* (родъ водки, дѣлаемой изъ проса или пшена). За ѣдою до отвала слѣдуютъ еще нѣсколько воздыханій о покойномъ и затѣмъ всѣ расходятся.

Убитый на войнѣ или кѣмъ либо изъ злодѣевъ считается праведникомъ

и его, не обмывая, зашиваютъ окровавленнаго въ мѣшокъ и опускаютъ въ могилу. Душа такого счастливца попадаетъ въ рай съ послѣднимъ его вздохомъ. Надъ могилой такого покойника ставится флагъ для указанія каждому правовѣрному, что здѣсь покоится праведный.

По окончаніи шести недѣль со дня смерти дѣлаются поминки, открываемыя молитвою, которую читаетъ мулла, а затѣмъ слѣдуетъ плачъ женщинъ и обычное угощеніе. Вещи и другія мелочи принадлежавшія покойному раздаются въ этотъ день нищимъ и, начиная съ этого дня, вдова можетъ снова выйти за мужъ, а родственники снятъ трауръ, состоящій обыкновенно изъ чернаго платка у женщинъ и черной шапки у мужчинъ (1).

---

(1) Три отрывка изъ сочиненія о ногайцахъ и туркменахъ А. П. Архипова Кавказъ 1855 г. № 30 и 31. Этнографическій очеркъ ногайцевъ и туркменъ А. Архипова Кавк. Календ. на 1859 г. Подстрѣленый орелъ Агаѳангела Архипова Кавказъ 1851 г. № 27. О кара-ногайской степи Кавказъ 1863 г. № 51. Райма ногайская быль А. Архиповъ Кавказъ 1850 г. № 78 и 79. Путешествіе Феррара Русскій Вѣстникъ 1842 г. т. 6.

ОСЕТИНЫ (ИРОНЫ).

I.

Мѣсто занимаемое осетинами и раздѣленіе ихъ на общества. — Характеристика осетина и его экономическій быть.

Проѣзжая по военно-грузинской дорогѣ, отъ Змѣйской почтовой станціи, по направленію къ Владикавказу, встрѣчается на пути ущелье, образуемое Карадагскимъ (Псехешъ) (¹) хребтомъ и Кабардинскими горами. По выходѣ изъ этого ущелья, открывается обширная равнина, окаймленная справа и спереди безконечною цѣпью живописныхъ горъ, покрытыхъ лѣсомъ. Далѣе за этими горами, извѣстными подъ именемъ *Черныхъ*, подымаются снѣговыя вершины Кавказа, а впереди выше всѣхъ глядитъ величественный Казбекъ, покрытый вѣчнымъ снѣгомъ. Часть этой равнины, сѣверный и южный склоны Главнаго хребта Кавказскихъ горъ, начиная отъ горы Пасисъ-мта, дающей начало р. Ріону и до горы Казбека, занято осетинскимъ племенемъ, численность котораго составляетъ немного болѣе 65 тысячъ душъ населенія.

Такимъ образомъ, осетины составляютъ одно изъ самыхъ многочисленныхъ племенъ Кавказа. Часть изъ нихъ занимаетъ Владикавказскую плодородную плоскость, но большая часть живетъ въ высокихъ мѣстахъ, начиная, на сѣверной покатости, отъ истоковъ рѣкъ Ардона, Фіагъ-дона, Гизель-дона и Терека, а на южной отъ истоковъ большой и малой Ліахвъ и Ксани.

Осетинское племя граничитъ съ сѣвера Малою Кабардою и съ казенными землями бывшей дачи Бековичей-Черкаскихъ; съ востока—Назрановскимъ обществомъ чеченскаго племени и р. Терекомъ; съ юга съ уѣздами Душетскимъ

(¹) См. стр. 11.

Тифлисской губерніи и Рачинскимъ Кутаисской губерніи, и съ запада горскими обществами Кабарды и Большою Кабардою.

Сама природа раздѣлила, какъ видно, осетинъ на двѣ части: *сѣверныхъ* съ населеніемъ 46,802 души, и *южныхъ* съ населеніемъ въ 19,324 души. Первыя принадлежатъ Владикавказскому округу, а вторыя входятъ въ составъ Закавказскихъ провинцій. По рельефу мѣстности, Осетія дѣлится на горную и плоскостную. Изъ числа рѣкъ, орошающихъ послѣднюю часть этого пространства первое мѣсто занимаетъ Терекъ, а потомъ его притоки: Ардонъ, Гизель-донъ (1), Фіагъ-донъ, Урухъ и другіе. Всѣ эти рѣчки, кромѣ Терека, въ обыкновенное время похожи на едва струящіеся ручьи, но, во время таянія снѣговъ или дождей въ горахъ, она прибываютъ въ нѣсколько часовъ, и тогда не только невозможна черезъ нихъ переправа, но напоръ воды такъ силенъ, что срываетъ мосты, ворочаетъ каменныя глыбы и вырываетъ съ корнемъ огромныя деревья. Такъ, р. Ардонъ, или Ара-донъ, на осетинскомъ языкѣ значитъ: *бѣшеная рѣка*.

Озеръ нѣтъ на этой равнинѣ, но вдоль подошвы Черныхъ горъ находится много гнилыхъ болотъ, порождающихъ злокачественныя лихорадки. Въ Осетіи до послѣдняго времени не было никакихъ дорогъ, а тѣмъ болѣе колесныхъ. Каждый самъ прокладываетъ себѣ дорогу и перевозятъ тяжести на вьюкахъ тамъ, гдѣ нельзя ихъ перевезти на арбѣ.

Осетины сами себя называютъ *Иронами*, то есть происшедшими отъ Ира; но кто такой былъ Иръ—народъ не можетъ объяснить этого. Въ прежнее время, по словамъ народа, къ осетинамъ переселялось много разнаго рода людей: грузинъ и горцевъ, бѣжавшихъ отъ преслѣдованія персіянъ на сѣверную покатость горъ.

Сѣверная часть Кавказскаго хребта, гдѣ поселились осетины, изрѣзана многими ущельями, носящими разныя наименованія, которыми обозначаются и жители каждаго изъ этихъ ущелій. Отъ этого-то и произошло раздѣленіе осетинъ на нѣсколько отдѣльныхъ небольшихъ обществъ (2), имѣющихъ одинъ общій языкъ, но нѣкоторые оттѣнки въ характерѣ и нравахъ. Всѣ мелкія общества могутъ быть однакоже приведены къ четыремъ главнѣйшимъ составляющимъ какъ бы отдѣльное цѣлое или нѣчто характеристичное.

Начиная отъ Змѣйской станціи, ущелья р. Уруха и его многочисленныхъ притоковъ населены *Дигорскимъ* обществомъ, которое раздѣляется на собственно Дигоръ и на Устъ-Дигоръ (или дальнюю Дигорію). Дигорія составляетъ первое ущелье въ Владикавказскомъ округѣ и, прилегая къ Кабардѣ, служитъ границею Осетіи съ Балкарскою областью, или южною частію Кабардинской земли, простирающейся до самаго хребта Кавказскихъ горъ. Горы, образу-

---

(1) Слово донъ на осетинскомъ языкѣ означаетъ воду.

(2) Дигорское, нарское, мамисонское, закинское, зрукское, донифарское, лезгорское, алагирское, куртатинское, тагаурское и проч.

ющія это ущелье, идутъ на югъ въ извилистомъ направленіи и чрезвычайно разнообразны по виду и растительности. Потоки на каждомъ шагу бороздятъ скаты и катятся съ нихъ водопадомъ; каменные и снѣговые завалы тутъ не рѣдкость и бываютъ одинаково и лѣтомъ и зимою. Глухой шумъ въ горахъ обыкновенный предвѣстникъ ихъ паденія.

На югъ, вверхъ по теченію Терека, по ущельямъ Ардона и его притоковъ, обитаетъ *Алагирское* или *Валаджирское* общество. Оно ограничено съ юга Снѣговымъ хребтомъ, заключеннымъ между горами Стыръ и Сонгути-хогъ; съ запада прямою чертою, проходящею между горами Сонгути и Хуруха-хогъ на хребетъ Черныхъ горъ, черезъ рр. Курупшу и Урустану, а съ востока оно прилегаетъ къ Куртатинскому обществу. Послѣднее находится въ горахъ по ущельямъ рѣкъ Суа-дона и Фіагъ-дона съ его притоками. *Куртатинское* общество ограничено: съ юга Снѣговымъ хребтомъ, съ запада прямою чертою, проходящею между горами Стыръ-хогъ и Устюгъ и р. Ардономъ, съ сѣвера р. Терекомъ, а съ востока *Тагаурскимъ* обществомъ, получившимъ свое названіе отъ Тагаурскаго ущелья, образуемаго сліяніемъ рѣкъ Пога и Кизила. *Тагаурцы* поселились по лѣвому берегу р. Терека, въ паралельныхъ ущельяхъ рѣкъ Саниба и Гизель-дона и ихъ притоковъ, до Ларской почтовой станціи. Общество это граничитъ съ юга Снѣговымъ хребтомъ, начиная отъ р. Терека до горы Резъ (Хилакъ); съ запада прямою чертою, проходящею между горами Резъ и Табау и р. Майрама-Адеге (Майремадагомъ) и Гизель-дономъ; съ сѣвера Кабардинскимъ хребтомъ, съ востока старою военно-грузинскою дорогою, до Елисаветинскаго укрѣпленія, рѣкою Камбилеевкою до Владикавказа и р. Терекомъ.

До появленія русскихъ на Кавказѣ, осетины владѣли только ущельями горъ; вся же долина р. Терека до Редантскаго поста, близь устья Ларскаго ущелья, находилась во владѣніи кабардинцевъ, которые спускали осетинъ съ горъ только за плату. Заключенные въ своихъ ущельяхъ, выходы изъ которыхъ были заперты, осетины были отрѣзаны отъ всего міра и одичали. Въ народной памяти еще живы воспоминанія, когда осетины не смѣли показываться на равнинѣ, страшась кабардинцевъ, не только не пускавшихъ ихъ на плоскость, но врывавшихся даже и въ ихъ горныя владѣнія. Въ обезпеченіе отъ такихъ вторженій, осетины строили башни въ устьяхъ своихъ ущелій и, въ свою очередь, не пропускали безъ платы кабардинцевъ въ горы. Отступленіе отъ этихъ условій вело къ кровавой рѣзнѣ, возникавшей между двумя народами. Русскіе отдвинули отъ горъ кабардинцевъ, и нѣкоторые изъ осетинъ, по предложенію нашего правительства, спустились съ горъ и заняли часть такъ называемой Кабардинской плоскости, по обоимъ открытымъ берегамъ р. Терека. Часть эта весьма незначительна, и за тѣмъ почти все народонаселеніе Осетіи, начиная съ Дигоріи, обитаетъ въ горахъ.

Вся Осетія состоитъ изъ ущелій, образуемыхъ высокими отрогами Главнаго Кавказскаго хребта. Небольшія горныя равнины или, лучше сказать, плоскія

возвышенности встрѣчаются въ горной Осетіи только изрѣдка и самая большая изъ нихъ не превышаетъ 50 десятинъ. Почва земли повсюду глинистая, на возвышеніяхъ желтаго, а при подошвахъ горъ коричневаго цвѣта; пахатное мѣсто нѣсколько разъ унавоженное, принимаетъ черный цвѣтъ. Слой земли, прикрывающій каменистые кряжи горъ, не превышаетъ 6-ти вершковъ. На передовыхъ хребтахъ Кавказа, наносный грунтъ земли часто усѣянъ булыжникомъ. Въ мѣстахъ безлѣсныхъ, ближе къ Главному хребту, и преимущественно по сѣверную его сторону, по ручьямъ, образующимъ р. Ардонъ, земли тверже и плодороднѣе. На югѣ же, напримѣръ въ мѣстахъ пограничныхъ съ Карталиніею и покрытыхъ лѣсомъ, земли мягче, но менѣе плодородны. Холодный климатъ у Главнаго хребта и значительная возвышенность земель этой части Осетіи не дозволяютъ дѣлать никакихъ посѣвовъ: тамъ трава растетъ только съ мая по сентябрь.

Съ пониженіемъ мѣстности и съ удаленіемъ ущелій отъ снѣговыхъ вершинъ, суровость климата постепенно смягчается. Кромѣ того, климатическія условія въ такихъ мѣстахъ зависятъ отъ направленія ущелій, и оттого, до какой степени, напримѣръ, онѣ закрыты отъ сѣверныхъ и доступны для южныхъ вѣтровъ и прочее.

Не смотря на свою суровость во многихъ мѣстахъ, климатъ Осетіи, кромѣ мѣстъ изобилующихъ болотами, здоровъ и имѣетъ хорошее вліяніе на человѣческій организмъ, отражающееся на долголѣтіи и крѣпости туземца. Столѣтній возрастъ считается въ Осетіи почти обыкновеннымъ. Горный воздухъ благотворно дѣйствуетъ на здоровье жителей.

По естественному своему положенію, Осетія пользуется двоякимъ климатомъ: въ верховьяхъ ущелій, подходящихъ ближе къ Главному хребту, климатъ суровѣе, чѣмъ въ мѣстахъ прилегающихъ къ Грузіи и Кабардѣ. Лѣто въ этой части Осетіи весьма кратко и температура его едва достаточна для созрѣванія ячменя. Въ самыхъ близкихъ къ снѣговымъ вершинамъ ущельяхъ, зима начинается съ половины октября и продолжается до мая. Въ это время большіе снѣга и вьюги затрудняютъ сообщеніе, во многихъ мѣстахъ доступное только пѣшему, одинокому путешественнику, да и то въ ясную погоду.

Такъ, Дигорія закрыта со всѣхъ сторонъ горами и находится вдали отъ всѣхъ путей сообщенія. Три четверти года доступъ въ нее или совсѣмъ невозможенъ или сопряженъ съ большою опасностію. Климатъ ея умѣренно-здоровый, но въ нагорной Дигоріи средняя температура не превышаетъ 3°; стужа и морозы значительны и постоянны. Растительность этой части бѣдна, климатъ суровъ и нисколько не благопріятенъ для растительности. Тамъ царство зимы, и земля повсюду носитъ отпечатокъ опустошенія и безплодія; вездѣ мрачно и угрюмо.

Лѣто, продолжающееся не болѣе трехъ мѣсяцевъ, такъ коротко, что хлѣбъ не зрѣетъ. Едва только взойдетъ солнце, какъ погружается въ багровый туманъ—предвѣстникъ сильной стужи. «Мятели и непогоды свирѣпствуютъ въ

теченіе девяти мѣсяцевъ. Осень ужасна, и самая весна принимаетъ видъ мрачной осени; потому-то, куда ни обратишь взоры, вездѣ встрѣчаешь однѣ льдины, покрывающія вершины Черныхъ, скалистыхъ, горъ и всю окрестность, занесенную сугробами глубокаго снѣга».

Суровая природа сдѣлала дигорцевъ неустрашимыми, физически сильными и отличными ходоками по горамъ, гдѣ они занимаются охотою. Они высоки ростомъ, владѣютъ даромъ слова и хорошими умственными способностями; природный здравый умъ ихъ видѣнъ на каждомъ шагу. Дигорецъ гостепріименъ, честенъ, гордъ, вѣренъ въ словѣ и клятвѣ, предпріимчивъ, но упрямъ, мстителенъ и скрытенъ. Лицомъ онъ смуглъ, голову брѣетъ, но носитъ бороду, которую подбриваетъ на нижнихъ челюстяхъ. Дигорцы болѣе опрятны и относительно болѣе трудолюбивы чѣмъ всѣ остальныя поколѣнія осетинъ, и никогда не считались воинственнымъ племенемъ. Занимаясь болѣе земледѣліемъ и имѣя немного скота, они почти никогда не пускаютъ его въ продажу, но изъ овечьей шерсти дѣлаютъ хорошія бурки, которыя и продаютъ или на линіи или въ Имеретіи. Алагирецъ, напротивъ того, неповоротливъ, глаза его безжизненные и вялые, внушаютъ мысль о коварствѣ и наглой трусости, скрытыхъ подъ личиною мнимаго великодушія. Племя это своенравно, въ высшей степени вспыльчиво, способно изъ пустяковъ нашумѣть, накричать и надѣлать разнаго вздору. Алагирцы чужды, впрочемъ, кляузничества и характера весьма добраго, въ особенности если приласкать ихъ.

Тагаурцы отличаются наибольшею гордостію между всѣми племенами осетинскаго народа. Считая своимъ родоначальникомъ Тагаура, по преданію наслѣдника армянскаго престола, который, будто-бы, бѣжалъ въ горы, спасаясь отъ преслѣдованій своихъ братьевъ, они причисляютъ себя къ высшему сословію осетинъ, и потому народъ ихъ ненавидитъ. По словамъ В. Толстаго, тагаурцы прежде были старшинами въ осетинскихъ аулахъ, а это и подало ему мысль утверждать, что собственно тагаурцевъ нѣтъ, а есть только высшее сословіе осетинскаго народа. Въ подтвержденіе послѣдняго онъ говоритъ, что тагаурцы стоятъ выше всѣхъ остальныхъ обществъ по своему умственному развитію, что они сдержаны, скрытны и, относительно образованія, передовой народъ между осетинами.

Самый честный, прямой и откровенный народъ—*куртатинцы*. Они глубоко преданы русскимъ и слѣпо вѣрятъ, что имъ не будетъ оказано несправедливости. Вообще всѣ осетины народъ преданный нашему правительству и весьма усердные исполнители его распоряженій. Усердіе это и прилежаніе не распространяется однако на ихъ домашнюю жизнь.

Никто меньше осетина не думаетъ о завтрешнемъ днѣ, а текущій день онъ проводитъ въ праздности и лѣни, сидитъ дома у дымящагося костра, съ трубкою во рту, «или спитъ, бродитъ по горамъ какъ дикій козелъ», не желая ничего пріобрѣтать и предоставивъ свое незатѣйливое хозяйство на попеченіе женъ.

Малая производительность почвы большей части горной Осетіи довела населеніе до крайней бѣдности. Осетины всегда терпѣли недостатокъ не только въ предметахъ, которыхъ не было въ собственной странѣ, напримѣръ соли, но даже въ насущномъ хлѣбѣ. Земля, удобная для хлѣбопашества и до сихъ поръ имѣетъ неслыханную цѣну: стоитъ того животнаго, которое можетъ на ней помѣститься. Кусокъ земли, который займетъ лежащая корова, цѣнится въ корову; другой въ овцу и проч. Эта малоземельность была причиною, что часть осетинъ переселилась на южный склонъ Главнаго хребта и добровольно отдала себя въ кабалу грузинскихъ помѣщиковъ. Занявъ ущелья: Кударовское, Большой и Малой Ліахвы, Рехулы, Ксани и ея притоковъ, осетины стали крѣпостными князей Эристовыхъ и Мочабеловыхъ. Эти переселенцы и составляютъ поселенія такъ называемыхъ *южныхъ осетинъ* и, въ свою очередь, дѣлятся также на многія мелкія общества, носящія названіе по именамъ ущелій или обитаемыхъ. Такъ, они дѣлятся на Ксанскихъ, Кударскихъ, Ліахвскихъ, Гудошаурскихъ, Магладолетскихъ, Джамурскихъ и другихъ. Много осетинъ поселилось въ Мтіулетіи и Хевскомъ ущельѣ. За исключеніемъ только немногихъ обществъ южнаго склона и живущихъ на плоскости, всѣ остальные осетины бѣдны, почти голы или до послѣдней степени плохо одѣты; живутъ въ землянкахъ или развалившихся башняхъ и даже въ оставленныхъ укрѣпленіяхъ. Не смотря на то, осетинъ всегда веселъ, всегда безпеченъ.

Утесы и горы Осетіи неспособны къ земледѣлію, и потому туземное населеніе занимается преимущественно скотоводствомъ. Получая хлѣбъ отъ сосѣдей, осетины доставляютъ имъ, взамѣнъ того, рогатый скотъ, барановъ, лошадей, извѣстныхъ своею силою и прекраснымъ ходомъ по горамъ. Но промышленность эта совершенно ничтожна и едва удовлетворяетъ насущной потребности (1).

Правда, въ мѣстахъ низменныхъ, равнинныхъ, почва, до чрезвычайности плодородная, могла бы вознаградить трудъ обильнымъ урожаемъ, но и тамъ осетинъ, будучи стѣсненъ въ поземельной собственности и владѣя небольшими участками, мало пользуется ея дарами. Хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ Дигоріи, жители имѣютъ подъ рукою многія средства къ благосостоянію, но, по своей безпечности и лѣни, они ограничиваются изготовленіемъ и запасомъ самаго необходимаго въ домашнемъ быту. Единственная ихъ промышленность—кёдъ, сбываемый въ Моздокѣ, Владикавказѣ и по ка-

(1) Тагаурцы Владиміра Толстаго Вѣст. Импер. Рус. Геогр. Общест. 1854 г. ч. XI. Краткій обзоръ горскихъ племенъ на Кавказѣ А. П. Берже Кавказс. Календарь на 1858 г. О состояніи нѣкогда бывшаго христіанства на Кавказѣ П. Хицунова Кавк. 1846 г. № 34. Дигорія Н. Берзенова Закавк. Вѣст. 1852 г. № 39. То же Кавк. 1852 г. № 67. Изъ воспомин. объ Осетіи Н. Берзеновъ Кавк. 1852 г. № 5. Кое что объ Осетинскомъ округѣ Красницкаго Кавк. 1865 г. № 29 и 32. Глав. свѣд. о горск. плем. Кавк. 1868 г. № 46. Объ обществахъ осетинскаго племени рукоп. доставленная мнѣ П. В. Кузьминскимъ.

зачьимъ станицамъ. Мёдъ дигорскихъ пчелъ отличается ароматомъ, вкусомъ и бѣлизною, но дигорцы въ умѣньѣ добывать его оказываются плохими пчеловодами. Плетневый круглой формы улій (батманъ), обмазанный глиною съ примѣсью коровьяго помета, составляетъ жилище пчелъ, предназначаемыхъ на истребленіе каждый разъ, какъ только добываютъ мёдъ. Выкопавъ въ землѣ небольшую яму, и положивъ туда древесный грибъ съ огнемъ, хозяинъ оборачиваетъ свой улій вверхъ дномъ. Пчелы задыхаются отъ дыма, падаютъ въ яму, а улій съ мёдомъ идетъ въ продажу. Во многихъ мѣстахъ Осетіи встрѣчается отличный строевой лѣсъ: дубъ, вязъ, сосна, орѣшникъ растутъ во множествѣ, а грушевыя деревья, дикая яблоня и вишни видны иногда въ значительномъ количествѣ въ самыхъ селеніяхъ и въ полѣ. Скотоводство составляетъ исключительное занятіе жителей, и многіе изъ нихъ насчитываютъ у себя до тысячи барановъ, но, по своей скупости, подобные владѣльцы живутъ нисколько не лучше своихъ бѣдныхъ собратій.

Всѣ осетины весьма жадны до денегъ, которыя однакоже они стараются пріобрѣсти не для употребленія, не для улучшенія своего быта, а для храненія въ заперти; богатый и бѣдный одинаково ходятъ почти голые въ лохмотьяхъ. Всеобщая бѣдность царствуетъ между осетинами. Праздность неразлучна съ ними; неопрятность присуща народу. На вопросъ о причинѣ этихъ бѣдствій, осетинъ глубокомысленно отвѣчаетъ, что онъ бѣденъ отъ неурожая хлѣба, большинство котораго идетъ на приготовленіе араки (родъ водки), безъ которой они жить не могутъ. Осетины говорятъ, что они праздны по неимѣнію хлѣбопашныхъ мѣстъ; это правда, но справедливо и то, что иногда вблизи аула видны большія поляны, которыя могли бы быть воздѣланы, но остаются не обработанными по безпечности (¹).

II.

Осетинскій аулъ. — Домъ осетина. — Одежда. — Религія и праздники — Знахари и знахарки. — Талисманы. — Колдовство. — Суевѣріе. — Легенды.

На крутизнахъ высокихъ скалъ, въ суровыхъ оврагахъ, ущельяхъ и по лощинамъ лѣпятся осетинскіе аулы, по преимуществу обширные и многолюд-

---

(¹) Кое что объ Осетинскомъ округѣ К. Красницкаго Кавк. 1865 г. № 32. Изъ записокъ объ Осетіи Н. Берзеновъ Кавк. 1852 г. № 68. Также смотр. Дигорія Н. Берзенова Закавк. Вѣст. 1852 г. № 40. Мѣстечко Сачхеры Н. Дункель-Веллинга Кавк. 1854 г. № 66. Поѣздка въ Кударское ущелье Василій Переваленко Кавк. 1849 г. № 40.

ные. Живописны жилища, разбросанныя безъ всякаго порядка между рощами и деревьями, подъ тѣнью которыхъ прохлаждаютъ себя обитатели въ жаркое время. Впрочемъ такимъ временемъ осетины пользуются вообще очень немного.

Съ наступленіемъ сентября, въ большей части Осетіи настаетъ уже зима; еще недѣля—зашумѣли вьюги и все кругомъ занесено снѣжными сугробами. Дикая, мрачная природа и тутъ являетъ для глаза новыя и величественныя картины. Утреннее солнце зажигаетъ безчисленными огнями ледяныя вершины горъ; синій туманъ, волнующійся по ущельямъ, похожъ на океанъ, по которому плаваютъ ледяныя горы, драпированныя въ фантастическія тѣни. Глазу кажется, что всѣ эти исполинскія вершины движутся, колеблятся, тонутъ и снова возникаютъ. Но туманъ рѣдѣетъ и остроконечныя верхи осетинскихъ горъ рѣзко обозначаются. «Они поднимаются въ высоту одинъ надъ другимъ, въ безконечныхъ ярусахъ, окрашенные разнообразными цвѣтами, которые мѣняются по мѣрѣ отдаленія: сначала зеленые, потомъ темные, голубые, фіолетовые.... но всѣхъ цвѣтовъ не перечесть, такъ они различны, да и нѣтъ имъ названій! Вправо и влѣво, словно рамы для этой картины, стоятъ огромныя, неизмѣримыя скалы, черныя, блестящія какъ броня вороненая; вотъ на одной изъ этихъ скалъ, въ высотѣ, упершись ногою объ остроконечную вершину, стоитъ какой нибудь пастухъ, какъ пограничный стражъ; онъ рѣзко рисуется на яркой лазури неба, но, равнодушный къ красотѣ окружающей его природѣ, грубый и дикій, онъ не сочувствуетъ природѣ, онъ занятъ, онъ стережетъ стадо козъ, которыя, прядая съ камня на камень, щиплютъ тощую зелень, засыпанную снѣгомъ....»

Въ такое время осетинскіе аулы дѣлаются островами, отдѣленными отъ всего міра, и населеніе скучивается въ своихъ жилищахъ.

Жилища осетинъ не одинаковы и не однообразны. Въ мѣстахъ безлѣсныхъ дома, и прочія хозяйственныя пристройки, складываются изъ плитняка безъ глины, а въ ущельяхъ, изобилующихъ лѣсомъ, строятся изъ дерева.

Каждый каменный домъ имѣетъ видъ замка въ два или три этажа, съ высокими башнями и плоскою земляною крышею. Такой домъ, обнесенный каменною оградою и имѣющій высокую башню, носитъ названіе *галуана.*

Часто домъ осетина однимъ своимъ фасомъ вдѣланъ въ гору, такъ что задняя стѣна и часть боковыхъ образуются земляною или скалистою стѣною горы. Потолокъ нижняго этажа, въ которомъ преимущественно содержится скотъ, служитъ поломъ для втораго, сообщающагося съ дворомъ посредствомъ внѣшней лѣстницы, идущей на площадку, образуемую нижнимъ выдающимся впередъ этажемъ. Во второмъ этажѣ живутъ сами осетины, а верхній, если онъ есть, то предназначается частію для пріема гостей, частію служитъ вмѣсто кладовой. Главное строеніе имѣетъ по двѣ двери: одну по срединѣ, а другую бо-

ковую, ведущую на дворъ; небольшія четыреугольныя отверстія безъ рамъ замѣняютъ окна.

Большая часть деревянныхъ домовъ или сакель строится въ видѣ сараевъ и часто состоитъ изъ плетня, смазаннаго съ обѣихъ сторонъ глиною, съ досчатою крышею, опирающеюся на двухъ столбахъ и замѣняющею потолокъ, поверхъ котораго настилается очень рѣдко драпь, а больше солома, поддерживаемая жердями. Внутренность такого жилища состоитъ изъ двухъ комнатъ съ земляным поломъ. У богатаго владѣльца, къ внѣшней стѣнѣ сакли прислонена полукруглая печь, сдѣланная также изъ плетня, обмазаннаго глиною, а у бѣднаго очагъ, раскладываемый посрединѣ сакли между двумя большими камнями.

Если осетинъ въ саклѣ, то навѣрное подлѣ очага, у котораго онъ проводитъ день и ночь. Раздѣвшись до нага, онъ ложится на соломѣ, постланной на полу, подкладывая подъ себя бурку или грубый войлокъ. Зимою спитъ подлѣ очага, а лѣтомъ подъ открытымъ небомъ. Очагъ, кромѣ того, имѣетъ и другое значеніе между осетинами и считается священнымъ мѣстомъ, въ которомъ стараются сохранить постоянный огонь. Каждая хозяйка поддерживаетъ огонь въ своемъ очагѣ и придаетъ его неугасимости особенное значеніе. Надъ очагомъ, въ потолкѣ сакли, сдѣлано дымное отверстіе, а близъ него, къ тому же закопченному дымомъ потолку, прикрѣплена цѣпь, на которой виситъ котелъ, служащій для приготовленія пищи. Вдоль стѣнъ на полкахъ разставлена домашняя утварь, посуда: деревянная или глиняная, а если хозяинъ съ достаткомъ, то и мѣдная, составляющая роскошь въ домашнемъ быту осетина. На гвоздяхъ рядомъ съ полкою виситъ оружіе, бурки, башлыки, а въ углу едва видна дверь, похожая на лазейку. Дверь эта ведетъ въ *кабичь*—кладовую съ съѣстными припасами, состоящими въ исключительномъ распоряженіи хозяйки.

Въ самой комнатѣ разбросаны въ безпорядкѣ кадки съ масломъ, бурдюки съ сыромъ, длинныя скамейки, желѣзныя лопатки для загребанія угольевъ, клещи, вертелъ, квашня и рогожи, сплетенныя изъ особой породы болотистаго растенія и составляющія почти все внутреннее убранство сакли, гдѣ вонь, пыль и нечистота главнѣйшіе обитатели и равноправные хозяева съ семействомъ осетина.

Осетинъ не умѣетъ, подобно прочимъ азіятцамъ, сидѣть на полу поджавши подъ себя ноги, и потому въ саклѣ его почти всегда есть нѣчто въ родѣ кресла о трехъ ножкахъ и съ рѣзною спинкою, или скамья, или родъ дивана или, наконецъ, просто обрубокъ, тренога и проч. У нѣкоторыхъ имѣются кровати, по устройству похожія на европейскія и на которыхъ кучею навалены перины и подушки.

Почти каждая сакля окружена хлѣвами и курятниками. Обыкновенно, подлѣ самаго дома стоитъ птичникъ и хлѣвъ для овецъ; въ оградѣ изъ хвороста помѣщается рогатый скотъ. Всѣ зданія и пристройки обнесены проч-

нымъ тыпомъ, вблизи отъ котораго разведены огороды, засѣянные кортофелемъ, рѣдькою, кукурузою и другою зеленью (1).

Одежда осетина, преимущественно чернаго цвѣта, сходна въ покроѣ съ одеждою черкесовъ: короткій кафтанъ, спускающійся немного ниже колѣнъ, съ пришитыми на груди мѣстами для патроновъ, подпоясывается ремнемъ, убраннымъ серебряными или мѣдными пуговицами или змѣиными головками; небольшая низкая и круглая шапка, съ бараньимъ околышемъ; шаровары изъ простаго сукна или изъ сукна приготовленнаго изъ козьяго пуха и не крашеннаго, составляютъ остальной костюмъ мужчины. На ногахъ онъ носитъ чевяки или надѣваетъ башмаки, некрашенной кожи съ подошвами, а чтобы лучше держаться ими на скалахъ и льдахъ, осетинъ дѣлаетъ подошву изъ рѣдко плетеныхъ ремней. Главное щегольство осетина составляетъ оружіе: кинжалъ на поясѣ, пистолетъ за поясомъ, шашка у бедра, а ружье за плечами. Осетины, живущіе на сѣверномъ склонѣ Кавказскихъ горъ, еще не такъ давно имѣли небольшіе круглые щиты, сдѣланные изъ кожи, окованные вокругъ желѣзомъ и съ металлическою по срединѣ бляхою.

Женщины предпочитаютъ синій цвѣтъ и одежда ихъ состоитъ изъ длинной до пятъ рубахи, приготовленной изъ бумажной матеріи; шароваръ, по преимуществу краснаго цвѣта, и ситцеваго или нанковаго архалука. Лѣтомъ осетинки ходятъ босыя, а въ остальное время носятъ мужскую обувь, только изъ черной кожи, и во время холода надѣваютъ длинный нагольный тулупъ. На головѣ однѣ носятъ шапочки, или, лучше, ермолки, другія—болѣе бѣдныя—покрываются просто платкомъ, а дѣвицы заплетаютъ косы, но безъ лентъ (2).

Подлѣ очага, скинувъ съ себя архалукъ и чевяки (ножная обувь), съ трубкою въ зубахъ, сидитъ глава семейства, поучающій свое потомство, размѣстившееся вокругъ него и съ жадностію прислушивающееся къ его фантастическому и сказочному разсказу. Онъ разсказываетъ о жившихъ нѣкогда дивныхъ людяхъ, охотившихся въ вѣковыхъ лѣсахъ, похищавшихъ красавицъ и не боявшихся колдуновъ... Не разъ говорилъ онъ своимъ дѣтямъ о *Вацилѣ* (или Уацилѣ) какомъ-то лѣсномъ божествѣ, говорилъ и о покровительствѣ *Уастырджи* (св. Георгія), спасавшемъ охотниковъ отъ козней лѣснаго духа. Къ послѣднему самъ разсказчикъ питаетъ особое уваженіе, но совершенно отличное отъ почитанія святаго каждымъ истиннымъ христіаниномъ, потому что осетинъ не имѣетъ никакого понятія о религіи, и болѣе суевѣренъ, чѣмъ религіозенъ.

Трудно сказать, какой именно религіи держатся осетины, до такой сте-

---

(1) Дигорія Н. Берзеновъ Закавк. Вѣст. 1852 г. № 39. Изъ записокъ объ Осетіи Н. Берзеновъ Кавк. 1852 г. № 67. Осетины грегоріанцы Д. Б—дзе Кавк. 1851 г. № 69. Чинзъ-Ахсавъ Н. Берзеновъ Кавказъ. 1850 года № 95. Осетины. Терскія вѣдомости 1868 г. № 11.

(2) Обозрѣніе Россійс. влад. за Кавказомъ ч. II изд. 1836 г.

пени у нихъ перемѣшаны понятія о христіанствѣ, магометанствѣ и язычествѣ. По отчетамъ общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ, всѣ осетины дѣлятся на три категоріи: христіанъ. число которыхъ простирается до 51,590 душъ, магометанъ—14,434 души и язычниковъ 102 человѣка. Такое разграниченіе можно назвать только существующимъ на бумагѣ. Хотя осетины имѣютъ свои церкви, священниковъ и раздѣлены на приходы, но религія у нихъ не достигла еще до высокой степени набожности. Ни христіане, ни магометане, ни, наконецъ, язычники не слѣдуютъ въ точности обрядамъ и установленіямъ своей религіи. Всѣ правила и церковные уставы перемѣшаны и перепутаны; христіане исполняютъ многіе языческіе обряды при свадьбахъ и похоронахъ, брѣютъ голову и совершаютъ омовеніе; магометане, принадлежа къ суннитской сектѣ, не слѣдуютъ законамъ пророка, ѣдятъ свинину, пьютъ вино и смѣются надъ своими обрядами, а язычники чествуютъ многіе праздники вмѣстѣ съ христіанами. Считаясь христіаниномъ, почитая святыхъ, осетинъ не ходитъ въ церковь, приноситъ жертву кумиру, и допускаетъ многоженство. Сколько правительство ни старалось внушить осетинамъ, что они, какъ христіане, должны покинуть многоженство, какъ обычай, противный уставамъ православной церкви, но туземцы оставались непреклонными и долгое время не покидали многоженства. Изъ смѣси различныхъ вѣрованій и понятій, въ народѣ образовалась своя собственная религія, одинаково пригодная христіанину, магометанину и язычнику. Причиною такого смѣшенія религіозныхъ понятій было то, что осетины подвергались попеременно ученію разныхъ вѣрованій, смотря по тому, подъ чьею властію находились. Грузины съ юга вносили къ нимъ христіанское ученіе, а съ запада и сѣвера кабардинцы поучали магометанству. Положеніе осетинъ было точно такое же, какое бываетъ съ слабымъ племенемъ относительно сильнаго: они положили себѣ правиломъ не сопротивляться ни тому, ни другому ученію, принимать до времени форму побѣдителей, но упорно держаться своего.

Такая система политическаго поведенія произвела у осетинъ окончательное смѣшеніе всѣхъ ихъ вѣрованій.

Не заходя въ глубокую древность, мы должны сказать, что, по свидѣтельству имеретинскаго князя Давыда, въ 1786 году все населеніе Осетіи было языческое. Кн. Давыдъ, начальникъ города Рачи, былъ посланъ въ этомъ году, имеретинскимъ царемъ Давыдомъ, къ грузинскому царю Ираклію, для заключенія мирныхъ условій и для приглашенія сына царевича Арчила ѣхать въ Имеретію. Возвращаясь изъ Тифлиса, князь Давыдъ, въ деревнѣ Авнисахъ, былъ схваченъ осетинами и отведенъ въ горы. Переходя изъ рукъ въ руки, изъ одной деревни въ другую, онъ прошелъ всю Осетію и, наконецъ, былъ проданъ въ Моздокѣ, гдѣ выкупленъ и, по распоряженію Гр. Гудовича, отправленъ черезъ Астрахань въ Петербургъ.

Проведя въ плѣну четыре года, присмотрѣвшись къ быту осетинъ, князь писалъ, что осетины исполняютъ великій постъ, «но поповъ не имѣютъ; они

не крестятся и крещенія не пріемлютъ, равно и дѣтей своихъ въ тому не приводятъ, а поклоняются они козловой кожѣ, которую почитаютъ на мѣсто Илья пророка и ей молятся».

Прошло съ тѣхъ поръ почти цѣлое столѣтіе, и осетины весьма мало подвинулись въ религіозномъ отношеніи. Правда, число лицъ, называющихъ себя христіанами значительно увеличилось, но смѣшанность вѣрованія осталась все таже.

Ничѣмъ не заинтересованные въ необходимости убѣдиться въ чистотѣ и пользѣ христіанскаго ученія, осетины и въ настоящее время весьма плохіе христіане, такъ что духовенство вынуждено прибѣгать къ полицейскимъ мѣрамъ, чтобы заставить народъ ходить въ церковь, соблюдать посты, говѣть, крестить младенцевъ и т. п. Но всѣ принудительныя мѣры только возстановляютъ туземца, и, послѣ наказанія за неисполненіе религіозныхъ обрядовъ, осетинъ не задумываясь, совершенно отступается отъ религіи.

Многія селенія, до 1863 года, вовсе не имѣли священниковъ. Такъ, въ пяти селеніяхъ, населенныхъ 96-ю семействами, было не крещеныхъ дѣтей 56, браковъ неблагословенныхъ церковью 68. Туземцы умирали безъ напутствія св. таинъ и предавались землѣ безъ христіанскаго погребенія.

Православные священники, живущіе въ Осетіи, находятся въ крайней бѣдности и не имѣютъ хотя бы мало-мальски сноснаго помѣщенія. Лучшимъ помѣщеніемъ считается полумрачная сакля съ земляным поломъ и съ однимъ крошечнымъ окномъ. Многіе изъ пастырей церкви живутъ почти въ хлѣву, да и то чужомъ, изъ котораго часто приходится переселяться въ другой, потому что хозяинъ выгоняетъ его. Купить же или построить себѣ саклю, при скудномъ содержаніи, священникъ не въ состояніи. Содержанія его не хватаетъ даже и на пищу, которую приходится пріобрѣтать изъ города или далекой станицы, такъ какъ въ горахъ ничего не достанешь ([1]).

Недостатокъ въ священникахъ-миссіонерахъ дѣлаетъ то, что осетины, весьма равнодушные къ православію, придерживаются своей особой религіи, представляющей смѣсь христіанства съ язычествомъ. Подъ именами различныхъ христіанскихъ святыхъ—чаще св. Маріи и св. Георгія—у осетинъ существуютъ священныя мѣста: скалы, лѣса и даже отдѣльныя деревья.

Они почитаютъ Михаила Архангела, пророка Илію—какъ покровителя скотоводства и земледѣлія; Георгія Побѣдоносца—какъ покровителя дорогъ и путешественниковъ. Каждый молится ему и приноситъ жертвы, отправляясь на войну, въ набѣгъ или просто въ путь.

Святая Марія считается покровительницею супружескаго счастія и плодородія. Ей молятся и приносятъ жертвы послѣ каждыхъ родовъ; въ честь ея

([1]) Общество возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ сознало это безвыходное положеніе священниковъ и приняло мѣры къ улучшенію ихъ быта. См. отчеты общества за 1862 г. и 1863 годъ.

осетины назвали пятницу—*майрамъ-бонъ* и установили мужское имя Майрамъ (Марій).

Точно также осетины всѣхъ исповѣданій признаютъ многіе христіанскіе праздники. Они почитаютъ и отправляютъ *Донъ-скафанъ* (богоявленіе)—взятіе воды; *Кардаъ-хасанъ* (сошествіе св. духа)—сборъ травъ. У нихъ есть деревья, отмѣченныя крестомъ, передъ которыми они благоговѣютъ, и которыхъ топоръ не смѣетъ прикоснуться. Съ другой стороны, кромѣ христіанскихъ праздниковъ, у нихъ есть свои божества: *Вацила*—богъ грома и молніи, *Уастырджи*—покровитель мужчинъ, особенно охотниковъ, и божество скота, хлѣба и всякаго богатства; *Аларди*—богиня оспы и всякаго рода болѣзней; женщины преимущественно клянутся ею.

Въ церковь осетины ходятъ по принужденію, когда ихъ гонятъ, а къ священнымъ мѣстамъ не приходитъ развѣ только тотъ, кто не въ силахъ.

Въ народѣ много теплаго вѣрованія, но недостатокъ въ истинномъ началѣ и ученіи религіи. Такъ, каждый осетинъ, свято вѣрующій въ какой-либо священный предметъ, относится къ нему съ особымъ благоговѣніемъ. Ни одинъ изъ нихъ, проходя мимо такого предмета, не забудетъ снять папахи; ѣдущій не забудетъ сойти съ лошади; никто не откажется внести посильную лепту на постройку жертвенника, обыкновенно воздвигающагося въ почитаемыхъ и священныхъ мѣстахъ. За неимѣніемъ средствъ, жертвенникъ замѣняетъ большой шестъ съ привязанными къ нему лоскутками. Тутъ съ незапамятныхъ временъ, осетины складываютъ свои приношенія: пули, кинжалы, домашніе желѣзные инструменты, турьи рога, черепа разныхъ животныхъ, убитыхъ въ честь святаго и т. п.

Убѣжденіе въ томъ, что взявшій такую вещь подвергнется самой мучительной смерти, дѣлаетъ вещи эти неприкосновенными. Принося зачастую ложную присягу, передъ крестомъ и евангеліемъ, осетинъ никогда не рѣшится сдѣлать того же на святомъ мѣстѣ и тотчасъ же сознается въ преступленіи.

Христіанство распространено преимущественно въ простомъ народѣ; магометанства придерживаются старшины и вообще высшее сословіе, такъ какъ оно допускаетъ многоженство, но всѣ, не имѣя яснаго понятія о религіи, клонятся на сторону той, которая представляетъ имъ болѣе покровительства, менѣе требованій и болѣе выгодъ. Мужчины слабо придерживаются религіи, а женщины еще того меньше. По народному обычаю, замужнія женщины, не имѣя права показываться постороннему мужчинѣ и обязанныя выходить изъ дому подъ покрываломъ, никогда не бываютъ въ церкви (¹).

(¹) Изъ записокъ объ Осетіи Н. Берзеновъ Кавказъ 1852 г. № 67. Кое что объ Осетинскомъ округѣ К. Красницкаго Кавказъ. 1865 г. № 29 и 32. Дигорія Н. Берзеновъ Закавк. Вѣст. 1852 г. № 39. Религіозные обряды осетинъ и проч. Шегрена Кавк. 1846 г. № 27. Записка кн. Давыда, поданная министерству. Москов. арх. Министер. Иностр. Дѣлъ.

Все это ведетъ къ тому, что осетины отличаются вѣротерпимостію другъ къ другу, или, лучше сказать, совершеннымъ равнодушіемъ къ религіи.

Всѣ племена одинаково вѣрятъ въ Бога, отъ котораго происходитъ все хорошее и худое; вѣрятъ въ его могущество, въ существованіе рая и ада. По ихъ понятію, въ будущей жизни, всѣ тѣ люди, которые отличались на этомъ свѣтѣ доброю жизнію, будутъ жить въ своемъ семействѣ и соединятся душою и тѣломъ; будутъ жить вѣчно въ раю, и, точно также, какъ на этомъ свѣтѣ, будутъ наслаждаться многоженствомъ, хорошею пищею и гуляньемъ въ роскошныхъ садахъ.

Основываясь на этомъ, члены семейства хоронятся на кладбищѣ всегда въ одномъ мѣстѣ; если кто умеръ вдали отъ дома, то стараются тѣло его привезти на свое кладбище, чтобы не разъединить съ семействомъ на томъ свѣтѣ. Часто скончавшуюся женщину, жившую у своихъ родителей, послѣ смерти мужа, перевозятъ на кладбище, гдѣ похороненъ ея супругъ, съ тѣмъ полнымъ убѣжденіемъ, что если уже разъ заплаченъ за нея *калымъ* (плата за невѣсту), то она должна вѣчно оставаться рабою мужа. Убитый въ сраженіи, по понятію осетина, поступаетъ прямо въ рай, гдѣ враги его будутъ ему прислуживать, и, сверхъ того, такой человѣкъ пріобрѣтаетъ право выбрать себѣ кого-либо изъ родственниковъ въ товарищи, для совмѣстнаго жительства съ нимъ въ раю.

Такая завидная участь убитаго заставляетъ его родственниковъ не плакать, а, напротивъ того, радоваться его счастію и завидной смерти.

По представленію осетина *адъ*—большое огненное озеро, въ которомъ мучаются грѣшники, но собственно о грѣхахъ народъ имѣетъ самое сбивчивое понятіе; точно также не очень опредѣленны понятія его о мукахъ и наказаніяхъ. Убить человѣка считается грѣхомъ, но кровомщеніе добродѣтелью; украсть и быть пойману грѣшно, а украсть ловко, молодецки—считается за славу.

Не имѣя понятія о сотвореніи міра, осетины сохранили въ своей памяти названіе двухъ первыхъ людей, Адама и Евы, и вѣрятъ въ существованіе ангеловъ и *дзуаровъ*—безчисленныхъ духовъ, покровителей всему хорошему и доброму. Осетины молятъ дзуаровъ, о покровительствѣ и помощи, отходя ко сну, вставая утромъ, «принимаясь за работу, отправляясь въ путь или на охоту»; просятъ ихъ «объ урожаѣ о размноженіи скота, избавленіи отъ болѣзней и всѣхъ житейскихъ невзгодъ».

Въ благодарность за все это, народъ приноситъ имъ жертвы. Въ народномъ понятіи дзуары стоятъ отдѣльно, особнякомъ, независимо отъ другихъ олицетворенныхъ имъ божествъ, не имѣющихъ съ ними никакихъ отношеній.

Они не ангелы, христіанской или магометанской религіи—извѣстные у осетинъ подъ именемъ *зедъ*, а скорѣе можно предполагать, что это души

предковъ, потерявшіе въ народномъ пониманіи первоначальное свое значеніе (¹).

— Дзуаръ пролетѣлъ, говоритъ осетинъ, смотря на падующую звѣзду.

Названіе креста, заимствованное осетинами у грузинъ, перешло у первыхъ въ представленіе о существованіи какихъ-то духовъ-покровителей.

Люди всѣхъ вѣроисповѣданій почитаютъ христіанскихъ святыхъ и въ честь ихъ исполняютъ праздники, большею частію совпадающіе съ нашими. Здѣсь я коснусь только тѣхъ изъ праздниковъ, которые имѣютъ характеристическую особенность и празднованія которыхъ отличаются особенными обрядами.

Около 25-го декабря у осетинъ бываетъ *Цпурсъ*—праздникъ, чисто христіанскій, въ честь Рождества Христова. Дня черезъ два или три послѣ Цпурса, народъ празднуетъ ночь въ честь *шайтана* — злой силы, или дьявола.

Вечеромъ извѣстнаго дня каждое семейство убиваетъ непремѣнно козленка и печетъ пышки. Приготовленныя, изъ мяса принесенной жертвы, кушанья и пышки съѣдаются въ одинъ разъ и только одними членами семейства; гости и работники не могутъ участвовать въ трапезѣ даже и въ томъ случаѣ, еслибы у хозяина, кромѣ чурека, не было чѣмъ накормить ихъ. Кровь козленка, кости и крошки, оставшіяся отъ стола, зарываются въ столь глубокую яму, чтобы кошка или собака не могли попробовать святыни. Часть мяса, пиво и водку ставятъ для шайтана въ пустую комнату или чуланъ и считаютъ за особое счастіе дому, если поставленное будетъ съѣдено или выпито—разумѣется кѣмъ нибудь украдкою. «Что особенно достойно вниманія въ этомъ праздникѣ, говоритъ г. Тхостовъ, это то, что въ молитвѣ передъ жертвоприношеніемъ умоляется только *шайтанъ*, и Боже избави, если произносящій молитву какъ-нибудь обмолвится и упомянетъ имя Бога или какого нибудь святаго, тогда всему семейству не сдобровать: шайтанъ цѣлый годъ будетъ преслѣдовать его за оскорбленіе (²)».

Новый годъ извѣстенъ у осетинъ подъ именемъ *Ногъ-бонъ*, что въ переводѣ означаетъ *новый день* и празднуется одновременно съ нами. Годъ у осетинъ состоитъ также изъ 365 дней, но они знаютъ только два мѣсяца: *тенджи-май* (январь), первый послѣ новаго года, и *марти-май* (мартъ); для прочихъ мѣсяцевъ у нихъ нѣтъ названія. Слово *май*-мѣсяцъ у осетинъ есть обозначеніе планеты, а не извѣстной части года. Мѣсяцы свои они считаютъ каждый въ четыре недѣли, начиная отъ новолунія. Недѣлю признаютъ въ семь дней; каждый день имѣетъ свое названіе и счетъ ихъ начинаютъ

(¹) Осетины и проч. Терскія вѣдомости 1868 г. № 11. Что такое осетинскіе дзуары? тамъ же № 17.

(²) Вѣрованія осетинъ. Ин. Тхостовъ Терскія вѣд. 1868 г. № 12. Обозрѣніе Россійск. влад. за Кавказомъ ч. II.

съ понедѣльника. Счетъ годамъ осетины ведутъ по костямъ или рогамъ животныхъ, приносимыхъ въ жертву въ извѣстные годовые праздники.

Празднованіе и встрѣча новаго года весьма сходна съ празднованіемъ его у грузинъ. Задолго до праздника, въ каждомъ домѣ, откармливаются бараны, и хозяйка, оставивъ всѣ свои обыкновенныя занятія, прежде всего гонитъ *араку*—водку изъ проса или ячменя, приготовляетъ *бузу*—родъ браги, варитъ *пиво* и печетъ изъ тѣста разныя фигуры. Послѣднія имѣютъ видъ барана, коровы, лошади, курицы и другихъ животныхъ и птицъ; для украшенія ихъ втыкается въ тѣсто по нѣскольку зеренъ фасоли и кукурузы. Фигуры эти носятъ названіе *Басила* (Василій).

Одновременно съ этимъ приготовленіемъ хозяекъ, мужчины также прекращаютъ домашнія работы и, храня глубокое молчаніе, начинаютъ чистить оружіе, подчиняясь въ этомъ народномъ повѣрью, что если какая-нибудь нечистота останется на оружіи, то оно не будетъ годиться ни къ какому употребленію, и что даже съ нимъ, безъ опасности жизни, нельзя отправиться на охоту.

Вечеромъ наканунѣ праздника мальчики раскладываютъ огни и поддерживаютъ ихъ до самаго утра, а осетинскіе аулы въ теченіе всей ночи оглашаются стрѣльбою изъ ружей или пистолетовъ, заряженныхъ пулею. Въ каждой саклѣ, передъ наступленіемъ новаго года, подымается шумъ, смятеніе и крикъ, похожій на тревогу при приближеніи непріятеля и вызванный суевѣріемъ осетинъ, старающихся въ это время прогнать какъ можно дальше *арви-каллы* (небесный змѣй или драконъ). Съ этою цѣлію каждый изъ жителей считаетъ необходимымъ выстрѣлить и непремѣнно вверхъ, всегда цѣлясь въ луну, въ томъ полномъ и чистосердечномъ убѣжденіи, что разъ въ году, и именно въ эту ночь, луна находится въ опасности отъ дракона, угрожающаго ей совершенною погибелью. При каждомъ выстрѣлѣ женщины кричатъ: *Табу-хуцау*—помилуй и избави Боже!

Съ разсвѣтомъ дня новаго года въ нѣкоторыхъ аулахъ, и на другой день въ другихъ, мальчики и молодые парни надѣваютъ вывороченную на изнанку одежду и въ такомъ видѣ, съ пѣснями и привѣтствіями, обходятъ всѣ сакли аула.

— Домашніе, домашніе! поютъ они, желаемъ чтобы хозяинъ вашъ убивалъ оленя; чтобы хозяйка рожала сына, а рука вашего Василія да будетъ нашею.

Этимъ послѣднимъ желаніемъ они указываютъ на фигуру изъ муки, называемую Басила, и какъ бы просятъ ее себѣ въ подарокъ.

Въ поздравительной пѣснѣ осетинъ, говоритъ Н. Берзеновъ, «соединены почти всѣ желанія, объ исполненіи которыхъ осетины постоянно молятъ Бога и почти ни о чемъ другомъ.

Охоту они считаютъ за самое священное и молодеческое занятіе, въ которомъ главнымъ образомъ, дѣйтсвуетъ счастіе; тотъ, кто проворенъ и удаченъ на

охотѣ, почитается у нихъ самымъ счастливымъ и уважаемымъ человѣкомъ; убить оленя, по ихъ мнѣнію, удается только наперстникамъ и любимцамъ фортуны. Окажите осетину какое угодно благодѣяніе, онъ, въ знакъ благодарности, непремѣнно пожелаетъ вамъ, между прочимъ, убить оленя—*самзамаръ*, т. е. быть всегда счастливымъ на охотѣ и никогда не возвращаться съ поля съ пустыми руками».

Родить сына, а не дочь, составляетъ единственное и завѣтное желаніе каждой осетинки, и потому хозяйка спѣшитъ дать гостинца мальчикамъ, пропѣвшимъ ей столь пріятную пѣсню.

— Да исполнится надъ этимъ домомъ сердечное желаніе наше, говорятъ мальчики, принимая изъ рукъ хозяйки нѣсколько фигуръ Басила, сыръ и бутылку араки,—да приведется оно въ дѣйствіе: Милость Бога и милость Падаха (Государя) надъ вами.

Обойдя всѣ дворы, получивъ отъ хозяевъ разныя лакомства и набравъ вдоволь съѣстнаго, поздравляющіе отправляются куда нибудь на поляну, гдѣ открываютъ пиршество, кончаемое обыкновенно пьянствомъ и дракой.

Если хозяйка поскупилась и не дала поздравляющимъ ничего или очень мало, то мальчики запѣваютъ новую пѣснь, отмѣняющую прежнія желанія и укоряющую хозяевъ въ скупости.

Нѣкоторые изъ осетинъ наканунѣ новаго года гадаютъ. На назначенномъ мѣстѣ, на горѣ или въ особо отдаленномъ домѣ, собираются жители и избираютъ жреца, который обязанъ давать отвѣты на заданные вопросы. При удачныхъ отвѣтахъ жрецъ получаетъ подарки. Въ день новаго года люди пожилые, отцы семействъ, приходятъ другъ къ другу съ поздравленіемъ. Обыкновенно гость приноситъ съ собою цѣлую пригоршню соломы или щепокъ и, входя въ саклю, бросаетъ ихъ въ огонь, выражая тѣмъ желаніе, чтобы хозяинъ въ теченіе цѣлаго года пользовался такимъ же точно обиліемъ, какъ полны были его руки. Народный обычай требуетъ, чтобы въ этотъ день всѣ перебывали другъ у друга съ поздравленіемъ и были угощены всѣмъ, что есть лучшаго у хозяина; для этого то собственно и откармливаются бараны (¹).

Спустя недѣлю послѣ новаго года и въ день праздника *Донистафа*, (Богоявленія Господня) осетины отправляютъ *Марти-бадани-бонъ*, день сидѣнія мертвецовъ. Обрядъ этотъ совершается только въ тѣхъ семействахъ, у которыхъ, въ теченіе предшествовавшаго года, смерть лишила кого-нибудь изъ ближайшихъ родственниковъ.

Въ такихъ семействахъ въ этотъ день съ утра и до самаго вечера со-

---

(¹) Религіозные обряды осетинъ и проч. Шегрена Кавк. 1846 г. № 28. Новый годъ въ Ставропольской губерніи Кавк. 1855 г. № 8. Новый годъ у осетинъ Березнова Кавк. 1850 г. № 2. О народныхъ праздникахъ Вердеревскаго Кавк. 1855 г. № 2. Поѣздка въ Кударское ущелье. Василій Перевaленко Кавк. 1849 г. № 40.

бираются родственники и друзья покойнаго, а хозяева пекутъ въ честь умершаго прѣсный хлѣбъ (¹) огромной величины, такой, что одному человѣку хватило бы его на цѣлый мѣсяцъ.

Къ сумеркамъ всѣ входятъ въ саклю, гдѣ ближайшій изъ родственниковъ умершаго стоитъ въ углу комнаты съ двумя палками въ рукахъ и отъ души плачетъ и рыдаетъ. Отъ плачущаго отбираютъ палки и связываютъ ихъ крестообразно.

За тѣмъ приносятъ одежду покойника и надѣваютъ ее на палки весьма искусно и оригинально. Сдѣланное, такимъ образомъ, чучело олицетворяетъ собою покойника и осетины вѣрятъ, что въ это время въ куклу переселяется даже его душа. Чучело ставятъ на приготовленную для того скамейку; а вокругъ ея раскладываютъ всѣ любимые покойникомъ предметы: винтовку, шашку, трубку съ табакомъ, *фандыръ* или балалайку съ металлическими струнами, и *кубганъ*, мѣдный кувшинъ, если покойникъ былъ магометанинъ и совершалъ омовенія.

Передъ скамьею ставится каша и бутылка араки, предназначаемые въ пищу и питье покойника.

Собравшіеся вокругъ этой скамьи—мужчины по одну сторону, женщины по другую—начинаютъ плакать и причитывать.

— Мы лишились одежды, начинаетъ старшая лѣтами женщина, обращаясь къ родственникамъ, и теперь наги; у насъ отняты пища и питье, и нынѣ таемъ отъ голода и жажды; зашло наше солнце, и мы томимся и будемъ томиться въ мракѣ; ибо чѣмъ онъ былъ для насъ, какъ не солнцемъ, которое свѣтило и согрѣвало насъ, какъ не одеждою, служившею намъ покровомъ и защитою, какъ не пищею, которая утоляла голодъ и жажду нашу.

— Веу! веу! (увы, увы), слышатся жалобныя восклицанія присутствующихъ, по временамъ прерывающія рѣчь старухи.

Люди особенно усердные, принимающіе печаль близко къ сердцу, при подобныхъ восклицаніяхъ, бьютъ себя по головѣ, рвутъ волосы и царапаютъ лицо.

— И вы не безъ горя! восклицаетъ старуха обращаясь къ оружію покойнаго, отнынѣ вы оставлены на пищу ржавчинѣ, участь ваша тлѣніе и прахъ; васъ уже некому употреблять.... онъ уже болѣе не станетъ носить васъ на охоту, не возьметъ отправляясь въ наѣздъ. Овцы и стада наши испускаютъ жалобное блеяніе: некому призрѣть ихъ, некому накормить, напоить.... ищутъ своего хозяина и не находятъ — трудъ ихъ тщетенъ, напрасно ищутъ его; его ужь нѣтъ здѣсь, онъ похищенъ Азраиломъ; *вома-бонъ*—о жизнь моя!

Вопли и рыданія при этихъ послѣднихъ словахъ сливаются въ одинъ отчаянный крикъ и суматоха продолжается всю ночь.

Совершивъ обрядъ оплакиванія, осетины развлекаются сказкою туземнаго барда, которую онъ сопровождаетъ акомпаниментомъ на двуструнной скрипкѣ;

(¹) Осетины не употребляютъ въ пищу квашенаго хлѣба, а всегда прѣсный.

за тѣмъ пьютъ, ѣдятъ и въ такихъ занятіяхъ коротаютъ время до слѣдующаго утра.

На слѣдующій день происходитъ скачка, необходимая, по мнѣнію осетинъ, для спасенія души покойника, которая до тѣхъ поръ будетъ находиться въ *джегенемъ* (аду), въ нестерпимыхъ мукахъ, пока не будетъ выкуплена устроенною на землѣ въ честь ея скачкою. Послѣдняя начинается за 15 или 40 верстъ, смотря по значительности покойника. Охотники скачутъ къ дому, гдѣ правилась тризна, и первый прискакавшій получаетъ лошадь умершаго, второй—корову, третій—чуху, папаху и т. д. (1).

Осетины соблюдаютъ посты: великій (марха), успенскій (майрамъ-марха) и двѣ недѣли передъ Рождествомъ Христовымъ (шапурсъ-марха). Въ день заговѣнья, передъ великимъ постомъ, они собираютъ золу съ очаговъ, просѣеваютъ ее, чтобы не оставалось въ ней костей отъ мяса, и всю посуду перемываютъ и перетираютъ. Первые три дня великаго поста днемъ ничего не ѣдятъ, а ночью пируютъ; въ остальное же время питаются хлѣбомъ, рыбою, жидкимъ киселемъ, бобами и другими растительными веществами.

Въ понедѣльникъ и вторникъ первой недѣли великаго поста, многіе осетины посвящаютъ исполненію обряда *кеенобы*, при чемъ названіе праздника, обычаи, соблюдаемые при этомъ и самая церемонія въ отправленіи его заимствованы ими отъ грузинъ.

Всѣ праздники осетинъ совершаются обыкновенно на одной изъ горъ, окружающихъ аулъ, которая часто получаетъ названіе отъ имени того святаго, въ честь котораго приносятся на ней жертвы. Выбирая гору для молитвы и совершенія праздника, осетины вѣрятъ, что чѣмъ выше подымется молящійся, тѣмъ скорѣе дойдетъ, до кого слѣдуетъ, его молитва.

На однажды-избранной горѣ устроиваютъ жертвенникъ или капище, къ которому и собираются въ день праздника всѣ жители аула. Каждый подобный жертвенникъ имѣлъ въ прежнее время своего *деканоза*, представлявшаго собою образъ древняго жреца. Въ день праздника, только его рука, вооруженная священнымъ ножемъ, могла коснуться животныхъ, приводимыхъ народомъ на закланіе. Онъ окроплялъ кровью жертвъ стѣны и предверія храмовъ. Деканозъ принималъ скудныя приношенія народа, обязанъ былъ хранить ихъ, и, наконецъ, онъ одинъ громогласно испрашивалъ жертвующимъ небесное благословеніе.

Нѣкоторыя изъ капищъ имѣютъ и до сихъ поръ особую славу и репутацію, и тогда въ день праздника къ такимъ капищамъ собираются жители сосѣднихъ и даже отдаленныхъ ауловъ. Каждое семейство, за нѣсколько времени до наступленія праздника, припасаетъ къ этому дню все, что есть лучшаго въ домѣ: варитъ пиво, араку, приготовляетъ мясо и другія блюда изъ зелени.

Пищу эту, приготовленную заранѣе, берутъ съ собою, отправляясь на

(1) Сидѣніе мертвецовъ Николай Берзеновъ Кавк. 1850 г. № 7

гору, гдѣ перемѣшиваютъ ее съ принесенною сосѣдями и прочими богомольцами. Такимъ образомъ, послѣ установленной молитвы, составляется общая трапеза.

Нѣкоторые, по обѣщанію, приносятъ при этомъ жертвы, которыя состоятъ обыкновенно изъ денегъ, металлическихъ сосудовъ, часто нарочно отлитыхъ въ честь святаго, и другихъ вещей. Вещи эти считаются неприкосновенными и сохраняются или при жертвенникѣ, или въ пещерѣ, дѣланой на горѣ. Такія мѣста считаются священными и никто не посѣщаетъ ихъ иначе, какъ въ праздники. Жрецы стараются поддержать въ народѣ то суевѣріе, что нарушившій этотъ обычай и посѣтившій жертвенникъ или гору въ обыкновенный день непремѣнно подвергнется разнымъ несчастіямъ, въ родѣ того что онъ умретъ или ослѣпнетъ, или ротъ у него скривится на сторону и т. п.

Въ пятницу первой недѣли великаго поста, осетины празднуютъ *Тутуроба*, въ честь св. Феодора Тирона.

Съ наступленіемъ праздника, въ полдень, *фидисаги* (глашатаи) ходятъ по аулу и громкимъ голосомъ сзываютъ народъ къ *ныхасу*—постоянное сборное мѣсто, гдѣ происходятъ аульныя совѣщанія о каждомъ предметѣ общественной жизни осетинъ.

Жители, приглашаемые глашатаями, съ разныхъ сторонъ спѣшатъ на сборное мѣсто, при чемъ каждый несетъ съ собою кувшинъ бузы, три чурека и куски сухой рыбы (доши). Сложивъ все съѣстное въ одно мѣсто, наговорившись и нашумѣвшись, собравшіеся садятся кругомъ, чинно въ рядъ, одинъ подлѣ другаго. Въ срединѣ круга становятся *урдыстаги*—лица, добровольно принявшія на себя обязанность прислужниковъ при угощеніи. Одинъ изъ нихъ, указывая палкою, считаетъ всѣхъ присутствующихъ для того, чтобы, по числу ихъ, раздѣлить пищу и питье, до которыхъ, впрочемъ, никто не можетъ дотронуться безъ разрѣшенія.

Почтенный старшина, глава селенія, встаетъ съ своего мѣста и беретъ въ одну руку чурекъ, въ другую *конну*—небольшую деревянную чашечку, наполненную бузою; за нимъ поднимаются и всѣ прочіе участники праздника.

— Слушай народъ, умолкните щенки, и внимайте молитвѣ! кричитъ блюститель порядка, грозя дубиною мальчишкамъ, шумящимъ около и старающимся прорваться туда, гдѣ сложено съѣстное.

— Богъ-боговъ! произноситъ старшина—выждавъ, когда настанетъ тишина—благодаримъ и хвалимъ тебя, что опять удостоилъ насъ настоящаго праздника. Благодаримъ и васъ, св. Туторъ и Тубау-вацилла (св. Илія)— хранители нашей земли, что вы постоянно благоволите къ намъ. Надѣемся, что вы и впредь будете продолжать на насъ свою милость и защиту, передъ которою ничего не значатъ ни сила врага, ни непріязнь шайтана. Молимъ васъ, не оставляйте насъ никогда; дайте намъ въ домѣ миръ, внѣ дома— храбрость; умножьте стада наши, чтобы мы почаще приносили во имя ваше жертвы. Святой Вацилла! въ твоей власти громъ и молнія, градъ, дождь и

снѣгъ; пошли же на наши нивы дождь въ свое время, дай изобиліе просу ячменю, чтобы побольше гнали изъ нихъ араку и веселились бы въ честь вашу. Истреби разъ на всегда нашихъ враговъ, сохрани нашего Государя и дай ему благоденствіе, а намъ его милость и награду; также всѣхъ нашихъ начальниковъ и добрыхъ людей защити отъ всякаго худаго дѣла.

— Оминенъ хуцау! Оминенъ хуцау! (Аминь Боже!) произноситъ народъ при каждомъ желаніи и восклицаніи читающаго молитву.

Прочитавъ молитву, старшина осушаетъ коппу и принимается за пищу. Его примѣру слѣдуютъ всѣ остальные и скоро веселье и пиръ дѣлаются общими.

Черезъ три дня послѣ этого праздника наступаетъ другой, *Рамонъ-бонъ*, или *хоръ-хоръ*, отличающійся большимъ великолѣпіемъ, чѣмъ предъидущій, потому что въ это время осетины не постятся. Въ день праздника тамъ и самъ разложены плетни, а на нихъ навалены груды мяса; все праздничное мѣсто уставлено *хабизджинами* — огромными ватрушками, или пирогами съ сыромъ (чири), огромными кувшинами съ аракою, кадками съ бузою и пивомъ.

Старикъ, избранный въ прошломъ году распорядителемъ праздника, или почтенный старшина селенія начинаетъ обрядъ празднованія чтеніемъ молитвы.

— Боже праведный, произноситъ онъ—слава тебѣ! Святые Николай, Георгій, будьте намъ путеводителями на добрыя дѣла! Нашъ покровитель Никола, спаси насъ отъ вражьяго меча и укроти нашу злобу—кровь за кровь! О ты, святый Архангелъ Михаилъ! не допусти насъ въ сѣти лукаваго. Пошли намъ, Боже, чтобы начальники надъ нами поставленные, были къ намъ милостивы въ настоящемъ году. Христосъ! не будь строгъ къ намъ во время суда. И ты мать Марія! молись о насъ. А ты святый Илія—помилуй насъ, проси у Бога и дай намъ хлѣба, дай урожаю, отврати отъ насъ огонь громовой. Прости намъ наши слабости, и стрѣлы твои, посылаемыя на землю въ наказаніе, отклони и не направляй на насъ. Пошли намъ, вмѣстѣ съ хлѣбомъ—распложеніе скота, насъ питающаго, птицъ, насъ кормящихъ, и барановъ, намъ доставляющихъ одежду, для прикрытія наготы.

— Аминь, аминь, отвѣчаютъ присутствующіе.

Вообще смыслъ и содержаніе молитвъ при всѣхъ почти праздникахъ бываетъ одинаковъ. Прежде всего обращаются съ просьбою къ тому святому, котораго празднуютъ, и просятъ его защиты и покровительства. Затѣмъ просятъ пророка Илію, о покровительствѣ стадъ; св. Георгія—объ успѣхѣ набѣга или путешествія, чтобы грабежъ и воровство увѣнчались успѣхомъ; чтобы, при нашествіи непріятеля, онъ потерпѣлъ неудачу, а молящіеся имѣли успѣхъ и могли предупредить его во-время. Въ заключеніе молитвы обращаются къ Творцу вселенной, прося всѣхъ благъ на землю ихъ, и о ниспосланіи всѣхъ золъ на враговъ молящихся.

— Чего вы хотите? спрашиваетъ тотъ-же старикъ, окончивъ молитву и обращаясь къ предстоящимъ.

— Хоръ-хоръ (хлѣба, урожая), отвѣчаютъ тѣ.

Послѣ такого отвѣта обыкновенно приступаютъ къ выбору хозяина праздника на слѣдующій годъ. Выбранный выходитъ изъ среды общества, подходитъ къ старшинѣ и принимаетъ отъ него *табагъ*—довольно большую, деревянную чашу. Вновь выбранный снимаетъ папаху и наклоняетъ голову, а старый начинаетъ лить ему на голову бузу изъ кувшина, и при этотъ шепчетъ какія-то слова, которыхъ осетины не говорятъ посторонпимъ, боясь небеснаго гнѣва.

— Чего хотите вы въ будущемъ году? спрашиваетъ поливающій снова у мальчиковъ, стоящихъ напротивъ.

— Пищи, хлѣба и урожая! кричатъ они, сливая свои голоса въ одинъ протяжный громовой отвѣтъ.

«Возліяніе, говоритъ Н. Берзеновъ, очевидецъ этого праздника, повторялось троекратно, и вся влага, вымывшая священную голову, лилась въ чашу, которую скоро приняли изъ рукъ старца, не мало утомленнаго въ продолженіи такого труднаго церемоніяла; бузу изъ чаши раздѣляли между собою и, съ видимымъ благоговѣніемъ, выпили ее, какъ благословенную, какъ святыню».

По окончаніи такой церемоніи турьи рога снова наполняются брагою и разносятся гостямъ по порядку и старшинству, и тогда начинается обѣдъ, попойка и пиръ, продолжающіеся дня три и болѣе. За каждымъ тостомъ поютъ пѣсни въ честь вновь избраннаго хозяина, а старый распорядитель праздника напѣваетъ стихи въ родѣ слѣдующихъ:

— Слава избранному нами, провозглашаетъ старшій.

— Возьми на здоровье, пей, отвѣчаютъ гости.

— Молись Иліи! Онъ попроситъ у Бога и дастъ тебѣ хлѣба, говоритъ запѣвало.

— Возьми пей, отвѣчаютъ гости.

— Проси Николу! онъ спасетъ тебя и насъ отъ вражьихъ рукъ.

— Возьми пей!

— А Михаилъ Архангелъ пошлетъ тебѣ здоровья.

— Возьми пей.

— Георгій дастъ много скота.

— Возьми пей!

Непосредственно за этою пѣснею слѣдуетъ поминовеніе умершихъ и вновь избранный хозяинъ, смѣнивъ стараго, затягиваетъ пѣсню.

— Братцы много веселились, ради праздника сего, выпьемъ, выпьемъ чару новую!

— Выпьемъ, выпьемъ чару новую! вторятъ хоръ.

— Вѣдь покойники проснулись и смѣются всѣ надъ нами.

— Выпьемъ, выпьемъ чару новую!
— Не они-ли насъ кормили на этомъ праздникѣ, друзья?
— Выпьемъ, выпьемъ чару новую.
— Всѣ остатки отъ обѣда бѣднымъ и нагимъ мы отдадимъ.
— Выпьемъ, выпьемъ чару новую.
— И ты, старый нашъ хозяинъ, береги напитокъ бѣднымъ!
— Выпьемъ; выпьемъ чару новую.
— Ты-жь земля родная! сохрани ты намъ родныхъ!
— Выпьемъ, выпьемъ чару новую.
— А вамъ, души намъ родныя, за насъ грѣшниковъ молить!
— Выпьемъ, выпьемъ чару новую!

По окончаніи пѣсни, всѣ присутствующіе просятъ усопшихъ передать святымъ, что они исполнили свой долгъ, а Михаила Архангела сохранить ихъ отъ болѣзни — называя его *Рыны-барддагъ* (правитель болѣзней); Николая чудотворца и Георгія побѣдоносца просятъ защиты и покровительства, во время войны и путешествія. Закончивъ праздникъ джигитовкою, всѣ присутствующіе на немъ расходятся (1).

Слѣды праздниковъ остаются на долго. Трава на мѣстѣ пиршества бываетъ обыкновенно слишкомъ помята; мягкій грунтъ во многихъ мѣстахъ сильно вдавленъ человѣческими ногами и корпусами — признаками недавней борьбы. Тамъ и сямъ валяются головни—то слѣды разведенныхъ костровъ; въ разныхъ мѣстахъ разбросаны оглоданныя кости — единственные остатки отъ принесенныхъ жертвъ, а на не высохшія лужи отъ пролитой крови и бульона собираются птицы, собаки свиньи и доѣдаютъ то, что осталось отъ трапезы людей.

Въ субботу на третьей или четвертой недѣлѣ великаго поста осетины справляютъ самый важный праздникъ *Лаусъ-ганагъ*—общія поминки.

Наканунѣ варятъ говядину, пиво, брагу, фасоль, пекутъ пироги и чуреки. Набивъ всѣмъ этимъ мѣшокъ, вѣшаютъ его передъ дверью сакли. Туземцы полагаютъ, что загробные ихъ родственники, истративъ свое продовольствіе, нуждаются въ пропитаніи и придутъ за нимъ въ эту ночь, а потому и вѣшаютъ мѣшокъ на видномъ мѣстѣ. На утро мѣшокъ остается цѣлъ и полонъ; хозяева, заключая изъ этого, что умершіе не нуждаются ни въ чемъ, вынимаютъ изъ мѣшковъ все съестное и употребляютъ его сами въ пищу. Затѣмъ въ субботу собираются на кладбище, оплакиваютъ обыкновеннымъ порядкомъ всѣхъ умершихъ, производятъ судъ и расправу по запутаннымъ дѣламъ общества и предаются утоленію голода и попойкѣ (2).

(1) Очерки Осетіи Н Берзеновъ Кавказъ 1850 г. № 47 и 48. Осетинскій праздникъ хоръ-хоръ Василій Переваленко Кавк. 1853 г. № 39.

(2) Религіозные обряды осетинъ и проч. Кавказъ 1846 г. № 29. Поѣздка въ Кударское ущелье. В. Переваленко. Кавказъ 1849 г. № 40.

Съ вечера страстной субботы, наканунѣ Свѣтлаго Христова Воскресенія, каждый осетинъ старается провести предстоящую ночь одинъ, потому что, по сказанію народа, Іисусъ Христосъ ежегодно въ эту ночь сходитъ съ неба на пѣгой лошади и показывается только одному достойному осетину, который будетъ послѣ того счастливѣйшимъ изъ смертныхъ.

Отпраздновавъ Свѣтлое Христово Воскресеніе, осетины ожидаютъ праздника *Уастырджи*, въ честь Св. Георгія, или, какъ называютъ его женщины, *Лагты-Дзуара*—святаго всѣхъ мужчинъ. Женщина не смѣетъ произносить имени этого святаго, вѣроятно потому, что, по обычаю народа, она не должна называть по имени ни мужа, ни родственниковъ и даже избѣгать говорить о послѣднихъ, слѣдовательно не смѣетъ произносить и имени святаго, покровительствующаго только мужчинамъ.

Въ честь этого святаго въ Осетіи бываетъ два праздника: одинъ 23-го апрѣля, а другой 10-го ноября и извѣстныхъ подъ именами: *Джоргуба* и *Вашкирки*. Осетины Кударскаго, Мамисонскаго, Джавскаго, Горскаго и сопредѣльныхъ съ ними ущелій празднуютъ Вашкирки, съ 10-го ноября и до начала декабря.

Наканунѣ праздника, 9-го ноября, каждое осетинское семейство обязано прибыть для всенощнаго бдѣнія къ храму Св. побѣдоносца Георгія, или же къ знакамъ, поставленнымъ въ честь этого святаго, гдѣ нибудь по близости аула или на возвышенности. Знаки эти поставлены съ незапамятныхъ временъ и на видномъ мѣстѣ. Тотъ, кто находится въ этотъ день въ дорогѣ, обязанъ зажечь въ честь святаго восковую свѣчу и помолиться Св. Георгію.

Къ храму, или знакамъ, собирается въ этотъ день множество народа. Каждый приноситъ съ собою пиво, араку и большую *хабизджину*. Передъ священными знаками ставятся восковыя свѣчи, и всѣ присутствующіе усердно молятся, творя крестное знаменіе, а потомъ, сѣвши вокругъ разведенныхъ костровъ, предаются веселому пиршеству.

— Подай намъ лучшаго Георгій! (хорзъ раги Вашкирки) слышатся повсюду возгласы пьющихъ вино и араку.

Съ наступленіемъ утра многіе изъ осетинъ отправляются на гору *Геры*, находящуюся въ Герскомъ ущельѣ Малоліахвскаго участка Осетинскаго округа.

По едва-проходимымъ тропинкамъ, ведущимъ по разнымъ направленіямъ на гору Геры, проникнутые чувствомъ благоговѣнія, спѣшатъ осетины къ стоящей на вершинѣ горы маленькой каменной церкви, безъ купола и обнесенной каменною, но уже развалившеюся оградою. Каждый старается опередить другаго, чтобы скорѣе достигнуть церкви и показать свое рвеніе.

Шумъ и говоръ, блеяніе барановъ, приведенныхъ на закланіе, ржаніе коней, взбирающихся съ всадниками на крутой подъемъ, и плачъ дѣтей, просящихся отъ усталости на руки къ родителямъ — все сливается въ одинъ общій гулъ, висящій надъ горами.

Подлѣ церкви видны женщины въ ситцевыхъ и шелковыхъ платьяхъ, самыхъ пестрыхъ цвѣтовъ, а между ними изрѣдка промелькнетъ молодая дѣвушка въ *зилатъ*—плащѣ изъ краснаго сукна, указывающемъ, что носящая его невѣста, ожидающая счастливаго супружества.

Избравъ себѣ вблизи церкви мѣсто стоянки и развернувъ значки съ изображеніемъ Св. Георгія, каждое семейство открываетъ подъ сѣнію значка торжественное шествіе въ церковь. Шествіе это сопровождается хвалебными гимнами, сложенными въ честь святаго, и множествомъ зажженныхъ свѣчей. При этомъ каждое семейство несетъ передъ собою *хабизджину*, на которой положена четвертая часть принесеннаго въ жертву барана, пиво, аракъ, и пучекъ бѣлаго шелка, съ нанизанными на немъ мелкими серебряными монетами. Заходя въ церковь съ восточной стороны, богомольцы встрѣчаютъ у наружной двери храма священника съ образомъ Св. Георгія, и старшаго деканоза (главнаго церковнаго старосту), изъ осетинъ, съ хоругвью того же святаго. Подлѣ нихъ стоитъ младшій деканозъ, для принятія приношеній.

Приложившись къ иконѣ и хоругви, которую деканозъ наклоняетъ надъ головою каждаго и произноситъ молитву, богомольцы передаютъ младшему деканозу свои добровольныя пожертвованія.

Затѣмъ одни изъ богомольцевъ входятъ внутрь храма, молятся и ставятъ свѣчи передъ иконами, другіе считаютъ обрядъ оконченнымъ и гуляютъ по развалинамъ ограды, разсуждая о житейскихъ своихъ нуждахъ, и наконецъ третьи идутъ къ священному дубу, стоящему на самомъ краю утесистой горы, возвышающейся футовъ на 200 надъ окружающею мѣстностію.

По вѣрованію осетинъ, дубъ этотъ имѣетъ способность изгонять нечистую силу, находящуюся въ человѣкѣ. Поэтому туземцы въ теченіе цѣлаго года, а не исключительно въ праздничный день, обращаются къ дубу, находящемуся при храмѣ Св. Георгія Герскаго. Какъ только замѣчено бываетъ въ комъ либо помраченіе ума, или падучая болѣзнь, больнаго тотчасъ же отвозятъ въ эту церковь, и, оставивъ его тамъ на нѣсколько дней, приводятъ потомъ къ священному дубу. Привязавъ одинъ конецъ веревки къ стволу дуба, а другимъ опоясавъ больнаго, спускаютъ его внизъ до половины скалы, угрожая сбросить его въ пропасть, если больной не назоветъ имени того нечистаго, который сидитъ въ немъ. Осетины чистосердечно увѣряютъ, что названный по имени духъ мгновенно изчезаетъ и больной выздоравливаетъ. Случается, что на всѣ угрозы больной не называетъ имени своего мучителя, тогда туземцы объясняютъ упорство больнаго тѣмъ, что при спускѣ съ горы онъ больше людскихъ угрозъ боится какихъ-то чудовищъ, которые пугаютъ его во время опусканія. Такіе больные считаются народомъ неизлечимыми.

По окончаніи обѣдни, съ восточной стороны церкви на прекрасной полянѣ, подъ церковною оградою, размѣщаются богомольцы, мужчины отдѣльно отъ женщинъ. На зеленой травѣ лежатъ съѣстные припасы и напитки.

Одинъ изъ прислуживающихъ, наливъ въ большой деревянный кубокъ пива, а въ маленькій рожокъ вина, подноситъ ихъ къ старшему изъ присутствующихъ. Тотъ встаетъ, а за нимъ встаютъ и всѣ богомольцы. Старшій произноситъ молитву, а остальные повторяютъ *оменъ* (аминь). Благословивъ трапезу и присутствующихъ отъ имени Вашкирки, читавшій молитву садится на свое мѣсто. Всѣ остальные слѣдуютъ его примѣру и принимаются за трапезу, сопровождаемую частыми пистолетными выстрѣлами. Сосуды съ пивомъ и виномъ переходятъ изъ рукъ въ руки, мало по малу все оживляется, начинаются танцы, джигитовка и игры.

Съ закатомъ солнца осетины, забравъ своихъ женъ, дѣтей и приложившись еще разъ къ наружной стѣнѣ храма, отправляются домой, поручая себя покровительству Св. Георгія.

Двѣ недѣли, слѣдующія непосредственно за праздникомъ, посвящаются осетинами исключительно обрученіямъ (усракорта) и свадьбамъ (киндзахсанъ). Свадьбы, совершаемыя въ эти двѣ недѣли, пользуются особымъ уваженіемъ въ народѣ и не расторгаются такъ скоро разводомъ, какъ это бываетъ съ тѣми, которыя совершаются въ прочее время года.

Вообще къ Св. Георгію простой народъ питаетъ не только уваженіе, но и благоговѣйное обожаніе.

По вѣрованію туземца, если человѣкъ забываетъ Бога и впадаетъ въ грѣхи, то великомученикъ принимаетъ строгія мѣры къ его исправленію, избирая орудіемъ для того *кадаги* (вѣщуна). Св. Георгій не обращаетъ тогда вниманія на то, къ числу порочныхъ или праведныхъ лицъ принадлежитъ кадаги, лишь бы только чрезъ него достигнуть цѣли. Кадаги, по преимуществу больной, получившій невидимымъ путемъ призваніе свыше, начинаетъ свое пророчество, или, по увѣренію народа, «*всегда вѣрное*» предсказаніе. Въ судорожныхъ движеніяхъ, кривляніяхъ и т. п., подъ страхомъ наказанія отъ Св. Георгія, онъ громко проповѣдуетъ всеобщее покаяніе, а страждущимъ пилигримство и кровавыя жертвы.

Слова кадаги скоро разносятся по всѣмъ селеніямъ и распространяютъ страхъ между жителями. Толпа валитъ къ нему со всѣхъ сторонъ и смиренно преклоняетъ колѣна. Громовыя рѣчи его слушаютъ какъ предсказанія ангела и исполняютъ ихъ безпрекословно, съ особеннымъ тщаніемъ. Тѣ, кого онъ обязалъ сдѣлать путешествіе или покаяться передъ какимъ либо образомъ, надѣваютъ бѣлую одежду и отправляются босикомъ къ мѣсту назначенія; на шею надѣваютъ мѣдныя проволоки, унизанныя просверленными монетами и прилѣпленными къ нимъ кусками воску. Достигнувъ мѣста покаянія, закалываютъ жертвы, а священники, пользуясь этимъ суевѣріемъ народа, читаютъ надъ пришедшимъ очистительныя молитвы, стригутъ крестообразно волоса на головѣ и снимаютъ съ молящагося знаки обѣта, какъ доказательство, что онъ выполненъ.

Въ 1840 году въ Карталинской Осетіи образовалась цѣлая секта геор-

гіянцевъ, представителями которой были, по преимуществу, женщины. Они расхаживали по деревнямъ и проповѣдывали устами Св. Георгія разныя нелѣпости. Увѣряя народъ, что святой приказалъ христіанамъ работать только три дня въ недѣлю, сектанты составили въ честь его особую молитву и установили новые обряды.

Поводомъ къ этому волненію была молодая женщина, лѣтъ двадцати, жена одного зажиточнаго осетина. Марине—такъ звали эту женщину — была бездѣтна и, видя въ этомъ наказаніе или испытаніе ниспосланное Богомъ, она, сдѣлавшись до чрезвычайности религіозна, стала прилежно посѣщать церковь. Каждый разъ, стоя передъ образомъ на колѣняхъ, Марине била себя въ грудь и просила Матерь Божію оплодотворить ее. Молитва ея не была услышана и она оставалась попрежнему бездѣтна. Занятая постоянно одною и тою же мыслію, бѣдная женщина стала выказывать странности въ характерѣ. Ей пришло на мысль, и она скоро увѣрила себя, что такое наказаніе ей ниспослано Господомъ за грѣхи людей, и что до тѣхъ поръ она останется безплодною, пока не наведетъ людей на путь истины.

— Я просила Бога, разсказывала она, какъ достигнуть этой спасительной цѣли и не разъ получала утѣшеніе въ видѣніяхъ.

Распаленное воображеніе рисовало ей Бога, окруженнаго на облакахъ сонмомъ ангеловъ, или Матерь Божію съ ея святымъ младенцемъ.

— Марине! слышался ей каждый разъ невѣдомый голосъ: потерпи еще, и будетъ по желанію твоему.

Въ этихъ словахъ бѣдная женщина видѣла ободрѣніе свыше.

Она надѣла бѣлое платье, опоясала себя веревкой и предалась еще большимъ молитвамъ. Постоянное напряженіе душевныхъ силъ помрачило ея разсудокъ и разстроило здоровье. Лицо ея сдѣлалось болѣзненно, глаза блуждали; она прервала всякую связь съ міромъ, сообщеніе съ мужемъ и, переселившись въ миръ фантазіи, жила воображеніемъ. Чувствуя съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе потребность къ уединенію, Марине жила днемъ въ пещерѣ, а ночью бродила по лѣсамъ и горамъ. Бѣлая одежда, распущенные волоса дѣлали ее похожею на привидѣніе; прохожіе, встрѣчавшіе ее въ такомъ видѣ, видѣли, какъ она постоянно что-то бормотала про себя...

Таково было состояніе бѣдной Марине, лишившейся разсудка. Наступилъ день 23-го апрѣля, когда осетины празднуютъ память Св. Георгія. Толпы народа съ ранняго утра собирались около древняго храма, въ честь Великомученика и находящагося неподалеку отъ селенія Дзагинъ. Изъ дальнихъ странъ шли богомольцы къ храму, чтобы принести жертву святому, особенно уважаемому осетинами. На праздникъ пришла и Марине. Она смиренно стояла во храмѣ впереди всѣхъ и молилась. Обѣдня подходила къ концу, какъ вдругъ она пронзительно вскрикнула и упала въ корчахъ.

— Грѣхи ваши, грѣхи, кричала она, обращаясь къ присутствующимъ, оскорбляютъ Бога! Вы человѣкоубійцы и воры, вы забыли Господа и Св.

Георгія и уже не приносите имъ тучныхъ воловъ и овецъ. Покаянія! покаянія требуетъ отъ васъ небо. Иначе, если не послушаетесь, вы погибнете: мечъ Божій уже изощренъ! Скоро голодъ и всякія язвы распространятся между людьми; земля съ ревомъ раскроетъ свою пасть и извергнетъ огненные потоки, горные ручьи образуютъ потопъ. Кто избѣгнетъ всего этого, того поразитъ свой же ближній. Вай, страшный вай ждетъ весь свѣтъ!

Суевѣрный народъ былъ пораженъ до крайности подобными словами. Глухой шумъ отъ ударовъ въ грудь и рыданія многихъ, въ особенности женщинъ, огласили церковь. Пораженные осетины, не зная что дѣлать, обратились къ тому же Георгію съ просьбою о прощеніи.

— Сдѣлаемъ все, все что отъ насъ потребуешь, Св. Георгій, говорилъ народъ.

— Нѣтъ, вы обманщики, слышался голосъ неумолимой Марине. Вамъ не вѣритъ Св. Георгій, вы должны дать ему письменное обязательство.

— Согласны, всѣ согласны, кричалъ народъ.

Д. Бокрадзе приводитъ переводъ письменнаго обязательства, подписаннаго осетинами и переданнаго на храненіе священнику. Всѣ осетины, большіе и малые, мужчины, женщины и дѣти обѣщались Св. Георгію, если онъ проститъ ихъ грѣхи, воздержаться отъ пороковъ. Они клялись не заниматься убійствомъ, разбоемъ, воровствомъ, не дѣлать набѣговъ, не портить чужихъ сѣнокосовъ, не воровать скота, хлѣба и овощей. Обѣщались отказаться отъ грѣховныхъ связей съ мачихами, сестрами родными и двоюродными, невѣстками и кумами. Въ посты не ѣсть ничего мяснаго, а въ великій постъ говѣть и пріобщаться святыхъ таинъ; праздновать не только праздники, но не работать по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ; не ѣсть падали; любить ближняго и не жаловаться ни на кого. Кто измѣнитъ клятвѣ, на того народъ призывалъ строжайшее наказаніе Св. Георгія.

Достигнувъ своей цѣли, Марине торжествовала и въ глазахъ народа сдѣлалась общею проповѣдницею. Съ крестомъ въ рукѣ, она переходила изъ деревни въ деревню, проповѣдуя повсюду покаяніе. Распаленное воображеніе ея, раздраженное состояніе проходило, а въ замѣнъ того лицо ея и глаза блестѣли внутреннимъ торжествомъ. Недугъ, отъ котораго она исцѣлилась, заразилъ другихъ; въ народѣ появилось множество ея послѣдователей, старавшихся перещеголять другъ друга своимъ призваніемъ свыше. Въ обыкновенные и праздничные дни, въ деревнѣ и въ церкви, гдѣ только собирался народъ, появлялись кадаги и преслѣдовали его своими проповѣдями.

— Горе, горе вамъ! кричитъ изступленная женщина въ одной саклѣ, вы сами виноваты: Господь наказываетъ васъ за ваши грѣхи. Перестаньте безчинствовать, если хотите, чтобы вамъ было хорошо—это слова Св. Георгія.

Почти голая, съ распущенными волосами, съ исковерканнымъ и исцарапаннымъ лицомъ, кадаги кричитъ и реветъ что есть мочи.

— Св. Георгій, помоги! Напрасно тебя люди ищутъ въ церкви, ты здѣсь! кричитъ въ другой саклѣ молодой человѣкъ, прося помощи у великомученика.

Кадаги распространились повсюду. Одна изъ нихъ видитъ Св. Георгія на бѣломъ конѣ, съ пылающимъ отъ гнѣва лицомъ и держащаго живаго дракона, связаннаго веревкой; другой — мерещутся черти съ страшными рогами, длинными зубами и когтями на ножныхъ пальцахъ. Тотъ проповѣдуетъ истинное покаяніе и отрѣшеніе отъ плоти, а этотъ, напротивъ—удовольствіе и любовь. Одни вскакиваютъ на деревья; другіе взбираются на кровлю церкви и, падая оттуда, съ довольно большой высоты, не разбиваются. Предвѣщаніямъ и требованіямъ ихъ не было конца; въ одномъ углу кадаги требуетъ принесенія въ жертву десяти быковъ, въ другомъ кричитъ, чтобы такой-то принесъ въ жертву десять барановъ; тотъ требуетъ, чтобы Созрико отдалъ дочь свою за Сасо, а этотъ кричитъ, чтобы Созрико, подъ страхомъ наказанія отъ Св. Георгія, не смѣлъ выдавать своей дочери за Сасо.

Отъ безчисленныхъ и противорѣчивыхъ требованій, у народа становились дыбомъ волосы, онъ не зналъ что дѣлать. Считая необходимымъ исполнять требованія предсказателей, народъ то ходилъ, въ теченіе цѣлаго мѣсяца, босикомъ, то привязывалъ къ рукѣ *шану* (¹) и носилъ ее до извѣстнаго срока.

Въ такомъ печальномъ, неспокойномъ настроеніи, ожидая ежеминутно небесной кары, собирались осетины на праздникъ въ мѣстечко Корниси. Мѣсто сбора образуетъ довольно обширную луговину, вокругъ поросшую дремучимъ лѣсомъ. Стоящее посреди церковное зданіе имѣетъ крестообразный видъ и прикрыто - различными кустами и вьющимися растеніями. Глухой говоръ оглашалъ окрестности. Въ разныхъ мѣстахъ горѣло нѣсколько костровъ, надъ которыми въ большихъ котлахъ кипятили воду; подлѣ костровъ лежали огромные деревянные вертела, для шашлыковъ. Приведенный на жертву скотъ стоялъ привязаннымъ къ деревьямъ; часть его была уже зарѣзана и выпотрашивалась. По всему пространству, тамъ и сямъ, сновалъ босой народъ, едва прикрытый лохмотьями. Между нимъ вертѣлись кадаги, требующія покаянія и жертвы. Толпа переходила отъ одной кадаги къ другой, съ потупленными взорами и съ лицами, выражающими страхъ, просила прощенія Св. Георгія.

— Все, все сдѣлаемъ, Св. Георгій, говорили со страхомъ собравшіеся на праздникъ; требуй отъ насъ чего хочешь, только не губи насъ!

Осетины не на шутку вѣрили, что своими грѣхами оскорбили небо и святаго.

Заколотыя и сваренныя въ честь святаго жертвы призывали къ трапезѣ. Обѣдъ успокоилъ на нѣкоторое время ошеломленныхъ. Всѣ принялись за ѣду: дернъ служилъ для нихъ супрою (скатертью); небольшія плетенки—

(¹) Шанъ—мелкая просверленная монета, которую надѣваютъ на стальную проволоку и привязываютъ къ оконечности руки.

подносами, на которыхъ подавались черствые чуреки, сыръ и большіе куски недовареной говядины. По близости стояли бочки араки (водки) и луды (пива изъ ячменя съ хмѣлемъ).

По старшинству лѣтъ и въ нѣсколько радовъ расположились присутствующіе, кто въ полусидячемъ положеніи, кто на маленькихъ скамеечкахъ. Женщины перемѣшались съ мужчинами, — онѣ не дичатся ихъ. Кадаги успокоились, и только окровавленныя лица и блуждающіе глаза свидѣтельствовали о недавнемъ ихъ недугѣ.

Передъ началомъ обѣда старшина поднялся на ноги и за нимъ поднялись и всѣ. Онъ взялъ кубокъ или ковшъ съ аракою и обратился къ присутствующимъ съ такою рѣчью:

— Слушайте, почтенные старцы, и умолкните неразумные щенки, сказалъ онъ имъ. Я буду говорить вамъ дѣло. Пейте и ѣшьте во славу Св. Георгія. Великій мужъ! помирись съ нами и будемъ попрежнему друзьями. Мы, право, будемъ выполнять все, что приказываешь черезъ кадаговъ: соблюдать посты, праздновать всегда три дня въ недѣлю; не станемъ уже заниматься ни воровствомъ, ни убійствомъ.

Послѣ такой рѣчи началась попойка, продолжавшаяся долго. Поднялся шумъ и религіозный страхъ мало по малу изчезъ. Мужчины и женщины плясали вмѣстѣ, нѣсколько разъ затѣвалась драка, противники хватались за кинжалы, и только появленіе кадагъ, ихъ кривляніе и посредничество заставляло противниковъ вспомнить о тяготѣющемъ надъ народомъ небесномъ гнѣвѣ и удержаться отъ кровавой сцены. Предсказаніе и требованіе кадагъ дурно вліяло на осетинъ. По одному ихъ приказанію, они приносили въ жертву послѣднихъ быковъ и барановъ; попойки, часто повторяемыя, разоряли поселянъ, постановившихъ къ тому же не работать по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ. Все это не могло не обратить вниманія правительства, стараніями котораго осетины были успокоены, секты георгіанцевъ «не существуетъ, но Марине, говоритъ Д. Б—дзе, доселѣ жива: она совершенно здорова умственно и физически и имѣетъ дѣтей» ([1]).

Троицынъ день, извѣстный у осетинъ подъ именемъ *Кардагъ-Хасанъ* — сборъ травъ, считается въ числѣ главныхъ праздниковъ и празднуется съ особеннымъ великолѣпіемъ въ аулахъ осетинскаго ущелья Санебанъ. Гора, на которой приносятся жертвы, называется Рекомъ. Жрецъ, для исполненія церемонія праздника, выбирается поочереди изъ почетнѣйшихъ стариковъ. Жертвоприношеніе оканчивается пиромъ, а куски пищи, предназначенные на жертву, складываются въ сторонѣ на какое нибудь дерево, посвященное Кардагъ-Хасанъ, т. е. Св. Троицѣ ([2]).

([1]) Осетины Георгіанцы Д. Б—дзе Кавк. 1851 г. № 69. Грузинскія гадальщицы Н. Б. Кавк. 1853 г. № 56.

([2]) О народныхъ праздникахъ и проч. Вердеревскаго Кавк. 1855 г. № 5.

Черезъ двѣ недѣли послѣ Кардагъ-Хасана (Св. Троицы) у осетинъ бываетъ праздникъ *Уацила*, въ честь пророка Иліи. Подъ именемъ *Уацилы* или *Вацилы* осетины разумѣютъ пророка Илію, котораго считаютъ управляющимъ громомъ и молніею и представляютъ себѣ сидящимъ въ огненной колесницѣ, везомой огненными крылатыми конями. Во время засухи или продолжительной непогоды осетины обращаются съ молитвою къ этому святому, прося его пощадить ихъ нивы, полевыя и огородныя растенія. Жертвоприношеніе, въ такомъ случаѣ, совершается подъ дубомъ, который выбирается, по преимуществу, старый и солидныхъ размѣровъ въ поперечникѣ.

Громовой ударъ осетины считаютъ проявленіемъ сильнаго гнѣва Вацилы. Почти всегда, въ каждомъ аулѣ, найдется такая старуха, которая, послѣ удара грома и молніи, впадаетъ въ обморокъ, начинаетъ рвать на себѣ волосы, бить по лицу, скрежетать зубами, производить кривлянья и различныя гримасы, словомъ, показываетъ себя какъ бы *навожденною*. Распѣвая непонятныя пѣсни, она особенно часто повторяетъ: «*цопай во елдари цоппай*». Подобное лицо народъ считаетъ пророчицею Св. Иліи и спрашиваютъ у нея чего требуетъ Вацила, для удовлетворенія своего гнѣва. Она обыкновенно требуетъ принести въ жертву нѣсколько воловъ и барановъ и тѣмъ доставляетъ общую радость жителямъ, имѣющимъ случай лишній разъ насытиться и повеселиться ([1]).

Въ день праздника каждый хозяинъ долженъ принести жертву по средствамъ. Зарѣзавъ корову, барана или козла и помолившись Богу, начинаютъ пировать, приглашая сосѣдей, но съ тѣмъ однако же, чтобы каждый приглашенный пришелъ со своими кушаньями, приготовленными изъ жертвы, принесенной по случаю этого дня. Напившись и наѣвшись до сыта, хозяинъ, вмѣстѣ съ своими ближайшими родственниками, относитъ въ лѣсъ кожу животнаго принесеннаго въ жертву и, повѣсивъ ее на дерево, произноситъ при этомъ слова приличныя празднику. Кожа остается на деревѣ, какъ свидѣтельство въ точномъ исполненіи праздника.

Главное же мѣсто празднованія происходитъ въ аулѣ *Какадуръ*, въ Тагаурскихъ горахъ, гдѣ существуетъ одна изъ горъ посвященныхъ пророку Иліи, и тамъ живетъ главный жрецъ *дзуаръ-лагъ* (образъ-человѣкъ, святой человѣкъ)—распорядитель Св. Иліи.

Дзуаръ-лагъ одинъ посвященъ въ таинство приношенія жертвъ и выбирается изъ числа самыхъ почтенныхъ стариковъ, преимущественно одной и той же фамиліи. Онъ одинъ только можетъ всходить на священную гору, получать подарки въ день праздника, ходить въ бѣлой одеждѣ, гадать и приносить жертвы.

Въ пещерѣ горы устроенъ жертвенникъ, въ которомъ хранятся всѣ приношенія и священная чаша. За три дня до наступленія праздника дзуаръ-

---

([1]) Очерки Осетіи Н. Берзеновъ Кавк. 1850 г. № 48.

лагъ долженъ приготовиться къ совершенію таинствъ. Приготовленіе это заключается въ омовеніи въ теченіе трехъ послѣднихъ дней молокомъ, чтобы чище явиться передъ святымъ, въ надѣваніи бѣлаго платья и приготовленіи, нарочно для праздника, пива. Вечеромъ, наканунѣ праздника, дзуаръ-лагъ, взявъ съ собою пиво, отправляется на гору. Подойдя къ жертвеннику, онъ наливаетъ пиво въ чашу и, поставивъ ее на самомъ высокомъ и видномъ мѣстѣ горы, ложится подлѣ нея спать, на всю ночь.

По вѣрованію народа, въ эту ночь Вацила (т. е. св. Илія), спустившись съ неба, опрокидываетъ чашу. Дзуаръ-лагъ, проснувшись поутру въ день праздника, смотритъ, въ которую сторону пролито пиво, и, сообразно съ этимъ, дѣлаетъ свои предсказанія о благополучіи текущаго года, объ урожаѣ и проч. Пиво, пролитое къ сторонѣ горъ, предвѣщаетъ урожай Осетіи; а къ Кабардѣ и Чечнѣ—урожай тѣмъ народамъ. За тѣмъ гадатель спускается съ горы и за хорошее предвѣщаніе получаетъ подарки съѣстнымъ или вещами, кто чѣмъ можетъ и кому чѣмъ вздумается подарить его.

Здѣсь празднованіе отличается отъ прочихъ мѣстъ тѣмъ, что жертвы не вносятся на гору, а во время молитвы жреца народъ стоитъ въ почтительномъ отдаленіи отъ горы и потомъ ѣдятъ не въ общей трапезѣ, а кто что пригадалъ себѣ къ празднику.

Дзуаръ-лагъ занимается гаданьемъ и въ прочіе дни года. Больной приглашаетъ его часто открыть истинную причину болѣзни. Дзуаръ-лагъ беретъ четыре палочки, длиною въ полъ аршина каждая, сращиваетъ ихъ попарно и дѣлаетъ на обоихъ концахъ разсѣчены. Положивъ ихъ на столъ такъ, чтобы пара отъ пары отстояла на полъ-аршина, покрываетъ ихъ овчиною или кожею. Послѣ того приступаетъ къ чтенію заклинаній и молитвъ, прося, чтобы тайна открылась.

— Не сердится-ли *Тбавъ-Вацила* (св. пророкъ Илія) за что-нибудь на больнаго? спрашиваетъ жрецъ, окончивъ молитву и обращаясь къ таинственному покрывалу; если сердится, то пусть лѣвая пара приподнимется.

Тбавъ-Вацила, конечно, прогнѣвался на больнаго, иначе не могло бы быть гаданья: и вотъ лѣвая пара начинаетъ приподниматься и становится въ видѣ стропилъ.

— Чѣмъ ты провинился противъ святаго? спрашиваетъ гадающій больнаго.

— Въ праздникъ св. Иліи, говоритъ обыкновенно больной, желающій поскорѣе выздоровѣть, не принесъ я въ жертву лучшаго, не исполнилъ обѣщанія и не варилъ пива.

— Не угодны-ли будутъ новыя жертвы больнаго? спрашиваетъ гадающій, обращаясь къ пророку Иліи.

Согласіе слѣдуетъ всегда за такимъ вопросомъ и, въ знакъ его, правая пара палочекъ также начинаетъ подниматься, и, достигнувъ до одной высоты съ лѣвою, обѣ пары соединяются.

Дзуаръ-лагъ получаетъ подарки, Вацила—новыя жертвы, а больной дол-

женъ выздоровѣть непремѣнно; если же умретъ—самъ виноватъ, потому что, вѣроятно, снова прогнѣвилъ святаго (¹).

Кромѣ гаданій дзуаръ-лага, осетины имѣютъ своихъ *дасныте*—знахарей и знахарокъ. Первые, по замѣчанію Ин. Тхостова, служатъ посредниками между людьми и святыми, а главное—между нечистыми силами; а вторыя—между Богомъ, святыми и людьми. Тѣ и другія пользуются громаднымъ значеніемъ. Предсказанія ихъ считаются пророчествомъ, ихъ нашептываніе цѣлительнымъ лекарствомъ, ихъ хожденіе вокругъ дома — сохраненіемъ отъ всякаго несчастія и изгнаніемъ изъ сакли шайтана (чорта).

Слава нѣкоторыхъ знахарей извѣстна по всей Осетіи, и нуждающіеся призываютъ такого знахаря часто за нѣсколько десятковъ верстъ.

Знахарь приступаетъ къ дѣлу только тогда, когда ему принесутъ на кругленькомъ столикѣ *уалибыхту*—пышку.

Во все время пребыванія своего въ домѣ призвавшаго, знахарь то нашептываетъ что-то, показывая видъ, что не обращаетъ вниманія на присутствующихъ, то громко молится, призывая на помощь всѣхъ святыхъ и нечистыхъ силъ. Накушавшись *уалибыхта* и разговаривая съ хозяевами, знахарь нарочно какъ-бы заговаривается, на языкѣ непонятномъ для окружающихъ, и старается показать, что бесѣдуетъ съ невидимыми силами. За тѣмъ, вечеромъ, онъ ложится спать очень рано, а призвавшіе его кладутъ ему подъ подушку серебряную монету, безъ которой духи ничего не сообщаютъ и самому знахарю. «Тутъ-то, въ тиши ночной, къ нему являются на помощь силы небесныя и подземныя, и происходитъ потѣха. Знахарь то споритъ съ духами, то умоляетъ ихъ, говоря, что страждущій прекраснѣйшій человѣкъ въ мірѣ, а семейство его и родные—самые праведные».

На утро, съѣвъ новую пышку и помолившись, знахарь объявляетъ, чѣмъ можетъ помочь больному, рѣжетъ быка или барана въ жертву тому святому, который, по его словамъ, причинилъ болѣзнь, наговариваетъ, нашептываетъ и, захвативъ съ собою все, что успѣлъ набрать или выпросить, отправляется домой.

Знахарка поступаетъ, въ этомъ случаѣ, нѣсколько иначе. Она начинаетъ съ разспросовъ больнаго: не святотатствовалъ ли онъ, не обманулъ ли какого святаго обѣщаніемъ принести жертву и, наконецъ, не отлучался ли изъ дому во время аульнаго праздника.

Разспросивъ такимъ образомъ и узнавъ что ей нужно, она беретъ чистый *кардань* — бѣлое покрывало, завязываетъ въ одинъ конецъ его уголекъ и отъ него начинаетъ отмѣривать локтемъ, обозначая границы каждаго локтя булавкой или иголкой. За тѣмъ объявляетъ, что святой, напримѣръ Вацила, который, и по мнѣнію родныхъ больнаго, болѣе другихъ обиженъ,

(¹) Религіозные обряды осетинъ и проч. Шегрена Кавк. 1846 г. № 28. Поѣздка въ Кударское ущелье. Василій Переваленко Кавк. 1849 г. № 40.

прогнѣвался на страждущаго. Для большаго эфекта, она перебираетъ предварительно нѣсколькихъ святыхъ, непричастныхъ къ дѣлу.

— Если причиной болѣзни, говоритъ она, такой-то святой, то пусть кардан увеличится или уменьшится.

Карданъ не увеличивается до тѣхъ поръ, пока дѣло не дойдетъ до названія Вацилы: тогда гадальщица ловко вытягиваетъ карданъ или переходитъ черезъ границу, обозначенную иголкой.

— Смотрите, смотрите, какъ озлобленъ Вацила, говоритъ она: карданъ увеличился на цѣлый локоть.

Окружающіе, занятые мольбою о снисхожденіи къ больному и всему его семейству, не замѣчаютъ обмана знахарки, которая, чтобы умилостивить святаго, назначаетъ двойную жертву, «увѣряя, что больной поправится, потому что святой, открывшись, что онъ причиною болѣзни, согласился снизойти къ его ошибкамъ и простить ихъ».

Другой способъ леченія заключается въ привязываніи на шею больнаго камня «*чортовы кости*» и клочка черной матеріи, которыя должны быть неразлучны съ нимъ.

Эти вещи даются знахарками и людямъ здоровымъ, въ предохраненіе отъ всякаго недобраго случая.

Талисманы составляютъ не послѣднее дѣло въ жизни народа. Осетины зашиваютъ въ кожицу небольшой треугольникъ листоваго желѣза, съ вырѣзаннымъ въ срединѣ его крестомъ. Въ такую ладонку насыпаютъ толченаго угля и сѣры, а иногда, кромѣ того, кладутъ сплюснутыя пули, бывшія на жертвенникахъ, или землю, траву, листья и считаютъ тогда себя предохраненными отъ нечистой силы и смерти въ бою. Такія ладонки носятся на шеѣ, а дѣтямъ надѣваютъ ихъ въ первый разъ въ понедѣльникъ и вторникъ первой недѣли великаго поста.

Нѣкоторые носятъ магометанскія молитвы, писанныя по-арабски, на бумагѣ, шириною въ вершокъ и длиною въ ростъ человѣка, за подписью и печатью муллы. Если бумага приходится какъ разъ по росту носящаго молитву, то онъ считаетъ себя въ безопасности отъ пуль, шашекъ и дьявольскаго наважденія.

Послѣднее можетъ быть наведено на человѣка чародѣйствомъ и колдовствомъ. Колдуны и колдуньи, а въ особенности послѣднія, существуютъ и въ Осетіи, но находятся въ постоянной враждѣ съ *даснынге*—знахарями, знающими средство избавлять честной народъ отъ порчи колдовствомъ.

Подозрѣваемаго въ колдовствѣ человѣка знахарь ведетъ къ калиткѣ околдованнаго, привязываетъ къ нему передникъ, въ которомъ завязаны отруби, такъ, чтобы они не разсыпались безъ поддержки. «Когда все это готово, говоритъ Тхостовъ, знахарь, у ногъ предполагаемаго колдуна, рѣжетъ черную курицу и затѣмъ начинаетъ водить его вокругъ сакли, нашептывая что-то и ощипывая курицу, пухъ которой разбрасываетъ во всѣ стороны. Обойдя,

такимъ образомъ, трижды кругомъ сакли, онъ останавливается у калитки, говоритъ какія-то фразы, въ родѣ молитвы, и потомъ, отпустивши подозрѣваемаго колдуна, начинаетъ увѣрять призвавшихъ его, что колдовства уже нѣтъ и не будетъ.

Бываютъ случаи, когда на эту церемонію трудно уговорить заподозрѣнное лицо; тогда знахарь приказываетъ секретно отрѣзать у него что-нибудь изъ платья и достать клочекъ изъ его волосъ и съ ними уже совершаетъ описанную процедуру, по окончаніи которой лоскутъ и волосы зарываются въ землю, близъ сакли лица, потерпѣвшаго отъ колдовства (1)».

Вѣра въ существованіе многихъ духовъ, разнаго рода покровителей, защитниковъ и угнетателей рода человѣческаго и боязнь прогнѣвить ихъ, вызвала народъ на совершеніе многихъ праздниковъ, и притомъ такихъ, что и сами осетины не знаютъ, въ честь кого празднуютъ.

Никто изъ осетинъ самъ собою не смѣетъ приступить къ сѣнокошенію, а долженъ выйдти на покосъ въ одно время и непремѣнно вмѣстѣ со всѣми жителями аула, округа или цѣлаго ущелья.

Хотя трава давно уже поспѣла, но горскіе осетины не рѣшаются косить ее ранѣе іюля мѣсяца и прежде совершенія праздника *атинага*. Тотъ, кто прежде этого времени возьметъ въ руку что-нибудь острое—*цирзагъ*, тотъ считается причиною дурной погоды. Отъ этого и самый день, въ, который бываетъ праздникъ атинагъ, носитъ названіе *циргисани-бонъ*, а торжество — *циргисани-кувдъ*, т. е. молитва по случаю взятія въ руки остраго.

Раннее начатіе косьбы, по сказанію осетинъ, влечетъ за собою гнѣвъ святыхъ, насылающихъ дождь, непогоду, жгучіе жары и прочіе невзгоды, весьма вредныя для сѣнокоса или жатвы. Кто желаетъ начать сѣнокосъ раньше празднованія *атинага*, тотъ платитъ въ пользу аула штрафъ—*исаръ* или *коди*, состоящій иногда изъ двухъ быковъ, которые приносятся въ жертву богамъ, а шкуры ихъ промѣниваются на сыръ или отдаются кузнецамъ для раздувальныхъ мѣховъ.

Въ началѣ іюля, старѣйшины, на совѣтѣ, рѣшаютъ, когда быть *атинагу*, и, съ рѣшеніемъ своимъ, посылаютъ по аулу *фидисага*—глашатая, который, проходя по улицамъ аула, кричитъ о рѣшеніи совѣта.

— Ра-уй! прибавляетъ онъ при этомъ отъ себя, никто да не скажетъ, что онъ не слышитъ: кто имѣетъ уши, да слышитъ!

Въ аулѣ происходитъ въ это время дѣятельное приготовленіе араки, пива, браги и проч.

Въ назначенный день, по приглашенію того же *фидисага*, жители собираются въ чьемъ-нибудь домѣ, сараѣ или, просто, на открытомъ полѣ и при-

(1) Знахари и знахарки Осетіи. Ип. Тхостова Терскія вѣдом. 1868 г. № 27. Кавк. 1868 г. № 85. Религіозные обряды осетинъ и проч. Шагрена Кавк. 1846 г. № 30.

носять съ собою *чирта*—пироги и напитки. На складчину покупають или нѣсколько барановъ, или быка. Послѣ молитвы одного изъ старѣйшихъ надъ жертвою, ее передають на закланіе, разсѣкають потомъ по членамъ, такъ чтобы кости остались непремѣнно цѣлыми, и бросають ихъ въ большой мѣдный котелъ, поставленный на огнѣ; сердце, легкое и печень идутъ на приготовленіе шашлыка, а кишки и брюшина—на *турбасъ*, или *либау*, особое кушанье, къ которому прибавляють немного копченаго жира; кушанье это составляетъ лакомство для осетинъ.

По возвѣщеніи фидивага, что обѣдъ готовъ, всѣ садятся по порядку, уступая почетныя мѣста старшимъ. Ловкіе и опытные люди, по выбору общества, служатъ во время обѣда. Мясо вынимается изъ котла, пироги собираются въ одну кучу, а почетнымъ старшинамъ подаются турьи рога, наполненные аракою, виномъ или брагою.

Одинъ, самый старѣйшій изъ аула, подымается на ноги и снимаетъ шапку; его примѣру слѣдуютъ всѣ присутствующіе, и начинается молитва. Въ ней произносятъ имена всѣхъ святыхъ, прося ихъ милости и защиты.

— Слава тебѣ Боже, слава Тебѣ! (Хуцау табу-донъ, Хуцау!), произноситъ старшина и за тѣмъ проситъ *Саризадэ* (ангела головы) охранить каждаго отъ всякихъ золъ; *Уастырджи* (св. Георгія) помочь путникамъ и избавить отъ всякихъ напастей; *Дони-чизджиту* (дѣва воды) охранить отъ потопленія и, наконецъ, молящіеся предають себя волѣ *Санибэ* (Троицѣ).

Перечисливъ всѣхъ святыхъ, извѣстныхъ осетинамъ, присутствующіе на праздникѣ обращаются къ Елію и Вацилѣ съ особою молитвою.

— Елія! говоритъ старикъ, ты обладаешь громомъ, молніею и дождемъ; призри на людей твоихъ усердно тебѣ молящихся, и пошли съ неба столько дождя и свѣта, сколько нужно, да не засохнутъ и не сгніютъ хлѣба наши, да не потерпитъ народъ твой голода и жажды, каждый да принесетъ тебѣ жертву отъ плодовъ своихъ!... Вацила! да будутъ тебѣ угодны наши жертвы и молитвы; охраняй наши хлѣба и поля отъ засухи и непогоды, такъ какъ тебѣ отъ Бога дана эта сила и благодать.

— Оименъ Хуцау (аминь, Боже)! повторяетъ народъ за каждой фразой молитвы, произносимой старшиной, съ разстановками.

Старшина передаетъ затѣмъ одному изъ предстоящихъ стаканъ съ аракой или пивомъ и шашлыкъ.

— Да будутъ съ тобою милости, говоритъ тогда ему народъ, какъ тѣхъ святыхъ, которыхъ ты призвалъ, такъ и тѣхъ, о которыхъ умолчалъ.

Присутствующіе берутъ стаканы, полные вина, и шашлыки. Откусивъ отъ шашлыка и хлебнувъ вина, передаютъ слѣдующимъ, а въ это время вся приготовленная пища дѣлится по ровну и раздается по рукамъ. Послѣ обѣда бываютъ гимнастическія упражненія, прыганье, бѣганье взапуски, пляска, борьба и т. п. увеселенія.

Ежегодно, въ концѣ іюля или началѣ августа мѣсяца, жители осетин-

сихъ селеній верхняго и нижняго Кани, Тиени, Кау и переселенцы изъ этихъ мѣстностей празднуютъ въ честь своего патрона *Ногъ-Дзуара*, что значитъ *новый святой*. Ногъ-Дзуаръ пользуется не меньшимъ уваженіемъ у осетинъ этой мѣстности, какъ и св. Георгій, и ему приносятъ въ жертву барана, рога котораго обвиваютъ серебряною ниткою и кускомъ ваты. Богатые дѣлаютъ серебряный колокольчикъ, считаемый самою лучшею жертвою.

По вѣрованію народа, святой этотъ такъ строгъ, что не дозволяетъ, безъ особаго благоговѣнія, подходить къ своему жертвеннику и запрещаетъ говорить громко. Жертвенникъ его находится на горѣ, въ пяти верстахъ на юго-западъ отъ селенія Кани. Осмѣлившійся нарушить эти правила и ведущій себя неприлично во время жертвоприношенія, по сказанію народа, лишается языка или своротитъ ему ротъ на сторону, а главное, все время пиршества пролежитъ полумертвымъ (въ обморокѣ). Поэтому осетинъ, желающій угодить святому, долженъ, съ непокрытою головою, поднять жертву на своихъ плечахъ или спинѣ на довольно высокую гору, гдѣ стоитъ жертвенникъ, и долженъ выбрать для того самый жаркій день, чтобы болѣе утомиться.

За нѣсколько дней до праздника, осетины выбираютъ двухъ распорядителей. Выбранные получаютъ названіе дзуаръ-лага и обязаны вести себя прилично и опрятно, для чего, наканунѣ праздника, выкупаться и надѣть чистое бѣлье. Въ день торжества они раньше всѣхъ являются къ жертвеннику и ожидаютъ собранія богомольцевъ. Когда всѣ соберутся, тогда старшій изъ дзуаровъ поручаетъ одному изъ присутствующихъ стариковъ прочесть молитву, содержаніе которой всегда импровизированное — что взбредетъ на умъ въ минуту религіознаго настроенія. Послѣ молитвы, жрецы собираютъ на чистую бурку вещи, принесенныя въ даръ Ногъ-Дзуару, и относятъ ихъ на жертвенникъ.— «Молча и съ особеннымъ благоговѣніемъ ждетъ ихъ возвращенія собравшаяся на праздникъ толпа; начинаются радостныя поздравленія съ праздникомъ и, въ слѣдъ за тѣмъ, самое разгульное пиршество».

Осетины, искренно вѣрующіе въ святаго, не возвращаются до тѣхъ поръ домой, пока не перепьются и не передерутся.— Чрезъ три дня послѣ праздника, многіе закалываютъ быка, нарочно для того откормленнаго, и, пригласивъ сосѣдей, пируютъ. Этотъ пиръ называется *Ногъ-Дзуары арви-тоны бонъ*—день проводовъ Ногъ-Дзуара ([1]).

Кромѣ различнаго рода святыхъ, почитаемыхъ осетинами, каждый аулъ, или отдѣльное племя, имѣетъ своихъ идоловъ, покровителей и священныя мѣста, которыя, впрочемъ, по большей части, не уважаются и не признаются другими аулами и племенами ([2]). Только немногіе идолы, какъ,

([1]) Вѣрованіе осетинъ Ип. Тхостовъ Терек. вѣдом. 1868 г. № 12. Осетинскія народныя сказанія. Джантемира Шанаева. Сборн. свѣд. о кавказск. горцахъ, выпускъ III.

([2]) Различныя наименованія этихъ идоловъ желающіе могутъ найти въ статьѣ „Осетинскія народныя сказанія" Джантемира Шанаева. Сбор. Свѣд. о Кавказс. горцахъ выпускъ III.

напримѣръ, *Хцау-дзуаръ* (образъ Божій), *Фыры-дзуаръ* (образъ барана) и святое мѣсто *Цомадикавзадъ*, пользуются уваженіемъ многихъ ауловъ и даже племенъ. Каждый аулъ самъ по себѣ празднуетъ мѣстный праздникъ въ честь своего идола или священнаго мѣста. Такъ, въ аулѣ Владикавказскомъ бываетъ лѣтомъ праздникъ *Гудъ-дзуаръ* (образъ Гуда), совершаемый на Гудъ-Горѣ, въ семи верстахъ выше аула по р. Тереку. — Въ аулѣ Даргавсъ совершаются праздники въ честь *Хцау-дзуаръ* и *Фыры-дзуаръ*, причемъ кумиръ послѣдняго, сдѣланный изъ мѣди, стоялъ посрединѣ улицы, въ концѣ аула (¹). У алагирцевъ священное мѣсто *Цомадикавзадъ* и у тагурцевъ, въ Санебанскомъ ущельѣ, пещера *Фарнегадавъ* (благодатная пещера).

Въ этомъ ущельѣ, по свидѣтельству академика Шегрена, въ числѣ даровъ, принесенныхъ въ разное время и сохраняемыхъ въ пещерѣ, находится сундукъ съ костями неизвѣстно чьими. Эти кости вынимаются изъ сундука во время засухи, и собравшіяся женщины и дѣвушки относятъ ихъ къ рѣчкѣ, окунаютъ въ воду, прося орошенія полей, и потомъ опять складываютъ въ тотъ же сундукъ. Туземцы увѣряютъ, что послѣ такого обряда всегда выпадаетъ дождь.

Созданныя народомъ аульныя божества, или патроны данной мѣстности, по понятію туземцевъ, оберегаютъ каждый свой край отъ всякаго зла, направляютъ людей преимущественно на добрыя дѣла, помогаютъ имъ во всѣхъ предпріятіяхъ, заступаются за нихъ передъ другими божествами и даже передъ злыми духами. Стараясь о водвореніи въ покровительствуемомъ краѣ спокойствія, здравія его обитателей и богатства ихъ, божества эти, по понятію осетинъ, не могли обойтись безъ боя и враждебнаго столкновенія съ другими божествами, и въ особенности съ злыми духами. Разсказъ объ одномъ изъ такихъ столкновеній ходитъ между осетинами и выразился въ повѣрьѣ, извѣстномъ подъ именемъ «*идущіе за снопомъ*».

Разъ въ годъ, говорятъ осетины, знахари (дасныте), отправляются за снопомъ въ мѣсто, неизвѣстное для обыкновенныхъ смертныхъ. Передъ отправленіемъ своимъ въ походъ, они крѣпко засыпаютъ и, по вѣрованію туземцевъ, во время этого сна души ихъ, оставивъ тѣло, отправляются въ битву. Обыкновенно засыпающій, будетъ-ли то мужчина или женщина, объявляетъ о своемъ походѣ близкимъ родственникамъ, и они не будятъ заснувшаго до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не проснется. Между тѣмъ души этихъ избранныхъ, одна на метлѣ, другая на кошкѣ, на собакѣ или въ ступкѣ отправляются на сборный пунктъ, откуда подъ предводительствомъ своего горнаго духа или божества, съ подчиненными послѣднему ангелами, отправляются въ походъ противъ *Татара*-

(¹) Кумиръ этотъ былъ взятъ генераломъ Абхазовымъ, но осетины поставили на его мѣсто другаго, хотя по виду своему и не похожаго на предъидущій, но пользующагося такимъ же уваженіемъ. См. статью Джантемира Шанаева Сбор. свѣд. о Кавказск. горц. выпускъ III.

тупа—извѣстнаго божества, почитаемаго какъ осетинами, такъ и кабардинцами. Покровительствуя преимущественно послѣднимъ, *Татаръ-тупъ* возбудилъ противъ себя всѣ горныя божества Осетіи, которыя, соединившись вмѣстѣ, ведутъ съ нимъ упорную войну изъ-за горсти хлѣбныхъ зеренъ—изъ-за одного снопа хлѣба.

Послѣ довольно продолжительнаго сраженія, въ которомъ стрѣлы играютъ не послѣднюю роль, одна изъ сторонъ обыкновенно уступаетъ поле битвы. Тогда побѣдители, съ крикомъ радости, бросаются на снопъ, хватаютъ изъ него горсть зеренъ и разсыпаютъ ихъ въ направленіи къ своему краю, и тогда въ предстоящемъ году урожай для побѣдителей несомнѣненъ.

«Затѣмъ, пишетъ Джантемиръ Шанаевъ, обѣ стороны расходятся по домамъ. Многіе изъ участвовавшихъ получаютъ раны, которыя для обыкновенныхъ людей не могутъ быть замѣтны, а замѣтны только для участвовавшихъ въ божественной войнѣ. Участвовавшіе затѣмъ просыпаются отъ тяжкаго сна и объявляютъ своимъ домашнимъ и односельцамъ о будущемъ урожаѣ».

— Я самъ знавалъ такого—говорилъ Шанаеву одинъ изъ осетинъ, разсказывавшихъ объ этой войнѣ—который участвовалъ въ такомъ походѣ; да и люди указывали на него. Звали его Цара; жилъ онъ за переваломъ, въ Дзомахъ, и теперь, кажется, онъ живъ еще. Онъ участвовалъ въ походѣ съ своимъ конемъ; знай, что и животныя участвуютъ въ такомъ походѣ. Всякій разъ, передъ отправленіемъ въ походъ, онъ засыпалъ; жена, разумѣется, зная про это, никогда не тревожила его до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не просыпался. Разъ онъ, по своему обыкновенію, собирался въ походъ за снопомъ. Долго онъ спалъ, и наконецъ, не просыпаясь, вскричалъ: ей, гнѣдая, догоняй, догоняй его!.. Это онъ звалъ такъ своего коня. Въ это время конь его въ конюшнѣ сильно заржалъ. Отъ сильнаго-ли ржанья своего коня проснулся онъ, или такъ ужь слѣдовало, одинъ Богъ знаетъ—только онъ проснулся. Приподнявшись съ кровати, онъ улыбнулся и сказалъ: ну, слава Богу, побѣда на нашей сторонѣ! надѣйтесь на хорошій урожай. Потомъ онъ послалъ мальчика, чтобы тотъ осмотрѣлъ коня его; мальчикъ, возвратившись въ саклю, сказалъ, что конь чрезвычайно вспотѣлъ, такъ, какъ будто-бы сто верстъ проскакалъ. Пришли и другіе осмотрѣть коня—и что же? какъ будто бы его выкупали, такъ сильно онъ вспотѣлъ!

Многіе лѣса и рощи посвящены народомъ различнымъ святымъ; и замѣчательно то, что такихъ рощъ обыкновенно бываетъ тѣмъ больше, чѣмъ безлѣснѣе мѣсто и чѣмъ дороже бываютъ въ данной мѣстности дрова. Деревья такихъ рощъ неприкосновенны, и ихъ можно рубить только для варенія пива въ честь святаго. Нѣкоторые лѣса имѣютъ свою исторію. Таковъ, напримѣръ, орѣховый лѣсокъ, въ Тагаурскомъ ущельѣ въ долинѣ Суадагъ (черный оврагъ). Лѣсокъ этотъ стоитъ одиноко въ безлѣсномъ пространствѣ и какъ будто забрелъ сюда случайно. Онъ представляетъ собою какъ бы цвѣточную куртину, родъ совершенно круглаго небольшаго острова, имѣющаго въ окружности

версты три. Разсказывают, что когда-то давно жил на свѣтѣ горец Хетаг (по орѳографіи академика Шегрена Кхета), человѣкъ, славившійся своею набожностію, храбростію и удальствомъ. Но как храбрость въ глазахъ осетина неразлучна съ хищничествомъ, не считающимся грѣхомъ, а напротивъ дѣломъ богоугоднымъ, то однажды Хетагъ, или Кхета, отправился на воровство, которое хотя и удалось, но потомъ было открыто, и за нимъ погнались. Хетагъ (Кхета) несется отъ преслѣдователей и достигаетъ долины Суадагъ ([1]). Долина безлѣсна, непріятели начинаютъ настигать Хетага (Кхету); ему скрыться негдѣ и Хетагъ (Кхета) рѣшается умереть съ оружіемъ въ рукахъ, какъ вдругъ слышитъ изъ ближайшаго лѣса голосъ, приглашающій его скрыться въ своей чащѣ.

— Въ лѣсъ, Хетагъ, въ лѣсъ! кричалъ ему невѣдомый голосъ.

Лѣсъ этотъ находился однако далеко. Хетагъ (Кхета) расчелъ, что не успѣетъ добраться до него и не спасетъ своей головы. Въ такомъ затруднительномъ положеніи, изнемогая отъ усталости, онъ предлагаетъ лѣсу или части его, если угодно, выдти къ нему на встрѣчу.

— Хетагъ уже не поспѣетъ въ лѣсъ, кричалъ онъ, а пускай лѣсъ поспѣетъ къ Хетагу.

И вотъ часть орѣховаго лѣса, отдѣлившись, выступила впередъ и закрыла собою храбраго витязя и ловкаго вора. Лѣсокъ этотъ, остановившись на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ и теперь стоитъ, названъ по имени спасеннаго *Хетага* и получилъ священныя права, въ честь предполагаемаго въ лѣсу Хетаджидзуара (патронъ, святой Хетага). Легенда говоритъ, что и теперь еще то мѣсто, откуда вышелъ лѣсъ, осталось гладкимъ посреди дремучаго лѣса.

Находясь въ трехъ верстахъ отъ Алагирской станицы, поляна эта извѣстна подъ именемъ: *Бирагъ-дзенджи-цагатъ* (волчьей голени).

Деревья этого лѣсна считаются неприкосновенными, ихъ никто не смѣетъ ни рубить, ни собирать плодовъ; кто убьетъ въ этомъ лѣсу звѣря, тотъ долженъ бросить его тамъ же, если онъ не годенъ для пищи, а въ противномъ случаѣ созвать всѣхъ своихъ односельцевъ и тамъ, на мѣстѣ гдѣ убилъ звѣря, вмѣстѣ съ ними употребить его въ пищу. Выносить изъ лѣсу ничего не позволяется, и каждый, кто преступитъ это правило, ослѣпнетъ или

([1]) По разсказу-же, слышанному Д. Шанаевымъ, Хетагъ былъ родомъ кабардинецъ, потомокъ славнаго Инала. Онъ жилъ въ урочищѣ Хетагъ, за р. Кубанью, вмѣстѣ съ двумя братьями, изъ которыхъ средняго звали Біаслановъ, а младшаго Аслановъ. Братья поссорились между собою: Хетагъ держалъ одну сторону, а его братья другую. „Не будемъ съ тобою жить", сказали однажды два брата Хетагу. „Послѣ этого я самъ съ вами не хочу оставаться" отвѣчалъ Хетагъ и бѣжалъ оттуда съ двумя сыновьями. Братья, узнавши о его побѣгѣ, порѣшили догнать и убить его, въ томъ соображеніи, что если онъ гдѣ поселится и произведетъ большое потомство, то какъ онъ самъ, такъ и его потомство не оставитъ ихъ въ покоѣ. Отъ преслѣдованій-то братьевъ и бѣжалъ Хетагъ въ долину Суадагъ. (См. Осетинскія народныя сказанія. Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ выпус. III).

умретъ. Суевѣріе въ этомъ случаѣ такъ сильно распространено между народомъ, что если положить въ лѣсъ самыя привлекательныя для осетина вещи, то они навѣрное останутся неприкосновенными, точно также, какъ и люди, скрывающіеся въ немъ отъ преслѣдованія. Разъ въ годъ, жители собираются въ лѣсокъ на праздникъ и приносятъ жертвы, называемыя *кывондами*.

У осетинъ въ прежнее время существовалъ даже *сау-бареджи-дзуаръ*, или святой Чернаго всадника, покровительствующій воровству. Каждый туземецъ, собираясь на воровство и вообще въ ночные разъѣзды, просилъ содѣйствія этого святаго въ задуманномъ предпріятіи. Хозяйка напекала пышекъ, старшій членъ семьи клалъ эти пышки около себя и, взявъ одну изъ нихъ и обнаживъ голову, призывалъ покровительство своего патрона. Увѣренный, что подобнымъ приношеніемъ онъ расположилъ къ себѣ святаго, каждый осетинъ смѣло отправлялся въ путь и былъ убѣжденъ, что впереди его ѣдетъ святой Чернаго всадника на своей вороной лошади, въ черной одеждѣ, и направляетъ его на успѣхъ и удачу въ хищничествѣ.

Если наѣздъ былъ неудаченъ, и предпринявшій его, будучи пойманъ, платился жизнію, то народъ говорилъ, что онъ былъ оставленъ святымъ.

Мѣстопребываніе этого святаго, по указанію туземцевъ, находится въ пещерѣ Бади, въ Алагирскомъ ущельѣ, въ 16 верстахъ отъ Алагирской станицы.

Слѣпая вѣра въ непреодолимую силу нѣкоторыхъ вещей также очень сильна между осетинами. Нравственное и умственное развитіе ихъ стоитъ на такой низкой степени, что каждое семейство, тайно отъ другаго, уважаетъ какой-нибудь предметъ, въ непреодолимую силу котораго вѣритъ и боится прогнѣвить его, изъ одного простаго страха, что эта неодушевленная вещь отмститъ за оскорбленіе въ случаѣ ложной клятвы передъ нею или неправильнаго показанія.

Уваженіе это къ неодушевленнымъ предметамъ и даже животнымъ до такой степени сильно, что не было еще примѣра, «чтобы кто-нибудь не сознавался въ воровствѣ или даже убійствѣ, ежели отъ него потребуютъ признанія надъ предметами или животными, въ тайнѣ имъ уважаемыми».

Лица, поставленныя во главѣ управленія осетинами, нерѣдко прибѣгали къ такого рода клятвѣ и пользовались суевѣріемъ народа при разборѣ тяжебныхъ дѣлъ между осетинами.

Такъ, однажды помощнику уѣзднаго начальника была заявлена осетиномъ жалоба, что, недѣли двѣ тому назадъ, сосѣдъ укралъ у него отличнаго барана, за что тотъ просилъ приказать укравшему возвратить, по ихъ обычаю, четырехъ барановъ.

Обвиняемый отпирался и говорилъ, что никогда не только не кралъ, но и не видалъ барана. Въ доказательство справедливости своихъ словъ, онъ клялся семействомъ, призывая на него всѣ несчастія, бѣды, чуму и холеру.

Отъ жалобщика потребовали болѣе ясныхъ доказательствъ. Тогда послѣд-

ній снялъ съ себя мѣшокъ, вытащилъ изъ него кошку со связанными лапами и подалъ обвиняемому палку.

— Если ты не укралъ у меня барана, проговорилъ онъ, то убей эту кошку.

Обвиняемый отказался, увѣряя, что ни отецъ его, ни дѣдъ, ни прадѣдъ, никогда не убивали кошекъ, и потому онъ также, не желая этого дѣлать, отдаетъ истцу четырехъ барановъ и не хочетъ марать руки кошачьею кровью. Казалось, дѣло было кончено: виновный найденъ и удовлетворилъ истца; но едва только истецъ тронулся съ мѣста, какъ обвиняемый остановилъ его.

— Постой, сосѣдъ, проговорилъ онъ, мы еще не кончили дѣла. Начальникъ, будь справедливъ: я, дѣйствительно, взялъ у него то, что онъ говорилъ, но и онъ согрѣшилъ противъ меня. Когда я зарѣзалъ барана, то кожу спряталъ подъ камень и ушелъ домой, но издали видѣлъ, что сосѣдъ укралъ у меня эту кожу.

Истецъ, сдѣлавшись теперь отвѣтчикомъ, сталъ точно такъ же запираться, какъ запирался, за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, его противникъ. Онъ клялся, что не бралъ кожи, и говорилъ, что готовъ присягнуть въ доказательство своей невинности.

— Присягнувши ты обманешь, сказалъ ему истецъ, потому что ваша семья вѣритъ только въ св. Константина и Давида Гелатскаго, а вотъ погоди... Съ этимъ словомъ онъ побѣжалъ на пригорокъ, къ развалинамъ древней башни, и принесъ оттуда довольно большой камень.

— Переступи черезъ этотъ камень, если ты не взялъ кожу моего барана.

— Къ чему я буду переступать черезъ камень? съ видимымъ отвращеніемъ сказалъ обвиняемый... Не хочу я твоихъ барановъ, и пусть мясо моего пропадаетъ.

Разбирательство кончилось, и вскорѣ затѣмъ оба тяжущіеся дружелюбно сидѣли подъ однимъ деревомъ и вмѣстѣ обѣдали, не одѣляя другъ друга скудною трапезою.

Точно также въ другихъ семействахъ предметами глубокаго уваженія служатъ: въ одномъ ружье, въ другомъ просто вѣтка, сорванная съ дерева, въ третьемъ какой-нибудь клокъ одежды и т. п. Каждая семья имѣетъ свой уважаемый предметъ, котораго въ тайнѣ боится и которому оказываетъ глубокое уваженіе (¹).

Суевѣрію осетинъ нѣтъ предѣловъ; ничего нѣтъ легче, какъ прослыть между ними пророкомъ. Каждый умалишенный почитается ими за существо сверхъ-естественное. Народъ вѣритъ въ существованіе добрыхъ и злыхъ духовъ и сатану; по его понятію, въ каждомъ мѣстѣ есть злой духъ, старающійся напортить людямъ; въ одномъ мѣстѣ онъ пускаетъ по ночамъ тѣни, въ другомъ зажигаетъ сѣно, а въ третьемъ забавляется переноскою того же

(¹) Нѣкотор. исковые обычаи у осетинъ Н. Дункель-Веллингъ Кавк. 1855 г. № 24.

сѣна съ одного мѣста на другое. Многіе изъ осетинъ увѣряютъ, что сами лично видѣли дьявола.

Осетины вѣрятъ также въ существованіе *дони-чизэ*, богини воды, водяныхъ дѣвушекъ или наядъ. Если кто утонетъ, то говорятъ, что онъ разсердилъ *дони-чизэ* и онѣ наказали его. Талисманы, колдуны и колдуньи играютъ также не послѣднюю роль въ народномъ суевѣріи. По представленію народа колдунья — это дряхлая старуха, по преимуществу злая, которой щебечетъ *зарватикэ* (ласточка) о томъ, гдѣ кладъ лежитъ, гдѣ растетъ живая трава, и знаетъ та старуха все, что на свѣтѣ дѣлается (¹).

Это женщина-чародѣйка, хуже и страшнѣе которой народъ представляетъ себѣ только одного чорта. Къ такой женщинѣ осетины питаютъ отвращеніе и боязнь и вѣрятъ, что она имѣетъ способность превращаться въ различнаго рода хищныхъ звѣрей и наносить всякаго рода несчастія тому, на кого разсердится.

Величественная, но суровая природа, богатая различными физическими явленіями, недоступными понятію осетина, сдѣлала его склоннымъ къ олицетворенію различнаго рода духовъ, властвующихъ надъ одною или нѣсколькими горами. Такъ, воображеніе народа создало древняго ***Гуда***, горнаго духа, обитающаго на Гудъ горѣ и повелѣвающаго окрестными горами. Духъ этотъ по понятію осетинъ, имѣетъ свои наклонности и страсти: можетъ любить, ревновать и, въ случаѣ неудачи, сердиться не на шутку. Одна изъ такихъ его продѣлокъ выразилась въ народной легендѣ, имѣющей свои характеристическія особенности, какъ характеристична и грандіозна природа, окружающая Гудъ-гору, которая составляетъ высшую точку перевала пролегающей черезъ нее новой военно-грузинской дороги.

При спускѣ съ Гудъ горы въ Чортову долину, или небольшую поляну, находящуюся между горами Гудъ и Крестовой, на днѣ ущелья, изъ глубины разсѣлины, вытекаетъ рѣчка Арагва, на берегу которой расположенъ осетинскій аулъ.

По преданію, давно и очень давно, въ этомъ аулѣ жила бѣдная семья, имѣвшая едва дневное пропитаніе. Но Богъ, милосердый къ бѣднякамъ, благословилъ ихъ рожденіемъ дочери Нины, красивѣе которой не было ребенка во всей Осетіи. Глаза ея, волосы и станъ были полны такой неизъяснимой красоты, что все населеніе аула любовалось Ниною: далекій путникъ, горцы и курьеры, видя малютку, взбирающуюся на гору, и ослѣпленные ея красотою, останавливались, любовались ею и забывали о своей обязанности; проѣзжіе съ караванами купцы дарили ее блестящими бездѣлушками и кусками яркой ткани.

Послѣ всего этого могъ ли не восхищаться ею старый Гудъ, во все

(¹) Чиваъ-ахсакъ Н. Берзенова Кавк. 1850 г. № 95. Исторія Н. Берзенова Закавк. Вѣст. 1852 г. № 39. Религіозные обряды у осетинъ А. М. Шегрена Кавк. 1846 г. № 27.

время продолжительной своей жизни не видавшій подобной красавицы. Онъ прельстился Ниною; сталъ постояннымъ ея обожателемъ, слѣдившимъ за нею со дня ея рожденія и полюбившій ее со всею пылкостію юноши. День и ночь онъ ухаживалъ за нею: хотѣла ли Нина подняться на гору, тропинка, ведущая туда, выравнивалась подъ ея ножкою, а на отвѣсныхъ бокахъ скалъ камни покорно складывались для нея въ удобную и пологую лѣстницу. Искала ли Нина съ подругами своими цвѣтовъ и травъ — Гудъ собиралъ и пряталъ лучшіе цвѣты и травы подъ сводомъ камней, раскалывавшихся при приближеніи красавицы. Никогда ни одинъ изъ пяти барановъ, принадлежавшихъ отцу Нины, не падалъ въ кручу и не дѣлался добычею злыхъ волковъ. Однимъ словомъ, Нина была царицею всего пространства, гдѣ царствовалъ древній Гудъ» — такъ любилъ ее этотъ могучій старецъ.

Прошло пятнадцать лѣтъ. Изъ хорошенькаго ребенка Нина сдѣлалась красавицею, какой не было ни при одномъ дворѣ царскомъ, гдѣ сіяютъ красотою стройныя женскія фигуры. Любовь стараго духа, при такихъ условіяхъ, разгоралась все сильнѣе и сильнѣе.

Для Гуда не было жизни безъ Нины: онъ сталъ тяготиться своимъ могуществомъ и помышлялъ теперь, какъ бы сдѣлаться смертнымъ человѣкомъ, хотя бы бѣднымъ осетиномъ, чтобы только обратить на себя вниманіе красавицы.

Молодая дѣвушка не замѣчала заботливости Гуда, не видала его ухаживаній; она засматривалась на Сасико, сына стараго Доктуро, котораго сакля была рядомъ съ саклею отца ея. Сасико былъ молодъ, статенъ, славился во всемъ аулѣ своею силою и ловкостію, отлично стрѣлялъ изъ винтовки и умѣлъ танцовать, не только свой природный осетинскій танецъ, но и лезгинку, что знали немногіе. Старый Гудъ сталъ ревновать Нину къ Сасико, тѣмъ болѣе, что замѣтилъ въ молодомъ человѣкѣ взаимную склонность къ Нинѣ. Боясь, чтобы Сасико не женился на Нинѣ, Гудъ началъ преслѣдовать его. Заводилъ Сасико въ трущобы, когда тотъ гонялся съ винтовкой за газелью; застилалъ пропасти туманомъ или осыпалъ его неожиданно метелью. Всѣ замыслы Гуда оставались однако же тщетными. Скоро наступила зима, Гудъ лишился возможности видѣть часто свою любимицу, но за то Нина и Сасико видались чаще и свиданія ихъ были продолжительнѣе.

Гудъ все это видѣлъ, ревновалъ и бѣсился. Наконецъ ярость его достигла крайнихъ предѣловъ. Однажды, когда Нина и Сасико, оставшись одни въ саклѣ, не могли наговориться, Гудъ сбросилъ на нихъ огромную лаву снѣга. Обвалъ этотъ скорѣе обрадовалъ, чѣмъ испугалъ ихъ: влюбленные были рады, что на нѣкоторое время могутъ остаться одни безъ постороннихъ зрителей. Они развели огонь, усѣлись подлѣ него и безпечно предались мечтамъ и разговорамъ. Такъ прошло нѣсколько часовъ; сердца влюбленныхъ

были полны любовью, а желудки просили пищи; отысканныя двѣ лепешки и небольшой кусокъ сыра утоляли, но не на долго, голодъ заключенныхъ.

Прошелъ еще день и, вмѣсто веселаго говора, въ саклѣ послышались вопли отчаянія; узники не думали больше о любви—думали о хлѣбѣ. Прошелъ и третій день — голодъ еще болѣе усилился, а надежды на освобожденіе не было. На четвертый день заключенія голодная смерть для обоихъ казалась неминуемою. Сасико кидался изъ угла въ уголъ, но вдругъ остановился, впалые глаза его устремились на Нину, онъ бросился къ ней, крѣпко охватилъ ея руками и впился въ ея плечо зубами... Дѣвушка вскрикнула, упала на полъ, но въ это время послышался говоръ, и дверь, очищенная отъ завала, открылась для несчастныхъ узниковъ. Нина и Сасико бросились къ своимъ избавителямъ, но уже съ чувствами отвращенія и ненависти другъ къ другу.

Обрадовался старый Гудъ, узнавши, что любовь двухъ существъ замѣнилась чувствами противоположными; не утерпѣлъ старикъ и разразился такимъ смѣхомъ, что цѣлая груда камней посыпалась съ горы въ Чортову долину. Большое пространство долины и до сихъ поръ густо усѣяно осколками гранита.

— Вотъ какъ смѣется нашъ могучій Гудъ, прибавляетъ осетинъ, разсказывая эту легенду (1).

Другая легенда о Прометеѣ не менѣе того любопытна. По тропинкѣ дикаго ущелья, начинающагося на сѣверномъ склонѣ Кавказскихъ горъ, постепенно расширяющагося и выходящаго широкимъ своимъ устьемъ на Кабардинскую равнину, шло небольшое стадо. Пастухъ Бессо Симоно-Швили гналъ передъ собою нѣсколько козъ, нераздѣльно принадлежавшихъ семьѣ, вручившей ему, какъ младшему члену, уходъ и надзоръ за этимъ стадомъ. Бессо легко шагалъ по горной тропѣ; онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, не потому, что запасся большими кусками свѣжаго хлѣба и сыра, но главное потому, что былъ обутъ въ новые, крѣпкіе и искусно выкроенные *калабаны*—обувь, похожая на малороссійскія постолы и выкроенныя изъ одного куска сыромятной кожи. Онъ поминутно смотрѣлъ на свои ноги, любовался калабанами и не обращалъ вниманія на живописную окрестность, которую зналъ какъ свои пять пальцевъ. Онъ шелъ цѣлый день; солнце давно уже спряталось за горы и наступили сумерки. Тропинка, извиваясь по скаламъ, повернула въ боковое ущелье, спустилась къ ручью, заставила Бессо перейти черезъ него по крутымъ камнямъ и вывела въ совершенно незнакомую мѣстность, между голыми и дикими горами, увѣнчанными зубчатыми вершинами. Эти трущобы не безпокоили пастуха. Собравъ свое маленькое стадо, онъ спокойно сѣлъ у перваго попавшагося ему камня, обросшаго мхомъ, и сталъ утолять свой голодъ, проявившійся во всей своей

(1) Любовь Гуда. Н. Дункель-Веллингъ Кавк. 1858 г. № 30.

сшей отъ далекаго перехода. Послѣ ужина преспокойно легъ спать «и черезъ нѣсколько минутъ захрапѣлъ, на удивленіе и зависть всѣмъ горнымъ дукамъ». Первый солнечный лучъ разбудилъ пастуха; онъ всталъ, огладѣлся на всѣ стороны и, увидавъ свое стадо, давно ушедшее впередъ, пошелъ за нимъ по извилистой тропѣ и остановился только тогда, когда было далеко уже за полдень.

Бессо внимательно осматривалъ окружающую его мѣстность. Она была скалистѣе и глуше тѣхъ ущелій, въ которыхъ онъ когда-нибудь бывалъ; снѣжная вершина Эльбруса, позолоченая лучами солнца, казалось, была такъ близко отъ него, что стоило только подобрать по рукѣ камень, посильнѣе бросить его, и онъ, навѣрное, врѣзался бы въ толщу снѣга облегающаго гору. Кругомъ его столпились утесы, и, странное дѣло, они какъ будто перешептывались другъ съ другомъ. Бессо услыхалъ крикъ и какой-то грустный голосъ, выходившій изъ средней скалы. Не пугаясь слышаннаго, Бессо, огибая утесъ, сталъ приближаться къ нему. Какая-то невѣдомая сила тянула его къ глубокой разсѣлинѣ, въ которую онъ вошелъ, не смотря на то, что она была мрачна какъ жилище демона.

«Едва онъ вошелъ въ пещеру, какъ крикъ невольнаго изумленія вырвался изъ груди его. Прямо противъ свѣта, къ громадному камню былъ прикованъ, толстыми цѣпями, красивый полунагой юноша. Прекрасные голубые глаза его выражали отчаяніе, а отъ стоновъ и рыданій дрожалъ воздухъ темной пещеры; шелковистыя золотыя кудри въ безпорядкѣ лежали тучей на широкихъ плечахъ, съ которыхъ висѣли обрывки пурпурной мантіи, испещренной золотыми узорами; напряженные мускулы лица, руки и груди доказывали сверхъестественныя усилія вырваться изъ цѣпей, а глаза, горящіе отчаяніемъ и злобою, выражали муки, который терпѣлъ этотъ странный узникъ. Прійдя въ себя отъ испуга, оправившись отъ удивленія, Бессо увидалъ, что весь полъ пещеры былъ усыпанъ монетами, золотыми и серебряными слитками, оружіемъ и драгоцѣнными вещами, а въ стѣнѣ, противъ той скалы, къ которой былъ прикованъ несчастный, былъ ввинченъ обрывокъ толстой желѣзной цѣпи, схватить конецъ которой напрасно старался бѣдный узникъ. Страдалецъ обрадовался пришельцу: лучъ счастія и надежды блеснулъ въ прекрасныхъ глазахъ его; онъ прервалъ свой стонъ, голосъ его затихъ....»

— Боги да благословятъ тебя, добрый юноша! проговорилъ онъ, обращаясь къ Бессо. Приходъ твой, можетъ быть, избавитъ меня отъ страданій и мукъ; а тебѣ дастъ богатство и счастіе.

— Приказывай, *батоно* (господинъ), отвѣчалъ пастухъ, почувствовавшій къ узнику неизъяснимое чувство симпатіи. ,Все, что можетъ сдѣлать для тебя бѣдный Бессо—онъ все сдѣлаетъ. Ежели тебѣ даже угодно надѣть мои новые калабаны, я и ихъ отдамъ тебѣ.

Въ другое время пастуху трудно было бы разстаться съ своею новою

обувью, да онъ никогда и никому не отдалъ бы ихъ, но теперь чувство жалости преодолѣло всѣ другія побужденія.

— Нѣтъ, мой милый, отвѣчалъ узникъ, услуга, которую я отъ тебя требую, займетъ менѣе времени, нежели снять съ ногъ обувь: подай мнѣ конецъ цѣпи, которая виситъ передо мною.

Бессо бросился къ цѣпи, съ усиліемъ поднялъ ее и хотѣлъ передать узнику, но увы! она оказалась короткою.

— Духи злобы! съ бѣшенствомъ закричалъ заключенный; неужели вѣка здѣшнихъ мученій не достаточны для искупленія моего проступка! Слушай, Бессо, и затверди хорошенько слова мои: я могу избавиться отъ оковъ моихъ, схватись за конецъ этой цѣпи, тогда я легко разорву узы свои и буду свободенъ; да, свободенъ! я уничтожу злаго коршуна, грызущаго мои внутренности; но цѣпь должна быть, какъ и этотъ обрывокъ, изъ стараго желѣза; не жалѣй трудовъ и усилій, собери столько металла, сколько нужно для полуаршина цѣпи, скуй ее и принеси сюда; тогда я спасенъ, и всѣ богатства, которыя ты здѣсь видишь—твои; я самъ помогу тебѣ перенести ихъ въ домъ твой. Но до освобожденія моего никакой посторонній глазъ не долженъ видѣть не только меня, но даже и утеса, въ которомъ я погребенъ уже нѣсколько вѣковъ.

Выслушавъ все со вниманіемъ и поклонившись узнику, Бессо оставилъ пещеру. Заботливый и задумчивый, онъ собралъ свое стадо и погналъ обратно. На третій день онъ возвратился въ свой аулъ и, не говоря никому видѣннаго и слышаннаго, принялся за порученное ему дѣло. Не корысть руководила трудомъ небогатаго пастуха, но сожалѣніе о бѣдномъ красавцѣ-юношѣ, томящемся въ оковахъ. По кусочкамъ сталъ собирать онъ желѣзо: старые рѣдко попадающіеся гвозди, обломки подковъ собиралъ онъ тщательно. Прошло много мѣсяцевъ въ такой работѣ, но могли бы пройти и годы, если бы Бессо случайно не наткнулся на кусокъ сломившагося плуга, торчавшаго въ землѣ. Онъ сковалъ цѣпь и рѣшилъ на слѣдующее утро отправиться въ горы, чтобы освободить узника, но судьбѣ не угодно было исполнить желаній бѣднаго труженика. Односельцы давно замѣтили странную возню пастуха съ желѣзомъ и набрели на мысль, что Бессо, вѣроятно, открылъ въ горахъ серебро, и, желая сохранить открытіе свое въ тайнѣ, будетъ понемногу доставать дорогой металлъ. Пять человѣкъ, самыхъ корыстныхъ односельцевъ, стали слѣдить за пастухомъ. «А бѣдный Бессо, ничего не подозрѣвая и изгибаясь подъ тяжелой ношей, побрелъ, на другой день, по знакомой тропинкѣ. Не успѣлъ онъ пройти нѣсколько верстъ, какъ его окружили охотники до чужаго богатства, съ крикомъ и толчками требовавшіе доли въ находкѣ. Бессо умолялъ ихъ оставить его въ покоѣ, обѣщалъ имъ золотыя горы, но все было напрасно: жадные люди не повѣрили словамъ и заставили его идти къ пещерѣ, не отставая отъ него ни на шагъ. Какъ приговоренный къ смерти, шелъ бѣднякъ къ мѣсту, о которомъ мечталъ

гдашью времени; вотъ уже показался Эльбрусъ, такой же величавый и сверкающій, какъ въ день свиданія его съ узникомъ; вотъ виднѣются дикія скалы, которыя какъ будто столпились и шепчутъ о скрытой въ нѣдрѣ ихъ тайнѣ; вотъ и гротъ. Бессо вздрогнулъ и протянулъ къ нему руки.... Вдругъ раздался страшный трескъ и цѣлая громадная скала съ отверстіемъ грота пошатнулась и повалилась въ бездну. Бессо вскрикнулъ и безъ чувствъ упалъ на землю.

«Прошли годы; по горнымъ тропинкамъ, блѣдный, худой, съ всклокоченными волосами, въ изорванной чухѣ, бродилъ сумасшедшій Бессо, съ хохотомъ и безумной радостью поглядывая на свои исцарапанныя ноги, все думалъ, что на нихъ надѣты новые и хорошіе калабаны [1].»

III.

Свадебные обряды осетинъ. — Пища.—Семейный бытъ. — Рожденіе и похороны. — Хвалебныя пѣсни и импровизація.

Многоженство въ обычаѣ осетинъ. Если только мужчина въ состояніи прокормить трехъ или болѣе женъ, то не преминетъ воспользоваться своимъ положеніемъ. Женихъ прежде всего долженъ внести за невѣсту выкупъ, или, по-осетински, *урадъ*, и быть равнаго съ нею состоянія. Равенство браковъ соблюдается очень строго; старшина (дворянинъ) ни за что не выдастъ своей дочери за фарсалака (однодворца).

Каждый, женившійся на дѣвушкѣ низшаго, чѣмъ онъ, состоянія, дѣлаетъ ее незаконною женою, и дѣти, происшедшія отъ такого брака, получаютъ названіе *кавдасардовъ* — состояніе, подходящее къ крестьянскому быту. Такія жены считались прежде простыми работницами въ домѣ, а прижитыя дѣти, со всѣмъ ихъ будущимъ потомствомъ, оставались во власти отца и могли переходить, по наслѣдству, къ его законнымъ дѣтямъ.

Сватаніе происходитъ между родителями и часто начинается съ колыбели. Выкупъ платится также родителями жениха родителямъ невѣсты или исподволь, пока растетъ дѣвушка, или сразу передъ свадьбою.

Осетинскія свадьбы происходятъ, большею частью, во время празднованія *Вашкирки*, начинающагося съ 15-го ноября и продолжающагося по 1-е декабря.

За недѣлю до наступленія праздника, родители жениха посылаютъ къ ро-

[1] Осетинская легенда о Прометѣѣ Н. Дункель-Веллингъ Кавк. 1859 г. № 20.

дителямъ невѣсты *ирадъ*, и если онъ принятъ, то наряжають трехъ или болѣе сватовъ, которые, во время праздника, отправляются вмѣстѣ съ женихомъ въ селеніе, гдѣ живетъ будущая его супруга, и, остановившись въ домѣ ближайшаго родственника или хорошаго знакомаго, не смѣютъ показываться даже и у дверей сакли невѣсты.

За часъ до разсвѣта, хозяинъ дома, гдѣ пріютился женихъ вмѣстѣ со сватами, будитъ своихъ гостей и подноситъ имъ въ постелѣ араку, пиво (багани), шашлыкъ и пирогъ съ сыромъ (хабизджина). Наѣвшись досыта, гости снова убаюкиваются и спятъ вплоть до обѣда, который устраивается для нихъ въ домѣ невѣсты.

Во все время обѣда у послѣдней, женихъ не смѣетъ сѣсть, стоитъ у порога дверей и ѣстъ только то, что передадутъ ему сваты. Невѣста, во время этого пиршества, также не присутствуетъ. Въ нѣкоторыхъ обществахъ женихъ во все время обѣда стоитъ передъ пирующими со свѣтомъ въ рукахъ, т. е. съ восковою свѣчею, сальною плошкою или лучиною.

Прежде ѣды, всѣ присутствующіе должны выпить три тяжелыхъ тоста, безъ чего сваты не въ правѣ взять въ ротъ ни куска говядины. Въ деревянные стаканы (ноазенъ) наливается арака, а въ большіе турья и маленькіе козлиные рога (по-осетински *сика*)—пиво. Каждый сватъ обязанъ взять въ руки четыре стакана, а подъ мышки два большихъ турьихъ рога. Хозяинъ дома беретъ такое же число сосудовъ и начинаются тосты.

— За здоровье жениха, произноситъ одинъ изъ присутствующихъ, и исполненіе его намѣренія пріобрѣсти хорошую невѣсту, богатый ирадъ отъ отца невѣсты и счастливую жизнь!

Сваты и хозяинъ опорожняютъ стаканы.

— За здоровье невѣсты и счастіе въ замужествѣ.

Опоражниваются оба большіе турьи рога.

— За здоровье сватовъ! Желаемъ имъ благополучно окончить сватовство!...

Выпиваются козлиные рога въ честь сватовъ.

Обязанность сватовъ не легка и желаніе о благополучномъ окончаніи порученія имѣетъ свое основаніе, потому что часто сваты, неловко передавъ желаніе родителей жениха о приданомъ, какое должны дать родители за своею дочерью, служатъ причиною разстройства брака, ссоры, драки и иногда возвращаются домой, отказавшись отъ сватовства.

За тостами слѣдуетъ обѣдъ, который долженъ быть на столько обиленъ, чтобы приготовленныхъ кушаній хватило на отправленіе ихъ въ домъ того лица, у котораго ночевали женихъ и сваты, и потомъ у кого располагаютъ они ужинать. Обѣды и ужины, въ честь жениха и сватовъ, бываютъ часто по очереди у каждаго жителя селенія и тянутся во все продолженіе двухнедѣльнаго праздника Вашкирки.

Передъ началомъ каждаго обѣда, читаютъ особую молитву, призывая благословеніе на сватовъ и жениховъ.

— О, святый Георгій! произноситъ одинъ изъ старшихъ присутствующихъ, мы тебя молимъ, даруй намъ милость твою, да будутъ дни эти счастливы сватамъ, женихамъ и невѣстамъ! Пошли молодымъ счастливую брачную жизнь, невозмутимую, не расторгаемую разводомъ.

Разгулъ и общее веселье, составляющіе отличительную черту этихъ обѣдовъ, выразились въ слѣдующей народной пѣснѣ:

Никогда не гуляли такъ,
Какъ теперь гуляемъ!
Ой, тайрира! ой, рира (¹)!

Не слишкомъ мы пьемъ
И себѣ и хозяину мы въ тягость!
Ой, тайрира! ой, рира!

Какъ рѣкой напитокъ льется, а все просятъ насъ пить!
Грѣшенъ, грѣшенъ съ нами и почтенный нашъ хозяинъ.
Ой, тайрира! ой, рира!

Не знаемъ сами, что дѣлать?
Должно-ли тягу дать?
Ой, тайрира! ой, рира!

Двѣ недѣли, сроку много! все гуляй, да гуляй!...
Но расплата за невѣсту будетъ сильно тяжела.
Ой, тайрира, ой рира!

Для чего же, для чего же
Много просимъ мы?
Ой, тайрира! ой рира!

Родитель невѣсты намъ столько не дастъ, съ нами подерется,
И хорошенько насъ побьетъ!
Ой, тайрира! ой рира (²)!

Съ окончаніемъ праздника и съ наступленіемъ 1-го декабря, сваты отправляются къ родителямъ невѣсты и объявляютъ имъ, какое приданое они должны дать за своею дочерью. Получивъ на это предложеніе согласіе и

(¹) Припѣвъ непереводимый.
(²) Осетинская пѣсня, сообщенная В. Переваленко Закавк. Вѣст. 1896 г. № 4.

выбравъ темную ночь, сваты берутъ за руку невѣсту, выводятъ ее за двери, гдѣ ждетъ женихъ. Рука невѣсты молча передается въ руку жениха; тотъ цѣлуетъ ее, бѣжитъ къ хозяину, у котораго ночевалъ, благодаритъ за хлѣбъ-за-соль, садится на лошадь и скачетъ домой съ пріятнымъ извѣстіемъ. Сваты остаются въ домѣ невѣсты и пируютъ еще въ теченіе двухъ дней.

Выкупъ бываетъ различный, смотря по происхожденію и состоянію невѣсты: за дочь старшины платятъ отъ тридцати до ста коровъ и, сверхъ того 50 руб. деньгами. За дочь фарсалака (однодворца) 15 коровъ. Выкупъ можетъ быть составленъ и изъ разнородныхъ предметовъ, напримѣръ 20 быковъ, 10 коровъ, ружье, котелъ для пива и проч.

Въ настоящее время, большею частію, выкупъ платится деньгами. Выкупъ долженъ быть непремѣнно опредѣленный, иначе жена будетъ незаконною. Дѣвушки, купленныя за уменьшенный *ирадъ*, и плѣнныя, купленныя у хозяина, считаются незаконными.

При окончательномъ платежѣ выкупа, не разбирая обстоятельствъ, платился-ли онъ по частямъ или одновременно, въ обоихъ случаяхъ родители невѣсты обязаны были задать въ этотъ день пиръ для всѣхъ родныхъ и знакомыхъ обѣихъ сторонъ, и притомъ такой же роскошный, какъ и въ день свадьбы.

Угощеніе у осетинъ происходитъ, если хорошій день, на дворѣ, если дурной—въ саклѣ. Размѣстившись около стѣнъ домовъ, гости принимаются за кушанье. Женщины пируютъ отдѣльно отъ мужчинъ, но обѣ стороны не ожидаютъ угощенія и просьбъ хозяина. Каждый самъ черпаетъ себѣ воду и беретъ руками нарѣзанную на доскѣ говядину.

Богатъ или бѣденъ осетинъ, его *ахсавар* — ужинъ, всегда одинаковъ и состоитъ изъ нѣсколькихъ лепешекъ, испеченныхъ безъ дрожжей, которыя онъ ѣстъ съ крупной солью; изъ *басу*—супа изъ фасоли и кукурузы, и *цахдонъ*—соли, растворенной въ водѣ съ чеснокомъ, которую ѣдятъ съ *кардзиномъ*—чурекомъ изъ просянаго тѣста или съ хлѣбомъ, приготовленнымъ изъ того же проса; кушанья эти составляютъ обыкновенную пищу. Ѣдятъ осетины не въ назначенное время, а когда кто хочетъ и порознь; отецъ въ одномъ углу, мать въ другомъ, а дѣти—гдѣ придется. Осетины ѣдятъ дурно и мало. Только въ праздники и въ важныхъ случаяхъ, во время пировъ, они узнаютъ вкусъ говядины, которую подаютъ варенную или жаренную на вертелѣ, ѣдятъ *хабизджину* — пирожки съ сыромъ и *дзикка* — крошеный сыръ, сваренный въ маслѣ.

Въ праздники они приготовляютъ *уаллибихта* — пышки. Пышки приготовляются изъ пшеничной муки, начиняются сыромъ, жарятся въ маслѣ, а за неимѣніемъ его пекутся въ золѣ.

Необходимую принадлежность званыхъ обѣдовъ составляютъ: буза, пиво, арака и *кумала*—бѣловатая жидкость, похожая на квасъ, которая служитъ прохладительнымъ напиткомъ во время жара. Жидкость эту обыкновенно со-

держать въ *лалумѣ*—бурдюкѣ изъ козлиной шкуры. Богатые люди пьютъ лошадиное молоко, считая его вкуснымъ и здоровымъ. Лукъ, чеснокъ, рѣдька и красный стручковый перецъ, а въ особенности лукъ составляютъ особое лакомство и верхъ гастрономическихъ наслажденій туземца.

Свадьбы по любви у осетинъ не существуютъ, да и самое слово любовь имъ непонятно. Женихъ беретъ себѣ въ жены ту дѣвушку, которую хотятъ его родители, и смотритъ на нее не какъ на подругу жизни, а какъ на рабу или прислугу, обязанную для него вѣчно работать. Женихъ можетъ видѣть свою невѣсту только украдкою, мимоходомъ или въ домѣ своихъ родныхъ, и вопросъ жениху: здорова-ли невѣста или когда будетъ свадьба? считается для него жестокимъ оскорбленіемъ.

Не всякій осетинъ въ состояніи заплатить выкупъ за невѣсту, а потому болѣе ловкіе молодые люди крадутъ себѣ невѣстъ безъ всякаго выкупа—что притомъ же считается особенною честію и достоинствомъ для жениха, и тогда похищенная дѣвушка принадлежитъ безспорно похитителю, который, въ этомъ случаѣ, не платитъ совсѣмъ выкупа или значительно меньшій противъ установленнаго.

Похищеніе должно быть однакоже совершено съ согласія невѣсты и сдѣлано съ большимъ удальствомъ, иначе пойманный часто платится жизнію, а бранью всегда. Тѣ же, которые не могли похитить невѣсты и не имѣли средствъ заплатить выкупъ, поступали въ домъ невѣсты работникомъ и часто, только послѣ восьми-лѣтняго служенія, женихъ пріобрѣталъ себѣ право вступить въ супружество съ избранною. Отъ этого между осетинами встрѣчается очень много взрослыхъ и перезрѣлыхъ холостяковъ.

Бѣдность и недостатокъ, съ одной стороны, и значительная цифра вреда съ другой лишали осетина возможности заплатить законный калымъ за нѣсколькихъ женъ, поэтому онъ обыкновенно, вмѣстѣ съ законною женою, обзаводился и нѣсколькими незаконными — оно и дешево, и выгодно отъ пріобрѣтенія впослѣдствіи значительнаго числа *кавдасардовъ*. Послѣдніе составляли въ Осетіи цѣлое особое племя, лишенное многихъ гражданскихъ правъ, сравнительно съ прочимъ населеніемъ. Они, со всѣмъ своимъ потомствомъ, составляли достояніе сначала отца своего, а потомъ переходили, по наслѣдству, къ его дѣтямъ. Отецъ могъ ихъ дарить, продавать, закладывать, выдавать дѣвушекъ замужъ и выкупъ брать себѣ. Свадьба кавдасарда происходила безъ всякой церемоніи: женщина просто переходила изъ родительскаго дома къ мужу. Однимъ словомъ, осетины собственнымъ иждивеніемъ и стараніемъ увеличивали число рабочихъ рукъ въ семействѣ; въ незаконной женѣ пріобрѣтали рабочую прислугу, дарившую ихъ одновременно и сыномъ, и крестьяниномъ. Къ тому же подобную жену можно было взять на время, совсѣмъ, или съ условіемъ, выговариваемымъ при женитьбѣ, что если она окажется неспособною или дурнаго поведенія, то мужъ отошлетъ ее обратно къ родителямъ, но дѣтей оставляетъ при себѣ въ услуженіи.

Въ прежнее время осетины женились очень рано. Мальчикъ, достигшій восьми-лѣтняго возраста, вступалъ въ бракъ, если только былъ въ состояніи заплатить выкупъ; но теперь наше правительство воспрещаетъ столь ранніе браки и женятся только такіе молодые люди, которые достигли четырнадцати-лѣтняго возраста. Ограниченіе возраста часто и до сихъ поръ сопряжено съ большими затрудненіями.

Такъ, въ 1862 году восьми-лѣтняя дочь жителя селенія Четорси, Дзигви Цалогови, была засватана за десяти-лѣтняго мальчика, жителя того же селенія, Михаила Хубегова. Родители дѣвушки, не смотря на неоднократное запрещеніе священника, приготовились къ свадьбѣ, и три брата Цалогови явились къ священнику и принуждали его обвѣнчать сговоренныхъ. Священникъ просилъ ихъ обождать до совершеннолѣтія, а видя, что увѣщанія его тщетны, объявилъ, что передастъ это дѣло на разсмотрѣніе благочиннаго. Но въ то время, когда священникъ писалъ донесеніе благочинному, одинъ изъ братьевъ ворвался въ его домъ и кинжаломъ убилъ священника. Въ то же время злодѣй поразилъ и церковнаго старосту, дряхлаго старичка, который былъ только простымъ свидѣтелемъ переговоровъ со священникомъ.

Вечеромъ, въ оба дня, отдачи выкупа и свадьбы, у невѣсты собираются гости: дѣвушки, ея подруги и знакомые молодые люди. Туда же пріѣзжаютъ и сопровождающіе жениха люди, называемые макари, которые пируютъ на счетъ родственниковъ невѣсты въ теченіе цѣлой недѣли. Эти дни — единственное время, когда народный обычай допускаетъ въ обществѣ смѣшеніе половъ и присутствіе на подобныхъ вечеринкахъ молодыхъ парней. Смѣшавшись, какъ бы нечаянно, молодежь поетъ, пляшетъ, веселится съ большимъ увлеченіемъ и высматриваетъ себѣ невѣстъ, видится со своими сужеными, любезничаетъ и успѣваетъ въ своихъ любовныхъ похожденіяхъ. За послѣдними наблюдаютъ, впрочемъ, очень строго, и любовная интрига между замужнею женщиною и мужчиною бываетъ иногда причиною кровавыхъ сценъ. За безчестіе же дѣвушки платится штрафъ деньгами или вещами, по условію родителей, или же обольститель долженъ на ней жениться.

Въ день свадьбы у жениха, отдѣльно отъ невѣсты, собираются гости, которые пируютъ день и ночь. Вечеромъ изъ числа собравшихся гостей женихъ выбираетъ отъ десяти до тридцати человѣкъ лучшихъ друзей, для исполненія должности дружекъ, и ѣдетъ съ ними въ аулъ или къ дому невѣсты, показывая видъ, что желаетъ похитить ее. Собравшіеся въ то же время родственники у невѣсты передаютъ ее посаженому отцу и отбираютъ отъ дружекъ все, что имъ понравится. Послѣдніе не только не могутъ не отдать того, что нравится родственникамъ невѣсты, а напротивъ, раздаютъ деньги какъ бы въ придачу къ выкупу жениха. Къ жениху выводятъ невѣсту въ брачномъ одѣяніи, и, приблизивъ ихъ къ домашнему очагу, родители соединяютъ надъ очагомъ руки новобрачныхъ.

— Будьте счастливы! счастливы! счастливы! кричать присутствующіе при этомъ, и да родится у васъ девять сыновъ и одна дочь.

Въ это самое время молодые люди, не приглашенные на брачное пиршество, взбираются на крышу сакли родителей невѣсты и, черезъ отдушину, находящуюся въ крышѣ надъ очагомъ, спускаютъ на веревкѣ во внутренность сакли крестообразно перевязанныя палки, обставленныя восковыми свѣчами, повторяя брачущимся то же самое пожеланіе. Родители невѣсты, въ благодарность за спущенный къ нимъ крестъ, навѣшиваютъ на него куски мяса, сыру и хлѣба.

Затѣмъ шаферъ подходитъ къ невѣстѣ, беретъ ее за руки и, вмѣстѣ съ нею, обходитъ три раза вокругъ огня, и при каждомъ обходѣ бьетъ шашкою по цѣпи, на которой виситъ котелокъ съ гоміей.

Попрощавшись передъ цѣлымъ семействомъ съ роднымъ очагомъ и прикоснувшись рукою къ желѣзной цѣпи, на которой виситъ котелъ, невѣста идетъ къ дверямъ, гдѣ молодыя дѣвушки, приготовивъ заранѣе жидко разведенные въ водѣ отруби, бросаютъ ими въ глаза сватамъ, какъ будто въ отмщеніе имъ за то, что они похищаютъ ихъ подругу. По выходѣ за дверь, гости встрѣчаютъ невѣсту стрѣльбою изъ ружей.

Получивъ невѣсту и посадивъ ее верхомъ позади посаженаго отца или на арбу, отвозятъ ее въ аулъ жениха. Скрипъ арбъ нарушаетъ общую тишину осетинскаго аула, въ которомъ живетъ женихъ. Пискъ дудокъ, удары въ кадушки и мѣдные тазы, пѣсни и крикъ веселой толпы, зарево отъ факеловъ и лучинокъ, забагровѣвшее изъ тѣсныхъ и темныхъ улицъ аула, даютъ знать, что брачный поѣздъ съ невѣстою не далекъ отъ аула. Женихъ скачетъ впередъ, чтобы встрѣтить въ своей саклѣ молодую, которую окружаютъ пѣшіе и конные, мужчины и женщины, въ пестромъ и новомъ платьѣ.

Лицо молодой покрыто шелковымъ вуалемъ, на шеѣ надѣта нитка съ серебряными побрякушками и цвѣтнымъ стеклярусомъ. На ней длинный архалухъ, изъ краснаго канауса, подпоясанный кожанымъ поясомъ, убраннымъ серебряными пуговками и монетами.

Ружейные выстрѣлы, привѣтъ и восклицанія гремятъ со всѣхъ сторонъ; вѣдь *чинзъ-ахсавъ*—свадьба—праздникъ для всего аула.

Арба подъѣхала къ дому жениха. Поддерживаемая шаферомъ (*кухилъ-хацагъ*, или *кухилъ-кашенъ*), невѣста вводится въ главную комнату; тамъ ждутъ ее съ радостію женихъ, свекоръ и всѣ его домашніе.

— Посторонитесь, отойдите, эшачьи ноги! кричитъ шаферъ, входя въ сѣни, наполненные народомъ.

Войдя въ самую саклю, шаферъ обводитъ невѣсту три раза вокругъ очага и останавливается лицомъ къ лицу съ женихомъ. Невѣстѣ подаютъ кусочекъ хлѣба съ медомъ для закуски.

— Вотъ тебѣ, говоритъ онъ жениху, невѣста хорошая, здоровая, цѣлая—нѣтъ въ ней никакого недостатка, увидишь самъ! Поступай съ нею какъ

pонъ (осетинъ), не ругай ее, а то дорого заплатишь. Если ты будешь ругать ея отца, пусть ругательство падетъ на твоего отца, если мать—на твою мать, если будешь позорить мертваго родственника, то да опозорятся всѣ твои прадѣды.

Слова эти шаферъ заключаетъ громкимъ смѣхомъ и выстрѣломъ изъ пистолета.

Молодые преклоняются передъ мальчикомъ или невѣстѣ кладутъ на колѣна младенца мужескаго пола, чтобы провидѣніе даровало имъ первенца сына.

Невѣсту отводятъ на женскую половину, а жениха выгоняютъ вонъ изъ сакли недѣли на двѣ. Во все это время женихъ скитается или внѣ селенія, или у кого-нибудь изъ сосѣдей, не можетъ никому показаться на глаза и только тайкомъ ночью онъ пробирается къ своей супругѣ.

Между тѣмъ въ саклѣ подымается пиръ и веселье. Послѣ попойки затягиваютъ пѣсню. Одинъ импровизируетъ, а остальные припѣваютъ: *вай-алай, чинзъ-алай.*

— Въ эту ночь, поетъ запѣвало, чѣмъ накормимъ нашу новобрачную? Чѣмъ какъ не красньмъ шашлыкомъ изъ мяса зайца. На небѣ летитъ ворона, у ней во рту солома. Къ чему эта солома? Къ тому, чтобы устроить гнѣздо и вывесть въ немъ пташекъ. А пташки на что? На то, чтобъ онѣ выросли и предвѣщали смерть людей ([1]). Выпьемъ же, пока не отошли въ ту сторону, отколь не возвращаются. Кони наши быстры, мечи остры—ломай ихъ о грудь враговъ!.... ([2])

Въ нѣкоторыхъ обществахъ осетинскаго народа невѣсту не вводятъ въ домъ жениха, а отвозятъ прямо къ кому-нибудь изъ сосѣдей, гдѣ она и поступаетъ уже въ распоряженіе молодаго супруга. Въ такихъ обществахъ молодые, по обычаю и смотря по состоянію, должны жить не у себя въ домѣ, а у сосѣда, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и никакъ не менѣе трехъ дней.

«Въ продолженіе перваго и втораго дня свадьбы, палятъ изъ ружей, поздравляютъ молодыхъ и дарятъ ихъ; невѣста, во время этихъ обрядовъ, стоитъ одна, вдалекѣ отъ домашнихъ и на каждое привѣтствіе поздравляющихъ отвѣчаетъ поклономъ; по окончаніи двухъ дней, она приближается къ домашнимъ, прислуживая имъ, но отнюдь не смѣя садиться съ ними, считаясь въ домѣ младшею изъ всѣхъ. Пока молодая жена не родитъ дитяти, не смѣетъ говорить ни съ родителями своего мужа, ни съ другими старшими въ домѣ, а о всѣхъ нуждахъ, какія ей встрѣтятся, проситъ мужа черезъ другихъ. Лицо свое до первыхъ родовъ она не смѣетъ показывать никому посторон-

---

([1]) Существуетъ повѣрье, что въ томъ домѣ, гдѣ каркнетъ ворона, непремѣнно умретъ глава семейства или одинъ изъ его членовъ.

([2]) Чинзъ-ахсавъ. Сой-сой Н. Берзенова Кавказъ 1850 г. № 95. Осетины. Терскія Вѣдомости 1868 г. № 11.

лицу: постоянно оно у нея закрыто платкомъ (калмарцаги), изъ-подъ котораго видмѣются только носъ и глаза (1)».

Богатые и имѣющіе большое семейство проводятъ болѣе времени у сосѣдей, чѣмъ бѣдные и малосемейные. Во все время пребыванія въ чужомъ домѣ, молодые видятся тайкомъ, такъ, чтобы никто изъ старыхъ не видалъ ихъ свиданій. Осетины считаютъ не только за порокъ, но даже за безчестіе, если посторонніе увидятъ мужа съ женою, и притомъ молодыхъ. Спросить у мужчины, женатъ ли онъ, или что-нибудь про жену, значитъ обидѣть его. Подобные вопросы могутъ быть сдѣланы только одними стариками, уважаемыми обществомъ.

Свадьбы, по обычаю осетинъ, могутъ быть совершаемы во всѣ дни года, но магометане не женятся въ февралѣ, а христіане — женятся въ установленное для того время. На третій день послѣ свадьбы, сосѣди, у которыхъ жили молодые, устраиваютъ пиръ вмѣстѣ съ родителями молодыхъ, на который приглашаютъ всѣхъ родныхъ, знакомыхъ и дружекъ. Молодая отдариваетъ своихъ дружекъ разными вещами своего издѣлія. Послѣ пира, если молодые не могутъ строго соблюдать приличіе, то переходятъ въ домъ родителей (2).

Основою семейнаго быта осетинъ служитъ уваженіе къ старикамъ и вообще людямъ пожилыхъ лѣтъ. Уваженіе это простирается до того, что каждый считаетъ непремѣнною своею обязанностію вставать при входѣ старшаго и привѣтствовать его, хотя бы онъ былъ и низшаго происхожденія. Учтивость эта, никогда не нарушаемая, соблюдается въ семействѣ съ особою строгостію.

Женившись, осетинъ тотчасъ же сдаетъ все свое хозяйство на руки и въ распоряженіе жены. Сами мужчины не занимаются хозяйствомъ, и если работаютъ, то не болѣе трехъ дней въ недѣлю: вторникъ, среду и четвергъ.

Въ пятницу осетинъ не работаетъ, потому что это *Майрамъ-бонъ*, день св. Маріи (Богоматери); въ понедѣльникъ, потому что начальный день недѣли; въ воскресенье, потому что это день Божій. Въ субботу, осетины торжественно снимаютъ шапки, и въ теченіе цѣлыхъ сутокъ остаются съ непокрытою головою. Одна только крайняя необходимость можетъ заставить работать въ пятницу и субботу, и разрѣшеніе на это каждый осетинъ долженъ купить кровью тучнаго барана, принесеннаго въ жертву, и мясомъ его угостить ближайшихъ своихъ сосѣдей.

Впрочемъ, въ субботу разрѣшается только одна *зіу*—работа по пригла-

---

(1) Вашкирки Кавк. 1850 г. № 39.

(2) Религіозные обряды осетинъ и проч. Шегрена Кавказъ 1846 г. № 28. Поѣздка въ Кударское ущелье Василій Переваленко Кавказъ 1849 г. № 40. Дорога отъ Тифлиса до Владикавказа Кавк. 1847 г. № 31. Изъ записокъ объ осетіи Н. Берзеновъ Кавк. 1853 г. № 15. Чиназъ-Ахсавъ Н. Берзеновъ Кавк. 1850 г. № 95. Отчетъ общества возстановленія христіанства на Кавказѣ за 1862 и 1863 годы изд. 1865 г. Тифлисъ.

шенію, безъ платы: женщинъ на жатву, мужчинъ на покосъ. Эти приглашенія дѣлаются людьми зажиточными, и только тогда, когда свои руки не успѣваютъ работать. Пригласившій приготовляетъ для работниковъ много араки, пива и вина. Рано утромъ, въ субботу, хозяинъ идетъ по домамъ приглашенныхъ и будитъ ихъ. Тѣ приходятъ и начинаютъ свои занятія съ насыщенія желудковъ, а потомъ уже работаютъ. При восходѣ солнца, поютъ пѣснь веснѣ, въ которой хвалятъ пріятность весеннихъ дней. Въ ожиданіи хорошаго обѣда, осетины работаютъ неутомимо. Пироги съ сыромъ и масломъ, вареники, подслащенные мёдомъ, и напитки вознаграждаютъ работниковъ за трудъ. Ужинъ приготовляется еще изысканнѣе: закалывается одинъ или нѣсколько барановъ. Накормивъ до-сыта работавшихъ и поблагодаривъ ихъ, хозяинъ разсылаетъ остатки ужина по домамъ своихъ сотрудниковъ этого дня (1).

Работая неутомимо изъ за угощенія, осетинъ ничего не дѣлаетъ у себя дома. Онъ потѣшаетъ себя верховою ѣздою, джигитовкою или, куря трубку, стругаетъ палочку. Мужчина любитъ проводить время среди разсказовъ, поучать дѣтей своихъ и переливать въ ихъ юныя сердца одни только пороки, которыми нерѣдко переполнена его жизнь. Онъ разсказываетъ сыну о своихъ подвигахъ и воровствѣ въ молодые годы; хвалится добычею, пріобрѣтенною хищничествомъ, и числомъ плѣнныхъ, проданныхъ имъ въ неволю, и, наконецъ, внушаетъ сыну преслѣдовать убійственною местью родъ, издревле ему враждебный. О трудѣ и хозяйствѣ онъ не думаетъ самъ, и не учитъ своихъ дѣтей. Все хозяйство лежитъ на обязанности женщины. Послѣдняя, въ семейномъ быту, работая какъ волъ, замѣняя рабочую скотину, находится, въ добавокъ, въ большомъ презрѣніи и участь ея достойна полнаго сожалѣнія. Женщина съ утра и до вечера занимается приготовленіемъ предметовъ, наиболѣе необходимыхъ въ хозяйствѣ: ткетъ сукно на чуху мужу, шьетъ башмаки, дѣлаетъ бурки, чахлы на ружья, ножны для шашекъ и т. п. Она же исполняетъ всѣ полевыя работы, которыя всецѣло лежатъ на ней.

Въ награду за пользу, приносимую семейству, женщина не пользуется не только уваженіемъ, но и должною благодарностію за трудъ.

— Женщина, говоритъ осетинъ, проклята Богомъ и на этомъ свѣтѣ никакой пользы не приноситъ, какъ ни къ чему не годная. Мужчина, напротивъ, есть краса природы: онъ сильное и свободное существо, все можетъ произвесть, все пріобрѣсть, все сдѣлать.

Тамъ, гдѣ сила и ловкость, удальство и хищничество, съ оружіемъ въ рукахъ, составляетъ основу жизни, тамъ женщина, конечно, должна терять въ глазахъ мужчины, и быть въ рабскихъ къ нему отношеніяхъ. Осетинъ покупаетъ себѣ жену какъ товаръ, можетъ купить себѣ двѣ или три жены,

(1) Атинагъ, праздникъ у осетинъ передъ началомъ сѣнокоса и жатвы. Соломонъ Жускаевъ Закавк. Вѣст. 1855 г. № 33. Обозрѣніе Россійск. Влад. за Кавказомъ ч. II.

одинъ имѣетъ къ тому средства, и потому онъ обращается съ ними сурово, стараясь на каждомъ шагу показать свое превосходство и презрѣніе къ женщинѣ. Мужчину можно обругать какъ угодно, сравнить съ какимъ бы то ни было животнымъ — онъ не обидится; но назовите его *ус*—женщиною, онъ приметъ это за тяжкую обиду. Чтобы предохранить себя отъ этого ужаснаго прозвища, онъ не носитъ краснаго цвѣта — принадлежности женскаго пола. Изъ этого составляютъ исключеніе только старики, къ которымъ народъ питаетъ глубокое уваженіе; только они однѣ и могутъ носить платье какихъ угодно цвѣтовъ.

Жена не называетъ по имени не только мужа, но даже братьевъ и другихъ родственниковъ. Называя мужа, она говоритъ обыкновенно *нæ лæг* — что означаетъ нашъ господинъ, нашъ мужъ. Но еслибы случилось, что женщина, въ присутствіи другихъ женщинъ, по ошибкѣ, назвала по имени мужа, или одного изъ родственниковъ его, то подвергается большому осмѣянію.

Осетинская женщина старѣется весьма скоро: въ двадцать, а иного въ двадцать пять лѣтъ, она уже совсѣмъ старуха. Лице ея обрюзгло и покрыто морщинами, груди отвисаютъ до пояса и животъ опущенъ; впрочемъ эта послѣдняя статья считается красотою. Осетинская женщина любитъ посплетничать, въ особенности во время полевыхъ работъ, на которыя сходятся сосѣдки безъ мужчинъ. При встрѣчахъ и разговорахъ, они очень часто называютъ другъ друга не собственными, а нарицательными именами: [illegible] (черная дѣвка, одно изъ почетныхъ именъ), *бабызъ* (утка) и проч. Осетинки не прячутся отъ глазъ мужчины ни своего, ни посторонняго, и, при всей дикости ихъ мужей, пользуются нѣкоторою свободою въ своихъ дѣйствіяхъ,— а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже съ излишествомъ, не возбуждая тѣмъ ревности своихъ мужей. Послѣдній, будучи полновластнымъ господиномъ своей жены, можетъ прогнать ее отъ себя когда вздумается.

За невѣрность жены, въ прежнее время, мужъ имѣлъ право убить ее, но долженъ былъ ясно доказать, что она виновна въ прелюбодѣяніи, потому что, въ противномъ случаѣ, подвергался кровомщенію ея родственниковъ.— Соблазнитель чужой жены рѣдко испытывалъ на себѣ мщеніе ея мужа, потому что если онъ бралъ въ ротъ обнаженную грудь этой женщины, называлъ себя ея сыномъ и клялся, что болѣе не будетъ имѣть къ ней порочныхъ чувствъ, то всякое мщеніе прекращалось. Соблазнившій дѣвушку долженъ былъ на ней жениться или заплатить родителямъ столько, сколько назначатъ судьи.

Разводъ допускается между супругами и причинъ для него весьма много. Бездѣтность женщины или жена, просто надоѣвшая мужу, можетъ быть отослана послѣднимъ къ ея родителямъ, не спрашивая о томъ ни у кого согласія или позволенія. Если осетинъ, прогоняя жену, дастъ ей что-либо на пропитаніе, то это доказываетъ его прекрасныя качества. Чаще же всего женщина выходитъ изъ дому нагая, оборванная и безъ всякихъ средствъ къ

существованію. Если у выгоняемой женщины есть дѣти, то отецъ обязанъ назначить на ихъ пропитаніе опредѣленныя средства деньгами или скотомъ.

Разведясь съ своею законною женою, осетинъ беретъ себѣ другую женщину, и даже вдову роднаго брата, и живетъ съ нею безъ всякихъ церковныхъ обрядовъ.

Плата за убійство женщины составляетъ половину платы за мужчину. — Дочери осетина наслѣдства не получаютъ: они сами составляютъ вещь, или товаръ, которымъ торгуетъ отецъ, хотя и плачущій при рожденіи дочери и торжествующій при рожденіи сына (1).

Рожденіе младенца сопровождается у осетинъ нѣкоторыми особенностями. Чѣмъ богаче и сильнѣе отецъ новорожденнаго сына, тѣмъ болѣе собирается у него охотниковъ попировать на счетъ хозяина. Съ приближеніемъ родовъ, прежде разрѣшенія больной отъ бремени, въ домъ къ ней собираются всѣ родные и знакомые обоихъ супруговъ, при чемъ мужчины, преимущественно молодые парни и мальчики, помѣщаются въ одной половинѣ сакли, а замужнія женщины и старухи въ другомъ отдѣленіи; дѣвушки въ это время не допускаются. Каждая женщина несетъ по три масляныхъ пирога, по обычаю вырываемыхъ изъ рукъ мальчиками. Когда больная почувствуетъ приближеніе родовъ, то самыя близкія родственницы уводятъ ее изъ дамскаго общества въ особую комнату, и ни мужъ, ни другіе родственники при родахъ не присутствуютъ, по малому развитію родительскихъ и родственныхъ чувствъ. Больная оставляется только съ одною бабкою, и всѣ безъ исключенія присутствующіе удаляются. Отъ молодой жены требуется такой стоицизмъ, что, какъ бы ни были мучительны роды, родильница должна быть совершенно спокойною и не произносить ни одного слова, ни одного стона, до разрѣшенія отъ бремени. Гости остаются чуждыми этой высокой разыгрывающейся драмѣ въ судьбѣ двухъ существъ: матери и будущаго новорожденнаго, и хлопочатъ только о томъ, какъ бы приступить скорѣе къ угощенію, но увы! и эта надежда исчезла—хозяйка подарила отцу не сына, а дочь.

Рожденіе дочери хуже чѣмъ наказаніе для отца; дочь у осетина не ставится ни во что, не смотря на то, что отецъ получаетъ за нее *ирадъ* (плата, калымъ), и что она до замужества и послѣ него будетъ работать въ семействѣ какъ волъ. Осетины не цѣнятъ этихъ заслугъ женщины, и рожденіе дочери принимаютъ за несчастіе. Отецъ, повѣся голову, посматриваетъ на приготовленныя угощенія, грустить, не хочетъ праздновать рожденія дочери, и часто гости оставляютъ домъ хозяина, только растравленные апетитомъ.

Но если родится сынъ, то угощеніямъ нѣтъ конца. Съ первымъ крикомъ ребенка всѣ бросаются поздравлять отца и всѣхъ родственниковъ, не только

(1) Изъ записокъ объ Осетіи Н. Берзеновъ Кавказъ 1853 г. № 15. Религіозные обряды у Осетинъ и проч. Шегрена Кавк. 1846 г. № 28. Поѣздка въ Кударское ущелье В. Переваленко Кавказъ 1849 г. № 40. Письма изъ Осетіи Тифлисс. Вѣдом. 1830 г. № 78.

присутствующихъ, но и отсутствующихъ. Кто первый поздравитъ, тому отецъ дѣлаетъ подарокъ, состоящій изъ кинжала, пояса и даже шашки, смотря по состоянію, и даритъ еще что-нибудь, кому вздумается. Часто родственники также дѣлаютъ подарки, состоящіе по большей части изъ оружія, платья, барановъ и рѣдко лошадей.

Рожденіе первенца-сына у новобрачныхъ празднуется особенно. Передъ домомъ собирается значительная толпа мальчишекъ, которые поютъ или, лучше сказать, кричатъ: *сой*, *сой*, *сой-сой*, *цау*, *сой*; *алы аэдаръ ардамъ цау*, *сой*, *цау*, *сой*. Сой значитъ сало, жиръ, тучность: этимъ словомъ выражается изобиліе, радость и счастіе въ семействѣ, въ которомъ родилось такое дитя, которое подпояшетъ потомъ кинжалъ, сядетъ на коня, будетъ джигитовать и разбойничать—словомъ, что родился мальчикъ.

Поющихъ щедро одариваютъ.

Съ окончаніемъ поздравленія начинается угощеніе. У богатаго отца или старшины, по окончаніи угощенія, бываетъ скачка, сопровождаемая подаркомъ побѣдителю.

Если родится первенецъ сынъ, то, не смотря на бѣдность, отецъ долженъ сдѣлать пиръ и угощеніе для цѣлой деревни, во славу и счастливую жизнь перворожденнаго. Послѣ первыхъ родовъ, молодая мать перемѣняетъ свой головной уборъ, покрываетъ голову кисеею (нарбанъ, по-грузински лечакъ), и съ этихъ поръ она можетъ свободно говорить съ родными и домашними.

Осетинъ не ведетъ счета своимъ годамъ, не празднуетъ своего рожденія и дня ангела, даже и въ томъ случаѣ, когда исповѣдуетъ христіанскую вѣру. Младенцу даютъ имя свое собственное, языческое, независимо отъ имени христіанскаго или магометанскаго. Это имя считается главнымъ и болѣе важнымъ, а христіанскія имена назначаются для проформы. Кто первый подойдетъ къ люлькѣ младенца, тотъ долженъ дать ему имя и можетъ сочинить какое угодно прозваніе новорожденному. Имена эти принадлежатъ разнымъ звѣрямъ, животнымъ и т. п. Осетины всегда зовутъ другъ друга по имени, но никогда не произносятъ имени христіанскаго, а всегда свое языческое.

Крещеніе совершаютъ только тогда, когда самъ священникъ узнаетъ, что въ такомъ-то домѣ есть новорожденный, но и то часто родители увѣряютъ своего духовнаго пастыря, что ребенокъ ихъ давно уже крещенъ. Во всякомъ же случаѣ крещеніе бываетъ не ранѣе трехъ дней послѣ рожденія.

Въ этомъ случаѣ, муллы поступали для себя болѣе практично, чѣмъ наши священники и миссіонеры. Они распустили слухъ, что каждый необрѣзанный и семейство его будутъ ходить на томъ свѣтѣ безъ головы, а потому у осетинъ-мусульманъ обрядъ обрѣзанія исполняется гораздо строже.

На третій день послѣ рожденія, снова собираются родственники и знакомые и у нѣкоторыхъ, какъ напримѣръ у дигорцевъ, приносятъ пули, которыя кладутъ въ люльку младенца, какъ талисманъ и благословеніе на будущіе его подвиги.

Бабка, принимавшая ребенка, получаетъ подарки и считается въ семействѣ какъ родная.

О воспитаніи дѣтей осетины заботятся очень мало. Ребенокъ находится на попеченіи матери, но сынъ съ двѣнадцатилѣтняго возраста поступаетъ подъ надзоръ отца (1).

Лица высшаго сословія обыкновенно отдаютъ своихъ дѣтей на воспитаніе какому-нибудь семейству изъ низшаго класса, но пользующемуся уваженіемъ. *Эмчекъ* (воспитатель) увозитъ *ккана* (воспитанника) къ себѣ; обучаетъ его тѣлеснымъ движеніямъ, гимнастикѣ и разнымъ хитростямъ; часто онъ принимаетъ на себя обязанность и женить своего *ккана*, выбираетъ дѣвушку соотвѣтствующаго происхожденія, проситъ ея руки у родителей и платитъ выкупъ. Возвращеніе сына въ родительскій домъ совершается съ особою торжественностію; эмчекъ уходитъ домой съ большими подарками и послѣ того считается какъ бы роднымъ.

У нѣкоторыхъ осетинъ существуетъ обыкновеніе, преимущественно у старшинъ, надѣвать на дѣвушку съ раннихъ лѣтъ корсетъ—широкая кожаная опояска, зашиваемая на самомъ тѣлѣ. Въ такомъ случаѣ, мужъ въ первую ночь послѣ брака долженъ разрѣзать этотъ корсетъ кинжаломъ, а если онъ ловкій и удалой, то разшиваетъ его руками, не порвавъ ни одной нитки.

Для сохраненія гибкости стана, которая составляетъ необходимую принадлежность красоты дѣвушки, ее кормятъ весьма дурно. Молоко и нѣсколько яицъ составляютъ ея всю ежедневную пищу. Часто дѣвушки и женщины привѣшиваютъ себѣ сзади къ волосамъ *зикубосы*—длинный витой узелъ, похожій на жгутъ, изъ тонкаго бѣлаго полотна. По понятію осетинокъ, зикубосъ способствуетъ выростанію и удлиненію волосъ.

Осетины считаютъ безчестіемъ для дома, если покойникъ хотя одну ночь останется не похороненнымъ. По этому похороны совершаются или въ самый день смерти, или на другой день утромъ, но никакъ не позже. Христіане, живущіе на плоскости, хоронятъ по церковному уставу съ примѣсью своихъ обычаевъ, а тѣ, которые живутъ въ горахъ, хоронятъ умершихъ часто по язычески. Народъ вѣритъ, что слезы облегчаютъ за гробомъ участь умершаго, и чѣмъ больше слезъ, тѣмъ легче будетъ покойнику. По этому на оплакиваніе стараются собрать какъ можно болѣе народа, который часто пріѣзжаетъ изъ весьма отдаленныхъ селеній.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Осетіи въ день смерти совершался обрядъ *хорана*, или большія поминки.

Родственники приходили въ домъ покойника, продавали или закладывали его имущество, безъ согласія наслѣдниковъ, на вырученныя деньги покупали

(1) Чиквъ-ахсавъ. Сой-сой Н. Берзенова Кавк. 1850 г. № 95. Религіозные обряды у осетинъ Шегрена Кавк. 1846 г. № 28. Поѣздка въ Кударское ущелье В. Переваленко Кавк. 1849 г. № 40.

вино, выгоняли изъ хлѣба или ячменя водку и рѣзали значительное число быковъ и барановъ, иногда до 35 штукъ. Приготовленныя изъ нихъ кушанья, съѣдались и выпивались гостями, при участіи самихъ родственниковъ.

Тотчасъ послѣ кончины лица, всѣ родственники и знакомые одного съ нимъ аула собираются въ саклю; прочимъ живущимъ въ сосѣднихъ аулахъ даютъ знать черезъ карганака (вѣстникъ, глашатай). Послѣдняго снабжаютъ самою лучшею лошадью, чтобы онъ могъ, какъ можно скорѣе, оповѣстить всѣхъ о кончинѣ такого-то. Если же нѣтъ лошади, то посылаютъ нѣсколько человѣкъ въ разные аулы. Пока соберутся изъ сосѣднихъ ауловъ *матэзиой*—такъ называется народъ, сходящійся на погребеніе—покойника оплакиваютъ свои одноаульцы. Сверстники покойнаго жертвуютъ на погребеніе его вещи—кто черкеску, шапку, бешметъ, а кто и ремень; умершую женщину одѣваютъ ея родители и родственники.

Пріѣзжающихъ изъ сосѣднихъ деревень встрѣчаютъ молодые люди, сводятъ ихъ съ лошадей и арбъ и отбираютъ отъ нихъ оружіе.

— Посѣщайте насъ впредь на радость (цинтіи цаутъ), говорятъ имъ при этомъ, вмѣсто привѣтствія, родственники умершаго.

Около дымнаго очага, укутанный съ ногъ до головы, лежитъ на скамейкѣ умершій, окруженный родственниками и знакомыми.

Передъ покойникомъ теплится свѣча, а у порога сакли, у самой двери, стоятъ по одну сторону мужчины, по другую сторону женщины. Начинается обрядъ оплакиванія. Гости, приближаясь къ дому умершаго, сжимаютъ обѣ руки въ кулаки, и, ставъ рядомъ, по нѣскольку человѣкъ, бьютъ себя въ лобъ попеременно обѣими руками, испуская печальные гортанные звуки *іа-а-а*; дойдя до порога дверей, они возвращаются обратно и присоединяются къ другимъ. За тѣмъ на порогѣ сакли становится въ рядъ по два или по четыре человѣка, которые берутъ въ правыя руки плети, а лѣвыми закрываютъ глаза и, затянувъ печальную пѣсню *ада-дай*, тихо приближаются къ покойнику. Нѣкоторые натираютъ конецъ плети воскомъ, чтобы показать свое сострадание къ покойнику и свое сердечное сожалѣніе его семейству. Плетьми этими они бьютъ себя по открытой бритой головѣ «такъ сильно, что она, огибая лобъ, темя и шею, вырываетъ тѣло кусками и кровь льется изъ задней части головы».

Дойдя до покойника, они прекращаютъ удары, дотрогиваются до него обѣими руками и отходятъ прочь, передавая плети другимъ охотникамъ истязать себя въ этой печальной церемоніи.

За мужчинами идутъ точно также прощаться женщины, съ тою только разницею, что, вмѣсто плети, бьютъ себя обѣими руками. «Женщины царапаютъ себѣ лица ногтями, бьютъ обѣими руками по щекамъ или крестообразно по предплечіямъ, такъ что правая рука приходится на лѣвое предплечіе, а лѣвая на правое. Отъ безпрестанныхъ ударовъ этихъ, лицо ихъ разду-

вается, глаза наливаются кровью. Дойдя, такимъ образомъ, до покойника, каждая кланяется и, дотронувшись до ногъ его, отходитъ въ сторону».

Когда всѣ гости попрощаются съ покойникомъ, тогда мать, жена или сестра его начинаетъ такъ называемый *карагъ*—оплакиваніе, поддерживаемое общимъ рыданіемъ присутствующихъ. Присутствующіе, при выходѣ изъ сакли покойника, оставляютъ деньги какъ для покрова умершаго, такъ и на содержаніе его вдовы. По совершеніи всѣми обряда прощанія, покойника, одѣтаго въ новое платье и завернутаго въ кусокъ холста или сукна, кладутъ на носилки или на арбу и отвозятъ на семейное, а не на общее кладбище. Осетины, какого бы вѣроисповѣданія ни были, не хоронятъ своихъ покойниковъ въ гробахъ, а вырываютъ яму, укладываютъ ее досками или камнемъ и обжигаютъ порохомъ, для того чтобы звѣри не разрывали могилъ.

Въ Дигоріи умершіе низшаго класса хоронятся на общемъ кладбищѣ, но князья имѣютъ свои отдѣльные фамильные склепы, «состоящіе изъ небольшихъ четвероугольныхъ каменныхъ зданій безъ крыши, устраиваемыхъ недалеко отъ аула на видномъ мѣстѣ».

Такія семейныя могилы, называемыя *акелдама* или *запацы*, встрѣчаются во многихъ мѣстахъ Осетіи.

Въ печальной процессіи, непосредственно за арбою, на которой везутъ покойника на кладбище, идутъ только всѣ женщины аула и, при пѣніи *ада-дай*, бьютъ себя обѣими руками по лбу; мужчины слѣдуютъ по правую сторону и продѣлываютъ то же самое плетью. По лѣвую сторону покойника ѣдетъ всадникъ въ полномъ вооруженіи и на конѣ принадлежащемъ умершему. Чѣмъ знатнѣе и богаче покойникъ, тѣмъ медленнѣе подвигается процессія, тѣмъ большее число лицъ принимаютъ въ ней участіе и тѣмъ яростнѣе сыплются удары въ лобъ и головы провожающихъ.

На кладбищѣ совершается новое и послѣднее оплакиваніе. Покойника ставятъ поодаль отъ мѣста погребенія. Вокругъ умершаго становятся женщины, а поодаль ихъ мужчины. Одна половина женщинъ поетъ печальную пѣснь: *вей-у*, *дадай-у*, а другая—*саръ-у-саюса* и ударяютъ себя въ грудь. Мужчины, опираясь на палку и понуривъ голову, безмолвно внимаютъ плачу женщинъ...

У алагирцевъ на грудь покойника насыпаютъ порохъ и зажигаютъ его; если дымъ подымется вверхъ, значитъ умершій человѣкъ блаженный, а если онъ распространится въ стороны или пойдетъ къ низу, то на оборотъ.

Жители горной Осетіи, какъ-то: алагирцы, куртатинцы, чемитинцы и дигорцы, одѣваютъ покойника въ новое платье, шапку, полное вооруженіе, и, покрывъ буркою, кладутъ вмѣстѣ съ нимъ въ могилу три чурека и штофъ араки, съ тою цѣлію, чтобы покойникъ, во время пути на небо, ни въ чемъ не нуждался и могъ одарить кого слѣдуетъ. Если умершій магометанинъ, то изъ среды толпы выходитъ мулла и, съ важностію, требуетъ коня покойнаго,

для совершенія обряда *бахи-фалдисть* — жертвованія лошади въ честь покойника.

— Эта лошадь, говоритъ онъ съ разстановкой, взявши коня подъ уздцы, да будетъ жертвою этого покойника.

Послѣ такого вступленія, выражающаго собою содержаніе послѣдующей рѣчи, мулла обращается къ присутствующимъ.

— Нынѣ потеряли мы, говоритъ онъ, одного изъ знаменитыхъ людей, украшавшихъ наше общество; сами знаете — онъ былъ для насъ то же, что глазъ, нога, рука, языкъ, кинжалъ; значитъ: мы теперь онѣмѣли, ослѣпли, охромѣли, лишились силы, обезоружены; что-же будемъ дѣлать—ничего! ибо таковъ законъ Аллаха, такова воля великаго Пахумпара: нѣтъ Бога, кромѣ Бога, а Магометъ посланный отъ Бога.

— Но съ тобою, продолжаетъ мулла, обращаясь къ умершему, виновникомъ теперешней бѣды, я долженъ поговорить поподробнѣе. Ты нынѣ отходишь въ такую невѣдомую сторону, гдѣ нѣтъ для тебя ни родныхъ, ни кунаковъ; и такъ, слушай меня со вниманіемъ! Вотъ твой любимый, ретивый конь, вотъ оружіе: шашка, кинжалъ, ружье и пистолетъ — они заряжены двумя пулями. Сядь на коня, надѣнь на себя оружіе и отправляйся; на пути встрѣтятся тебѣ три различныя дороги; не слѣдуй ни по правой, ни по лѣвой: по нимъ проходятъ только одни гяуры и шайтаны; держись средней дороги, она одна достойна правовѣрныхъ: ею ты достигнешь джанната (рая). Еще надо предварить тебя, что путь, которымъ пойдешь, слишкомъ продолжителенъ; если захочется тебѣ ѣсть или пить, то, вотъ, мы кладемъ вмѣстѣ съ тобою мѣшечекъ, въ которомъ ты найдешь все необходимое: хлѣбъ сыръ, трубку, табакъ и кувшинъ съ брагою. Пользуйся своимъ, ни у кого ничего не требуй въ дорогѣ, очень опасной и трудной; если устанетъ твой конь, поймай кобылицу Магомета, которая будетъ прогуливаться по прекрасному лугу: она прямо привезетъ тебя къ дверямъ рая; тамъ на встрѣчу тебѣ выйдутъ прекрасныя, черноглазыя *гуріи*, обѣщанныя Магометомъ, примутъ въ свои объятія, введутъ въ неизрѣченный джаннатъ (рай) и будетъ тебѣ хорошо!...,

— Аминь Боже! да будешь ты свѣтелъ! заключаютъ всѣ присутствующіе ([1]).

Народъ вѣритъ, что, послѣ смерти, человѣку приходится много странствовать, прежде чѣмъ онъ достигнетъ до того мѣста, гдѣ находятся отошедшіе въ вѣчность люди. Понятія осетинъ относительно загробнаго странствованія чрезвычайно оригинальныя, указываютъ на узкія познанія ихъ о религіи и заключаются въ рѣчи, произносимой надъ умершимъ.

Рѣчь эту произноситъ одинъ изъ стариковъ, по преимуществу человѣкъ бѣдный, который получаетъ потомъ отъ родственниковъ умершаго подарки.

([1]) Очерки Осетіи Н. Берзеновъ Кавказъ 1850 г. № 15.

Нельзя не привести этой рѣчи, записанной Шэгреномъ со словъ одного изъ лучшихъ ораторовъ.

— Господь Богъ! восклицаетъ ораторъ; сегодня померъ хорошій человѣкъ; онъ былъ очень хорошій человѣкъ, такой, какому подобный есть только одинъ на небесахъ; теперь всѣ присутствующіе по немъ плачутъ; онъ былъ очень хорошій человѣкъ, хлѣбосолъ, его всѣ любили и онъ всѣхъ примирялъ; съ нимъ св. Георгій сдѣлалъ присягу на братскую дружбу. Теперь св. Георгій на небесахъ, кто же ему дастъ знать о томъ, что пріятель его померъ! никто такъ скоро не поспѣетъ на небо извѣстить св. Георгія, какъ *нартъ аксартаковой* фамиліи Зерватекъ (ласточка) ([1]), и онъ, только-что ему объ этомъ сказали, тотчасъ поскакалъ и извѣстилъ св. Георгія. Въ это время всѣ святые и ангелы были на угощеньѣ у одного святаго *Кудралъ-Аіона* (нѣдника), который, сваривъ большой котелъ пива, пригласилъ ихъ къ себѣ и имъ прислуживалъ, а подавалъ пиво св. Георгій; вдругъ прилетаетъ Зерватекъ и, сѣвъ на правое плечо Георгія, сказалъ ему: твой другъ померъ! и ему надо теперь лошадь, ружье, шашку и пистолетъ. Св. Георгій задумался и говоритъ святымъ: у меня на землѣ померъ одинъ пріятель, мнѣ надо достать ему лошадь, ружье, шашку и пистолетъ, и потому я ухожу отъ васъ; а святые не пустили Георгія и обѣщали ему все найти для его пріятеля. Св. Илія далъ тотчасъ ружье, которое никогда не дастъ промаха; *Кудралъ-Аюнъ* подарилъ такую шашку, что ее можно согнуть какъ обручъ; сынъ солнца, Магометъ, подарилъ сѣдло со всѣмъ приборомъ; сынъ луны, *Хамашканъ*, подарилъ потники и серебряную уздечку. Св. Георгій собралъ всѣ вещи и послалъ Зерватека въ Турцію выбрать лучшаго, какой только есть тамъ, коня. Зерватекъ полетѣлъ туда, но для такого знаменитаго покойника не могъ сыскать лошади. Тогда онъ полетѣлъ въ Нартъ, гдѣ жилъ одинъ человѣкъ Чесана и далъ для св. Георгія свою лошадь *Аесурхъ*—главу лошадей. Зерватекъ привелъ эту лошадь, и какъ святые не пустили св. Георгія, то онъ и послалъ всѣ подарки покойнику черезъ Зерватека. А когда тотъ прилетѣлъ на землю и привезъ подарки, то всѣ кругомъ стоящіе благословили покойнаго и пожелали ему счастливаго пути въ землю Нартъ—святое мѣсто, куда пошли всѣ предки всѣхъ народовъ.

Покойникъ простился со всѣми, взялъ свою лошадь и поскакалъ въ Нартъ; не доѣзжая рѣки, его встрѣтили караульные, которые не пускали его далѣе, но онъ подарилъ имъ чурекъ, и тогда они его пустили. И потомъ пріѣхалъ онъ къ рѣкѣ, черезъ которую было положено одно бревно, вмѣсто моста, а впереди моста стоялъ *Аминонъ* (указатель), который не пускалъ его черезъ мостъ и сталъ распрашивать покойнаго. Аминонъ зналъ его хо-

(1) Между осетинами ходитъ много легендъ о подвигахъ жившихъ въ древности *нартовъ*, которыхъ они почитаютъ за святыхъ. Нартами осетины считаютъ израильтянъ а мѣстомъ ихъ жительства нынѣшнюю Имеретію.

рено, только хотѣлъ узнать: правду-ли будетъ ему говорить покойникъ или солжетъ; если скажетъ правду, то отрекомендуетъ его въ Нартъ и пуститъ туда; если солжетъ, то будетъ бить его по губамъ вѣникомъ, намазаннымъ кровью. Вотъ и спросилъ его Аминонъ: что онъ видѣлъ и дѣлалъ хорошаго на свѣтѣ? и покойникъ все разсказалъ, ничего не увеличивая; и какъ Аминонъ видѣлъ, что онъ говорилъ правду, то и позволилъ ему переѣхать черезъ мостъ, и далъ ему записку и провожатаго, чтобы отвели его въ землю Нартъ, а другихъ, кто солжетъ, онъ отсылаетъ въ адъ. Покойникъ, только что получилъ позволеніе, тотчасъ поѣхалъ прямо на мостъ, который такъ и шатался подъ нимъ и, кажется, такъ и проваливался; но какъ покойникъ былъ хорошій человѣкъ и ѣхалъ смѣло, то мостъ дѣлался все шире и крѣпче и вышелъ большой хорошій мостъ.

Только-что переѣхалъ онъ на другой берегъ и видитъ: стоятъ нѣсколько женщинъ, всѣ въ траурѣ, спереди ихъ собаки, сзади ишаки, и звѣри эти терзали женщинъ. И спрашиваетъ онъ у проводника, что это значитъ? А проводникъ отвѣчалъ: эти женщины наказаны за прелюбодѣяніе на томъ свѣтѣ; когда мужья ихъ умерли, онѣ надѣли трауръ, а сами изъ-подтишка принимали любовниковъ; теперь онѣ наказаны тѣмъ, что имѣютъ вѣчно любовниками собакъ и ишаковъ и поставлены на дорогѣ, чтобы ихъ всѣ видѣли. Покойникъ проклялъ женщинъ и поѣхалъ дальше; и видитъ онъ, дальше лежатъ на бычачей кожѣ мужъ и жена, покрыты они тоже бычачьею кожею, и ссорятся другъ съ другомъ, и тянутъ одинъ у другаго кожу, говоря, что имъ нечѣмъ покрыться. Спрашиваетъ онъ у проводника: что это значитъ, что они дерутся? и проводникъ отвѣчалъ ему: они не любили другъ друга на томъ свѣтѣ, и здѣсь тоже ссорятся и имъ всего мало. Потомъ видитъ онъ: лежитъ человѣкъ съ женою на заячьей кожѣ, покрываются заячьею кожею и не только довольно имъ этихъ кожъ, но еще они укутываютъ другъ друга; спрашиваетъ онъ у проводника: что это значитъ, что они помѣщаются на заячьей кожѣ? А проводникъ ему отвѣчалъ: они любили другъ друга на томъ свѣтѣ и здѣсь тоже любятся, и оттого имъ всего довольно. Потомъ, отъѣхавъ дальше, видитъ онъ: человѣкъ сидитъ за столомъ изъ льда, на стулѣ изъ льда и ѣстъ ледъ. И спрашиваетъ онъ у провожатаго: что это значитъ? И провожатый отвѣчаетъ: онъ былъ судьею на томъ свѣтѣ и не держался правды въ судѣ, а, напротивъ, помогалъ богатымъ и сильнымъ, и притѣснялъ бѣдныхъ и беззащитныхъ, и за то наказанъ ѣсть вѣчно одинъ только ледъ. Отъѣхавъ-же дальше, видитъ онъ: сидитъ человѣкъ на серебряномъ стулѣ, за серебрянымъ столомъ, сакля у него вся изъ солнца, потолокъ весь изъ звѣздъ, и въ саклѣ у него курится ѳиміамъ и всего вдоволь у этого человѣка. Спрашиваетъ онъ у провожатаго: за что этотъ человѣкъ проводитъ въ такомъ удовольствіи время? А провожатый ему отвѣчаетъ: онъ оттого теперь такъ счастливъ, что на томъ свѣтѣ былъ хорошій судья,

поступалъ всегда справедливо и помогалъ бѣднымъ, и оттого награжденъ въ землѣ Нартовъ.

Наконецъ видитъ покойникъ: стоитъ человѣкъ, у котораго быкъ гложетъ усы, спрашиваетъ онъ у провожатаго: что это значитъ? И провожатый ему отвѣчаетъ: что оттого у него быкъ теперь гложетъ усы, что на томъ свѣтѣ онъ кормилъ только своего быка, а чужому ничего не давалъ, за то чужой быкъ и ѣстъ у него усы [1]. Проѣхавъ этого человѣка, они остановились у того мѣста, гдѣ расходятся три дороги: одна наверхъ—къ святымъ на небо, другая въ преисподнюю—къ злымъ духамъ, а третья, средняя, прямо къ нартамъ. Аминонъ приказалъ отвезти покойника прямо къ нартамъ, туда они и поѣхали по средней дорогѣ; подъѣзжаютъ и видятъ, что нарты всѣ сидятъ въ кружкѣ и, только что завидѣли покойника, встали передъ нимъ, а *Барастыръ* (хозяинъ рая) вышелъ впередъ и пригласилъ его занять въ кружкѣ первое мѣсто, говоря: ты былъ умный и хорошій человѣкъ, мы тебя знали и почитали, садись на первое мѣсто и распоряжайся у насъ всѣмъ; однако покойникъ отказался отъ перваго мѣста; тогда Барастыръ сказалъ: если ты не хочешь занять перваго мѣста и распоряжаться всѣмъ, то садись на послѣднее и прислуживай намъ; но покойникъ и отъ этого отказался, сказавъ нартамъ: я и на томъ свѣтѣ долго прислуживалъ всѣмъ и занималъ послѣднее мѣсто; тогда посадили его въ средину кружка и онъ остался такъ посрединѣ рая».

Подобныя рѣчи произносятся одинаково и бѣднымъ, и богатымъ, и добрымъ, и злымъ. Произнося ее, ораторъ обводитъ три раза кругомъ могилы коня въ полномъ уборѣ и даетъ конецъ узды въ руку умершаго. Осетины считаютъ, что съ этого момента покойникъ будетъ имѣть лошадь на томъ свѣтѣ. Остановившемуся у ногъ покойника оратору подносятъ на овчинѣ ячмень и въ деревянной чашѣ пиво; ячменемъ онъ кормитъ лошадь, а чашу, взявъ въ руки, разбиваетъ о голову или копыта лошади и обломки бросаетъ въ могилу. Такъ какъ, по понятію осетинъ, на томъ свѣтѣ каждый будетъ непремѣнно жить своимъ хозяйствомъ, то подведенная лошадь считается собственностію покойника, который и будетъ уже ѣздить на ней, а оставшійся послѣ него хозяинъ долженъ пріобрѣсти себѣ другую. Чтобы на на томъ свѣтѣ не явилось нѣсколько претендентовъ на одну и ту же лошадь, то ее подводятъ къ могилѣ только одинъ разъ. Подведенному коню обрѣзываютъ правое ухо, а въ прежнее время обрѣзывали ухо и женѣ покойнаго, которую также водили вмѣстѣ съ конемъ три раза около могилы, и ухо ея бросали въ могилу вмѣстѣ съ ухомъ лошади. По народному объясненію, это дѣлается

---

[1] Смыслъ этихъ словъ заключается въ обычаѣ осетинъ при паханіи земли впрягать въ плугъ нѣсколько воловъ, принадлежащихъ разнымъ хозяевамъ, такъ какъ рѣдкій изъ нихъ имѣетъ болѣе одного или двухъ воловъ. Работаютъ по очереди и столько дней, сколько каждый давалъ воловъ.

для того, чтобы покойный, на томъ свѣтѣ, могъ скорѣе узнать вещи ему принадлежавшія. Теперь уже не обрѣзываютъ ушей, и покойникъ довольствуется подстриженными у лошади волосами и вырванными клочками волосъ своей супруги; но этимъ примѣтамъ онъ отыскиваетъ ихъ на томъ свѣтѣ.

Въ послѣднее время, только тѣ женщины, которыя желаютъ остаться вдовами навсегда, отрѣзаютъ себѣ волосы и кладутъ ихъ въ могилу умершаго. Обрѣзываніе ушей и принесеніе ихъ на могилу осталось только въ дѣлахъ кровомщенія, и тогда отмщенный получаетъ для прислуги себѣ на томъ свѣтѣ раба, въ лицѣ того, кто за него убитъ.

Въ могилѣ покойника кладутъ лицомъ къ востоку. Затѣмъ одни только родственники засыпаютъ его землею и бросаютъ лопаты на могилѣ, изъ предразсудка, что, взятыя обратно въ домъ, они принесутъ несчастіе. Въ могилу кладутъ и тѣ вещи, которыя любилъ покойный или чѣмъ занимался, но преимущественно зарываютъ огниво, кремень, трутъ, трубку, табакъ, иглу для прочистки трубки, а съ младенцами кладутъ ихъ игрушки.

Предоставивъ женщинамъ дальнѣйшее оплакиваніе, мужчины спѣшатъ на поминки.

Осетины-христіане очень рѣдко ставятъ надъ могилами кресты, а большею частію ставятъ въ головахъ деревянный брусъ или каменную плиту, на верхнихъ концахъ которой у магометанъ придѣлывается шаръ. «Памятники по усопшимъ, пишетъ В. Переваленко, воздвигаются только тогда, когда оставшійся послѣ смерти родственникъ, жена или другъ покойнаго первоначально зарѣжутъ отъ 30 до 40 штукъ коровъ и такое же количество барановъ и козловъ, и тѣмъ угостятъ все населеніе. Безъ исполненія такого обряда воздвиженіе памятниковъ считается непозволительнымъ; многіе, желая удовлетворить своему тщеславію, закладываютъ имѣніе свое для исполненія этого обычая, а будучи потомъ не въ состояніи выкупить заложенное, должны бываютъ продать его за безцѣнъ и тѣмъ самымъ впадаютъ въ нищету».

Это не мѣшаетъ однакоже тому, что люди состоятельные обносятъ могилы заборомъ, строятъ на нихъ пирамиды, насыпаютъ курганы, а иные ставятъ плиты и на перекресткахъ дорогъ, чтобы прохожіе вспоминали о душѣ умершаго. Кладбище находится у осетинъ въ большомъ уваженіи; тамъ посторонній человѣкъ не имѣетъ права ни сидѣть, ни ходить. Семейства стараются хоронить вмѣстѣ, часто выкупаютъ убитаго на войнѣ или въ плѣну и привозятъ его для похоронъ на свое кладбище. Причина тому изложена выше. Отъ этого происходитъ то, что аулъ давно перенесенъ на другое мѣсто и далеко отъ прежняго, а кладбище осталось на старомъ мѣстѣ и въ немъ прибываютъ свѣжія могилы.

Послѣ зарытія могилы, производятся конскія скачки на разстояніи, впрочемъ, не болѣе семи верстъ. Кто первый прискачетъ, тотъ, по мнѣнію осетинъ, вѣроятно былъ болѣе всѣхъ любимъ покойникомъ и за то получаетъ подарокъ: быка или барана, смотря по состоятельности осиротѣвшаго семей-

ства; иногда у бѣдныхъ призъ составляетъ четвертая часть бычачьей шкуры, но за то у богатыхъ такой удалецъ получаетъ отъ вдовы до 40 коровъ. Часто скачку замѣняетъ такъ называемый *кабакъ* — стрѣльба въ цѣль по жерди, воткнутой въ землю и нерѣдко достигающей до десяти саженъ длины [1]. Кто попадетъ въ кругъ, сдѣланный на верху жерди, или сброситъ пулею кусочекъ, положенный на верхній конецъ жерди, получаетъ призъ.

Послѣ похоронъ преимущественно въ тотъ же день вечеромъ устраивается *мадани-хистъ*—такъ сказать ужинъ, на которомъ присутствующіе принуждаютъ родственниковъ умершаго разговѣться. Со дня смерти семья, родственники, а иногда даже и знакомые, не должны ѣсть ничего скоромнаго, причемъ мать, жена или сестра покойнаго, по обычаю осетинъ, должны поститься въ теченіе трехъ дней, а въ нѣкоторыхъ обществахъ цѣлый годъ, и носить трауръ, который состоитъ изъ повязаннаго на головѣ чернаго платка. Остальныя лица могутъ разговѣться, для чего собственно и устраивается *мадани-хистъ*. Каждый приглашенный на хистъ приноситъ съ собою пироги съ сыромъ, вареники съ медомъ и масломъ, а семейство покойнаго закалываетъ барана или теленка. Одинъ изъ стариковъ, вставъ посреди собравшихся, поминаетъ умершаго.

— Чристій-рухси-бидадъ, т. е. да пребываетъ въ свѣтѣ Христовомъ, отвѣчаютъ ему всѣ единогласно.

Затѣмъ, принудивъ, кого слѣдуетъ, разговѣться, раздѣливъ съѣстное на части, напившись и наѣвшись, всѣ расходятся по домамъ.

Три дня сряду послѣ похоронъ родственники собираются на могилу помолиться и поплакать. У дигорцевъ, въ теченіе первыхъ трехъ ночей, на могилѣ умершаго оставляется караулъ съ оружіемъ. По сказанію народа, въ одну изъ этихъ ночей шайтанъ (дьяволъ) имѣетъ привычку похищать трупъ и относить его въ адъ, на пищу страшнымъ фуріямъ.

Во многихъ мѣстахъ Осетіи, въ теченіе цѣлаго года, каждую пятницу вечеромъ, родственницы приходятъ на могилу для совершенія оплакиванія. Ставши рядомъ въ шеренгу, затянувъ *ада-дай* и обратившись лицомъ къ могилѣ, женщины колотятъ себя и, сдѣлавъ ударовъ пятьдесятъ, прекращаютъ молитву. Каждая подходитъ къ могилѣ, прикасается въ ней обѣими руками, показывая тѣмъ, что помнитъ о немъ. Затѣмъ женщины обходятъ всѣ могилы своихъ родныхъ, передъ каждою ударяютъ себя раза четыре въ лобъ, произносятъ столько же разъ *ада-дай* и затѣмъ, дотрогиваясь до могилы, произносятъ: sit vobis terra levis и расходятся по домамъ.

Мужчины въ этой церемоніи не принимаютъ никакого участія, точно также какъ не носятъ траура. Носить его мужу по умершей женѣ считается малодушіемъ. Послѣ смерти мужа вдова поступаетъ въ супружество его брата

---

[1] Стрѣльба эта заимствована у черкесъ и сохранила за собою почти тоже названіе. См. стр. 190.

и даже отца, если онъ вдовъ. Послѣ смерти жены, мужъ можетъ жениться на родной сестрѣ умершей (¹).

Родные обязаны въ теченіе года сдѣлать не менѣе трехъ поминокъ для всѣхъ жителей аула, родныхъ и знакомыхъ. Богатые дѣлаютъ такихъ поминокъ до 10 въ годъ, и при угощеніи устраиваютъ скачки, на которыхъ побѣдители получаютъ въ подарокъ вещи покойника. Поминки эти разоряютъ одинаково и богатаго, и бѣднаго; чѣмъ богаче наслѣдники умершаго, тѣмъ болѣе приходитъ къ нимъ знакомыхъ и тѣмъ больше расхода на угощеніе. Часто послѣ смерти богатаго осетина его семейство не имѣетъ у себя ни одного быка, ни одного барана—все ушло на угощеніе во время поминокъ, совершаемыхъ съ особымъ обиліемъ и пышностію. Прежде, при такихъ поминкахъ, въ честь умершаго сочинялись хвалебныя пѣсни, которыя пѣли дѣвушки хоромъ или особые пѣвцы. Теперь хотя и приглашаютъ пѣвцовъ, но они не сочиняютъ новыхъ пѣсенъ, а поютъ старыя—про подвиги и похожденія древнихъ народныхъ богатырей.

Осетины не имѣютъ сочиненныхъ пѣсенъ, а пѣвцы ихъ импровизируютъ каждый отдѣльный случай. Напѣвъ ихъ пѣсенъ, сопровождаемый монотоннымъ звукомъ балалайки, вообще заунывенъ и протяженъ и почти всегда состоитъ изъ слѣдующихъ слоговъ: *варай-да-ша-ва-ри-ра*.

Приюрнувъ кружкомъ у пылающаго на очагѣ дуба или развалившись на рогожахъ и плетенкахъ, далѣе или ближе къ дверямъ, смотря по тому, кто какимъ пользуется уваженіемъ, осетины слушаютъ импровизацію своихъ бардовъ.

Обычай, по которому всѣ, кто только въ родствѣ съ покойнымъ, должны навестить семейство, заставляетъ послѣднее каждую пятницу дѣлать у себя въ домѣ малыя поминки для пріѣзжихъ.

IV.

Народное управленіе. — Происхожденіе сословій и ихъ права. — Кровомщеніе. — Плата за кровь и другія преступленія. — Гостепріимство.

До подчиненія осетинъ русскому правительству, въ народѣ всякое общественное дѣло рѣшалось *нихасомъ* — совѣтомъ, который сходился тогда

(¹) Религіозные обряды осетинъ и проч. Шегрена Кавк. 1846 г. № 29. Поѣздка въ Кударское ущелье В. Переваленко Кавк. 1849 г. № 40. Изъ записокъ объ Осетіи Н. Берзенова Кавказъ 1852 г. № 67 и 68. Дигорія его же Закавк. Вѣст. 1852 г. № 39. Похороны у осетинъ алагирцевъ С. Жускаева Закавк Вѣст. 1855 г. № 9. Осетины и проч. Терскія вѣдом. 1868 г. № 11.

DATE DUE

... 2 '88			
MY 18 '87			

DEMCO 38-297

